

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2022

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2022

Том 28

№ 3

Июль – Сентябрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2022

Volume 28

№ 3

July – September

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ГОРЛОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA GORLOVA
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literary Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Виноградов А.Е.**
Три центра Руси:
от реальной географии к мифической
- 16 **Сараева Е.Л.**
Властная система эпохи Петра Великого
в политико-правовом дискурсе М.М. Сперанского
- 25 **Зайцев Л.Н.**
Леонтий Васильевич Дубельт –
государственный и общественный деятель
Российской империи первой половины XIX века
- 33 **Яковенко С.Н.**
Подготовка советской железнодорожной сети
на западном направлении к вероятному
военному конфликту в начале 1940-х гг.
- 37 **Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С.**
Подготовка инженерно-технических кадров
для предприятий текстильной промышленности
в предвоенный период
- 45 **Сидорчук И.В.**
Экскурсии в контексте политизации массового досуга
в советской России в 1917–1935 гг.
- 52 **Зябликов А.В.**
Формирование советской идентичности
средствами отечественного кинематографа
в 1920–50-е гг.: к постановке проблемы
- 63 **Полугодин А.Д.**
Проблема изучения административного коллаборационизма
в годы Великой Отечественной войны
в современной отечественной историографии
- 76 **Пуневский Я.В.**
Современная историография
городского самоуправления в России
во второй половине XIX–XX вв.
- 82 **Турьгин А.А., Бахареv И.С.**
Образ Российской империи
в воспоминаниях Франсиско де Миранды

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 89 **Ермолаева Н.Л.**
Комические сравнения в эпическом романе
(«Обыкновенная история» И.А. Гончарова)
- 97 **Фредерик-Гаэль Терио**
Психические и поведенческие расстройства героев
в пьесе А.П. Чехова «Предложение»
- 103 **Громов А.В.**
Абсурд водевилей А.П. Чехова как форма осмысления
последнего фазиса уходящей эпохи
- 109 **Коптелова Н.Г.**
Образ старика
в поэзии А. Блока 1900-х гг.
- 117 **Колчанов В.В., Косякова С.А.**
К мотиву катабасиса
в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»
- 127 **Скороходов М.В.**
Музейное усадебоведение:
создание достопримечательных мест
как способ сохранения литературных ландшафтов
- 134 **Ильинных А.В.**
Оппозиция «ад – рай»
в поэзии Ю.П. Кузнецова
- 140 **Склизкова Т.А.**
Авторское представление об английскости («englishness»)
в романе «Мэнсфилд парк» Дж. Остин
- 146 **Белопухова О.В.**
Функциональная значимость образа И.С. Тургенева
в драматической трилогии Т. Стоппарда «Берег Утопии»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.E. Vinogradov**
The three centres of Rus':
from real geography to mythical one
- 16 **Ye.L. Sarayeva**
The power system of the era of Peter I of Russia
in political and legal discourse of Mikhail Speransky
- 25 **L.N. Zaitsev**
Leontiy Vasil'yevich Dubel't –
statesman and public figure of the Russian Empire
in the 1st half of the 19th century
- 33 **S.N. Yacovenko**
Preparation of the Soviet railway network
in the western direction for a possible
military conflict in the early 1940s
- 37 **V.S. Belgorodsky, S.G. Dembitsky, V.S. Okolotin**
Training of engineering and technical personnel
for textile industry enterprises
in the pre-war period in the USSR
- 45 **I.V. Sidorchuk**
Excursions in the context of the Politicisation
of mass leisure in Soviet Russia in 1917–1935
- 52 **A.V. Zyablikov**
Formation of Soviet identity by means
of domestic cinematography in the 1920–50s:
to the problem statement
- 63 **A.D. Polugodin**
The problem of studying administrative collaborationism
during the Nazi occupation in modern Russian
historiography
- 76 **Ya.V. Punevsky**
Modern historiography
of municipal self-government in Russia
in the 2nd half of the 19th – the 20th centuries
- 82 **A.A. Turygin, I.S. Bakharev**
The image of the Russian Empire
in the memoirs of Francisco de Miranda

SCIENCE OF LITERATURE

- 89 **N.L. Ermolaeva**
Comic comparisons in the epic novel
("A Common Story" by Ivan Goncharov)
- 97 **Frédéric-Gaël Theuriau**
Mental and behavioural disorders
in "The Proposal" by Anton Chekhov
- 103 **A.A. Gromov**
The absurdity of Anton Chekhov's vaudevilles as a form
of comprehension of the passing era
- 109 **N.G. Koptelova**
The image of the old man
in Alexander Blok's poetry of the 1900s
- 117 **V.V. Kolchanov, S.A. Kosyakova**
The catabasis motif
in «The Fatal Eggs» by Mikhail Bulgakov
- 127 **M.V. Skorokhodov**
Museum homestead science:
landmarks as a way
to preserve literary landscapes
- 134 **A.V. Ilinykh**
The opposition "hell – paradise"
in the poetry of Yuriy Kuznetsov
- 140 **T.A. Sklizkova**
The author's idea of Englishness
in the novel "Mansfield Park" by Jane Austen
- 146 **O.V. Belopukhova**
Functional significance of Ivan Turgenev's character in the
dramatic trilogy "The Coast of Utopia" by Tom Stoppard

- 153 Гущина А.И.**
Образ Родины
в прозе Бернхарда Шлинка
- 158 Хабутдинова М.М.**
Наки Исанбет и татарские рукописные журналы
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 166 Ганцовская Н.С.**
Фольклорные стереотипы как стилистическая примета
пьес А.Н. Островского: речь свах
- 173 Ильина Е.Н.**
Домашняя утварь в языковой картине мира
жителей Белозерья
- 180 Галкина Н.П.**
Ключевые слова в аспекте частотности
и тематической релевантности
- 186 Крашенинникова Ю.А.**
«Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)»
(об одной рукописи Государственного архива
Костромской области)
- 194 Магомедов А.Д., Гашарова А.Р.**
Отражение инокультурных влияний
в фольклоре и языках народов Дагестана
- 200 Нью Анна**
Объём тела человека и его оценка
в русской языковой картине мира
на фоне китайской

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 208 Безносова Я.В.**
Подготовка юридических кадров среднего звена в СССР
(на примере Горьковской юридической школы)
- 214 Кобзарев Ф.М., Кобзарев П.Ф.**
Особенности взаимодействия суда и прокурора
в процессе доказывания в ходе досудебного производ-
ства по уголовному делу
- 220 Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б.,
Полякова Е.В., Агагулиев Г.А.**
Основные физиологические и пантомимические марке-
ры сокрытия информации (лжи) у причастных лиц
и симулянтов
- 226 Костина К.В., Имамов А.А.**
Саморегулируемые организации: контроль за деятель-
ностью своих членов как новый механизм негосудар-
ственного стимулирования добросовестного поведения
субъектов предпринимательства
- 231 Метельков А.Н.**
Государственный механизм США
в борьбе с ядерным терроризмом
- 241 Бекренев П.Ю., Хлестакова Л.А., Мельников И.Н.**
Американская и европейская модели ограничения права
собственности на земельные участки и их влияние на
регулирование данных отношений в России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 247 Большакова Н.В., Неганова Г.Д.**
«Громовские чтения» в контексте научных изысканий
и профессиональных оценок

ПОРТРЕТЫ

- 252 Секованов В.С.**
Олег Георгиевич Смолянов

263 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

- 153 A.I. Gushchina**
The Homeland representation
in the works by Bernhard Schlink
- 158 M.M. Khabutdinova**
Naki Isanbet and Tatar handwritten journals

SCIENCE OF LANGUAGE

- 166 N.S. Gantsovskaya**
Folklore stereotypes as a stylistic feature of Alexander
Ostrovsky's plays: speech of matchmaker women
- 173 E.N. Ilyina**
A Household Utensils in the Language Picture of the World
of the Inhabitants of Belozerie
- 180 N.P. Galkina**
Keywords in terms of frequency
and thematic relevance
- 186 Yu.A. Krashenninnikova**
«Wedding in Songs and Rites (in Kostroma County)»
(about one manuscript from the State Archive
of the Kostroma Region)
- 194 A.D. Magomedov, A.R. Gasharova**
Reflection of foreign cultural influences
in the folklore and languages of the peoples of Dagestan
- 200 Niu Anna**
Human body volume and its assessment
in the russian language picture
of the world against the background of Chinese

JURAL SCIENCE

- 208 Ya.V. Beznosova**
Training of middle-level legal specialists in the USSR
(in terms of Gorky law school)
- 214 F.M. Kobzarev, P.F. Kobzarev**
Features of interaction between the court and the prosecutor
in the process of proof during pre-trial proceedings
in a criminal case
- 220 E.V. Goncharenko, S.B. Taisaeva,
E.V. Polyakova, G.A. Agaguliev**
The main physiological and pantomimic markers
of information concealment (lie)
in involved persons and malingerers
- 226 K.V. Kostina, A.A. Imamov**
Self-regulatory organisations:
control over the activities of its members as a new
mechanism of non-state incentives of honest behaviour of
business subjects
- 231 A.N. Metelkov**
State mechanism of United States
in the fight against nuclear terrorism
- 241 P.Y. Bekrenov, L.A. Khlestakova, I.N. Melnikov**
American and European models of land ownership
restrictions and their impact on the regulation of these
relations in Russia

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 247 N.V. Bolshakova, G.D. Neganova**
«Gromov readings» in the context of scientific research
and professional assessments

PORTRAITS

- 252 V.S. Sekovanov**
Oleg Georgiyevich Smolyanov

263 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 7–15. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, vol. 28, № 3, pp. 7–15. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)“04/14”

EDN ISMHPX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-7-15>

ТРИ ЦЕНТРА РУСИ: ОТ РЕАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ К МИФИЧЕСКОЙ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Локализация упоминавшихся исламскими авторами трех городов/центров ранней Руси затруднена в связи с существенными различиями версий этого сюжета. Однако традиционная ориентация большинства исторических трактовок на восточнославянские средневековые реалии не находит подтверждения в нарративных и археологических данных. Изначальное ядро сюжета было связано с государственно-политическими образованиями, оставившими памятники Салтово-маяцкой археологической культуры в бассейне Дона и его притоков. Впоследствии, после гибели части этих образований, этот реальный сюжет обрастает легендарными подробностями, арабские географы меняют локацию некоторых его основных точек на юг от Кавказа. В историческую канву вплетаются нити библейских повествований о князе или народе Рош, связанных с Малым Кавказом или Малой Азией.

Ключевые слова: Артаня, Куйаба, Славия, Русь, Библия, средневековая география, Салтово-маяцкая культура.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Три центра Руси: от реальной географии к мифической // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 7–15. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-7-15>

Research Article

THE THREE CENTRES OF RUS': FROM REAL GEOGRAPHY TO MYTHICAL ONE

Alexey E. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Russia, Moscow, alwynor@mail.ru

Abstract. The localisation of the three cities / centres of early Rus' mentioned by Islamic authors is complicated due to significant differences in the versions of this plot. However, the traditional orientation of most historical interpretations to Eastern Slavic medieval realities does not find confirmation in narrative and archaeological data. The original core of the plot was connected with the state-political formations that left the monuments of Saltovo-Mayaki archaeological culture in the basin of the Don and its tributaries. Subsequently, after the destruction of some of these formations, this real plot acquires legendary details, Arab and Persian geographers change the location of some of its main points to the south of the Caucasus. The threads of biblical stories about the prince or the people of Rosh, connected with the Lesser Caucasus or Asia Minor, are woven into the historical canvas.

Keywords: Arthania, Kuyaba, Slawiya, Rus', Bible, medieval geography, Saltovo-Mayaki culture.

For citation: Vinogradov A.E. The three centres of Rus': from real geography to mythical one. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 7–15 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-7-15>.

Введение

Восточные источники неоднократно сообщали о наличии у ранней средневековой Руси (ар-Рус) трех центров-политий: Куйаб, Славии (с городом ас-Салав) и Артании (с городом Арта или Арса). Устойчивость этого предания и его оригинальность по сравнению с данными древнерусских и западноевропейских письменных источников породили длительную непрекращающуюся дискуссию среди специалистов о локализации указанных центров и их отношении к Древнерусскому государству.

В частности, ал-Истахри сообщал о том, что из трех племен русов одно «ближе к Булгару, и царь живет в городе, называемом Куяба, который... больше Булгара. Другое племя называется Славия и еще племя называется Артания, а царь его находится в Арте. Купцы прибывают в Куябу. Что же касается Арты, то никто туда не входит, ибо они [жители] убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле: только что они спускаются по воде и торгуют... Из Арты вывозятся черные соболы и свинец» [Гаркави: 193]. Аналогичные сведения приводил Ибн Хаукаль, добавлявший к сведениям о ксенофобии жителей Арсы и перечню вывозимого оттуда еще черных лисиц [Гаркави: 221]. Анонимный автор составленного в 980-е гг. на основании более ранних хроник сочинения «Пределы мира от Востока до Запада» («Худуд ал-'алам мин ал-машрик ил ал-магриб») помещал все три «группы» русов в бассейне «Русской реки» (реки Рус), которая «вытекает из глубины страны славян и течет на восток, пока не достигнет границ русов. Далее она проходит границы Уртаб, Слаб и Куйафа, которые являются городами русов, и пределы Кифджак. Затем она меняет направление и течет на юг к пределам печенегов и впадает в Аттил» [Hudud al Alam: 75].

К настоящему времени разногласия вызывает в основном местоположение Арты: от острова Рюген до Арзамаса, Рязани, Гнёдова, Чернигова и Тьмуракани (см. обзор) [Войтович]. Что касается Куйабы и ас-Салава, то отождествлять их соответственно с Киевом и с новгородскими словенами склонна большая часть исследователей, такая локализация, мол, произведена «достаточно достоверно» [Дубов: 91]. По некоторым оценкам, мнение о том, что Куйаба это Киев «общепринято» [Калинина: 94], «в этом, кажется, никто не сомневается» [Новосельцев 1986: 102]. Вместе с тем особенности восточного сюжета с делением Руси на три центра, причем во главе с самостоятельными «царями», номенклатурой вывозимых из нее товаров, прежде всего свинца или олова, неясностью отношения ее к славянам, которых почти все ранние восточные источники отделяют от Руси, наконец, указатели положения Куйабы где-то недалеко от Булгара и (во всяком случае, в вер-

сии «Худуд ал-алам») всех трех центров в бассейне реки, впадающей в Волгу (Аттил, Итиль), заставляют думать, что и это «общепринятое» отождествление вызвано не столько силой доказательств, сколько стремлением ввести «трудные» топонимы в ясную и вписывающуюся в традиционные исторические концепции систему географических координат.

Показательно, что наиболее яркая отличительная деталь рассказа из «Пределов мира», выбивающаяся из этой системы, о дислокации всех трех центров на реке Рус(а) иногда игнорируется или опускается в некоторых публикациях источника (например [Древняя Русь: 55–56]).

Д.Е. Мишин признает разницу между основной версией и данными этого источника: «какую бы идентификацию мы не избрали, поместить на “реке русов” “Худуд-аль-алам” Киев не удастся», пытаюсь отнести соответствующий сюжет, как и ряд других, к собственным представлениям/измышлениям анонимного автора [Мишин 2020: 60, 63]. Однако О.Б. Бубенок отмечает, что помимо собственных представлений их автора, «Пределы мира» сохранили «фрагменты тех сочинений мусульманских авторов, которые не дошли до наших дней» [Бубенок: 86]. Аналогичного мнения придерживается Е.С. Галкина, при этом подчеркивая, что часть географических сюжетов в этом источнике отражена «более адекватно», чем у других ранних восточных авторов [Галкина: 87].

Не случайно некоторые ученые, анализируя свидетельства «Пределов мира» и других восточных источников, стремились отойти от «удобного» мейнстрима, располагая три центра Руси на границе или даже за границей восточнославянского ареала. Так, П.П. Смирнов помещал Славия на Верхней Волге, а Куйабу и Артанию – в Волго-Окском междуречье [Смирнов: 193–207], Д.Т. Березовец – в пределах салтово-маяцкой археологической культуры (СМК), между Волгой и Северским Донцом [Березовец: 72]. На наш взгляд, у подобных точек зрения есть серьезные основания. Помимо вышесказанного, нельзя не отметить, что сближение форм «ас-Салав» или «ас-Славия» с этнонимом *словене* или *славяне* весьма сомнительно. Во-первых, топоним или хороним имел у мусульманских авторов и другие, сильно различающиеся наименования: Слабах, Силак, Джалаба, Атлавия, Глава [Гаркави: 199; Новосельцев 1965: 317–318; Мишин 2020: 60]. Но в любом варианте они расходились с названием славян, которое в арабских и использовавших их этнонимии других восточных источниках (в том числе касавшихся «трех центров», тех же «Пределов мира» [Hudud: 75, 76]) неизменно передавалось как «ас-саклаб», «ас-сакалиба».

Различие вариантов названия Куйаба (Куйафа, Куана, Кукийана, Карбая, Кутаба, Каная, Каркаяна и др.) тоже было большим, и при этом также все они отли-

чались от древнерусской формы Киев, Киев. Собственно форма, действительно напоминающая Киев, Кийава, появляется в восточной литературе только в XII в. [Новосельцев 1965: 320].

Объекты и методы исследования

Эти отличия подчеркивает тот факт, что восточные авторы не знали о существовании реки, на которой собственно стоял Киев – Днепра [Новосельцев 1986: 102]. Сомнения в том, что крупный административно-торговый центр Куйафа-Куйаба ранних мусульманских источников, восходящих к сведениям первой половины – середины IX в., – это Киев, укрепляют археологические материалы. Согласно этим данным, славянские среднеднепровские поселения до конца того столетия демонстрировали «полное отсутствие» признаков торгового и политического центра [Щавелев, Фетисов: 282]. Что касается первого из «центров русов», то единственный из восточных авторов, лично посетивший его, правда, уже без указания на «русов», – Ибн-Гарнати – уже в XII в. оставил характеристику его населения (в основном «тюрок»), столь далекую от представлений о Киеве, что это заставило удивиться современного редактора его записок [Большаков: 121].

Нельзя не вспомнить, что река, которой плыл ибн-Гарнати от Булгара и в контексте которой он помещает Куйаву, носила у него название «Славянской» («нахр ас-сакалиба»). Речь явно не шла о Волге, так как путешествовавший по восточной Европе двумя столетиями ранее ибн-Фадлан не упоминал в ее контексте о русских городах. Это и не Днепр, речной путь к которому от Булгара даже с учетом переволоков практически нереален. Скорее всего, речь шла о Доне и его притоках, которые в восточной традиции традиционно изображались связанными с Волгой [Коновалова: 127; Судаков: 28], что, видимо, отражало близкое расположение русел рек и логистические процессы. «Славянская река» – Дон, видимо, соответствует более ранней «Русской реке» из «Худуд-ал-алам», так как описание племен, живших вдоль нее, поворотов ее русла ложится в канву этногеографии IX в., к которому относились основные восточноевропейские данные этого источника.

Смена «этноназвания» реки, видимо, была связана с этнополитическими процессами в регионе. Ал-Бекри во второй половине XI в. писал о том, что «главнейшие из племен севера», в том числе Баджанакия (Печенеги), Русы и Хазары заговорили на языке славян, потому что «смешались с ними» [Куник, Розен: 54]. И по данным археологов, еще в X в. увеличение славянского населения происходило даже в низовьях Дона, в Саркеле [Григорьев: 120].

Что касается двух других центров русов, то их локализация в районе Дона во всяком случае в IX в. также, на наш взгляд, вполне вероятна. В.Ф. Минорский

вслед за другими авторами признавал возможность того, что рассказы об убийствах чужеземцев в Арте навеяны повествованиями Геродота об андрофагах – «людоедах» из этника, отмечавшегося в связи с походом Дария в Скифию. Что касается товаров, якобы вывозившихся из Арты/Уртаба, то круг их менялся: в частности, олово «превращалось» в свинец, черные лисицы заменялись на черных леопардов и т. д. Также немаловажной представляется особенность локализации Арты и Салавы: в отличие от Куйафы, положение которой к внешним центрам («мусульманам», Булгару) давалось более или менее точно, они «привязаны» в расстояниях дневных переходов в лучшем случае между собой или к Куйафе. Это обстоятельство, как и тот факт, что в Арте и Салаве никто из известных авторов-путешественников средневековья не был, наводит на мысль об их мифологичности, что, собственно, уже неоднократно подозревалось в отношении Артании [Кирсанов: 65].

В этой связи часто на первый план выдвигается концепт, который в известной мере является конкурентом или, как считается, предшественником концепта трех центров Руси, а именно «русского острова», впервые появляющегося у Ибн-Русте (X в.).

Однако, согласно Е.С. Галкиной, первичной была речная, донская локализация русских городов-центров, связанная с торговым путем и отраженная в «Худуд-аль Алам». Смена этой географической реальности была вызвана тем, что торговая магистраль по «реке Рус», судя по данным археологии, перестала существовать во второй трети IX в. [Галкина: 89]. Однако автор, на наш взгляд, напрасно попыталась совместить «речной» континуум с «островным» за счет тонкости арабской терминологии, где «остров», «полуостров» и вообще ограниченное водой пространство могут обозначаться одним словом. Логичнее было бы предположить, что нашествия мадьяр, а затем печенегов в первой половине IX в., которые, собственно, и стали причиной прекращения донского торгового пути, привели к оттоку русов в более далекие от кочевников места, в том числе на Тамань.

Ранее же географический ареал русов распространялся в том числе вдоль восточного отрезка реки Руса согласно «Пределам мира», что соответствует данным о памятниках СМК, отмечаемых археологами в том числе вплоть до Волго-Донского междуречья [Кияшко: 87]. Оно, по крайней мере, не противоречит и данным «Худуд аль алам» о номенклатуре товаров Руси, совсем не обязательно транзитных. В частности, оригинальные мечи вполне могли вырабатываться в центрах СМК. Там имелось высокоразвитое по меркам того времени чернометаллургическое производство [Степовой]. Меха вполне могли поставляться из междуречья Северского Донца – Дона: в эпоху СМК оно в значительной степени заросло лесами [Ко-

лода, Чендев, Борбукова, Дудин: 258], а кости диких животных, в большом количестве встречаемые на памятниках культуры, свидетельствуют о значительной роли охоты в жизни ее носителей [Плетнева: 148].

Что касается сведений старых источников, фиксировавших «русов» в других местах, то, как и в случае с Куйафой, постепенно происходит изменение топонимов. Так, Уртаб «Худуд аль алам» превращается в «Арсания» – «Артания». По нашему мнению, предполагать здесь обычную конъектуру «с позиций арабской графики» [Галкина: 92] – значит пойти по легкому, но, возможно, не самому верному пути. Ведь наряду с коррекцией названия появляются, как уже было сказано, и новые подробности о третьем русском центре, в первую очередь о вывозимых из нее товарах. Это выглядит странным на фоне того, что сама локализация уже не Уртаба, но Арты/Артании становится у восточных авторов более туманной; «арабские сообщения не дают почти никаких сведений о местонахождении Артании» [Жарасик: 304]. Остается предположить, что мифологизирующийся старый сюжет обрастал подробностями за счет каких-то более известных арабам и персам географических точек.

Подобная мифологизация бывала и в других случаях, когда сюжеты из античной географии о скифах, сарматах, амазонках и др. переключивались к средневековым авторам, и их привязка – ко все менее узнаваемым Рифейским горам, Алтарям Александра – менялась в соответствии с новой границей ойкумены, как, например, у Адама Бременского – на удаленные уголки Балтики. Учитывая большое количество заимствований в восточные географические трактаты из европейско-античного наследия, не удивительным было бы и заимствование аналогичной традиции переноса новой географической реальности.

И в этой связи «номенклатура товаров» Арсы-Артании показательна. Отсутствие средневековых разработок олова и/или свинца практически во всей Восточной Европе заставляло исследователей предполагать, что «русский центр» в действительности был только посредником в торговле этими металлами, а сами месторождения, мол, находились на Урале, в Карелии или даже в Скандинавии. Появление же в списке товаров шкур черных леопардов подается как искажение из «области более поздних фантазий» [Войтович: 14].

Однако если отрешиться от желания втискивать этот сюжет в заранее определенный историко-географический контекст, то можно заметить любопытное совпадение локаций двух товарных групп, причем в регионе, более близком средневековым арабам и персам. В частности, следы древнего производства олова отмечались в регионе от Центрального Кавказа до Восточной Анатолии [Авилава: 56, 95]. Торговля

этим металлом занимала в жизни населения Кавказа «особое место», через Кавказ оно вывозилось в страны Востока [Гасанов: 107].

То же можно сказать и о свинце, добывавшемся в Халдии южнее Трапезунда. Об «армянских» рудниках свинца упоминают сирийские источники [Тер-Гевандян: 178]. В том же обширном регионе был широко распространен и кавказский леопард (барс), чей цвет мог приобретать, в зависимости от мутационного всплеска, практически черный оттенок.

Другое любопытное совпадение в том же географическом контексте связано с фонетической парой Артания/Арсания, которая так занимала исследователей вопроса. Так, Е.С. Галкина, с одной стороны, приходила к выводу, что обе части пары «не связаны ни с одним топонимом или этнонимом», с другой – все же пыталась показать, что такая ротация согласных характерна для аланских диалектов [Галкина: 92–93].

Между тем это якобы «не связанное» ни с чем сочетание Арта/Арса давно и достаточно заметно наблюдается в так называемой Южной (Турецкой) Грузии, средневековом районе Тао-Кларджети, где Арсианский горный хребет пересекает область под названием Артани (Артаани) с одноименным городом. Еще Птолемей упоминал в этих краях Ἀρτάνιζσα [Claudii: 46]. Немного к западу от той же области расположен город и крепость Артанудж, которую из-за ее труднодоступности в IX в. грузинские цари и эриставы определяли как свое «убежище» [Картлис Цховреба: 91]. Да и все Тао Кларджети оставалось для остального, во всяком случае арабомусульманского мира, достаточно закрытым регионом, во всяком случае хорошо информированные, упоминавшие множество подробностей о соседних областях и городах (Тифлис, Трапезунд, Эрзерум и др.) ранние восточные авторы, как следует из анализа их рассказов [Караулов 1901, 1903, 1908] топонимию Южной Грузии обходят стороной. Возможно, это было связано с тем, что фактически это был враждебный арабским завоевателям горный регион с множеством крепостей. В то же время Артанудж находился на пересечении важных торговых путей, имея с этого расположения значительные доходы [Мурадалиева: 65–66]. На наш взгляд, этот парадокс и мог быть отражен в рассказах о «русской» Артании, где к иноземцам (вооруженным?) относились враждебно, но при этом были активно встроены в международную торговлю.

Фонетическое сходство топонимов, а также информация о средневековых регионах к северу и югу от Кавказа могли быть просто случайным совпадением, если бы серьезному географическому «перемещению» одного из центров Руси не нашлось бы иного объяснения.

По нашему мнению, дело заключается в феномене широкого использования в средневековом географическом нарративе библейских сюжетов. Это касалось не только христианской литературы, но и арабо-мусульманских сочинений, активно заимствовавших фрагменты текстов европейских авторов. В частности, образ грозных северных народов Гог и Магог многократно использовался у мусульманских писателей (Яджудж и Маджудж, варвары далекой ойкумены, готовые обрушиться на остальной мир [Гаркави: 25–26, 75, 125, 138, 179]). В Ветхом Завете спутником этих народов выступает Рош, в котором видят то личное имя легендарных правителей Урарту (Руса), то еврейский титул «правитель». Однако в Септуагинте Рош обозначен как этноним, в одном ряду с Гог и Магог, а также Мешех и Фувал (Тубал). Последний этнос локализуется в Малой Азии, а Мешех часто отождествляется с месхами-картвелами, занимавшими в древности значительную территорию западного Закавказья [Петросян: 550]. И именно в греческих текстах легендарный этноним Рош впервые сопоставляется с грозными варварами Рос, обрушившимися на Византию в IX в.

Поскольку греческий перевод Библии получил определенную популярность у ученых арабов, нетрудно предположить заимствование и этого образа. При этом сопровождающие его Яджудж и Маджудж в восточных переводах приобрели более размытые географические черты. Они переселяются и поближе к «Рош», т. е. уже Ар-Рус, Русам в Восточную Европу. В частности, у Ибн-Хаукаля (X в.) русы соседствуют с Яджудж и Маджудж и выступают их торговыми партнерами в операциях с другими народами, в частности в хазарском городе Итиль [Караулов 1908: 113]. Но поскольку знания об ойкумене в зависимости от времени и географической школы арабов сильно различались, ничего удивительного в том, что и русы «передвигались» в пространстве вместе с легендарными варварами, и с народом Мешех тоже. Последняя смена локаций тем более вероятна из-за исчезновения реальных центров Руси Уртаб и Салав в Подонье. Мусульманские географы, с одной стороны, имели данные о них в старых источниках, с другой – более актуальные сведения торговцев и путешественников свидетельствовали об их отсутствии в зафиксированных ранее точках. В этой связи точная локализация Салава в источниках «подвисла», а что касается второго центра, то часть ученых исламских авторов, возможно, «переместила» топоним из реальной в среду библейской географии, где имелись созвучия отдельных топонимов и этнонимов. Так, по предположению Д.В. Смокотинной, «представляется возможным говорить об общих местах арабского рассказа об Арсе и библейского рассказа о стране Арсарет» [Смокотина: 10] (т. е. о северном порубежье Ассирии. – А. В.).

Возможное решение вопроса о локализации не снимает вопроса об интерпретации топонимии русских центров. Хотя существовало убеждение в том, что «арабы все наименования местностей и городов старались приурочить к формам арабских слов» [Караулов 1908: 19], все же можно попытаться восстановить их изначальную форму, учитывая, что упомянутая топонимия известна в ряде случаев и по персидским источникам. Необходимо учитывать, что пояснения авторов относительно роли каждого из упомянутых центров, его местоположения и др., уже не раз служили поводом для соответствующих интерпретаций (например, враждебная чужеземцам Артанья, дескать, это угрская «страна на запоре», «туда никого не пускают» [Карасик: 305]). Однако ввиду упорной привязки минимум двух из трех топонимов к восточнославянским землям эти интерпретации не системны и, более того, на наш взгляд, ведут исследователей в тупик.

Совсем по-другому обстоит дело, если отбросить традиционные трактовки и обратиться к диалектам, которые, по нашему мнению, играли роль своего рода *lingua franca* в языке ранней Руси, т. е. производным от латыни [Виноградов 2020а; Виноградов 2020b]. Что касается Куяфы-Куябы, то таким индикатором топонима может послужить указание на его роль стольного града, «места пребывания царя». В таком случае привлекает внимание рум. *cuib*, *cuib* (от лат. *cubile* «гнездо, местопребывание») – «гнездо». Напрашивается аналогия со средневековой традицией, определявшей таким образом старейший, старший город (в частности, польский Гнезно).

Уртаб, если мы допускаем именно такую древнейшую форму второго русского топонима, в таком случае может иметь отношение к многочисленным народно-латинским производным от *urgere* (ср. итал. *urta* «испытывать вражду, нападать»), соответствующим роли города, враждебного иностранцам. Нельзя не вспомнить также указания восточных авторов на то, что русы «находятся в непрерывной вражде» с приазовскими болгарами, печенегами и др. В контексте теории Д.Т. Березовца – Е.С. Галкиной это означало бы пограничный с ареалом указанных племен IX в. город в бассейне Нижнего Дона.

Что касается Славии, Салава, то ключевое ее определение, на наш взгляд, – это то, что данная группа с соответствующим городом «самая отдаленная» (очевидно, не только от центров исламского мира, но и соседних племен). Учитывая указанную «непрерывную вражду», можно предположить, что в такой геополитической обстановке его могли, как Артануджи, называть чем-то типа «убежища», и аналогии с лат. *salva* «находящаяся в неприкосновенности» нам кажутся здесь вполне уместными.

Заключение

Гибель части центров Руси под натиском кочевников, ассимиляция начальной Руси соседними племенами, очевидно, отодвинули эту историю в область смешения с другими географическими образами и библейскими легендарными сюжетами. Подобное смешение уже отмечалось для многих восточных компиляций [Мишин 2014: 7].

Реальные же города Куйаб, ас-Салав и Артаня (Арта), точнее, то, что от них оставалось, засвидетельствованы, вероятно, как «городища каменные» в «Книге большому чертежу» и других источниках периода освоения Московским государством степи. Они же – городища СМК, раскопанные или еще не раскопанные археологами. Куйафа-Куяба просуществовал дольше других и упоминался в контексте уже не русов, а славян и тюрок. Соответственно, древнерусским летописям он мог быть известен уже как один из «половецких городов» в Донском бассейне.

Список литературы

- Авилова Л.И.* Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. Москва: ИА РАН, 2018. 248 с.
- Березовец Д.Т.* Про і'мя носіїв салтівської культури // Археологія. Київ, XXIV, 1970. С. 59–74.
- Большаков О.Г.* Путешествие Абу Хамада ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Москва: Наука, 1971, 134 с.
- Бубенок О.Б.* Сведения «Худуд ал'Алам» о болгарях и степень их достоверности // Хазарский альманах. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. Т. 15. С. 66–88.
- Виноградов А.Е.* Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. 2020а. № 4 (40). С. 8–21.
- Виноградов А.Е.* О «росских» названиях днепровских порогов в De administrando imperio // Вестник Костромского государственного университета. 2020б. Т. 26, № 3. С. 7–13.
- Войтович Л.В.* Хольмгард – Новгород: загадки истории Руси X – первой половины XI века // Вестник Удмуртского Университета. Сер. 7: История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 7–18.
- Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // Rossica antiqua. 2010. Вып. 1. С. 54–98.
- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с. пол. VIII до конца X по Р. X.). СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1870. VIII; 308 с.
- Гасанов М.Р.* Из истории торгово-экономических связей народов Кавказа (вторая половина I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С. 106–112.
- Григорьев А.В.* Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 94–127.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. Т. 3: Восточные источники / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
- Дубов И.В.* Летописный Ростов – столица Ростовской земли // Современность и археология: тезисы докладов, посвященных 25-летию Староладожской экспедиции. СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 91–93.
- Калинина Т.М.* Каспий, хазары и Куйаба (куманы?) на прямоугольной карте «Книги чудес» XI в. // Хазарский альманах. Москва, 2017. Т. 15. С. 89–103.
- Карасик А.М.* К вопросу о третьем центре древней Руси // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 35. С. 304–305.
- Караулов Н.А.* Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. X. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 1–73.
- Караулов Н.А.* Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. X. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903. Вып. 32. С. 1–63.
- Караулов Н.А.* Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. X. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1–130.
- Картлис Цховреба. История Грузии / под ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артанунджи, 2008. 456 с.
- Кирсанов Е.В.* Историография локализации трех центров русов восточных авторов // Гуманитарные и юридические исследования (Ставрополь). 2018. № 4. С. 62–72.
- Кияшко Я.А.* Памятники салтово-маяцкой археологической культуры на территории Волго-Донского междуречья // Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям: сб. статей / под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 83–93.
- Коновалова И.Г.* Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы: 1998 / отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 126–133.
- Куник А.А., Розен В.В.* Разыскания Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1878. VI+191 с.

Мишин Д.Е. О некоторых вопросах интерпретации сведений описания северных народов неизвестного автора // *Rossica Antiqua*. 2014. № 1 (9). С. 3–14.

Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд аль алам» и его сведения о восточной Европе // *Славяноведение*. 2020. № 2. С. 52–63.

Мурадалиева Э. Города Кавказа на Великом шелковом пути. Баку: Кавказ, 2011. 200 с.

Новосельцев А.П. «Худуд аль алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // *История СССР*. 1986. № 5. С. 90–103.

Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М.: Наука, 1965. С. 264–323.

Петросян А.Е. Армянский Армавир и грузинский Армази: вопросы ранней этнической истории Армении и Грузии // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10. Ч. 1. С. 535–556.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Смирнов П. Волзький шлях і стародавній Руси: (Нариси з руської історії VI–IX вв.). Київ: Вин. АН УРСР, 1928. 235 с.

Смокотина Д.В. Арса: место на карте (к вопросу о локализации третьего центра Руси) // *История*. 2008. № 2 (3). С. 5–17.

Степовой А.В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 21 с.

Судаков А.В. Формирование географических представлений о Нижнем Поволжье в период раннего средневековья в Хазарии, Киевской Руси, Византии и арабском мире // *Псковский регионологический журнал*. 2015. № 21. С. 17–37.

Тер-Гевандян А.Г. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. 319 [2] с.

Щавелев А.С. Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. Карта скандинавских комплексов и артефактов // *Древнейшие государства Восточной Европы: 2015: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье*. М.: Университет Дм. Пожарского, 2017. С. 278–328.

Эволюция почв и природной среды на Южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области) / В.В. Колода, Ю.Г. Чендев, Д.А. Борбукова, Д.И. Дудин // *Поволжская археология*. 2014. № 1 (7). С. 247–267.

Claudii Ptolemaei. *Geographia*, ed. by C.F.A. Nobbe. Lipsiae Teubner. 1845. Т. 2. 269 p.

Hudud al 'alam. *The Regions of the World: A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.*, translated and explained by V. Minorsky. Oxford, University Press; London, Messrs Luzac & Co., 1937. XX+524 p.

References

Avilova L.I. *Anatolijskie klady metallicheskih izdelij: ocherki metalloproizvodstva i kul'turnogo konteksta* [Anatolian Hoards of metal products: essays on metal production and cultural context]. Moscow, IA RAN Publ., 2018, 248 p. (In Russ.).

Berezovec D.T. *Pro i'mya nosiiv caltivs'koï kul'turi* [About the name of the noses of saltovskaya culture]. *Arheologiya* [Arheology]. Kiïv, XXIV, 1970, pp. 59–74. (In Ukrainian).

Bol'shakov O.G. *Puteshestvie Abu Hamada al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nuyu Evropu (1131-1153 gg.)* [Journey of Abu Hamid al-Gharnati to Central Europe (1131-1153)]. M., Nauka Publ., 1971, 134 p. (In Russ.).

Bubenok O.B. *Svedeniya «Hudud al'Alam» o bulgarah i stepen' ih dostovernosti* [The Hudūd al-‘Ālam data about Bulgars and their credibility value]. *Hazariskij al'manah* [Khazar almanac]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2017, vol. 15, pp. 66–88 (In Russ.).

Vinogradov A.E. *Donskie runy i genezis saltovomayackoj kul'tury* [The Don runes and the genesis of Saltovo-Mayaki culture]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Moscow City Pedagogic University Herald], 2020a, № 4 (40), pp. 8–21. (In Russ.).

Vinogradov A.E. *O «rosskih» nazvaniyah dneprovskih porogov v De administrando imperio* [About the names of the Dnieper cataracts in the Rus' language in De administrando imperio]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020b, vol. 26, № 3, pp. 7–13. (In Russ.).

Vojtovich L.V. *Hol'mgard – Novgorod: zagadki istorii Rusi X – pervoj poloviny XI veka* [Holmgard – Novgorod: mysteries of Rus' history of the 10th to the 1st half of 11th centuries]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Ser. 7: Istorija i filologiya* [Udmurt University Herald. Ser. 7: History & Philology], 2015, vol. 25, iss. 1, pp. 7–18. (In Russ.).

Galkina E.S. *Etnosy Vostochnoj Evropy v cikle "O tyurkah" arabskoj geograficheskoj literatury* [Eastern European ethnē in the cycle “On the Turks” of Arab geografic literature]. *Rossica antiqua*, ed. by A.V. Majorov, 2010, vol. 1, pp. 54–98. (In Russ.).

Garkavi A.YA. *Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih (s. pol. VIII do konca X po R. H.)* [Tales of Muslim writers about the Slavs and the Russians (from the mid 8th to the late 10th centuries A.D.)]. SPb., Tip. Imp. Akademii Nauk Publ., 1870, VIII, 308 p. (In Russ.).

Gasanov M.R. *Iz istorii trgovno-ekonomicheskikh svyazej narodov Kavkaza (vtoraya polovina i tys. Do N. E. - nachalo i tys. N. E.)* [From the history of trade and economic relations of the peoples of the Caucasus (from the 2nd half of the 1st millennium BC to the early AD)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [The Caucasus' Scientific Thought], 2015, № 2, pp. 106–112. (In Russ.).

Grigor'ev A.V. *Naselenie mezhdurech'ya Dnepra i Dona v VIII - pervoj polovine XI v.* [Population of the Dnieper-Don interflaves from the 8th century to the 1st half of the 9th century]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [The very first states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Rus' state], ed. by E.A. Mel'nikova. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2012, pp. 94–127. (In Russ.)

Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / ed. by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoj, A.V. Podosinova. M., Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i Nauke Publ., 2009, vol. 3, 264 s. (In Russ.)

Dubov I.V. *Letopisnyj Rostov-stolica Rostovskoj zemli* [Rostov of the chronicles – the capital of Rostov land]. *Covremennost' i arheologiya: tezisy dokladov, posvyashchennyh 25-letiyu Staroladzhskoj ekspedicii* [Modernity and archeology. Theses of reports dedicated to 25th anniversary of Old Ladoga expedition]. SPb IPK, Vesti Publ., 1997, pp. 91–93. (In Russ.)

Kalinina T.M. *Kaspij, hazary i Kujaba (kumany?) na pryatougol'noj karte «Knigi chudes» XI v.* [Caspian Sea, Khazars and Kuyaba (Cumans?) on a rectangular map in the 11th-century Book of Wonders]. *Hazar-skij al'manah* [Khazar almanac], vol. 15, Moscow, 2017, pp. 89–103 (In Russ.)

Karasik A.M. *K voprosu o tret'em centre drevnej Rusi* [On the issue of the 3rd centre of Old Rus']. *Istoricheskie zapiski* [Historical sketches]. M., AN SSSR Publ., vol. 35, 1950, pp. 304–305 (In Russ.)

Karaulov N.A. *Svedeniya arabskih pisatelej X i XI vekov po R. H. o Kavkaze, Armenii i Aderbejdzhane* [Data of Arab writers of the 10th to 11th centuries on Caucasia, Armenia and Azerbaijan]: *sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Compilation of materials for description of terrains and tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1901, vol. 29, pp. 1–73. (In Russ.)

Karaulov N.A. *Svedeniya arabskih pisatelej X i XI vekov po R. H. o Kavkaze, Armenii i Aderbejdzhane* [Data of Arab writers of the 10th to 11th centuries on Caucasia, Armenia and Azerbaijan]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Compilation of materials for description of terrains and tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1903, vol. 32, pp. 1–63. (In Russ.)

Karaulov N.A. *Svedeniya arabskih pisatelej X i XI vekov po R.H. o Kavkaze, Armenii i Aderbejdzhane* [Data of Arab writers of the 10th to 11th centuries on Caucasia, Armenia and Azerbaijan]: *sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Compilation of materials for description of terrains and tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1908, vol. 38, pp. 1–130. (In Russ.)

Kartlis Ckhovreba. Istoriya Gruzii [History of Georgia], ed. by R. Metreveli. Tbilisi, Artanundzhi Publ., 2008, 456 s. (In Russ.)

Kirsanov E.V. *Istoriografiya lokalizacii trekh centrov rusov vostochnyh avtorov* [Historiography of localization of the three centres of Rus' people according to Eastern authors]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya (Stavropol')* [Humanitarian and jurial investigations (Stavropol')], 2018, № 4, pp. 62–72. (In Russ.)

Kiyashko YA.A. *Pamyatniki saltovo-mayackoj arheologicheskoy kul'tury na territorii Volgo-Donskogo mezhdurech'ya* [Relics of Saltovo-Mayaki culture in the territory of the Volga-Don interfluve]: *materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epohe i arheologicheskim kollekcijam: sbornik statej* [Materials of the round-table discussion of ibn Fadlan's book, epoch and archeological collections: a compilation of articles], ed. by R.S. Hakimova, Z.R. Valeevoj, M.R. Gajnanovoj. Kazan', Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 83–93. (In Russ.)

Koloda V.V., CHendev YU.G., Borbukova D.A., Dudin D.I. *Evoluciya pochv i prirodnoj sredy na YUzhnom uchastke vostochnoevropskoj lesostepi (na primere issledovaniya gorodishch Har'kovskoj oblasti)* [Evolution of soil and environment of the southern part of Eastern European forest-steppe (in terms of Kharkiv Region's sites of medieval settlements)]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Povolzhye Archeology], 2014, № 1 (7), pp. 247–267. (In Russ.)

Kiyashko YA. *Pamyatniki saltovo-mayackoj arheologicheskoy kul'tury na territorii Volgo-Donskogo mezhdurech'ya* [Monuments of the Saltovo-Mayatskaya archaeological culture on the territory of the Volga-Don interfluve]. *Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epohe i arheologicheskim kollekcijam: sb. statej* [Materials of the round table dedicated to the book of Ibn Fadlan, his era and archaeological collections: a collection of articles], ed. by R.S. Hakimova, Z.R. Valeevoj, M.R. Gajnanovoj. Kazan', Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 83–93. (In Russ.)

Konovalova I.G. *Puti soobshcheniya v Vostochnoj Evrope po dannym srednevekovykh arabo-persidskih avtorov* [Communication lines in Eastern Europe according to medieval Arabo-Persian authors]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy* [The very first states of Eastern Europe: 1998], ed. by T.M. Kalinina. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2000, pp. 126–133. (In Russ.)

Kunik A.A., Rozen V.V. *Razyskaniya Al-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavyanah* [Research by Al-Bakri and other authors on Old Rus' and the Slavs]. SPb. Tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1878, VI+191 p. (In Russ.)

Mishin D.E. *O nekotoryh voprosah interpretacii svedenij Opisaniya severnyh narodov neizvestnogo avtora* [On some issues of information interpretation in the anonymous Description of the nordic peoples]. *Rossica Antiqua*, 2014, № 1 (9), pp. 3–14 (In Russ.)

Mishin D.E. *Geograficheskiy svod «Hudud al' alam» i ego svedeniya o vostochnoj Evrope* [The Hudud al-'Ālam geographic code and its data on Eastern Europe]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 2020, № 2, pp. 52–63. (In Russ.)

Muradalieva E. *Goroda Kavkaza na Velikom shelkovom puti* [The Silk Road's Caucasian urban settlements]. Baku, Kavkaz Publ., 2011, 200 p. (In Russ.)

Novosel'cev A.P. «Hudud al' alam» kak istochnik o stranah i narodah Vostochnoj Evropy [The Hudud al-'Ālam as a source of Eastern European lands and peoples]. *Istoriya SSSR* [The USSR History], 1986, № 5, pp. 90–103. (In Russ.)

Novosel'cev A.P. *Vostochnye istochniki o slavyanah i Rusi VI–IX vv.* [Eastern sources on the Slavs and Rus' from the 6th to the 9th centuries]. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The state of Old Rus' and its international significance]. M., Nauka Publ., 1965, pp. 264–323. (In Russ.)

Petrosyan A.E. *Armyskij Armavir i gruzinskij Armazi: voprosy rannej etnicheskoj istorii Armenii i Gruzii* *Acta Linguistica Petropolitana* [Armenian Armavir and Georgian Armazi: issues of early ethnic history of Armenia and Georgia]. *Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij], 2014, vol. X, ch. 1, pp. 535–556. (In Russ.)

Pletneva S.A. *Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura* [From nomads' camps to towns. Saltovo-Mayaki culture]. M., Nauka Publ., 1967, 198 p. (In Russ.)

Smirnov P. *Volz'kij shlyah i starodavni Rusi: (Narisi z rus'koi istorii VI–IX vv.)* [The Volga way in Old Rus': (Sketches of the 6th – 9th history of Rus')]. Kiiiv, Vin. AN URSSR Publ., 1928, 235 p. (In Russ.)

Smokotina D.V. *Arsa: mesto na karte (k voprosu o lokalizacii tret'ego centra Rusi)* [Arsa: point on the map (on the issue of localising the third centre of Rus')]. *Istoriya* [History], 2008, № 2 (3), pp. 5–17. (In Russ.)

Stepovoj A.V. *Metallurgicheskoe proizvodstvo naseleeniya lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tu-*

ry (YUtanovskij arheologicheskij kompleks): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [Metallurgical craft of Saltovo-Mayaki culture forest-steppe population (Yutanovka archaeological complex)]. Voronezh, Tip. VGU Publ., 2011, 21 s. (In Russ.)

Sudakov A.V. *Formirovanie geograficheskikh predstavlenij o Nizhnem Povolzh'e v period rannego srednevekov'ya v Hazarii, Kievskoj Rusi, Vizantii i arabskom mire* [Formation of geographic notions on the Lower Volga course in the period of Early Middle Ages in Khazaria, Kievan Rus', Byzantine and Arabian worlds]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], № 21, 2015, pp. 17–37. (In Russ.)

Ter-Gevandyan A.G. *Armeniya i Arabskij halifat* [Armenia and Arab Caliphate]. Erevan, 1977, 319 [2] p. (In Russ.)

Schcavelev A.S., Fetisov A.A. *K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX v. Karta skandinavskih kompleksov i artefaktov* [On historical geography of the 9th century Eastern Europe. Map of Scandinavian complexes and artifacts]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: 2015: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee srednevekov'e* [Early Medieval economic systems of Eurasia]. M., Universitet Dm. Pozharskogo, 2017, pp. 278–328. (In Russ.)

Evoljuciya pochv i prirodnoj sredy na Yuzhnom uchastke vostochnoevropskoj lesostepi (na primere issledovaniya gorodishch Har'kovskoj oblasti) [Evolution of Soils and Natural Environment in the Southern Section of the Eastern European Forest-Steppe (on the Example of Studying the Settlements of the Kharkov Region)], V.V. Koloda, Yu.G. Chendev, D.A. Borbukova, D.I. Dudin. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archaeology], 2014, № 1 (7), pp. 247–267.

Статья поступила в редакцию 23.08.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 23.08.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ВЛАСТНАЯ СИСТЕМА ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ М.М. СПЕРАНСКОГО

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. В статье анализируются идеи М.М. Сперанского о значении реформы государственного аппарата в эпоху Петра Великого. Выявлены идейно-ценностные основы критики Сперанским политики государства: верховенство закона, безопасность жизни, защита частной собственности, гражданские права. Равное признание прав государства и граждан – важнейшая мысль Сперанского. Он выделял два типа правления – деспотическое и основанное на законах. С его точки зрения, главная черта деспотизма – неограниченность власти законами. Трансформация политических и социальных отношений – процесс длительный. Необходимо, чтобы в общественном сознании укоренились представления о важности и необратимости инноваций, полагал Сперанский. По Сперанскому, изменение общественного мнения о политической и социальной системе является важнейшей исторической задачей, решение которой закрепляет инновации. Борьба за введение гражданской свободы может начаться только тогда, когда люди поймут ее необходимость. Основными понятиями дискурса Сперанского о развитии социально-политических отношений в России были концепты «человек», «свобода», «законы», «право». Политическая система должна эволюционировать от деспотизма к верховенству закона. Суть социальной трансформации должна заключаться в ликвидации рабской зависимости одних сословий от других. Сперанский выделил достоинства системы государственного управления, созданного Петром Великим: более четкое определение законами функций учреждений, способа их формирования, создание системы контроля за их работой. По мнению Сперанского, недостатками петровского государства были широкие полномочия Сената и коллегий, плохая организация делопроизводства. С его точки зрения, недостатки были обусловлены в значительной степени централизованной системой управления в стране и неограниченной властью самодержца.

Ключевые слова: М.М. Сперанский, Петр Великий, эпоха Петра Великого, первая четверть XVIII в., реформа государственного аппарата, Сенат, коллегии.

Для цитирования: Сараева Е.Л. Властная система эпохи Петра Великого в политико-правовом дискурсе М.М. Сперанского // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 16–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-16-24>

Research Article

THE POWER SYSTEM OF THE ERA OF PETER I OF RUSSIA IN POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE OF MIKHAIL SPERANSKY

Yelena L. Sarayeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstracts. Mikhail Speransky's ideas about the importance of reforming the state apparatus in the era of Peter I of Russia are analysed in the article. The ideological and value bases of Mikhail Speransky's criticism of state policy – the rule of law, security of life, protection of private property, civil rights – are revealed. Equal recognition of the rights of the state and citizens is the most important idea of Mikhail Speransky. He distinguished two types of government – despotic one and one based on laws. From his point of view, the main feature of despotism is unrestrictedness of power by laws. The political and social relations' transformation is a long-term process. It is necessary for ideas about the importance and irreversibility of innovations to take root in the public consciousness, Mikhail Speransky believed. According to Mikhail Speransky, changing public opinion about the political and social system is the most important historical task, the solution of which secures innovation. The fight for introducing civil liberty may start only when people realise its necessity. What were the basic concepts of Mikhail Speransky's discourse on the development of socio-political relations in Russia included the concepts of «human», «freedom», «laws» and «rights». The political system should evolve from despotism to the rule of law. The essence of social transformation must be the elimination of slavish dependence of certain estates on other ones.

Mikhail Speransky highlighted the virtues of the public administration system that had been established by Peter I of Russia – a clearer definition by the laws of the functions of institutions, the way they were formed, the creation of a system of control over their work. According to Mikhail Speransky, the drawbacks of Peter’s state were broad powers of the Senate and Collegiums, poor organisation of paperwork. From his point of view, the shortcomings were largely due to the centralised system of governance in the country and the unlimited power of the autocrat.

Keywords: Mikhail Speransky, Peter I of Russia, era of Peter I of Russia, 1st quarter of 18th Century, state apparatus reform, Senate, Collegiums.

For citation: Sarayeva Yelena L. The power system of the era of Peter I of Russia in political and legal discourse of Mikhail Speransky. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 16–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-16-24>

Развитие национально-государственного сознания просвещенных представителей правящей элиты эпохи Александра I (1801–1825) определялось в значительной степени проектами М.М. Сперанского (1772–1839). Он был первым мыслителем, продумавшим механизм создания правового государства с учетом российских реалий. Его проектная деятельность имела четкие ценностные ориентиры, сочетавшие интересы государства и человека: верховенство закона, безопасность жизни, защита частной собственности, широкие гражданские права. Сперанский понимал, что преобразования должны учитывать исторические традиции, поэтому он дал оценку системы государственного управления, созданной Петром I и действовавшей с теми или иными изменениями на протяжении XVIII в. Он стремился выявить базисные основы государственного управления и недостатки его функционирования, чтобы определить задачи преобразований в этой сфере. Сперанский не предлагал отказаться от всего прежнего опыта административной деятельности и копировать европейское законодательство. Он считал, что следует сохранить те компоненты государственного управления, которые обеспечивали эффективность решения насущных задач. Анализ Сперанским дееспособности административной системы, созданной Петром I, был актуален для российского общества, которое стремилось определить свое отношение к петровскому наследию. Интерпретация Сперанским эффективности петровского аппарата управления важна и для современной исторической науки, решающей научную задачу осмысления роли государства в истории России.

Интерес к идейному наследию Сперанского в России был настолько высок, что уже в 1872 г. был издан сборник его проектов, писем, статей и сочинений [В память графа]. Первые труды о Сперанском носили биографический характер [Корф; Середонин; Фатеев]. Историки и юристы занимаются изучением конституционных проектов М.М. Сперанского, его деятельности по систематизации российского законодательства [Довнар-Запольский; Владимирова, Кодан; Карпенко, Калашникова; Козлова, Христенко; Курмаз; Луковская; Морозов; Олимпиева; Томсинов; Федоров; Raeff 1969a; Raeff 1969б; Vicek]. Однако

в работах отсутствует анализ идей Сперанского о системе государственного управления, созданной в эпоху Петра Великого и существовавшей с некоторыми трансформациями около века, до реформ Александра I. Новизна работы заключается в анализе идей Сперанского о достоинствах и недостатках российского законодательства эпохи Петра I, о работе государственных учреждений того времени.

Работая в Министерстве внутренних дел под началом просвещенного деятеля В.П. Кочубея (1768–1834), Сперанский в 1802–1804 гг. написал несколько записок, обосновывая необходимость проведения взаимосвязанных преобразований местного и центрального управления, социальных отношений на основе законов: «О коренных законах государства» (1802), «Размышления о государственном устройстве империи» (1802), «Еще нечто о свободе и рабстве» (1802), «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803). Записки предназначались министру внутренних дел и императору. Без согласования с монархом были невозможны никакие инновации. Круг коммуникантов – первые лица в государстве – обязывал Сперанского давать адекватную, а не мифологическую характеристику системы государственного управления в России, учитывать политические взгляды представителей правящей элиты. Работая во II отделении императорской канцелярии при Николае I, изучая российское законодательство, Сперанский в своей записке 1827 г. «О Государственных установлениях» проследил все изменения в системе центральной власти за последние два века. Его творческая задача была значимой, обширной: анализ структуры, функций государственных учреждений в XVII–XVIII вв., поскольку надо было понять преемственность в деятельности органов власти, оценить эффективность их работы, причины изменений в этой сфере. Он анализировал тенденции государственного строительства в широком историческом контексте – это важная особенность его проектной деятельности, отличавшейся от других попыток административного реформаторства того времени. Сперанский понимал, что реформы должны сочетать некоторые традиции и инновации, учитывать запросы общества и государ-

ства, черты ментальности живущих в стране людей. Он сознавал необходимость учитывать при проведении реформ различные исторические, социально-политические обстоятельства, обеспечивавшие либо успех преобразований, либо их неудачу.

Предметом его самостоятельного анализа стали российские законодательные акты XVII–XVIII вв. С каких идейно-ценностных позиций Сперанский осмыслил развитие российской государственности? Проблему обеспечения эффективности работы органов власти он связывал с правовой защищенностью личности в стране. В одном из первых своих проектов – «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», написанной в 1803 г., – он развивал идею обеспечения безопасности жизни и деятельности граждан законами. Законодательные акты вводят правила, ограничивающие «натуральную свободу» человека, то есть не допускают анархии и произвола [Сперанский. Записка]. По мнению Сперанского, свобода граждан должна ограничиваться законами: «Закон не что другое есть, как ограничение натуральной свободы человека известными правилами» [Сперанский. Записка]. Как видно, проблему свободы человека Сперанский решал в русле просветительских идей законодательного обеспечения прав индивида. Он был убежден в том, что отношения между государством и человеком следует выстраивать в правовом поле. Регулирование общественных отношений законами – единственно возможный цивилизованный путь защиты прав личности, полагал Сперанский. Равное признание прав государства и граждан – важнейшая мысль Сперанского, повлиявшая на развитие рефлексии просвещенных чиновников и некоторых представителей общества. Для своего времени она была инновационной и важной для формирования политико-правового сознания интеллектуалов. Сперанский связывал преобразование социальной структуры с трансформацией политической власти, четко объяснив взаимосвязь этих систем.

Сперанский выделял два типа правления – деспотическое и основанное на законах. С его точки зрения, главная черта деспотизма – неограниченность власти законами, управление страной по воле одного человека или группы лиц: «*Рабство политическое есть когда воля одного или многих составляет закон всех*» [Сперанский. Еще нечто]. Он воспринял идею Ш.Л. Монтескье о том, что в деспотических государствах не может быть обеспечена гражданская свобода [Сперанский. Еще нечто]. В 1802 г. он написал работу «Еще нечто о свободе и рабстве» [Сперанский. Еще нечто]. Одна из его идей, развиваемых в этой статье: управление страной по произволу монарха превращает всех людей, даже лично свободных, в подданных, рабов власти, поскольку они зависят

от нее. Согласно Сперанскому, зависимость – признак несвободы, а значит рабства. Несвободе человека он противопоставлял обеспечение индивиду прав законами. В этом произведении Сперанский имел смелость воспроизвести свои убеждения: раскрыл свое понимание деспотизма, рабства и вольности, объясняя, что свободный человек не должен быть рабом государя. «*Желать, чтоб государство было составлено из рабов, друг от друга не зависимых и покоренных воле одного под именем деспота, – есть желать невозможного*» [Сперанский. Еще нечто]. Ясность раскрытия содержания понятия, его признаков – важнейшее достоинство дискурса Сперанского.

Трансформация политических и социальных отношений – процесс длительный, необходимо, чтобы в общественном сознании укоренились представления о важности и необратимости нововведений, полагал Сперанский. «*Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжение многих лет*» [Сперанский. Еще нечто]. Если преобразования будут восприняты властью и населением как общественно значимые, то они будут адаптированы в российской действительности. По мнению Сперанского, изменение общественного мнения о политической и социальной системе является важнейшей исторической задачей, решение которой способствует закреплению новых правовых норм. Борьба за введение гражданской свободы может начаться только тогда, когда люди поймут ее необходимость. Формирование общественного мнения, считал Сперанский, является признаком зрелости гражданского общества, когда в стране свобода и законы воспринимаются представителями социума и властью значимыми ценностями.

Основными понятиями дискурса Сперанского о развитии социально-политических отношений в России были концепты «человек», «свобода», «законы», «государство», «права». Смыслом эволюции политической системы, в его представлении, должен быть переход от деспотизма правителя к верховенству закона. Суть социальной трансформации должна заключаться в ликвидации рабской зависимости одних сословий от других.

Сперанского интересовали все вопросы функционирования правительственных учреждений эпохи Петра Великого: законодательные основы, соподчинение органов управления, их круг обязанностей, порядок делопроизводства и назначения на должности чиновников, график работы, объем полномочий, степень ответственности. В работе «О государственных установлениях» 1827 г. Сперанский определил петровскую реформу государственного аппарата как неизбежную, так как традиционная система власти имела недостатки, «неудобства» [Сперанский. О Государственных установлениях]. Каковы были причины низкой эффективности работы государственных учрежде-

дений в конце XVII в., с точки зрения Сперанского? Одна из них, по его мнению, заключалась в совещательном характере высших учреждений. Другая причина – принцип комплектования центральных учреждений, диктуемый сословной структурой общества, распределением обязанностей между крупными социальными группами. В то время законами не был определен круг рассматриваемых вопросов, например в Боярской думе, степень ответственности ее членов. Недостатками приказной системы Сперанский считал соединение судебных и административных полномочий, неопределенность численности приказов.

Сперанский выявил инновационные черты созданной Петром I системы государственного управления. В истории создания Сената Сперанский выделил два периода. Первый, когда Сенат лишь заменял государя во время его отсутствия, второй, когда он получил закрепленные законом полномочия постоянно работающего высшего государственного учреждения. В первое время Сенат воспроизводил традицию замещения отсутствующего государя: *«Сенат в 1711 году учрежден был по случаю и на время отсутствия Государя, с той же властью и сообразно тому же правилу, какое и прежде в отсутствие наблюдалось»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Как выяснил Сперанский, Сенат превратился в постоянно работавшее государственное учреждение не ранее, чем в 1718 г., когда стали создаваться коллегии. *«В течение четырех последующих лет определен состав его, предметы, образ производства дел, степень власти и ответственность»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сперанского интересовали следующие стороны организации работы Сената: его функции, объем власти, степень ответственности, производство дел, способ формирования. Со ссылками на законодательный акт Сперанский выделил основные функции Сената: законодательную, административную, судебную, надзорную: *«Предметы его были три следующие: 1) совещания по законодательству; 2) окончательное решение в делах высшего управления и надзора; 3) окончательное решение в делах судебных»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Он подчеркнул новый способ принятия решений в Сенате – коллегиальный. *«Образ производства дел установлен тот же, как и в Коллегиях, с следующим только различием, что всякое определение Сената не единогласное велено считать недействительным и, следовательно, дело поступало к Государю; напротив, всякое определение единогласное, если оно не было остановлено Генерал-Прокурором, велено приводить в исполнение»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сперанский положительно оценивал создание системы надзора за работой сенаторов. Закон предусматривал два способа контроля за голосованием в Сенате: государем в слу-

чае отсутствия единогласия членов этого учреждения и генерал-прокурором, имевшим право остановить исполнение единогласно принятых решений.

«Степень власти и ее пределы» – важнейшая, по мнению Сперанского, характеристика влияния учреждения на другие органы управления. С его точки зрения, закон о государственном учреждении должен определять пределы его власти. Он не мог некритически оценивать огромную власть Сената, по указу подчинявшегося только монарху: *«...Велено быть послушным, как самому Государю»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Пределом власти Сената была воля государя, а подобный тип подчинения Сперанский характеризовал как деспотизм. Он обратил внимание на то, что в законе четко не конкретизировался круг рассматриваемых Сенатом вопросов. Отсутствие такой определенности он трактовал как недостаток в деятельности этого учреждения. Создание прокуратуры Сперанский, развивавший идею создания правовых барьеров в работе государственных учреждений, рассматривал как борьбу с произволом сенаторов. Генерал-прокурор мог *«остановить решение Сената и донести Государю»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Лишь два человека могли вмешаться в работу Сената, а правом аннулирования его решений обладал только монарх. Введение контроля за Сенатом Сперанский оценивал как факт, содействовавший повышению эффективности работы высшего правительственного учреждения. Сенат не имел необъятных полномочий. Однако Петр, стремившийся контролировать работу государственного аппарата, все же не дал подчиненным право жаловаться на Сенат. Возможно, этот запрет был предусмотрен разработчиками закона о Сенате. Сенаторы могли быть судимы только сенаторами, остальные чиновники под страхом смертной казни не могли подавать жалобы на высшее правительственное учреждение в стране. Сперанский понимал, что фактическая неподсудность сенаторов позволяла им руководствоваться не только государственными, но и личными интересами. *«В делах судебных жалобы на Сенат нигде не приемлются и даже запрещено приносить их под смертной казнью»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сперанский полагал, что преступления должны наказываться судом. Постановления Сената не подлежали исполнению, если, во-первых, они противоречили указам государя, во-вторых, причиняли вред государству. В этих исключительных случаях коллегия обязана была *«донести Государю под собственной своей тяжкой ответственностью»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Риторика Сперанского передавала его мысль о том, что члены коллегии могли быть наказаны, если сенаторам удавалось доказать, что последние преданно служили го-

сударству, следовательно, они получали возможность пресечь жалобы государю.

Согласно Сперанскому, закон о Сенате устанавливал, что высшее правительственное учреждение обязано было принимать решения в интересах государства и исходить из воли Государя. Полагаем, что стремление Петра I сориентировать высших чиновников на интересы России оценивалось Сперанским как важное направление деятельности монарха, формировавшего государственное сознание высших лиц. Он отмечал, что закон сохранял незыблемыми основы деспотической власти: подчинение правителю, воля которого не ограничивалась даже правовыми актами. Сперанский полагал, что государственное учреждение будет справляться со своими обязанностями, если определена его ответственность. По закону, Сенат нес полную ответственность перед царем, контролировавшим его работу в интересах государства. Главным недостатком Сената Сперанский считал *«смешение дел»*, то есть сочетание законодательной, административной, судебной и надзорной обязанностей.

Создание коллегий Сперанский связывал с беспорядками и злоупотреблениями личного приказного управления [Сперанский. О Государственных установлениях]. Главную цель введения в 1714 г. во всех военных и гражданских учреждениях коллегиального рассмотрения дел Сперанский видел в стремлении пресечь злоупотребление властью. При Петре были введены протоколы, в которых фиксировались решения чиновников того или другого учреждения. Целями протоколов было упорядочение ведения дел, контроль за работой чиновников. Как отмечал Сперанский, это новшество трудно вводилось в практику делопроизводства: *«...Дьякам и секретарям запрещено под смертной казнью крепить и рассылать указы прежде подписания протоколов; но как в сие время не имели еще точных понятий ни о протоколах, ни о коллегиях, то и угрозы сии оставались без действия»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Даже угрозы применения смертной казни не действовали, чиновники зачастую продолжали работать по старинке, то есть не фиксируя свои решения протоколами, уходя от ответственности. Сперанский, будучи сторонником документирования всех принимаемых решений, введившего административную и судебную ответственность чиновников, отмечал важность этого нововведения и его бойкотирование исполнителями.

Сперанский обратил внимание и на заимствование Петром I европейского опыта государственного управления: введению коллегий в 1718 г. предшествовало инициированное Петром I в 1715 г. изучение опыта работы административных учреждений в Дании и Швеции. Главным новшеством органов испол-

нительной власти, как полагал Сперанский, стало коллегиальное рассмотрение дел. Он применил ту же схему анализа работы коллегий, что и Сената: определение объема полномочий, принципов формирования, порядка производства дел и докладов, пределов власти, места в иерархической системе управления, степени ответственности. Основным недостатком коллегий, как и других учреждений той эпохи, писал он, было соединение административных и судебных функций. *«Не только все дела управления, но и все дела высшего суда размещены были в сих установлениях. Суд не был еще тогда отделен от прочих управлений»* [Сперанский. О Государственных установлениях].

Структура коллегии, ее формирование, распределение обязанностей, соподчинение – эти черты работы коллегии интересовали М.М. Сперанского, стремившегося понять правовые основы ее функционирования. Он выделил следующие составляющие структуры коллегии: она состояла из отделений или экспедиций во главе с советниками или асессорами. Во главе коллегии стоял президент, имевший над ними надзорную власть: *«генеральную и верховную дирекцию»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сперанского интересовал объем власти президента, обладал ли он возможностью повлиять на советников. Количественный и персональный состав коллегии определялся Сенатом. Сперанский полагал, что зависимость советников преимущественно от Сената давала им возможность не реагировать на требования президента, который мог лишь обратиться в Сенат с просьбой назначить более *«искусных»* людей, предоставлять в Сенат сведения о плохом исполнении дел советниками, нерадивых президент мог понизить в должности и требовать их отставки. Сперанский выделил недостаточность полномочий президента коллегии – не мог самостоятельно уволить плохих сотрудников, что снижало результативность ее работы.

Сперанский отмечал, что деятельность Сената требовала взаимодействия с коллегиями, исполнявшими его указы, поэтому Петр I искал каналы учета мнений президентов, однако государю не удалось решить эту задачу. По четвергам все президенты собирались в Сенате – Сенатской палате: *«...День сей был общим собранием всех Коллегий в Сенате в лице их Президентов»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. *«Впоследствии, когда найдено было, что сии собрания отвлекают Президентов от дел их, определены были указом 12 января 1722 г. вторые президенты для присутствия в Сенате»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сперанский выделил достоинства коллегиальной системы управления – определение законами их функций, системы организации работы, порядка дел

регламентами и общим расписанием. Решения принимались большинством голосов, *«а в случае равенства голос Президента дает перевес. Несогласные с большинством могут записать голоса свои в протокол. Сим освобождаются они от взыскания в случае неправильного решения в Коллегии»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Коллегии должны были принимать челобитные и рассматривать их не позднее 6 месяцев.

Контроль государя за работой коллегий, считал Сперанский, был важен, чтобы достоверная информация о деятельности исполнительных органов управления быстро доходила до правителя. Однако, отмечал он, в соответствии с законами президент коллегии мог обратиться к царю с донесениями о том, что решения Сената противоречат именным государевым указам либо причиняют вред государству. Он мог сообщать государю и Сенату о пользе принятия ими какого-нибудь решения в интересах государства. Следовательно, президент коллегии мог указать на неверные решения Сената и предложить применить другие меры. На практике президенты *«во всех почти их делах относились прямо к государю»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Петр I, в отличие от сенаторов, как выяснил Сперанский, изучая документы, быстро и в интересах государства принимал решения, а сенаторы порой даже не знали о делах в коллегиях, многие не являлись на заседания.

По мнению Сперанского, пределы власти коллегий не были строго определены. *«Не определено, в каких случаях решения ее должны быть окончательными и в каких подлежат пересмотру Сената»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Какова была система контроля за работой коллегии? За ее деятельностью наблюдал фискал. В случае неверных решений, принятых коллегией, фискал обязан был доносить генерал-фискалу, а тот докладывал Сенату. Но ни генерал-фискал, ни Сенат не могли отменить решение коллегии.

Сперанский выяснил, какая система подачи жалоб на государственные учреждения была создана при Петре I. Указами было установлено, что частные лица не могли подавать челобитные государю: *«По разуму узаконений того времени, жалобы частных лиц ни в каком случае не должны были непосредственно восходить к Государю»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Был введен судебный порядок подачи челобитных, предусмотрены жалобы на медленность и неправильные решения коллегий – они передавались рекетмейстеру, *«который обязан был, пересмотрев дело, доносить Государю, а в отсутствие Государя – Сенат. Прямой апелляции на Коллегии установлено еще не было»* [Сперанский. О Государственных установлениях].

Предусматривал ли закон заведение судебных дел в случае преступления по должности? Если члены коллегий совершали финансовые преступления, то эти дела рассматривались в ревизион-коллегии, а прочие – в юстиц-коллегии. О наказаниях президентов коллегий в законе ничего не говорилось.

Сперанский отметил, что все петровские законодательные акты, определявшие функционирование государственного аппарата, подчеркивали неограниченность полномочий самодержца, концентрацию в его руках законодательной, административной, судебной и контрольной власти. Он писал: *«Власть законодательная, правительственная и судебная, действуя в разных установлениях, всегда остается соединенной и нераздельной в Особе Государя»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Между государственными учреждениями были разделены функции, следовательно, считал Сперанский, необходимо было законами определить их соподчинение – *«порядок сношений»* [Сперанский. О Государственных установлениях]. Он был убежден в том, что законодательное оформление порядка взаимодействия органов власти важно для повышения управляемости ими, организации контроля: *«... Учреждение сего порядка составляет само по себе весьма важную часть государственного управления»* [Сперанский. О Государственных установлениях].

Информация о деятельности государственных учреждений и принятых ими решениях поступала к государю путем подачи докладов. Сперанский выявил порядок докладов царю. Если государь председательствовал в Сенате, то доклады ему не писались. Если царь отсутствовал, то доклады передавал ему генерал-прокурор, а затем он информировал Сенат о «высочайших решениях». Царь получал информацию о всех разногласиях в государственных учреждениях и между ними. Была создана вертикальная система контроля за учреждениями и поступлением сведений монарху. Ее функционирование, по мнению Сперанского, было необходимо в самодержавном государстве, она обеспечивала координацию деятельности институтов власти и принятия верных решений правителем.

Анализируя систему государственного управления, созданную при Петре I, Сперанский выделил ее недостатки, вызванные, во-первых, сосредоточением в Сенате дел из разных областей власти: законодательной, исполнительной, судебной; этот же недостаток был присущ и коллегиям, которые могли управлять, судить и даже иногда обращаться с предложениями к государю; во-вторых, «смещение в пределах власти», когда не были строго определены границы власти, в силу этого учреждения на практике принимали и меры законодательного характера; в-третьих, в организации делопроизводства – в сме-

шении «в образе производства дел» [Сперанский. О Государственных установлениях]. Законодательные недостатки предопределили отход от правовых норм на практике. Это четвертое отрицательное последствие выявил Сперанский, анализируя практику применения законов о государственных учреждениях: «...Все сии установления начали уже колебаться еще при жизни самого их Учредителя» [Сперанский. О Государственных установлениях]. Неострое определение пределов власти, по его мнению, вело к нарушениям основных норм.

Сперанский выявил расхождение между юридическими нормами и практикой работы чиновников. Проанализировав круг полномочий Сената, он пришел к выводу, что по закону фактически главной его обязанностью было руководство коллегиями, но их президенты на практике использовали свое право обращаться к царю, минуя Сенат: «Каждая Коллегия, имея непосредственно отношение к Государю, предпочитала сей путь как кратчайший и удобнейший...» [Сперанский. О Государственных установлениях]. Сенаторы уже при Петре I халатно относились к своим обязанностям: не приходили на заседания под предлогом других дел и болезней. Сперанский считал, что главной причиной уклонения сенаторов от работы было отсутствие у них в производстве дел, так как коллегии напрямую согласовывали свою работу с царем. Сперанский называл сенаторов «нерадивыми». Борьба с неявкой сенаторов на заседания началась еще при Петре I и продолжилась в последующее время, но менее успешно. Государь своими указами от 16 апреля 1714 г. и 20 января 1716 г. обязывал сенаторов являться на службу. При Екатерине I, одновременно с созданием Верховного тайного совета, 8 февраля 1726 г. был издан указ, устанавливавший дежурство сенаторов «для безостановочного течения дел», по две «персоны» обязаны были присутствовать в Сенате. Если сенаторы сказывались больными, то их осматривали врачи, «а с нерадивых взыскивали за каждый день отсутствия по 50 рублей штрафа» [Сперанский. О Государственных установлениях].

В коллегиях далеко не всегда применялся метод коллективного голосования. Сперанский, изучивший практику работы этих учреждений, выяснил, что президенты тяготели к единоличному управлению.

Таким образом, Сперанский, изучив правовые акты о государственных учреждениях в России эпохи Петра I, систематизировал их основные положения в соответствии с критериями, которые, по его убеждению, характеризуют эффективность системы управления. Он выделил ее инновационные и традиционные черты, а также недостатки, обусловленные как несовершенством законодательства, так и личными качествами исполнителей. Он нашел противо-

речия и недоработки в указах, которые в практической деятельности Сената и коллегий нередко вели к выбору ими традиционных способов решения дел.

Недостатки, выделенные Сперанским, были обусловлены нечетким определением полномочий учреждений и порядка докладов. В законодательной сфере неограниченной властью обладал царь, но Сенат и коллегии могли вносить дополнения и разъяснения в указы, следовательно, нарушался принцип единовластия.

Одно из достоинств анализа Сперанским российской государственности эпохи Петра I – изучение правоприменения: как чиновниками воспринимались законы, исполнялись ими или нет. Его интересовал вопрос, удалось ли Петру I реально создать работоспособные государственные учреждения. Общей оценки петровского правительственного механизма Сперанский в этой работе не дал, поскольку Николай I создавал культ Петра Великого, объявляя себя продолжателем его начинаний. Содержание записки выявляет интерес Сперанского и к вопросу о системе контроля за работой правительственных учреждений вышестоящими органами и о праве обывателей повлиять на их решения. Он выделил в документах петровского времени предусмотренные меры наблюдения за деятельностью чиновников, но не оставил своих суждений об эффективности их применения. Можно предположить, что в записке, адресованной высшим государственным деятелям, Сперанский вряд ли имел возможность дать всестороннюю критику правовых норм и практики деятельности государственных учреждений, связать их с самодержавием. Он выделил недоработки в законодательных актах, открывавшие чиновникам возможность двояко использовать свою власть и влияние на другие учреждения.

Анализ Сперанским законодательной базы деятельности государственных учреждений в эпоху Петра Великого был первым опытом ее характеристики в русской мысли. Важная черта его взгляда на развитие российской государственности в эпоху Петра I – презентация достоверных фактов, отсутствие мифологизации петровской политики, столь характерной для официальной идеологии. Критериями своей оценки он выбрал не умозрительные модели государственного устройства, черты которых назывались в философско-политических трудах мыслителей, а продуманные им требования к эффективности реально существовавшей системы управления на данном этапе исторического времени.

Сперанский оказал значительное влияние на развитие политико-правовой мысли в России, государственного сознания современников. Он доказывал необходимость строгого определения правовых норм деятельности государственных учреждений и чинов-

ников, закрепляя за ними ответственность за свои деяния, важность организации контроля, позволявшего пресечь злоупотребления властью. Его мысль о правовом регулировании деятельности всех составляющих государственного механизма является важным идейным наследием. Его актуализация способствовала развитию нововременной цивилизации в России.

Идеи Сперанского были известны не только узкому кругу лиц, занимавшихся развитием законодательства, но и высокообразованным людям, поскольку он входил в высшее общество, обладал авторитетом интеллектуала, разъяснял свои идеи заинтересованным лицам. Идея правового регулирования общественных отношений овладела умами многих людей того времени.

Список литературы

В память графа М.М. Сперанского, 1772–1882. СПб.: Импер. пуб. б-ка, 1872. 926 с.

Владимирова Г.Е., Кодан С.В. Концептуальные подходы М.С. Сперанского к определению юридической природы основных законов Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 192–214.

Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М.: Издание т-ва И.Д. Сытина, 1905. 72 с.

Карпенко О.А., Калашникова Е.Б. Прогрессивные и актуальные в настоящем идеи М.М. Сперанского по проведению реформа государственно-правового устройства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-2 (48). С. 161–164.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Ист. публ. б-ка, 1861. Т. 1–2. 283 с.

Козлова О.В., Христенко Д.Н. М.М. Сперанский и его мировоззрение: штрихи к портрету государственного деятеля // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 155–165.

Курмаз А.И. Основополагающие идеи Сперанского о государственном устройстве Российской империи // Власть Закона. 2010. № 2 (2). С. 211–215.

Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И. Михаил Михайлович Сперанский: (Материалы к биографии). М.: AUGBURG, 2001. 118 с.

Морозов В.И. Государственно-правовые взгляды С.С. Сперанского: (Историко-теоретическое исследование). СПб.: Нестор, 1999. 238 с.

Олимпиева И.В. Реализация идей М.М. Сперанского по распространению законодательства в Российской империи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 4 (52). С. 20–35.

Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб.: Тип. тов-ща «Общественная польза», 1909. 189 с.

Сперанский М.М. О Государственных установлениях. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948894> (дата обращения: 27.01.2022).

Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений России // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_zapiska_ob_ustroystve_sudebnyh.html (дата обращения: 26.01.2022).

Сперанский М.М. Еще нечто о свободе и рабстве. URL: http://az.lib.ru/s/speranskij_m_m/text_1802_eshe_nechto_o_svobode.shtml (дата обращения: 26.01.2022).

Томсинов В.А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. 291 с.

Фатеев А.Н. М.М. Сперанский (1809–1909). Биографический очерк. Харьков, 1910. 80 с.

Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М.: МГУ, 1997. 255 с.

Raeff M. Michael Speransky; Statesman of Imperial Russia. 1772–1839. The Hague, 1969a.

Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730–1905. New York, 1969b.

Vicek R. M.M. Speranskij a ruske statni instituce v 18. a na pocatku 19 stoleti. Slovanske historicke studie. Pr., 1998, № 24, s. 219–248. (In Czech.)

References

V pamyat' grafa M.M. Speranskogo, 1772–1882 [In memory of Count M.M. Speransky, 1772–1882]. St. Petersburg, Imperial pub. b-ka Publ., 1872, 926 p. (In Russ.)

Vladimirova G.E., Kodan S.V. *Konceptual'nye podhody M.S. Speranskogo k opredeleniyu yuridicheskoy prirody osnovnyh zakonov Rossijskoj imperii* [Conceptual approaches of M.S. Speransky to the definition of the legal nature of the basic laws of the Russian Empire]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2012, № 5, pp. 192–214. (In Russ.)

Dovnar-Zapolsky M.V. *Politicheskie idealy M.M. Speranskogo* [Political ideals of M.M. Speransky]. Moscow, Edition of I.D. Sytin's t-va Publ., 1905, 72 p.

Karpenko O.A., Kalashnikova E.B. *Progressivnye i aktual'nye v nastoyashchem idei M.M. Speranskogo po provedeniyu reforma gosudarstvenno-pravovogo ustrojstva* [M.M. Speransky's progressive and current ideas on the reform of the state-legal system]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2020, № 9-2 (48), pp. 161–164. (In Russ.)

Korf M.A. *Zhizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky]. St. Petersburg, Ist. publ. b-ka Publ., 1861, vol. 1–2, 283 p. (In Russ.)

Kozlova O.V., Khristenko D.N. *Speranskij i ego mirovozzrenie: shtrihy k portretu gosudarstvennogo deyatelya* [M.M. Speransky and his worldview: touches to the portrait of a statesman]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, № 2, pp. 155–165. (In Russ.)

Kurmaz A.I. *Osnovopolagayushchie idet Speranskogo o gosudarstvennom ustrojstve Rossijskoj imperii* [Fundamental ideas of Speransky about the state structure of the Russian Empire]. *Vlast' Zakona* [The Power of Law], 2010, № 2 (2), pp. 211–215. (In Russ.)

Lukovskaya D.I., Grechishkin S.S., Morozov V.I. *Mihail Mihajlovich Speranskij (Materialy k biografii)* [Mikhail Mikhailovich Speransky (Materials for biographics)]. Moscow, AUGBURG Publ., 2001, 118 p. (In Russ.)

Morozov V.I. *Gosudarstvenno-pravovye vzglyady S.S. Speranskogo: (Istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* [State-legal views of S.S. Speransky: (Historical and theoretical research)]. St. Petersburg, Nestor Publ., 1999, 238 p. (In Russ.)

Olympieva I.V. *Realizaciya idej M.M. Speranskogo po rasprostranenyu zakonovedeniya v Rossijskoj imperii* [Realization of M.M. Speransky's ideas on the spread of legal studies in the Russian Empire]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History], 2019, № 4 (52), pp. 20–35. (In Russ.)

Seredonin S.M. *Graf M.M. Speranskij. Oчерk gosudarstvennoj deyatel'nosti* [Count M.M. Speransky. An outline of state activity]. St. Petersburg, Tip. tov-shcha "Public benefit" Publ., 1909, 189 p. (In Russ.)

Speransky M.M. *O Gosudarstvennyh ustanovleniyah* [About State institutions]. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948894> (access date: 27.01.2022). (In Russ.)

Speransky M.M. *Zapiska ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stvennyh uchrezhdenij Rossii* [A note on the structure of judicial and governmental institutions in Russia]. *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_zapiska_ob_ustrojstve_sudebnyh.html (access date: 26.01.2022). (In Russ.)

Speransky M.M. *Eshche nechto o svobode i rabstve* [Something else about freedom and slavery]. URL: http://az.lib.ru/s/speranskij_m_m/text_1802_eshe_nechto_o_svbode.shtml (access date: 26.01.2022). (In Russ.)

Tomsinov V.A. *Speranskij* [Speransky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006, 291 p. (In Russ.)

Fateev A.N. *M.M. Speranskij (1809–1909). Biograficheskij oчерk* [M.M. Speransky (1809–1909). Biographical sketch]. Kharkov, 1910, 80 p. (In Russ.)

Fedorov V.A. *M.M. Speranskij i A.A. Arakcheev* [M.M. Speransky and A.A. Arakcheev]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, 255 p.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 02.10.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 02.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 25–32. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, vol. 28, № 3, pp. 25–32. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)''19''

EDN JNQMYB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-25-32>

ЛЕОНТИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУБЕЛЬТ – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Зайцев Леонид Николаевич, старший преподаватель, Костромской государственной университет, Кострома, Россия,
l_zaycev@ksu.edu.ru

Аннотация. В статье на основе архивных и исторических материалов подробно изучается личность одного из видных государственных и общественных деятелей своего времени генерала от кавалерии Леонтия Васильевича Дубельта, 230-летие со дня рождения которого исполняется в 2022 году. Он был участником Отечественной войны 1812 года, занимал должность управляющего III отделением Собственной Его Величества канцелярии. Раскрываются основные этапы жизненного пути, формирования и профессионального становления Л.В. Дубельта. Актуальность темы обусловлена недостаточным исследованием его научной биографии, а также расширением источниковой базы исследований о его личности. Автором введены в научный оборот новые факты о его деятельности в должности управляющего III отделением Собственной Его Величества канцелярии, что позволило воссоздать портрет второго жандарма Российской империи. Отмечена его роль и место в деятельности политической полиции Российской империи, в том числе с помощью эффективного государственного управления в сфере государственной безопасности в условиях нарастающего кризиса власти. Сделан вывод о его личном вкладе в управление государством, профессионализме и поддержании стабильной политической ситуации в стране.

Ключевые слова: Л.В. Дубельт, государственная деятельность, политическая полиция.

Для цитирования: Зайцев Л.Н. Леонтий Васильевич Дубельт – государственный и общественный деятель Российской империи первой половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 25–32. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-25-32>

Research Article

LEONTIY VASIL'YEVICH DUBEL'T – STATESMAN AND PUBLIC FIGURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY

Leonid N. Zaitsev, senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma, Russia, l_zaycev@ksu.edu.ru

Abstract. On the basis of archival and historical materials, the article examines in detail the personality of one of the prominent state and public figures of his time, Cavalry General Leontiy Vasil'yevich Dubel't, whose 230th anniversary is celebrated in 2022. He beat back Napoleon in 1812, held the managerial position of the III department of His Majesty's own Chancellery. The main stages of the life path, formation and professional formation of Leontiy Dubel't are revealed. The topicality is due to insufficient research of his scientific biography, as well as the expansion of the source base of research on his personality. The author introduced into scientific circulation new facts about the statesman's activities as the manager of the III department of His Majesty's own Chancellery, which made it possible to recreate the portrait of the Russian Empire's second gendarme. His role and place in the activities of the political police of the Russian Empire, including with the help of effective public administration in the field of state security in the context of the growing crisis of power, is noted. The conclusion is made about his personal contribution to the management of the state, professionalism, and maintaining a stable political situation in the country.

Keywords: Leontiy Dubel't, state activity, political police.

For citation: Zaitsev Leonid Nikolayevich Leontiy Vasil'yevich Dubel't – statesman and public figure of the Russian Empire in the 1st half of the 19th century. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 25–32. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-25-32>

*Быть может, он не всем угоден,
Ведь это общий наш удел,
Но добр он, честен, благороден, –
Вот перечень его всех дел.*

В.А. Жуковский

XXI век характеризуется коренными преобразованиями во всех сферах жизни общества: политической, экономической, правовой, идеологической. Сегодня, в век глобализации и современных вызовов, значимость проблемы укрепления государственной безопасности, формирования эффективной системы управления стоит на особом месте. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года (далее Стратегия): «Усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека»¹.

Стратегией определены важнейшие национальные приоритеты, такие как сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; государственная и общественная безопасность; информационная и экономическая безопасность; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и другие².

В решении поставленных задач неопределимую помощь может оказать отечественный исторический опыт развития общества и государства, в том числе деятельность отдельных выдающихся личностей прошлого на благо укрепления и процветания России. В этой связи является актуальным исследование государственной и общественной деятельности видного государственного деятеля, больше известного как управляющий III отделением Собственной Его Величества канцелярии, Л.В. Дубельта. В 2022 году исполняется 230-летие со дня его рождения и 160-летие его смерти. В ранее опубликованных источниках совершенно не изучен ранний период его биографии, в частности его учеба в Горном кадетском корпусе. В его становлении как личности в период армейской службы также имеются ряд пробелов в биографии. Для исследования его биографии особую важность занимает самый значительный этап его биографии: период 1839–1856 гг., когда он занимал должность управляющего III отделением Собственной Его Величества канцелярии, при этом с 1835 года одновременно являлся начальником штаба Корпуса жандармов. Участие Л.В. Дубельта в общественной жизни Российской империи также приобретает особое значение. Несмотря на значимость личности Дубельта,

до настоящего времени отсутствует его полная научная биография. Все это во многом и определяет актуальность настоящего исследования.

Основным материалом для исследования личности Дубельта являются архивные документы Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ), Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб), биографические и другие издания, как дореволюционного периода, так и современные. Материалы ЦГИА СПб, содержащиеся в фонде 963, позволяют почерпнуть ряд сведений об учебе Дубельта в Санкт-Петербургском Горном кадетском корпусе (далее Горный корпус). Из фонда 110 ГАРФ особую ценность представляют архивные документы, свидетельствующие о его успешной карьере высокого государственного чиновника правоохранительных органов и его личном вкладе в становление и развитие деятельности политической полиции, борьбе с революционным движением. Конечно, в данной статье невозможно полностью раскрыть научную биографию Дубельта, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования его личности.

Леонтий Васильевич Дубельт – один из влиятельнейших людей в царствование Николая Павловича – родился 15 сентября 1792 года³ в Могилеве в семье гусара Василия Ивановича Дубельта и его жены Марии Григорьевны. Его отец участвовал в русско-турецкой (1787–1791 гг.) и русско-шведской (1788–1790 гг.) войнах.

Первоначально Л.В. Дубельт получил домашнее образование под руководством своей высокообразованной матери. В апреле 1801 г. Л.В. Дубельт поступил в Горный корпус⁴. Воспитанниками Корпуса были преимущественно дети дворянского происхождения. Его брат Пётр Васильевич Дубельт также учился в Горном корпусе, который закончил в 1810 г. С 1806 г. Горный корпус одним из первых в России получил статус университета, учитывая обширность и важность преподаваемых общетеоретических и специальных наук. В Горном корпусе изучались, в частности, иностранные языки: – немецкий и французский. Следует отметить, что изучению иностранных языков в корпусе уделялось особое внимание, о чем свидетельствует распоряжение его директора «О введении внеклассного разговора между воспитанниками на иностранных языках для успешного их изучения»⁵.

Учебному процессу, а также поведению воспитанников Корпуса уделялось повышенное внима-

ние, и об этом директор Корпуса регулярно уведомлял императора⁶.

Именно в Корпусе Л.В. Дубельту были привиты такие качества, как благородство, любовь к ближнему, милосердие, нравственность, трудолюбие, усердие, честь, честность, ответственность, чуткость, патриотизм, альтруизм, справедливость, уважение [Бондарева: 19]. Впоследствии в своей военной карьере и в должности руководителя политической полиции Л.В. Дубельт всегда с честью выполнял девиз Корпуса, усердно служил Отечеству и с любовью относился к нему. Как отмечает О.Н. Бондарева: «Патриотизм, верность традициям, высокое профессиональное мастерство, трудовая и воинская доблесть выпускников Горного кадетского корпуса всегда имели общую духовную основу – веру в торжество идеалов российской государственности» [Бондарева: 20]. И эту веру Л.В. Дубельт пронес через всю свою жизнь, положенную на служение Отечеству.

16 февраля 1807 года Высочайшим приказом Л.В. Дубельт был выпущен из Корпуса с присвоением чина прапорщика и был определен в Псковский пехотный полк.

Следует отметить, что в этом же году другие воспитанники Корпуса подвергались арестам за подачу прошений о поступлении на службу в армию⁷.

В составе Псковского пехотного полка Л.В. Дубельт в период 1807 г. участвовал в русско-французской войне, в сражениях под Гутштадтом, Вольфсдорфом, Депенном. В сражении у Фридланда был тяжело ранен командир Псковского пехотного полка генерал-майор Е.И. Марков, а сам полк понес огромные потери. Именно за участие в этой войне Л.В. Дубельт Высочайшим приказом 3 декабря 1807 года получил чин подпоручика и свою первую награду – орден Святого Владимира 4-й степени с бантом [Гениев: 160–166].

Затем Дубельт принимает участие в Отечественной войне 1812 г., в том числе в сражениях под Смоленском, а затем в Бородинском сражении, где был ранен. Он также участвовал в сражениях под Тарутином, Малоярославцем и других. 18 декабря 1812 г. Высочайшим приказом за отличие во время военных действий он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [Список генералам, 1857: 554]. Его брат Пётр Васильевич Дубельт за подвиги в Бородинском сражении был награжден золотой саблей [Гениев: 160–166].

Далее Л.В. Дубельт участвует в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В должности адъютанта служил у генерала от инфантерии Д.С. Дохтоурова, командовавшего 6-м пехотным корпусом, а затем у генерала от кавалерии Н.Н. Раевского, командовавшего 7-м пехотным корпусом. За участие в заграничном походе он был награжден медалью «За взятие Парижа». 5 февраля 1814 года Высочайшим прика-

зом за отличие по службе Л.В. Дубельт награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Из заграничного похода Л.В. Дубельт возвратился в 1815 году и был определен дежурным штаб-офицером 3-го пехотного корпуса. В 1815 году Высочайшим приказом за отличие по службе ему был присвоен следующий чин – майора. 15 сентября 1817 года Высочайшим приказом Дубельту присвоен чин подполковника. В 1818 году, в период службы в Киеве, он женился на Анне Николаевне Перовской – племяннице графа Н.С. Мордвинова. В 1819 году переведен в Московский пехотный полк. С 1821 года был переведен в должности дежурного штаб-офицера в 4-й пехотный корпус и проходил службу в Киеве. В 1822 г. он был назначен командиром Старооскольского пехотного полка, во время командования которым в 1826 г. за отличие по службе был произведен в полковники [Список полковникам: 238]. Командиром Старооскольского пехотного полка прослужил с 30.05.1822 г. по 29.12.1828 г. [Подмазо: 677–678].

В период службы Дубельта в должности дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса он состоял в членах масонских лож, и его сослуживец майор Унишевский писал об этом на него донос, однако Следственная комиссия не нашла таких доказательств и оставила донос без внимания [Декабристы: 255].

В декабре 1828 г. между начальником дивизии генералом С.В. Желтухиным и Л.В. Дубельтом произошёл конфликт, в связи с чем он пишет рапорт с прошением об увольнении. Высочайшим приказом 29 декабря 1828 года Дубельт был уволен со службы по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией. Его семья переезжает в имение Рыскино Тверской губернии.

1 февраля 1830 года полковник Л.В. Дубельт Высочайшим приказом был определен на службу в Корпус жандармов и приказом по Корпусу был назначен на должность штаб-офицера в Тверь. С этого периода и начинается его жандармская карьера⁸. Несмотря на то, что Дубельт официально числился помощником начальника отделения в Тверской губернии [Список полковникам 1830], однако в связи с болезнью дежурного штаб-офицера Сухарева он так и не отправился в Тверь, и приказом шефа жандармов генерал-адъютанта Бенкендорфа № 12 от 11 апреля 1830 года ему было предписано исполнять должность дежурного штаб-офицера Корпуса жандармов [Приказы]. Этот приказ явился значимым в дальнейшей карьере Дубельта, который своими умственными, общечеловеческими и профессиональными способностями так понравился графу Бенкендорфу, что тот до самой своей смерти не расставался с ним⁹. Высочайшим приказом 18 декабря 1830 года за 25 лет службы Дубельту был пожалован орден Святого Георгия 4-й степени [Стапанов, Григорович: 118].

А уже 3 октября 1831 года Л.В. Дубельту был пожалован диплом с гербом на потомственное дворянское достоинство¹⁰.

Следует отметить, что перед поступлением на службу в Корпус Л.В. Дубельт вёл по этому вопросу переписку со своей женой Анной Николаевной, которая не одобряла это его решение, а его же решение было твердо. Он писал своей жене: «Ты можешь быть спокойна, что я ни за что на свете не запятнаю своего доброго имени» [Половцев: 707–710]. И он с честью выполнил свое обещание.

По-видимому, граф А.Х. Бенкендорф, который сам признавал, что он не был готов к службе [Бенкендорф: 343], увидел в Дубельте профессионала, готового к такой службе, мнение которого шеф жандармов всегда учитывал.

8 октября 1831 года шеф жандармов генерал-адъютант Бенкендорф подписывает приказ за № 55, которым Л.В. Дубельт назначается дежурным штаб-офицером Корпуса [Приказы].

К Дубельту можно отнести слова Бенкендорфа: «...осознание благородных и спасительных намерений... и желание быть полезным новому государю заставили... согласиться и принять это новое место службы» [Бенкендорф: 343–344].

В этой должности одной из обязанностей Дубельта был подбор кадров в Корпус жандармов. Именно на его имя кандидаты на зачисление в Корпус жандармов писали прошения. Так, 16 января 1835 года отставной поручик Капорского пехотного полка П.И. Аверкиев написал прошение на имя Дубельта о зачислении его в Корпус жандармов. На данное прошение Дубельт дает следующий ответ: «...если Вы желаете служить в Корпусе жандармов, то для прибытия в Санкт-Петербург для предварительного испытания по службе считаю Вас предупредить, что такое прибытие, а равно как и отправление к месту Вашего назначения, в случае если Вы по испытании будете приняты в Корпус жандармов, должно быть произведено за собственный Ваш счет, без всякого пособия со стороны Правительства... Извещая Вас о сем, возвращаю Вам Милостивый Государь и доставленные ко мне документы. С совершенным уважением имею честь быть»¹¹.

Уволенный в отставку поручиком Аверкиев прошел успешное испытание и Высочайшим приказом 2 мая 1835 г. был определен вновь на службу в Корпус жандармов с чином поручика и назначен адъютантом при штаб-офицере в Костромской губернии. А сам Дубельт лично направлял на имя Аверкиева предложение отправиться к месту службы в г. Кострому к губернскому штаб-офицеру майору Гейкингу¹².

Следует отметить, что Дубельт, решая в указанной должности кадровые вопросы, до зачисления кандидатов в Корпус жандармов вел по данным вопросам

полную переписку и готовил для шефа жандармов и Главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа проекты документов, в том числе приказы о зачислении в Корпус жандармов.

Вот как отмечено в Высочайшем приказе о присвоении Дубельту первого генеральского звания: «Его Императорское Величество в присутствии Своем в Александрии близ Петергофа июля 1 дня 1835 года соизволил отдать следующий Приказ. Производится за отличие по службе из Полковников в Генерал-Майоры Исправляющий должность Начальника Штаба Корпуса Жандармов, онаго же Корпуса Дубельт 1-й с утверждением в настоящей должности» [Высочайшие приказы 1835].

А уже 7 июля 1835 года «Государь Император за отличное и совершенно-исправное управление по части временнаго Петергофского Военного Губернатора, равномерно за соблюдение тишины и примернаго порядка во время бывшего 1-го числа сего месяца праздника, объявляет Высочайшее благоволение Начальнику Штаба Корпуса Жандармов Генерал-майору Дубельту» [Приказы 1835].

В марте 1836 г. Л.В. Дубельт уже в должности начальника штаба Корпуса жандармов проводит инспекторский осмотр лейб-гвардии жандармскому полкуэскадрону и отмечает в своем рапорте на имя шефа жандармов генерал-адъютанта графа А.Х. Бенкендорфа, что «...все чины онаго удовлетворены следующим по Положению сполна и претензий не объявили; нижние чины, сохраняя бодрый и воинственный вид, одеты и вообще содержатся хорошо; оружие, амундичные вещи и конская сбруя в исправности; офицерские и строевые лошади в хорошем теле; и вообще как строевая, так и хозяйственная части найдены в отличном положении» [Приказы 1836].

Накопленный служебный опыт позволял Дубельту принимать важные решения в управлении государственными делами как в правоохранительной деятельности, так и в других делах государственного управления.

Именно Дубельт являлся инициатором и разработчиком нового Положения о корпусе жандармов 1836 г.¹³ Если предыдущее Положение 1827 г. касалось лишь общих принципов организации и управления органами жандармерии, то вновь разработанное с непосредственным участием Дубельта Положение более подробно регламентировало их деятельность. Он также подготавливал для Шефа жандармов графа Бенкендорфа различного рода инструкции, касающиеся всесторонней деятельности тайной полиции, которые впоследствии утверждались и направлялись для исполнения всем жандармским штаб и обер-офицерам. Несмотря на то, что современники и исследователи последнего времени считают неизвестными

авторов указанных инструкций, анализ их содержания в сопоставлении с анализом писем и заметок Дубельта позволяет нам сделать вывод о том, что именно он является автором ряда инструкций. Однако эти наши утверждения подлежат отдельному дальнейшему подробному исследованию.

При Дубельте в канцелярии было налажено делопроизводство. А когда сотрудник канцелярии Петров написал на имя императора анонимное письмо, по которому по инициативе Дубельта была сделана ревизия, всё делопроизводство оказалось в образцовом порядке. В результате Высочайшим приказом Дубельту, несмотря на его возражение в связи с тем, что он не выслужил еще законный срок, была пожалована Александровская лента к ордену [Дубельт: 494]. Он также инициировал создание архива III отделения Собственной Его Величества канцелярии. Именно при Дубельте всеподданнейшие годовые отчеты о действиях Корпуса жандармов стали более подробными и начали отражать наиболее значимые события в Российской империи.

7 февраля 1837 г. государь император на основании всеподданнейшего представления шефа жандармов за отлично-усердную и полезную службу приказом по Корпусу № 10 начальнику штаба Корпуса жандармов было объявлено Высочайшее благоволение, о чем было отмечено в приказе по Корпусу № 10. Следует отметить, что подлинник данного приказа подписал сам Л.В. Дубельт [Приказы].

3 июля 1837 г. Высочайшим приказом «за содействие к соблюдению тишины и примерного порядка во время бывшего 1-го числа сего месяца праздника в Петергофе» Л.В. Дубельту было объявлено Высочайшее благоволение. Следует отметить, что этим же приказом Высочайшее благоволение было объявлено и ряду других штаб и обер-офицеров, а нижним чинам «Его Величество жалует по рублю, по фунту говядины и по чарке вина на человека» [Приказы].

С 1 апреля 1838 года Высочайшим приказом Л.В. Дубельт определен состоять в свите Его Императорского Величества [Приказы].

6 декабря 1844 года за отличие по службе Высочайшим приказом Л.В. Дубельт произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в должности начальника Штаба Корпуса жандармов и с состоянием в свите Его Императорского Величества [Высочайшие приказы].

Нами установлен один-единственный случай, когда Дубельту в январе 1846 г. было объявлено дисциплинарное взыскание, о чем было объявлено в приказе по Корпусу: «По повелению Государя Наследника Цесаревича доставлен был в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии Государственный преступник Свидзинский, где и должен был содержаться под строжайшим надзором, впредь до ре-

шения его участи. В одиннадцатый день его заключения, к крайнему моему удивлению, получил я донесение от Начальника Штаба вверенного мне Корпуса Генерал-Лейтенанта Дубельта о побеге того арестанта. Относя сие упущение к слабому наблюдению за арестантами Начальника Штаба вверенного мне Корпуса Генерал-Лейтенанта Дубельта, я, хотя к крайнему моему сожалению, но нахожу себя обязанным сделать ему строгий выговор... Сим ограничивается мера взыскания единственно в надежде, что случай этот возобновит их усердие к службе, и во уважение того, что быстрое принятых мер к поимке бежавшего арестанта, он на третий день был пойман... За сим предписываю, дабы на безопасное содержание арестантов, обращено было наиболее строжайшее внимание, для чего и составить подробную инструкцию и поднести оную к моему утверждению». Этим же приказом были подвергнуты дисциплинарному взысканию и другие должностные лица: дежурный штаб-офицер полковник Куцынский, командир Санкт-Петербургского жандармского дивизиона полковник Циммерман, командир 2-го эскадрона штабс-капитан Шлендер, а рядовой Юрочкин, стоявший на часах при бежавшем арестанте, был предан суду [Приказы 1846].

Несмотря на наложенное взыскание, уже 7 апреля 1846 года Высочайшим приказом за отлично-усердную и ревностную службу генерал-лейтенанту Л.В. Дубельту была пожалована награда – орден Святого Владимира 2-й степени [Высочайшие приказы 1846].

В 1849 г. Дубельту Высочайшим приказом был пожалована редчайшая награда, которой награждались только высокие чиновники: золотая табакерка, украшенная бриллиантами с портретом «Его Величества»¹⁴.

По своей должности Дубельт принимал участие в делах высшего управления. Он являлся членом секретного Комитета о раскольниках, членом Главного управления цензуры.

Он также принимал самое активное участие в общественной жизни Российской империи. С 1839 г. состоял помощником попечителя, а с 1846 г. – почетным членом и попечителем Демидовского дома призрения трудящихся. В 1843 г. Высочайшим приказом он был утвержден в звании члена Санкт-Петербургского комитета попечительного общества о тюрьмах, а с 1843 по 1861 г. состоял попечителем Санкт-Петербургской детской больницы.

Следует отметить некоторую противоречивость в личности Дубельта по отношению к писателям. Так, он был категорически против печати после смерти А.С. Пушкина его произведений. И, наоборот, выступал за опубликование произведений Н.В. Гоголя.

Дубельт принимал самое непосредственное участие в судьбе многих людей, будь то петрашевцы, военные, а также простые люди без чинов.

Более 20 лет Дубельт занимал ответственные должности в Высшей полиции и играл значительную роль в среде высших государственных сановников. Он пользовался огромным доверием как императора Николая I, так и своих непосредственных руководителей: сначала графа А.Х. Бенкендорфа, а после его смерти – князя А.Ф. Орлова, которые всегда прислушивались к его мнению.

Как доказательство доверия и царской милости может служить разрешение императора Александра II – после ухода в 1856 г. Дубельта в отставку – являться каждую пятницу в 9 часов утра во дворец и без доклада входить к Его Величеству во время утреннего чая. Государь всегда оказывал ему самый милостивый прием и удостоивал продолжительными беседами и совещаниями о различных делах [Дубельт: 495].

В начале царствования императора Александра II Дубельт был уже в чине генерала от кавалерии и имел практически все существовавшие в Российской империи награды, в том числе ордена Святого Владимира I ст. и Александра Невского с алмазами.

После ухода в 1856 г. князя А.Ф. Орлова с должности шефа жандармов императором Александром II Дубельту было предложено занять этот пост, но он ответил отказом, ссылаясь на отсутствие у него титула, а затем 26 августа 1856 года Высочайшим приказом Дубельт был уволен в звании генерала от кавалерии с сохранением мундира и с пенсией полного оклада, передав дела генерал-майору А.Е. Тимашеву¹⁵.

О любви к Родине и его высокой духовности говорит нам обращение Л.В. Дубельта к своим детям: «Не заражайтесь бессмыслием Запада – это гадкая помойная яма, от которой кроме смрада ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям, они ни Вас и никого к добру не приведут... Не лучше ли красивая молодость России дряхлой гнилой старости Европы? Она 50 лет ищет совершенства и нашла ли его? Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших государей» [Седов: 178].

Следует отметить, что Дубельт был истинным патриотом, горячо любящим Россию. Одна его только фраза: «Как хорошо быть русским» [Дубельт Л.В.: 140] говорит о его высокой русской духовности.

Прослужив в общей сложности 55 лет, Дубельт скончался на 71 году от роду. Тело его погребено в Петербурге, на Смоленском православном кладбище.

Как отмечал великий российский юрист А.Ф. Кони: «...ценны люди с определенным нравственным обликом, чей многосторонний и бескорыстный труд не может проходить бесследно для общества, служению интересам и развитию самосознания которого он был всецело отдан. Чем

шире и разнороднее деятельность таких людей, тем интереснее их личность; чем богаче духовными дарами эта личность, тем глубже и плодотворнее результаты ее деятельности» [Кони 5: 36]. Эти слова относятся и к Л.В. Дубельту.

Исследование позволяет сделать следующие выводы:

Личность Л.В. Дубельта занимает особое место в истории деятельности правоохранительных органов Российской империи. Он служил преемственно трем великим монархам России: Александру Богословенному, Николаю I и Александру II. Его служебная деятельность во благо Отчизны была высоко оценена множеством наград, что, несомненно, свидетельствует о его достоинстве, величии трудов и заслуг [Надгробная речь: 2–4]. Он оказывал огромное влияние на государственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Именно в период 1830–60-х гг., когда Л.В. Дубельт занимал вышеуказанные должности, «политическая полиция представляла собой «идеальную модель» функционирования «высшей полиции», воплощая идею полицейского государства с его всепроникающей заботой о благе и спокойствии подданных императора» [Абакумов: 8].

Л.В. Дубельт внес значительный вклад в развитие деятельности правоохранительных органов Российской империи, в частности III отделения Собственной Его Величества канцелярии и Корпуса жандармов. Именно благодаря его неутомимой энергии и личностным качествам оказывалось огромное влияние на державную политику и состояние гражданского общества.

Он был одним из наиболее ярких представителей чиновничьей элиты первой половины XIX века. Заслуживают внимания его опыт по выработке новых подходов к организации деятельности политической полиции, её всестороннему обеспечению, кадровому комплектованию.

Накопленный им служебный опыт позволял Дубельту принимать важные решения в управлении государственными делами как в правоохранительной деятельности, так и в других делах государственного управления.

Исследование личности Л.В. Дубельта и его многогранной деятельности показывает, что в кадровой политике правоохранительных органов при оценке качественных характеристик руководителя таких органов, наряду с профессионализмом, необходимо учитывать, в какой мере этой личностью усвоен социальный опыт, традиции и ценности своего народа как показатель психологии и идеологии служения Отечеству. Пример личности Л.В. Дубельта, опыт его деятельности чрезвычайно важны в сложных современных условиях для дальнейшего развития правоохранительных органов.

Примечания

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ. правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/401425792> (дата обращения: 28.03.2022).

² Там же.

³ Здесь и далее – по старому стилю.

⁴ Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, далее ЦГИА). Ф. 963. Оп. 1. Д. 325.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 840.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 883.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1411.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 133.

⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 181.

¹⁰ Российский Государственный исторический архив (далее ЦГИА). Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3452.

¹¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 517. Л. 2–5.

¹² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 517. Л. 21.

¹³ «Высочайше утвержденное положение о корпусе жандармов (1 июля 1836 г.) № 9355 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 11. Отд. 1-е. (1836). СПб., 1837. С. 771–783.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1385.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 1788.

Список литературы

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Науч. кн., 2008. 212 с.

Бенкендорф А.Х. Воспоминания, 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. 763 с.

Бондарева О.Н. Духовно-нравственное воспитание учащихся в высшем техническом учебном заведении первой трети XIX века (на материале Санкт-Петербургского Горного кадетского корпуса): автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2015. 26 с.

В память столетнего юбилея Императорского военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869г.), сост. В.С. Степанов, Н.Н. Григорович. СПб., 1869. 446 с.

Высочайшие приказы о чинах военных 1835, 1836, 1844, 1846. СПб., 1806–.

Гениев Н.И. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881 гг. М., 1883. 384 с.

Декабристы: Биографический справочник / под ред. акад. М.В. Нечкиной. Москва: Наука, 1988. 450 с.

Дубельт Е. Леонтий Васильевич Дубельт: Биографический очерк // Русская старина. 1866. Т. 60. С. 491–497.

Дубельт Л.В. «Вера без добрых дел мертвая вещь» // Российский архив. М.: Студия «ТРИТЭ»: «Российский Архив», 1995. Вып. 6. С. 111–142.

Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др.; вступ. ст. С. Волка, М. Выдри, А. Муратова. М.: Юрид. лит. 1968. Т. 5. 535 с.

Надгробная речь, произнесенная при погребении бывшего господина попечителя Демидовского дома трудящихся, генерала от кавалерии Леонтия Васильевича Дубельта, 30 Апреля 1862 года. СПб., 1862. 4 с.

Подмазо А.А. Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 677–678.

Половцев А.А. Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1905. Т. 6. 750 с.

Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов. СПб., 1829, 1835, 1836, 1844.

Седов А.Д. К истокам тоталитарного сознания // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР, 1989, 396 с.

Список полковникам по старшинству. СПб., 1830. 267 с.

Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1828. 1042 с.

Список генералам по старшинству. СПб.: В воен. тип., 1857. 554 с.

References

Abakumov O.Yu. “...*Chtob нравstvennaja zaraza ne pronikla v nashi predely*”: *iz istorii bor'by III Otdelenija s evropejskim vlijaniem v Rossii* [“...So that the moral contagion does not penetrate our borders”: from the history of the struggle of the Third Branch with European influence in Russia (1830s – early 1860s)]. *Saratov, Scientific Journal Publ.*, 2008, 212 p. (In Russ.)

Benkendorf A.H. *Vospominanija, 1802–1837* [Memories, 1802–1837]. Moscow, Russian Cultural Foundation Publ., 2012, 763 p. (In Russ.)

Bondareva O.N. *Duhovno-nravstvennoe vospitanie uchashhihsja v vysshem tehničeskom učebnom zavedenii pervoj treti XIX veka* [Spiritual and moral education of students in a higher technical educational institution of the first third of the XIX century (based on the material of the St. Petersburg Mining Cadet Corps)]: abstract. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Saint Petersburg, 2015, 2008, 26 p. (In Russ.)

V pamjat' stoletnego jubileja Imperatorskogo voennogo ordena Svjatogo velikomuchenika i pobedonosca Georgija [In memory of the centenary of the Imperial Military Order of the Holy Great Martyr and Victorious George (1769–1869)], comp. by V.S. Stepanov, N.N. Grigorievich. St. Petersburg, 1869, 446 p. (In Russ.)

Vysochajšie prikazy o činah voennyh [The highest orders on military ranks 1835, 1836, 1844, 1846]. St. Petersburg, 1806–. (In Russ.)

Geniev N.I. *Istorija Pskovskogo pehotnogo generalfel'dmarshala knjazja Kutuzova-Smolenskogo polka* [The history of the Pskov Infantry Field Marshal General Prince Kutuzov-Smolensk regiment, 1700–1881]. Moscow, 1883, 384 p. (In Russ.)

Dekabristy: Biograficheskij spravocnik, ed. by M.V. Nechkina [The Decembrists: *Biographical directory*], ed. by M.V. Nechkina. Moscow, Science Publ., 1988, 450 p. (In Russ.)

Dubel't E. *Leontij Vasil'evich Dubel't: Biograficheskij ocherk* [Leonty Vasilyevich Dubelt: Biographical sketch]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1866, vol. 60, pp. 491–497 (In Russ.)

Dubel't L.V. «*Vera bez dobryh del mertvaja veshh'*» [“Faith without good deeds is a dead thing”]. *Rossijskij arhiv* [Russian Archive]. Moscow, Studio “TRITE”; “Russian Archive”, 1995, vol. 6, pp. 111–142. (In Russ.)

Koni A.F. Sobranie sochinenij: v 8 t. [Collected works: in 8 vols.], ed. by V.G. Bazanov et al.; Introduction. article by S. Volka, M. Vydry, A. Muratov. Moscow, Legal lit. Publ., 1968, vol. 5, 535 p. (In Russ.)

Nadgrobnaja rech', proiznesennaja pri pogrebenii byvshego Gospodina Popечitelja Demidovskogo Doma Trudjashhihsja, Generala ot kavalerii Leontija Vasil'evicha Dubel'ta. [The eulogy delivered at the burial of the former Mr. Trustee of the Demidovsky House of Workers, General of Cavalry Leonty Vasilyevich Dubelt, April 30, 1862]. St. Petersburg, 1862, 4 p. (In Russ.)

Podmazo A.A. *Otechestvennaja vojna 1812 goda: jenciklopedija* [The Patriotic War of 1812: encyclopedia]. Moscow, ROSSPAN Publ., 2004, 677–678 pp. (In Russ.)

Polovcev A.A. *Russkij biograficheskij slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 vols.]. St. Petersburg, 1905, vol. 6, 750 p. (In Russ.)

Rossija. Otdel'nyj korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov [Russia. A separate corps of gendarmes. Orders for the corps of gendarmes]. St. Petersburg, 1829, 1835, 1836, 1844. (In Russ.)

Sedov A.D. *K istokam totalitarnogo soznanija* [To the origins of totalitarian consciousness]: *Totalitarizm kak istoricheskij fenomen* [Totalitarianism as a historical phenomenon]. M., Philosophical Society of the USSR Publ., 1989, 396 p. (In Russ.)

Spisok polkovnikam po starshinstvu [A list of colonels by seniority]. St. Petersburg, 1830, 267 p. (In Russ.)

Spisok generalam, shtab- i ober-oficeram vsej Rossijskoj Armii, s pokazaniem chinov, familij i znakov otl'ichija [A list of generals, staff and chief officers of the entire Russian Army, with the indication of ranks, surnames and insignia]. St. Petersburg, 1828, 1042 p. (In Russ.)

Spisok generalam po starshinstvu [List of generals by seniority]. St. Petersburg, 1857, In the military printing house Publ., 554 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 33–36. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 33–36. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)“1930/1940”

EDN JQULKE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-33-36>

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ К ВЕРОЯТНОМУ ВОЕННОМУ КОНФЛИКТУ В НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.

Яковенко Сергей Николаевич, научный сотрудник, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия ВС РФ», Москва, Россия, yakovenko.serguei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0724-1574>

Аннотация. Статья описывает подготовку советской железнодорожной сети к возможному военному конфликту в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Рассмотрено и проанализировано состояние советской железнодорожной сети на западном направлении. Выявлены возможности по переброске войск и материальных средств железнодорожным транспортом на приграничной территории Советского Союза. Определены аналогичные возможности по переброске сил и средств вероятного противника на границу с СССР. Выявлены масштабы проводимых в предвоенное время строительных и производственных работ на оборонных объектах железнодорожного транспорта Народного комиссариата обороны на западном направлении. Раскрыта роль железнодорожных войск Красной армии, службы военных сообщений (ВОСО), а также Народного комиссариата путей сообщений в вопросе подготовки железнодорожной сети. Установлены основные факторы, влиявшие на состояние оборонного железнодорожного строительства на западном направлении. Установлено также, что проводившиеся перед началом Великой Отечественной войны работы по модернизации железнодорожной сети на западном направлении полностью выполнены не были.

Ключевые слова: Служба военных сообщений, ВОСО, Железнодорожные войска, Народный комиссариат путей сообщения, железнодорожная сеть, пропускная способность, западная граница СССР, нормальная колея, железная дорога узкой колеи.

Для цитирования: Яковенко С.Н. Подготовка советской железнодорожной сети на западном направлении к вероятному военному конфликту в начале 1940-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 33–36. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-33-36>

Research Article

PREPARATION OF THE SOVIET RAILWAY NETWORK IN THE WESTERN DIRECTION FOR A POSSIBLE MILITARY CONFLICT IN THE EARLY 1940S

Sergey N. Yacovenko, Researcher, Military Training and Research Centre of the Ground Forces Combined Arms Academy, Moscow, Russia, yakovenko.serguei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0724-1574>

Abstract. The article describes the preparation of the Soviet railway network for a possible military conflict in the late 1930s – early 1940s. The state of the Soviet railway network in the western direction is considered and analysed. The possibilities for the transfer of troops and materiel by rail on the border territory of the Soviet Union have been identified. Similar possibilities have been identified for the transfer of forces and means of a potential enemy to the border with the USSR. The scale of construction and production works carried out in the pre-war period at the defence facilities of the railway transport of the People’s Commissariat of Defence in the western direction has been revealed. The role of the railway troops of the Red Army, the Military Communications Service, as well as the People’s Commissariat of Railways in the preparation of the railway network is revealed. The main factors influencing the state of defence railway construction in the western direction have been established. It is also defined that the work that was being carried out in order to modernise the railway network in the western direction had not been fully completed by the start of the Axis aggression.

Keywords: Military Communications Service, Railway Troops, People’s Commissariat of Railways, railway network, capacity, western border of USSR, normal gauge, narrow gauge railway.

For citation: Yacovenko S.N. Preparation of the Soviet railway network in the western direction for a possible military conflict in the early 1940s. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 33–36. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-33-36>

В середине 1930-х гг. сложилась достаточно сложная ситуация с подготовкой советской железнодорожной сети к возможной войне, связанная, с одной стороны, с отсутствием четкого понимания будущего противника, а с другой – назревшей необходимостью интенсивного развития железнодорожного хозяйства в рамках проводимой индустриализации СССР.

По мнению командования Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА), основные направления деятельности по подготовке железнодорожной сети Советского Союза к возможной полномасштабной войне должны были обеспечить организацию следующих возможностей:

- перевозки и разгрузки войск в строгом соответствии с требованиями командования;
- подвоза средств материального снабжения во фронтовом и армейском тылу;
- восстановления железнодорожных и шоссейно-грунтовых путей со скоростью, равной среднесуточному продвижению армии при наступлении;
- охраны и обороны путей сообщения, наземной и противовоздушной;
- санитарной эвакуации и эвакуации материальных средств.

В соответствии с этими задачами III управления (военных сообщений; далее ВОСО) Генерального штаба РККА был составлен оперативный план и намечены мероприятия к устранению узких мест железнодорожных и шоссейно-грунтовой сети, а также мероприятия по частям и органам ВОСО².

Железнодорожная сеть западной границы СССР к 1935 г. по питающим ее тыловым направлениям обладала пропускной способностью в 680 поездов в сутки и обеспечивала ежедневную выгрузку на театр военных действий 460 воинских поездов. В переводе на войсковые соединения-это составляло около 12–13 стрелковых дивизий³. В сравнении с мощностью железнодорожной сети приграничной территории вероятного противника (Финляндия и Румыния) в поездах перевес в количестве был на стороне противника (477 эшелонов против 460). Преимущество это определялось как $\frac{1}{2}$ дивизии ежедневно. Одновременное вступление Германии и Польши в войну против СССР увеличивало перевес в количестве на 100 эшелонов ежесуточно и составляло 560 эшелонов, по расчётам III управления (ВОСО) Генерального штаба РККА. Несложный расчёт наглядно демонстрировал явное преимущество железнодорожной сети вероятного противника над советской.

При этом на фронте Ленинград – Себеж советская железнодорожная сеть допускала ежедневную выгрузку до 132 эшелонов при условии преимущества в пользу Себежского направления за счет Полоцкого. Если же поток Бологое – Великие Луки направлялся

на Полоцк, то на этот фронт можно было доставлять не более 100 эшелонов в сутки.

Финляндия, Эстония и Латвия могли также доставить около 100 эшелонов. В том случае преимущество в сроках сосредоточения было на стороне противника вследствие краткости пробега. На направлении Полоцк – Житковичи максимальные возможности были равны 210 эшелонам в сутки. Условный же противник мог обеспечить доставку 191 эшелона. С вступлением Германии в войну против СССР противник смог бы организовать 275 эшелонов против 210 советских⁴. На участке Коростень – Бирзулла максимальная возможность польских железных дорог составляла 150 эшелонов в сутки, а Румынских – 219.

Сложившаяся ситуация позволила III управлению (ВОСО) Генерального штаба РККА сформулировать следующие положения:

1. В условиях, когда предположительно против СССР выступали только приграничные государства на северном участке (Ленинград–Себеж), возможности советской железнодорожной сети и сети вероятных противников совпадали.

2. В случае выступления в качестве вероятного противника Польши (в районе Полесья) подразумевалось небольшое ($\frac{1}{2}$ дивизии в день) преимущество в подвозе польской армии.

3. При вступлении на стороне прибалтийских государств Германии преимущество всецело принадлежало противнику.

4. Лишь в условиях существования отдельных операционных направлений на стороне РККА имелось преимущество на Полоцком, Минском и Коростеньском направлениях. При использовании всех возможностей для перевозки войск в район Полоцк – Минск в этом случае можно было добиться поднятия до 158 эшелонов (около 4 стрелковых дивизий), с условием использования восточной рокады через Москву (пробег при этом составлял бы 5–5,5 дней)⁵.

Планом железнодорожного строительства на 1936–1940 гг. была намечена постройка новых линий, укладка вторых путей и усиление пропускных способностей железных дорог. С реализацией этого плана в значительной степени должна была усиливаться общая мощность железнодорожной сети Запада, а фронтовая сеть благодаря подвозу должна была ежедневно получать до 1077 поездов. Кроме того, в значительной степени должна была возрасти пропускная способность, а отсюда и манёвренность фронтовой сети.

Железнодорожная сеть на территории Польши и Прибалтики отличалась пестротой. Существовали пути различной колеи: нормальной (русской – 1 524 мм либо европейской – 1 435 мм), а также железнодорожные пути узкоколейные (700 или 600 мм), последние из которых представляли собой герман-

ское наследство и являлись военно-полевыми железными дорогами [Верхотуров: 65].

Во время Первой мировой войны немцы на оккупированных территориях Прибалтики перешивали русскую железнодорожную колею на европейскую с целью беспрепятственного осуществления подвоза снабжения для своих войск. За 1914–1918 гг. они успели полностью перешить железные дороги в Литве на колею размера 1435 мм.

Тем не менее большая часть латвийских и эстонских железных дорог остались на русской железнодорожной колее. В целом после передачи Германией Литве железные дороги были не в лучшем состоянии. Все это привело к тому, что развитие литовских железных дорог было медленным. Всего за годы независимости в Литве было построено 278 км новых дорог с нормальной колеи [Рубинштейн: 65].

В Латвии железнодорожное строительство проходило более интенсивно, всего до 1940 г. было построено 465,9 км дорог с нормальной колеи и 331,4 км узкоколейных дорог [Верхотуров: 66]. В Эстонии же к 1938 г. было построено порядка 409 км железных дорог [Медведев: 55]. По итогам Первой мировой войны Польше досталось почти 16 тыс. км железных дорог, при этом она активно продолжала строительство новых. После того как Польша перестала существовать как независимое государство, к Германии и СССР отошли и польские железные дороги со всей инфраструктурой, при этом Германии досталась самая развитая часть этих дорог.

В начале 1940-х гг. ситуация с оперативными возможностями железнодорожной сети СССР на западном направлении претерпела существенные изменения. На территориях западной Украины и Белоруссии, присоединённых к Советскому Союзу, приказом Народного комиссариата путей сообщений (далее НКПС) № 229/ц от 2 декабря 1939 г. было организовано две железные дороги: Белостокская и Брест-Литовская⁶. Большой проблемой стало то, что указанные железные дороги по качественному состоянию своей сети требовали обязательной модернизации станционного хозяйства, инфраструктуры и связи. Это было вызвано недостаточным развитием узловых станций. Необходима была также перешивка на советскую железнодорожную колею, что в большинстве своём было выполнено к началу 1941 г. Севернее магистрали Брест – Барановичи, на территории бывших Польских и Литовских железных дорог, а также южнее на Прикарпатских железных дорогах, ведущих к границе в Бессарабии, существовала большая сеть дорог, функционировавшая на европейской колее.

Помимо пестроты железнодорожной сети на вновь присоединённых территориях, существовала также проблема увеличения пропускной способности железнодорожного транспорта. Так, к 1941 г.

на наиболее важных направлениях (Ровно, Минск, Полоцк, Львов, Барановичи, Брест и др.) пропускная способность не была увеличена по причине того, что проводившиеся работы до конца доведены не были. Попытка увеличения пропускной способности строительством вторых путей результата не дала, так как развитие узловых станций не позволяло использовать полноценно вторые пути. По сути не развитые узловые станции создавали эффект торможения движения на железных дорогах – так называемый эффект «бутылочного горлышка». При этом скученность железнодорожных составов на узловых станциях превращала их в великолепную цель для вражеской авиации.

Весной 1941 г. были сделаны попытки ускорить реконструкцию железных дорог в западных районах. Приказом Народного комиссариата обороны № 096 от 11 марта 1941 г. в соответствии с решением Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) на железнодорожные войска РККА было возложено строительство железнодорожных линий:

- Ораничицы – Беловеж – Бельск;
- Тимковичи – Барановичи;
- Киверцы – Луцк – Войница;
- Вапнярка – Могилев – Подольский.

На строительство привлекались железнодорожные войска с штатной техникой, слушатели Военно-транспортной академии РККА им. Л.М. Кагановича и курсанты Ленинградского Краснознаменного училища военных сообщений им. М.В. Фрунзе. Общее руководство строительством было возложено на начальника ВОСО РККА генерала-лейтенанта технических войск Н.И. Трубецкого⁷.

Огромная программа железнодорожного строительства начала 1940-х гг. полностью выполнена не была, местами к ее выполнению даже не успели приступить. Порученное НКПС оборонное строительство железных дорог в 1941 г. проходило медленно. Строительство новых железнодорожных линий было выполнено на 13,4 %, работы по запланированным 11 объектам не были начаты. Оборонное строительство в Киевском, Одесском, Западном военных округах имело большое отставание от запланированных темпов: по линиям Иваниче – Камеонка – 17,3 %; Овидиополь – Аккерман – 13,8 %; Ново-Гробля – Подганец – 31,9 % от годового плана строительства. Особенно медленно шло переустройство и дальнейшее развитие железных дорог на территориях, недавно вошедших в СССР⁸. При этом задействованные в оборонном строительстве железнодорожные войска возложенные на них задачи по строительству и развитию железнодорожной сети выполняли, в основном придерживаясь плана. Основной проблемой стало слабое обеспечение средствами механизации, а также дефицит строительных материалов, которы-

ми железнодорожные войска должен был обеспечивать НКПС (пиломатериалы, цемент, щебень и т.д.)⁹.

Железные дороги Западной Украины и Западной Белоруссии к началу Великой Отечественной войны обладали ограниченной пропускной способностью, станционное хозяйство было развито слабо, линии связи находились в плохом состоянии. Возникшие проблемы по пропускной способности на новой границе не позволяли организовать подвоз войск и материальных средств в необходимом количестве. По данным начальника ВОСО РККА генерала-лейтенанта Н.И. Трубецкого, к новой границе Красная армия могла подвезти 444 железнодорожных состава в сутки, а к старой границе можно было подвезти 871 составов [Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945: 56]. Все это привело к появлению Постановления СНК СССР «О ходе оборонного железнодорожного строительства по плану 1941 г.», обязавшего ассигновать НКПС дополнительные средства на продолжение оборонного строительства и привлечения дополнительных сил Особого корпуса железнодорожных войск к проводившемуся строительству.

Таким образом, можно сказать, что проводившиеся перед началом Великой Отечественной войны работы по модернизации железнодорожной сети на западном направлении в Киевском, Одесском, Западном военных округах полностью выполнены не были. Создавшаяся на железной дороге ситуация способствовала появлению транспортной неразберихи в первые дни начавшейся Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33. Оп. 13. Д. 186. Л. 2
- ² РГВА. Ф. 33. Оп. 13. Д. 186. Л. 2.
- ³ РГВА. Ф. 33. Оп. 13. Д. 186. Л. 3.
- ⁴ РГВА. Ф. 33. Оп. 13. Д. 186. Л. 5.

⁵ РГВА. Ф. 22497. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 610.

⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 2. Оп. 11569. Д. 21.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 2 Оп. 11569. Д. 21. Л. 21.

Список литературы

Верхотуров Д.Н. Фиаско 1941: трусость или измена? М.: Яуза, 2015. 316 с.

Рубинштейн К.И. Литва: полит.-экон. очерк. М.: Соцэкгиз, 1940. 108 с.

Медведев А. Эстония. М.: [б. и.], 1940. 119 с.

Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы // Русский архив. Т. 25. М.: Terra, 1998. 736 с.

References

Verhoturov D.N. *Fiasko 1941: trusost' ili izmena?* [Fiasko 1941: cowardice or treason?]. Moscow, Jauza Publ., 2015, 316 p.

Rubinshtejn K.I. *Litva: polit.-jekon. ocherk* [Lithuania: political and economic essay]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1940, 108 p.

Medvedev A. *Jestonija* [Estonia]. Moscow, 1940. 119 p.

Tyl Krasnoj Armii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy [Rear of the Red Army in the Great Patriotic War 1941–1945: Documents and materials]. *Russkij arhiv* [Russian archive], vol. 25. M., Terra Publ., 1998, 736 p.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 37–44. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 37–44. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 677:94

EDN KOKFCK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-37-44>

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Белгородский Валерий Савельевич, доктор социологических наук, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Дембицкий Сергей Геннадьевич, доктор экономических наук, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия, dembitkij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению подготовки инженерно-технических кадров для текстильной промышленности. В условиях третьей пятилетки она приобрела особую актуальность, поскольку перед текстильщиками страны были поставлены задачи по значительному увеличению производственных мощностей с целью обеспечения роста выпуска продукции для гражданского населения и технических тканей. Для этого требовалось не только сгладить последствия от массовых репрессий 1937–1938 гг. в отношении руководителей и инженерно-технических работников фабрик и заводов, но и подготовить огромное количество высококвалифицированных специалистов для текстильной отрасли промышленности. Реализация поставленной задачи осуществлялась в условиях острого недостатка учебных помещений, их перегруженности, а также дефицита общежитий для студентов и жилья для профессорско-преподавательского состава высших технических учебных заведений. Важное внимание уделялось деятельности научно-исследовательских институтов, их связи с предприятиями, внедрению в производство научных разработок. Несмотря на создание новых текстильных районов в Западной Сибири, Средней Азии и в Закавказье, подготовка инженерно-технических кадров по-прежнему осуществлялась в Москве, Ленинграде и Иванове. Создание новых вузов сдерживалось недостатком капиталовложений, отсутствием материально-технической базы, научных и преподавательских кадров, а также наличием других проблем. И тем не менее существовавшая в предвоенный период система научно-исследовательских учреждений, высших технических учебных заведений, промакадемий и техникумов позволяла готовить большое количество квалифицированных специалистов, формировать ряды советской научно-технической интеллигенции.

Ключевые слова: третья пятилетка, последствия репрессий, новые производственные районы, дефицит кадров, научно-исследовательские институты, высшие технические учебные заведения, промышленные академии, заочное обучение, техникумы.

Для цитирования: Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С. Подготовка инженерно-технических кадров для предприятий текстильной промышленности в предвоенный период // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3, С. 37–44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-37-44>

Research Article

TRAINING OF ENGINEERING AND TECHNICAL PERSONNEL FOR TEXTILE INDUSTRY ENTERPRISES IN THE PRE-WAR PERIOD IN THE USSR

Valery S. Belgorodsky, Doctor of Sociological Sciences, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Sergey G. Dembitsky, Doctor of Economical Sciences, Kosygin Russian State University (Technologies, Design. Art), Moscow, Russia, dembitkij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article is devoted to the study of the training of engineering and technical personnel for the textile industry of the USSR. In the conditions of the third five-year plan, it has acquired particular urgency, since the textile workers of the country were tasked with significantly increasing production capacity in order to ensure the growth of output for

the civilian population and technical fabrics. To do this, it was necessary not only to smooth out the consequences of the mass repressions of 1937-1938 in relation to managers and engineering and technical workers of factories and plants, but also to train a huge number of highly qualified specialists for the textile industry. The implementation of the task was carried out in conditions of an acute shortage of educational facilities, their congestion, as well as a shortage of dormitories for students and housing for the teaching staff of higher technical educational institutions. Important attention was paid to the activities of scientific research institutes, their relations with enterprises, and the introduction of scientific developments into production. Despite the creation of new textile districts in Western Siberia, Central Asia and Transcaucasia, the training of engineering and technical personnel was still carried out in Moscow, Leningrad and Ivanovo. The creation of new higher education institutions was hindered by the lack of capital investments, the lack of material and technical base, scientific and teaching staff, as well as the presence of other problems. Nevertheless, the system of scientific research institutes, higher technical educational institutions, industrial academies and technical schools that existed in the pre-war period made it possible to train a large number of qualified specialists, to form the ranks of the Soviet scientific and technical intelligentsia.

Keywords: 3rd five-year plan, consequences of repressions, new production areas, shortage of personnel, scientific research institutes, higher technical educational institutions, industrial academies, distance learning, technical schools.

For citation: Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G. Okolotin V.S. Training of engineering and technical personnel for textile industry enterprises in the pre-war period in the USSR. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 37–44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-37-44>

В народнохозяйственном плане на третью пятилетку развитию текстильной промышленности и прежде всего ее хлопчатобумажной отрасли было уделено важное внимание. Несмотря на систематическое повышение объема производства, выпуск хлопчатобумажных тканей в стране в пересчете на душу населения был значительно ниже уровня, достигнутого ведущими европейскими государствами и США (табл. 1) [Речь тов. Косыгина: 38].

О том, что было запланировано на третью пятилетку для преодоления существовавшего отставания, свидетельствуют публикации журнала «Легкая промышленность». Несмотря на то, что он являлся ежемесячным печатным органом по экономике и технике легкой индустрии, в нем публиковались статьи, освещавшие проблемы текстильной отрасли промышленности и подготовки для нее инженерно-технических работников. Их авторами были руководители Наркоматов легкой и текстильной промышленности, а также представители научно-исследовательских и высших технических учебных заведений, в частности А.Н. Косыгин, Н.В. Алтунджи, Н.И. Золотарев, Н.Е. Ожиганов, В.А. Парнеев, В.И. Зайцев, В.И. Солонинкин, А.Е. Лурье и др. Значительная часть обсуждавшихся ими вопросов, от решения которых во многом зависело поступательное развитие

текстильной промышленности, еще не нашла отражения в современном научном обороте. Важно это и для того, чтобы сформировать общее представление о потенциале текстильной промышленности и ее уровне развития накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Итак, за вторую пятилетку в СССР было произведено 13 854 млн метров хлопчатобумажных тканей, что оказалось ниже намеченного плана. Более того, текстильное производство стало единственным среди отраслей народного хозяйства с низким выполнением плановых показателей второго пятилетия. Это, по словам наркома текстильной промышленности А.Н. Косыгина, сдерживало развитие других народнохозяйственных отраслей и не способствовало удовлетворению потребностей населения. Среди причин невыполнения плановых показателей была названа вредительская деятельность бывшего наркома легкой промышленности И.Е. Любимова и его сподвижников, репрессированных во второй половине 1937 года [Зайцев: 23].

О масштабе репрессий в текстильной промышленности свидетельствуют данные по Ивановской области. Так, 19 сентября 1937 г. начальник УНКВД А.П. Радзивилковский доложил в центр о ликвидации в текстильной промышленности Ивановской области

Таблица 1

Выработка хлопчатобумажных тканей на душу населения, м
(см.: [Алтунджи: 26])

Страны	Уровень производства	За вычетом экспорта	Данные за годы
США	58,0	58,0	1937
Англия	60,0	29,0	1937
Япония	57,0	19,0	1937
Франция	31,0	14,2	1936
СССР	16,0	–	1937

«диверсионно-вредительских контрреволюционных организаций» и 25 групп, проводивших подрывную работу. По этим делам было арестовано 180 человек, в том числе 18 директоров текстильных предприятий, 3 начальника главков, 5 профессоров и доцентов, 62 инженера, 45 мастеров, 47 рабочих и служащих. Как говорилось в донесении, арестованные показали, что «подрывная» и «диверсионная» работа проводилась ими по целому ряду направлений. В частности, по срыву обеспечения текстильных предприятий оборудованием, запасными частями и вспомогательными материалами, что приводило к крайнему износу имевшегося оборудования, низкой производительности труда, а также умышленному омертвлению средств, выделяемых текстильной промышленности. Одновременно ими была «умышленно» и «чрезвычайно» запутана система заработной платы, построенная таким образом, чтобы парализовать стимул к выполнению и перевыполнению рабочими и служащими производственных планов. Деятельность указанных «вредителей» на фоне «умышленного» срыва планов жилищно-бытового строительства, перебоев в торговле и снабжении «должна была приводить к систематическим недовольствам трудящихся, отражаться на их производственной работе и в конечном итоге вызвать провокационным путем выступление против партии и советской власти» [Из истории органов: 242–243].

В целях преодоления «последствий вредительства» в текстильной промышленности было решено в третьей пятилетке довести производство хлопчатобумажных тканей до 19 млрд метров, или до 26,9 метра на душу населения в СССР. Для достижения такого показателя, утверждал А.Н. Косыгин, она должна была за годы пятилетки пройти такой путь, который текстильная промышленность «старой, царской России проходила за 30–40 лет».

Прежде всего, было необходимо преодолеть отставание производственных мощностей хлопчатобумажной промышленности от сырьевых ресурсов страны. Оно предполагалось через строительство новых хлопчатобумажных предприятий в виде законченных комбинатов, которые должны были выпускать готовые ткани широкого потребления и частично технические ткани. Кроме того, чтобы ликвидировать диспропорцию между прядением и ткачеством, удовлетворить потребности смежных отраслей промышленности, намечалось строительство прядильных фабрик.

При размещении нового строительства предполагалось исходить «из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР [Алтунджи: 27]. В основных районах размещения хлопчатобумажной промышленности, то есть Московской и Ивановской областях (кроме Ленинградской, где совсем не намечалось строительство новых фабрик), новое строительство планировалось развернуть с целью ликвидации диспропорции между прядением и ткачеством. В этих районах планировалось строить только прядильные фабрики для удовлетворения нужд потребителей в хлопчатобумажной пряже. Мощность прядильных фабрик в Центральном промышленном районе была определена в 333 тыс. веретен с расчетом выпуска 10–11 тыс. тонн пряжи средних и 2 тыс. тонн пряжи преимущественно высоких номеров. Строительство прядильных фабрик в 87 тыс. веретен с выпуском 7 тыс. тонн пряжи преимущественно низких номеров для удовлетворения местных нужд также было намечено в УССР и БССР. Их строительство позволило бы прекратить перевозки пряжи из Московской области в указанные республики. Кроме прядильных фабрик в основных районах хлопчатобумажной промышленности предполагалось построить фабрики технических тканей с приближением их к потребителям. Три из них были запланированы в Московской и Ивановской областях. Их мощности в совокупности с вновь построенным аналогичным предприятием в Западной Сибири должны были составить 190 тыс. веретен и 4,5 станков с ежегодным производством 37 млн метров технических тканей [Алтунджи: 28].

Несмотря на усилия по развитию хлопчатобумажных предприятий в Центральной России, основное внимание в развитии текстильной промышленности все же было решено уделить Западной и Восточной Сибири, а также Дальнему Востоку. Данные районы должны были стать новой индустриально-энергетической базой для всего народного хозяйства страны. Создание текстильной базы на Востоке предполагалось осуществить еще в ходе реализации второго пятилетнего плана. Это аргументировалось необходимостью приблизить производство хлопчатобумажных изделий к потребителю, поскольку завод хлопчатобумажных тканей в Западную Сибирь по данным за 1938 г. составил 225 млн метров ткани (включая швейную промышленность) при населении 12 млн человек. При этом поставщиками текстильной продукции в эту часть страны являлись фабрики промышленной части Центральной России. Создание хлопчатобумажной базы на Востоке позволило бы ликвидировать дальние и чрезвычайно дорогие перевозки. Таким образом, строительство хлопчатобумажных фабрик в Западной Сибири сэкономило бы значительную часть государственных средств на железнодорожных перевозках (табл. 2).

Точками строительства были намечены Барнаул, район Кузбасса, Новосибирск. В Барнауле еще в 1934 г. был построен и пущен в эксплуатацию Бар-

Намечаемый Наркоматом текстильной промышленности объем строительства хлопчатобумажных фабрик в Западной Сибири в третьем пятилетии [Алтунджи: 28]

	Проектная мощность			
	Веретен (в тыс.)	Станков (в тыс.)	Выпуск тканей (в млн м)	Выпуск ниток (в млн катушек)
Всего	625,0	14,15	240,3	300
<i>В том числе:</i>				
Закомбинированные фабрики по выпуску отделанных тканей широкого потребления	515,0	13,0	102,5	–
Фабрики технических тканей	50,0	1,15	47,8	–
Ниточная фабрика	65	–	–	300

наульский хлопчатобумажный меланжевый комбинат мощностью 100 тыс. веретен, 1,6 тыс. станков с выпуском 35 млн метров ткани в год. Он стал первым производителем смесовых и хлопчатобумажных тканей за Уралом с полным технологическим циклом, включающим производство пряжи, готовых и суровых тканей. Для дальнейшего развития текстильного производства в Барнауле планировалось расширить его производственные мощности и создать на нем учебно-производственную базу для подготовки кадров. В Новосибирске начатую постройкой в 1939 г. хлопчатобумажную фабрику предполагалось скооперировать со строящейся там трикотажной фабрикой [Алтунджи: 28].

Средняя Азия рассматривалась как другой важный хлопководческий и текстильный центр страны, основа которого была заложена в предшествующие пятилетки. В частности, были построены и введены в действие три фабрики мощностью в 145 тыс. веретен и 4,5 тыс. станков. Две из них – в Фергане и Ашхабаде – предполагалось расширить на 50 тыс. веретен и 1 тыс. станков. Было запланировано продолжение строительства второй очереди комбината им. Сталина в Ташкенте и фабрики в Сталинабаде. В результате к концу третьей пятилетки Средняя Азия должна была иметь достаточно мощную текстильную базу (446 тыс. веретен и 12 тыс. станков). Однако и этот объем не удовлетворял потребности региона в хлопчатобумажной продукции. Ввоз хлопчатобумажных тканей в Среднюю Азию по данным за 1938 г. составил 346 млн метров на 16 млн человек населения. Выпуск же продукции по проектной мощности всех фабрик района к концу третьего пятилетия должен был составить лишь 210 млн метров ткани в год [Алтунджи: 29]. Предполагалось, что продукция новостроек дополнит ассортимент тканей, вырабатываемых существующими фабриками, и прежде всего группу ситцевых и сатиновых материалов, а также тонких гребенных плательных и бельевых тканей, белья бязевого типа, одежно-плательных тканей и т. д.

Республики Закавказья рассматривались в качестве еще одного района хлопководства и дополни-

тельной базы для текстильной промышленности. Ее мощность по прядильному оборудованию составляла 150 тыс. веретен, а ткацкого – 4,3 тыс. станков. Новое строительство предусматривало ввод в эксплуатацию 168 тыс. веретен и около 4 тыс. станков [Алтунджи: 29]. Однако завершение развертывания текстильной базы в Закавказье было намечено лишь на четвертую пятилетку. К этому времени она должна была обладать мощностью в 338 тыс. веретен и 8,2 тыс. станков. Но и это не могло удовлетворить потребности данного региона. По состоянию на 1938 г. ввоз тканей в него составлял 138 млн метров на 7 млн человек населения.

Для решения задач третьей пятилетки важно было обеспечить вновь построенные предприятия соответствующим оборудованием. С этой целью требовалось укрепить отечественное текстильное машиностроение и привлечь к этой работе лучшие силы конструкторов. Утверждалось, что на машиностроительную отрасль промышленности необходимо возложить обязанность и ответственность «за полный монтаж и своевременный пуск построенных комбинатов». Более того, реализация этой задачи виделась по типу американской промышленности, которая комплектно производила, поставляла и обеспечивала монтаж оборудования для целой текстильной фабрики. При этом станки предполагалось обеспечивать электродвигателями, что влекло за собой увеличение снабжения текстильных предприятий, прежде всего, не за счет фабричных силовых установок, а благодаря мощным электростанциям. Особенно это относилось к фабрикам и комбинатам Центральной России, у которых не было собственной энергетической базы, а мощность усиливалась за счет установки нового оборудования. Разрозненность таких поставок со стороны отечественной промышленности зачастую приводила к некомплектности и замораживанию уже установленного оборудования [Речь тов. Косыгина: 39–40].

Подготовка кадров. Выполнение столь грандиозных задач было невозможно без подготовки кадров инженерно-технических работников для действующих и вновь строящихся предприятий. Это позволило

бы избежать ситуации, когда комбинат или фабрика были построены, а функционировать не могли из-за отсутствия рабочей силы и инженеров. Однако если рабочих массовых профессий можно было готовить там, где намечалось строительство, то для подготовки инженерно-технических работников требовалась соответствующая академическая база с профессорско-преподавательским составом, создание которой требовало значительного времени. Более того, для новых предприятий нужны были не только специалисты текстильно-технического профиля, но и инженеры-строители и энергетики, подготовка которых в высших учебных заведениях НКТ СССР не осуществлялась [Речь тов. Косыгина: 40]. Обеспечение технологического прорыва в текстильной промышленности было невозможно без осуществления научно-исследовательской деятельности, сопряженной с производством. На решение этих задач и была направлена деятельность системы научно-исследовательских и высших технических учебных заведений страны.

Научно-исследовательские институты. Система научно-исследовательских учреждений, входивших в структуру НКТ СССР, была представлена двумя научно-исследовательскими институтами хлопчатобумажной промышленности. Это Центральный научно-исследовательский институт (ЦНИХБИ), располагавшийся в помещениях Московского текстильного института, и Ивановский научно-исследовательский текстильный институт. Кроме указанных институтов действовали три крупные лаборатории в Москве, Ленинграде и Серпухове, а также ряд научно-исследовательских лабораторий при высших учебных заведениях: Московском, Ленинградском и Ивановском текстильных институтах. Их дополняли лаборатории на фабриках: им. Октябрьской революции, Глуховской новогребенной, прядильной им. Калинина и т. д. Именно в институтах и лабораториях в предвоенные годы была заложена основа отечественной школы ученых-текстильщиков. Однако, несмотря на серьезные научные достижения, как утверждалось на страницах журнала «Легкая промышленность», «промышленность еще не чувствует результатов работы Центрального научно-исследовательского института хлопчатобумажной промышленности и еще в большей мере – результатов других институтов и лабораторий» [Золотарев: 25]. Там же говорилось о необходимости изменения методики внедрения научно-технических разработок. До сих пор такие внедрения осуществлялись «широким фронтом – мелкими порциями на многих фабриках», тогда как, по мнению начальника технического сектора 1-го Московского хлопчатобумажного главка Н.И. Золотарева, важно было сначала апробировать их на одном предприятии, а затем массово тира-

жировать в производство. Совершенно недопустимо, говорил он же, «чтобы институты не выпускали научно-технические работы без технико-экономического обоснования» и определяли эффективность каждой из них. Требовалась также специализация научных работников в институтах на определенных направлениях, так как их периодическая и тематическая переориентация приводит к распылению усилий и отвлечению внимания на другие объекты [Золотарев: 26].

Не менее острые претензии к ЦНИХБИ предъявлялись и со стороны заведующего Московской хлопчатобумажной ткацкой фабрики им. Фрунзе Н.Е. Ожиганова. Не углубляясь в их техническую составляющую, следует обратить внимание лишь на итоговое умозаключение автора. По его утверждению, перед институтом стояла почетная задача – превратить фабрику им. Фрунзе в передовое в техническом отношении предприятие, внедрить на ней все последние достижения научно-исследовательской мысли, которые бы способствовали развитию стахановского движения, а затем перенести опыт фрунзенцев на остальные предприятия хлопчатобумажной промышленности. Однако «с этой задачей институт не справился только потому, что избрал порочный путь «науки ради науки» [Ожиганов: 27]. И такие примеры можно продолжать [Парнеев: 27–29].

Высшие технические учебные заведения (втузы). К началу третьего пятилетия втузы сыграли огромную роль в деле насыщения промышленности квалифицированными техническими кадрами. В общей сложности в них обучалось свыше 10 тыс. студентов. Они располагали широкой номенклатурой специальностей применительно к потребностям промышленности. Так, Московский текстильный институт, насчитывавший свыше 3 тыс. учащихся, готовил специалистов почти по всем видам первичной обработки хлопка, прядению, ткачеству, художественному оформлению тканей, шерстяному прядению, по искусственному шелку, трикотажному и иным производствам. Ленинградский текстильный институт им. Кирова кроме указанных специалистов готовил экономистов и плановиков, специалистов по бухгалтерскому учету. Костромской институт специализировался на подготовке инженеров по первичной обработке и прядению лубяных волокон. Московский кожевенный институт им. Л.М. Кагановича осуществлял подготовку инженеров по технологии кожи, ее заменителей и изделий из них, механиков кожевенного и обувного производства, инженеров-механиков по стеклу и механиков-энергетиков.

В институтах работали свыше 900 штатных преподавателей, из которых лишь 165 человек являлись преподавателями и старшими преподавателями, а остальные имели научные степени и звания. Среди них известные ученые В.В. Линде – доктор техниче-

ских наук, проф. Н.Я. Канарский – директор Московского текстильного института, проф. В.К. Задарновский и многие другие.

Набор абитуриентов по втузам из года в год неуклонно возрастал. Если в 1936 г. он составил 1 500 человек, в 1937 г. – 2 000, то в 1938 г. при плане 2 600 было принято 2 740 человек. В Московском и Ленинградском институтах по социальному происхождению около половины первокурсников являлись детьми рабочих и колхозников, большинство из которых окончило среднюю школу. При этом 74 % от всех первокурсников составляли девушки. Изменился возрастной состав студентов 1-го курса. Так, в МТИ студенты в возрасте от 18 лет составляли около 40 %, в то время как в предыдущие годы учащихся такого возраста насчитывались единицы [Солонинкин: 24].

В соответствии с указанием СНК СССР во втузах были перестроены методы обучения студентов, учебные планы и режим, ликвидирована многопредметность, установлен 6-часовой учебный день, сокращено число дисциплин, изучаемых студентами (на первых курсах – до 7, на старших курсах – до 5–6). Проведена значительная работа по уточнению курсового и дипломного проектирования, увеличено время на практические работы студентов и т. д. Существовавший ранее бригадно-лабораторный метод обучения был полностью заменен лекциями профессоров и доцентов, а также практическими занятиями студентов в производственных мастерских, лабораториях и кабинетах. Первоочередное внимание было уделено производственной практике учащихся под руководством преподавателей.

Несмотря на общий подъем и улучшение учебной работы, в ней имели место существенные недостатки. Так, высокой продолжала оставаться академическая задолженность. В 1938 г. в МТИ 16,6 % студентов не сдали установленных экзаменов, в Костромском – 18,4 %, а Ленинградском – 24,5 % учащихся. Отсев по втузам составил: в Ленинградском институте – 14 % от общего числа студентов, в Костромском – 9,4 %. Всего в 1938 г. втузы окончили 1 222 чел., из которых 781 студент получил специальность инженера прядильного и ткацкого производств [Солонинкин: 25].

Нарекания существовали и к научно-исследовательской деятельности втузов. Так, из 110 тем научно-исследовательских работ по Московскому текстильному институту 101 тема была разработана на 25 %, а остальные даже не охватывались разработкой. Более того, несмотря на отпуск средств на проведение научно-исследовательских работ, ряд институтов их не осваивал. В частности, Ивановский текстильный институт из 25 тыс. руб., ассигнованных ему, израсходовал лишь 7,5 тыс. руб. Московский текстильный институт из 112 тыс. руб. – 69 тыс.

руб. Это характеризовало, по мнению В.И. Солоникина, не только отношение втузов к научно-исследовательской работе, но и непрочность отношений кафедр институтов с текстильными главками НКТ СССР [Солонинкин: 25].

Решения требовали проблемы с учебной мощностью втузов и жилищной базой для студентов и профессорско-преподавательского состава. Так, в МТИ на 120 учебных групп было всего лишь 32 аудитории. В результате институт работал в две смены. Остро не доставало общежитий: для обеспечения набора 1938/39 учебного года пришлось размещать студентов в спортивном зале, красных уголках и других помещениях. Аналогичная ситуация была и в других втузах. В частности, Ивановскому текстильному институту требовалось строительство общежития и дома для профессорско-преподавательского состава [Солонинкин: с. 26]. Наличие указанных проблем, несомненно, препятствовало качественной подготовке специалистов и увеличению их выпуска для текстильной и легкой промышленности страны.

Заочная форма обучения. Всесоюзный заочный институт легкой промышленности (ВЗИЛП) был образован 1 января 1938 г. Основной целью его организации являлось создание полноценного учебного заведения, способного наряду со стационарными учебными заведениями дать промышленности нужные квалифицированные кадры инженерно-технических работников. В нем были образованы пять факультетов: текстильный, кожевенно-обувной, швейный, энерго-механический, инженерно-экономический и техникум. Технологические факультеты института готовили инженеров-технологов и техников-прядильщиков, ткачей, отделочников, трикотажников, кожевников, обувщиков; энерго-механический факультет – инженеров-механиков и техников по ремонту машин по энергетическому, тепловому и вентиляционному хозяйству; инженерно-экономический факультет – инженеров-экономистов по экономике и планированию отраслей текстильной и легкой промышленности.

Для лучшей организации учебного процесса заочников институтом было организовано 19 пунктов: в Москве, Ленинграде, Иваново, Костроме, Ярославле, Горьком, Куйбышеве, Казани, Саратове, Харькове, Ростове, Киеве, Одессе, Минске, Клинцах, Витебске, Сталинграде, Баку и Тбилиси. Основная задача учебного пункта – руководство самостоятельными работами студентов и организация для них очных видов обучения.

Сразу по объявлении нового набора студентов в институт поступило 14 тыс. заявлений. Из этого числа кандидатов 521 чел. были приняты без испытаний как окончившие высшие учебные заведения или среднюю школу на «отлично». К испытаниям

были допущены 900 абитуриентов, из которых были зачислены только 185. В связи с тем, что подготовка экзаменуемых была признана недостаточной, руководство института приняло решение об открытии подготовительных курсов в ряде городов страны. В 1939 г. в институте учились 1 080 студентов, из них 715 по вузу и 365 по техникуму. Самыми многочисленными факультетами ВЗИЛП стали текстильный и энерго-механический. Женщины в числе обучавшихся составляли 29 %. На время сессий заочникам предоставлялся дополнительный отпуск с сохранением содержания по месту работы и оплатой проезда в оба конца. Окончившие полный курс заочного обучения и защитившие дипломный проект получали диплом на общих основаниях со стационаром [Лурье: 26–28].

Промышленные академии. К концу 1938 г. в текстильной и легкой отраслях промышленности действовали 4 промышленные академии, готовившие кадры инженеров-руководителей. В них обучалось 1 050 слушателей, из которых 321 чел. учились без отрыва от производства. Московской промакадемии им. В.М. Молотова принадлежала ведущая роль в подготовке кадров инженеров-руководителей. В ней училось около 400 слушателей по основным специальностям текстильной и легкой промышленности. В Ивановской промакадемии насчитывалось более 180 слушателей по специальностям хлопчаточащности, хлопкопрядения, химической технологии волокнистых веществ. Ташкентская промакадемия готовила главным образом специалистов по хлопку и шелку, а в Ленинградской промакадемии слушатели обучались в основном без отрыва от производства. Однако если материальная и учебная база вузов в целом соответствовала предъявляемым требованиям, то промакадемии таким возможностями не обладали. Так, Московская, Ленинградская и Ивановская промакадемии для организации учебного процесса вынуждены были занимать помещения текстильных вузов и пользоваться их аудиторным фондом. Поэтому привлечение в них, а также в Ташкентскую промакадемию профессорско-преподавательских кадров и студентов сдерживалось отсутствием учебных зданий и благоустроенных общежитий [Солонинкин: 25].

Техникумы. Значительным источником покрытия потребностей текстильной и легкой промышленности в среднем техническом персонале являлись техникумы. Коренная перестройка техникумов была произведена на основании постановления СНК СССР от 16 сентября 1937 г. «О техническом руководстве хлопчатобумажной промышленностью Наркомлегпрома СССР». В результате к 1939 г. текстильная и легкая промышленность располагали большой сетью техникумов с общим количеством учащихся с отрывом от производства около 10,5 тыс.

человек и около 1 000 – без отрыва от производства. Наибольшее количество учащихся – 4 406 человек – готовилось по хлопчатобумажной промышленности. По возрастному составу в них обучалась молодежь 15–18-летнего возраста, из них юноши составляли 53 %.

К серьезным недостаткам работы таких учреждений было отнесено отсутствие учебников по некоторым дисциплинам, перегруженность учебных зданий, недостаток технологического оборудования и жилищного фонда [Солонинкин: 25].

Таким образом, несмотря на создание новых текстильных районов в Западной Сибири, Средней Азии и в Закавказье, очная подготовка инженерно-технических кадров по-прежнему осуществлялась в Москве, Ленинграде и Иванове. Создание новых вузов сдерживалось недостатком капиталовложений, отсутствием материально-технической базы, научных и преподавательских кадров, а также наличием других проблем. Для частичного решения этого вопроса был образован Всесоюзный заочный институт легкой промышленности (ВЗИЛП) с пунктами обучения в крупных городах страны. В результате удалось приблизить подготовку инженерно-технических работников к местам сосредоточения предприятий текстильной и легкой отраслей промышленности. Все это дает основание утверждать, что существовавшая в предвоенный период система научно-исследовательских учреждений, высших технических учебных заведений, промакадемий и техникумов не только готовила квалифицированных специалистов, но и формировала ряды советской научно-технической интеллигенции.

Список литературы

- Алтунджи Н.В.* Перспективы нового строительства хлопчатобумажных фабрик в третьем пятилетии // Легкая промышленность. 1939. № 5. С. 26–31.
- Зайцев В.И.* Перестроить работу института // Легкая промышленность. 1939. № 2. С. 23–24.
- Золотарев Н.И.* За большевистский стиль в науке // Легкая промышленность. 1939. № 2. С. 24–26.
- Лурье А.Е.* Заочное обучение в легкой промышленности // Легкая промышленность. 1939. № 3. С. 26–28.
- Ожиганов Н.Е.* Уроки научно-исследовательской работы на фабрике им. Фрунзе // Легкая промышленность. 1939. № 2. С. 26–27.
- Парнеев В.А.* Научные институты на службу промышленности // Легкая промышленность. 1939. № 2. С. 27–29.
- Речь тов. Косыгина на XVIII съезде ВКП(б) // Легкая промышленность. 1939. № 4. С. 37–40.
- Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области (1918–2018 гг.) / А.В. Рыжиков, В.С. Околотин, О.Ю. Олейник, С.В. Точенов.

2-е изд. Иваново: Издательский дом «Наша родина», 2019. 576 с.

Солонинкин В.И. Учебные заведения легкой промышленности // Легкая промышленность. 1939. № 3. С. 24–26.

References

Altundzhi N.V. *Perspektivy novogo stroitelstva khlochatobumazhnykh fabrik v tretem piatiletii* [Prospects for New Construction of Cotton Mills in the Third Five-Year Plan]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 5, pp. 26–31. (In Russ.)

Zaitsev V.I. *Perestroit rabotu instituta* [Reorganize the work of the Institute]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 2, pp. 23–24. (In Russ.)

Zolotarev N.I. *Za bolshevistskii stil v nauke* [For the Bolshevik style in science]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 2, pp. 24–26. (In Russ.)

Lure A.E. *Zaochnoe obuchenie v legkoi promyshlennosti* [Distance learning in light industry]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 3, pp. 26–28. (In Russ.)

Ozhiganov N.E. *Uroki nauchno-issledovatel'skoi raboty na fabrike im. Frunze* [Lessons of research work at the Frunze factory]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 2, pp. 26–27. (In Russ.)

Parneev V.A. *Nauchnye instituty na sluzhbu promyshlennosti* [Scientific institutions at the service of industry]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 2, pp. 27–29.

Rech tov Kosygina na XVIII sieezde VKPb [Speech by Comrade Kosygin at the 18th Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 4, pp. 37–40. (In Russ.)

Iz istorii organov gosudarstvennoi bezopasnosti v Ivanovskoi oblasti 1918-2018 gg. [From the history of state security agencies in the Ivanovo region (1918–2018)]. A.V. Ryzhikov, V.S. Okolotin, O.IU. Oleinik, S.V. Tochenov. 2-e izd. Иваново, Izdatelskii dom Nasha rodina Publ., 2019, 576 p. (In Russ.)

Soloninkin V.I. *Uchebnye zavedeniia legkoi promyshlennosti* [Educational institutions of light industry]. *Legkaia promyshlennost* [Light industry], 1939, vol. 3, pp. 24–26. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 45–51. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 45–51. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)“1917/1935”

EDN VPEMDD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-45-51>

ЭКСКУРСИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЗАЦИИ МАССОВОГО ДОСУГА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1935 ГГ.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, sidorchuk_iv@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Аннотация. В раннесоветский период экскурсии являлись одной из наиболее массовых форм культурно-просветительской деятельности, охватывавшей значительную часть населения. При этом власти активно стремились к политизации экскурсионной деятельности путем выстраивания контроля над ней и развития тех ее форм, которые способствовали политическому воспитанию и просвещению масс. В рамках представленного исследования проведена попытка рассмотрения экскурсионной работы в контексте проблемы политизации досуга, затронувшей всю культуру. Проанализировано отношение власти и этой форме работы, те задачи, которые ставились перед ее организаторами. Прослежена трансформация восприятия экскурсионной работы в контексте изменения установок власти в отношении досуга. Исследование опирается на материалы центральных и региональных архивов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, а также значительный пласт опубликованных источников. Результаты исследования показывают, что экскурсии понимались как инструмент усовершенствования человека, и власть прибегала к целому ряду способов, позволявших использовать экскурсионную работу в деле политического просвещения и воспитания. Это не могло не сказываться на рекреационной и развлекательной функциях экскурсий – из способа культурного отдыха они становились еще одной формой политвоспитания.

Ключевые слова: экскурсии, досуг, политизация, история повседневности, туризм, советский город, политвоспитание.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-20225, и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 63/2022

Для цитирования: Сидорчук И.В. Экскурсии в контексте политизации массового досуга в советской России в 1917–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 45–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-45-51>

Research Article

EXCURSIONS IN THE CONTEXT OF THE POLITICISATION OF MASS LEISURE IN SOVIET RUSSIA IN 1917–1935

Ilya V. Sidorchuk, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, sidorchuk_iv@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Abstract. In the early Soviet period, excursions were one of the most popular forms of cultural and educational activities, covering a significant part of the population. At the same time, the authorities actively sought to politicise excursion activities by organising control over it and developing those forms of it that would contribute to the political upbringing and enlightenment of the masses. Within the framework of the presented research, an attempt was made to consider excursion work in the leisure politicisation problem context, which affected the entire cultural work. The author analyses the attitude of the authorities to this form of work, the tasks set before its organisers. The transformation of the perception of excursion work in the context of changing attitudes of the authorities in relation to leisure is traced. The research is based on materials from central and regional archives, some of which have been introduced into scientific circulation for the first time, as well as a significant number of published sources. The results of the study show that excursions were understood as an instrument of human improvement, and the authorities resorted to a number of ways that allowed using excursion work in the field of political enlightenment and upbringing. This affected the recreational and entertainment functions of excursions – from a way of cultural recreation, they became another form of political upbringing.

Keywords: excursions, leisure, politicisation, history of everyday life, tourism, soviet city, political upbringing.

Acknowledgements. The study was implemented with the financial support of the RSF, project No. 22-28-20225, and a grant from St. Petersburg Science Foundation in accordance with Agreement No. 63/2022 dated April 15, 2022.

For citation: Excursions in the context of the Politicisation of mass leisure in Soviet Russia in 1917–1935. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 45–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-45-51>

Решающее влияние на вектор развития экскурсионно-туристической деятельности в рассматриваемый период оказывали власти, последовательно проводившие политику ее подчинения идеолого-просветительным и воспитательным задачам. Данное направление работы имело важнейшее значение по целому ряду причин. Во-первых, не теряла своей ценности образовательная функция экскурсий, что было особенно важно в рамках выбранной властью линии на приобщение широких масс к культуре: «Экскурсии – один из наиболее доступных для широких рабочих масс путей к знанию. Самая форма экскурсионной работы, необходимость пойти куда-то, чтобы посмотреть, вызывает подъем; в экскурсиях есть что-то праздничное, необычное, привлекательное. Вместе со своей доступностью, экскурсии убедительны, наглядны, они характеризуют предмет в естественной для него обстановке, они показывают самый процесс производства или явление, саму жизнь. Здесь все настоящее, нет подделки или переделки, одним и тем же музейным материалом пользуется и специалист ученый, и малоподготовленный рабочий» [Черепнина: 2]. Именно в рамках экскурсий можно было наглядно показать ценность и красоту для рядовых жителей страны культурных достижений прошлых эпох, доступных до этого лишь привилегированным классам. Сказанные, согласно воспоминаниям К. Цеткин, В.И. Лениным слова о том, что искусство должно принадлежать массам, быть понятно и любимыми [Цеткин: 34], именно в экскурсионной работе могли находить реальное воплощение.

Речь шла не только об искусстве, но и о знаниях в области географии, биологии, истории, медицины и пр. Экскурсионная работа должна была удовлетворять все запросы и работать по всем направлениям, где это было нужно. Одной из ее целей было дать знания, приложимые к делу, «входящие в обиход жизни», «содействующие улучшению, ведущие к поднятию прежде всего хозяйственной мощи республики», стимулирующие к общественной работе [Тарасов: 5]. Это могли быть как поездки на заводы и предприятия с целью обмена опытом, так и городские экскурсии, на которых рассказывалось про работу систем коммунального хозяйства [Лютенский: 8; Тарасов: 7].¹

Будучи формой коллективного досуга, экскурсии должны были способствовать поддержанию общения в коллективе, воспитанию духа товарищества – «развлечения в товарищеской среде»². В рамках повышения эффективности культработы было важно добиться организованного отдыха, примером чего могли стать «совместные товарищеские экскурсии, прогулки»³. Сплачивать должен был и совместный труд. Например, объяснительная записка к уставу рабочего клуба, подготовленная Отделом народного образова-

ния Сибирского революционного комитета Новониколаевска (между 1919 и 1921 г.) предлагала сопровождать экскурсии совместным сбором гербария⁴.

Экскурсии воспринимались действенным средством вовлечения в культработу и соцстроительство, распространения советских ценностей среди наиболее трудных для подобной работы групп. В частности, сезонных рабочих, которые с большим трудом интегрировались в городскую культуру и сохраняли устойчивую связь с деревней, включая досуговые практики: «В обслуживании сезонников экскурсии должны явиться одной из основных форм работы. Крестьянину, обычно еще мало втянутому в культурно-просветительную работу, надо не только рассказать, дать прочесть книжку, но и показать. “Показ”, сопровождаемый объяснениями, будет для него всего убедительнее и понятнее. <...> Необходимо использовать пребывание сезонников в городе для поднятия их политической грамотности и укрепления союза между рабочими и крестьянством» [Черепнина: 14–15]. При работе с ними предлагалось адаптировать темы экскурсий, освещая близкие им темы политического и научно-популярно характера.⁵

Не менее важным в контексте политпросветработы было внимание к иностранным рабочим и специалистам, которых знакомили с советской действительностью, объясняли преимущества советского строя над капиталистическим, агитировали за активное участие не только в работе, но и в досуге. Требовалось охватить их всех, а не только тех, кто сам активно вливался в советские реалии⁶. Речь могла идти о простых формах, например экскурсии на водные станции, на природу⁷. Была в этом и польза для советской промышленности – участники экскурсий на советские предприятия делились своими знаниями и умениями, могли дать ценные технические указания и вносить рационализаторские предложения. Иностранным экскурсантам старались предоставлять условия лучше, чем советским. Показательное высказывание приводит исследовательница Е.Н. Данилова. При обсуждении подготовки для иностранцев трехдневной экскурсии по Волге сотрудница Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) Апирина прямо заявила, что им нужно особое продовольственное снабжение: «...Совершенно очевидно, что предоставленное советскому туристу питание будет недостаточно и может привести к конфликтам и соответствующему освещению в западной прессе» (цит. по: [Данилова: 117]).

С началом индустриализации одной из основных задач туристско-экскурсионной работы стало ее использование «в качестве орудия производственной смывки» городского пролетариата с деревней. В источниках подобные поездки в колхозы получили название «деревенский туризм»⁸. Экскурсанты втягива-

лись непосредственно в битву за урожай. Так, в 1931 г. побывавшие на одной из главных здравниц страны, в Крыму, «отработали на колхозных полях 11 тыс. трудодней» [Попов: 60]. У заводов и фабрик могли быть подшефные колхозы и совхозы, где экскурсанты работали и знакомились с ведением сельского хозяйства [Мальво: 38]. Также они могли посылно содействовать коллективизации деревни или распространять среди колхозников подписку на заем [Орлов, Юрчикова: 15].

Поощрялась и ограниченная самоорганизация – на основе «самодеятельности и товарищеской взаимопомощи». Подобную форму работы называли самоэкскурсиями [Соколовский: 334], и они могли выручать в условиях нехватки руководителей, способствуя при этом воспитанию коллективизма. Именно самостоятельность и большая степень свободы были тем, что отличало туристические экскурсии: «Массовый пролетарский туризм будет способствовать “разумному использованию отдыха, оздоровлению и физической закалке, ознакомлению с жизнью страны, поднятию общественно-культурного уровня, оживлению комсомольской работы”, – вот в чем общественное значение, а также и задачи и цели туризма. <...> Можно бродить с ружьем, и с фотоаппаратом, и с удочками, и с сачком для ловли бабочек, и просто с хорошей дубинкой-посохом да с записной книжечкой. <...> Туризм будет значительно популярнее экскурсии. У него неизмеримо шире возможности, он увлекательнее, он целиком зависит от самодеятельности, от самозаинтересованности, он в основном целиком проводится самой массой, по своему почину, в своем направлении, в свое время, в своих интересах и целях.

Экскурсии кто-то организует, экскурсанта кто-то ведет, кто-то показывает и рассказывает, кто-то руководит. А турист сам организует, сам идет и едет, сам руководит.

В этом различие экскурсий и туризма» [Нагорный 1927а: 31–32].

Туризм был призван рассказать о стране, ее богатствах, успехах и способствовать единению населения ради достижения общих задач. Преподаватель Государственного центрального института физкультуры и сотрудник журнала «Физкультура и спорт» А.Г. Иттин (1896–1937 гг.) описывал его достоинства следующим образом: «Туризм, нося по преимуществу характер спортивный, характер развлечения, может одновременно служить как целям повышения образовательного уровня, так и целям физического оздоровления. В самом деле, можно, например, организовать велосипедные, пешеходные или водные экскурсии с рекордными устремлениями – на скорость, на дальность перехода; но можно превращать экскурсии и просто в длительные прогулки, в культурное “бро-

дьяничество”». Во время такой прогулки отдыхающий может пополнить свои краеведческие познания и, вместе с тем, улучшить свое здоровье» [Иттин: 177].

В контексте индустриализационных процессов особый акцент делался на промышленных вопросах: «Путешествия позволяют понять глубину экономической связи между отдельными частями республик Союза, глубину связи между районами добывающей и обрабатывающей промышленности. Позволяют осознать Союз как нечто целое, связанное общими интересами» [Ломакин: 89]. «Туристские рейды» должны были способствовать как ознакомлению с жизнью страны, так и служить сближению проживающих в ней народов [Нагорный 1927а: 31; Орлов, Юрчикова: 15]. Групповые путешествия по малоисследованным местностям могли включать в себя сбор геологических, этнографических, ботанических и пр. сведений о почве, климате, богатстве рек, озер и пр. Выдвигалось мнение, что подобные сведения «могут оказать значительную помощь делу пропаганды заселения малоизвестных и пустынных сейчас местностей, но вполне пригодных для колонизации» [Нагорный 1927б: 28]. Показательно, что начало экскурсионной активности на Кольском Севере в начале 1920-х гг. было непосредственно связано с геологическим изучением его территории [Бертош: 56]. Дальние уголки страны знакомили не только с природой, но и бытом. Например, фильм «10 дней в горах» (1930 г.), представлявший собой киноэкспедицию в Абхазию, имел своей общей установкой популяризацию советского туризма «как лучшего средства пропаганды пятилетки». В нем были не только описаны красоты и богатство края, но и раскрыто, «как старый уклад, старые обычаи горцев решительно вытесняются советской новью, поднимающей экономику и культуру кавказских народностей» [В. Я.: 4].

Через экскурсии также проводились попытки привлечения к деятельности различных добровольных организаций. Например, аэромузеи, работу по созданию которых активно проводило Общество друзей воздушного флота, должны были способствовать ликвидации авианеграмотности. Первый из них открылся в Ленинграде в начале 1925 г., и ячейкам Общества предписывалось организовывать в него экскурсии [Сидорчук: 86–87].

Разумеется, высоко было значение экскурсий в контексте популяризации физкультуры и здорового образа жизни. «Вылазки», прогулки, игры на открытом воздухе и, конечно, непосредственно туризм признавались крайне желательными как оказывающие «благоприятное действие на организм». Во время экскурсий также можно было развернуть работу по агитации за физкультуру путем бесед, лекций и т. п. Характер спортивных и физкультурных элементов определялся как организационными возможностям

ми, так и степени подготовки участников: «Цель экскурсии может быть различна. В одном случае это будет желание вывести массу рабочих на свежий воздух, дать ей возможность размяться, восстановить свои силы. В другом случае в экскурсию, кроме того, будет введен политический или профессиональный элемент, агитация за физкультуру, смотр спортивных сил, различные развлечения» [Шитик: 3, 6]. Для тех, кто уже активно занимается спортом, экскурсии в форме прогулок предлагались как «лучшее дополнение к физкультурным занятиям» [М. П.]. Физкультура и спорт были одной из альтернатив вредному отдыху, прежде всего пьянству, и здесь экскурсии также выступали помощником в отвлечении от этой пагубной привычки. Интересно, что подобные установки сближали советских организаторов культработы с пионером туристического движения англичанином Томасом Куком, бывшим непримиримым борцом с пьянством, именно для этого создавшим первую туристическую компанию [Шульгина, Шульгина: 96]. Некоторые прямо говорили, что «нужно поставить вопрос о создании “советского Кука”» [Иттин: 182].

В идеале экскурсии, во всем их многообразии, должны были решать сразу комплекс задач: давать отдых, знания и навыки, физически развивать, а также политически воспитывать. Комментируя ситуацию с экскурсионной работой, секретарь Комитета ВЛКСМ ленинградской фабрики «Пролетарская Победа» № 1 т. Пиратинский в докладной записке Горкому комсомола в 1932 г. сообщал: «Учитывая лозунг: “Культурно жить – производительно работать” – комсомольская организация поставила своей целью каждую свободную минуту комсомольца и молодого рабочего использовать так, чтобы она дала ему максимум отдыха и вместе с тем зарядку для дальнейшей работы, сознательного отношения к труду и политическую закалку»⁹. И вся эта работа должна была нести мощную пропагандистскую составляющую, относящуюся к переустройству хозяйства и общественной жизни на социалистических началах: «...Экскурсионная работа должна быть формой действительной пропаганды задач, стоящих перед партией и советской властью, даже больше – пропагандой марксизма и ленинизма, пропагандой научно-технических знаний, естествознания и пр. Она должна действовать, наряду с другими видами просветительной и воспитательной работы, выработке научного мировоззрения – диалектически-материалистического понимания явлений и событий. Следовательно, экскурсия может сыграть немалую роль в поднятии культурного уровня самых широких масс и приобщения их к социалистическому строительству нашей страны советов» [Инцеров: 50]. Таким образом, экскурсии должны были быть как интересными и увлекательными, так и давать политический эффект,

то есть соответствовать требованию, предъявляемому ко всей культработе.

Экскурсии не просто знакомили с настоящим и прошлым, но и утверждали идеологические ориентиры новой власти, воспитывали пролетарское сознание: «Экскурсии, давая отдых рабочему, вместе с тем должны являться средством культурно-политического воздействия на него» [И. К.]. Это относилось ко всем их видам: «Экскурсия заключается, конечно, не в том, чтобы бодрым шагом пройти по музейным залам. Нужно обязательно ее увязать с политическими задачами сегодняшнего дня, чтобы каждое пояснительное слово помогало в какой-то степени воспитывать нового человека» [Питкин]. Партийные и комсомольские органы неизменно требовали добавлять в экскурсии «больше политического содержания, отражая в них основные задачи партии»¹⁰, к которым могли относиться капитальное строительство, пути социалистического накопления, международное положение, оборона страны, рационализация производства и т. п. Например, в год 10-летия революции во всю массовую работу нужно было стремиться вносить как информацию о ее итогах, так и «важнейшие вопросы политики партии: снижение цен, борьба с бюрократизмом, рационализации аппарата, популяризации работ сберкасс, международных вопросов: Китайской революции, революционного движения на Западе»¹¹.

Экскурсии понимались инструментом усовершенствования человека [Плаггенборг: 240–247]. Они должны были стать «повседневным методом рабочего воспитания», «яркой иллюстрацией проведения в жизнь постановлений и директив партии», активизировать массы на «разрешение серьезнейших политических задач дня» [Лютенсков: 5–6]. Любые проявления «аполитичности» должны были быть изжиты, равно как и восприятие экскурсий и туризма исключительно как отдыха. Показательно, что «бесцельные» путешествия, то есть без политического содержания, «бродяжничество», которое советовал тот же процитированный выше А.Г. Иттин, стало осуждаться, признаваясь не просто лишеными всякой ценности, но и однозначно вредными [Орлов, Юрчикова: 73–74; По следам].

В рассматриваемый период наблюдался последовательный перевод экскурсионно-туристской работы в политпросветработу, с чем была связана корректировка ее тематики и форм, а также быстрое сворачивание альтернативных подходов и проектов. В период максимального обострения борьбы за пролетаризацию этих форм культработы сокрушительный удар был нанесен и по структурам, занимавшимся, в частности, краеведением, а ряд ведущих их представителей были обвинены в антисоветской агитации и пропаганде. В качестве примера можно привести основанное в 1922 г. Общество изу-

чения русской усадьбы. В 1930 г. оно было ликвидировано, так как осуществляло свои задачи «вне всякой связи с задачами социалистического переустройства», а ряд его членов (А.Н. Греч, А.В. Григорьев, М.А. Ильин, И.М. Картавцов и др.) подверглись травле и репрессиям [Злочевский: 88–91].

Мощный акцент на нуждах социалистического строительства и политпропаганде постепенно стал смягчаться к середине 1930-х гг. Тогда начался путь к идее экскурсий и туризма как формы досуга «цивилизованного и культурного» советского человека [Климочкина: 74]. Это в целом коррелировало со сменами установок в сторону отхода от тотальной идеологизации культработы и возврату к пониманию ее значения именно в контексте предоставления отдыха и развлечений.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А2313. Оп. 3. Д. 50. Л. 6.

² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–3.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 6012. Л. 19.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 8. Д. 3Б. Л. 10а.

⁷ ГАО Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 982. Л. 46.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4410. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 598К. Оп. 1–2. Д. 4147. Л. 10.

¹⁰ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1220. Л. 52.

¹¹ ГОПАНО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1220. Л. 40.

Список литературы

Бертош А.А. Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 55–60.

В. Я. Советский туризм – пропаганда пятилетки // Нижегородская коммуна. 1930. № 230 (3577). 26 сентября. С. 4.

Данилова Е.Н. Как приобщали иностранных рабочих и специалистов к советской системе (первая половина 1930-х гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 112–119.

Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). М.: Институт наследия, 2011. 367 с.

И. К. Экскурсии по рабкоровски // Ленинградский металлист. 1929. № 19–20. С. 9.

Инцертон А. Экскурсионная работа в клубе // Клуб и революция. 1929. № 3–4. С. 50–54.

Иттин А. Туризм // Вестник труда. 1927. № 6–7. С. 177–183.

Климочкина А. Развитие массового туризма в Среднем Поволжье в 1920–1930-е гг. (по материалам деятельности Общества пролетарского туризма и экскурсий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 71–75.

Ломакин Е. На помощь экскурсанту // Вестник труда. 1926. № 2. С. 89–91.

Лютенсков П. Индустриальные экскурсии. М.; Л.: ОГИЗ Физкультура и туризм, 1931. 39 с.

М. П. Физкультурные экскурсии // Рабочий клуб. 1926. № 3. С. 18.

Мальво В. Как мы организовали рабочий досуг. Опыт завода «Красный треугольник». М.: Профиздат, 1934. 40 с.

Нагорный Г. Массовый туризм // Рабочий клуб. 1927а. № 5. С. 30–35.

Нагорный Г. Молодежь, в туристы-разведчики! (Массовый туризм и индустриализация) // Рабочий клуб. 1927б. № 6. С. 24–29.

Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010. 224 с.

Питкин. Непрерывка и экскурсионная работа // Ленинградский металлист. 1929. № 36. С. 17.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

По следам «ковбоев» // На суше и на море. 1933. № 6. С. 15.

Попов А.Д. Деятельность в Крыму Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1930–1936 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: История. 2003. Т. 16 (55), № 2. С. 54–63.

Сидорчук И.В. Деятельность Общества друзей воздушного флота в Петрограде/Ленинграде (1923–1925 гг.) // Клио. 2021. № 9. С. 82–91.

Соколовский Ю.Е. Экскурсии как форма культурно-просветительной работы // Ученые записки Московского государственного института культуры. 1968. Вып. 15. С. 328–340.

Тарасов Н.Г. Массовые обществоведческие экскурсии и общественно-полезный труд. Теория и практическое оформления. М.: Работник просвещения, 1927. 35 с.

Цеткин К. Воспоминания о Ленине // Цеткин К. О Ленине: сборник статей и воспоминаний. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 27–66.

Черепнина Т.Н. Как и куда организовать экскурсию. Л.: Ленингр. облоно, 1928. 109 с.

Шутик С.М. Зимние экскурсии, игры и развлечения в рабочих клубах. М.: Изд-во ВЦСПС, 1926. 36 с.

Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Развитие туризма в России на рубеже XIX–XX веков // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 95–110.

References

Bertosh A.A. *Institucionalizacija sovetskoj sistemy turizma na Kol'skom Severe* [Institutionalization of the Soviet system of tourism in the Kola North]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2021, vol. 43, № 2, pp. 55–60. (In Russ.)

V.Ja. *Sovetskij turizm – propaganda pjatiletki* [Soviet tourism – propaganda of the five-year plan]. *Nizhegorodskaja kommuna* [Nizhny Novgorod commune], 1930, № 230 (3577), September 26, p. 4. (In Russ.)

Danilova E.N. *Kak priobshhali inostrannyh rabochih i specialistov k sovetskoj sisteme (pervaja polovina 1930-h gg.)* [How foreign workers and specialists were introduced to the Soviet system (the first half of the 1930s)]. *Klio* [Clio], 2015, № 2 (98), pp. 112–119. (In Russ.)

Zlochevskij G.D. *Obshhestvo izuchenija russkoj usad'by: ego dejatel'nost' i rukovoditeli (1920-e gody)* [The Society for the Study of the Russian Estate: its activities and leaders (1920s)]. Moscow, Institut nasledija Publ., 2011, 367 p. (In Russ.)

I. K. *Jekskursii po rabkorovski* [Excursions in rabkorovsky]. *Leningradskij metallist* [Leningrad metalworker], 1929, № 19-20, p. 9. (In Russ.)

Incetov A. *Jekskursionnaja rabota v klube* [Excursion work in the club]. *Klub i revoljucija* [Club and revolution], 1929, № 3-4, pp. 50–54. (In Russ.)

Ittin A. *Turizm* [Tourism]. *Vestnik truda* [Bulletin of Labor], 1927, № 6-7, pp. 177–183. (In Russ.)

Klimochkina A. *Razvitie massovogo turizma v Srednem Povolzh'e v 1920-1930-e gg. (po materialam dejatel'nosti Obshhestva proletarskogo turizma i jekskursij)* [The development of mass tourism in the Middle Volga region in the 1920s-1930s (Based on the materials of the activities of the Society of Proletarian Tourism and excursions)]. *Istoričeskie, filosofskie, političeskie i juridičeskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 2011, № 5 (11), part 3, pp. 71–75. (In Russ.)

Lomakin E. *Na pomoshh' jekskursantu* [To help the tourist]. *Vestnik truda* [Bulletin of Labor], 1926, № 2, pp. 89–91. (In Russ.)

Ljutenskov P. *Industrial'nye jekskursii* [Industrial excursions]. Moscow, Leningrad, OGIZ Fizkul'tura i turizm Publ., 1931, 39 p. (In Russ.)

M. P. *Fizkul'turnye jekskursii* [Physical culture excursions]. *Rabochij klub* [Workers' Club], 1926, № 3, p. 18. (In Russ.)

Mal'vo V. *Kak my organizovali rabochij dosug. Opyt zavoda "Krasnyj treugol'nik"* [How we organized working leisure. The experience of the plant "Red Triangle"]. Moscow, Profizdat Publ., 1934, 40 p. (In Russ.)

Nagornyj G. *Massovyj turizm* [Mass tourism]. *Rabochij klub* [Workers' Club], 1927a, № 5, pp. 30–35. (In Russ.)

Nagornyj G. *Molodezh', v turisty-razvedchiki! (Massovyj turizm i industrializacija)* [Youth, in tourists-scouts! (Mass tourism and industrialization)]. *Rabochij klub* [Workers' Club], 1927b, № 6, pp. 24–29. (In Russ.)

Orlov I.B., Jurchikova E.V. *Massovyj turizm v stalinskoj povsednevnosti* [Mass tourism in Stalin's everyday life]. Moscow, Rosspjen Publ., 2010, 224 p. (In Russ.)

Pitkin. *Nepreryvka i jekskursionnaja rabota* [Continuous and excursion work]. *Leningradskij metallist* [Leningrad Metallist], 1929, № 36, p. 17. (In Russ.)

Plaggenborg Sh. *Revoljucija i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktjabr'skoj revoljuciej i jepohoj stalinizma* [Revolution and Culture: Cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism]. St. Petersburg, Zhurnal "Neva" Publ., 2000, 416 p. (In Russ.)

Po sledam "kovboev" [In the footsteps of the "cowboys"]. *Na sushe i na more* [On land and at sea], 1933, № 6, p. 15. (In Russ.)

Popov A.D. *Dejatel'nost' v Krymu Vsesojuznogo dobrovol'nogo obshhestve proletarskogo turizma i jekskursij (1930-1936 gg.)* [Activity in the Crimea of the All-Union Voluntary Society of Proletarian tourism and excursions (1930-1936)]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija: Istorija* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Tauride National University. The series "History"], 2003, vol. 16 (55), № 2, pp. 54–63. (In Russ.)

Sidorchuk I.V. *Dejatel'nost' Obshhestva družej vozdushnogo flota v Petrograde/Leningrade (1923-1925 gg.)* [Activity of the Society of Friends of the Air Fleet in Petrograd/Leningrad (1923-1925)]. *Klio* [Clio], 2021, № 9, pp. 82–91. (In Russ.)

Sokolovskij Ju.E. *Jekskursii kak forma kul'turno-prosvetitel'noj raboty* [Excursions as a form of cultural and educational work]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Scientific notes of the Moscow State Institute of Culture], 1968, № 15, pp. 328–340. (In Russ.)

Tarasov N.G. *Massovye obshhestvovedčeskie jekskursii i obshhestvenno-poleznyj trud. Teorija i praktičeskoe oformlenija* [Mass social science excursions and socially useful work. Theory and practical application]. Moscow, Rabotnik prosveshhenija Publ., 1927, 35 p. (In Russ.)

Cetkin K. *Vospominanija o Lenine* [Memories of Lenin]. in Cetkin K. *O Lenine: sbornik statej i vospominanij* [About Lenin. Collection of articles and memoirs]. Moscow, Partijnoe izdatel'stvo Publ., 1933, pp. 27–66. (In Russ.)

Cherepnina T.N. *Kak i kuda organizovat' jekskursii* [How and where to organize excursions]. Leningrad, Leningr. oblono Publ., 1928, 109 p. (In Russ.)

Shitik S.M. *Zimnie jekskursii, igry i razvlechenija v rabochih klubah* [Winter excursions, games and entertainment in workers' clubs]. Moscow, VCSPS Publ., 1926, 36 p. (In Russ.)

Shul'gina O.V., Shul'gina D.P. *Razvitie turizma v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Development of tourism in Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. *Istoričeskij zhurnal: nauchnye issledovanija* [Historical journal: scientific research], 2018, № 3, pp. 95–110. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА В 1920–50-Е ГГ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость комплексного исследования процессов формирования советской идентичности средствами кинематографа в 1920–50-х гг. Анализируются возможности игрового кино как особого инструмента влияния, как важной смыслообразующей технологии, помогавшей закрепить в общественном сознании постулаты и принципы новой эпохи, смоделировать безупречный образ страны. Кино не столько отражало реалии советского времени, сколько конструировало новую социальную реальность, закладывало базисные ценности становящейся советской действительности, формулировало цивилизационную сверхзадачу, создавало идеальные поведенческие образцы, рождало социокультурные стереотипы и ориентиры, определявшие мировоззренческое, идейно-политическое, хозяйственно-экономическое, эстетическое содержание нового жизненного пространства.

Обосновывается выбор хронологических рамок исследования, предлагается историографический анализ проблемы. Выявляются сквозные темы советского кино 1920–50-х гг., оказавшие влияние на формирование новой идентичности. Формулируются возможные подходы к научному осмыслению предложенной темы, очерчивается круг наиболее перспективных исследовательских задач. В частности, отмечается необходимость системного изучения методов, приемов и форм репрезентации кинематографом советской действительности и повседневности в ее ключевых социокультурных моделях (семья, быт, школа, труд, досуг, праздник и др.) и концептах («дружба народов», «счастливая советская Родина», «трудовой подвиг», «враг народа», «пролетарская солидарность»), которые приобретали качества жизненных координат советского человека и в значительной мере определяли его миропонимание.

Делается вывод о сложности, многоаспектности и многоуровневом характере предложенной темы, где смыкаются различные измерения жизни: бытовое, историческое, идеологическое, социокультурное, художественно-творческое. Обосновывается выбор междисциплинарного подхода как оптимальной методологической базы исследования, соединяющей когнитивный арсенал истории, социальной философии, культурной антропологии, искусствознания.

Ключевые слова: советский проект, цивилизационный феномен, советский человек, социокультурная идентичность, социокультурная модель, повседневность, сталинизм, агнография, пропаганда, советское кино, кинематографический образ

Для цитирования: Зябликов А.В. Формирование советской идентичности средствами отечественного кинематографа в 1920–50-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 52–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-52-62>

Research Article

FORMATION OF SOVIET IDENTITY BY MEANS OF DOMESTIC CINEMATOGRAPHY IN THE 1920–50S: TO THE PROBLEM STATEMENT

Alexey V. Zyablikov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Abstract. The article substantiates the need for a comprehensive study of the processes of the formation of Soviet identity by means of cinema in the 1920–50s. The article analyses the possibilities of feature films as a special instrument of influence, as an important semantic technology that helped to consolidate the postulates and principles of a new era in the public consciousness, and to model an impeccable image of the country. Cinema constructed a new social reality, laid the basic values of the emerging Soviet reality, formulated a civilisational super-task, created ideal behavioural patterns, gave birth to socio-cultural stereotypes and guidelines that determined the worldview, ideological, political, economic, economic, aesthetic content of the new living space; all the said instead of reflection of numerous realities of the Soviet era. The article substantiates the choice of the chronological framework of the study and gives a historiographical analysis of the problem.

It reveals the cross-cutting themes of the Soviet cinema of the 1920–50s, the period that influenced the formation of a new identity. It also formulates possible approaches to the scientific understanding of the proposed topic and outlines a circle of the most promising research tasks. In particular, it notes the need for a systematic study of the methods, techniques and forms of representation of Soviet reality and everyday life by cinema in its key sociocultural models (family, everyday life, school, work, leisure, holiday, etc.) and concepts (“peoples’ friendship”, “happy Soviet Motherland”, “labour feat”, “public enemy”, “proletarian solidarity”), which acquired the qualities of the life coordinates of a Soviet person and largely determined its world outlook. The conclusion is made about the complexity, multidimensionality and multi-level nature of the proposed topic, which covers different aspects of life – everyday, historical, ideological, socio-cultural, artistic and creative ones. The choice of an interdisciplinary approach is substantiated as the optimal methodological basis for research, which combines the cognitive arsenal of history, social philosophy, cultural anthropology and history of arts.

Keywords: Soviet project, civilisational phenomenon, Soviet human, socio-cultural identity, socio-cultural model, everyday life, Stalinism, hagiography, propaganda, Soviet cinema, cinematic image.

For citation: Zyblikov A.V. Formation of Soviet identity by means of domestic cinematography in the 1920–50s: to the problem statement. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 52–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-52-62>

Живой и неослабевающий интерес к советскому цивилизационному феномену, потребность осмыслить его реалии, понять ментальные характеристики советского человека побуждают исследователей расширять когнитивное и методологическое пространство поиска. В том числе – за счет привлечения такого нетривиального исторического источника, как игровое кино. Кинематограф 1920–50-х гг. следует рассматривать как особый инструмент влияния, как важную смыслообразующую технологию, применявшуюся – с разной степенью эффективности – для придания советскому проекту должной презентабельности и устойчивости.

Выбор хронологических рамок определяется тем, что в это время обрели свое оформление и каноническое воплощение основополагающие установки и принципы так называемого «сталинизма» – государственно-политического и социокультурного феномена, который остается предметом незатухающих дискуссий (пространство их весьма широко: от попыток представить сталинский СССР как осуществленную вековую мечту человечества о царстве справедливости и свободного труда до убежденности в том, что названная модель государства создавалась по типу архаичной восточной рабовладельческой деспотии). В указанный период кристаллизуются новые социокультурные архетипы, а старые подвергаются активной трансформации. Антропологическую и социальную дефиницию «советский человек» невозможно понять и объяснить вне размышлений о содержании этой эпохи.

Круг научных работ, так или иначе затрагивающих означенную тему, представлен трудами историков, группирующихся вокруг исследования сталинизма как государственно-политического феномена [Горяева; Громов и др.]. Из работ этого ряда следует выделить исследования О.В. Хлевнюка, на наш взгляд, доказательно развенчавшего популярный миф о сталинской государственной модели как об историче-

ской неизбежности [Хлевнюк 2015]. Нельзя отрицать, что сталинизм впитал в себя культурные соки дореволюционной России, он распространял свое влияние с учетом ментальных характеристик народа. Некоторые авторы, впрочем, идут дальше, утверждая, что сталинская модель государства была безальтернативной, что в середине XX в. именно архаичная деспотия являлась единственной жизненно насыщенной и спасительной для страны формой правления, что именно сталинский тип власти совершенно созвучен строю русской души [Стариков]. Такие суждения, на наш взгляд, имеют спекулятивную природу. Вывод О.В. Хлевнюка о том, что большевизм «в различных его модификациях был, скорее, навязан стране, чем принят ею» [Хлевнюк 2010: 45], представляется убедительным.

Политолог Д.Б. Орешкин в своей искрометной книге «Джугафилия и советский статистический эпос» (2019) исследует советскую цивилизацию в географическом, историческом, экономическом, социокультурном измерении, в частности, анализирует инструменты влияния на массовое сознание, позволяющие мнимости и неочевидности придавать свойства факта и реальности [Орешкин]. Названная технология, по справедливому выводу ученого, является одной из важнейших составляющих советского проекта. Пунктиром обозначены в работе размышления о ключевых образах-символах советской эпохи: «Родина-мать», «отец народов», «семья народов» и др.

Кинематограф как средство конструирования социальной реальности рассматривается в работах С.Н. Еланской, М.А. Куртова, предлагающих социально-философское осмысление проблемы [Еланская; Куртов]. В рамках герменевтического подхода рассматривают кинореальность И.В. Лепихова, И.П. Смирнов, И.В. Чельшева [Лепихова; Смирнов; Чельшева]. Культурологическое измерение представлено работами И.В. Гожанской, Ж.Ф. Коноваловой, Н.И. Лубашовой [Гожанская; Коновалова, Лубашова].

Довольно широк круг киноведческой литературы, посвященной исследованию жизни и творчества выдающихся мастеров советского кинематографа. В работах И.М. Гращенковой, М.З. Долинского, Б.П. Долинина, М.Е. Зака, Н.М. Зоркой, А.В. Караганова, М.А. Кушнирова, Д.С. Писаревского, Л.В. Рошала, В.Б. Шкловского, изданных большей частью в советское время, содержится интересный материал биографического свойства, воссоздаются идейные, эстетические проблемы, борения и конфликты эпохи, однако подцензурная действительность оставляла авторам мало пространства для культурфилософских наблюдений и обобщений, затрудняла выход за установленные идеологические рамки [Гращенкова; Долинский и др.]. Попыткой преодоления прежних умственных стереотипов стала книга Н.М. Зоркой «История отечественного кино. XX век» [Зоркая].

В работах киноведов Д.Б. Дондурей, Е.Я. Марголита, М.Б. Ямпольского исследуются мифотворческие и смыслообразующие ресурсы так называемого тоталитарного кино, выявляются присутствующие там религиозные аллюзии [Дондурей; Марголит; Ямпольский]. Событием стал выход книги Е.Я. Марголита «В ожидании ответа. Отечественное кино: фильмы и их люди» (2019) [Марголит 2019]. В ряде очерков автор, соотнося кинообраз с советской повседневностью, ведет речь о впечатляющей величине возникающего «завора». Один из самых захватывающих сюжетов книги посвящен эволюции «шпионского» фильма 1930-х гг. в «оттепельном» кино. О стилизации жизни как родовом признаке кино размышляет – в контексте разговора о языке кинодраматургии – А. Талал в книге «Миф и жизнь в кино» (2020) [Талал]. Исследованию малоизвестных страниц раннего советского кино посвящены работы Р.М. Янгирова [Янгиров]. В работах американского ученого Д.Л. Бранденбергера выявляется влияние массовой культуры 1930–50-х гг., кинематографа в том числе, на формирование национального самосознания [Бранденбергер]. Вывод исследователя о том, что с середины 1930-х гг. официальная советская пропаганда имела отчетливо руссоцентричный характер, представляется излишне категоричным.

Несомненный интерес представляют не всегда бесспорные, но яркие и остроумные очерки и заметки о советском кино, принадлежащие перу Д.В. Горелова и М.С. Трофименкова [Горелов; Трофименков].

В начале XXI в. стали появляться исследования, основанные на междисциплинарном подходе. Методы смежных гуманитарных наук группируются здесь вокруг культурной антропологии. Не случайно сам кинематограф нередко определяется как «визуальная антропология» [Грей]. Среди этого круга работ назовем публикации культуролога Т.Ю. Дашковой, немецкого ученого Оксаны Булгаковой, американок Катерины

Кларк и Римгайлы Салис, плотно вписывающих образы кино в контекст советской повседневности и ее смыслового поля [Дашкова; Булгакова и др.]. Кино как эффективную коммуникативную технологию, меняющую характер человеческого восприятия, рассматривает О. Аронсон [Аронсон]. Немецкий историк Карл Шлэгель, размышляя над поиском оптимальной методологии для изучения сталинского СССР, иронично заметил, что лучший урок исторической навигации предлагает исследователю булгаковская Маргарита, летящая над Москвой на метле: пришло время соединить то, что «исторически и с точки зрения жизненных миров представляло собой единство, но оказалось разрозненным из-за существующего разделения труда в науке» [Шлэгель: 10].

Особого внимания заслуживает работа Евгения Добренко, посвященная выявлению механизмов репрезентации исторических событий в кино сталинской эпохи [Добренко 2008]. Модель исторической памяти, сконструированная в те годы, вбирала в себя, по мнению автора, ключевые идеи сталинского проекта: личную власть, узаконенное насилие, экономический скачок, жесткую централизацию и расширение территорий, борьбу с внешними и внутренними врагами. Такое понимание транслировалось средствами официальной истории, литературы, театра и, конечно, кинематографа. Е.А. Добренко широко использует кинофактуру и в своем новом исследовании «Поздний сталинизм: эстетика политики» [Добренко 2020]. Отметим также недавно вышедшую в переводе на русский язык работу Марии Белодубровской, которая пытается опровергнуть устоявшееся представление о кино сталинской эпохи как о мощном пропагандистском маховике государственной машины [Белодубровская]. Автор показывает, каким ресурсом сопротивления обладают художественные «импульсы» по отношению к «импульсам» идеологическим: подлинный талант неизбежно прорывается через установленные для него барьеры и запреты.

Исследованию советской повседневности 1920–50-х гг. посвящены работы А.С. Архиповой, С.В. Журавлева, Е.Ю. Зубковой, А.А. Кирзюк, Н.Н. Козловой, И.В. Кукулина, Н.Б. Лебиной, М.Л. Майофис, И.Б. Орлова, А.Ю. Рожкова, А.А. Сальниковой, П.А. Сафронова, В.С. Тяжелниковой [Архипова; Журавлева и др.; Острова утопии].

Изучению повседневной жизни и ментальных характеристик советского человека посвящены работы зарубежных исследователей Сары Дэвис, Катарины Кухер, Мальте Рольфа, Шейлы Фицпатрик [Дэвис; Кухер и др.]. Следует обратить особое внимание на интересное исследование Алексея Юрчака, рассматривающего советскую идентичность (на примере позднесоветской эпохи) в контексте теории перформативного сдвига, суть которого в том, что форма

идеологического высказывания или ритуала приобретает самодовлеющий характер, а смысл неумовимо смещается, рождая множество спонтанных коннотаций [Юрчак].

Заметим, что названные междисциплинарные разработки представлены в основном публикациями зарубежных авторов. В постсоветской отечественной историографии кинематограф 1920–50-х гг. если и подвергался интеллектуальной рефлексии, то в строго определенном качестве: как иллюстрация наиболее одиозных сторон советской идеологии; часто такое кино оценивается как предмет инфантильной ностальгии по канувшим в лету социальным практикам. Конечно, из поля зрения исследователей не выпадают столпы советской кинематографии (Григорий Александров, Дзига Вертов, Александр Довженко, Марк Донской, Сергей Герасимов, Михаил Калатозов, Григорий Козинцев, Лев Кулешов, Яков Протазанов, Всеволод Пудовкин, Михаил Ромм, Сергей Эйзенштейн, Фридрих Эрмлер, Сергей Юткевич), хотя новейших монографических исследований о творчестве крупных мастеров кино указанного периода на удивление мало (один из немногих примеров – книга О. Булгаковой о С.А. Эйзенштейне). Что же говорить о кинорежиссерах «второго ряда», таких как Александр Андриевский, Эдуард Аршанский, Адольф Бергункер, Владимир Браун, Евгений Брюнчугин, Михаил Вернер, Михаил Гавронский, Александр Гавронский, Владимир Гончуков, Василий Журавлев, Александр Иванов, Эдуард Иогансон, Владимир Легошин, Мечислава Маевская, Алексей Маслюков, Константин Марджанов, Адольф Минкин, Эдуард Пенцлин, Павел Петров-Бытов, Иван Правов и Ольга Преображенская, Юрий Тарич, Георгий Тасин, Олег Фрелих, Лазарь Френкель, Николай Шпиковский, Евгений Шнейдер, Борис Шрейберг, которые по-прежнему находятся на периферии научного поиска. Тем не менее без анализа творчества этих мастеров невозможно добиться объективного и многомерного восприятия и осмысления эпохи.

Таким образом, ощущается острая потребность в комплексном междисциплинарном исследовании процессов формирования советской идентичности средствами кинематографа в 1920–50-х гг., в комплексном междисциплинарном изучении ресурсов и траекторий влияния кинематографа на общественное сознание для создания образа советской страны как особого социокультурного и цивилизационного феномена. Смысловым ядром такой работы должно стать не исследование истории советского кинематографа, а скорее изучение образов страны и человека, создаваемых средствами кино.

Особенность отечественного кино указанного периода заключается в том, что оно не столько отражало реалии советского времени, сколько конструировало

новую социальную реальность, формулировало и интерпретировало базисные ценности становящейся советской действительности, создавало идеальные поведенческие образцы, закладывало социокультурные стереотипы и ориентиры, конгениальные актуальным идейно-политическим, мировоззренческим, экономическим, художественным задачам. Важно заметить, что нетривиальное, яркое и талантливое их киноплощадке становилось залогом действенности, эффективности, широкой востребованности и привлекательности советской общественно-государственной модели. С другой стороны, опора на ключевые мифологемы, ценности и конструкты «нового мира» в значительной мере определяет – и продолжает определять! – феноменальную притягательность советского кино, наполняет его особым обаянием.

Кинематограф 1920–50-х гг. не просто формировал пропагандистский арсенал советского цивилизационного проекта, он становился творческой лабораторией по деконструкции имеющихся социальных практик, своего рода опытно-селекционной станцией, специализирующейся на скрещивании утопии и реальной жизни, а также на производстве (взращивании) нового биосоциального типа. Задача дерзкая даже по меркам своего бунташного времени! Нужно признать, что технология создания гиперреальности, стирающей грань между фактом и вымыслом, «чипирующей» массовое сознание симулируемыми предметами, была опробована в советской пропаганде задолго до эпохи постмодерна.

Советское кино 1920-х гг. отличалось высокой степенью идейного и эстетического плюрализма, экспериментаторским азартом и нигилистическим темпераментом, однако именно тогда были предложены новые мировоззренческие, политические, историко-культурные коннотации, которые впоследствии легли в основу формирующегося «большого стиля».

К середине 1930-х гг. советский кинематограф обрел свой узнаваемый почерк, свое каноническое звучание, осуществил – под бдительным присмотром партийного руководства – идейную и жанровую сегрегацию, определил тематические приоритеты, остававшиеся ключевыми до начала 1950-х гг. Их можно сформулировать так:

- создание привлекательного образа советской Родины, уникального жизненного пространства, где реализованы извечные мечты человечества о социальной справедливости, равноправии и свободе;
- поэзия и героика трудовых свершений и жертвенной любви к Отчизне, питаемых новым советским самосознанием;
- ревизия исторической памяти и создание новых социокультурных нарративов, в том числе через мифологизацию и агиографическую фиксацию событий и героев Октябрьской революции и Гражданской вой-

ны (позже в этот смысловой ряд будут вписаны герои и события Великой Отечественной войны);

– поиск и разоблачение цивилизационного антагониста, прорисовка inferнального образа врага, уроки сплоченной народной ненависти ко всем – явным или тайным – недоброжелателям советского строя;

– культ всеведущего правителя-вождя, мудрого наставника и единоличного толкователя большевистских скрижалей.

В это тематическое поле встраивалось все советское игровое кино 1930-х – начала 1950-х гг. – от биографических фильмов до нуара и музыкальной комедии. Каждый из названных стратегических пунктов нуждается в строгой умственной разработке, в глубоком анализе, основывающемся на когнитивном и методологическом инструментарии таких наук, как история, философия, политология, культурология, искусствознание.

Чрезвычайно продуктивно, на наш взгляд, исследование агиографических подтекстов советского кино [Зябликов 2017a]. Житийный канон получал неожиданную подпитку в виде, казалось бы, секулярных по сути своей представлений. Большевистская проповедь самоотреченного служения «идеи» и мечте о светлом будущем рождена причудливой и сложной мутацией традиционных религиозных верований. В том же смысловом ряду – революционное понимание долга, служения и «благочестия», под которым разумелись, прежде всего, беззаветная вера в идеологические догматы «нового мира», принятие его первоучителей в качестве безусловных авторитетов. Высшим проявлением большевистской добродетели становилась способность принять мученическую смерть за веру – в ее обезбоженном, сублимированном варианте, законным элементом которого является языческий концепт отмщения. Этим объясняется, что многие фильмы 1930-х – начала 1950-х гг. (прежде всего, историко-революционные и биографические) композиционно, интонационно и жанрово близки житию-маририю. Не случаен и литургийный характер многих киносцен.

Не менее значимо исследование оснований, из которых вырастает, например, архетип «врага народа» [Зябликов 2017b]. Кино культивировало образ «вредителя», злокозненность и подлость которого прямо пропорциональна его мимикрическим способностям: самый лютейший и вероломный враг скрывается под маской безупречного советского человека, нередко партийца. Тем более исступленной будет народная ненависть к нему, тем более страшной будет расплата за его преступления. Киношный «враг», чье поведение, как правило, подчинено заведомо абсурдистским мотивам и стремлениям, оказался удобной и нужной фигурой в существующей исторической и политической диспозиции. Теперь советский зритель понимал,

в чем причина провалов и пробуксовок в социалистическом строительстве. Теперь для всех становилось очевидным, кто повинен в чудовищных издержках модернизационных встрясок и в перегибах сплошной коллективизации. Кинематограф опасно маневрировал в пространстве массового сознания, проникая в его хтонический мрак, дразня его экстазные порывы, выуживая из коллективного бессознательного самые разрушительные инстинкты.

Весьма перспективно исследование методов и форм репрезентации кинематографом советской действительности и повседневности в ее социокультурных моделях (семья, быт, школа, досуг, праздник и др.); анализ ключевых концептов советского проекта («дружба народов», «счастливая советская Родина», «трудовой подвиг», «пролетарская солидарность» и др.), нашедших творческое преломление в кинематографе и в значительной степени формировавших мировосприятие и миропонимание советского человека. Среди других проблем, нуждающихся в комплексном научном осмыслении, выделим следующие:

– анализ тематических и жанровых особенностей советского кино в контексте исторических, политических, социокультурных процессов эпохи;

– выявление архетипических и символических свойств советского кино, формирующих эффект воздействия на аудиторию, анализ ресурсов кино как способа транскрипции и визуализации метахудожественных смыслов;

– исследование движения кинематографического образа, кинематографической формы и проблематики от 1920-х к 1950-м гг.;

– выявление форм репрезентации средствами кино базисных ценностей советского проекта (образование, воспитание, труд, социальная справедливость, коллективизм, советский патриотизм и др.);

– исследование направления и мотивов трансформации культурных архетипов (герой, отец) и религиозных концептов (душа, смерть и бессмертие, перевоплощение, святость) в пространстве художественного кино.

Решение названных задач поможет выявить раскрывающиеся в кинообразах ментальные характеристики советского человека.

Заметим, что в исторических, политологических, социологических работах кинематограф чаще всего является периферийным предметом исследования, в лучшем случае ему отводится роль иллюстративного, вспомогательного источника. Киноведческие работы, напротив, сосредоточены на вопросах киноэтики, здесь оставлены без пристального внимания историческая фактура, политические и социокультурные процессы, ценностные и поведенческие модели, определяющие содержание эпохи. Междисциплинарные исследования, посвященные изучению советско-

го кино, лишь набирают обороты, это становящееся и очень перспективное направление научного поиска.

Таким образом, оптимальным методологическим базисом исследования является междисциплинарный подход, соединяющий когнитивный инструментарий истории, социальной философии, культурной антропологии, искусствознания. Теоретическое поле исследования образуют идеи М.М. Бахтина, В. Бенямина, П. Берка, П. Бергера, Р. Дарнтон, М.Ю. Лотмана, Й. Хейзинги. Исследователю следует опираться на диалектическое понимание истории и социокультурных процессов, на общенаучные и общелогические методы познания, а также на методы отдельных вышеназванных научных дисциплин: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, синхронистический, идеографический (нарративный), ретроспективный, герменевтический, семиотический, иконографический.

Дополнительно могут использоваться и другие методы, скажем статистический, – при использовании количественных данных о состоянии советской киноиндустрии и ее прокатной политике в 1920–50-х гг., или психологический – при анализе характеристик массового сознания, способов его формирования и методов манипулирования им.

Релевантность выбора методов определяется сложностью, многоаспектностью и многоуровневым характером предложенной темы, где сходятся историческое, идеологическое, социокультурное, художественно-творческое, бытовое измерения жизни. Потребность выявлять внутреннюю связь единичного, особенного и общего, замысла и воплощения, формы и содержания, постигать смыслы неоднозначных исторических и социокультурных процессов и явлений побуждает опираться на когнитивный опыт смежных наук, использовать те ресурсы познания, которые позволяют решить поставленные задачи, хотя, признаем, методологически выверенной практики изучения столь сложных и ярких цивилизационных феноменов, как Советский Союз, нет по сей день. Мы всего лишь намечаем один из подступов к решению этой проблемы – в поле междисциплинарного исследования. Например, для того чтобы понять смысл загадочного диалога («Теперь понимаешь?» – «Теперь понимаю»), который ведут в финале фильма «Цирк» (1936, реж. Г. Александров) Раечка (актриса Евгения Мельникова) и Мэрион Диксон (актриса Любовь Орлова), шествуя в праздничной колонне по Красной площади, мы должны погрузиться в пространство не только исторического, социокультурного, политического, но и психологического, и даже этнологического контекста.

Идеологическая инерция долгое время мешала нам разглядеть страну, в которой мы родились, а, взглядевшись, мы увидим настоящий историко-

культурный материк, манящий своими неразгаданными тайнами. Одна из них: в какой мере социокультурная повседневность, в которой бытовал советский человек, навязана ему «извне», а в какой мере эта повседневность творилась самим человеком? Это лишь один из сотен вопросов, которые требуют ответа.

СССР – уникальный цивилизационный феномен, к осмыслению которого мы только приступаем. Кинематограф – важнейший элемент советской системы, выполняющий не только эстетическую, досуговую и просветительскую, но и важную метафизическую, социокультурную, образовательную, идейно-воспитательную миссию. Он оформлял и кристаллизовал в художественных образах идеологемы и мифологемы становящегося строя, предлагал универсальную ценностную шкалу, обозначал духовно-нравственные, мировоззренческие, идейные, художественные координаты того жизненного пространства, в котором советский человек пребывал каждодневно, – словом, кинематограф принимал самое непосредственное участие в формировании новой идентичности и в конструировании новой социальной реальности.

Список литературы

Аронсон О. Коммуникативный образ: (Кино. Литература. Философия). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 384 с.

Архипова А., Курзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Белова Л.И. Очерки истории советской драматургии. М.: Искусство, 1978. 343 с.

Белодубровцева М. Не по плану. Кинематография при Сталине / пер. с англ. Л. Мезеновой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 264 с.

Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / пер. с англ. Н. Алешинной, Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2009. 416 с.

Булгакова О. Советский слухоглаз. Кино и его органы чувств. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Булгакова О. Сталин и кино, Сталин в кино // Агитация за счастье. Советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф; Бремен: Интерартекс: Эдицион Теммен, 1994. С. 65–70.

Булгакова О. Судьба броненосца: Биография Сергея Эйзенштейна / пер. с англ. А.Б. Скидана. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2017. 394 с.

Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 640 с.

Гожанская И.В. Кино как объект культурологического исследования: автореф. ... дис. канд. культурологии. Саратов, 2006. 20 с.

- Горелов Д. Родина слоников. М.: Флюид ФриФлай, 2018. 384 с.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 407 с.
- Гращенкова И.М. Абрам Роом. М.: Искусство, 1977. 264 с.
- Грей Г. Кино: Визуальная антропология / пер. с англ. М.С. Неклюдовой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
- Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М.: Республка, 1998. 495 с.
- Дашикова Т.Ю. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.
- Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
- Долинский М.З. Связь времен. М.: Искусство, 1976. 327 с.
- Дольнин Б.П. Константин Юдин. М.: Искусство, 1961. 192 с.
- Дондурей Д.Б. Миф о Сталине: технология воспроизводства // Искусство кино. 2010. № 4. С. 15–20.
- Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / пер. с англ. В.Н. Морозова. М.: РОССПЭН, 2011. 229 с.
- Еланская С.Н. Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Тверь, 2007. 23 с.
- Журавлев С.В. «Маленькие люди» и большая история: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
- Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по-советски: роскошь в стране дефицита. М.: Изд-во «ИстЛит», 2019. 624 с.
- Зак М.Е. Михаил Ромм и его фильмы. М.: Искусство, 1988. 304 с.
- Зак М.Е. Михаил Ромм и традиции советской кинорежиссуры. М.: Искусство, 1974. 280 с.
- Зоркая Н.М. Алексей Попов. М.: Искусство, 1983. 303 с.
- Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М.: Белый город, 2014. 528 с.
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
- Зябликов А.В. Агиографические мотивы в советском кино 1930–1950-х годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017а. № 3. С. 40–48. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.40
- Зябликов А.В. «Культурные диверсанты»: образ интеллигента в советском кино 1930–1950-х гг. // Интеллигенция и мир. 2017б. № 2. С. 73–89.
- Караганов А.В. Всеволод Пудовкин. М.: Искусство, 1973. 232 с.
- Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
- Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- Коновалова Ж.Ф. Миф в советской истории и культуре: автореф. ... дис. д-ра филос. наук. СПб., 2001. 51 с.
- Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
- Кукулин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
- Куширинов М.А. Жизнь и фильмы Бориса Барнета. М.: Искусство, 1977. 215 с.
- Куртов М.А. Кино как социальный опыт: автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2011. 35 с.
- Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / пер. с нем. А.И. Симонова. М.: РОССПЭН, 2012. 349 с.
- Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 203 с.
- Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 482 с.
- Лепихова И.В. Герменевтика кинореальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 5. С. 64–85.
- Лубашова Н.И. «Кинематография» как категория теории и истории культуры // Аналитика культурологии. 2013. № 25. С. 32–35.
- Лубашова Н.И. Кинематография России XX в.: культурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Краснодар, 2007. 51 с.
- Марголит Е.Я. В ожидании ответа. Отечественное кино: фильмы и их люди. М.: Rosebud Publishing, 2019. 464 с.
- Марголит Е.Я. Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х годов. СПб: Мастерская «Сеанс», 2012. 560 с.
- Марголит Е.Я. Неведомому богу. Сопrotивление. Киноверсия Марка Донского // Искусство кино. 2010. № 9. С. 89–97.

Матузова В.И. Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

Орешкин Д.Б. Джугафилия и советский статистический эпос. М.: Мысль, 2019. 480 с.

Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 335 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 316 с.

Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование советской школы (1940–1980-е): коллективная монография / сост. и ред. И.В. Кукулин, М.Л. Майофис, П.А. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 715 с.

Писаревский Д.С. Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981. 320 с.

Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 630 с.

Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Рошаль Л.М. Дзига Вертов. М.: Искусство, 1982. 264 с.

Салис Р. «Нам уже не до смеха»: музыкальные кинокомедии Григория Александровна / пер. с англ. В.А. Третьякова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 354 с.

Сальникова А.А. История ёлочной игрушки, или Как наряжали советскую ёлку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 234 с.

Смирнов И.П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2007. 400 с.

Стариков Н.В. Сталин. Вспоминаем вместе. СПб.: Питер, 2013. 510 с.

Талал А. Миф и жизнь в кино. Смыслы и инструменты драматургического языка. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 464 с.

Трофименков М.С. История русского кино в 50 фильмах. СПб.: Порядок слов: Коммерсант, 2018. 480 с.

Трофименков М.С. Культовое кино. М.: Эксмо: Яуза, 2019. 288 с.

Тяжельникова В.С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 84–100.

Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима. Новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013. 213 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011. 373 с.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: РОССПЭН, 2015. 462 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 478 с.

Чельшева И.В. Герменевтический анализ отечественных игровых фильмов школьной проблематики: монография. М.: Директ-Медиа, 2019. 140 с.

Шкловский В.Б. Эйзенштейн. М.: Искусство, 1973. 296 с.

Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 742 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское десятилетие / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.

Ямпольский М.Б. Язык – тело – случай. Кинематограф и поиски смысла. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 369 с.

Янгиров Р.М. Другое кино. Статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 409 с.

References

Aronson O. *Kommunikativnyj obraz: (Kino. Literatura. Filosofiya)* [Communicative image: (Cinema. Literature. Philosophy)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 384 p. (In Russ.)

Arhipova A., Kirzyuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strahi v SSSR* [Dangerous Soviet things: urban legends and fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 536 p. (In Russ.)

Belova L.I. *Ocherki istorii sovetskoj dramaturgii* [Essays on the history of Soviet drama]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, 343 p. (In Russ.)

Belodubrovceva M. *Ne po planu. Kinematografiya pri Staline* [Not according to plan. Cinematography under Stalin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 264 p. (In Russ.)

Brandenberger D.L. *Nacional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity (1931–1956)]. S.-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., DNK Publ., 2009, 416 p. (In Russ.)

Bulgakova O. *Sovetskij sluhoglaz. Kino i ego organy chuvstv* [Soviet ear-eye. Cinema and its senses]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)

Bulgakova O. *Stalin i kino, Stalin v kino* [Stalin and Cinema, Stalin in Cinema]. In *Agitaciya za schast'e. So-*

- vetskoe iskusstvo stalinskoj epohi* [Agitation for Happiness. Soviet art of the Stalin era]. Dyussel'dorf, Bremen, Interarteks, Edicion Temmen Publ., 1994, pp. 65–70. (In Russ.)
- Bulgakova O. *Sud'ba bronenosca. Biografiya Sergeya Ejzenshtejna* [The fate of the battleship. Biography of Sergei Eisenstein]. S.-Petersburg, European University Publ., 2017, 394 p. (In Russ.)
- Bulgakova O. *Fabrika zhestov* [Gesture Factory]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 640 p. (In Russ.)
- Gozhanskaya I.V. *Kino kak ob"ekt kul'turologicheskogo issledovaniya* [Cinema as an object of cultural research] (doctoral dissertation abstract). Saratov, 2006, 20 p. (In Russ.)
- Gorelov D. *Rodina slonikov* [Homeland of elephants]. Moscow, Flyuid FriFlaj Publ., 2018, 384 p. (In Russ.)
- Goryaeva T.M. *Politicheskaya cenzura v SSSR 1917–1991 gg* [Political censorship in the USSR 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 407 p. (In Russ.)
- Grashchenkova I.M. *Abram Room* [Abram Room]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 264 p. (In Russ.)
- Grej G. *Kino: Vizual'naya antropologiya* [Cinema: Visual Anthropology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 208 p. (In Russ.)
- Gromov E.S. *Stalin: vlast' i iskusstvo* [Stalin: Power and Art]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 495 p. (In Russ.)
- Dashkova T.Yu. *Telesnost' – Ideologiya – Kinematograf. Vizual'nyj kanon i sovetskaya povsednevnost'* [Corporeality – Ideology – Cinematography. Visual pattern and Soviet everyday life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 256 p. (In Russ.)
- Dobrenko E.A. *Muzej revolyucii: sovetskoe kino i stalinskij istoricheskij narrative* [Museum of the Revolution: Soviet Cinema and Stalinist Historical Narrative]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 424 p. (In Russ.)
- Dobrenko E.A. *Pozdnij stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, vol. 1, 712 p. (In Russ.)
- Dolinskij M.Z. *Svyaz' vremen* [Link of times]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 327 p. (In Russ.)
- Dolynin B.P. *Konstantin Yudin* [Konstantin Yudin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1961, 192 p. (In Russ.)
- Dondurej D.B. *Mif o Staline: tekhnologiya vosproduktstva* [The myth of Stalin: the technology of reproduction]. *Iskusstvo kino* [Cinema art], 2010, № 4, pp. 15–20. (In Russ.)
- Devis S. *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Opinion of the People in Stalinist Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 229 p. (In Russ.)
- Elanskaya S.N. *Social'no-filosofskij analiz sovetskogo kinematografa kak sredstva konstruirovaniya social'noj real'nosti* [Socio-philosophical analysis of Soviet cinema as a means of constructing social reality: doctoral dissertation abstract]. Tver', 2007, 23 p. (In Russ.)
- Zhuravlev S.V. *«Malen'kie lyudi» i bol'shaya istoriya: inostrancy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-h gg.* [«Little People» and Big History: Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet Society in the 1920s–1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 351 p. (In Russ.)
- Zhuravlev S.V., Gronov Yu. *Moda po-sovetski: roskosh' v strane deficit* [Fashion in the Soviet way: luxury in the country of scarcity]. Moscow, IstLit Publ., 2019, 624 p. (In Russ.)
- Zak M.E. *Mihail Romm i ego fil'my* [Mikhail Romm and his films]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, 304 p. (In Russ.)
- Zak M.E. *Mihail Romm i tradicii sovetskoj kinorezhissury* [Mikhail Romm and the traditions of Soviet film directing]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, 280 p. (In Russ.)
- Zorkaya N.M. *Aleksej Popov* [Alexey Popov]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, 303 p. (In Russ.)
- Zorkaya N.M. *Istoriya otechestvennogo kino. XX vek* [History of Russian cinema. XX century]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2014, 528 p. (In Russ.)
- Zubkova E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 229 p. (In Russ.)
- Zyablikov A.V. *Agiograficheskie motivy v sovetskom kino 1930–1950-h godov* [Hagiographic motives in Soviet cinema of the 1930–1950s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences.], 2017, № 3, pp. 40–48. <http://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.3.40> (In Russ.)
- Zyablikov A.V. *«Kul'turnye diversanty»: obraz intelligenta v sovetskom kino 1930–1950-h gg* [«Cultural saboteurs»: the image of an intellectual in Soviet cinema of the 1930–1950s]. *Intelligenciya i mir* [Intelligentsia and the world], 2017, № 2, pp. 73–89. (In Russ.)
- Karaganov A.V. *Vsevolod Pudovkin* [Vsevolod Pudovkin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 232 p. (In Russ.)
- Klark K. *Moskva, chetvertyj Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyuciya sovetskoj kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 520 p. (In Russ.)
- Kozlova N.N. *Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow, Evropa Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)

Konovalova Zh.F. *Mif v sovetskoj istorii i kul'ture* [Myth in Soviet history and culture: doctoral dissertation abstract]. S.-Petersburg, 2001, 51 p. (In Russ.)

Kostyrchenko G.V. *Stalin protiv «kosmopolitov»*. *Vlast' i evrejskaya intelligenciya v SSSR* [Stalin against the “cosmopolitans”. Power and Jewish intelligentsia in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 415 p. (In Russ.)

Kukulin I.V. *Mashiny zashumevshogo vremeni: kak sovetskij montazh stal metodom neoficial'noj kul'tury* [Machines of the Noisy Time: How Soviet Editing Became a Method of Unofficial Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 536 p. (In Russ.)

Kushnirov M.A. *Zhizn' i fil'my Borisa Barneta* [Life and Films of Boris Barnett]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 215 p. (In Russ.)

Kurtov M.A. *Kino kak social'nyj opyt* [Cinema as a social experience: doctoral dissertation abstract]. S.-Petersburg, 2011, 35 p. (In Russ.)

Kuher K. *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalin-skuyu epohu. 1928–1941* [Gorky Park. Leisure culture in the Stalin era. 1928–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 349 p. (In Russ.)

Lebina N.B. *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'* [Man and woman: body, fashion, culture. USSR – thaw]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 203 p. (In Russ.)

Lebina N.B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 482 p. (In Russ.)

Lepihova I.V. *Germenevtika kinoreal'nosti* [Hermeneutics of Cinematic Reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man], 2014, № 5, pp. 64–85. (In Russ.)

Lubashova N.I. «Kinematografiya» kak kategoriya teorii i istorii kul'tury [«Cinematography» as a category of the theory and history of culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 2013, № 25, pp. 32–35. (In Russ.)

Lubashova N.I. *Kinematografiya Rossii XX v. kul'turologicheskij aspekt* [Cinematography of Russia of the 20th century culturological aspect: doctoral dissertation abstract]. Krasnodar, 2007, 51 p. (In Russ.)

Margolit E.Ya. *V ozhidanii otveta. Otechestvennoe kino: fil'my i ih lyudi* [Waiting for an answer. National cinema: films and their people]. Moscow, Rosebud Publ., 2019, 464 p. (In Russ.)

Margolit E.Ya. *Zhivye i mertvoe. Zametki k istorii sovetskogo kino 1920–1960-h godov* [Living and dead. Notes on the history of Soviet cinema in the 1920s–1960s]. S.-Petersburg, Masterskaya «Seans» Publ., 2012, 560 p. (In Russ.)

Margolit E.Ya. *Nevedomomu bogu. Soprotivlenie. Kinoversiya Marka Donskogo* [To an unknown god. Resistance. The film version of Mark Donskoy]. *Iskusstvo kino* [Cinema of art], 2010, № 9, pp. 89–97. (In Russ.)

Matuzova V.I. *Gosudarstvo nacij. Imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina* [State of Nations. Empire and nation-building in the era of Lenin and Stalin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 376 p. (In Russ.)

Oreshkin D.B. *Dzhugafiliya i sovetskij statisticheskij epos* [Dzhugafilia and the Soviet Statistical Epic]. Moscow, Mysl' Publ., 2019, 480 p. (In Russ.)

Orlov I.B. *Kommunal'naya strana: stanovlenie sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva (1917–1941)* [Communal country: the formation of the Soviet housing and communal services (1917–1941)]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2015, 335 p. (In Russ.)

Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2010, 316 p. (In Russ.)

Kukulin I.V., Majofis M.L., Safronov P.A. (Eds.) *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie sovetskoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of utopia: pedagogical and social design of the Soviet school (1940–1980s)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 715 p. (In Russ.)

Pisarevskij D.S. *Brat'ya Vasil'evy* [The Vasiliev brothers]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, 320 p. (In Russ.)

Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov. Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov* [In the circle of peers. The life world of a young man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 630 p. (In Russ.)

Rol'f M. *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 438 p. (In Russ.)

Roshal' L.M. *Dziga Vertov* [Dziga Vertov]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, 264 p. (In Russ.)

Salis R. «*Nam uzhe ne do smekha*»: muzikal'nye kinokomedii Grigoriya Aleksandrova [«We are no longer laughing»: musical comedies by Grigory Alexandrov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 354 p. (In Russ.)

Sal'nikova A.A. *Istoriya yolochnoj igrushki, ili kak naryazhali sovetskuyu yolku* [The history of the Christmas tree decoration, or how the Soviet Christmas tree was decorated]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 234 p. (In Russ.)

Smirnov I.P. *Videoryad. Istoricheskaya semantika kino* [Video sequence. Historical semantics of cinema Video sequence. Historical semantics of cinema]. S.-Petersburg, Petropolis Publ., 2007, 400 p. (In Russ.)

Starikov N.V. *Stalin. Vspominaem vmeste* [Stalin. Collective Memory]. S.-Petersburg, Piter Publ., 2013, 510 s. (In Russ.)

Talal A. *Mif i zhizn' v kino. Smysly i instrumenty dramaturgicheskogo yazyka* [Myth and life in cinema. The meanings and tools of the dramatic language]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2020, 464 p. (In Russ.)

Trofimenkov M.S. *Istoriya russkogo kino v 50 fil'mah* [The history of Russian cinema in 50 films]. S.-Petersburg, Poryadok slov Publ., Kommersant Publ., 2018, 480 p. (In Russ.)

Trofimenkov M.S. *Kul'tovoe kino* [Cult cinema]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2019, 288 p. (In Russ.)

Tyazhel'nikova V.S. *Povsednevnost' i revolyucionnye preobrazovaniya sovetskoj vlasti* [Everyday life and revolutionary transformations of Soviet power]. In *Rossiya v XX v. Reformy i revolyucii* [Russia in the twentieth century. Reforms and revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 2002, vol. 2, pp. 84–100. (In Russ.)

Ushakova S.N. *Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funkcionirovaniya stalinskogo rezhima. Novye podhody i istochniki* [Ideological and propaganda campaigns in the practice of the functioning of the Stalinist regime. New approaches and sources]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, 213 p. (In Russ.)

Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 336 p. (In Russ.)

Ficpatrik Sh. *Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Rip off the masks! Identity and imposture in Russia of the twentieth century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 373 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of one leader]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, 462 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 478 p. (In Russ.)

Chelysheva I.V. *Germenevticheskij analiz otechestvennyh igrovyh fil'mov shkol'noj problematiki* [Hermeneutic analysis of domestic fiction films of school problems]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2019, 140 p. (In Russ.)

Shklovskij V.B. *Ejzenshtejn* [Eisenstein]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 296 p. (In Russ.)

Shlyogel' K. *Terror i mechta. Moskva 1937* [Terror and the dream. Moscow 1937]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 742 p. (In Russ.)

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe desyatiletie* [It was forever, until it was over. The last Soviet decade]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 604 p. (In Russ.)

Yampol'skij M.B. *Yazyk-telo-sluchaj. Kinematograf i poiski smysla* [Language-body-case. Cinematography and the search for meaning]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, 369 p. (In Russ.)

Yangirov R.M. *Drugoe kino. Stat'i po istorii otechestvennogo kino pervoj treti XX veka* [Different Cinema. Articles on the history of Russian cinema of the first third of the twentieth century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 409 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 63–75. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 63–75. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)“1941/1945”

EDN LQHFSG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-63-75>

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Полугодин Андрей Дмитриевич, учитель истории, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50», г. Калуга, Россия; andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Аннотация. В исторической науке понятие «коллаборационизм» определяется как сотрудничество с врагом определенной части населения в интересах вражеского государства и в ущерб своей Родине. В советский период это явление практически не рассматривалось по политическим и идеологическим причинам. Существенные сдвиги стали происходить в связи с распадом Советского государства и последующей демократизацией политической и духовной системы. В 1990-е – начале 2000-х годов значительную популярность у исследователей получило рассмотрение военного, идеолого-политического варианта коллаборации, в то время как административная форма коллаборационизма¹, в частности на региональном уровне, прорабатывалась крайне медленно. Автор статьи, анализируя значительный пласт исследовательских работ, пытается выявить актуальные и слабоизученные в науке направления в рассмотрении административного коллаборационизма. Исследователь не пытается ограничиться лишь поверхностным обзором общей историографии, а стремится обозначить недостающие фрагменты изучения столь сложного явления. Статья основывается на формулировке конкретных вопросов, которые на данный момент либо не изучены, либо изучены слабо.

Ключевые слова: коллаборационизм, административный коллаборационизм, историография, оккупация, старосты, старшины, бургомистры, органы местного самоуправления.

Для цитирования: Полугодин А.Д. Проблема изучения административного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны в современной отечественной историографии // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 63–75. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-63-75>.

Research Article

THE PROBLEM OF STUDYING ADMINISTRATIVE COLLABORATIONISM DURING THE NAZI OCCUPATION IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Andrey D. Polugodin, history teacher, MBOU “Secondary School No. 50.”, Russia, Kaluga, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Abstract. In historical science the concept of “collaborationism” is defined as the cooperation with the enemy of a certain part of the population in the interests of the enemy state and to the detriment of one’s homeland. During the Soviet period this phenomenon was practically not considered for political and ideological reasons. Significant shifts began to occur with the collapse of the Soviet state and the subsequent democratisation of the political and spiritual system. In the 1990’s – the early 2000s, the military, ideological and political variant of collaboration became extremely popular among the researchers, however the administrative form of collaboration, especially on the regional level, still has dramatically poor analysis. The author of the article, analysing a significant layer of research works, tries to identify controversial and scientifically understudied directions in the consideration of administrative collaborationism. The researcher is not trying to limit himself to a superficial review of the general historiography; he rather seeks to identify the missing fragments of the study of such a complex phenomenon. The article is based on the formulation of specific issues, which at the moment are either suppressed or poorly studied.

Keywords: collaborationism, administrative collaborationism, historiography, Nazi occupation, village headmen, foremen, burgomasters, local government.

For citation: Polugodin A.D. The problem of studying administrative collaborationism during the Nazi occupation in modern Russian historiography. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 63–75. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-63-75>

Активное рассмотрение проблемы коллаборационизма, сотрудничества части населения с врагом-оккупантом в период Великой Отечественной войны началось с постсоветских времен в связи с демократизацией политической и духовной системы, разрушением идеологических барьеров и передаче части ранее секретных архивных материалов в исследовательское пользование.

В 1990-х – начале 2000-х годов отечественные историки М.И. Семиряга и Б.Н. Ковалев смогли дифференцировать коллаборационизм на различные типологии [Семиряга; Ковалев 2009а]. Затронутая в статье административная форма коллаборационизма нашла свое выражение в функционировании гражданских органов местного самоуправления, которые организовывали оккупанты для управления захваченной территории. Речь, прежде всего, идет о деятельности институтов старост, волостных старшин, бургомистров и иных представителей громоздкого оккупационного аппарата гитлеровцев.

На сегодняшний день эта форма коллаборации, особенно в пределах конкретных регионов, специалистами изучена недостаточно полно (а на примерах некоторых областей² – практически полностью), что позволяет отнести ее рассмотрение к актуальной задаче, а выявленные «белые пятна»³ исследования способствуют формированию новизны, определению научных ориентиров для последующего изучения.

Еще в советской историографии некоторые упоминания о пособниках-управленцах отражались в партизанской литературе и исследованиях историков, освещавших развитие партизанского дела, оккупационных мероприятий гитлеровцев [Незримого фронта солдаты; Павлов; Сабуров]. Планы гитлеровцев, в том числе и по организации коллаборационистских структур, отражались в изданиях документов высшего германского командования [Преступные цели: 38]. В то время «коллаборационист» воспринимался с негативной стороны, олицетворял собой образ идейного врага советской власти или же «труса-шкурника» без права сочувствия со стороны общества [Павлов; Сабуров: 207]. Сведения о полезных действиях служащих гражданских ведомств в интересах самих граждан, партизан были довольно скудны, и акцент на этом серьезно не делался. В лучшем случае авторы ограничивались поверхностным упоминанием об индивидуальных проявлениях такого спонтанного «патриотизма» [Незримого фронта солдаты: 171; Гуд: 49, 61; Засыпка; Мартынов].

Однако уже в советское время можно отметить некоторые серьезные исследовательские работы, уделившие внимание изучению функционала оккупационных институтов местного самоуправления. К таким относятся исследования Ю.В. Арутюняна и В.М. Гриднева, в которых авторы затронули вопрос

проведения экономических мероприятий оккупантов в сельской местности, проводниками которых были служащие различных управ и ведомств [Арутюнян; Гриднев]. Специалисты отметили провал планов гитлеровцев в использовании экономического и трудового потенциала оккупированной деревни. Большую заслугу в этом они видели в выражении массового протеста и саботажа оккупационной политики местными жителями, охваченными единым патриотическим порывом. Уже сейчас данный тезис вызывает споры и требует куда более объективной оценки. Однако ценность упомянутых работ заключается в том, что на основе использования архивных документов историки показали не только специфику функционирования органов местного самоуправления на селе, но и смогли выявить роль представителей этих структур в осуществлении грабительских планов гитлеровцев. В отличие от многих авторов партизанской литературы, Ю.В. Арутюнян справедливо считал, что в оккупационном аппарате могли находиться и совершенно «случайные» люди, в том числе и бывшие коммунисты, председатели колхозов, оставшиеся на оккупированной территории, мнение которых при назначении на должность немцы не спрашивали [Арутюнян: 224]. Помимо прочего, в представленных работах косвенно затрагивается и проблема взаимоотношений коллаборантов с оккупантами, отмечаются методы поощрения и наказания немцами своих помощников.

Вопрос мотивации прислужников затронул в своей работе А.Ф. Юденков, утверждавший, что помимо антисоветских и эгоистических тенденций нельзя забывать и про такой фактор, погнавший коллаборационистов на службу к врагу, как страх репрессий оккупантов [Юденков: 73, 74, 75–79].

Мотивам гитлеровских прислужников также уделено внимание в мемуарах работников внутренних дел регионального уровня, появившихся в советские годы, среди которых, по мнению авторов, были человеческая слабость, отказ сопротивляться до конца, потеря веры в победу СССР [Владимиров]. Из наиболее известных необходимо отметить воспоминания начальника Орловского УНКГБ К.Ф. Фирсанова [Фирсанов 1973; Фирсанов 1968; Чекисты рассказывают]. В сборнике воспоминаний «Бой продолжается» содержатся факты о деятельности калужских чекистов по поимке сотрудника аппарата абвера Власова [Бой продолжается]. В сборнике воспоминаний, посвященном деятельности смоленских чекистов, рассказывается об их борьбе с членами эмигрантской ячейки НТС, действовавших в структурах коллаборационистской администрации на территории Смоленщины [Продолжение подвига].

С 90-х годов XX века в российском государстве происходят серьезные изменения социально-полити-

ческого характера, что наложило отпечаток на дальнейший процесс изучения проблемы. Справедливости ради стоит отметить, что «административный коллаборационизм» даже в новое демократическое время не пользовался популярностью у историков, уступая дорогу изучению военной формы как наиболее выраженной и содержательной. С другой стороны, слабость изучения проблемы не связана с влиянием на процесс только субъективистских предпочтений. Прежде всего, мы должны понимать, что многие важные источники, могущие осветить природу административного коллаборационизма, подверглись рассекречиванию совсем недавно, их содержание в архивах сильно ограничено, поэтому для полного изучения предмета исследования материалов одного регионального архива специалисту попросту будет недостаточно, что влечет за собой дополнительные издержки и трудности. Исходя из личного опыта, отметим, что значительный пласт информации, хранящийся в делопроизводственных источниках различных германских оккупационных или же советских институтов⁴ по рассмотрению, например, вопроса устройства и деятельности органов «русского самоуправления» в западнорусском регионе⁵, имеется только в Смоленском и Калужском государственных архивах, в то время как в центрах документов соседних областей – Брянской, Тверской, Орловской – по объективным (политическим) причинам материал выдается ограниченно, небольшими партиями или же практически отсутствует. Тем не менее период конца 1990-х – начала 2000-х годов порадовал специалистов и читателей вышедшими в свет собраниями редких материалов – нормативных источников, содержащих документы советских органов государственной безопасности, – которые в дальнейшем будут успешно использоваться историками для обстоятельного изучения вопроса. К таким изданиям следует отнести сборники документов «Органы государственной безопасности», «Страна в огне», «Госбезопасность в битве за Москву», «Выстояли и победили» и др. [Органы государственной безопасности; Страна в огне; Госбезопасность; Все судьбы; Выстояли и победили!; Огненная дуга]. Коллаборационистам в них также уделено место.

Материалы личного происхождения: воспоминания обычных людей – очевидцев оккупации, ощутивших на себе весь её ужас, – несмотря на эмоциональность содержания, позволяют оценить общую палитру настроений населения, в том числе и отношение к немцам и их пособникам [«Нам выпало на долю...»; Фролов; Под оккупацией в 1941–1944]. Привлечённые источники представлены в основном мемуарами современников войны. Важное для решения задач исследования значение имеют воспоминания главы Центрального штаба партизанского

движения П.К. Пономаренко из его личного фонда в РГАСПИ, а также воспоминания партизан, свидетелей оккупации, хранящиеся в фондах архивов Калужской, Смоленской областей, многие из них вводятся в научный оборот впервые.

Значительный пласт воспоминаний советских граждан периода оккупации, содержащий ценные свидетельства взаимоотношений граждан и гитлеровских пособников на низовом уровне, опубликован и в современной региональной прессе [Котов; Новикова; Маркизова; Бурцев].

Несмотря на вышеуказанные трудности, за последние десятилетия специалисты все же смогли продвинуться вперед, освещали некоторые слабоизученные стороны административной коллаборации. Сначала в свет выходили общие исследования об оккупации и пособничестве в годы войны, где административному коллаборационизму уделялось лишь локальное место [Ковалев 2009а; Семиряга; Ермолов 2013; Романько; Комаров 2015; Щеров]. Но впоследствии появлялись работы, акцентированные на изучении конкретных институтов гражданского оккупационного управления. Историк И.Г. Ермолов сосредоточился на рассмотрении функционала старост, обозначив противоречивый характер исполнения ими должностных полномочий в планах гитлеровцев [Ермолов 2010: 78–82]. В похожем ключе выполнена работа дуэта историков – Д.А. Воробьева и Б.Н. Ковалева – про деятельность старост в оккупированной гитлеровцами Ленинградской области [Воробьев, Ковалев]. Специалист Д. Парфирьев уделил внимание изучению активности бургомистра г. Орла А. Старова и его действий на посту главы городской управы. Автор выяснил, что этот человек в аппарате гражданского управления выполнял сугубо представительские функции и не мог являться самостоятельной фигурой, уступая эту роль совсем другим личностям, в том числе не только из числа немцев [Парфирьев]. Ценны исследования, посвященные изучению деятельности бургомистра г. Смоленска Б. Меньшагина, его роли в отношениях с церковью В.Л. Амельченкова. Автор поддерживает положение о властной несамостоятельности бургомистров перед лицом германской власти [Амельченков: 174–197]. Нельзя не отметить работу специалиста Л.А. Сарана по изучению оккупации Орловского края. Исследователю удалось довольно подробно представить картину гитлеровского «нового порядка» на Орловщине, при осуществлении которого немаловажную роль играли и русские коллаборационисты. Саран смог установить фамилии многих старшин и бургомистров края, а также описать структуру интересующих нас коллаборационистских ведомств [Саран].

Ряд исследований посвящен реализации органами «русской администрации» своих функций на ма-

териалах западнорусской деревни [Дюков; Ермолов 2010: 78–82]. Среди недавних работ – исследования А.В. Якутина и В.Е. Рымарева [Якутин: 69–72; Рымарев]. Помимо управленческих функций Якутин привел примеры осуществления пособниками и полезными для населения задач. Автор считает, что к концу оккупации многие органы «русской администрации» саботировали мероприятия немцев, помогая населению. Рассматривая гитлеровскую аграрную политику и проблему взаимоотношений коллаборантов с населением, Рымарев приходит к выводу, что на первых порах русский аппарат являлся организацией, успешно проводящей политику оккупантов по снабжению армии продовольствием, которое германская армия получала в значительных количествах. Что же касается политической составляющей ее деятельности, то население, по его мнению, в основном не поддерживало гитлеровские преобразования, как и тех, кто их проводил. Таким образом, серьезную социальную прослойку, на которую немцы могли бы опереться, сформировать в деревне так не удалось. Точку зрения Рымарева не разделяет С.А. Никифоров, который утверждает, что ввиду функциональных ограничений коллаборационный аппарат не был способен решать ряд важных вопросов, в том числе и обеспечить снабжение германской армии продовольствием. Вызывалось это не только политикой полного ограбления деревни, но и реакцией на это ее населения, выражавшейся в активном саботаже [Никифоров].

В 2018 году автор данной статьи опубликовал исследование, посвященное обзору института волостных старшин в западнорусском регионе, где отразил тезис о дифференцированной специфике социального состава чиновников волостных управ, противоречивом характере их деятельности, а также проанализировал действия волостных бургомистров на предмет взаимоотношений с партизанами, населением и оккупантами [Полугодин 2018: 88–100].

С другой стороны, стоит признать, что количество работ по изучению некоторых сторон функционирования органов местного самоуправления, осуществления деятельности конкретных пособников на сегодняшний день невелико. Слабо рассмотрена практика уличных, квартальных старост, агрономов, бургомистров и иных представителей административного управления. Практически не затронута проблема развития коллаборации в пределах оккупированной части Московской, Тульской области. На наш взгляд, это связано с отсутствием в широком исследовательском обороте необходимых источников, по сей день находящихся в ограниченном доступе – делопроизводственных документов оккупационных ведомств, следственных материалов персональных дел на конкретных гитлеровских пособников и др. Однако имеются регионы, где ситуация с исследо-

ванием обстоит лучше. Важную работу проделали историки С.В. Богданов и В.Г. Остапюк [Богданов, Остапюк: 115–122]. На основе анализа документов архива УФСБ РФ по Курской области они изучили биографии попавших в поле зрения органов безопасности лиц, ранее работавших в органах местной администрации в районах Орловской и Курской областей. Исследователями было рассмотрено 28 персональных следственных дел на волостных старшин, из которых выяснилось, что такую должность могло занимать лицо в возрасте от 25 до 65 лет. Из общего количества людей в возрасте от 30 до 40 лет было всего 5 чел.; от 41 до 50 лет – 8 чел., от 51 до 60 лет – 13 чел. [Богданов, Остапюк: 119]. В другой работе коллектив С.В. Богданова и Б.С. Мартынова смог выявить весомую мотивационную тенденцию, определившую ориентир для граждан, желавших пойти на службу к немцам. Специалисты отметили, что на должность среднего и высшего звена оккупационных органов гитлеровцы старались подбирать лиц не только особо образованных, но и лояльных новой власти, поэтому среди пособников значимых ведомств было много людей, именно по идейным соображениям шедшим к ним на службу [Богданов, Мартынов: 42]. На 2022 год имеются работы по изучению административной коллаборации в Псковской, Смоленской, Белгородской, Курской, Калужской, Брянской областях, территории Крыма и ряда других областей [Ковалев 2019а; Ермолов 2008; Ковалев 2019б: 1–5; Варфоломеева; Комаров 2015; Коровин; Полугодин 2021: 218–240; Деревянко: 53–58; Трифанков, Шанцева, Дзюбан; Махалова; Цветков].

Учитывая собственный научный опыт, мы можем выявить и другие немаловажные проблемные аспекты изучения, в недостаточной степени рассмотренные сегодня.

Существенного внимания требует более детальная проработка вопроса взаимоотношений служащих различных управ с немецкими оккупантами и населением. В нынешних исследованиях этот вопрос рассмотрен лишь с формальной стороны через иллюстрацию функционала пособников и практику применения вышестоящим начальством различных санкций к своим подчиненным. Многие специалисты сходятся во мнении, что прогерманский гражданский административный институт являлся придатком гитлеровской оккупационной машины и не мог самостоятельно отстаивать свои интересы, проводить собственную политику [Ермолов 2008; Заварзина, Лукьянова: 53–59; Ковалев 2019б: 1–5; Ковалев 1995: 47–56].

В таком случае нельзя обойти стороной проблему изучения «Локотского эксперимента». Еще в советский период имелись ограниченные попытки уделить ненавязчивое внимание этой проблеме. Так, например, составитель очерков «Фронт в тылу врага»

М.М. Мартынов ошибочно упомянул, что Локотское самоуправление было организовано под воздействием германской военной разведки – абвера, лидер Локотской волости Воскобойник являлся обербургмистром, а Каминский – будущий глава РОА [Мартынов: 247, 249]. Н.Ф. Тропкин утверждал, что организация Каминского и Воскобойника – партия НСПР – не пользовалась популярностью у местного населения [Советские партизаны: 118]. В противовес этой позиции современные историки Д. Жуков и И. Ковтун отмечают широкую идеологизированность местной полиции, призванной выполнять политические задачи по нивелированию наследия советского строя. В рамках изучения «локотского вопроса» стоит отметить работы В.С. Христофорова и И.Г. Ермолова, осветивших развитие административных структур Локотского округа [Христофоров: 182–213; Ермолов 2008а]. На примере Локотского самоуправления В.С. Христофоров дал понять, что немцы не пытались давать полную самостоятельность даже созданным ими автономиям [Христофоров: 187]. Подобной концепции придерживаются историки Д.А. Жуков и И.И. Ковтун, подвергшие резкой критике позицию публициста С.И. Веревкина [Жуков, Ковтун: 230–248], настаивавшего на самостоятельном статусе Локотского образования [Веревкин]. Не очень ясна точка зрения специалиста Е.В. Деревянко. С одной стороны, автор утверждает, что Локотские власти полностью управляли всеми сферами жизни на территории, однако, с другой стороны, им же отмечено, что Локотский округ являлся «экспериментом» германского руководства, находился под их патронажем [Деревянко: 53, 56].

Другим серьезным недостатком в исследовании ряда ключевых вопросов является тот факт, что современные историки не жалуют применение метода историко-психологического анализа, благодаря которому возможен более основательный обзор, например, проблемы взаимоотношений коллаборационистов с партизанами, немцами, населением. Особо интересным является выяснение обстоятельств по выявлению противоречий в ходе осуществления пособниками своих обязанностей. Интересующимся историей оккупации читателям известно, что среди чиновников гражданской администрации могли быть и люди, не разделявшие взгляды гитлеровцев, занимавшие места по прямому принуждению. Какова была эффективность их работы? На чем строилась стратегия их выживания? Могли ли эти люди идти против совести и прямых указаний немцев? Что определяло их мотивацию? Это именно те вопросы, которые до сих пор нуждаются в серьезном изучении.

Дальнейшего исследования требует рассмотрение проблемы выявления коллаборационистов советскими органами государственной безопасности.

В работах С.В. Кудряшова, Е.И. Журавлева, Б.Н. Ковалева, Д.Е. Комарова речь идет о привлечении к ответственности общей массы пособников, включая, как правило, вооруженных предателей – власовцев, полицейских, националистов и т. д. [Кудряшов: 83–88; Журавлев: 154–160; Ковалев 2005: 108–113; Ковалев 2009б: 10–14; Комаров 2013: 197–209]. Нынешней исторической науке необходимо знание политики возмездия в отношении пособников иного калибра: волостных старшин, старост, бургомистров. Более детально, через анализ нормативных документов проблеме применения государственных карательных мер пытался рассмотреть исследователь А.Р. Дюков. Автор довольно резко осуждает стереотипные взгляды прозападных специалистов и историков антисоветского толка о суровости санкций государственных органов СССР к оступившимся, делает упор на изучение юридической составляющей политики государства, направленной на постоянную корректировку законодательства, смену подходов к тем лицам, чья вина не была столь серьезной [Дюков]. Из минусов работы можно отметить отсутствие у автора данных по иллюстрации положения на местах. Суровый характер действий органов безопасности советского государства в отношении коллаборационистов отмечает и вяземский специалист Д.Е. Комаров [Комаров 2013].

В этом направлении нынешним историкам особо важно не только исследовать процедуру наказания пособников в начальный и конечный периоды войны, но и изучить противоречивую картину применения этих мер, особенно на примере различных регионов. Актуальной является работа Б.Н. Ковалева, отразившего практику работы советских органов государственной безопасности со свидетельским контингентом с целью дальнейшего выявления преступных действий гитлеровских пособников [Ковалев 2005: 108–113]. Специалист А.В. Латышев уделил внимание отношениям сотрудников НКВД, дирекции лагерей к спецконтингенту, находящемуся в фильтрационных пунктах [Латышев: 595–608]. В другой статье [Полугодин 2019: 103–114] исследуется предмет осуществления деятельности Военных трибуналов по определению наказания представителям оккупационных ведомств на примере западноевропейского региона. Перечисленные выше авторы сходятся во мнении, что, несмотря на первоначальную неготовность правоохранительных структур к решению ряда задач в условиях войны, они быстро перестроили свою деятельность и в целом эффективно решали вставшие перед ними задачи, в том числе и по борьбе с бывшими помощниками гитлеровцев. В 2013 году в свет вышла фундаментальная энциклопедия, посвященная многим аспектам Великой Отечественной войны, шестой том которой ориентирован на рабо-

ту советских контрразведывательных органов, в том числе осуществлявших функции по поимке и наказанию немецких пособников [Великая Отечественная война 1941–1945 годов 6: 391–409, 434–441, 613–625].

Недостаточно полно рассмотрен вопрос проведения всевозможными партийными ведомствами фильтрационных мероприятий по изобличению пособников из числа коммунистов. К счастью, некоторые работы, осветившие эту процедуру на уровне регионов, все же имеются. Калужские историки И.В. Кометчиков и И.С. Писаренко проанализировали систему проверки коммунистов парторганизациями. Установив количество запятнавших себя коммунистов по районам области, авторы смогли прийти к выводу, что количество коммунистов, замеченных в непатриотическом поведении в период оккупации, было достаточно высоким, а наказание за это по партийной линии для них отличалось суровостью [Кометчиков 2016: 242–249; Кометчиков, Молодова, Писаренко и др.: 207–208, 219–220]. Значимые данные о поведении коммунистов по Смоленскому региону предоставил историк И.П. Щеров, фактами подтверждающий неоднозначный характер поведения представителей партии в оккупации [Щеров: 89].

Пожалуй, нельзя не согласиться с исследователем А.Т. Тертышным, что на данный момент без должного внимания осталась и проблема учета советскими органами безопасности количества представителей оккупационных структур. Особо интересной и актуальной станет проработка этого аспекта на уровне регионов, с последующим анализом полученных данных. Однако в связи с влиянием на процесс объективных причин, выраженных в ограниченном и неупорядоченном характере источников, закрытом статусе некоторых документов, сделать это пока довольно сложно [Тертышный: 58, 61].

Таким образом, проблема изучения административного коллаборационизма является актуальной для последующего рассмотрения.

В наибольшей степени источники личного происхождения, делопроизводственные материалы, а также последующие научные исследования обеспечивают рассмотрение таких граней проблемы, как образование и устройство низового коллаборационного аппарата, мотивация административных коллаборантов, их контакты с гитлеровцами, партизанами и населением. В меньшем порядке специалистам доступны делопроизводственные источники «особых» органов советского государства – следственные материалы органов госбезопасности СССР в отношении коллаборационистов, что на данный момент значительно сужает возможности рассмотрения политики возмездия на местах, изучение судеб конкретных административных коллаборантов в период войны и в послевоенное время.

Также, к сожалению, стоит заметить, что личный исследовательский опыт автора укладывается в рамки западнорусского региона при имеющемся на данный момент комплексе источников, поэтому для последующих специалистов рассмотрение административного коллаборационизма через дальнейшее переосмысление ряда вопросов в пределах края, а также на примере других территорий не теряет своей значимости в ближайшее время. Указанные в статье ориентиры способствуют активизации дальнейшей научной деятельности исследователей, что впоследствии приведет к дополнению новыми положениями историографии изучения проблемы.

Примечания

¹ Сотрудничество части советских граждан с оккупантами в органах гражданской администрации западнорусской деревни, прежде всего низового и среднего уровней – старостатах, волостных и районных управах.

² Например, нынешней Тульской или части Московской области.

³ Слабо исследованные вопросы науки.

⁴ Делопроизводственная документация представлена как партизанскими сводками, донесениями, докладными записками о положении на оккупированной территории, настроениях местного населения, так и документацией различных структурных подразделений германских оккупационных органов, учётной документацией, журналами регистраций уплаты гражданами налогов в пользу оккупационных властей и др.

⁵ На примере нынешних Орловской, Смоленской, Тульской, Калужской, Брянской, Тверской областей.

Список литературы

Амельченков В.Л. Бургомистр Б.Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение, 2019. № 5. С. 174–197.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 459 с.

Богданов С.В., Остапюк В.Г. Грани предательства (коллаборационисты в Курской области 1941–43 гг.) // Социологические исследования, 2017, № 3, с. 115–122.

Богданов С.В., Мартынов Б.С. Психология предательства: мотивация активного коллаборационизма на территории Курской области в 1941–1943 годах (по материалам архивно-следственных дел КГБ СССР) // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 155–164.

Бой продолжается...: рассказы о калужских чекистах / сост. Г.И. Коротаев. Тула, 1987. 251 с.

Бурцев Ю. Немецкий староста // Организатор (Сухиничи). 2001. 16 января, 18 января и др.

Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере территории современной Белгородской области в 1941–1943 гг.) // *Via in tempore. История. Политология.* 2011. № 19 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboratsionizm-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-primere-territorii-sovremennoy-belgorodskoy-oblasti-v-1941-1943-gg> (дата обращения: 02.05.2022).

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.

Веревкин С.И. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М.: Аузапресс: Эксмо, 2011. 605 с.

Владимиров С. Записки следователя гестапо. М., 1970. 78 с.

Воробьев Д.А., Ковалев Б.Н. Староста в оккупационной администрации Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // *Ученые записки НовГУ.* 2020. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starosta-v-okkupatsionnoy-administratsii-leningradskoy-oblasti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 02.05.2022).

«Все судьбы в единую слиты...»: По рассекреченным архивным документам: К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / сост.: Н.Г. Емельянов, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова и др. Смоленск: Маджента, 2003. 152 с.

Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. Орел: Орл. правда, 2005. 511 с.

Госбезопасность в битве за Москву: Документы, рассекреченные ФСБ России: сб. документов. М.: Звонница, 2015. 524 с.

Гриднев В.М. Борьба советского крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики, 1941–1944. М., 1976. 231 с.

Гуд Б.Е. Гремит Брянский лес: воспоминания партизана. Харьков, 1985. 208 с.

Деревянко Е.В. История Локотского самоуправления в документах Государственного архива Брянской области: опыт систематизации и изучения // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана.* 2015. № 1 (1). С. 53–58.

Дюков А.Р. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 175 с.

Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в Южных районах Орлов-

ской области: история Локотского автономного округа и Русской освободительной народной армии. Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. 179 с.

Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами в 1941–1944 гг. М., 2013. 462 с.

Ермолов И.Г. Самоуправление на оккупированных территориях РСФСР // *Ученые записки Орловского государственного университета.* 2008. № 1. С. 16–21.

Ермолов И.Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки.* 2010. № 4–5. С. 78–82.

Жуков Д.А., Ковтун И.И., Верёвкин С.И. Орловские военно-исторические исследования. Локотская альтернатива. Кн. 2. Локоть. Ч. 2. О Локотской окружной тюрьме и ее эвакуации в Белоруссию. Уфа: Изд. А.А. Словоохотов, 2017. 352 с. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2017. № 4 (11). С. 230–248.

Журавлев Е.И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // *Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика.* 2013. Вып. 28, № 22 (165). С. 154–160.

Заварзина В.И., Лукьянова Л.А. Повседневная жизнь советских людей в условиях немецкого оккупационного режима // *Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов.* 2011. № 1 (7). С. 53–59.

Засыпка Т.Н. Сторона партизанская. М., 1975. 119 с.

Ковалёв Б.Н. Особенности коллаборационизма на Псковщине (1941–1944 гг.) // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана.* 2019. № 3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kollaboratsionizma-na-pskovschine-1941-1944-gg> (дата обращения: 03.05.2022).

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет: Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009. 371 с.

Ковалев Б.Н. Начальный период гитлеровской оккупации города Старая Русса по документам советских органов государственной безопасности // *Ученые записки НовГУ.* 2019. № 3 (21). С. 1–5.

Ковалев Б.Н. «Пятую колонну» создать не удалось // *Псков: научно-практический и историко-краеведческий журнал.* 1995. № 2. С. 47–56.

Ковалев Б.Н. Свидетельские показания в уголовных делах коллаборационистов в России // *Вестник НовГУ.* 2005. № 33. С. 108–113.

Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2009. № 51. С. 10–14.

Комаров Д.Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета. Сер.: Исторические науки. 2013. № 1 (21). С. 197–209.

Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 368 с.

Кометчиков И.В. “Обком ВКП (б) располагает информацией о засоренности руководящих колхозных кадров...”: чистки коллаборантов и отношение к ним в западнорусской деревне 1942 – второй половины 1940-х гг. // Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.: материалы V междунар. науч. конф. 2016. С. 242–249.

Кометчиков И.В., Молодова И.Ю., Писаренко И.С., Романова Т.В., Филимонов В.Я., Чеченков К.В. и др. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 272 с.

Коровин В.А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 27 с.

Котов Л. Восточный район в период оккупации // Край Смоленский. 2015. № 9.

Кудряшов С.В. Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР // Ученые записки Казанского университета. 2012. С. 83–88.

Латышев А.В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 595–608.

Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. 4 марта.

Мартынов М.М. Фронт в тылу: Очерки истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. Тула, 1981. 256 с.

Махалова И.А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации: дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 277 с.

Нам выпало на долю...: война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сб. документов и материалов / сост. В.Н. Середа, Н.В. Федотова. Тверь, 2005. 304 с.

Незримого фронта солдаты: сб. воспоминаний. Тула: Приок. кн. изд-во, 1971. 476 с.

Никифоров С.А. Аграрная политика немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Центрально-Черноземного региона в 1941–

1943 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnaya-politika-nemetsko-fashistskih-zahvatchikov-na-okkupirovannoy-territorii-tsentralno-chernozemnoy-regiona-v-1941-1943-gg> (дата обращения: 02.05.2022).

Новикова М.К. Предатель // Перекресток. Шумячский альманах. Смоленск, 2010.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. М.: Московские учебники и Картолитография, 2003. 480 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 4 т. Т. 2, кн. 2. Т. 3, кн. 1–2. Т. 4, кн. 1–2. М.: Русь, 2000–2008.

Павлов В.В. Бригада трижды уничтоженных. М.: Политиздат, 1967. 192 с.

Парфирьев Д. Wer sind Sie? Herr Burgermeister? Забытый бургомистр Орла Александр Старов. URL: <https://parfiryeff.livejournal.com/tag/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 30.03.2019.)

Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Статьи и воспоминания / сост. А.С. Гогун, И.В. Грибков, К.Л. Таратухин, Т.С. Джолли, Р.И. Матвеева-Рацевич, Р.В. Полчанинов. М., 2004. 112 с.

Полугодин А.Д. Административный коллаборационизм в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 годов // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1 (53). С. 218–240.

Полугодин А.Д. Некоторые вопросы функционирования института волостных старшин на территории Европейской России, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Альманах «Казачество». Международный издательский центр «Этносоциум», 2018. № 36. С. 88–100.

Полугодин А.Д. Общий обзор деятельности Военных трибуналов по осуществлению наказания гражданских коллаборантов в период с 1941–1944 гг. (по материалам региональных источников) // Вторая мировая война. История и историческая память: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию начала Второй мировой войны; 5 июня, 2019 г. Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2019. С. 103–114.

Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. 328 с.

Продолжение подвига: книга о смоленских чекистах: сборник / ред.-сост. А.П. Комиссаров, В.В. Королев. Смоленск, 1988. 223 с.

Романько О.В. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945. Москва: Центрполиграф, 2013. 478 с.

Рымарев В.Е. Аграрная политика фашистской оккупационной власти в западных областях России, 1941–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2000. 162 с.

Сабуров А.Н. За линией фронта. Кн. 1: Партизанский край. М.: Воен. изд-во, 1953. 320 с.

Саран Л.А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941–1943 гг. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (дата обращения: 22.02.2019).

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.

Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. 799 с.

Страна в огне: в 3 т. Т. 2. Коренной перелом: в 2 кн. Кн. 2. 1942–1943: Документы и материалы / отв. ред. А.М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М.: Абрис, 2018. 542 с.

Тертышный А.Т. Сотрудничество советских граждан с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. К историографии проблемы // Journal of new economy. 2003. № 7. С. 56–62.

Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). Брянск: Изд-во БГТУ, 2012. 316 с.

Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. М., 1973. 136 с.; Фирсанов К.Ф. Как ковалась Победа? // За линией фронта: очерки. Тула, 1968. С. 5–85.

Фролов А.А. Оккупация глазами переживших: историческое исследование, 1917–2015. Челябинск, 2015. 651 с.

Христофоров В.С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 4. Другое лицо войны. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 182–213.

Цветков А.В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2011. 59 с.

Чекисты рассказывают: сб. очерков / сост. И.И. Шмелев. М., 1970. 314 с.

Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск: Универсум, 2005. 431 с.

Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1971. 217 с.

Якутин А.В. Организация немецко-фашистскими оккупационными властями крупных частновладельческих сельскохозяйственных поместий на территории

Смоленской области в 1941–1943 гг. // Научные труды Международной научно-практической конференции учёных МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 16–17 января 2008 г. М.-Луганск: Изд-во МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 2008. Т. 3: История и философия. С. 69–72.

References

Amel'chenkov V.L. *Burgomistr B.G. Men'shagin i vozrozhdenie Pravoslavnoj Cerkvi na Smolenshchine v period nemeckoj okkupacii 1941–1943 gg.* [Menshagin and the revival of the Orthodox Church in Smolenschina during the German occupation of 1941–1943]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading], 2019, № 5, pp. 174–196. (In Russ.)

Arutyunyan Yu.V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet peasant during the Great Patriotic War]. М., Akad. nauk SSSR Publ., 1963, 459 p. (In Russ.)

Bogdanov S.V., Ostapyuk V.G. *Grani predatel'stva (kollaboracionisty v Kurskoj oblasti 1941–43 gg.)* [Facets of betrayal (collaborators in the Kursk region 1941–43)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2017, № 3, pp. 115–122. (In Russ.)

Bogdanov S.V., Martynov B.S. *Psihologiya predatel'stva: motivaciya aktivnogo kollaboracionizma na territorii Kurskoj oblasti v 1941–1943 godah (po materialam arhivno-sledstvennyh del KGB SSSR)* [Psychology of Betrayal: Motivation of Active Cooperation in the Territory of the Kursk Region in 1941–1943 (based on the materials of archival and investigative cases of the KGB of the USSR)]. *Istoricheskaya psichologiya i sociologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2016, № 2, pp. 155–164. (In Russ.)

Boj prodolzhaetsya...: rasskazy` o kaluzhskix chekistax [The fight continues...: stories about Kaluga security officers], comp. G.I. Korotaev. Tula, 1987, 251 p.

Burcev Yu. *Nemeczkij starosta* [German headman]. *Organizator (Suxinichi)* [Organizer (Suxinichi)], 2001, 16 Jan., 18 Jan. et al. (In Russ.)

Varfolomeeva M.I. *Kollaboracionizm v gody Velikoj otechestvennoj vojny (na primere territorii sovremennoj Belgorodskoj oblasti v 1941–1943 gg.)* [Collaboration during the Great Patriotic War (on the example of the territory of the modern Belgorod region in 1941–1943)]. *Via in tempore. Ser.: Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Series: Story. Political science], 2011, № 19 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboracionizm-v-gody-velikoy-otchestvennoy-voyny-na-primere-territorii-sovremennoj-belgorodskoj-oblasti-v-1941-1943-gg> (access date: 02.05.2022). (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov: v 12 t. [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vol.]. М., Kuchkovo pole Publ., 2013, vol. 6: *Tajnaya vojna. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoj Otechestven-*

noj vojny [The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War], 864 p. (In Russ.)

Verevkin S.I. *Samaya zapretnaya kniga o Vtoroj Mirovoj. Byla li al'ternativa Stalinu?* [The most taboo book about World War II. Was there an alternative to Stalin?]. M., Yauza-press Publ., Eksmo Publ., 2011, 605 p. (In Russ.)

Vladimirov S. *Zapiski sledovatelya gestapo* [Notes of the Gestapo investigator]. M., 1970, 78 p. (In Russ.)

Vorob'ev D.A., Kovalev B.N. *Starosta v okkupacionnoj administracii Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Headman in the occupation administration of the Leningrad Region during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski NovGU* [Scientific Notes of Novgorod State University], 2020, № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starosta-v-okkupatsionnoj-administratsii-leningradskoy-oblasti-v-gody-velikoy-otchestvennoj-voyny> (access date: 02.05.2022). (In Russ.)

«Vse sud'by v edinyu slity...» *Po rassekrechennym arhivnym dokumentam. K 60-letiyu osvobozhdeniya Smolenshchiny ot nemecko-fashistskih zahvatnikov* [“All destinies are merged into one...” According to declassified archival documents. On the 60th anniversary of the liberation of Smolensk region from the Nazi invaders], comp. N.G. Emel'yanov, A.M. Dedkova, O.V. Vinogradova et al. Smolensk, Madzhenta Publ., 2003, 152 p. (In Russ.)

Vystoyali i pobedili! Orlovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. [We stood up and won! Orel region during the Great Patriotic War, 1941–1945: collection of documents. and materials]: sb. dok. i materialov. Orel, Orl. pravda Publ., 2005, 511 p. (In Russ.)

Gosbezopasnost' v bitve za Moskvu. Dokumenty, rassekrechennye FSB Rossii sbornik dokumentov [State security in the battle for Moscow. Documents declassified by the FSB of Russia collection of documents]. M., Zvonitsa Publ., 2015, 524 p. (In Russ.)

Gridnev V.M. *Bor'ba sovetskogo krest'yanstva okkupirovannykh oblastej RSFSR protiv nemecko – fashistskoj okkupacionnoj politiki* [The struggle of the Soviet peasant of the occupied regions of the RSFSR against the German-fascist occupation policy], 1941–1944. M., 1976, 231 p. (In Russ.)

Gud B.E. *Gremit Bryanskij les: vospominaniya partizana* [The Bryansk forest is thundering: memories of a partisan]. Har'kov, 1985, 208 p. (In Russ.)

Derevyanko E.V. *Istoriya Lokotskogo samoupravleniya v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Bryanskoy oblasti: opyt sistematizacii i izucheniya* [History of the Lokotsky Self-Government in the documents of the State Archive of the Bryansk Region: experience of systematization and study]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana* [New historical per-

spectives: from the Baltic to the Pacific], 2015, № 1 (1), pp. 5358. (In Russ.)

Dyukov A.R. *Milost' k padshim. Sovetskie repressii protiv nacistskih posobnikov v Pribaltike* [Soviet repression of Nazi accomplices in the Baltics]. M., Fond «Istoricheskaya pamyat'» Publ., 2009, 175 p. (In Russ.)

Ermolov I.G. *Grazhdanskij i voenno-politicheskij kollaboracionizm v Yuzhnykh rajonah Orlovskoj oblasti: istoriya Lokotskogo avtonomnogo okruga i Russkoj Osvoboditel'noj Narodnoj Armii* [Civil and Military-Political Collaboration in the Southern Regions of the Oryol Region: History of the Lockot Autonomous District and the Russian Liberation Peoples Army], M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, GOU VPO “Orlovskij gos. un-t”. Orel, 2008, 179 p. (In Russ.)

Ermolov I.G. *Pod znamenamy Gitlera. Sovetskie grazhdane v soyuze s nazistami na okcupirovannykh territoriyah RSFSR v 1941–1944 gg.* [Under the banners of Hitler. Soviet citizens in alliance with the Nazis in the occupied territories of the RSFSR in 1941–1944]. M., 2013, 462 p. (In Russ.)

Ermolov I.G. *Samoupravlenie na okcupirovannykh territoriyah RSFSR* [Self-government in the occupied territories of the RSFSR]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientists of notes of Oryol State University], 2008, № 1, pp. 16–21. (In Russ.)

Ermolov I.G. *Sel'skie starosty kak nizshee zveno v sisteme administrativnogo upravleniya na okcupirovannykh territoriyah RSFSR* [Rural leaders as a lower link in the administration system in the occupied territories of the RSFSR]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki* [Journal of the Moscow State Regional University. «History and Political Sciences Series»], 2010, vol. 4–5, pp. 78–82. (In Russ.)

Zhukov D.A., Kovtun I.I. *Veryovkin S. I. Orlovskie voenno-istoricheskie issledovaniya. Lokotskaya al'ternativa. Kn. 2. Lokot'. Ch. 2. O Lokotskoj okružhnoj tyur'me i ee evakuacii v Belorussiyu* [Oryol soldiers - historical research. Lokotsky alternative. Vol. 2. Elbow. Part 2. About Lockota District Prison and its evacuation to Belarus]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskih istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. Ufa, A.A. Slovoohotov Publ., 2017, № 4 (11), pp. 230–248. (In Russ.)

Zhuravlev E.I. *Sudebnye i vnesudebnye nakazaniya kollaboracionistov v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny i poslevoennoe vremya* [Judicial and extrajudicial punishment of collaborators in the USSR during the Great Patriotic War and post-war period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika* [Scientific statements of the Belgorodsky State Un. History series. Political science. Economy], 2013, № 22 (165), vol. 28, pp. 154–160. (In Russ.)

Zavarzina V.I., Luk'yanova L.A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh lyudej v usloviyah nemeckogo okkupacionnogo rezhima* [Daily life of Soviet people under the German occupation regime]. *Vestnik Nauchnoj associacii studentov i aspirantov* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates], 2011, № 1 (7), pp. 53–59. (In Russ.)

Zasyпка T.N. *Storona partizanskaya* [The partisan side]. M., 1975, 119 p. (In Russ.)

Kovalev B.N. *Osobennosti kollaboracionizma na Pskovshchine (1941–1944 gg.)* [Features of collaborationism in the Pskov region (1941–1944)]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana* [New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific], 2019, № 3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kollaboratsionizma-na-pskovshchine-1941-1944-gg> (access date: 03.05.2022). (In Russ.)

Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: types and forms]. Velikiy Novgorod: NovGU & Novgorod Interregional Institute of Social Sciences Publ., 2009, 371 p. (In Russ.)

Kovalev B.N. *Nachal'nyj period gitlerovskoj okkupacii goroda Staraya Russa po dokumentam sovetskikh organov gosudarstvennoj bezopasnosti* [Initial period of Hitlers occupation of the city of Staraya Russa according to documents of Soviet state security bodies]. *Uchenye zapiski NovGU* [Scientific notes of NOVGU], 2019, № 3 (21), pp. 1–5. (In Russ.)

Kovalev B.N. «Pyatuyu kolonnu» sozdat' ne udalos' [Fifth column failed to create]. *Pskov. nauchno-prakticheskij i istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Pskov. Scientific-practical and historical-local history journal], 1995, № 2, pp. 47–56. (In Russ.)

Kovalev B.N. *Svidetel'skie pokazaniya v ugolovnyh delah kollaboracionistov v Rossii* [Testimony in criminal cases of collaborators in Russia]. *Vestnik NovGU* [Journal of Novgorod State University], 2005, № 33, pp. 108–113. (In Russ.)

Kovalev B.N. *Sovetskoe zakonodatel'stvo o kollaboracionistah v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet legislation on collaborators during the Great Patriotic War]. *Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta* [Journal of Novgorod State University], 2009, № 51, pp. 10–14. (In Russ.)

Komarov D.E. *Deyatel'nost' sovetskogo repressivno-go apparata na okkupirovannoj territorii Smolenskoj oblasti (1941–1943)* [Activities of the Soviet repressive apparatus in the occupied territory of the Smolensk region (1941–1943)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [News of Smolensk State University. Historical sciences], 2013, № 1 (21), pp. 197–209. (In Russ.)

Komarov D.E. *Smolenskaya oblast v ogne Velikoj Otechestvennoj: voina, narod, pobeda* [Smolensk re-

gion in the fire of the Great Patriotic War: war, people, victory]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, 368 p. (In Russ.)

Kometchikov I.V. “Obkom VKP (b) raspola-gaet informaciej o zasorennosti rukovodyashchih kolhoznyh kadrov...”: chistki kollaborantov i otnoshenie k nim v zapadnorusskoj derevne 1942 – vtoroj poloviny 1940-h gg. [Obcom WKP (b) has information about the clogging of the leading collective farm personnel: cleaning of collaborators and attitude towards them in the Western Russian village 1942 – the second half of the 1940s.]. *Materialy V mezhdunar. nauch. konf. «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX* [Proceedings of the V International Scientific Conference Western Region of Russia in International Relations X–XX], 2016, pp. 242–249. (In Russ.)

Kometchikov I.V. Molodova I.YU., Pisarenko I.S. et al. *Surovye sorokovye... Kaluzhskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Severe the fortieth... Kaluzhsky Krai during the Great Patriotic War 1941–1945]. Kaluga, Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya, 2015, 272 p. (In Russ.)

Korovin V.A. *Kollaboracionizm na territorii Kurskoj oblasti v 1941–1943 gg.: formy proyavleniya, politiko-pravovye i social'nye posledstviya* [Collaboration in the Kursk Region in 1941–1943: forms of manifestation, political, legal and social consequences]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Kursk, 2015, 27 p.

Kotov L. *Vsxodskij rajon v period okkupacii* [Vskhodsky district during the occupation]. *Kraj Smolenskij* [Smolensk region], 2015, № 9.

Kudryashov S.V. *Nakazanie za sotrudnichestvo s okkupantami. Izuchenie opyta SSSR* [Punishment for cooperation with the occupiers. Studying of experience of the USSR]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientists of notes of Kazan University], 2012, p. 83–88. (In Russ.)

Latyshev A.V. *Otnoshenie sotrudnikov NKVD i rabotnikov promyshlennosti k uznikam fil'tracionnyh lagerej (1942–1945 gg.)* [Attitude of NKVD employees and industrial workers towards prisoners of filtration camps (1942–1945)]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Recent history of Russia], 2019, № 3, pp. 595–608. (In Russ.)

Markizova I. *Vospominaniya ob okkupacii* [Memories of the occupation]. *Yukhnovskie vesti* [Yukhnov news], 2003, 4 marta. (In Russ.)

Martynov M.M. *Front v tylu: Ocherki istorii bor'by sov. patriot. podpol'ya s nemecko-fashistskimi okkupantami na Orlovshchine v 1941–1943 gg.* [The front in the rear: Essays on the history of the struggle of the Soviets. patriot. underground with the Nazi occupiers in the Oryol region in 1941–1943]. Tula, 1981, 256 p. (In Russ.)

Mahalova I.A. *Kollaboracionizm v Krymu v period nacistskoj okkupacii* [Collaborationism in the Crimea during the Nazi Occupation]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2020, 277 p. (In Russ.)

Nam vy'palo na dolyu...: vojna v pis'max, dnevnikax, vospominaniyax: sb. dok. i materialov [It fell to our lot... War in letters, diaries, memoirs. Collection of documents and materials], comp. V.N. Sereda, N.V. Fedotova. Tver, 2005, 304 p. (In Russ.)

Nezrimogo fronta soldaty: sb. vospominanij [Hidden front soldiers: collection of memoirs]. Tula, Priok. kn. izd-vo Publ., 1971, 476 p. (In Russ.)

Nikiforov S.A. *Agrarnaya politika nemecko-fashistskih zahvatchikov na okkupirovannoj territorii Central'no-Chernozemnogo regiona v 1941–1943 gg.* [Agrarian policy of the Nazi invaders in the occupied territory of the Central Chernozem region in 1941–1943]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istorija Rossii* [Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia], 2012, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnaya-politika-nemetsko-fashistskih-zahvatchikov-na-okkupirovannoy-territorii-tsentralno-chernozemnogo-regiona-v-1941-1943-gg>. (access date: 02.05.2022). (In Russ.)

Novikova M.K. *Predatel'* [Traitor]. *Perekrestok: Shumyachskij al'manax* [Crossroads. Shumyachsky almanac]. Smolensk, 2010. (In Russ.)

«Ognennaya duga»: *Kurskaya bitva glazami Lubyanki* [The Battle of Kursk through the eyes of Lubyanka], comp. A. T. Zhadobin, V.V. Markovchin, V.S. Hristoforov. M., Moskovskie učebniki i Kartolitografiya Publ., 2003, 480 p. (In Russ.)

Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sbornik dokumentov: in 4 vols. [Bodies of state security in the Great Patriotic War. Collection of documents. In 4 volumes]. Vol. 2, iss. 2. Vol. 3, iss. 1, 2. Vol. 4, iss. 1–2: Rus'; Kuchkovo pole. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2000–2008. (In Russ.)

Pavlov V.V. *Brigada trizhdy unichtozhennyh* [The crew is three times destroyed]. M., Politizdat Publ., 1967, 192 p. (In Russ.)

Parfir'ev D. *Wer sind Sie? Herr Burgermeister? Zabytyj burgomistr Orla Aleksandr Starov.* URL: <https://parfir'yeff.livejournal.com/tag/> (access date: 30.03.2019). (In Russ.)

Pod okkupacij v 1941–1944 gg.: Stat'i i vospominaniya [Under occupation in 1941–1944: Articles and memoirs], comp. A.S. Gogun, I.V. Gribkov, K.L. Taratuxin et al. M., 2004, 112 p. (In Russ.)

Polugodin A.D. *Administrativnyj kollaboracionizm v okkupirovannyh rajonah Kaluzhskogo kraja v period 1941–1943 godov* [Administrative collaboration in the occupied regions of the Kaluga Region in the period 1941–1943]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], 2021, № 1 (53), pp. 218–240. (In Russ.)

Polugodin A.D. *Nekotorye voprosy funkcionirovaniya instituta volostnyh staršin na territorii Evropejskoj Rossii, vremennno okkupirovannoj nemecko-fashistskimi vojskami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–*

1943 gg.) [Some issues of functioning of the Institute of Parish Petty Officers in the territory of European Russia, temporarily occupied by German-Fascist troops during the Great Patriotic War (1941–194)]. *Al'manax «Kazachestvo»* [Almanac “Kazachestvo”], 2018, № 36, pp. 88–100. (In Russ.)

Polugodin A.D. *Obshchij obzor deyatel'nosti Voennyh tribunaloj po osushchestvleniyu nakazaniya grazhdanskikh kollaborantov v period s 1941–1944 gg. (po materialam regional'nyh istochnikov)* [Overview of the activities of the Military Tribunals for the Punishment of Civil Collaborators since 1941–1944 (From regional sources)]. *Vtoraya mirovaya vojna. Istorija i istoricheskaya pamyat': sbornik materialov Vseros. nauchnoj konf., posvyash. 80-letiyu nachala Vtoroj mirovoj vojny. 5 iyunya 2019* [World War II. History and historical memory. Collection of materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Second World War. June 5, 2019]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2019, pp. 103–114. (In Russ.)

Prestupnye celi – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupacionnoj politike fashistskoj Germanii na territorii SSSR. (1941–1944 gg.) [Criminal goals are criminal means: Documents on the occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941–1944)]. M., Ekonomika Publ., 1985, 328 p. (In Russ.)

Prodolzhenie podviga: kniga o smolenskix chekistax: sbornik [Continuation of the feat: a book about Smolensk chekists: collection], ed., comp. A.P. Komissarov, V.V. Korolev. Smolensk, 1988, 223 p. (In Russ.)

Romanko O.V. *Belorusskie kollaboracionisty: sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii, 1941–1945* [Belarusian collaborators: cooperation with the occupiers on the territory of Belarus, 1941–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013, 478 p. (In Russ.)

Rymarev V.E. *Agrarnaya politika fashistskoj okkupacionnoj vlasti v zapadnyh oblastyakh Rossii, 1941–1943 gg.* [Agrarian policy of the Fascist occupation authorities in the Western regions of Russia, 1941–1943]: dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2000, 162 p. (In Russ.)

Saburov A.N. *Za liniej fronta* [Behind the front line]. Vol. 1: Partizanskij kraj, iss. 1: Guerrilla edge. M., Voen. izd-vo Publ., 1953, 320 p. (In Russ.)

Saran L.A. *Organy vlasti na okkupirovannoj orlovshchine Орловщине 1941–1943 gg.* [Authorities in the occupied Oryol region 1941–1943]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (access date: 22.02.2019). (In Russ.)

Semiryaga M.I. *Kollaboracionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Collaborationism. Nature, typology and manifestations during World War II]. M., Rosspen Publ., 2000, 862 p. (In Russ.)

Sovetskie partizany. Iz istorii partizanskogo dvizheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet

partisans. From the history of the partisan movement during the Great Patriotic War]. M., 1961, 799 p. (In Russ.)

Strana v ogne: v 3 t. T. 2: v 2 kn. Kn. 2. Korennoj perelom. 1942–1943: dokumenty i materialy [The country is on fire: in 3 vols. Vol. 2: in 2 iss. 2 iss. A radical fracture, 1942–1943: Documents and materials], ed. by A.M. Litvin, Yu.A. Nikiforov. M., Abris Publ., 2018, 542 p. (In Russ.)

Tertyshnyj A.T. *Sotrudnichestvo sovetskikh grazhdan s okkupantami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. K istoriografii problemy* [Cooperation of Soviet citizens with the occupiers during the Great Patriotic War. To a problem historiography]. Journal of new economy, 2003, № 7, pp. 56–62. (In Russ.)

Trifankov Yu.T., Shanceva E.N., Dzyuban V.V. *Istoriya okkupacii Bryanskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny: partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1943 gg.)* [History of the occupation of the Bryansk region during the Great Patriotic War: partisan movement and collaborationism (1941–1943)]. Bryansk, BGTU Publ., 2012, 316 p. (In Russ.)

Firsanov K.F. *Tak voevali chekisty`* [So the Chekists fought]. M., 1973, 136 p.; Firsanov K.F. *Kak kovalas` Pobeda? Za liniej fronta: ocherki* [How was the victory forged? Behind the front line. Essays]. Tula, 1968, pp. 5–85. (In Russ.)

Frolov A.A. *Okkupaciya glazami perezvivshix: istoricheskoe issledovanie, 1917–2015* [Occupation through the eyes of survivors: a historical study, 1917–2015]. Chelyabinsk, 2015, 651 p. (In Russ.)

Hristoforov V.S. *Kollaboracionisty ot del'no vzyatogo Lokotskogo okruga* [Collaborators of the individual Lockot district]. *65 let Velikoj Pobedy: v 6 t.* [65 years of the Great Victory: in 6 vols.]. T. 4: *Drugoe lico vojny* [Vol. 4. Other person of war]. M., MGIMO-Universitet Publ., 2010, pp. 182–213. (In Russ.)

Cvetkov A.V. *Voennyj kollaboracionizm i propagandistskaya vojna na territorii Kalininskoj oblasti v gody*

Velikoj Otechestvennoj vojny: ocherki po istorii [Military collaboration and propaganda war on the territory of the Kalinin region during the Great Patriotic War: essays on history]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ., 2011, 59 p. (In Russ.)

Chekisty` rasskazy`vayut: sbornik ocherkov [Chekists tell: a collection of essays], comp. I.I. Shmelev. M., 1970, 314 p. (In Russ.)

Sherov I.P. *Kollaboracionizm v Sovetskom Soyuze (1941–1944): tipy i proyavleniya v gody okkupacii* [Collaboration in the Soviet Union (1941–1944): types and manifestations during the years of occupation]. Smolensk, Universum Publ., 2005, 431 p. (In Russ.)

Yudenzov A.F. *Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannoj sovetskoj territorii (1941–1944 gg.)* [Political work of the party among the population of the occupied Soviet territory (1941–1944)]. M., Mysl' Publ., 1971, 217 p. (In Russ.)

Yakutin A.V. *Organizaciya nemecko-fashistskimi okkupacionnymi vlastyami krupnyh chastnovladel'cheskikh sel'skohozyajstvennyh pomestij na territorii Smolenskoj oblasti v 1941–1943 gg.* [Organization of large private agricultural estates on the territory of the Smolensk region by the Nazi occupation authorities in 1941–1943]. *Nauchnye trudy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii uchyonyh MADI (GTU) RGAU–MSHA, LNAU, 16–17 yanvarya 2008 g.* [Scientific works of the International Scientific and Practical Conference of Scientists MADI (GTU), RGAU–MSHA, LNAU, January 16–17, 2008]. M., Lugansk, MADI (GTU), RGAU–MSHA, LNAU Publ., 2008, vol. 3: *Istoriya i filosofiya* [History and philosophy], pp. 69–72. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–XX ВВ.

Пуневский Ярослав Викторович, магистрант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, moskva221090an@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается современная историография городского самоуправления в России в 1871–1914 гг., важнейшего периода истории городских дум и управ в России, начиная с городской реформы 1870 г. и заканчивая началом Первой мировой войны. Автор выделяет наиболее значимые исследования данной проблематики, появившиеся с начала 1990-х гг. до настоящего времени. В работе рассматриваются оценки исследователями городских реформ 1870 и 1892 гг. в России, их достоинств и недостатков, а также деятельности органов городского самоуправления и ее результатов. Автор выделяет группы исследований, посвященных отдельным проблемам городского самоуправления в России в 1871–1914 гг., отмечает рост исследований, посвященных изучению данной проблематики на материале того или иного региона Российской империи, а также рост количества конференций и форумов по истории российского городского самоуправления в рассматриваемый в работе период. Автор отмечает новые сюжеты и подходы в изучении городского самоуправления, появившиеся в современной историографии в сравнении с ее предшествующим периодом.

Ключевые слова: историография, городское самоуправление, конференция, симпозиум, монография, исследование, исследователь, городская реформа.

Для цитирования: Пуневский Я.В. Современная историография городского самоуправления в России в 1871–1914 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 3. С. 76–81. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-76-81>

Research Article

MODERN HISTORIOGRAPHY OF MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – THE 20TH CENTURIES

Yaroslav V. Punevsky, Master's student, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, moskva221090an@gmail.com

Abstract. The article deals with the modern historiography of city self-government in Russia in 1871–1914, the most important period in the history of city councils and boards in Russia, starting with the city reform of 1870 and ending with the World War I breaking out. The author identifies the most significant studies of this issue that have appeared since the early 1990s. The paper considers the researchers' assessments of the municipal reforms of 1870 and 1892 in Russia, their advantages and disadvantages, as well as the activities of city governments and their results. The author identifies groups of studies devoted to certain problems of municipal self-government in Russia in 1871–1914, notes the growth of research devoted to the study of this issue on the material of a particular region of the Russian Empire, as well as an increase in the number of conferences and forums on the history of Russian municipal self-government in the considered in work period. The author notes new plots and approaches to the consideration of municipal self-government that have appeared in modern historiography in comparison with its previous period.

Keywords: historiography, municipal self-government, conference, symposium, monograph, research, researcher, municipal reform

For citation: Punevsky Ya.V. Modern historiography of municipal self-government in Russia in the 2nd half of the 19th – the 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 76–81. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-76-81>

Изучение городского самоуправления в России в период после реформ 1860–70-х гг. имеет богатую историографическую традицию. Среди исследователей конца XIX – начала XX вв. можно выделить: К.А. Джабара, М.Д. Головшикова, А.Л. Гурко, А.О. Ачадова, В. Тотомианца и других [Джабар; Головшиков; Гурко]. В советское время изучению городского самоуправления уделялось не слишком много внимания. Так, например, В.Г. Чернуха в своей известной работе в отличие от земского городского самоуправления практически не рассматривает [Чернуха]. Долгое время первенство во всестороннем исследовании органов городского самоуправления в России принадлежало В.А. Нардовой [Нардова]. На советских историков, которые изучали городское общественное управление в России, влияли идеологические ориентиры. Так, некоторые специалисты вообще не воспринимали термин «самоуправление» всерьез [Генкин, Лопатин; Шеффер].

Современный период отечественной историографии отмечен весьма показательным ростом интереса к изучению городского самоуправления в России. Исторические исследования по данной проблематике освобождаются от жестких идеологических рамок, существовавших в советский период. Это привело к росту популярности вопросов, касающихся взаимоотношений власти и общества, а также общественного самоуправления в России как объектов исторических исследований. Более того, изменение идеологических ориентиров в исторической науке привело к расширению тематики исследований городского самоуправления (проблема взаимоотношений власти и самоуправления в России, изучение финансовой базы городского самоуправления, мемориальной деятельности городских дум и управ), появлению новых сюжетов и методологических подходов (использование сравнительно-исторического метода для рассмотрения российского городского самоуправления в контексте международного опыта самоуправления) [Еремян; Лазарева; Емельянов; Меньшиков; Саврасова; Игнатов; Святославский].

Резкое повышение интереса к изучению истории общественного управления в России, которое наблюдается в современной историографии, привело к расширению источниковой базы исследований. Работы А.М. Блудова, В.М. Марасановой, В.А. Тюрина, М.А. Сергиенко, Б.В. Макарова и других исследователей посвящены региональному аспекту изучения городского самоуправления в России и выполнены на основе новых, не опубликованных до этого источников [Блудов; Марасанова; Тюрин; Сергиенко; Макаров; Местное самоуправление]. В современный период историографии был защищен ряд диссертаций, также выполненных на основе региональных материалов [Камаева; Материкин]. А.К. Семенов в своей

докторской диссертации впервые в отечественной историографии рассмотрел состояние городского самоуправления русских провинциальных уездных городов Центрального Черноземья [Семенов]. Исследовательский интерес к рассматриваемой нами проблеме поощрял ряд конференций и симпозиумов, материалы которых были опубликованы [Кирпичников; Шумилов]. В 2000-е гг. ряд таких научных конференций был проведен в регионах [VIII Золотаревские чтения].

Среди работ 1990-х гг. интересно исследование В.Д. Калинина, который отмечал консервативный характер «Городового положения» 1892 г., подчеркивая, что «основными линиями изменений, внесенных реформой 1892 года, были: сокращение контингента избирателей, усиление правительственного контроля над городским самоуправлением» [Калинин: 49]. Значительный вклад в изучение городского самоуправления внесли исследования Р.Н. Каукиной. Размышляя о неудачах городских реформ 1870 и 1892 гг., автор пишет о «чрезвычайно слабой финансовой базе» органов городского самоуправления, что обуславливало довольно слабую хозяйственную деятельность городских управ. «Неполноправность городского самоуправления в России выражалась в том, что основная часть городских расходов приходилась не на нужды города», отмечает Р.Н. Каукина [Каукина: 37]. Среди сильных сторон городской реформы 1870 г. Р.Н. Каукина отмечает утверждение представительства, основанного на буржуазном имущественном цензе взамен сословного представительства. Среди слабых – отсутствие принудительной власти, которое сильно затрудняло деятельность дум и управ.

А.С. Автономов рассматривал появление в России полноправного городского самоуправления в контексте появления в нашей стране первых начал гражданского общества, отмечая, что «местное самоуправление для своей нормальной реализации требует от населения наличия определенной степени гражданственности» [Автономов: 13]. К похожим выводам пришли Н.В. Щербакова и Е.С. Егорова, отмечавшие, что для развития российского местного самоуправления необходим в первую очередь уровень общественного сознания, позволяющий населению организовываться в единое целое. Еще одно условие: наличие правовой базы, которой исторически не хватало. Исследователи отметили, что Думы имели право издавать обязательные постановления по большему кругу вопросов, чем земские, рассматривая эти права как важный рычаг практического закрепления постановлений городских дум [Щербакова, Егоров: 36–39].

В 2007 г. вышло обстоятельное исследование Р.Ф. Асанова и Е.В. Иванютиной. Ученые отметили противоречивый характер реформы 1870 г., которая, с одной стороны, «проводилась с позиций укрепле-

ния самодержавия», а с другой – «предоставления обществу самоуправления». В целом авторы отметили прогрессивный характер Городового положения 1870 г. по сравнению с предыдущими правовыми актами, подчеркивая право дум издавать обязательные постановления по вопросам, которые относились к предметам их ведения. В качестве причины, побудившей правительство пойти на введение городского самоуправления авторы монографии называют «изыскание более гибких форм управления на местах с учетом укрепления существующего строя, сохранения правового положения господствующих в обществе сословий». Рассуждая об итогах деятельности «муниципальных органов» во второй половине XIX века, Р.Ф. Асанова и Е.В. Иванютина отмечают ее прогрессивный характер [Асанов, Иванютина: 41–101].

Знаковым событием современной историографии городского самоуправления стал выход в 2008 г. фундаментальной монографии профессора Московского государственного университета Л.В. Кошман «Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты», ставшей логическим продолжением ее докторской диссертации. На богатом фактическом материале в работе Л.В. Кошман рассматривается развитие инфраструктуры городского хозяйства, социокультурной и культурно-информационной сфер. В исследовании Л.В. Кошман представлены новые возможности и подходы в изучении российских городов XIX века. Используя системно-функциональный подход для изучения культуры и субкультур различных социальных групп, проживающих в городе, Л.В. Кошман рассматривает город как важнейший элемент для развития культурной среды [Кошман: 7–9]. В контексте исследовательского подхода Л.В. Кошман город представлен как «социальный срез общества», соединяющий и развивающий те сферы жизнедеятельности, которые были необходимы для общественного прогресса [Кошман: 431]. В работе Л.В. Кошман представлено большое количество приложений с ценной статистикой по экономике и бюджетам городов, благоустройству и санитарному состоянию, общественно-культурной жизни, что позволяет вести сравнительные исследования органов городского самоуправления на региональном материале.

Не так давно были опубликованы новые работы известного исследователя российского городского самоуправления В.А. Нардовой, первая работа которой, посвященная этой теме, вышла еще в 1984 г. Автор позитивно относится к «Городовому положению» 1870 г., подчеркивая, что оно «не предусматривало право администрации оценивать решения дум с точки зрения их целесообразности... формально контроль сводился лишь к надзору за законностью

действий общественного управления» [Нардова: 11]. Работа В.А. Нардовой написана на основе богатого фактического материала. Автор уделяет большое внимание усилиям городских дум на путях городского благоустройства, бюджетам городских дум, особенностям избирательной системы.

В современной историографии давно наметился отказ от трактовки «Городового положения» 1892 г. как «контрреформы». Так, Е.К. Анатронов считает, что «городскую реформу Александра III вряд ли можно назвать контрреформой во всей полноте этого слова, так как она не предусматривала целостную замену существовавшей до 1892 года системы городского самоуправления какой-либо новой моделью» [Анатронов: 42]. Сходных взглядов придерживается в своей недавней работе историк Л.Ф. Писарькова. Изучение состояния городского общественного управления в 1870–1880-е гг., проведенное на материалах Московской городской думы, позволило исследователю сделать вывод о том, что «оно действительно нуждалось в изменениях» [Писарькова: 248]. «В новом Городовом положении нет ни одной принципиально важной статьи, необходимость которой не признавалась бы обществом и городскими думами еще в 1870-е годы», отмечает Л.Ф. Писарькова [Писарькова: 428]. Более того, автору удалось установить, с нашей точки зрения, очень важный факт: несмотря на то, что число избирателей резко сократилось, соотношение числа участников выборов с общей численностью населения г. Москвы осталось прежним, что говорит о том, что статус избирателя утратили те, кто в выборах и так не участвовал.

Другие исследователи вслед за В.А. Нардовой продолжают рассматривать «Городовое положение» 1892 г. как контрреформу. «К городским думам после 1892 г. лишь условно применим термин «самоуправление», однако некоторая самостоятельность дум существовала, пусть и в усеченном виде», отмечает Р.Н. Каукина. Однако и она признает позитивные моменты городской реформы 1892 г.: «...Тот факт, что городское положение не менялось с 1892 по 1917 гг., свидетельствует о значительной жизнеспособности документа в российской действительности того времени», – пишет исследователь [Каукина: 18–19].

Таким образом, в современной историографии были достигнуты успехи в изучении городского самоуправления в России второй половины XIX – начала XX вв. Этот период отмечен в историографии резким увеличением количества исследований по сравнению с советским периодом. Современные исторические исследования по истории городского общественного управления в России освободились от жестких идеологических рамок, существовавших в советский период. Появляется новый источниковый материал, новые сюжеты и методологические подходы. Идут

активные региональные исследования, проходят конференции и симпозиумы, переосмысляются многие теоретические положения и оценки, существовавшие в историографии.

Список литературы

- Автономов А.С.* У истоков гражданского общества и местного самоуправления. М.: Формула права, 1998. 79 с.
- Анимца Е.Г., Тертышный А.Т.* Основы местного самоуправления. М.: ИНФРА-М, 2000. 208 с.
- Анатронов Е.К.* О соотношении либерального и консервативного в городской реформе 1870 и 1892 гг. // Точка зрения: межвуз. сб. науч. трудов. Казань, 1999. С. 40–45.
- Асанов Р.Ф., Иванютина Е.В.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX века. Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2007. 107 с.
- Блудов А.М.* Городское самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. 249 с.
- Генкин Н.Б., Лопатин И.В.* Выборы в царской России и выборы теперь. Ярославль: Ярославское обл. изд-во, 1939.
- Головицков К.Д.* История города Ярославля. Ярославль, Типо-лит. П.Г. Фальк, 1889–1904.
- Гурко А.Л.* Наши выборы вообще и московские городские в особенности. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1889. 62 с.
- Джабар М.А.* Социальные задачи городов. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1910. 16 с.
- Еремян В.В., Федоров М.В.* История местного самоуправления в России (XII – начало XX вв.). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. 294 с.
- Емельянов Н.А.* Местное самоуправление: междунар. опыт. Тула: ГМРИП «Левша», 1996. 111 с.
- Емельянов Н.А.* Местное самоуправления в России: генезис и тенденции развития. Тула: ТИГИМУС, 1997. 339 с.
- VIII Золотаревские чтения: тезисы докладов научной конференции (16–17 октября 2000 г.): К 90-летию Рыбинского музея / под ред. А.М. Селиванова. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. 169 с.
- Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Местное самоуправление: российская практика и зарубежный опыт: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2005. 366 с.
- Калинин В.Д.* Из истории городского самоуправления в России (XVIII – начало XX вв.). Москва: ИЭ, 1994. 92 с.
- Камаева Е.Е.* Деятельность органов городского самоуправления Саратовской губернии: 1870–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
- Каукина Р.Н.* Развитие городского самоуправления в России в конце XVIII – начале XX вв. // Регионоведение. 2004. № 1. С. 34–45.
- Каукина Р.Н.* Городское самоуправление в России конца XIX – начала XX веков (на материале г. Саранска). Саранск: МордГПИ, 2014. 99 с.
- Кирпичников В.А.* О российской действительности и местном самоуправлении // Местное самоуправление: проблемы, решения (материалы международного симпозиума). М., 1995. С. 35–43.
- Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Лазарева Н.В.* Финансовые ресурсы органов местного самоуправления (история, структура, регулирование). Ростов-на-Дону: М-во общ. и проф. образования РФ, 1998. 127 с.
- Макаров В.Б.* История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. – 1917 г.): учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2000. 243 с.
- Марасанова В.М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М.: Тип. Карпова, 2004. 215 с.
- Материкин А.В.* Царицынская городская дума 1870–1914 гг.: опыт функционирования городского общественного управления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2006. 20 с.
- Меньшиков В.В.* Власть и самоуправление. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 151 с.
- Местное самоуправление в Хабаровске: история и современность. Хабаровск: Амурский утес, 2008. 126 с.
- Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Ленинград: Наука, 1984. 260 с.
- Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. М.; Санкт-Петербург: Наука, 1994. 157 с.
- Нардова В.А.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014. 564 с.
- Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская городская дума. М.: Новый хронограф: АИРО–XXI, 2010. 735 с.
- Саврасова Т.В.* Городская реформа 1870 г. в Томске // Местное самоуправление: российский вариант: научно-аналитические обзоры. М., 1993. С. 96–99.
- Святославский А.В.* Мемориальная деятельность Московской городской думы в 1870–1917 гг. // Из истории отечественного просвещения: сб. ст. М., 2007. С. 55–74.
- Семенов А.К.* Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 561 с.
- Сергиенко М.А.* Деятельность органов городского самоуправления провинциальной России в конце XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии). Белгород: Белгород, 2013. 174 с.

Тюрин В.А. Губернская администрация и осуществление городской реформы 1892 года в среднем Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 53–58.

Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Ленинград: Наука, 1978. 248 с.

Шеффер А.Л. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышев: Куйбыш. обл. изд-во, 1939. 113 с.

Шумилов М.М. Новгородское городское самоуправление в 60–80-е гг. XIX века // Местное самоуправление в России: история и современность: материалы регионал. науч.-практ. конф. Новгород, 1997. С. 25–30.

Щербачева Н.В. Егорова Е.С. Местное самоуправление в России: теория и практика. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1996. 100 с.

References

Avtonomov A.S. *U istokov grazhdanskogo obshhestva i mestnogo samoupravlenija* [At the origins of civil society and local self-government]. Moscow, Formula prava Publ., 1998, 79 p. (In Russ.)

Animica E.G., Tertysnyj A.T. *Osnovy mestnogo samoupravlenija* [Fundamentals of local government]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000, 208 p. (In Russ.)

Anatronov E.K. *O sootnoshenii liberal'nogo i konservativnogo v gorodskoj reforme 1870 i 1892 gg.* [On the ratio of liberal and conservative in the urban reform of 1870 and 1892]. *Tochka zrenija: mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov* [Point of view: interuniversity collection of scientific papers], Kazan', 1999, pp. 40–45. (In Russ.)

Asanov R.F. Ivanjutina E.V. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [City self-government in Russia in the second half of the 19th century]. Neftekamsk, RIC BashGU Publ., 2007, 107 p. (In Russ.)

Bludov A.M. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [City self-government in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. Tambov, Pershina R.V. Publ., 2006, 249 p. (In Russ.)

Genkin N.B., Lopatin I.V. *Vybory v carskoj Rossii i vybory teper'* [Elections in tsarist Russia and elections now]. Jaroslavl', Jaroslavskoe obl. izd-vo Publ., 1939. (In Russ.)

Golovshhikov K.D. *Istorija goroda Jaroslavlja* [History of the city of Jaroslavl]. Jaroslavl', Tipo-lit. P.G. Fal'k Publ., 1889–1904. (In Russ.)

Gurko A.L. *Nashi vybory voobshhe i moskovskie gorodskie v osobennosti* [Our elections in general and Moscow city elections in particular]. Moscow, Tip. V.F. Rihter Publ., 1889, 62 p. (In Russ.)

Dzhabar M.A. *Social'nye zadachi gorodov* [Social tasks of cities]. Tiflis, Tip. K.P. Kozlovskogo Publ., 1910, 16 p. (In Russ.)

Eremjan V.V., Fedorov M.V. *Istorija mestnogo samoupravlenija v Rossii (XII – nachalo XX vv.)* [History of local self-government in Russia (XII – early XX centuries)]. Moscow, Izd-vo Ros. Un-ta družby narodov Publ., 1999, 294 p. (In Russ.)

Emel'janov N.A. *Mestnoe samoupravlenie: mezhdunarodnyj opyt* [Local self-government: international experience]. Tula, GMRIP «Levsha» Publ., 1996, 111 p. (In Russ.)

Emel'janov N.A. *Mestnoe samoupravlenija v Rossii: genezis i tendencii razvitiija* [Local self-government in Russia: genesis and development trends]. Tula, TIGIMUS Publ., 1997, 339 p. (In Russ.)

VIII Zolotarevskie chtenija: tezisy dokladov nauchnoj konferencii (16–17 oktjabrja 2000 g.): K 90-letiju Rybinskogo muzeja [VIII Zolotarev Readings: Abstracts of Scientific Conference Reports (October 16–17, 2000). To the 90th anniversary of the Rybinsk Museum], ed. by A.M. Selivanova. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 2000, 169 p. (In Russ.)

Ignatov V.G., Butov V.I. *Mestnoe samoupravlenie: rossijskaja praktika i zarubezhnyj opyt: uchebnoe posobie* [Local self-government: Russian practice and foreign experience: textbook]. Rostov-na-Donu, Mart Publ., 2005, 366 p. (In Russ.)

Kalinin V.D. *Iz istorii gorodskogo samoupravlenija v Rossii (XVIII – nachalo XX vv.)* [From the history of urban self-government in Russia (XVIII – early XX centuries)]. Moscow, IJe Publ., 1994, 92 p. (In Russ.)

Kamaeva E.E. *Dejatel'nost' organov gorodskogo samoupravlenija Saratovskoj gubernii: 1870–1914 gg.* [The activities of the city government of the Saratov province: 1870–1914]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Volgograd, 2010, 22 p. (In Russ.)

Kaukina R.N. *Razvitie gorodskogo samoupravlenija v Rossii v konce XVIII–nachale XX vv.* [The development of urban self-government in Russia in the late 18th - early 20th centuries]. *Regionologija* [Regionology], 2004, № 1, pp. 34–45. (In Russ.)

Kaukina R.N. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii konca XIX nachala XX vekov (na materiale g. Saranska)* [City self-government in Russia in the late 19th and early 20th centuries (on the material of the city of Saransk)]. Saransk, MordGPI Publ., 2014, 99 p. (In Russ.)

Kirpichnikov V.A. *O rossijskoj dejstvitel'nosti i mestnom samoupravlenii* [On Russian reality and local self-government]. *Mestnoe samoupravlenie: problemy, reshenija (materialy mezhdunarodnogo simpoziuma)* [Local self-government: problems, solutions (materials of the international symposium)]. Moscow, 1995, pp. 35–43. (In Russ.)

Koshman L.V. *Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletija: social'nye i kulturnye aspekty* [City and urban life in Russia in the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, 446 p. (In Russ.)

Lazareva N.V. *Finansovye resursy organov mestnogo samoupravlenija (istorija, struktura, regulirovanie)* [Financial resources of local governments (history, structure, regulation)]. Rostov-na-Donu, M-vo obshh. i prof. obrazovaniya RF Publ., 1998, 127 p. (In Russ.)

Makarov V.B. *Istorija gosudarstvennogo upravlenija i mestnogo samoupravlenija v Rossii (IX v – 1917 g): ucheb. posobie* [History of public administration and local self-government in Russia (9th century – 1917): textbook]. Nizhnij Novgorod, Izd-vo Volgo-Vjat. akad. gos. Sluzhby Publ., 2000, 243 p. (In Russ.)

Marasanova V.M. *Mestnoe upravlenie v Rossijskoj imperii (na materialah Verhnego Povolzh'ja)* [Local government in the Russian Empire (on the materials of the Upper Volga region)]. Moscow, Karpov Publ., 2004, 215 p. (In Russ.)

Materikin A.V. *Caricynskaja gorodskaja дума 1870-1914 gg.: opyt funkcionirovanija gorodskogo obshhestvennogo upravlenija* [Tsaritsyno City Duma in 1870-1914: the experience of functioning of city public administration]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Astrahan', 2006, 20 p. (In Russ.)

Men'shikov V.V. *Vlast' i samoupravlenie* [Power and self-government]. Rostov-na-Donu, Rost. un-t Publ., 1991, 151 p. (In Russ.)

Mestnoe samoupravlenie v Habarovske: istorija i sovremennost' [Local self-government in Khabarovsk: history and modernity]. Khabarovsk, Amurskij utes Publ., 2008, 126 p. (In Russ.)

Nardova V.A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-h – nachale 90-h gg. XIX v* [City self-government in Russia in the 60s and early 90s. XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 260 p. (In Russ.)

Nardova V.A. *Samoderzhavie i gorodskie dумы v Rossii v konce XIX – nachale XX vv.* [Autocracy and city dumas in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Firma Publ., 1994, 157 p. (In Russ.)

Nardova V.A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vlast' i obshhestvo* [City self-government in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries: power and society]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014, 564 p. (In Russ.)

Pisar'kova L.F. *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaja gorodskaja дума* [Urban reforms in Russia and the Moscow City Duma]. Moscow, Novyj hronograf Publ., AIRO-XXI Publ., 2010, 735 p. (In Russ.)

Savrasova T.V. *Gorodskaja reforma 1870 g. v Tomске* [City reform of 1870 in Tomsk]. *Mestnoe samoupravlenie: rossijskij variant: nauchno-analiticheskie obzory* [Local self-government Russian version: scientific and analytical reviews]. Moscow, 1993, pp. 96–99. (In Russ.)

Svjatoslavskij A.V. *Memorial'naja dejatel'nost' Moskovskoj gorodskoj dумы v 1870–1917 gg.* [Memorial activity of the Moscow City Duma in 1870–1917]. *Iz istorii otechestvennogo prosveshhenija: sbornik statej* [Local self-government Russian version: scientific and analytical reviews]. Moscow, 2007, pp. 55–74. (In Russ.)

Semenov A.K. *Samoupravlenie russkikh provincial'nyh gorodov v konce XVIII – nachale XX vv.: dis. ... doct. istor. nauk* [Self-government of Russian provincial cities in the late 18th – early 20th centuries: DSc thesis]. Voronezh, 2006, 561 p. (In Russ.)

Sergienko M.A. *Dejatel'nost' organov gorodskogo samoupravlenija provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX veka (na materialah Kurskoj gubernii)* [The activities of the city self-government bodies of provincial Russia in the late XIX – early XX century (based on the materials of the Kursk province)]. Belgorod, Belgorod Publ., 2013, 174 p. (In Russ.)

Tjurin V.A. *Gubernskaja administracija i osushhestvlenie gorodskoj reformy 1892 goda v srednem Povolzh'e* [Provincial administration and the implementation of the city reform of 1892 in the middle Volga region]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2009, № 7, pp. 53–58. (In Russ.)

Chernuha V.G. *Vnutrennjaja politika carizma s sere-diny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v.* [The internal policy of tsarism from the mid-1950s to the early 1980s. XIXth century]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 248 p. (In Russ.)

Sheffer A.L. *Organy «samoupravlenija» carskoj Rossii* [Organs of “self-government” of tsarist Russia]. Kujbyshev, Kujbysk. obl. izd-vo Publ., 1939, 113 p. (In Russ.)

Shumilov M.M. *Novgorodskoe gorodskoe samoupravlenie v 60-80-e gg. XIX veka* [Novgorod city self-government in the 60-80s. 19th century]. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istorija i sovremennost': materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Local self-government in Russia: history and modernity: materials of the regional scientific and practical conference]. Novgorod, 1997, pp. 25–30. (In Russ.)

Shherbakova N.V., Egorova E.S. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: teorija i praktika* [Local self-government in Russia: theory and practice]. Jaroslavl', Izd-vo Jarosl. un-ta Publ., 1996, 100 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 02.06.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДЫ

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Бахарев Иван Сергеевич, студент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, tutabarao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-5446>

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности образа Российской империи на основе дневника Франсиско де Миранды. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать своеобразие языковой репрезентации дипломата, сформулировав основы его понимания России в период правления императрицы Екатерины II. В статье исследуется образ Российской империи, представляющий собой целостный концепт, который сложился из описания подданных империи, её территории, ресурсов, политических возможностей и культурных традиций. Основные элементы образа России у испаноговорящего путешественника и дипломата в целом соответствовали общей культуре восприятия иностранцами России в XVIII веке. Для глубокого понимания образа России на основании дневника де Миранды были сформулированы существенные ограничения: во-первых, круг общения де Миранды исчерпывался преимущественно аристократической средой, во-вторых, путешественник посетил в основном крупные города юга и центра России, в-третьих, поездка дипломата была связана преимущественно с соображениями будущей миссии в колониях. В этой связи сами воспоминания можно разделить на три главные части: а) общее описание Российской империи (географические пространства, архитектурные сооружения, социальные институты, образование, искусство, уровень хозяйственного развития, социальное неравенство, военное дело); б) описание и характеристика русских; в) отношение к России у иностранцев, повлиявшее на восприятие де Миранды.

Ключевые слова: Франсиско де Миранда, путешествие, Российская империя, репрезентативный образ, дневник, эпоха Просвещения, дипломатия, война, Латинская Америка, колониализм.

Для цитирования: Турыгин А.А., Бахарев И.С. Образ Российской империи в воспоминаниях Франсиско де Миранды // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 29, № 3. С. 82–88. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-82-88>

Research Article

THE IMAGE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MEMOIRS OF FRANCISCO DE MIRANDA

Alexander A. Turygin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Ivan S. Bakharev, student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, tutabarao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-5446>

Abstract. The article is devoted to the specificity of the linguistic characteristics of the image of Imperial Russia based on the diary of Sebastián Francisco de Miranda y Rodríguez de Espinoza (Francisco de Miranda). The main purpose of the article is to analyse the identity of the author's linguistic representation, formulating the basis of his understanding of Russia during the reign of Catherine II. The article examines the image of the Russian Empire as a holistic concept, as well as linguistic descriptions of the country's inhabitants in order to generalise the information received and compile the image of Russia in the 18th century. To understand this image, based on the diary of Francisco de Miranda, some restrictions were made: firstly, because his social circle was limited mainly to aristocrats, and secondly, because of his considerations of a future mission in the colonies. For this reason, the entries of Francisco's diary can be divided into three thematic blocks: a) general description of Imperial Russia as a holistic image (geographical areas, architectural buildings, social concepts such as education and art, the level of economic development, social inequality, the military); b) characteristics of the Russians; c) foreigners' attitude towards Russia, that also affected the perception of Francisco de Miranda.

Keywords: Francisco de Miranda, journey, Russian Empire, representative image, diary, Age of Enlightenment, diplomacy, war, Latin America, colonialism.

For citation: Turygin A.A., Bakharev I.S. The image of the Russian Empire in the memoirs of Francisco de Miranda. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 29, № 3, pp. 82–88. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-82-88>

Имя Себастьяна Франсиско де Миранды-и-Родригеса (1750–1816) хорошо известно в странах Латинской Америки в связи с войнами за независимость испанских колоний, одна из которых сделала его национальным героем Венесуэлы. Однако знакомство и связи де Миранды с ключевыми персонами американской и европейской истории, имена которых в обыденном сознании идентифицируются с целой эпохой (Жильбер Лафайет, Фридрих II, Джордж Вашингтон, Екатерина II, Наполеон Бонапарт, Артур Веллингтон), как и его участие в знаковых исторических событиях (война за независимость США, Великая французская революция), если и не ставят его в ранг великих государственных деятелей, от решений которых зависели судьбы народов и империй, то как минимум создают венесуэльскому политику и дипломату репутацию «гражданина мира». Суждение подобного рода, несомненно, не позволяет дать единственно верную оценку личности де Миранды, поскольку источником для понимания масштабов его деятельности будут постоянные противоречия. Так, например, будучи креолом по рождению, де Миранда с недоверием и даже враждебностью относился к революционному движению креольских народов, оставаясь консерватором в вопросе о рабовладении, а его мысли о независимости народов Америки от Испании были связаны не с революцией «низов», а, скорее, с идеями спланированного и организованного под контролем «Цезаря» освободительного движения, желательно при поддержке дипломатического альянса [Bohórquez Morán 2001; Thibaud 2003].

В 1784 году де Миранда предпринял большое путешествие по Европе с целью получения информации и исследований, о чем сообщил в захватывающем дневнике путешествия. Части дневника де Миранды, относящиеся к России, были впервые опубликованы у него на родине в 1929 г., во втором томе «Архива генерала Миранды» [Archivo del General Miranda]. Перевод дневника на русский язык с последующей публикацией состоялся благодаря Институту всеобщей истории РАН только в 2001 г. [де Миранда].

Путешествие де Миранды началось 15 декабря 1784 года, когда он на торговом фрегате «Нептун» отбыл из США в Англию. Поводом для отъезда стали интриги, в которых был замешан де Миранда. В конфликте Франции и Испании из-за французской колонии Сан-Доминго (о. Гаити) де Миранда интриговал одновременно против французского и испанского двора. Из-за компрометировавших его документов

и при поддержке секретаря первого посольства США при английском дворе полковника Уильяма Смита де Миранда тайно прибыл в Лондон [Egea 1987: 56]. Англия, желавшая, так же как и Испания, получить французскую колонию Сан-Доминго, охотно поддерживала идеи де Миранды о достижении независимости латиноамериканских колоний, так как в случае успеха этой борьбы в будущем могла без особых усилий реализовать там свой колониальный проект. Вместе с полковником Смитом был составлен план путешествия, задачами которого стало обучение военной стратегии и поиск союзников среди монархов Европы. В качестве знатока военного искусства был выбран престарелый прусский король Фридрих II, а посещение Берлина должно было стать важной вехой самого путешествия [Egea 1987: 57]. Его маршрут пришлось корректировать, опасаясь выдачи французским властям, которые ещё в Америке подготовили на де Миранду основательный компромат [Raga-Perez 1961: 512–514].

После посещения Англии, Голландии, Пруссии, Дании, Швеции, Италии, Греции и Османской империи де Миранда прибыл в Россию, контакты с посланниками которой у него начались ещё в Далмации, адриатической республике, поддерживавшей отношения с Россией. Стремлению и интересу Миранды к путешествию по Российской империи можно найти два типа объяснений. Историк М.С. Альперович отмечает, что не стоит придавать большого значения политическим мотивам путешествия де Миранды хотя бы потому, что он ничего не знал о колониальных проектах России в западной части Северной Америки, а также усилившемся в то время противостоянии России и Испании в той части света [Альперович]. И.Р. Лаврецкий (Григулевич), напротив, предположил, что «русские, соперничающие с испанцами в Америке» были заинтересованы в независимости испанских колоний, что, так же как и Англии, в будущем сулило России множество преференций [Лаврецкий 1965].

23 августа 1786 года де Миранда с паспортом на имя графа де Миранды, выданным послом Священной Римской империи, в сопровождении американского полковника Джона Смита отплыл в Херсон, южные ворота Российской империи. На границе де Миранде, как и всем путешественникам, пришлось провести 40 дней в полной изоляции – меру, предпринятую русскими властями против чёрной оспы и иных распространённых в Османской империи эпидемий.

Де Миранда провёл в Российской империи почти год: с 26 сентября 1786 года по 7 сентября 1787 года. Он совершил долгое путешествие, проехав в общей сумме более четырёх тысяч километров: с юга империи до Петербурга. Наиболее продолжительными остановками де Миранды в России оказалось пребывание в течение более чем четырёх месяцев в Херсоне, трёхмесячная остановка в Киеве, отъезд оттуда в феврале 1787 года в Москву, где де Миранда оставался около месяца, и пребывание с лета по сентябрь 1787 года в Петербурге.

Как человек эпохи Просвещения де Миранда был склонен к самосовершенствованию, поэтому за время своего пребывания в России он стремился больше узнать о русской культуре, посещая многочисленные светские приёмы и участвуя в культурных мероприятиях. Общаясь преимущественно в аристократической среде, он день за днём открывал для себя имперское величие золотого века екатерининской России. Большую часть времени де Миранда посвящал изучению военной организации Российской империи, встречаясь с талантливыми полководцами П.А. Румянцевым, Г.А. Потёмкиным, А.В. Суворовым и заводя нужные знакомства среди тех, кто мог оказать поддержку его миссии и повлиять на императрицу. Вместе с тем как «участник войны за независимость британских колоний» де Миранда сам вызывал большой интерес у русской знати [Косторниченко 2018: 86].

Для понимания образа Российской империи у де Миранды, на основании его дневниковых записей, имеют значение два важных ограничения: *во-первых*, его круг общения исчерпывался преимущественно аристократической средой, *во-вторых*, соображениями будущей миссии в колониях. По этой причине дневниковые записи де Миранды можно условно разделить на три тематических блока:

1. **Общее описание Российской империи как целостного объекта** (географические пространства, архитектурные сооружения, социальные концепты, как образование или искусство, уровень хозяйственного развития, социальное неравенство, военное дело). Такое описание содержит как положительную, так и отрицательную оценку.

2. **Характеристика русских.** Изобретательный, высокорелигиозный, гостеприимный, толерантный, стойкий и в то же время похотливый, легкомысленный, суеверный, азартный, местами бесчестный народ – вот лишь некоторые характеристики, обнаруженные в описании де Мирандой личных встреч с представителями русского народа.

3. **Отношение к России у иностранцев**, к мнению которых де Миранда так или иначе прислушивался. Их мнение не всегда оглашалось при дворе, но при личных встречах иностранцы в России на-

ходили общий язык, обмениваясь собственным восприятием России.

Рассматривая концепт Российской империи в воспоминаниях дипломата, в нём [концепте] условно можно выделить шесть частей, описание которых представляется наиболее полным: вооружённые силы, экономическое и политическое устройство, систему образования, культурную и архитектурную составляющие.

Рассмотрение концепта целесообразно начать с анализа записей, характеризующих вооружённые силы, поскольку именно с них начинается дневник. Так, в записи от 18 ноября де Миранда отметит: «...*Войска обмундированы с большим вкусом, воинским изяществом и сообразно климату (на английский манер)*» [де Миранда 2001: 31]; далее, 1 декабря, он сравнит российский полк с «*небольшим селением со всем необходимым*» [Альперович 1986: 37].

Стоит подчеркнуть, что качество военно-морского флота дипломата тоже не разочаровывает: 1 января Миранда повествует о российском порте, в котором может «надёжно» укрыться эскадра, насчитывающая свыше ста линейных кораблей, отмечая, что «*в случае какого-либо повреждения ремонт займёт не более недели*» [де Миранда 2001: 61], поскольку верфь порта хорошо оборудована.

Рассматривая концепт вооружённых сил России, нельзя упустить и такую его составляющую, как военный состав. Так, солдатам сухопутных войск Франсиско де Миранда придаёт характеристики «*опрятность, бравый вид и крепкое сложение*» [де Миранда 2001: 43], а моряков описывает «*самыми крепкими и бравыми на вид людьми*» [де Миранда 2001: 59]. Крепкий, бравый, опрятный солдат, однако, в представлении Миранды получает крайне не малое жалование. В этом представляется противоречивость концепта. Так, в записи от 1 декабря де Миранда характеризует жалование солдат «*самым мизерным*» [де Миранда 2001: 37], 8 января указывает, что «*их труд [солдат] обошёл бы столь дёшево (поскольку солдаты работают за пять копеек в день на каждого), что меньше и быть не может*» [де Миранда 2001: 64], 1 декабря отмечает: «...*Солдат редко ест что-либо, кроме хлеба с солью*» [де Миранда 2001: 37]. Указанные записи – не что иное, как примеры наличия в России серьёзной социально-экономической дифференциации населения.

Тема социально-экономического разрыва встречается и в других записях. Так, в записи от 12 декабря де Миранда рассказывает, как видел «*майора и полковника, с величайшей невозмутимостью проигрывавших в ломбер... за один присест от 100 до 300 рублей*» [де Миранда 2001: 43]; в записи от 24 мая приводит заработную плату работников ручного тру-

да: «по 25 рублей в год получают ткачи, а чесальщицы, прядильщицы и проч. по 12 рублей, иными словами, от пяти до десяти копеек в день» [де Миранда 2001: 193]. Опираясь на приведённые данные, можно сосчитать, что для игры в ломбер с майором и полковником (даже на 100 рублей) обычному прядильщику пришлось бы сначала отработать не менее 8 лет, что очередной раз подтверждает наличие величайшей пропасти в доходах разных слоёв населения.

Следующей составляющей концепта Российской империи является её экономическое положение. Так, применительно к мануфактурам как весомой части экономики дипломат чаще применяет описания положительного характера: «образцы шёлковых тканей, очень хорошего качества... по выделке, расцветке и прочности они ни в чем не уступают лучшим лионским шелкам...» [де Миранда 2001: 182]; «[шелка, парча и прочие ткани Милютинской мануфактуры показались] ...бесспорно лучшими и сделанными с большим вкусом, нежели все прочие, за исключением разве что лазаревских» [де Миранда 2001: 189].

Единственное, что Миранду не устраивает – качество рисунка на тканях, что прослеживается в записях за 19 и 22 мая: «рисунку немного недостаёт правильности и вкуса» [де Миранда 2001: 182], «рисунки на тканях никуда не годны» [де Миранда 2001: 187]. В целом, однако, концепт российских мануфактур представлен в дневниках с весьма благоприятной стороны.

В то же время при детальном изучении других записей представление о России как экономически развитой стране встаёт под сомнение: так, например, с концептом развитой экономики слабо сочетается широкая распространённость воровства: «в ворах здесь недостатка нет» [де Миранда 2001: 170], «в чистых, но без кроватей и каких-либо удобств камерах содержатся 125 мужчин и 16 женщин, в основном за долги» [де Миранда 2001: 314], равно как и эпидемия сифилиса, большое количество страдающих от цинги: «Из 650 человек [пациентов] 200 больны сифилисом и 200 – цингой» [де Миранда 2001: 264]; «здесь из 260 человек 65 больны сифилисом и 30 – цингой» [де Миранда 2001: 264]; «200 пациентов, из них 33 женщины; 16 страдают сифилисом. Основная болезнь – цинга» [де Миранда 2001: 271]. Условию низкого дохода населения соответствуют и цены на российское жильё: «[мне сказали] что обычная цена – всего лишь от 20 до 24 рублей» [де Миранда 2001: 216], низкий уровень развития сельского хозяйства (так как население не имеет необходимых инструментов): «в сколь неразвитом состоянии находится в этой стране... земледелие» [де Миранда 2001: 216].

Стоит отметить и значительный объем неосвоенных территорий в пределах России, что также весь-

ма слабо коррелирует с концептом развитой экономики: «ни возделанных полей, ни жилья, сплошные тёмные и мрачные леса, лишь изредка мелькнёт деревушка в окружении жалких посевов» [де Миранда 2001: 218]; «[по дороге в Выборг] места здесь каменистые, покрытые лесом, признаки обрабатываемых земель видны лишь вокруг редко встречающихся деревушек» [де Миранда 2001: 301–302].

Таким образом, российская экономическая система в дневниках де Миранды представлена крайне противоречиво: имея развитые мануфактуры, страна не способна обеспечить значительную часть жителей даже базовыми продуктами (содержащими витамин С), оберечь от нужды в воровстве или снабдить современными орудиями земледелия.

В рамках рассмотрения концепта российской политической системы обратимся к записям де Миранды от 30 декабря, 10 января: «отправился ко двору, где собрались все самые ничтожные личности, какие есть в Херсоне... орава льстецов и плутов!» [де Миранда 2001: 48]. Не только льстецы и плуты, однако, имеют в России власть. 10 января де Миранда повествует о двух юношах 14–16 лет, «являющихся прямыми потомками Чингисхана», которым князь оказал честь, велел зачислить их младшими офицерами в гвардейский полк. «О, превратности судьбы! И таков путь, следуя которым вся российская знать начинает свою карьеру», – отмечает де Миранда [де Миранда 2001: 66].

Закрытый для большинства россиян, концепт российской власти, однако, представляется открытым для иностранцев. Так, в записи от 15 декабря дипломат описывает встречу с капитаном первого ранга на русской службе г-ном Пристманом, «англичанином по национальности», с женой, «уроженкой Брюсселя» [де Миранда 2001: 45], что демонстрирует доступность российских властных структур лицам другой национальности – очередную противоречивость концепта России.

Следующим пунктом настоящей работы станет рассмотрение российской образовательной системы. Концепт этот также неоднозначен, имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Так, в записи от 14 мая де Миранда пишет о собственном визите в местный университет, в котором, по словам директора Тонвизена, бесплатно обучают «французскому, русскому, немецкому, латинскому, итальянскому и английскому языкам». Приведя слова директора, де Миранда, однако, смещает фокус текста на личную оценку коллекции материалов по предмету «естествознание»: дипломат пишет, что преподаватель показал ему «скуднейшую коллекцию, относящуюся к сему предмету» [де Миранда 2001: 37168]. Бесплатное, но скудное образование – таким Миранда представляется данный университет.

Позднее этим же днём дипломат посетит другое учебное заведение: «106 учеников живут тут на полном пансионе благодаря щедротам государства, получая хорошее и широкое образование за 150 рублей в год». Здесь акцент текста, очевидно, поставлен на государственной поддержке образования, обозначенной словом «щедроты» [де Миранда 2001: 168].

Описания российской образовательной системы мы находим и в записи де Миранды от 29 января. В ней он описывает два учебных заведения: в первом из них «обучаются 72 юноши и иные желающие, платя по 12 рублей в год». За 12 рублей ученики получают возможность занятий с учителями грамматикой, французским и немецким языками, арифметикой и географией. Обучение во втором заведении, «для девиц», обходится ученицам в 36 рублей в год, и «там учат вышивать, читать, танцевать, петь, играть на фортепьяно» [де Миранда 2001: 78]. Следовательно, в российской образовательной системе наблюдается неравенство как в содержании мужского и женского образования, так и во взимаемой за него плате.

В своих дневниках де Миранда высоко оценивает архитектуру Российской империи. Например, он сравнивает Москву с Константинополем: «огромный город – 32 версты – на возвышенности с дворцами, садами и бедными лачугами, все вперемешку, что придает ему некоторое сходство с Константинополем» [де Миранда 2001: 165], описывает Мраморный дворец, являющийся «одним из лучших в мире зданий, заслуживающим внимания любого просвещённого путешественника» [де Миранда 2001: 290]. На основании этих примеров становится понятно, что архитектуру российских построек де Миранда оценивает высоко.

В то же время, однако, дипломат отмечает низкое качество строительных материалов, из которых эти постройки возводят: «Качество строительных материалов, особенно кирпича, показалось мне неважным» [де Миранда 2001: 33]; «и кирпич, и раствор далеко не лучшего качества» [де Миранда 2001: 224].

В записи от 15 декабря дипломат описывает демографическую ситуацию России. Так, согласно словам начальника полиции г-на Булгагова, «число жителей [в Херсоне]... достигает в настоящее время 40 тысяч душ... насчитывается 1200 достаточно добротных каменных домов, помимо множества хибар... и воинских бараков», при этом ещё в 1779 году там «не было ничего, кроме двух рыбацких хижин» [де Миранда 2001: 45]. Данная запись указывает на активное демографическое развитие страны.

Судя по записям де Миранды, однако, демография – не единственная сфера, проходящая в стране активное развитие. Так, в записи от 17–24 декабря де Миранда повествует о записках генерала Манштейна, описывающих Россию 1727–1744 годов. Дипломат

делает особый акцент на словах Манштейна, в соответствии с которыми «доходы империи [в годы исследования]... достигли 15 млн. рублей, тогда как во времена Петра I не превышали 5 млн.» Далее Миранда пишет: «Сейчас они возросли до 47 млн дукатов, а национальной долг составляет 40 млн дукатов» [де Миранда 2001: 46], из чего можно сделать вывод об активном экономическом развитии России. Активное развитие экономики, однако, слабо согласуется с бедностью широких слоёв населения, что делает общий концепт ещё более неопределённым.

Развитие описано и в сфере здравоохранения, учреждения которой в 1786–1787 годы условно делятся на два типа: открытые ещё при Петре Великом и открываемые уже при Екатерине II. Чистота, порядок и просторность Екатерининских больниц противопоставляется спёртому воздуху, дурному запаху, тесноте и грязи больниц времён Петра Великого [де Миранда 2001: 171].

Не все сферы России, однако, отмечены в дневниках развивающимися. Так, через активную деградацию проходит, например, сфера религиозных учреждений: «сейчас здесь живут 40 монахов и весь монастырский доход составляет 4 тысячи рублей... монастырь приходит в упадок... Раньше здесь было до 700 монахов, и монастырю принадлежало 25 тысяч крестьян» [де Миранда 2001: 199]. Следовательно, в рассмотрении концепта Российской империи с позиций отдельных сфер жизни также прослеживаются значительные противоречия: характеризуясь активным развитием в одних сферах, Россия отмечается стремительной деградацией других.

Рассмотрев основные характеристики, входящие в образ Российской Империи как общего концепта, перейдём к характеристикам, использованным де Мирандой в отношении населения страны.

Проанализированный портрет типичного жителя России в представлении де Миранды включает характеристики изобретательности: «в российских военных частях единственным “учителем” или способом обучения обыкновенно является палка» [де Миранда 2001: 41]; высокой религиозности: «побывали в церкви, где не было недостатка в публике» [де Миранда 2001: 35]; гостеприимности: «Прощаясь с гостеприимными хозяевами... мне было приятно общество столь благовоспитанных людей» [де Миранда 2001: 169]; образованности: «...человек огромных познаний и очень откровенный» [де Миранда 2001: 184], «я заметил книги, музыкальные инструменты, рукоделие, что свидетельствует о привычке [Их высочеств] к занятиям и о добродетели» [де Миранда 2001: 230].

Особого упоминания заслуживают и такие характеристики, как стойкость и сила духа, ранее уже отмеченные (13 декабря, 1 января), а также высокая толерантность: «[как приятно видеть людей]

не испытывающих ненависти, терпимых друг к другу!» [де Миранда 2001: 303].

Образ типичного жителя России, однако, содержит и негативные коннотации. При внимательном изучении текста находятся и такие характеристики россиянина, как бесчестность: «как утверждают, русские офицеры никогда не платят» [де Миранда 2001: 38]; азартность: «развлекались игрой в карты и лото, что является обычным времяпрепровождением в этой стране» [де Миранда 2001: 31]; подхалимство: «Приходил также господин Роуэн, пригласивший на обед по-английски и наговоривший множество комплиментов» [де Миранда 2001: 168]; похотливость: «...внизу веселился и плясал простой люд, одни мужчины, которые не уступят в похотливости самой последней» [де Миранда 2001: 184]; необразованность, напрямую контрастирующая с образованностью: «Эти люди [Горчаковы] полагают, что образование сводится к умению хорошо танцевать, и их дети более ни в чем не нуждаются» [де Миранда 2001: 185]; снобизм: «[Пётр Великий подавал] наилучший и полезнейший пример простоты и умеренности – качеств, не слишком распространённых среди этого народа» [де Миранда 2001: 204].

К подобным характеристикам относятся и легковесность суждений: «[В этом выражении] явственно проявилась легковесность суждений, свойственная большинству подобных людей» (речь идёт о Куракиных) [де Миранда 2001: 239], а также суеверность: «архитектор повесился, и поскольку люди здесь суеверны, то работы прекратили» [де Миранда 2001: 260].

Из последних четырёх абзацев становится ясно, насколько противоречивым представляется концепт типичного жителя России: выделить черты, присущие всем россиянам сразу, – задача крайне сложная.

Следующим, что мы рассмотрим, станет альтернативный взгляд на Россию: взгляд собственно жителей страны, с которыми де Миранда имел возможность личного общения.

В словах, касающихся населения России, встречаются такие её характеристики, как незрелость: «русские – незрелая нация, наподобие плодов, коим приходится дозревать в апельсиновой» [де Миранда 2001: 70–71]; присутствие деспотизма, описанное в словах архиепископа, который сказал, что «его весьма удручает деспотизм в стране» [де Миранда 2001: 200]; незрелость юридической сферы: «[Господин Билан] рассказывал об отсутствии какой-либо системы, беззаконии и невежестве, царящих в этой области [юридической], от коей в основном зависят счастье и здоровье общества, о злоупотреблениях при распределении вакансий и проч.» [де Миранда 2001: 277]; высокий авторитет образовательных учреждений: «Мы продолжали беседовать с нею [госпожой Каменской], и она сказала, что не хочет,

чтобы её дети получали образование за границей» [де Миранда 2001: 175]. И здесь мы снова видим противоречие: незрелость нации перекликается с развитыми образовательными учреждениями. Стоит отметить, что связь между неразвитой юридической системой и деспотизмом установить можно.

Таким образом, Россия в глазах дипломата – страна, имеющая противоречия практически в каждой своей сфере. Стойкие, brave, сильные духом солдаты получают качественное обмундирование на английский манер. В то же время их жалование де Миранда характеризует как «самое мизерное». Направленная на развитие образования, политика Екатерины II обделяет вниманием учреждения, открытые при Петре Великом, не принимает никаких мер относительно неравенства в мужском и женском обучении. Та же ситуация наблюдается и в области здравоохранения: развивая новые учреждения, императрица закрывает глаза на старые больницы.

Россия в дневниках де Миранды – страна, проходящая активное экономическое развитие: высокого качества мануфактуры отлично сочетаются с концептом активного демографического развития. В то же время встречаются и описания России как ужасно бедной страны с воруящим, страдающим от цинги, сифилиса населением.

Красивейшие архитектурные постройки – следующая особенность России, цепляющая взгляд де Миранды. Как он узнает впоследствии, однако, материалы для подобных сооружений используются весьма посредственные.

Серьёзнейшее социально-экономическое неравенство – следующая характеристика России, которую отметит дипломат. Причиной тому представляется неграмотное распределение власти, при котором юноши 14–16 лет, «являющиеся прямыми потомками Чингисхана» [де Миранда 2001: 66], получают звания младших офицеров в гвардейском полку сугобо по родовому признаку.

Россия в дневниках де Миранды – страна с обширнейшими и в то же время практически неосвоенными территориями, плохо развитой сферой сельского хозяйства.

Российская Империя противоречива, противоречиво и её население. Изобретательные, высокорелигиозные, гостеприимные, образованные, стойкие, толерантные россияне противопоставляются бесчестным, азартным, похотливым, необразованным, суеверным подхалимам и снобам, чьи суждения легковесны. И все живут в пределах одной страны!

Такой Российская империя предстаёт испанскому дипломату Франсиско де Миранде во время его годовичного путешествия – страной, проходящей активное развитие в одних сферах и сильнейшую деградацию в других; страной, в которой высокооб-

разованные люди уживаются с гражданами, совсем не имеющими образования; страной, в которой два человека за ночь могут проиграть сумму, которую типичный работник будет копить 8 лет при условии полного отсутствия трат.

Список литературы

Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России / отв. ред. Б.И. Коваль [АН СССР, Ин-т всеобщ. истории]. М.: Наука, 1986. 349 с.

Де Миранда, Ф. Путешествие по Российской Империи = Viajes por el Imperio de Rusia / Франсиско де Миранда; пер. с исп. В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М.: Наука: Интерпериодика, 2001. 362 с.

Косторниченко В.Н. «Русская Америка» и международная дипломатия: Франсиско Миранда при дворе Екатерины II // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Общественные науки. 2018. № 3 (806). С. 85–97.

Лаврецкий И.П. Миранда [1750–1816]. Москва: Мол. гвардия, 1965. 272 с.

Archivo Del General Miranda. Viajes Diarios, 1785-1787. Caracas, Editorial Sur-América, 1929, vol. 2, 476 p.

Bohórquez Morán C. Francisco de Miranda. Precursor de las independencias de la América Latina. Caracas, Universidad Católica Andrés Bello / Universidad del Zulia, 2001, 365 p.

Egea A. Francisco Miranda. Madrid, Historia, vol. 16, 1987, 155 p.

Parra-Perez C. Miranda y la revolucion francesa. Segunda edicion. Caracas, Ediciones culturales del banco del Caribe, 1988, t. 1, 289 p.

Sanchez D. Vigilado por las embajadas espanolas. Revista de Indias. 85-86. Madrid, 1961, pp. 512–514.

Thibaud C. Coupé têtes, brûlé cazes' peurs et désirs d'Haïti dans l'Amérique de Bolivar: Révolutions dans l'aire caraïbe. Annales. Histoire, Sciences Sociales. 58e Année. 2. Paris, Editions de l'école des hautes études en sciences sociales, 2003, pp. 305–331.

References

Al'perovich M.S. *Fransisko de Miranda v Rossii* [Francisco de Miranda in Russia], ed. by B.I. Koval', AN SSSR, In-t vseobshch. istorii. M., Nauka Publ., 1986, 349 p. (In Russ.)

De Miranda, F. *Puteshestvie po Rossijskoj Imperii = Viajes por el Imperio de Rusia* [Journey through the Russian Empire = Viajes por el Imperio de Rusia], trans I. V.A. Kapanadze, E.F. Tolstoj. M., Nauka Publ., Interperiodika Publ., 2001, 362 p. (In Russ.)

Kostornichenko V.N. "Russkaya Amerika" i mezh-dunarodnaya diplomatiya: Fransisko Miranda pri dvore Ekateriny II ["Russian America" and International Diplomacy: Francisco Miranda at the Court of Catherine II]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Social Sciences], 2018, № 3 (806), pp. 85–97. (In Russ.)

Lavreckij I.P. *Miranda [1750–1816]*. [Miranda [1750–1816]]. Moscow, Mol. gvardiya Publ., 1965, 272 s. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 89–96. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 89–96. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”19”

EDN ММІККК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

КОМИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ В ЭПИЧЕСКОМ РОМАНЕ («ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И.А. ГОНЧАРОВА)

Ермолаева Нина Леонидовна, доктор филологических наук, независимый исследователь, Иваново, Россия, ninaermolaeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Аннотация. В статье раскрывается понимание И.А. Гончаровым юмора как одной из главных слагаемых художественности литературного произведения. Автор работы акцентирует внимание на заявленном самим писателем интеллектуальном характере его юмора, на юморе как качестве его эпического дарования. Анализируя первый роман из эпической трилогии писателя «Обыкновенную историю», автор утверждает, что эпический потенциал юмора в нем реализуется в таких характерных для гончаровского стиля поэтических приемах, как сравнение и противопоставление. В юморе выразилась способность автора дистанцироваться в отношении к предмету изображения, открытость миру, свобода в обращении со временем и пространством, умение охватить взглядом разные пласты мировой культуры. В статье показано, как комические сравнения и противопоставления помогают Гончарову выразить свое понимание движения исторического времени от «сна» к «пробуждению», культурологические, нравственные, философские убеждения. Особое внимание в статье уделяется широте и глубине характеристики с помощью комических приёмов изображения личностной культуры представителей европейски образованного и непросвещенного дворянства, культуры народной. Эти наблюдения позволяют сделать выводы о социологических воззрениях писателя, о характерном для Гончарова способе сближения дворянства и народа, основанном на убеждении, что необразованное, провинциальное дворянство и народ объединяет приобщенность к одной народной культуре.

Ключевые слова: юмор, эпическое мышление, сравнение, противопоставление, движение времени, европейская культура, народная культура.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Ермолаева Н.Л. Комические сравнения в эпическом романе // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 89–96. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

Research Article

COMIC COMPARISONS IN THE EPIC NOVEL (“A COMMON STORY” BY IVAN GONCHAROV)

Nina L. Ermolaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, independent researcher, Ivanovo, Russia, ninaermolaeva1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

Abstract. The article deals with Ivan Goncharov’s understanding of humour as a constituent part of an artistic work. The author of the article focuses on the intellectual nature of humour as stated by the writer himself as well as on the humour as a part of his epic gift. Analysing “A Common Story”, the first novel from the writer’s epic trilogy, the author of the article claims that its epic potential is expressed in such stylistic devices as comparison and contrast, typical to Ivan Goncharov’s style. The writer’s humour shows his ability to stay distant from the object of depiction, openness to the world, freedom in dealing with time and space, skill in regarding different layers of the world culture. The article reveals the way the comic comparisons and contrasts help Ivan Goncharov to express his understanding of the pace of historical time from ‘dream’ to ‘awakening’, cultural, moral and philosophic beliefs. The article pinpoints the wideness and depth of characteristics using comic devices for portraying the personal culture of the nobility of European-educated and uneducated layer, folkish culture. These remarks allow to make conclusions about sociological views of the author and the manner of approximation of nobility and folk typical to Ivan Goncharov and based on his assumption that uneducated, provincial nobility and the folk are close due to the involvement into the same national culture.

Keywords: humour, epic thinking, comparison, contrast, pace of time, European culture, Russian culture

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Fund for Basic Research, project number 20-012-00102

For citation: Ermolaeva N.L. Comic comparisons in the epic novel (“A Common Story” by Ivan Goncharov). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 89–96 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-89-96>

Одна из наиболее ценимых И.А. Гончаровым особенностей собственного дарования – юмор. Писатель признавался, что любит только «рисовать и шутить» [Гончаров 1952: 282]: «...У меня врывается шутка везде: и это живет в моей натуре. Юмор иногда сопутствует мне в такие минуты, где другие очень серьезны. Часто я, по юмору, по духу противоположности, беру на себя, чего нет...» [Гончаров 1953: 161]. Гончаров понимал, что юмор – это особая форма комического, дающаяся очень немногим писателям. Он высоко ценил юмор в даровании своих современников, считая его принадлежностью художественности произведения. В письме К.С. Веселовскому от 18 апреля 1862 г. по поводу комедии М.М. Маркова «Племянник и дядя» Гончаров писал: «Довольно живо начерченная сцена... местами очень хорошие стихи далеко не выкупают бледность и вялость действия, грубую отделку лиц, недостаток тонкой наблюдательности, комизма – всего того, что составляет необходимые условия художественности произведения» [И.А. Гончаров: 538–539]. Юмор как свойство высокохудожественного произведения Гончаров имеет в виду и когда пишет И.И. Льховскому по поводу его путевых заметок: «...Настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке, простор болтовне даже в серьезных предметах и ради Бога избегайте определений и важничанья» [Гончаров 1952: 315]. Говоря об А.Н. Островском, Гончаров прямо связывает немаловажные и для собственного эпоса юмор и объективность: «Только юмор и объективность Островского, приближавшие его к Гоголю, удовлетворяли меня до значительной степени» [И.А. Гончаров: 217]. Как для Островского и Гоголя, для Гончарова важны идеалы не только эстетические: он смеется над тем, что смешно, соизмеря любую жизненную ситуацию, мысли и поступки героя с понятиями нравственности и здравым смыслом.

В исследованиях о Гончарове характеризуются разные стороны его юмора. В.П. Сомов, например, дает обзор оценок гончаровского юмора в критической литературе XIX в. и соглашается с критиками революционерами-демократами, которые видят социальную направленность юмора писателя [Сомов: 159]. Исследователи более позднего времени не склонны акцентировать внимание на социальной значимости юмора Гончарова, но стремятся определить его характер и место в творчестве писателя. Е.А. Краснощёкова называет юмор Гончарова «груст-

но-снихождительным» [Краснощёкова: 341], М.В. Отрадин определяет юмор как «внутреннее свойство художественной системы» Гончарова, способ утверждения объективности: «В юморе обнаруживается своеобразное диалектическое единство утверждения и отрицания. <...> У Гончарова комическое перекрывает всё – скажем, трогательное или элегическое возникает в “Обломове” не помимо юмора, а благодаря ему» [Отрадин: 135–137]. Авторы других работ выявляют особенности юмора писателя на материале конкретных произведений [Балакшина, Багаутдинова].

Размышляя о природе юмора, Гончаров прямо указывал на его интеллектуальное происхождение. Он определял шутку как «противоречие разума, и смех рождается и истекает из этого противоречия, оттого, когда что-нибудь расходится с правдой, следовательно, с разумом» [Гончаров 1953: 128]. О том же качестве его юмора говорят и исследователи: Сомов убежден, что «юмор Гончарова насквозь интеллектуален, все теории бессознательности творчества, имевшие место в отношении Гончарова, опровергаются существованием юмора» [Сомов: 164].

Интеллектуальная природа юмора находит в творчестве Гончарова разные формы выражения, он невозможен без «сопоставления», этой универсальной мыслительной операции, которая позволяет сблизить предметы друг с другом, установить их «неочевидные связи, скрытые соотношения, нарушить схемы и стереотипы мышления» [Любимова: 23]. Среди «сопоставительных» операций первенство принадлежит сравнению и противопоставлению.

Юмор, выраженный в подобного рода приемах, – очевидное следствие эпического дарования Гончарова: способности его поэтического мышления дистанцироваться в отношении к предмету изображения, его тонкой наблюдательности, открытости миру, свободы в обращении со временем и пространством, умения сблизить исторические эпохи и отразить уклад жизни народов, охватить взглядом разные пласты мировой культуры и осветить общечеловеческие проблемы. М.Б. Лоскутникова показала, что в произведениях Гончарова «сравнение как прием художественной речи выходит на первый план среди всех других способов стилистического достижения цели» [Лоскутникова: 46].

В комических сравнениях романа «Обыкновенная история» действительно возникает целостный образ мира, отражается представление автора о движении исторического времени. Главный герой романа Александр Адуев убежден, что «он едва заметное кольцо в бесконечной цепи человечества» [Гончаров 1997: 443]. Образы дяди и племянника в романе,

по мысли автора, призваны отразить целые исторические эпохи: «сон» – Александр и «пробуждение» – Пётр. Они противопоставлены как идейные противники, отстаивающие романтический, «идеальный» взгляд на мир и взгляд прагматический. Их идейные споры в романе неизменно приобретают юмористический оттенок благодаря сопоставлению пылкого, далекого от реальности племянника и трезвого, разумного, многоопытного дяди. В большинстве таких сцен комически освещен образ племянника, подетски наивного, незащитного, живущего идеальными представлениями о дружбе, любви, родственных отношениях. И дядя, и автор смеются над позаимствованными у профессора эстетики словами Александра о том, что его «влекло» в столицу «какое-то неодолимое стремление, жажда благородной деятельности», в которой «кипело желание уяснить и осуществить...», «осуществить те надежды, которые толпились...» над его мечтами, «пользоваться жизнью» в столице, имея одну тысячу рублей в кармане [Гончаров 1997: 207]. Смешны и его слова о священных залогах любви, каковыми являются «вещественные знаки... невещественных отношений...» – волосы и колечко возлюбленной Софьи [Гончаров 1997: 213].

Как способ создания динамичной картины мира, показа движения от «сна» к «пробуждению» Гончаров использует пародийное начало. «Пародийные фрагменты» в романе относятся, прежде всего, к племяннику, в его речи намеренно выделены автором те слова и выражения, которые стали своеобразными «сигналами» уже скомпрометировавшего себя ко времени Гончарова возвышенного поэтического стиля романтической эпохи: «На губах блуждает улыбка; видно, что он только лишь отвел их от полной *чаши* счастья. Глаза у него закроются томно, как у дремлющего кота, или вдруг сверкнут огнем внутреннего волнения» [Гончаров 1997: 266]. Комическое сравнение с дремлющим котом в этой сцене подчеркивает ироничное отношение автора к образу мысли и манере высказывания романтика. В другом эпизоде той же цели служит контрастное противопоставление страдальца и коварного развратника, под которым Александр понимает графа Новинского: «Ему как-то нравилось играть роль страдальца. Он был тих, важен, туманен, как человек, выдержавший, по его словам, *удар судьбы*, – говорил о высоких страданиях, о святых, возвышенных чувствах, смятых и втоптаных в грязь – “и кем? – прибавлял он, – девчонкой, кокеткой и презренным развратником, мишурным львом. Неужели судьба послала меня в мир для того, чтоб всё, что было во мне высокого, принести в жертву ничтожеству?”» [Гончаров 1997: 311].

С понятием «судьба», которое было осмыслено романтиками как высокое, равное понятию «неумолимый рок», уже в ранних повестях Гончаров обращался

«запросто», как делали это до него в драматургии В. Шекспир [Полторацкий: 260–267], в прозе – Г. Филдинг. В романе «Обыкновенная история» эта мифологема приобретает комическую окраску, чему способствует ее употребление с постоянной «оглядкой», противопоставлением «почитанию» в культуре романтической эпохи. Александр как синонимы слова «судьба» употребляет слова и выражения «жребий» [Гончаров 1997: 235], «удел» [Гончаров 1997: 449], «*чаша* счастья» [Гончаров 1997: 266]. Насмехаясь над героем, автор ставит его в один ряд с его романтически настроенными возлюбленными, вкладывая и в их уста ставшие поэтическими штампами фразеологизмы со словом «судьба»: «Слышите! – сказала Надинька пророческим тоном, – вот намек судьбы: эта минута не повторится больше – я чувствую...» [Гончаров 1997: 263]; Юлия Тафаева: «Я отпущу вам, – говорила она, – вы думаете, что так легко можно шутить судьбой женщины?» [Гончаров 1997: 378]. Подсмеиваясь над своими героинями, автор вновь прибегает к противопоставлению: «А послушать этих дам, так чего они не скажут! слова: *судьба*, *симпатия*, *безотчётное влечение*, *неведомая грусть*, *смутные желания* – так и толкают одно другое, а кончится все-таки вздохом, словом “*нервы*” и флакончиком со спиртом» [Гончаров 1997: 354].

Нельзя не заметить, что по ходу развития романного повествования столкнувшийся с реальностью, разочарованный, страдающий Александр все больше вызывает сочувствие автора, а, казалось бы, во всем преуспевающий дядя всё чаще выглядит комически, поскольку очевиднее становится его беспомощность перед «правдой» племянника, не опровергнутой самим течением жизни. Едва ли не впервые Пётр комически охарактеризован в шестой главе первой части, когда его глубокомысленные рассуждения о «методе», по которой необходимо выстраивать отношения с женщинами, подслушаны Лизаветой Александровной. Оказывается, она только не подаёт «вида, что понимает великую школу мужа», но обещает ему «завести маленькую свою» [Гончаров 1997: 304].

Откровенно комические сцены, связанные с образом Александра, появляются на всем протяжении романа, насмешка же над Петром всегда сдержанна, по мере развития действия в ней возрастает доля драматизма, скрывающего авторское опасение за судьбу излишне самоуверенного героя. Комически снижающие образ постоянные жалобы Петра на боль в спине от долгого сидения на службе напоминают читателю о его негармонично проживаемой жизни, о бездетном и безлюбовном браке. Примером тонкого, сдержанного комизма в отношении к герою может служить сцена в гл. 4 второй части романа. Пётр, обеспокоенный поведением Александра, по прось-

бе жены посещает его и убеждается в том, что племянник находится в состоянии совершенной апатии. Пётр понимает, что в разочарование Александра и он внёс свою лепту и, стремясь исправить положение, меняет прежнюю прагматичную риторику, пытается убедить племянника, что лишь «шутя» опровергал его представления о любви и дружбе, что сам он не бесчувственный человек. В ответ на слова Петра «Александр засмеялся», давая понять, что разуверился в дяде как всезнающем и всегда правом наставнике. Соображение Петра: «Не за своё дело взялся... К жене послать» [Гончаров 1997: 388], – привносит в сцену элемент комизма. Почти скрыто, слегка насмехаясь над самоуверенным и всегда во всем считающим себя правым Петром, автор в этой сцене впервые сталкивает его с загадкой человеческой души, с тайной самой жизни, перед которой ему в финале романа предстоит признать свое абсолютное бессилие в словах: «судьба не велит идти дальше...» [Гончаров 1997: 468]. Присутствие комического элемента в изображении дяди и племянника смягчает драматизм их противопоставления как представителей двух эпох, по неумолимому жизненному закону сменяющих и отменяющих друг друга, и помогает Гончарову выразить свою позицию психолога и философа, стремившегося указать читателю «норму жизни».

Использование юмора в эпическом романе помогает Гончарову высказать социологические и культурологические воззрения. Писателя не интересовали отношения между крепостными и их хозяевами, о чем он писал Л.Н. Толстому в письме от 2(14) августа 1887 г. и в предисловии к циклу «Слуги старого века»: он никогда не испытывал особых симпатий к народу и не писал о нем, потому что не знал народ, не жил в усадьбе, не имел крепостных и не занимался сельскохозяйственными работами. В отличие от большинства писателей 1860-х гг., Гончаров не считал возможным и не показывал сближение героя-дворянина с народом. Предметом интереса писателя были, прежде всего, различия в духовной культуре двух сословий – универсальное основание для противопоставления носителей европейской, письменной, «высокой» культуры и представителей культуры «низкой», народной.

Комическое противопоставление героев, живущих в сфере дворянской и народной культуры, – излюбленный прием в эпосе Гончарова. Приведем показательный пример. После разрыва отношений с Наденькой Александр «только что спустился с лестницы, как силы изменили ему, он сел на последней ступени, закрыл глаза платком и вдруг начал рыдать громко, но без слез. В это время мимо сеней проходил дворник. Он остановился и послушал. “Марфа, а Марфа! – закричал он, подошедши к своей засаленной двери, – подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревет,

словно зверь. Я думал, не Арапка ли наша сорвалась с цепи, да нет, это не Арапка”. – “Нет, это не Арапка!” – повторила, вслушиваясь, Марфа. – “Что за диковина?”» [Гончаров 1997: 291]. И дворник, и Марфа с полным основанием заподозрили героя в потере денег. К подобным неожиданным комическим сближениям и противопоставлениям героев с разным уровнем культуры Гончаров прибегает в этом романе и двух последующих постоянно (Обломов и Захар в «Обломове», Райский и Егорка в «Обрыве»).

Однако в сфере культуры дворянство и народ у Гончарова не только комически противопоставлены, но и сближены. В отличие от Толстого и других современников, в творчестве которых герой приходит к народу и его культуре путем трудных духовных исканий, в «Обыкновенной истории» малообразованное провинциальное дворянство, которому свойственно додуховное, дорефлекторное существование, как и крепостной люд, мещанство, живет в сфере народной культуры. И это обстоятельство служит постоянным источником компрометации героев: Антон Иваныч, Заезжалов, тетка Александра, его возлюбленная Сонечка, мать Наденьки, да во многом и не обойденная авторским состраданием мать Александра Гончаровым изображены почти исключительно в комическом свете. Прибегая к комическим преувеличениям и преуменьшениям, сравнениям и противопоставлениям, автор показывает в них ограниченность познаний о мире, практицизм и приземленность понятий. Матери Наденьки, как и Анне Павловне, недоступна духовная сфера жизни собственных детей. В начале романа читателю может показаться, что мать Александра так же романтически настроена, как и ее сын: пытаясь удержать его дома, она говорит о «великолепии» родной природы, разлитой в ней «премудрости Божией». Однако красота поместья для Анны Павловны имеет конкретные, материальные измерения: «Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой Бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость Божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! и ведь всё это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолепие! истинно небесное! рыба так и ходит; одну осетрину покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя кишат: и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся» [Гончаров 1997: 178]. Монолог этот, благодаря содержащимся в нем противопоставлениям «романтического» и «практического», приобретает комический смысл, показывает, что мать мыслит не как современно образованная дворянка, но как «приказчица».

Петербург, вознесенный в мечтах европейски образованного Александра до библейского образа «земли обетованной» [Гончаров 1997: 178], а «разочарованным» героем опоэтизированный как «великолепная гробница глубоких, сильных, нежных и теплых движений души» [Гончаров 1997: 425], оказывается комически скомпрометирован в словах носителей народной культуры: Евсея – «просто каторжное житьё!» [Гончаров 1997: 433] – и Анны Павловны – «чужая сторона» [Гончаров 1997: 182]. Автор вкладывает в ее уста комическое сравнение Петербурга с «омутом»: перед возвращением Александра из столицы в «тонком» сне ей видится Сашенька, вернувшийся домой «из омота... от водяных» [Гончаров 1997: 435]. В народном понимании омут – это нечистое место, в котором водятся черти и сидит водяной [Даль 2: 673]. Как ключница Аграфена беспокоится за нравственность Евсея перед его отъездом в Петербург, так и Анна Павловна считает Петербург местом обитания безнравственных, далеких от веры людей: «Прости Господи: любят до свадьбы, без обряда церковного; изменяют... Что это делается на белом свете, как поглядишь! Знать, скоро света преставление!..» [Гончаров 1997: 443]. Очевидно, что уровень культуры крепостных Евсея, Аграфены и дворянки, хозяйки усадьбы Анны Павловны близки.

После возвращения сына из Петербурга мать, руководствуясь простонародными представлениями о путях излечения душевных недугов, по совету Антона Ивановича призывает «пошептать» над Сашенькой старуху Никитишну, а после ее осмеяния сыном прибегнет к более надежному «простонародному» средству: берет «во двор ходить за барином» [Гончаров 1997: 447] приглянувшуюся Александру крестьянскую девушку Машу.

Для наглядного доказательства различия в миропонимании матери и сына Гончаров прибегает к комическому противопоставлению: когда сын, опустившись до уровня понимания матери, называет Антона Ивановича «дураком», Анна Павловна возражает ему: «Дурака! Ах, Сашенька, что ты это? не грех ли? Антон Иваныч дурак! Как это у тебя язык-то поворотился? Антон Иваныч – благодетель, друг наш!» [Гончаров 1997: 445].

Если материнскому сердцу доступно смутное ощущение душевных недугов сына, то верному слуге Евсею не понять терзаний Александра от разочарования в самом себе после разрыва с Юлией Тафаевой (3-я глава 2-й части). «Как я мелок, ничтожен! – говорил в раздумье Александр, – нет у меня сердца! я жалок, нищ духом!» Используя прием комического противопоставления, автор смеется над «терзаниями» героя. В этот момент к смущенному и угрюмому Александру «подкрался Евсей с сапогом, в который опустил руку: “Извольте-ка посмотреть,

сударь, – сказал он умильно, – какая вакса-то: вычистишь, словно зеркало, а всего четвертак стоит”. Реакция Александра закономерна: “Пошел вон! – сказал он, – ты дурак! <...> Пошел, говорю тебе, пошел! – закричал Александр, почти плача, – ты измучил меня, ты своими сапогами сведешь меня в могилу... ты... варвар!” Евсей проворно убрался в переднюю» [Гончаров 1997: 382–383]. Очевидно, что в этой ситуации образованный дворянин Александр прибегает к средству из простонародного обихода, тем самым комически компрометируя себя в глазах читателя.

Интересно, что использование знающим «наизусть не одного Пушкина» [Гончаров 1997: 218] Петром Ивановичем подобного рода компрометирующих третье лицо оценочных определений: тетушка Александра, его возлюбленная Сонечка – «дуры» [Гончаров 1997: 220], возможный свидетель на дуэли Александра и графа – «дурак» [Гончаров 1997: 298], Сурков – «дуралей» [Гончаров 1997: 356] и др. не служит «снижению образа». В сознании Петра органично уживаются высокая культура и народная мудрость. Читателю трудно не согласиться с ним в убеждении: «...Кто не рассчитывает, того называют по-русски безрасчетным дураком» [Гончаров 1997: 233].

Широту и свободу эпического мышления Гончарова доказывает обращение в романе к мировой культуре, которая нередко используется в комических сравнениях. Ряд из них относится к религиозной истории и имеет неявный, скрытый характер. «Ах! если б можно было ходить пешком по воде!» [Гончаров 1997: 252], – нетерпеливо восклицает Александр, переправляющийся на лодке через Неву для встречи с Наденькой. Эта фраза героя содержит насмешку автора, выразившуюся через аллюзию: Александр, может быть сам того не замечая, мысленно сравнивает себя с Христом или апостолом Петром, ходившими по воде.

Евангельская аллюзия с комическим эффектом присутствует и в описании первой встречи Александра с девушкой Лизой. Подобно апостолам Андрею и Петру, занимавшимся рыбной ловлей и призванными Христом стать «ловцами человеческих душ», герой становится рыболовом. При этом занятии он умело и последовательно завлекает девушку, «залавливая» ее чистую душу в любовные сети. Однако соблазнить ее Александру не удастся: его хитрость разгадывает проницательный, осторожный и заботливый отец героини. Интрижка не состоялась, как ловец человеческих душ герой безжалостно высмеян автором в символической для всего эпизода сцене, когда рыболов Александр упустил свою щуку. Авторская насмешка поддержана с комической целью привлекаемым порицанием-сравнением рассерженного Костякова: «...Вон у меня на шести удочках хоть бы поганый ершишка на смех клонул; а там... щука

фунтов в десять, да и тут прозевали. <...> ... Сорвись-ка у меня, так я бы ее в воде достал; а тут щука сама в зубы лезет, а мы спим... а еще рыболовы называются!» [Гончаров 1997: 395].

Явные и неявные сравнения и уподобления, параллели в романе свидетельствуют о погруженности автора в богатейший контекст мифологии и письменной культуры разных стран и народов. Антон Иванович, например, комически уподоблен автором «Вечному жижу», легендарному персонажу, обреченному за свой грех скитаться по земле до второго пришествия Христа: «Он существовал всегда и всюду, с самых древнейших времен, и не переводился никогда» [Гончаров 1997: 185]. Видимо, Гончарову близко толкование этого образа не только в средневековой легенде, изображающей героя страдающим грешником, отказавшим в помощи Христу, но и в итальянском фольклоре, представляющем его волшебником, дающим добрые советы и выручающим из беды. Насмешливая характеристика героя развернута и подтверждена в финале романа – он присутствует в доме Анны Павловны не только при проводах, но и «по случаю возвращения блудного сына» [Гончаров 1997: 185] к счастливой матери. Это «Вечный жид» в русском его варианте, поскольку не гнушается и запрещенной для правоверного еврея пищей: «Поросят, цыплят и индеек пошло на Антона Иваныча множество» [Гончаров 1997: 441], – смеется Гончаров.

Мифологические и литературные комические ассоциации нередко возникают и в размышлениях Александра. Девушка Лиза и ее отец устаиваются им сравнения с Эдипом и Антигоной – персонажами древнегреческой мифологии. По легенде, Антигона по своей воле последовала за ослепившим себя старым отцом в его добровольном изгнании. К такому сравнению Александр прибегает со снисходительной усмешкой, не подозревая, какая насмешка над ним самим готовится умным Эдипом, сумевшим спасти свою дочь от коварных замыслов героя.

Начальника отделения в палате Александр сравнивает с Юпитером: «Поглядел Адуев пристально на начальника отделения: точно Юпитер-громовержец; откроет рот – и бежит Меркурий с медной бляхой на груди; протянет руку с бумагой – и десять рук тянутся принять ее» [Гончаров 1997: 227]. В недолгом времени и самому Александру предстоит выступить в роли Меркурия рядом с этим Юпитером.

Дядю своего Александр подозревает в демонизме: «Жизнь, жизнь, как ты прекрасна! – восклицал он. – А дядя? Зачем смущает он мир души моей? Не демон ли это, посланный мне судьбою? <...> Он убьет, заразит своею ненавистью мою любящую душу, развратит ее...» [Гончаров 1997: 267]. Комический смысл подобное сравнение приобретает благодаря аллюзии на романтическую культуру. В этом случае Гончаров

опирается и на опыт Пушкина, прямым подтверждением чему служит еще одно сравнение в устах Александра: называя графа Новинского «развратителем», он прибегает к цитате из «Евгения Онегина»:

«Не попущу, чтоб развратитель

Огнем и вздохов и похвал

Младое сердце искушал...» [Гончаров 1997: 280].

Особое место в романе занимают комические анималистические сравнения. Ряд из них также представляет собой аллюзии на литературные произведения. У читателя невольно возникает ассоциация с внезапно потерявшим возлюбленную пушкинским Русланом, когда автор говорит, что оробевший перед преуспевшим противником, графом Новинским, Александр «походил на петуха с мокрым хвостом, прячущегося от непогоды под навес» [Гончаров 1997: 273]. Воспоминание о пушкинских строках:

С порога хижины моей

Так видел я, среди летних дней,

Когда за курицей трусливой

Султан курятника спесивый,

Петух мой по двору бежал

И сладострастными крылами

Уже подругу обнимал;

Над ними хитрыми кругами

Цыплят селенья старый вор,

Прияв губительные меры,

Носился, плавал коршун серый

И пал как молния на двор.

Взвился, летит. В когтях ужасных

Во тьму расселин безопасных

Уносит бедную злодей.

Напрасно, горестью своей

И хладным страхом пораженный,

Зовет любовницу петух.

Он видит лишь летучий пух,

Летучим ветром занесенный [Пушкин: 26–27]

проливает комический свет и на образ графа Новинского, который контекстуально уподобляется коварному Черномору. Насмехаясь над племянником, дядя подхватывает его анималистические сравнения. О графе Новинском Александр говорит: «“Он, как дикий зверь, ворвался...” – “В овчарню!” – перебил дядя» [Гончаров 1997: 300].

В словах дяди возникает образ волка на псарне из басни И.А. Крылова. К образам из произведений баснописца прибегает и Александр. По словам героя, один приятель дядюшки Лунин – «сам... точно тот осел, от которого соловей улетел за тридевять земель. А она такой доброй лисицей смотрит...» Другой – Сонин – «всегда даст хороший совет, когда пройдет беда, а попробуйте обратиться в нужде... так он и отпустит без ужина домой, как лисица волка». Третий – Волочков – «ничтожное и еще вдобавок злое животное...» [Гончаров 1997: 327]. В устах Александра

на протяжении всего романа анималистические сравнения не выходят за пределы литературной нормы.

Однако дядя и мать героя в своих характеристиках окружающих менее деликатны. Заезжалова и Суркова дядя назовет «ослами» [Гончаров 1997: 201, 346]. В устах Анны Павловны прежний «дородной братец» Петр Иванович приобретает комические характеристики: «...На кого нынче надеяться, коли и родные свои хуже дикого зверя? Собака и та бережет своих щенят, а тут дядя извел родного племянника! <...> Собака, право, собака, прости Господи!» [Гончаров 1997: 435–436]. Не вполне справедлива окажется Анна Павловна и в отношении к когда-то обожавшей ее сына Сонечке: «Туда же, за моего Сашеньку норовила, ворона этакая!» Улыбка читателя закономерна: прежде мать называла Сонечку «голубушкой» [Гончаров 1997: 177]. Сравнение это подкреплено комическим контрастом в словах угодливого Антона Ивановича: «Куда ей, матушка, за этакого сокола!» [Гончаров 1997: 429]. Если автор проявляет снисходительность в отношении к Анне Павловне, называя ее «раздраженной львицей» [Гончаров 1997: 172], то сама героиня в общении со слугами менее разборчива. Свою верную «первую ключницу» Аграфену она называет «коровой». И та готова ответить ей: «Поди-ка ты, не корова! – ворчала Аграфена, воротясь к себе. – Вишь, корову нашла! много ли у тебя этаких коров-то?» [Гончаров 1997: 176].

Подводя итог, скажем, что использование в романе «Обыкновенная история» комических сравнений и противопоставлений свидетельствует об интеллектуальной природе юмора Гончарова, определяется эпическим складом его художественного дарования. Названные приемы комической характеристики персонажей помогают писателю в эпическом романе высказать понимание движения исторического времени, социологические, культурологические, нравственные, философские убеждения.

Список литературы

Багаутдинова Г.Г. Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 253–260.

Балакишина Ю.В. Комическое в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»: (Юмор как эстетическая доминанта художественного целого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 18 с.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 172–469.

Гончаров И.А. Письма к С.А. Никитенко // Литературный архив. Т. 4. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 107–164.

Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Москва: Правда, 1952. (Библиотека «Огонёк»).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Русский язык, 1989–1991.

И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 538–539. (Лит. наследство. Т. 102).

Краснощечкова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Лоскутникова М.Б. Композиционно-стилистические особенности романов И.А. Гончарова // Материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 37–48.

Любимова Т.Б. Комическое, его виды и жанры. Москва: Знание, 1990. 62 с.

Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. Москва: Наука, 1994. С. 260–267.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Ленинград: Наука, 1977. С. 26–27.

Сомов В.П. О юморе Гончарова // Вопросы стиля художественной литературы. Москва: Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1964. С. 156–170.

References

Bagautdinova G.G. *Komicheskoe kak sredstvo vyrazheniia avtorskoi pozitsii v "Slugakh starogo veka"* I.A. Goncharova [Comic as a Means of Expressing the Author's Position in the "Servants of the Old Century" by I.A. Goncharov]. I.A. Goncharov: *materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviash. 195-letiiu so dnia rozhd. I.A. Goncharova* [Materials of the International Conference Devoted to the 195th Anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, OOO "Nika-dizain" Publ., 2008, pp. 253–260. (In Russ.)

Balakshina Iu.V. *Komicheskoe v romane I.A. Goncharova "Obyknovennaiia istoriia": (Iumor kak estetiicheskaia dominanta khudozhestvennogo tselogo)* [Comic in the Novel "Common Story" by I.A. Goncharov (Humour as an Esthetic Dominant of the Artistic Whole): PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 1999, 18 p. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Dictionary: in 4 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989–1991, vol. 2. (In Russ.)

I.A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniia* [I.A. Goncharov. New Materials and Research]. Moscow, Institute of World Literature Publ., Nasledie Publ., 2000. (*Literaturnoe nasledstvo. T. 102*) [Literary Heritage. Vol. 102].

Goncharov I.A. *Obykvennaia istoriia* [Common Story]. *Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Edition of Works and Letters by I.A. Goncharov: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., vol. 1, 1997, pp. 172–469. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Pis'ma k S.A. Nikitenko* [Letters to S.A. Nikitenko]. *Literaturnyi arkhiv* [Literary Archive], vol. 4. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1953, pp. 107–164. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works by Goncharov I.A.: in 8 vols.]. Moscow, Pravda (Biblioteka «Ogonek») Publ., 1952, vol. 8. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: Creative World]. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1997, 496 p. (In Russ.)

Liubimova T.B. *Komicheskoe, ego vidy i zhanry* [Comic, its Types and Genres]. Moscow, Znanie Publ., 1990, 62 p. (In Russ.)

Loskutnikova M.B. *Kompozitsionno-stilisticheskie osobennosti romanov I.A. Goncharova* [Composition and Stylistic Peculiarities of the Novels by I.A. Goncharov]: *materialy V Mezhdunar. nauch. konf., posv.*

200-let. I.A. Goncharova [Materials of the International Conference Devoted to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., pp. 37–48. (In Russ.)

Poltoratskii A.I. *Sud'ba u Shekspira* [Destiny in the Works by Shakespeare]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The Concept of Destiny in the Context of Different Cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 260–267. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Collection of Works; in 10 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 4. (In Russ.)

Somov V.P. *O iumore Goncharova* [On the Humour of Goncharov]. *Voprosy stilia khudozhestvennoi literatury* [Issues of the Style of Fiction]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V.I. Lenina Publ., 1964, pp. 156–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 09.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 09.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

ПСИХИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА ГЕРОЕВ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Фредерик-Гаэль Терио, доктор филологических наук, Тур, Франция, fredericgaeltheuriau@orange.fr, [https://orcid.org/0000-0000-0000](https://orcid.org/0000-0000-0000-0000)

Аннотация. На основе компаративистского подхода, нарративной медицины и диагностики патологий в статье рассматриваются личностные психологические девиации персонажей в пьесе «Предложение» А.П. Чехова. Раскрываются основные этапы в диагностике и интерпретации ипохондрии, меланхолии, робости от античности, где патологические особенности личности и виды темперамента связывались с балансом стихий и основных жидкостей в человеческом организме, до Просвещения и современности, где личностные патологии считаются следствием душевной предрасположенности и социальной среды. В процессе анализа проводится сопоставление героев пьесы с персонажами комедий Мольера: если основная цель Мольера выявить тип «мнимого больного» как выражение симптома ипохондрии и высмеять тип врачевателя-шарлатана, то для Чехова ипохондрия главного героя осложняется робостью и прокрастинацией, призванными усилить комический эффект описываемой ситуации. Это позволяет по-новому рассмотреть различие типологического подхода к человеческому существу как сочетанию страстей в классицистической комедии и в зрелом реализме XIX в. Делается вывод о важности литературного типологического исследования психологических девиаций и патологий в истории человеческой цивилизации и интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: комедия, ипохондрия, медицина, Мольер, психиатрия, Чехов, театр, застенчивость.

Для цитирования: Терио Ф.-Г. Психические и поведенческие расстройства героев в пьесе А.П. Чехова «Предложение» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 97–102 (In French). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-97-102>

Article scientifique

LES TROUBLES MENTAUX ET COMPORTEMENTAUX DANS UNE DEMANDE D'ANTON TCHÉKHOV

Frédéric-Gaël Theuriau, docteur, enseignant, chercheur associé en langue et littérature françaises à l'Université de Tours, Tours, France, fredericgaeltheuriau@orange.fr

Résumé. Basé sur l'approche comparative, la médecine narrative et le diagnostic pathologique, l'article examine les déviations psychologiques personnelles des personnages d'Anton Tchekhov. L'article révèle les principales étapes du diagnostic et de l'interprétation de l'hypocondrie, de la mélancolie, de la timidité depuis l'Antiquité, où les caractéristiques pathologiques de la personnalité et les types de tempérament étaient associés à l'équilibre des éléments et des fluides de base dans le corps humain, jusqu'aux Lumières et à la modernité, où les pathologies personnelles étaient dictées par la prédisposition mentale et l'environnement social. Si l'objectif principal de Molière est d'identifier le type de «malade imaginaire» comme expression d'un symptôme d'hypocondrie et de ridiculiser le type de docteur-charlatan, alors pour Tchekhov («Proposition»), l'hypocondrie du personnage principal est compliquée par la timidité et la procrastination, conçues pour renforcer l'effet comique de la situation décrite. Cela nous permet de considérer d'une manière nouvelle la différence entre l'approche typologique de l'être humain comme une combinaison de passions dans la comédie classique et dans le réalisme mature du XIXe siècle. La conclusion est faite sur l'importance d'une étude typologique littéraire des déviations et pathologies psychologiques dans l'histoire de la civilisation humaine et de la culture intellectuelle.

Mots-clés: comédie, hypocondrie, médecine, Molière, psychiatrie, Tchekhov, théâtre, timidité

Pour la citation: Theuriau F.-G. Les troubles mentaux et comportementaux dans «Une Demande» d'Anton Tchekhov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 97–102. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-97-102>

MENTAL AND BEHAVIOURAL DISORDERS IN “THE PROPOSAL” BY ANTON CHEKHOV

Frédéric-Gaël Theuriau, PhD in French language & literature at the University of Tours, Professor, researcher, literary critic, essayist, Tours, France, fredericgaeltheuriau@orange.fr

Abstract. Based on the comparative approach, narrative medicine and pathology diagnostics, the article examines the personal psychological deviations of the characters in Anton Chekhov. The article reveals the main stages in the diagnosis and the interpretation of hypochondria, melancholy, timidity from antiquity, where pathological features of personality and types of temperament were associated with the balance of the elements and basic fluids in the human body, to the Enlightenment and the modernity, where personal pathologies were dictated by mental predisposition and social environment. Molière’s main goal is to identify the type of “imaginary patient” as an expression of hypochondria symptom and to ridicule the type of a quack doctor, while for Chekhov («Proposal»), the main character’s hypochondria is complicated by timidity and procrastination, designed to enhance the comic effect of the described situation. This allows us to consider in a new way the difference between the typological approach to the human being as a combination of passions in the classical comedy and in the mature realism of the 19th century. The conclusion is made about the importance of a literary typological study of psychological deviations and pathologies in the history of human civilisation and intellectual culture.

Keywords: comedy, hypochondria, medicine, Molière, psychiatry, Anton Chekhov’s theatre, shyness.

For citation: Theuriau F.-G. Mental and behavioural disorders in “The Proposal” by Anton Chekhov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 97–102 (In French). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-97-102>

La transmission intégrale des informations contenues dans une phrase, un discours, un texte, une œuvre est impossible d’une langue à une autre en raison des facteurs caractéristiques intrinsèques à chacune d’elle: géographique, historique, culturel, économique, social, politique, religieux, technique, scientifique, *et caetera*. L’analyse critique peut cependant parvenir à expliquer certains épiphénomènes linguistiques que la barrière de la langue empêche de saisir en un mot analogue. Parfois les terminologies sont similaires; mais lorsque l’écart est important, il n’est plus possible de traduire un mot par un équivalent. Il faut alors recourir au commentaire éclairé.

Dans un article sur «La question sociale dans *Une Demande* d’Anton Tchekhov» [Theuriau], la mise en évidence de la portée socio-économique – à travers la propriété et la chasse qui sont l’objet des deux disputes dans la pièce – permettait d’apporter la preuve d’un écart terminologique entre le mot russe «шутка» et sa traduction en français «farce»: «divertissement» correspond mieux et surtout «comédie sociale» qui est bien plus juste. En matière médicale, notamment certains troubles mentaux d’ordre psychiatriques, le système terminologique diffère entre les deux langues. Grâce à l’apport fourni par *Le Malade imaginaire* de Molière à qui Anton Tchekhov doit une part de ses sujets d’inspiration, *Une Demande* (Предложение), sous-entendue *en mariage* (1888), présente un terme problématique dans la didascalie initiale de la présentation des personnages. Il s’agit de «мнительный». Une dimension stylistique importante, largement sous-estimée, du théâtre de Tchekhov réside dans les sous-entendus, les non-dits, les sens cachés. Comment certains troubles mentaux sont-ils représentés de la pièce tchékhovienne?

Le personnage d’Argan du *Malade imaginaire* de Molière atteint d’hypochondrie caractérisée permet de distinguer l’hypochondrie de la procrastination dont souffre Lomov dans *Une Demande*. Une étude a prouvé qu’une personne sur huit est régulièrement exagérément anxieuse sur son état de santé pourtant bon se traduisant par «des croyances et attitudes irrationnelles vis-à-vis de son corps, la crainte d’avoir une maladie grave et une relation de défi au médecin, qui est à la fois investi d’un grand pouvoir et condamné à l’échec thérapeutique par le patient» [Postel: 222–223]. Lorsque ce genre d’angoisse survient, elle est normale dès lors qu’elle demeure relativement modérée. Mais lorsqu’elle devient plus prégnante et obsessionnelle, au point de présenter des attitudes paranoïaques, le sujet est alors qualifié d’hypochondriaque. La maladie est alimentée par des facteurs déclenchant variés comme une carence affective, une fréquentation trop importante chez un médecin pour rien, une séparation, un stress, un décès, des effets de la surinformation médicale par les médias. La seule solution est de suivre une thérapie cognitivo-comportementale (99% des patients) ou un suivi psychiatrique dans les cas sévères de la maladie (1% des patients).

L’hypochondrie est le trouble psychiatrique mental et comportemental² d’ordre névrotique de la famille des somatoformes caractérisé par une «conviction erronée de présenter une pathologie médicale non-psychiatrique qui persiste plus de six mois malgré un bilan médical approprié et rassurant». Depuis l’époque hippocratique (IV-IIIe siècles), la maladie apparentée à la mélancolie siègeait sous (*hypo*) les côtes (*khondros*) d’où le terme d’origine grecque d’«hypochondrie». Avec la théorie des humeurs transmise par le *corpus hipocra-*

ticum fondée sur les quatre éléments – eau/lymphe, air/sang, terre/bile noire, feu/bile jaune – en vogue au XVIIe siècle, elle relèverait d'une même étiologie, la bile noire, à l'origine de la mélancolie. Toutefois on attribue au savant anglais Thomas Sydenham (1624-1689) la découverte de son origine mentale [Sydenham] en 1682, alors qu'auparavant on pensait qu'elle était une affection du corps avec répercussion sur l'esprit. Là, il s'agit de l'inverse: une affection de l'esprit avec répercussion sur le corps manifestée par des fourmillements, des élancements ou des palpitations.

Sans raison apparente, Molière évoque par intuition, plus vraisemblablement par la force de l'observation et peut-être par l'écoute du récit de personnes atteintes d'hypocondrie, une origine cérébrale de la maladie sans rien connaître à la médecine. En effet, il est peu probable que les travaux de Sydenham lui fussent parvenus. En revanche, Jean-Jacques Rousseau qui s'était instruit en médecine vers vingt-cinq ans, rapporte dans ses *Confessions* la peur qui le gagnait en imaginant qu'il avait la maladie qu'il venait de découvrir dans les livres: «[...] loin d'être étonné de me trouver mourant, je l'étais que je pusse encore vivre, et je ne lisais pas la description d'une maladie que je ne crusse être la mienne. [...] Trouvant dans chaque maladie des symptômes de la mienne, je croyais les avoir toutes». Il s'imagina être atteint d'un «polype au cœur» et décida de se rendre à Montpellier consulter le médecin Antoine Fizes qui en aurait guéri. Or, en chemin, après être parti des Charmettes où vivait Madame de Warens, il rencontra une femme, madame de Larnage, qui lui fit oublier son polype: «[...] adieu la fièvre, les vapeurs, le polype; tout part auprès d'elle, hors certaines palpitations qui me restèrent et dont elle ne voulait pas me guérir» [Rousseau: 214]. Il apparaît clair que Rousseau était un tantinet hypocondriaque. Quant à Tchekhov, il connaissait bien mieux l'origine de la maladie puisqu'il était médecin. Surtout, sa culture littéraire lui avait ouvert les portes des littératures étrangères dont le théâtre de Molière. En outre, on sait combien la langue française est présente en Russie et combien les auteurs classiques comme Racine, Voltaire, Rousseau trônent en bonne place dans les bibliothèques russes [Patouillet: 279]. *Le Malade imaginaire* fut traduit en 1743 [Мольер] et était si populaire que la pièce était souvent adaptée et représentée sur les planches au XIXe siècle.

Le Malade imaginaire est la pièce de 1673 que tout le monde cite comme l'exemple le plus évident d'hypocondriaque et brillamment exposé par un homme de lettres qui résume bien l'idée d'une vie parfois gâchée par cette maladie. Argan est persuadé que sa santé est mauvaise. En homme de bon sens, Molière tourne la situation en comique en exagérant les traits caractéristiques. À travers la voix du peuple, celle de la servante Toinette qui est une personne espiègle, moqueuse, mais honnête, Molière a sans doute mis le doigt sur une véri-

té sans le savoir en jouant sur trois sens du mot «malade» qui forment un mini quiproquo comique puisque Toinette et Argan ne parlent finalement pas de la même maladie:

TOINETTE. – Mais, Monsieur, mettez la main à la conscience. Est-ce que vous estes malade?

ARGAN. – Comment, coquine, si je suis malade? [...]

TOINETTE. – Hé bien oüy, Monsieur, vous estes malade, n'ayons point de querelle là-dessus. Oüy, vous estes fort malade, j'en demeure d'accord, et plus malade que vous ne pensez (Acte I, scène V)

Selon le *Dictionnaire universel* de 1690, Furetière distingue, dans l'adjectif «malade», le sens propre, avoir une «santé altérée par la predomination de quelqu'une des humeurs», du figuré qui est double, au niveau des «choses morales» et concernant un esprit qui «tourne vers la démence» [Furetière: 530]. *Le Dictionnaire de l'Académie française* de 1694 corrobore cela en parlant «des parties du corps» aussi bien que «de l'esprit & de l'ame» [Le Dictionnaire: 14]. D'abord le mot «malade», dans la première réplique de Toinette, signifie vraisemblablement «sans conscience morale» puisque le terme est employé juste après qu'Argan ait décidé de marier sa fille Angélique à un homme qu'elle n'a pas choisi. Puis «malade», dans la bouche d'Argan, signifie «souffrant d'un mal physique». Enfin «malade», qui revient trois fois dans la seconde réplique de Toinette, signifie sans doute «dérangé de l'esprit». Ainsi, la servante montre qu'Argan souffre sans aucun doute d'une maladie psychologique puisqu'il «marche, dort, mange, et boit tout comme les autres; mais cela n'empêche pas qu'il ne soit fort malade» (Acte II, scène II), explique-t-elle plus loin à Cléante, l'amoureux d'Angélique, devant Argan. Ainsi, Toinette trouve le moyen de ne jamais mentir en jouant sur les sens du mot «malade» qu'Argan comprend d'une manière, que Cléante comprend d'une autre, et que Toinette entend comme trouble psychiatrique mental.

Argan est bien atteint d'hypocondrie qui induit des attitudes caractéristiques comme la méfiance, l'irascibilité, l'égoïsme, et des ressentis corporels spécifiques tels que la fatigue et les douleurs. Trouvant que les médecins, à raison à l'époque, ne peuvent pas le guérir, il est donc obligé de se faire médecin lui-même pour se soigner car il est seul à comprendre, pense-t-il, son mal. Il est donc tout plein d'espoir dans la médecine mais adopte en même temps une attitude de défiance et estime que lui seul est capable de se guérir. L'histoire du malade imaginaire n'en dit pas plus et s'achève sur le dernier ballet représentant l'introduction du nouveau *Bachelier[i]* dans la confrérie médicale au cours d'une cérémonie-examen d'entrée prononcée en latin macaronique. L'hypocondrie est donc fort bien traitée par Molière qui n'est pas sans démontrer le caractère méfiant des personnes atteintes par le trouble. Or, la méfiance est aussi une ca-

ractéristique commune avec un autre mal bien plus courant. Tchékhouv récupéra ce matériau moliéresque pour composer une pièce en y ajoutant toutefois une dimension singulière.

Comme tout comportement anormal, c'est l'excès d'un penchant qui conditionne son entrée dans la catégorie pathologique. Celui qui mange pour se nourrir est normal mais celui qui mange abondamment peut révéler une boulimie, celui qui fait un régime pour sa santé recherche la fin de certains maux apparus au cours d'une prise de poids importante mais celui qui fait le trop grand régime en perdant dangereusement du poids peut cacher une anorexie, le trop soucieux de sa santé une hypocondrie et le trop craintif une timidité malade ou paralysante. La forme la plus courante de la timidité concerne une personne sur deux, est-il estimé, et concerne la discrétion «dans les relations sociales» [Rey: 2442]. Mais les deux autres formes qui sont des degrés supérieurs, les timidités malade et paralysante, toucheraient respectivement 5% et 2,5% des gens. Elles se soignent par thérapie cognitivo-comportementale.

Il faut noter que le trouble psychiatrique n'est actuellement pas vraiment reconnu en dehors de l'Amérique du Nord où le *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* définit la timidité pathologique. Celle-ci serait une forme accentuée de procrastination, c'est-à-dire d'attitude «à remettre systématiquement à plus tard». Connue depuis le XVe siècle, le terme est construit directement sur le latin *timiditas*, *-atis*, féminin, lui-même étant dérivé du verbe *timere*, craindre. Pendant fort longtemps, la timidité fut associée à un caractère, une attitude liée à une stratégie d'évitement. Mais, en 1982, survient l'aspect psychologique d'hyper-émotivité «se traduisant par une inhibition dans les rapports avec autrui, souvent en liaison avec un sentiment d'infériorité ou de culpabilité» [Schützenberger: 231]. Or, la culpabilité est le sentiment que Sigmund Freud analysa au tout début du XXe siècle en voulant approfondir un travail sur un patient atteint d'une névrose obsessionnelle. En 1928, il évoquait la culpabilité dans un article sur «Dostoïevski et le paricide» soulignant en même temps le renvoi au domaine littéraire qui est une source de réponses. Pour en revenir à la timidité, ses manifestations varient d'un individu à l'autre et peut se résumer en quelques axes: sourire gêné, rougissement, voix qui déraile, réactions neutres, rigides, assurées ou agressives. Ce ne sont que des apparences qui masquent un problème.

Le théâtre est le lieu de la mise scène privilégiée pour s'amuser avec les apparences et les faux-semblants. Anton Tchékhouv, médecin de son état, associa deux troubles en même temps: l'hypocondrie et la timidité. Il fut peut-être l'un des premiers à subodorer le caractère malade de la timidité étant donné sa proximité avec l'univers de la santé. Ce sont certes les maladies physiques qu'il soigne mais il est confronté lui-même à quelques tourments psy-

chologiques en raison de son enfance: il était très soucieux, persuadé de n'être rien, parce qu'il était frappé par son père à la maison et souvent très sévèrement réprimandé par ses maîtres à l'école. Quoiqu'il en soit de son rapport direct ou non avec la timidité, Tchékhouv a voulu avant tout faire de ces deux maux un divertissement plaisant. Molière ne s'en priva pas concernant l'hypocondrie dans sa dernière comédie-ballet lui servant de canevas pour dénoncer l'imposture de certains charlatans qui se font passer pour des savants en médecine. Le dramaturge ne semble pas de prime abord être un hypocondriaque notoire. Mais voyant sa santé se fragiliser au cours de l'année 1665 par des problèmes pulmonaires chroniques, il semble de plus en plus en proie à l'anxiété de tomber encore plus malade et de mourir. Il s'autoanalyse et en arrive à la conclusion de l'origine psychique des maux liés aux phobies. Mais son Argan n'est pas tout à fait Lomov car le premier est outrecuidant, le second plutôt réservé.

Une Demande est la comédie sociale de 1888, en un acte, qui fait songer au *Malade imaginaire* de Molière. L'un des personnages présent à presque toutes les scènes est Lomov. D'après la didascalie initiale, il est en bonne santé (здоровый), enrobé (упитанный), mais particulièrement hypocondriaque (очень мнительный). Il y a, en effet, deux manières de qualifier les personnes atteintes d'hypocondrie en russe: l'emploi d'un terme courant «мнительный» et celui scientifique «ипохондрический» directement issu du grec. Il ne fait donc aucun doute qu'hypocondriaque correspond au russe «мнительный». Mais ce dernier signifie aussi «méfiant» en français. La double signification du mot russe est impossible à restituer dans la traduction française. Or, il se trouve que la timidité malade est également appelée la «méfiance». Elle se caractérise par la crainte, la maladresse, le malaise, voire la panique à proximité d'une personne ou devant une situation inédite. Que Lomov soit atteint d'hypocondrie, cela ne fait aucun doute. L'introspection à laquelle il se livre lorsqu'il est seul dans le salon de Tchouboukov le prouve:

LOMOV. – [...] J'ai une maladie de cœur, des palpitations sans arrêt, je suis coléreux et je me mets constamment dans tous mes états... [...] Mais le plus terrible, chez moi, c'est le sommeil. À peine suis-je au lit, à peine je commence à m'endormir, que soudain, du côté gauche, vlan! un coup de poignard! Et ça file tout droit dans l'épaule et dans la tête... Je saute du lit comme un fou, je marche un peu de long en large, je me recouche, mais à peine le sommeil me prend, que ça recommence, vlan! – un coup de poignard dans le côté... Et ainsi de suite, une vingtaine de fois... [Tchékhov: 593]

Mais que Lomov soit un timide malade est aussi une certitude. La première scène en présente déjà les manifestations évidentes dès que survient le moment de de-

mander la main de Natalia à son père. Les signes de sa timidité arrivent avec des moments de blancs dans ses propos qui deviennent moins fluides. Le texte les représente au moyen de six points de suspensions, d'expressions telles que «mais excusez-moi, je suis ému», «je suis terriblement ému» et d'une didascalie interne indiquant qu'«[i]l boit de l'eau» [Tchékhov: 592]. La timidité provoque toujours un assèchement de la gorge dans des circonstances particulièrement angoissantes. Néanmoins Lomov parvient à faire sa demande en disant d'un trait, en une respiration: «Il faut vous dire que je suis venu vous demander la main de votre fille, Natalia Stépanovna» [Tchékhov: 592]. Le jeune homme a pris son courage à deux main, est parvenu à ses fins et à surmonter sa timidité somme toute assez courante et non pathologique. Il aurait même été prêt à renouveler sur le champ sa demande, «J'ai l'honneur de vous demander...» [Tchékhov: 592], s'il n'avait été coupé par Tchouboukov heureux de la nouvelle.

Or, les choses se compliquent dès que Lomov est seul en attendant l'arrivée de sa promise. Il roule dans sa tête ses angoisses révélant non seulement son hypocondrie mais aussi sa timidité cette fois malade dès le début du monologue introspectif:

ЛОМОВ. – J'ai froid... Je tremble comme si je devais passer un examen. [...] Brr!... J'ai froid! [...] Mais je suis tellement ému que j'en ai des bourdonnements d'oreille. (*Il boit de l'eau.*) [...] Ainsi, en ce moment, j'ai les lèvres qui tremblent et la paupière droite qui saute... [Tchékhov: 592]

Se met en place peu à peu le processus de procrastination. Mis devant le fait de devoir affronter Natalia, l'objet de sa convoitise, il perd ses moyens, tourne en rond, repousse l'échéance de sa demande en déviant du sujet, ne se contrôle plus et c'est sans doute assez sincèrement qu'il en ressent les manifestations physiques. La timidité surgit, chez lui, dans le dévoilement de ses sentiments amoureux qu'il souhaite cacher tout en voulant les dévoiler. Il est donc confronté à un dilemme: comment faire sa déclaration d'amour sans en parler? Il devient donc maladroit plusieurs fois au point de chercher querelle et de se voir éconduire par la jeune femme. Le reste de la pièce n'est qu'une série de tentatives vaines de faire sa demande en mariage au rythme des dizaines de points de suspensions traduisant sa gêne, sa peur, de l'expression «J'ai affreusement froid» [Tchékhov: 594]¹⁰ et de l'eau qu'il boit régulièrement. En revanche, il n'est plus timide lorsque le sujet de la conversation dérive sur deux sujets: le pré-aux-Bœufs et les chiens d'arrêts. Dans ce cas, il redevient normal et l'on se demande si cette dérive ne l'arrange finalement pas. Ce n'est qu'à la fin de la pièce, à la suite d'une sorte de crise d'hypocondrie exagérée, qu'il comprend que tout le monde est d'accord pour le mariage, que Natalia consent. Il n'a même pas

eu besoin de lui faire sa demande directement: la situation l'a dirigé en sa faveur. La crise d'hypocondrie et la timidité se sont apaisées en raison de la disparition des facteurs de stress.

Lomov est donc atteint de deux troubles du comportement. La timidité est discrètement mêlée au caractère hypocondriaque du personnage. Ses symptômes se manifestent de manière réaliste dans la pièce: tension et anxiété surviennent en situation d'appréhension par peur d'un résultat potentiellement négatif de la demande en mariage faite directement à la personne concernée. Lomov, qui est tendu, semble de plus en plus nerveux et a l'impression d'être pris de malaise remettant à plus tard le moment crucial de la dite demande. Il tremble, se réfugie derrière des préoccupations annexes, réagit avec maladresse lorsque ses voisins le mettent en porte-à-faux sur des questions de propriété foncière et de chien de chasse [Theuriau] et n'est pas à l'aise dans les relations interpersonnelles.

En définitive, l'étude de la pièce de Tchekhov, à la lumière de celle de Molière, permet d'établir un certain nombre d'affirmations. La timidité n'est pas une composante de l'hypocondrie mais peut être un facteur aggravant du trouble psychiatrique. On le voit bien à travers l'effet «argan» dans la mesure où le personnage de Molière est un hypocondriaque avéré mais n'est absolument pas timide. Rien, dans *Le Malade imaginaire*, ne le laisse supposer, bien au contraire. On le voit également avec l'effet «lomov» qui, en revanche, présente les symptômes d'une hypocondrie doublée d'un trouble de la timidité malade mais sans tomber dans l'extrême de la timidité paralysante qu'est la phobie sociale par exemple. Pour l'hypocondrie et la timidité, c'est bien le cerveau, par un changement de caractère en situation tendue ou perturbante pour le sujet, qui envoie des signaux d'alerte au corps qui sont analysés par le patient comme un mal physique et non mental. Les maux sont bien réels pour le malade. Cependant il est facile de tomber dans l'attente routinière du moindre signe physique anormal pour s'imaginer très malade dans le cas de l'hypocondrie au point de se rendre malade par l'autosuggestion. Quant au timide, naturellement méfiant, il évite toute situation déclenchant son trouble et fait tout pour remettre ses projets à plus tard au risque de ne jamais exploiter ses qualités et de finir par ne plus croire en lui-même. La terminologie qui s'attache à expliquer les sous-entendus de mot russe «мнительный» permet de comprendre l'erreur de ne s'attacher qu'à la seule traduction d'«hypocondriaque» ou de «timide»: un mot russe, certes, mais deux sens distincts impossibles à rendre en traduction française.

L'union de la littérature et de la médecine dans l'exploration des nouvelles humanités d'aujourd'hui et de demain ne doit pas faire perdre de vue le côté relativement fluctuant de la science médicale qui s'occupe d'êtres vivants et non de robots. Poser un diagnostic

médical, comme une hypothèse en littérature – ici à travers deux œuvres théâtrales –, entraîne nécessairement des risques puisqu'une maladie peut produire des manifestations symptomatiques diverses selon les patients et qu'un même symptôme peut indiquer différentes maladies. Le risque n'est pas nul et on aurait tort d'oublier cela tandis que la médecine semble de plus en plus certaine d'avoir les réponses exactes depuis qu'elle s'appuie sur des techniques novatrices. En littérature, les risques sont bien moindres en ce qui concerne la vie d'un homme. Tout au plus sera-t-il vexé d'une mauvaise interprétation littéraire. La médecine narrative est peut-être alors un moyen utile pour arbitrer le rapport entre ces deux disciplines et rappeler que les réflexions éthiques se font aussi au moyen du fait littéraire.

Список литературы

- Мольер*. Больным быть думающий. Санкт-Петербург, 1743.
- Furetière A.* Dictionnaire universel. Т. II. La Haye et Rotterdam, Arnout & Reinier Leers, 1690.
- Le Dictionnaire de l'Académie française. Т. II. Paris, Jean Baptiste Coignard, 1694.
- Molière*. Le Malade imaginaire. Paris, Ballard, 1673.
- Patouillet J.* Molière et sa fortune en Russie. Revue des études slaves. Т. 2, fascicule 3–4, 1922.
- Postel J.* Dictionnaire de psychiatrie et de psychopathologie clinique. Paris, Larousse, 1998.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris, Le Robert, 2016, p. 2442.

Rousseau J.-J. Œuvres complètes. Т. I. Les Confessions. Paris, Gallimard, La Pléiade, 1959.

Schützenberger A.A. Vocabulaire de base des sciences humaines: Formation, psychothérapie, psychanalyse, psychiatrie, psychologie médicale, thérapie familiale. Paris, Desclée De Brouwer, 1982.

Sydenham Th. Dissertatio de variolis et morbo hysterico et hypochondriaco. Londres, 1682.

Tchékhov A. Œuvres. La Demande en mariage, traduction par Elsa Triolet. Т. I. Paris, Gallimard, La Pléiade, 1967.

Theuriau F.-G. La question sociale dans «Une Demande» d'Anton Tchekhov. Moscou, Studia litterarum, Institut A.M. Gorky de la Littérature Mondiale de l'Académie de Sciences de Russie, 2019 (septembre), Т. 4, № 3.

References

Mol'er. *Bol'nym byt' dumaiushchii* [The Imaginary Invalid]. St. Petersburg, 1743. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 09.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 09.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

АБСУРД ВОДЕВИЛЕЙ А.П. ЧЕХОВА КАК ФОРМА ОСМЫСЛЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ФАЗИСА УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ

Громов Алексей Владимирович, магистрант, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, grymepe4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Аннотация. В художественном мире водевилей А.П. Чехова мы наблюдаем за столкновением двух миров: *старого и нового*. Первый мир – это пространство чиновников, бюрократии и «официальной правды», чему противопоставит непредсказуемый мир веселого абсурда и шутовства. В статье рассматривается концепция обновления устаревшей формы жизни. Ключевым приемом поэтики оказывается гротеск, представленный на страницах чеховских пьес как в модернистском варианте своего развития, так и реалистическом. Если модернистский гротеск – это территория сатиры, где все «недолжное», новое и непривычное осуждается и осмеивается нормами *старого мира*, то реалистический гротеск выполняет функцию устранения/обновления всего устаревшего посредством всеобъемлющего амбивалентного смеха, который представляет собой обновляющее начало. Карнавальный смех очищает от всего догматического, снимает «официальные» запреты, открывая двери в новый, свободный от назидательности мир. Веселый абсурд народной жизни провожает умирающий и встречает рождающийся мир так, как провожало эпоху XIX века творчество А.П. Чехова, встречая новый мир – XX век.

Ключевые слова: водевиль, абсурд, гротеск, карнавализация, амбивалентный смех, карикатура, А.П. Чехов.

Для цитирования: Громов А.В. Абсурд водевилей А.П. Чехова как форма осмысления последнего фазиса уходящей эпохи // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 103–108. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-103-108>

Research Article

THE ABSURDITY OF ANTON CHEKHOV’S VAUDEVILLES AS A FORM OF COMPREHENSION OF THE PASSING ERA

Alexey A. Gromov, Master Student, Moscow City University, Moscow, Russia, grymepe4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Abstract. In the artistic world of Anton Chekhov’s vaudeville, we observe the collision of two worlds: *the old* and *the new*. The first world is a space of officials, bureaucracy and “official truth”. This is countered by an unpredictable world of hilarious absurdity and buffoonery. The article discusses the concept of updating an outdated form of life, which is part of the unique poetics of the absurd by Anton Chekhov. The main technique is the grotesque, presented on the pages of Anton Chekhov’s plays in both the modernist version of its development and the realistic one. If the modernist grotesque is the territory of satire, where everything “inappropriate”, new and unusual is condemned and ridiculed by the norms of the old world, then the realistic grotesque performs the function of eliminating or updating everything outdated through comprehensive ambivalent laughter, which is a refreshing foundation. Carnival laughter cleanses from everything dogmatic, removes “official” prohibitions, opening the doors to a new world free from edification. The cheerful absurdity of folkish life accompanies the outdated world and meets the emerging one in the same way as Anton Chekhov’s work saw off the epoch of the 19th century, meeting the new world of the 20th century.

Keyword: vaudeville, absurd, grotesque, carnivalisation, ambivalent laughter, caricature.

For citation: Gromov A.V. The absurdity of Anton Chekhov’s vaudevilles as a form of comprehension of the passing era. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 103–108 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-103-108>

В не научного дискурса абсурд традиционно преподносится с негативной коннотацией: «Обыденное понимание абсурда как явления отрицательного, несамостоятельного и ущербного задается уже этимологией: слово напрямую происходит от прилагательного *surdus*, которое означает “глухой”. Любой человек, не знакомый даже с историей философии, но знающий обычное значение слова “абсурд”, способен воспроизвести данную парадигму» [Лапатин 2014: 12]. Подобное понимание данного феномена хоть и не отвечает современной научной парадигме, в рамках нашего исследования его необходимо учитывать по причине того, что абсурдные ситуации, изображенные А.П. Чеховым, при рецепции оказываются связаны с аналогичной интерпретацией. Уже сама латинская лексема «*surdus*» транслирует концепт «разобщенности» и отсылает к мотиву «глухоты» в творчестве А.П. Чехова, которому посвящен не один десяток исследовательских работ. Однако абсурд в драматургии русского писателя способен раскрываться и в положительном ключе. Так, за счет значений «расширения» и «дополнения» нормативной логики происходит актуализация более глубокого смыслового уровня. Таким уровнем, например, является концепт нового мира, предметы которого, с точки зрения обыденной логики, являются чем-то пугающим и нуждающимся в устранении.

Абсурд А.П. Чехова – это не жанровые каноны, на которых зиждется театр абсурда, формировавшийся в ходе первой половины XX века. Известно, что это время знаменуется колоссальным мировоззренческим сломом. Общество пережило две мировые войны, показавшие цену человеческой жизни. Мир менялся беспрецедентно быстро, в связи с чем человечество просто не успевало осознать (и без того болезненный) получаемый опыт, который, как минимум, нуждался в систематизации. Драма абсурда – это громкий протест против современной политики, социальных и языковых норм, тогда как водевили Чехова обладают не протестным, а осмеивающим и смеющимся характером, в них отсутствует резкий разрыв причинно-следственных связей. Абсурд А.П. Чехова – это форма осмысления уходящей эпохи XIX века, что представлено посредством поэтики абсурда (комплекса художественных приемов). В этой связи интересны слова К. Маркса, приведенные в работе В.Я. Проппа: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис ее всемирно-исторической формы есть ее комедия. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось с своим прошлым» [Пропп 1999: 52].

Алогичность и парадоксальность социальной жизни, необъяснимые нормативной логикой, писатель

сумел уловить и, сохраняя правдоподобность (реалистичность) действия, изобразить на страницах водевилей, тем самым внеся значительный вклад в развитие художественных приемов, которые спустя четверть века были актуализированы в произведениях Г. Пинтера, С. Беккета, Э. Ионеско и других абсурдистов. Это такие приемы, как замена действия диалогом, статичный хронотоп, чуждые привычной логике реплики, парадоксальные поступки героев, отсутствие взаимопонимания между персонажами, когда кажется, что никто никого не слышит, но в рамках нашей работы интерес представляет именно гротеск.

Заметим, что нельзя напрямую связывать абсурд и гротеск. Абсурду тоже присущи такие свойства, как сочетание несочетаемого, гиперболизация и комизм, но данные понятия отнюдь не тождественны. Этой проблеме посвящена статья Л. Геллера из сборника «Абсурд и вокруг»: «Абсурд означает, собственно, “ответ глухого” и, в упрощении, – нелогичность, несвязность мысли, нелепость, а гротеск – смехотворную и (или) пугающую непропорциональность, причудливость формы. Абсурд отсылает в первую очередь к “внутреннему” плану содержания, гротеск – в первую очередь к “внешнему” плану выражения» [Геллер: 92–93]. Другими словами, феномен абсурда принадлежит логико-семантической плоскости, тогда как гротеск – это художественный троп. Стоит дополнить, что гротеск, таким образом, способен выступать в качестве средства для введения абсурдного в текст или для его актуализации. Как верно заметил В.А. Лапатин, «понимание того, что абсурд не нечто наподобие тропа, а явление логического плана, очень важно; и важно, в первую очередь, для художественной литературы. Поэтому творчество обэриутов, Ф. Кафки, С. Беккета, Э. Ионеско мы можем назвать абсурдистским, а, к примеру, в отношении Ф. Рабле или Н. Гоголя можно говорить лишь, что в их произведениях содержатся абсурдистские элементы» [Лапатин 2014: 52]. Первые писатели, указанные исследователем, используют абсурд в качестве автономной (непосредственной) категории, вторые же, среди которых, несомненно, и А.П. Чехов, пользуются гротескными приемами, нацеленными на описание абсурдной ситуации, что, на наш взгляд, не умаляет феномен абсурда, но делает его менее концентрированным в художественном пространстве.

Материал одноактных пьес А.П. Чехова показал, что гротеск в связке с комизмом отнюдь не заточен лишь под цели сатиры. Еще Лессинг в «Гамбургской драматургии» заключил: «Смех и насмешка – две вещи совершенно различные» [Лессинг: 111]. Гротеск – это не только выявление и преувеличение «недостатка», посредством чего ему («недостатку») наносится нравственный и социальный удар; гротеск – это также средство выхода «за рамки разума»,

где если и есть насмешка, то только над «здравой» логикой, над законами и устоявшимися нормами. Чеховский гротеск объединяет *реалистическое и модернистское* направления его развития, то есть содержит в себе как карнавальные тона, так и сатирические, в связи с чем, с одной стороны, способствует созданию карикатурных образов, с другой – формирует/актуализирует карнавальную атмосферу, придавая художественному миру празднично-народный характер.

Жанр водевиля, превалирующий в одноактной драматургии А.П. Чехова, зародился именно в **народно-праздничной сфере жизни**, что обуславливает его связь с концепцией карнавализации. Об истории становления данного жанра пишет Ю.В. Калинина, опираясь на теорию М.М. Бахтина: «Историк музыки А.С. Саккетти назвал основоположником французского водевиля аррасского поэта-трувера XIII века Адама де Ла-Аля, автора пьес “Игра в беседке” и “Игра о Робене и Марион”. Характерной чертой творчества Адама де Ла-Аля, по мнению М.М. Бахтина, является его связь с карнавальными площадью, потому близость водевиля к традициям народного театра очевидна» [Калинина 1999: 30].

Основное карнавальное ядро находится на границе искусства и реальной жизни. Можно сказать, карнавал есть жизнь в игровой форме. И эта жизнь зиждется на основе всеобъемлющего амбивалентного (карнавального) смеха, обусловленного ощущением праздника и свободы. Народная праздничность – это утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия. Здесь глупость не осмеивается, а поощряется, поскольку преподносится в качестве оппозиции мудрости. Дурачество и шутовство транслируют вещи из другого, неофициального мира, в котором действуют законы «обратной правды»: «Это – изнанка и низ официальной, господствующей правды; глупость прежде всего проявляется в непонимании законов и условности официального мира и в уклонении от них. Глупость – это вольная праздничная мудрость, свободная от всех норм и стеснений официального мира, а также и от его забот и его серьезности» [Бахтин 1990: 287].

Если сатирик, осмеивая «отрицательное» явление, ставит себя как бы выше того, что осмеивает, то **карнавальный (амбивалентный) смех** распространяется на весь мир, в том числе и на смеющегося. Амбивалентный смех – это не авторский смех, не литературный, это смех самой жизни. Известно, что в литературоведение данное понятие ввел М.М. Бахтин, писавший об обновляющем предзнаменении данного смеха: «Настоящий смех, амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или устрашения,

от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной одноплановости и однозначности, от глупой истошности» [Бахтин 1990: 137].

Карнавальный смех отчетливо прослеживается на материале одноактной пьесы «Татьяна Репина». В этом произведении писатель сумел ввести данный смех в речевой план персонажей, благодаря чему мы можем наблюдать интересный эффект: в процессе рецепции смех порождает себя же (самовоспроизводится), так как реакцией на амбивалентный смех является амбивалентный смех, о чем говорит его свойство всенародности («заразительности»): «В толпе. Слышите, Наталья Сергеевна? Жена да убоится мужа своего. – Отвяжитесь. Смех. – Тссс! Господа, неловко!» [Чехов 1978: 77–95]. Смех раздается во время церковной службы. Казалось бы, подобное поведение в XIX веке должно сойти за сумасшествие или кощунство, но герои находятся в полном рассудке и не пытаются осмеять религиозный ритуал. Дело в том, что церковная служба проходит по причине венчания молодой пары. Празднуется свадьба, следовательно, в этот день герои видят мир через призму карнавального мироощущения.

Глупость, дурачество и шутовство становятся «второй природой человека», закономерно противопоставляя «официальной» правде мира сего: «Праздник был как бы временной приостановкой действия всей официальной системы со всеми ее запретами и иерархическими барьерами. Жизнь на короткий срок выходит из своей обычной, узаконенной и освященной колеи и вступает в сферу утопической свободы» [Бахтин 1990: 103]. Читатель проникается этим праздничным ощущением, по причине чего вместе с героями чувствует вкус карнавальной свободы.

Персонажи продолжают между собой шептаться и посмеиваться даже после того, как им сделал замечание кафедральный протоирей, ведущий службу: «Прошу вас потише! Вы мешаете нам совершать таинство! Не ходите по церкви, не разговаривайте и не шумите, а стойте тихо и молитесь богу. Так-то. Надо страх божий иметь» [Чехов 1978: 77–95]. Никому из присутствующих этот религиозный обряд не нужен. Каждый с нетерпением ждет момента его окончания, чтобы продолжить празднование свадьбы: «Этот дьякон никогда не кончит... То господи помилуй, то подай господи. Надоело уж стоять» [Чехов 1978: 77–95]. Развенчание христианской морали – это концепция народной жизни, которая органично перекочевала через творчество А.П. Чехова в зарубежные драмы абсурда XX века. М.М. Бахтин, анализируя сатирические сказки, отмечал, что смеховая культура народа «внецерковна» и «внерелигиозна», в связи с чем сказки чаще всего избирают в качестве мишени чиновничество и священников: «Более того, некоторые карнавальные формы прямо являются пародией

на церковный культ. Все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны» [Бахтин 1990: 103].

Реалистическое направление развития гротеска представляет, например, **гротеск части тела**. В средневековой литературе карнавальное (народно-праздничное) значение данного тропа заключается в стирании границ между телом и остальным миром, но в водевилях Чехова гротеск части тела лишь акцентирует внимание на какую-либо деталь в портрете героя. В нем отсутствует фантастическая гиперболлизация, никто не увеличивается до нереальных размеров. Дело в том, что с угасанием карнавальной традиции редуцировался и сам гротеск: «Наконец новому телесному канону совершенно чужда гиперболлизация. В образе индивидуального тела для нее нет почвы. Здесь допустима только подчеркнутая акцентуация чисто экспрессивного или характерологического порядка» [Бахтин 1990: 357].

Например, в пьесе «Медведь» данный гротеск выступает в качестве средства для типизации образа Поповой. Уже в списке действующих лиц мы видим художественную деталь в ее портрете, ставшую впоследствии частью смысловой игры с читателем: «Елена Ивановна Попова, вдовушка с *ямочками на щеках*, помещица» [Чехов 1976: 293–311]. Данная деталь принадлежит к концепту гротескового тела (в рамках «нового телесного канона»), поскольку всплывает на протяжении всей пьесы как маркер образа «поэтического создания», как символ вечной женственности, которой герой-медведь яростно чурается: «Меня не тронешь трауром да *ямочками на щеках*... Знаем мы эти *ямочки!*» [Чехов 1976: 293–311]. Также «ямочки» способствуют актуализации комического плана, который сконцентрирован на высмеивании «отточенных жизнью» убеждений Смирнова. Одно из этих убеждений гласит о том, что «прекрасному полу» больше не удастся его увлечь: «Довольно! Очи черные, очи страстные, алые губки, *ямочки на щеках*, луна, шепот, робкое дыханье – за все это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам!» [Чехов 1976: 293–311]. Это убеждение не проходит проверку на практике, поскольку в финале пьесы герои сходятся в «продолжительном поцелуе».

Также гротеск части тела присутствует в водевиле «Юбилей», где бухгалтер Хирин по ходу развития действия раздражается персонажами до состояния аффекта. В частности, автор рисует анекдотичную ситуацию: в банк является настойчивая женщина, чтобы просить за своего мужа выплату «больничного», а затем и новое рабочее место. Герои разными способами пытаются объяснить, что банк – это не та организация, куда следует обращаться с подобными просьбами, что, конечно, интерпретируется просительницей в качестве попытки от нее «отделаться».

Женщина внимательно слушает то, что ей объясняют, но, по-видимому, не понимает или просто не верит, что для подобных просьб существуют уполномоченные «учреждения». Когда уже не помогает ни крик, ни бранная лексика, в силу вступает абсурдная жестикация, знаменующая крайнюю степень раздраженности. Хирин трясется, «топочет ногами», «указывает на дверь», «стучит пальцем по столу, потом себе по лбу» [Чехов 1978: 203–220]. Как верно заметил М.М. Бахтин, гротеск части тела ранее жил преимущественно в «образах самого языка, особенно в формах фамильярного речевого общения; гротескная концепция лежала в основе всех бранных, развенчивающих, дразнящих и веселых форм жестикационного фонда (показывание кукиша, носа, зада, плевание, разнообразнейшие непристойные жесты)» [Бахтин 1990: 377].

Модернистский гротеск – это сатирический троп. Данный тип гротеска сочетает в себе «чужеродные элементы», нарушает естественные пропорции (гиперболичность), вводит в текст карикатурные и пародийные элементы: «Он переносит центр тяжести на отвлеченно-смысловое, “моральное” содержание образа. Более того, материальный субстрат образа подчиняется отрицательному моменту: преувеличение становится карикатурой» [Бахтин 1990: 74]. Смех модернистского гротеска – насмешливый. Данный смех был популяризирован немецкой литературой романтизма XVIII века, которая его крепко связала с гротеском: «Смех в романтическом гротеске редуцировался и принял форму юмора, иронии, сарказма. Он перестает быть радостным и ликующим смехом» [Бахтин 1990: 46].

Модернистскому направлению принадлежит, например, **аллегорический гротеск**. Данный прием является результатом смешения человеческих и зооморфных черт. Аллегорический гротеск является одним из древнейших, но с течением времени он перекалифицировался из средства народного развенчания в авторский инструмент по высмеиванию «недолжных» элементов (например, нравственных и социальных изъянов). По справедливому замечанию В.Я. Проппа, аллегория неразрывно связана с сатирическим началом, поскольку априори нацелена на вскрытие «недостатков» своего объекта: «Есть животные, наружность которых, внешний вид напоминают нам о некоторых отрицательных качествах людей» [Пропп 1999: 57]. Такой прием представлен в водевиле «Медведь», получившего название в честь центральной аллегии.

В данном произведении А.П. Чехов прибегает к аллегорическому гротеску для обрисовки карикатурных черт в характере героя-медведя. Образ «медведя» раскрывается, например, через эмоциональный всплеск: «Останусь и буду торчать здесь, пока она

не заплатит! Брр!.. Как я зол сегодня, как я зол!» [Чехов 1976: 293–311]. Из-за всплеска ярости герой приближается к состоянию аффекта, что и высмеивается автором. Персонаж не способен контролировать эмоции, в связи с чем выглядит комично и глупо. Его речевой план включает в себя ряд звукоподражаний, обозначающих крайнюю степень гнева: герой между словами вставляет «бр!» подобно тому, как режут медведи. Также маркерами аллегорического гротеска выступают такие составляющие поведения героя, как непрекращающийся крик, активное передвижение по сцене, ломание мебели, запугивание слуги и бранная лексика.

Неумение контролировать эмоциональный всплеск приводит к тому, что мысли и речь героя принимают хаотический характер: «Брр!.. Даже мороз по коже дерет – до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи» [Чехов 1976: 293–311]. Своим поведением Смирнов как бы напоминает, что медведь – это непредсказуемое хищное животное, встреча с которым должна устрашать. Заметим, что столкновение «грубого медведя» с «поэтическим созданием» – парадоксально априори, поскольку происходит взаимодействие взаимоисключающих явлений (противопоставленных убеждений героев), что является здесь главным двигателем абсурда. По ходу действия карикатурный характер Смирнова подстегивает абсурдный план так, что между героями возникает путаница с ненавистью и любовью, со смехом и оскорблениями, с дуэлью и предложением «руки и сердца». Сюжет о взыскании денежных средств скатывается в парадоксальный финал.

Таким образом, в художественном мире одноактной драматургии А.П. Чехова мы наблюдаем за столкновением двух миров: старого и нового. Первый – это легализованный мир чиновников, где все движется по законам «официальной» правды, по бюрократическим правилам. В нем отчетливо прослеживается искажение сути социальных отношений. Новый же мир – это пространство веселой непредсказуемости и несерьезности. В нем царят абсурд и нелепость, поносимые лишь старым миром. Веселый абсурд народной жизни провожает умирающий и встречает рождающийся мир так, как провожало эпоху XIX века творчество А.П. Чехова, встречая новый мир – XX век.

Список литературы

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Худ. литература, 1990. 543 с.

Геллер Л. О гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг: сб. ст. / отв. ред. О.Д. Бу-

ренина. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 92–134.

Калинина Ю.В. Русский водевиль XIX века и одноактная драматургия А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1999. 172 с.

Лапатин В.А. Абсурд как феномен в Европейском социокультурном пространстве XX века: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 180 с.

Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия / под общ. ред. М. Лифшица. Москва; Ленинград: Academia, 1936. 464 с.

Логонова Е.Г. Векторы упорядочивающего уподобления в драматургии А.П. Чехова как предтечи драмы абсурда // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 106–115.

Пропт В.Я. Проблемы комизма и смеха. Москва: Лабиринт, 1999. 288 с.

Скавска М. Поэтика абсурда в драматургии А.П. Чехова // Acta Eruditorum. 2014. № 14. С. 58–62.

Спачиль О.В. Несвоевременная пьеса. «Татьяна Репина» А.П. Чехова: проблемы рецепции // Юбилейное: Вопросы истории, поэтики и интерпретации русской литературы: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. 2015. С. 66–73.

Чехов А.П. Медведь: Шутка в одном действии // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 11. Пьесы, 1878–1888. Москва: Наука, 1976. С. 293–311. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/medved.htm> (дата обращения: 06.06.2022).

Чехов А.П. Татьяна Репина: Драма в одном действии // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 12. Пьесы, 1889–1891. Москва: Наука, 1978. С. 77–95. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/tatyana-repina.htm> (дата обращения: 06.06.2022).

Чехов А.П. Юбилей: Шутка в одном действии // Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 12. Пьесы, 1889–1891. Москва: Наука, 1978. С. 203–220. URL: http://chegov-lit.ru/chegov/text/yubilej_1.htm (дата обращения: 06.06.2022).

References

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [The Creativity of Francois Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Artistic literature Publ., 1990, 543 p. (In Russ.)

Geller L. *O groteske i кое-что о сэре Дzhоне Reskine* [About the grotesque and something about Sir John Ruskin]. *Absurd i vokrug* [The absurdity and around], ed. by O.D. Burenina. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, pp. 92–134. (In Russ.)

Kalinina Iu.V. *Russkii vodevil' XIX veka i odnoakt-naia dramaturgiia A.P. Chekhova* [The Russian vaudeville of the XIX century and one-act dramaturgy by

A.P. Chekhov]: dis. ... kand. filol. nauk. Ulyanovsk, 1999, 172 p.

Lapatin V.A. *Absurd kak fenomen v Evropeiskom sotsiokul'turnom prostranstve XX veka* [The Absurdity as a phenomenon in the European socio-cultural space of the XX century]: dis. ... kand. filol. nauk. Saint-Petersburg, 2014, 180 p. (In Russ.)

Lessing G.-E. *Gamburgskaia dramaturgiia* [The Hamburg Dramaturgy], ed. by M. Lifshitsa. Moscow, Academia Publ., 1936, 464 p. (In Russ.)

Loginova E.G. *Vektory uporiadochivaiushchego upodobleniia v dramaturgii A.P. Chekhova kak predtechki dramy absurda* [Vectors of ordering assimilation in A.P. Chekhov's dramaturgy as the forerunner of the drama of the absurd]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, № 4, pp. 106–115. (In Russ.)

Propp V.Ia. *Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. Moscow, Labyrinth Publ., 1999, 288 p. (In Russ.)

Skavska M. *Poetika absurda v dramaturgii A.P. Chekhova* [The Poetics of the Absurd in A.P. Chekhov's Dramaturgy]. *Acta Eruditorum*, 2014, № 14, pp. 58–62. (In Russ.)

Spachil' O.V. *Nesvoevremennaia p'esa. «Tat'iana Repina» A.P. Chekhova: problemy retseptsii* [An untimely play. “Tatiana Repina” by A.P. Chekhov: problems of reception]. *Iubileinoe: Voprosy istorii, poetiki i interpretatsii russkoi literatury: materialy Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* [Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical conference. The

Jubilee: Questions of History, poetics and interpretation of Russian Literature], 2015, pp. 66–73. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Medved': Shutka v odnom deistvii* [The Bear: A joke in one action]. Chekhov A.P. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. T. 11. P'esy, 1878–1888.* [Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 vols. Essays: in 18 vols. Vol. 11]. Moscow, The Science Publ., 1976, pp. 293–311. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/medved.htm> (access date: 06.06.2022). (In Russ.)

Chekhov A.P. *Tat'iana Repina: Drama v odnom deistvii* [Tatiana Repina: Drama in one act]. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t. T. 12. P'esy, 1889–1891* [Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 vols. Essays: in 18 vols.]. Moscow, The Science Publ., 1978, pp. 77–95. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/tatyana-repina.htm> (access date: 06.06.2022). (In Russ.)

Chekhov A.P. *Iubilei: Shutka v odnom deistvii* [The Anniversary: A joke in one action]. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t. T. 12. P'esy, 1889–1891* [Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 vols. Essays: in 18 vols. Vol. 12]. Moscow, The Science Publ., 1978, pp. 203–220. URL: http://chehov-lit.ru/chehov/text/yubilej_1.htm (access date: 06.06.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

ОБРАЗ СТАРИКА В ПОЭЗИИ А. БЛОКА 1900-Х ГГ.

Коптелова Наталья Геннадьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Аннотация. Статья вносит определённый вклад в изучение типологии блоковских персонажей, возникшей как результат «театрализации» лирического субъекта. В ней рассматриваются примеры некоторых лирических монологов, написанных от лица старика. Раскрывается их эстетическая природа, характеризуются поэтика и функции. Доказывается, что лирические монологи стариков, созданные в стихотворениях А. Блока 1900-х гг. («Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...», «Двойник»), образуют особую локальную художественную целостность внутри его поэтической «трилогии». Показывается, что в стихийно сложившемся ансамбле единстве образ старика оказывается «лирической маской» Блока, его трагическим двойником и во многом выражает автопсихологические переживания, связанные с идеей «измены» мистическому идеалу Вечной Женственности. В статье подчёркивается, что стихотворения «Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...» образуют интересную парадигму. В этих произведениях образ старика соотносится не только с личностью Блока и Мережковского, но и позволяет воспринимать персонажа как совершенно самостоятельного героя, обладающего неповторимым характером. В работе делается вывод о том, что «театральность» поэтики наиболее ярко и отчётливо проявляется в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», словно ориентированном на устное произнесение и сценическое воплощение.

Ключевые слова: А. Блок, образ старика, лирический герой, лирическая маска, ролевая лирика, intersubjectность, «театральность» поэтики.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Образ старика в поэзии А. Блока 1900-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 109–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116>

Research Article

THE IMAGE OF THE OLD MAN IN ALEXANDER BLOK'S POETRY OF THE 1900S

Natalya G. Koptelova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Abstract. The article makes a certain contribution to the study of the typology of Alexander Blok's characters, which arose as a result of the "theatricalisation" of the lyrical subject. We examine examples of some lyrical monologues written on behalf of the old man. Their aesthetic nature is revealed, poetics and functions are characterised. It is proved that the lyrical monologues of the old men" created in Alexander Blok's poems of the 1900s ("Under old age, forgetting the sacred...", "When I began to grow decrepit and get cold...", "Years have passed, but you are still the same...", "The Double") form a special local artistic integrity within his poetic "trilogy". It is shown that in the spontaneously formed ensemble unity, the image of the old man turns out to be Alexander Blok's "lyrical mask", his tragic double and in many respects expresses autopsychological experiences associated with the idea of "betrayal" of the mystical ideal of Eternal Femininity. The article emphasises that the poems ("Under old age, forgetting the sacred...", "When I began to grow decrepit and get cold...", "Years have passed, but you are still the same..." form an intersubjective paradigm. In these works, the image of the old men correlates not only with the personality of Alexander Blok and Dmitry Merezhkovsky, but also allows us to perceive the character as a completely independent hero with a unique character. The paper concludes that the "theatricality" of poetics is most clearly and clearly manifested in the poem "When I began to grow decrepit and get cold...", as if oriented towards oral pronunciation and stage incarnation.

Keywords: Alexander Blok, image of old man, lyrical hero, lyrical mask, role-playing lyrics, intersubjectivity, "theatricality" of poetics.

For citation: Koptelova N.G. The image of the old man in Alexander Blok's poetry of the 1900s. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 109–116 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116>

Одной из доминант поэтики Блока стала «театральность» его лирики. Она возникла как творческая компенсация стремления поэта к театру как высшему искусству. «Театральность» поэзии Блока проявилась в самых разнообразных формах. Раскрыть её природу и функции даёт возможность метод интермедиального анализа, весьма актуальный и востребованный в филологических исследованиях в последние десятилетия [Седых; Тимашков; Титаренко 2017; Титаренко 2018; Тишунина 1998; Тишунина 2001; Тишунина 2002; Ханзен-Леве]. Он позволяет проследить влияние на литературу «языков» других видов искусства. Термин «интермедиальность» в отечественном литературоведении трактуется многообразно. Под интермедиальностью мы понимаем особый способ организации художественного текста, основанный на взаимодействии кодов разных видов искусств [Тишунина 2001: 153], в данном случае – лирической поэзии и театра.

Как мы уже отмечали в ряде своих предшествующих работ, внедрение театрального кода в лирику Блока во многом определило специфику её субъектно-образной структуры [Коптелова 2019а; Коптелова 2019б; Коптелова 2020]. Для поэзии Блока характерно многоплановое перевоплощение, своеобразная «театрализация» лирического героя, вызывающая к жизни создание монологов многочисленных персонажей. Эту особенность художественного мышления Блока заметили ещё современники. Так, В.Я. Брюсов в своей рецензии на сборник «Нечаянная радость» размышлял, по сути, о характерном для поэтической системы Блока феномене многоликих персонажей: «Его (Блока. – Н. К.) маленькие диалоги и его песни, сложенные от чужого лица, вызывают к жизни вереницы душ, которые уже кажутся нам близкими, знакомыми и дорогими» [Брюсов: 329]. Об этом впоследствии писали и отечественные литературоведы (Н.Д. Волков, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Л.Я. Гинзбург А.Е. Горелов, М.Ф. Пьяных, З.Г. Минц, А.В. Фёдоров, Е.М. Табориская, И.Б. Роднянская, П.П. Громов, Т.М. Родина и др.).

Причём в рамках творчества Блока лирические персонажи, так или иначе, соотносятся с двумя полярными тенденциями: они либо выражают сокровенные автопсихологические переживания, а значит, выполняют функцию «лирической маски» поэта, либо знаменуют вживание в чужое сознание, характерное для феномена ролевой лирики [Хализев: 352]. В контексте поэзии Блока возможно выделение циклических образований разного масштаба, объединённых тем или иным типом сознания, выражаемого лирическим персонажем. Можно говорить, например, о циклах, включающих девические или женские монологи, или об ансамблевом единстве [Тюпа: 52], скреплённом образом «маленького человека». Зада-

ча полной реконструкции типологии блоковских персонажей, возникшей как результат «театрализации» лирического героя, требует серьёзных системных исследований. В рамках данной статьи мы рассмотрим примеры некоторых лирических монологов, написанных от лица старика. Раскроем их эстетическую природу, охарактеризуем поэтику и функции.

Примечательно, что в поэзии Блока 1900-х гг. появляются лирические монологи стариков, образующие особую локальную художественную целостность внутри его «трилогии», в «Предисловии к собранию стихотворений», названной автором «романом в стихах» [Блок 1: 559]. В стихотворении «Под старость лет, забыв святое...» (1902), вошедшем в цикл «Стихи о Прекрасной Даме», создаётся образ старого человека, уставшего от жизни, отказавшегося от мечты своей юности, оцениваемой с высоты прожитых лет как «сон», «тень», «туман»:

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то – там – нас было двое,
Но то во сне – не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чём-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман [Блок 1: 124].

Герой возлагает всё, в его жизни не сбывшееся, на плечи потомков:

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены [Блок 1: 124].

В данном случае образ старика возникает на волне авторефлексии Блока, связанной с выражением сомнений в высоком мистическом идеале Вечной Женственности. Он выполняет функцию «лирической маски» поэта. По точному замечанию З.Г. Минц, образ старика в рассматриваемом поэтическом контексте выступает как «один из самых трагических “двойников” лирического героя» [Минц: 556]. Авторы комментария к этому стихотворению, предложенному в полном собрании сочинений Блока, ссылаясь на его письмо А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г., также подтверждают, что символ старика транслирует самокритику поэта, в художественно условной форме зашифровывая его упрек самому себе за отказ от восторженного юношеского поклонения Небесной Жене [Комментарии: 553].

Как органическое продолжение и диалогическая переключка со стихотворением «Под старость лет, за-

быв святое...» воспринимается блоковское стихотворение «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» (1903), вошедшее в цикл «Распутья»:

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, суждённый старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду [Блок 1: 155].

Здесь старик также вспоминает свою юношескую мечту, воплощённую в таинственном образе, «прежде милым». Он даже пытается вернуться к поиску прежнего мистического идеала, своей «счастливой звезды».

Но он, как и герой ранее упомянутого стихотворения, в конечном счёте погружается в разочарование и скепсис, саркастически отказываясь от призвания поэта, воспеваящего тайну Вечной Женственности:

Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече –
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт... [Блок 1: 155].

И в том и в другом лирических монологах, написанных Блоком от имени старика, персонажи приходят к неверию в идеал Софии. В первом стихотворении философия Вечной Женственности презрительно названа героем «глупыми сказками» [Блок 1: 124], а во втором – «рассказнями» [Блок 1: 155]. Несомненно, монолог старика, представленный в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», как и предыдущий, создан в ключе «лирической маски». Он также фиксирует «приступы отчаяния и иронии», испытываемые Блоком, как он признался в своей «Автобиографии» [Блок 7: 13], даже в момент апогея высоких мистических переживаний и чаяний, вызванных к жизни стремлением к идеалу Прекрасной Дамы.

Вместе с тем характер старика из стихотворения «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» имеет черты, отличные от персонажа, созданного в стихотворении «Под старость лет, забыв святое...»:

Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием подымаю трость...

Кому поверить? С кем мириться?

Врачи, поэты и попы...

Ах, если б мог я научиться

Бессмертной пошлости толпы! [Блок 1: 155].

Показательно, что герой прямо идентифицирует себя с «поэтом», автором «пророческих стихов». Он – человек, испытывающий сильные эмоции: отчаяние, досаду на себя. Вместе с тем этот старик чувствует свою избранность, ощущает своё духовное одиночество и приходит в бешенство от возмущения «бессмертной пошлостью толпы». Его страстный и темпераментный монолог во многом контрастен признаниям персонажа из рассмотренного выше произведения. Блок предельно психологизирует исповедь героя, «театрально» индивидуализирует её, точно и тонко передавая все нюансы его переживаний. Богатый интонационный рисунок, созданный поэтом в монологе этого старика, словно рассчитан на сценическое воплощение. Обилие восклицательных предложений, жёстких риторических вопросов, использование многоточий – все эти средства художественной выразительности создают иллюзию гневного потока речи, высказывания на «повышенных тонах».

Персонажи рассмотренных стихотворений выступают как антиподы своих лирических двойников, выражающих светлое юношеское мирозерцание (например, в стихотворениях «Я, отрок, зажигаю свечи...» [Блок 1: 112], «Я и молод, и свеж, и влюблён...» [Блок 1: 114], «Вхожу я в тёмные храмы...» [Блок 1: 128] и др.). Причём эстетическая природа этих монологов стариков сложна, так как они реализуются одновременно в нескольких смысловых регистрах. Именно о такой многозначности («многострунности») образности как черте символистского мышления А. Белый говорил в письме к Блоку от 10 июня 1903 года: «...Быть многострунными наша прямая обязанность» [Белый и Блок: 53]. Вторую смысловую грань образов стариков, воплощённых в стихотворениях «Под старость лет, забыв святое...» и «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», Минц вполне доказательно связывает с художественной зашифровкой личности Д.С. Мережковского [Минц: 555]. Таким образом, Блок, подобно актёру или драматургу, вживается в душу другого человека и вводит в стихотворение ролевое начало. Проникновение в чужое сознание (в данном случае Мережковского) становится возможным для Блока в силу того, что в его творческой лаборатории активно действует процесс эмпатии, характерный для художественного мышления актёров, драматургов и режиссёров. Психологи, исследующие механизмы театрального перевоплощения, определяют эмпатию как «воображаемое перенесение себя в мысли, чувства и действия другого и структурирование мира по его образцу» [Басин: 249]. Но при этом в обоих блоковских

стихотворениях индивидуальность стариков соотносится не только с личностью Мережковского. Высокая степень объективированности, конкретности и достоверности переживаний, запечатлённых в монологах этих персонажей, сообщает их характерам большую самостоятельность, выталкивает героев в бытие, независимое и от сознания Блока, и от сознания Мережковского.

Отчётливая психологическая определённость, вполне реалистическая мотивированность чувств и мыслей стариков, выраженных в обоих монологах (особенно во втором стихотворении), достигнутая во многом за счёт использования в лирике театрального кода, – налицо. В результате в стихотворениях «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» и «Под старость лет, забыв святое...», благодаря «театрализации» лирического героя, возникает интерференция автопсихологических и ролевых элементов, а лирическая организация данных произведений приближается к модели intersubjectности [Бройтман: 211–282].

В обозначенную выше парадигму intersubjectности вписывается и монолог старика, созданный в стихотворении «Прошли года, но ты всё та же...» (1906), вошедшем в раздел второго тома «Разные стихотворения». Упомянутое блоковское произведение воспринимается во многом как полемическое опровержение стихотворений «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» и «Под старость лет, забыв святое...», поскольку духовный склад представленного в нём героя во многом противоположен характерам стариков-скептиков, разубедившихся в своей юношеской мечте. Но при этом его поэтика также сохраняет «театральную» природу. Обращаясь к своей любимой спутнице, с которой он шёл по жизни многие годы, старик признаёт, что сохранил к ней самые нежные чувства, что её присутствие рядом продолжает его радовать и восхищать:

Прошли года, но ты – всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я – склонён над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, –
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живём и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года... [Блок 2: 76].

Однако показательно, что в облике любимой женщины, о красоте которой герой говорит с волнением и восторгом, подчёркнуты вполне реальные, земные приметы: «лишь волосы немного глаже», «в них сверкает седина», «спокойный лик». В образе воз-

любленной, нарисованном стариком, нет и намёка на её причастность иным мирам. Да и собственный автопортрет герой рисует в сугубо реалистической манере, акцентируя в своей внешности весьма конкретные черты: «А я – склонён над грудой книжной, / Высокий, сгорбленный старик» [Блок 2: 76]. Получается, что и в этом монологе старика, подобно рассмотренным выше стихотворениям, высокие мистические переживания отнесены в область «воспоминаний», они ушли в прошлое. Неслучайно в качестве эпиграфа Блок выбирает строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Я знал её ещё тогда, / В те баснословные года...» (1861) [Тютчев: 205]. Несомненно, последняя строфа тютчевского произведения не только во многом предвосхищает мистику Вечной Женственности В.С. Соловьёва и младосимволистов в целом, но и предсказывает мотив ускользающей мистической любви, доминирующий в процитированном блоковском стихотворении:

Вся жизнь её тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда [Тютчев: 205].

Согласно философской концепции Блока, представленной в стихотворении «Прошли года, но ты всё та же...», в настоящий момент небесная сущность героини не только не проявлена, но даже утрачена. Она «сожжена» временем и навсегда запечатлелась лишь в воспоминаниях о «баснословных годах», просветляющих и подпитывающих душу старика:

Их светлый пепел – в длинной урне.
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней –
Дышать прошедшим на земле [Блок 2: 76].

Симптоматично, что и сами высокие воспоминания ассоциируются у героя со «светлым пеплом», заключённым в «длинную урну». «Лазурь», являющаяся знаком присутствия Вечной Женственности как в контексте поэтической традиции В.С. Соловьёва («Вся в лазури сегодня явилась...» (1975), «О, как в тебе лазури чистой много...» (1880)), так и в творческом сознании русских символистов в целом, здесь погружена во «мглу». Примечательно, что в последней строфе рассматриваемого стихотворения, по сути, намечаются образные контуры автобиографического мифа Блока [Магомедова], во многом перекликающегося с художественной концепцией А. Белого, развёрнутой в лирической трилогии, составленной из сборников «Золото в лазури», «Пепел» и «Урна». В размышлениях, предложенных Белым «вместо предисловия» к сборнику «Урна», он так характеризует этапы своей духовной эволюции: «В “Урне” я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому “я”. Мёртвое “я” заключаю в “Урну”, и дру-

гое, живое “я” пробуждается во мне к истинному. Ещё “Золото в лазури” далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...» [Белый: 15–16].

Мотив ностальгии по идеалу Вечной Женственности своеобразно репрезентируется также в стихотворении Блока «Двойник» (1909), входящем в цикл «Страшный мир» и в смысловом отношении, несомненно, логически продолжающем и развивающем мотивику стихотворений «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Под старость лет, забыв святое...» и «Прошли года, но ты всё та же...». В этом произведении также представлен монолог старика, пытающегося через воспоминание вырваться из времени и пространства «страшного мира», то есть безотрадного настоящего, в светлый мир прошлого, наполненного и одухотворенного стихией «музыки», преобразующей душу. Тайна мистической «музыки» в контексте первой строфы зашифрована Блоком в символической метонимии «напев»:

Однажды в октябрьском
Я брёл, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот, в непроглядном тумане
Возник позабытый напев [Блок 3: 9].

Как точно указывает Д.Е. Максимов, «герою стихотворения Блока вспоминается молодость, молодая любовь, чистота» [Максимов: 173]. Аналогичные мотивы звучат и в стихотворениях «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Под старость лет, забыв святое...», «Прошли года, но ты всё та же...». Все четыре стихотворения скрепляют лейтмотивы «тумана», «сна», «мечты», тоски по идеалу прекрасной возлюбленной. Возвращение к светлому чувству в стихотворении «Двойник», как и в трёх предыдущих, оказывается возможным только во сне, в состоянии сладких грёз, открывающих светлую потусторонность, которая была доступна лирическому субъекту в молодые годы:

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится,
А ты-то, вернёшься ли ты?) [Блок 3: 10].

Лирическое «я» в этом стихотворении раздроблено и существует в трёх обликах, трёх ипостасях: во-первых, это старик, пытающийся воскресить ушедшую гармонию через воспоминания; во-вторых – его антипод, то есть восторженный юноша, пленённый романтической мечтой; в-третьих – «двойник», оказывающийся посредником между полярными мирами и выступающий как воплощение отчаяния и без-

надёжности. Поэт с помощью меткого оксюморона характеризует психологическую сущность «двойника»: «стареющий юноша» [Блок 3: 10]. Именно он, по Блоку, оказывается носителем духовного гена «старости», которая в данном поэтическом контексте ассоциируется у поэта с разочарованием в высоком идеале, с неверием и цинизмом, а также с утратой радости бытия, дома, покоя и смысла жизни как такового.

В стихотворении «Двойник», как и во всех упомянутых ранее произведениях, категория старости соотносится Блоком не только с возрастом как особым временем жизни человека, но и с состоянием его души. Излёт бытия, духовное «увядание» и упадок чувств лирического героя иносказательно передаются поэтом посредством повтора и акцентирования элементов урбанистического пейзажа, создающих впечатление безотрадной осени: «октябрьский туман»; «непроглядный туман»; «ветер, дождь, темнота»; «ночь туманная»; «промоглый туман» [Блок 3: 9–10]. Подавленное настроение старика вполне сопоставляется с тоской и унынием, навеянным сырой петербургской погодой. Однако, в отличие от других стихотворений стихийно сложившегося в творчестве Блока ансамблевого единства (своеобразного поэтического микроцикла), объединённого образом старика, «театрализация» поэтики в «Двойнике» выливается лишь в создание «лирической маски» автора. «Многострунность» этого блоковского произведения определяется тоекратным перевоплощением лирического «я», но всё-таки она откровенно автопсихологична. Лирическая структура «Двойника» не содержит ролевого начала.

Таким образом, в поэтической системе Блока 1900-х гг. образ старика выполняет функцию интегратора, объединяя в рамках микроцикла несколько стихотворений. Он реализует свою семантику параллельно сразу в нескольких смысловых сферах. Во всех рассмотренных блоковских произведениях символ старика возникает как следствие «театрализации» лирического «я», персонифицирующей и зашифровывающей разные стороны авторского сознания. Соответственно, в текстовом пространстве всего ансамблевого единства образ старика оказывается «лирической маской» автора, его трагическим двойником, во многом выражающим личные переживания Блока и транслирующим идеи как «измены» мистическому идеалу Вечной Женственности, так и ностальгии по нему. При этом «театральность» поэтики наиболее ярко и отчётливо проявляется в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...». В этом лирическом монологе, словно рассчитанном на устное произнесение и сценическое воплощение, Блок активно углубляет психологизм в исповеди старика, используя приёмы, «театральные» по своей эстети-

ческой природе. Множество восклицательных предложений, категоричных риторических вопросов, обилие многоточий передают интонацию гнева и ярости персонажа, говорят о его мощном темпераменте.

Вместе с тем стихотворения «Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...» образуют интересную субъективную парадигму, поскольку их лирическая призма складывается из автопсихологического и ролевого компонентов. В этих стихотворениях образ старика обладает высокой степенью художественной обобщённости: он соотносится не только с личностью Блока и Мережковского, но и позволяет воспринимать персонажа как совершенно самостоятельно героя, обладающего неповторимым характером.

В стихотворении Блока «Двойник», во многом определяющем смысловую тональность третьего тома его лирики, образ старика сплавлен с другими воплощениями лирического «я» поэта, оказывающимися его двойниками. Он противопоставлен молодому влюблённому, преданному высокой мечте и возрождающемуся в его же собственном светлом сне, но в то же время связан со «стареющим юношей», предтечей своей духовной энтропии. В данном случае внедрение «театрального» кода в художественную структуру стихотворения подчиняется исключительно механизму создания «лирической маски». Объективация переживаний в рамках этого произведения не приводит к появлению ролевого субъекта.

Список литературы

- Басин Е.Я.* К вопросу о взаимоотношениях искусствознания и психологии художественного творчества // Актуальные вопросы методологии искусствознания. Москва: Наука, 1983. С. 237–264.
- Белый А.* Урна: Стихотворения. Москва: Гриф, 1909. 143 с.
- Белый А. и Блок А. Переписка. 1903–1919. Москва: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
- Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–8. Москва: Наука, 1997–2010.
- Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 307 с.
- Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Москва: Худож. лит., 651 с.
- Комментарии / Быстров В.Н., Гречишкин С.С., Грякалова Н.Ю. и др. // Блок А.А. Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1. Москва: Наука, 1997. С. 385–641.
- Коптелова Н.Г.* «Театрализация» лирического героя в поэзии А. Блока: генезис и способы художественного воплощения // Вестник Костромского государственного университета. 2019а. № 3. С. 107–112.
- Коптелова Н.Г.* Стихотворение А. Блока «Шаги Командора»: театральность поэтики // Верхневолжский филологический вестник. 2019б. № 2. С. 35–41.
- Коптелова Н.Г.* «Сценичность» лирики А. Блока 1900–1910 годов как особая форма «театральности» // Филологический класс. 2020. № 3. С. 48–58.
- Магомедова Д.М.* Биография и поэтика // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. Москва: Мартин, 1997. С. 5–59.
- Максимов Д.Е.* Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 152–182.
- Мицх 3.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // Александр Блок и русские писатели. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2000. С. 537–620.
- Седых Э.В.* К проблеме интермедальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3, ч. 2. С. 210–214.
- Тимашков А.Ю.* Интермедальность как свойство текста и как авторская стратегия // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 5. С. 366–368.
- Титаренко С.Д.* Интертекстуальность и интермедальность: проблемы репрезентации в поэтике русских символистов // Интертекстуальный анализ: принципы и границы / под ред. А.А. Карпова, А.Д. Степанова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 117–130.
- Титаренко С.Д.* Проблемы взаимодействия интертекстуальности в мифопоэтике русского символизма (от цитаты в тексте – к медиамифу) // Культура и текст. 2017. № 3. С. 54–73.
- Тишунина Н.В.* Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедального анализа: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 159 с.
- Тишунина Н.В.* Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Сер.: Symposium. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 12. С. 149–154.
- Тишунина Н.В.* Проблема взаимодействия искусств в литературе западноевропейского символизма // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы II науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.Ф. Лосева. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. С. 100–101.
- Тюпа В.И.* Художественный дискурс (введение в теорию литературы). Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 80 с.
- Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста А.А. Николаева, ред. В.С. Кисе-

лёв, вступ. ст. Н.Я. Берковского. Ленинград: Советский писатель, 1987. 446 с.

Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. Москва: Высшая школа, 2002. 437 с.

Ханзен-Леве О.А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. Москва: Рос. гос. гуманитарный университет, 2016. 503 с.

References

Basin E.Ja. *K voprosu o vzaimootnoshenijah iskusstvoznaniya i psichologii hudozhestvennogo tvorcestva* [To the question of the relationship between art history and the psychology of artistic creativity]. *Aktual'nye voprosy metodologii iskusstvoznaniya* [Actual questions of the methodology of art history]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 237–264. (In Russ.)

Belyj A. *Urna: Stihotvorenija* [Urn: Poems]. Moscow, Grif Publ., 1909, 143 p. (In Russ.)

Belyj A. *i Blok A. Perepiska. 1903–1919* [Correspondence. 1903–1919]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 1–8*. [Complete works and letters: in 20 vols. Vols. 1–8]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2014. (In Russ.)

Brojtman S.N. *Russkaja lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoj pojetiki. Sub'ektno-obraznaja struktura* [Russian lyrics of the XIXth – early XXth centuries in the light of historical poetics. Subject-shaped structure]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 1997, 307 p. (In Russ.)

Brjusov V.Ja. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., vol. 6, 651 p. (In Russ.)

Kommentarii [Comments], Bystrov V.N., Grechishkin S.S., Grjakalova N.Ju. et al. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1, Poems, iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., pp. 385–641. (In Russ.)

Koptelova N.G. «Teatralizacija» liricheskogo gerolja v poezii A. Bloka: genezis i sposoby hudozhestvennogo voploshhenija [“Theatricalization” of the lyrical hero in the poetry of A. Blok: the genesis and methods of artistic embodiment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchno-metodicheskij zhurnal* [Vestnik of Kostroma State University], 2019a, № 3, pp. 107–112. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Stihotvorenije A. Bloka «Shagi Komandora»: teatral'nost' pojetiki* [A. Blok's poem “Commander's Steps”: theatricality of poetics]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2019b, № 2, pp. 35–41. (In Russ.)

Koptelova N.G. «Scenichnost'» liriki A. Bloka 1900–1910 godov kak osobaja forma «teatral'nosti» [“Theatricalization” of the lyrical hero in the poetry of A. Blok: the genesis and methods of artistic embodiment]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2020, № 3, pp. 48–58. (In Russ.)

Magomedova D.M. *Biografija i pojetika* [Biography and poetics]. Magomedova D.M. *Avtobiograficheskij mif v tvorcestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical myth in the work of Alexander Blok]. Moscow, Martin Publ., 1997, pp. 5–59. (In Russ.)

Maksimov D.E. *Ob odnom stihotvorenii («Dvojniki»)* [About one poem (“Double”)]. Maksimov D.E. *Pojezija i proza Al. Bloka* [Poetry and prose by Al. Blok]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1981, pp. 152–182. (In Russ.)

Minc Z.G. *Blok v polemike s Merezhkovskimi* [Blok in polemic with the Merezhkovskys]. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000, pp. 537–620. (In Russ.)

Sedyh Je.V. *K probleme intermedial'nosti* [On the problem of intermediality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9, Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 9, Philology. Oriental studies. Journalism], 2008, iss. 3 (part 2), pp. 210–214. (In Russ.)

Timashkov A.Ju. *Intermedial'nost' kak svojstvo teksta i kak avtorskaja strategija* [Intermediality as a property of the text and as an author's strategy]. *Vestnik Orlovskogo gos. universiteta. Ser. Novye gumanitarnye issledovanija* [Bulletin of the Oryol State University. Ser. New Humanitarian Research], 2011, № 5, pp. 366–368. (In Russ.)

Titarenko S.D. *Intertekstual'nost' i intermedial'nost': problemy reprezentacii v pojetike russkikh simvolistov* [Intertextuality and Intermediality: Problems of Representation in the Poetics of Russian Symbolists]. *Intertekstual'nyj analiz: principy i granicy* [Intertextual Analysis: Principles and Limits], ed. by A.A. Karpova, A.D. Stepanova. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2018, pp. 117–130. (In Russ.)

Titarenko S.D. *Problemy vzaimodejstvija intertekstual'nosti v mifopojetike russkogo simvolizma (ot citaty v tekste – k mediamifu)* [Problems of Intertextuality Interaction in the Mythopoetics of Russian Symbolism (From Quotation in the Text to Media Myth)]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], 2017, № 3, pp. 54–73. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Zapadnoevropejskij simvolizm i problema sinteza iskusstv: opyt intermedial'nogo analiza: monografija* [Western European symbolism and the problem of the synthesis of arts: an experience of intermedial analysis: a monograph]. Saint-Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 1998, 159 p. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Metodologija intermedial'nogo analiza v svete mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Methodology of Intermedial Analysis in the Light of Interdisciplinary Research]. *Metodologija gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka: K 80-letiju professora Moiseja Samojlovicha Kagana: materialy mezhdunar. nauch. konf. 18 maja 2001 g. Ser.: Symposium* [Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century. On the 80th Anniversary of Professor Moisei Samoylovich Kagan: Proceedings of the International Scientific Conference. May 18, 2001. Ser. Symposium]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2001, iss. 12, pp. 149–154. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Problema vzaimodejstviya iskusstv v literature zapadnoevropejskogo simvolizma* [The problem of the interaction of arts in the literature of Western European symbolism]. *Sintez v russkoj i mirovoj hudozhestvennoj kul'ture: materialy II nauch.-prakt. konf. posvjash. pamjati A.F. Loseva* [Synthesis in Russian and world artistic culture: materials II scientific and practical conference dedicated to the memory of A.F. Losev]. Moscow, Mosk. ped. gos. un-t Publ., 2002, pp. 100–101. (In Russ.)

Тюпа В.И. *Hudozhestvennyj diskurs (vvedenie v teoriju literatury)* [Artistic discourse (introduction to the theory of literature)]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ., 2002, 80 p. (In Russ.)

Тютчев Ф.И. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems], comp., prep. of the text by A.A. Nikolaeva, ed. by V.S. Kiselev, introductory article by N.Ya. Berkovsky. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1987, 446 p. (In Russ.)

Halizev V.E. *Teorija literatury: uchebnik* [Theory of literature: textbook]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2002, 437 p. (In Russ.)

Hanzen-Leve O.A. *Intermedial'nost' v russkoj kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde]. Moscow, Ros. gos. gumanitarnyj universitet Publ., 2016, 503 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 09.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

К МОТИВУ КАТАБАСИСА В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, vla-kolchanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Косякова Светлана Александровна, кандидат филологических наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, kosyackova.svetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8602-7076>

Аннотация. Целью работы является анализ мотива катабасиса в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца». Это актуально именно сейчас, когда в российском литературоведении намечаются тенденции изучения мотива катабасиса в творчестве русских писателей как частного случая мифологемы мировой литературы и культуры в целом. Предметом исследования стало рассмотрение этого мотива в качестве приема пародии, создающей в повести уникальную сатирическую палитру социально-политической жизни страны в эпоху революции и диктатуры пролетариата. Поэтому методология статьи включает, наряду с традиционными историко-культурным и мифопоэтическим подходами, политический комментарий. В результате к анализу привлекаются источники из разных гуманитарных сфер человеческой деятельности: художественной литературы, историографии, культурологии, театра, религии, магии и магической дисциплины нумерологии. Наибольшее внимание среди них сосредоточено на церемониальной античной, западноевропейской и русской деревенской магии, драме И.В. Гете «Фауст», скандинавских и карело-финских рунах. Особое место отводится прототипу главного персонажа В.И. Персикова В.И. Ленину как спародированному объекту нарождающегося художественного течения советской литературы – Ленинианы. Рамки художественной системы повести Булгакова «Роковые яйца» определяются как постсимволизм.

Ключевые слова: катабасис, теургия, магия, нумерология, пародия, аллюзия, Лениниана.

Для цитирования: Колчанов В.В., Косякова С.А. К мотиву катабасиса в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 117–126. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-117-126>

Research Article

THE CATABASIS MOTIF IN «THE FATAL EGGS» BY MIKHAIL BULGAKOV

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philological Sciences, Derzhavin Tambov State University, vla-kolchanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Svetlana A. Kosyakova, candidate of Philology, Derzhavin Tambov State University, kosyackova.svetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8602-7076>

Abstract. The aim of the article is to analyse the motif of *catabasis* in “The Fatal Eggs” by Mikhail Bulgakov, which seems to be up-to-date, because the literary study of nowadays focuses on studying the mentioned motif in the works of both Russian and foreign writers. The researchers tend to interpret it as an important part of world literature (and world culture in general) mythologeme. In the article, we study the catabasis motif as a travesty that helps the writer to draw the satirical picture of social and political situation that took place in Russian after October Revolution and during the proletariat dictatorship period. In our research, we use not only mythopoetic approach to the literary works or traditional historical and cultural methods of text interpretation; we rather claim that it is of great importance to give some political commentaries on Mikhail Bulgakov’s writing and to draw information from various sources – fiction (for example, a tragic play “Faust” by Johann Wolfgang von Goethe), historiography, cultural studies, religion, numerology and magic of different kinds. These include ancient ceremonial magic; the magic of Western Europe; the magic of Scandinavian and Karelian-Finish runes; the magic that is popular in the Russian villages. In addition, we give the detailed analysis of the main character’s prototype. There are many burlesque parallels between the image of Vladimir I. Persikov and Vladimir I. Lenin, the key figure of Leninian, that would be an important artistic trend of the Soviet literature, but at that time it was only emerging. We characterise “The Fatal Eggs” as a post-symbolistic novella.

Keywords: catabasis, theurgy magic, numerology, parody, allusion, Leninian.

For citation: Kolchanov V.V., Kosyakova S.A. The catabasis motif in «The Fatal Eggs» by Mikhail Bulgakov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 117–126. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-117-126>

*Как сон, пройдут дела и помыслы людей,
Забудется герой, истлеет мавзолей,
И вместе в общий прах сольются.*

Н. Минский. 1887

Среди сюжетов мировой художественной литературы и эпического фольклора существует мифологема о спуске в подземное пространство, преисподнюю или на дно морское. Практически всегда для героев такой спуск преследовал одну из трех целей: заполучить спрятанный там дар богов – средство, дарующее мудрость, богатство, красоту и бессмертие, приобрести знания о тайнах вселенной или вызволить из смертельного плена своего горячо любимого родственника. Называется он катабасис (греч. «κατάβασις – спуск в ад»). Катабасис осуществляли герои Античности и Средневековья, герои Ренессанса и Нового времени. Использовался он и используется до сих пор в литературе модернизма и постмодернизма¹.

Широкое распространение термин «катабасис» получил в последние века существования Римской империи и в Византии. Но понимание его было разным и даже противоположным. В культуре позднего Рима катабасис на правах составной части входил в магический обряд, совершаемый во имя обожествления жрецов и императоров. Неофит («посвящаемый», избраннык богов) испытывал в нем трансформацию личности и удостоивался встречи с богами-защитниками и повелителями стихий (Осирис, Плутон, Персефона, Дионис-Загрей). Чтобы запустить трансформацию, теургу (магу-неоплатонику) требовались место (портал), атрибуты (знаки), аксессуары (дополнительные предметы); чтобы в дальнейшем управлять процессом, нужны были мифологические персоны (стражи порогов и проводники), вызванные путем заклинаний из преисподней и хорошо знакомые с дорогой обратно. Византия получила это теургическое наследие античности, разрушила его и из обломков сформировала новое религиозное мировоззрение [Доддс, Петров]. В христианстве катабасис из общения теурга и неофита с волей подземных богов превратился в общение с бесами, в трудный путь «мытарств», чинимых душе «гарпиями», «ангелами экстаза» и преодоление преград и таможен, «восхищением души» (выделено нами. – В.К., С.К.) [Флоренский]. По словам о. П. Флоренского, человек, обучаясь правильно умирать, подробно знакомился с «загробной географией» [Флоренский].

Безусловно, литературные произведения древности существенно отличались от теургии, они подчиня-

лись художественному замыслу писателя и композиции, а не правилам и последовательности магических церемоний жрецов-философов. В них присутствовали собственная фантазия, социально-политический подтекст, воспитательная идея. Само содержание и характер литературных произведений были адресованы не только касте жрецов и императорам, но и рядовым гражданам. В произведениях, в которых катабасис занимал ведущее место в жизни героев («Одиссея» Гомера, «Лягушки» Аристофана, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Апулея, «Деяния Диониса» Нонна Панополитанского, «Житие Василия Нового» Григория, «Божественная комедия» Данте и др.), имелись авантюрно-приключенческая фабула, сказочный сюжет и чаемый катарсис.

Термином «катабасис» мы и воспользуемся, чтобы описать происходящее в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца». Тем более что теургия вновь громко заявила о себе на закате еще одной империи – «Третьего Рима». Появились новые философы, политические деятели и «поэты-жрецы», перенесшие теургию в сферу звука, слова, социума и власти. Ведущие философы (Вл. Соловьев и Вяч. Иванов), композиторы и художники (Н. Скрябин и М. Чюрленис), поэты (А. Блок и А. Белый), большевики-богостроители (А. Луначарский и А. Богданов), мощное сектантское движение в народе (хлыстовство и скопчество) – восприняли теургию как выход за пределы социума, как воссоединение «падшего Адама» с волей Абсолюта и переделку человечества согласно представлениям о совершенстве и идеале. Жизнь попытались изменить средствами искусства, а для этого апробировали не только театр-храм, но и пространство городской площади: от попыток постановок пьес-мистерий С. Радловым до грандиозных спектаклизированных демонстраций трудящихся.

В рамках темы не будем забывать и тот немаловажный факт, что после катабасиса социального – революции и Гражданской войны – художественно-философский мотив от «символистов» и «богостроителей» перешел к писателям-модернистам 1920-х годов. На катабасисе строились многочисленные литературные произведения: «Мы» Е.И. Замятина, «Чевенгур» А.П. Платонова, сказки Е.Л. Шварца и другие. Будучи по своей сути постсимволистскими произведениями и одновременно социально-политической сатирой,

они, безусловно, не отражали явлений серьезного религиозного характера и не стремились к поддержанию мифа, задачи их были совершенно обратные – средствами мифа разрушить миф, демифологизировать сложившиеся представления об идеальном политике, народном вожде или государстве, не обожествлять, а титанизировать их, сбросить с высоты небесной или пьедестала земного в подземные чертоги. В сатирическом плане высмеять, спародировать. Для этого требовалась игра в религиозные «осколки», во фрагменты «тайного знания», в аллюзии на различные магические практики. В этом ключе шло обыгрывание и общего для вышеназванных произведений знаменателя – катабасиса.

В мифопоэтическом универсуме булгаковской повести можно выделить по крайней мере трех основных носителей катабасиса: античную, западноевропейскую и русскую церемониальную магию. Дифференциации они поддаются нелегко, зачастую проникают друг в друга, но между тем создают ту неповторимую притягательность, блеск и флёр, которые зачаровывают читателя и подвигают его к ироническому восприятию действительности. Мы попытаемся выделить эти церемониалы параллельно тому, как будем рассматривать элементы катабасиса.

В качестве портала, мистериума, входа в мифическое пространство Булгаков избрал универсальное средство – распятие: оно служит и порталом, и атрибутом, и аксессуаром одновременно. В композиционном плане повести ему отводится роль художественного обрамления, завязки и развязки действия, в пародийном оно понимается как аллюзия на языческое и христианское распятия:

«Персиков живо сполз с табурета, бросил кремальеру на полдороге и, медленно вертя в руках папиросу, прошел в кабинет ассистента. Там, на стеклянном столе, полузадушенная и обмершая от страха и боли лягушка была распята на пробковом штативе, а ее прозрачные слюдяные внутренности вытянуты из окровавленного живота в микроскоп» [Булгаков: 49];

«Искаженные лица, разорванные платья запрыгали в коридорах, и кто-то выстрелил. Замелькали палки. Персиков немного отступил назад, прикрыл дверь, ведущую в кабинет, где в ужасе на полу на коленях стояла Марья Степановна, распростер руки, как распятый...» [Булгаков: 114]

Зооморфная форма первой картины распятия в повести относится к векам более ранним, чем христианство. В языческие времена распинаемый бог, покидая землю, уходил в подземные, хтонические пласты и превращал жертвенный акт в смену границ своего нуминозного влияния.

Жертвенный акт становился мистерией, религиозным обрядом и празднеством в честь бога, а местом, где проводился обряд, всегда служил водный подпочвенный слой, граница суши и воды – зона подтопле-

ния земли рекой, озером, болотом или просто берег. Мистерии, посвященные изменениям прав и статуса богов, доносятся до нас известными языческими мифами об умирающих и воскресающих богах растительного и животного происхождения: египетским мифом об Осирисе, разрубленном в дельте Нила, греческим мифом о Дионисе, растерзанном титанами в болотах, фригийским мифом о Сабазии и другие. Все эти персоны – подземные, «языческие христы» [Робертсон: 62–70], принявшие на себя функцию инициаторов в загробный мир, вожатых, посвящающих душу в тайны рождения и смерти. Отсюда и появляется в повести аллюзия на катабасис в образе распятой амфибии, представительницы подпочвенного, пограничного мира.

Подобным образом сконструировано и распятие главного героя повести «Роковые яйца». В рамках церемониальной процедуры профессор Персиков – это активный демиург и радикальный трикстер, запустивший ошибку в божественную систему, устоявшийся миропорядок, вступивший в контакт с темным хтоническим миром. Жертвы дохристианских мистерий – распятые подземные боги, впусившие когда-то ошибку в мир, оказываются сродни новой жертве – в роли распинаемого бога выступает такой же безумный демиург, «чудак зоолог», а участниками варварской церемонии распятия – советская столица, народ, страна, государство.

Катабасис включает и образ «Морозного бога на машине», сценического *Deus ex machine* древних греков. Как и в античной драме, этот бог вмешивается в церемонию черной, подземной, вредоносной магии, не допускает анабасиса демиурга, следовательно, церемония прерывается, и прежнее состояние мира восстанавливается.

К числу аллюзий на катабасис, относящихся к разряду теургии античности, принадлежат и другие художественные детали. Имя Панкрата, нового сторожа зоологического института, отсылает к имени греческого бога и стража леса Пана. Оно образовано путем соединения двух греческих слов: Пан («др.-греч. Πάν – бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы») + крат («κράτος – власть, правление, господство»); можно провести параллель между главным магическим аксессуаром бога Пана – цевницей (свирелью) и флейтой А.С. Рокка. Именно на такой волшебной флейте магический манипулятор вызывает из хтонических подземелий водяную змею анаконду, напоминающую первого стража порога из «Египетской книги мертвых» – змея Апе-пу. Для заклинаний подбираются и соответствующие мелодии: на первую, «хрупкую трель» птички и «голос страстной Полины» из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» змея приманивается (привораживается), на вторую мелодию – вальс из оперы

«Евгений Онегин» – отманивается (отвораживается), или, говоря современным языком, останавливается и перепрограммируется. Поэтому маг остается нетронутым, а глаза змеи «загораются непримиримой ненавистью» ко всему земному, и в первую очередь к земной Афродите – идущей купаться «необыкновенной толщины» «мечтательной» «мадам» Мане, сошедшей с земного Олимпа – со ступеней дворца графов Шереметевых. Кстати сказать, и движение Мани по направлению к пруду и «купаленке» напоминает о богине. Этимология ее имени, считают классические филологи, восходит к термину «пено-рожденная» (от греч. слова 'αφρός – «пена»), а другое ее имя Анадиомена переводится как «появляющаяся на поверхности моря» [Афродита: 132]. Об изначальном влечении богини – манере глядеться в зеркало и любоваться своей красотой – свидетельствует метафора в купальной сцене «гладь пруда».

К местам обитания греческого бога Пана относится практически все пространство зоологического института с его лесными обитателями: «кроликами, лисицами, волками, рыбами» и «ужами». Но маркирует оно не только одного Пана и пространство его владений. Залы-террариумы концентрируют мысль читателя вокруг того страшного места в лесу, где производится ночной обряд и где начинался греческий катабасис – территория болота. На лесное болото, сырой почвенный, эпихтонический слой указывают все объекты пристального профессорского интереса: Суринамская жаба, лягушки, различные отряды «голых гадов» и калоши.

В земледельческой религии Афин пересекалось такое место обитания бога Пана со священной территорией Диониса Лимнейского (Болотного). Здесь располагался его храм, здесь, в окружении сатиров, совершали его распятие безумные и опьяненные жрицы-менады, отсюда бог вина и священного безумия спускался к Аиду, преодолевая многочисленные пороги и выполняя функцию психопомпа (проводника). Являясь одновременно «богом театра», обладая актерскими способностями, он и стражей порогов обманывал театральным способом – путем переодевания. Например, в комедии греческого драматурга Аристофана «Лягушки», пройдя веселый и стройный хор лягушек-мистов, бог вступал во владения Плутона и озорничал перед его слугой – переодевался то в одежду Геракла, то в одежду собственного слуги.

Поэтому, думается, именно в Диониса Лимнейского превращается Персиков в данном фрагменте повести:

«На стареньком автомобиле с Пречистенки выехали трое. Двое пьяненьких и на коленях у них ярко раскрашенная женщина в шелковых шароварах по моде 28-го года.

– Эх, папаша! – крикнула она низким сиповатым голосом. – Что ж ты другую-то калошу пропил!

– Видно, в “Альказаре” набрался старичок, – завыл левый пьяненький, правый высунулся из автомобиля и прокричал:

– Отец, что, ночная на Волхонке открыта? Мы туда!

Профессор строго посмотрел на них поверх очков, выронил изо рта папиросу и тотчас забыл об их существовании. На Пречистенском бульваре рождалась солнечная прорезь, а шлем Христа начал пылать. Вышло солнце» [Булгаков: 52–53].

Особо следует подчеркнуть, что в данном случае дионисийская церемония произошла, и произошла самым благополучным, театральным способом. В отрывке выделяются последние, запоздалые участники пьяной процессии – менада, окруженная сатирами (наглая, развязная женщина с «низким сиповатым голосом» и двумя пьяными молодыми людьми); ночное время действия, заканчивающееся рассветом и восходом солнца, виноградный венок Диониса («шлем Христа»), безумие Диониса (беспамятство Персикова), опьянение Диониса («калошу пропил»), момент переодевания Диониса (Персиков с одной калошей в руке), воскурения в честь Диониса (выроненная папироса), психопомпные способности Диониса (направление пьяной компании в «ночную на Волхонке») и место действия – дорога с болотной поляны («Пречистенского бульвара») в чашу леса («завыл левый пьяненький», отправление в ресторан на Волхонке (читай: к волкам, к растерзанию, к волчьему пиршеству, на Волконку)).

Между тем следует заметить, что заканчивается повесть уже не игровой, театральной, дионисийской церемонией, а самой настоящей дикой, кровавой оргией, первобытным распятием-растерзанием. Не только бог-демиург, но и бог-страж подвергаются чудовищной телесной трансформации. Даже Марья Степановна, верная прислужница Персикова, повторив первоначальный цикл дионисийских менад, завершает его посреди неандертальской расправы, знаменующей спуск в Тартар, к титанам, к сыновьям древнего, как первобытная материя, античного Хаоса:

«Но Панкрат никого уже не мог выгнать. Панкрат с разбитой головой, истоптанный и рваный в клочья, лежал недвижимо в вестибюле, и новые и новые толпы рвались мимо него, не обращая внимания на стрельбу милиции с улицы.

Низкий человек, на обезьяньих кривых ногах, в разорванном пиджаке, в разорванной манишке, сбившейся на сторону, опередил других, дорвался до Персикова и страшным ударом палки раскроил ему голову. Персиков качнулся, стал падать на бок, и последним его словом было:

– Панкрат... Панкрат...

Ни в чем не повинную Марью Степановну убили и растерзали в кабинете, камеру, где потух луч, разнесли в клочья, в клочья разнесли террарии, перебив и истоптав обезумевших лягушек, раздробили стеклянные столы, раздробили

рефлекторы, а через час институт пылал, возле него валялись трупы, оцепленные шеренгой вооруженных электрическими револьверами, и пожарные автомобили, насыщая воду из кранов, лили струи во все окна, из которых, гудя, длинно выбивалось пламя» [Булгаков: 114].

За античным текстом в структуре повести сквозит не менее интересный и не менее обширный теургический пласт – текст европейской магии и оккультизма: современная эзотерическая наука нумерология, северные мистерии и руны, алхимическое чернокнижие.

Нумерология прочитывается в самом начале повести и связана с прототипом Владимира Ипатьевича Персикова и его биографией. Было давно замечено, что прототипом «ученого чудака» является вождь революции и первый руководитель социалистического государства В.И. Ленин [Соколов: 606–618; Яблоков: 12, 30, 43], поэтому к найденным штрихам можно добавить следующие. В историческом плане отчество Ипатьевич относит нас к подвалу хорошо известного дома инженера Ипатьева, где, по некоторым сведениям, по приказу Ленина была расстреляна царская семья, а в нумерологическом ключе писатель педантирует мысль о слиянии образа профессора Персикова с Лениным посредством номеров трамваев 16, 22, 48, 53, «с гулом и скрежетом скатывающихся с Герцена к Моховой», то есть по спуску, вниз, к зоологическому институту, к лесному почвенному слою, покрытому мхом. Номера трамваев повторяют подвижные, нумерологические сигнатуры (личные, судьбоносные вехи, как они называются в магии) в жизни Ильича. Номер 16 обозначает возраст Ульянова-гимназиста в момент вынесения судом (16–20 апреля 1887 года) смертного приговора старшему брату Александру, родовой стресс, психическую травму, вызвавшую после казни решение «идти другим путем». Номер 22 символизирует возраст вступления в социал-демократическую партию: в автобиографиях Ленин неоднократно указывал, что «в партии с 1893 года» [Владимир Ульянов]. Номер 48 знаменует возраст получения тяжелого ранения отравленной пулей, и номер 53 – возраст смерти.

Следом за нумерологией в тексте повести можно увидеть элементы северной традиции. Они по-своему преобразуют знаменитую черту ленинского портрета: привычку щурить правый глаз в минуту наибольшего внимания. Персиков «щурит глазки» как существо ночного, подземного мира, а правый, «гениальный глаз», увидевший в окуляре «цветной завиток, похожий на женский локон», может привлечь наше внимание к источнику порчи – к подземному миру Хэль и к хозяйке самой глубинной области рунических подземелий – мертвой вельве. В результате ее посвящения спустившийся в этот северный тартар бог Один терял свой правый глаз, обретая мудрость, знания, способность странствовать сквозь время и пространство и преобразовать мир.

Как и преобразование, северные церемонии включают рождение нового мира. На магическую работу Ленина-Персикова по рождению нового мира намекает «перевранная» газетой фамилия Персикова «Певсиков». И вот почему. «16 апреля... вечером» (а с этой даты начинается действие в повести) Ленин, как известно, из Швейцарии через Германию и Финляндию в plombированном вагоне с группой революционеров прибыл в Петроград на Финляндский вокзал. Если привлечь в качестве аллюзии к данному факту карело-финский эпос, то фамилию Певсиков можно рассматривать не только как намек на картавость вождя, но и как произошедшую от слова «певец»; «певец» и Финляндский вокзал в совокупности отсылают еще к одному топосу северных мистерий – начальную, отправную карело-финскую руну, в которой старый и мудрый теург-певец Вяйнямейнен своим чарующим пением создает мир из яйца, снесенного на его колене уткой. Утку также можно заметить в тексте произведения, правда, предстает она тоже в пародийном ключе – превращается в самую настоящую газетную пропагандистскую утку. 17 апреля (то есть на следующее утро, если следовать логике «Роковых яиц») Ленин, как известно, на собрании большевиков произнес знаменитые Апрельские тезисы, а спустя 3 дня – 20 апреля – опубликовал их в газете «Правда»: (в повести этот срок и сама газета отражаются в аллюзии «в течение трех вечеров на скорую руку написав брошюру: “Об изменениях печени у кур при чуме”»).

Некоторые предметы в институте Персикова выглядят как аксессуары северной традиции в черной магии. Они усиливают гибельность обрядового места действия: вертепа, болота, темного непроходимого леса. Поэтому следует сказать о них по отдельности. Во-первых, это черные шторы, опускаемые Персиковым в периоды опытных сеансов, – в магии они служат драпировками, за которыми прячутся спиритические феномены. Во-вторых, зеркала камеры. Они создают симпатический эффект: снимают барьер между миром живых и миром мертвых, служат проводниками, наделяют сверхспособностями, парализуют волю и наводят на душу первобытные оцепенение и страх. В-третьих, чужие волосы, выраженные в такой детали, как «цветной завиток, похожий на женский волос». В магии волосы, тем более длинные женские, парализуют разум, крадут душу и наносят смертельную порчу. «Душа находится в волосах», – говорили древние и принимали постриг, а женщин заставляли прятать волосы под платок. В процедурах черной магии волосы сжигали и подмешивали в пищу, хоронили в кладбищенскую землю или делали из них амулет. Волосы оказывались опасными и в алхимии: в бесполой, бездетной, полузатворнической жизни средневековых магов-чернокнижников, оперирующих с миром подземных и подводных га-

дов, женский волос сигнализировал настоящий «огнь адов» – шабаш, любовь и притязания женских обитателей северного инферно – наяд и валькирий.

Последние существа нам кажутся весьма активными, если принять во внимание то обстоятельство, что касаются они не только чудесного открытия, увиденного сквозь призму «женского волоса», но и событий интимных в жизни Персикова как мага и черно-книжника. Они появляются уже в 5-й главе «Куриная история». В начале главы описывается куриная порча, распространяющаяся из женской «трудовой куроводной артели», далее, перед сном, происходит телефонный разговор с «женским голосом, предложившим профессору, если он желает жениться на вдове интересной и пылкой, квартиру в семь комнат», – возможный намек на славянский фольклорный образ «семи трясавиц» [Зеленин: 228–233] – сестер-лихорадок, а в заключении уже практически открыто указывается на инфермальную область женской северной магии. Из «радиоприемника у директора су-конного треста, принявшего вагнеровский концерт в Большом театре», прилетают «вопли Валькирий», и, как свидетельствует либретто оперы, эти существа вполне вписываются в пространственный и временной континуум текста. Если, по мифу, валькирии обитали в горных чертогах, то в повести, уже в шутку, находятся там же – «летят» с «верхнего этажа»; если в мифе они служат «предвестницами смерти», то и здесь предрекают скорую смерть герою. Есть и другие причины появления «воплей Валькирий». Они, можно так выразиться, с одной стороны, завершают неприятности от непрошенных за день гостей, с другой – довершают накопившееся за жизнь раздражение против женского пола: целых пятнадцать лет проходит с того момента, как жена профессора «сбегает от него с тенором оперы Зимина» и «поступает» «в оперетку». Заметим мимоходом, что и известие о смерти жены за границей приходит в знаменательный день – день начала народной гибели, народного бедствия, вражеского нашествия – согласования с Рокком деталей операции по выведению цыплят из яиц.

Безусловно, эта и подобные аллюзии являются глубокой иронией писателя, но в то же время они свидетельствуют о полной свободе и широте творчества, непонятной для непосвященного демоса, для массового читателя, для страны, предназначенной к новой участи – где «кухарку каждую выучат управлять государством» [Маяковский: 285] и где голоса советского радио («суконного комбината») станут аналогией «голосов» в магии, «звон», услышав который человек становится одержимым, идет на зов смерти, и никто не в состоянии удержать его.

Еще большим сарказмом веет там, где зеркало северной традиции отражает внешность прототипа

Персикова. Она напоминает внешность злого подземного карлика-нибелунга Альбериха, одного из центральных персонажей оперы-тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» («пролог» «Золото Рейна», оперы «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»), куда входила опера «Валькирия». Собственно, и завязка «Кольца нибелунга», и его идея целиком были связаны с Альберихом, укравшим у русалок спрятанное на дне Рейна «проклятое золото». Вся история постройки Валгаллы начиналась из-за золота Альбериха. Таким золотом в раме мифа о России становилось золото, отпущенное немецким руководством на революцию, а роль маленького нибелунга Альбериха (аналогичного «земному духу» Гете или «маленькому лысому человеку» «церемониальной магии» [Холл: 364]) ложилась, таким образом, на Ленина, имевшего невысокий рост. К портрету Альбериха с проекцией на портрет Персикова/Ленина относится и любимая Персиковым Суринамская жаба, – она отражает способность гнома в «Золоте Рейна» скрываться от опасности, превращаясь в жабу.

К северной традиции можно отнести знаменитую немецкую фамилию Вагнер. Она мерцает не только сквозь авторство «Кольца нибелунга», но и напоминает о герое мистерии И. Гете «Фауст». И здесь в сферу европейской магии и оккультизма вновь попадает ее черно-книжие, называемое в Средневековье алхимией. Главные герои драмы – друзья-черно-книжники Фауст и Вагнер – являются, в сущности, прообразами Персикова. Фауст открывает красный луч и проводит с ним эксперимент, Вагнер создает, по сути, первый в мире искусственный интеллект и смертоносное оружие – «в образе людском огонь».

Стоит сказать о каждом изобретении подробнее, так как они имеют много общих деталей и вкуче составляют оккультный замысел «Роковых яиц». Общие детали имеются в первом действии драмы «Фауст» под названием «Ночь» и в 3-й главе «Роковых яиц» «Персиков поймал». В драме врач-алхимик, вызывая ужасного демона церемониальной магии, использует в качестве портала потолок, в качестве магической силы красный луч и в качестве психического состояния – свою отчаянную готовность к самоотравлению. В повести фактически происходит то же самое. Персиков в окуляр микроскопа ловит с потолка от электрического шара красный луч и «отравляется сотой папирсой».

Сходен и хронотоп завязок. В драме он разворачивается ночью в кабинете ученого накануне праздника Христовой Пасхи. События в повести также начинаются в кабинете ученого – профессора Персикова – 16 апреля, то есть как раз накануне Светлого Христова Воскресенья (в 1928 году Пасха праздновалась 17 апреля).

Сравним два фрагмента из драмы и повести:

«Фауст»:

«(С досадою перевертывает страницу и видит знак
земного духа.)

Я больше этот знак люблю.
Мне дух земли родней, желанней.
Благодаря его влиянию
Я рвусь вперед, как во хмелю.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! **Красный луч скользит
Вкруг моего чела.**
**А с потолка,
Бросая в дрожь,
Пахнуло жутью замогильной!**
Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.
Явись! Явись!
Как сердце ноет!
С какою силою дыханье захватило!
Все помыслы мои с тобой слились!
Явись! Явись!
Явись! Пусть это жизни стоит!
(выделено нами. – В. К., С. К.)» [Гете: 24].

«Роковые яйца»:

«Когда профессор приблизил свой гениальный глаз к окуляру, он впервые в жизни обратил внимание на то, что в разноцветном завитке особенно ярко и жирно выделялся один луч. **Луч этот был ярко-красного цвета и из завитка выпал, как маленькое острие, ну, скажем, с иголку,** что ли.

Просто уж такое несчастье, что на несколько секунд луч этот приковал наметанный взгляд виртуоза.

В нем, в луче, профессор разглядел то, что было в тысячу раз значительнее и важнее самого луча, **непрочного дитяти,** случайно родившегося при движении зеркала и объектива микроскопа» [Булгаков: 53].

«Газ тихонько шипел в горелке, опять по улице шаркало движение, и профессор, **отравленный сотой папиросою,** полускрыв глаза, откинулся на спинку винтового кресла.

– Да, теперь все ясно. Их оживил луч. Это новый, не исследованный никем, никем не обнаруженный луч. Первое, что придется выяснить, это – получается ли он только от электричества или также и от солнца, – бормотал Персиков самому себе.

И в течение еще одной ночи это выяснилось. В три микроскопа Персиков поймал три луча, от солнца ничего не поймал и выразился так:

– Надо полагать, что в спектре солнца его нет... гм... ну, одним словом, надо полагать, что добыть его можно только от электрического света. – Он **любовно поглядел на мато-**

вый шар сверху, вдохновенно подумал и пригласил к себе в кабинет Иванова. Он все ему рассказал и показал амеб.

Приват-доцент Иванов был поражен, совершенно раздвоен: как же такая простая вещь, как эта тоненькая стрела, не была замечена раньше, черт возьми!» (выделено нами. – В. К., С. К.) [Булгаков: 54].

Как можно убедиться при сопоставлении двух отрывков, все три художественные детали – красный луч около чела, объект под потолком и отравление героев – совпадают, с единственной разницей, что булгаковские коннотации носят явно пародийный характер. Более того, Булгаков, как нам кажется, «испытывая страх влияния» великого предшественника, разворачивает свою «карту перечитывания» [Блум], если воспользоваться понятийным аппаратом американского литературоведа Х. Блума. Пародируя постреволюционную реальность путем отсылок к тексту первоисточника, он дополняет пространство фаустианы средневековыми представлениями. В мышлении его героя присутствует важная схоластическая аллюзия на предмет спора о строении мира и происхождении вещей. Профессорский «луч... из завитка выпадающий, как маленькое острие, ну, скажем, **с иголку** (выделено нами. – В. К., С. К.)» [Булгаков: 53] (в другом месте: «шкаф в 12 полок, уходящий в потолок и битком набитый книгами. Затем, конечно, камеры, в которых, как в аду, мерцал малиновый, разбухший в стеклах луч. И сам Персиков в полутьме у острой **иглы** луча (выделено нами. – В. К., С. К.)» [Булгаков: 81]) выглядит далеко не фантастикой, если вставить его в раму средневековой философии. «Оживляющий» жестоких и кровожадных амеб, он отсылает к теме многочисленных богословских трактатов, не упомянутой Гете: «Сколько чертей может уместиться на кончике иглы». Не упомянутой, по всей вероятности, потому, что в эпоху Просвещения подобные темы игнорировали; недаром обличитель крепостничества в России А.Н. Радищев счел нужным свести подсчет чертей к перифразе: «Сколько на игольном острии может уместиться душ» [Радищев: 261].

Сквозь призму драмы Гете просматривается и такое свойство ума адептов алхимии, как приравнивание исходных и получаемых продуктов химической реакции к интимным отношениям между полами. Химический синтез, называющийся в «Фаусте» «связью в браке» («Там звали «лилиею» серебро, // «Львом» – золото, а смесь их – связью в браке. // Полученное на огне добро, // «Царицу», мыли в холодильном баке» [Гете: 41]), отражает процесс так называемой «алхимической свадьбы» в Средневековье с участием «жениха», «невесты» и других «химических» элементов. Поэтому, вероятно, в вышеприведенном отрывке из 3-й главы «Персиков поймал» красный луч назван «непрочным дитятей, случайно родившимся при движении зеркала и объектива

микроскопа», а главой ранее Персиков заносит руку над лучом «с микроскопом» с характерным жестом: «...Так, словно мать над дитятей». Последняя метафора еще более тесными узами связывает «Роковые яйца» с драмой Гете. «Дитятей» у немецкого поэта называется «лучистый гном» Гомункул, «папенькой» – получивший его в алхимической лаборатории «подручный» Фауста Вагнер.

Представитель нового поколения чертей, «в образе людском огонь» Гомункул, уничтожается в драме немецкого поэта античным миром богов и философов методом растворения в водной стихии. В повести Булгакова новые «черти», выведенные в лаборатории Персикова, также уничтожаются античным миром. Deus ex machine древних греков в русском варианте «Морозного бога на машине» разлагает «непрочные созданыя гнилостных жарких тропических болот» по «лесам, полям, необозримым болотам». Иными словами, по мысли Булгакова, «лучистый» «дитятей» Персикова, изобретенный еще в лаборатории алхимиков и переселенный посредством «дворцов-совхозов» советскими доморощенными материалистами-философами в крестьянскую земляную стихию, способен натворить намного больше бед, чем искусственное чадо чернокнижника.

Но вернемся в зону лесного болота, с которой мы начали экскурс в мир колдовства и магии. В пространстве «необходимого болотистого леса»² как точку отправления катабасиса, можно было попасть и через русскую деревенскую магию; в ней существует свой портал, или врата мистериума. И открывает их все тот же зоологический сторож Панкрат, чтобы одновременно выступить в качестве Стража духовного порога – объявить профессору о посетителях загробного мира.

По всему миру – от античной мифологии до шаманских мистерий – таким стражем являлась собака. Поэтому поселен Панкрат в сакральном месте русской деревенской магии – в крестьянском дворе и хлеву. Во 2-й главе «Цветной завиток» Булгаков контаминирует не только начало Великой алхимической работы мага и чернокнижника Персикова, но и начало черной работы колдуна в скоплении скота, пробуждение демонов порчи в домашних животных:

«Приступил к важной и таинственной работе. Стеклянным колпаком накрыл микроскоп. На синеватом пламени горелки расплавил кусок сургуча и края колокола припечатал к столу, а на сургучных пятнах оттиснул свой большой палец. Газ потушил, вышел и дверь кабинета запер на английский замок.

Полусвет был в коридорах института. Профессор добрался до комнаты Панкрата и долго и безуспешно стучал в нее. Наконец за дверью послышалось **урчанье как бы цепного пса, харканье и мычанье**, и Панкрат в полосатых подштанниках, с завязками на щиколотках пред-

стал в светлом пятне. Глаза его дико уставились на ученого, он еще легонько **подвывал** со сна.

– Панкрат, – сказал профессор, глядя на него поверх очков, – извини, что я тебя разбудил. Вот что, друг, в мой кабинет завтра утром не ходить. Я там работу оставил, которую сдвигать нельзя. Понял?

– **У-у-у**, по-по-понял, – ответил Панкрат, ничего не поняв. Он пошатывался и **рычал**.

– Нет, слушай, ты проснись, Панкрат, – молвил зоолог и легонько **потыкал Панкрата в ребра**, отчего у того на лице получился испуг и некоторая тень осмысленности в глазах. – Кабинет я запер, – продолжал Персиков, – так убирать его не нужно до моего прихода. Понял?

– Слушаю-с, – **прохрипел** Панкрат.

– Ну вот и прекрасно, ложись спать (выделено нами. – В. К., С. К.)» [Булгаков: 51–52].

В плане русской деревенской магии интересно имя первого сторожа зоологического института Власа. Причина его смерти – «от бескормицы» – обряда также зоологическим образом. И это вносит мощную струю комической стихии в повесть, так как время христианского Власа (или святого Власия) выпадает на Новый год (1 января) и ложится на праздник святок с его культом обжорства, весельем и расточительностью, – поэтому по русскому народному поверью считалось, что «как встретишь новый год, так его и проведешь». Русский православный святой Власий – это еще и старый славянский бог леса, пастбищ и подземного мира Волос (Велес), на место которого встал христианский Власий [Яблоков: 22], также отвечающий за богатство и изобилие в доверенной ему зоне. Между тем смерть бога – это смерть и созданного им мира: «По смерти Власа окна в институте промерзли насквозь, так что цветистый лед сидел на внутренней поверхности стекол. Издохли кролики, лисицы, волки, рыбы и все до единого ужи» [Булгаков: 47].

Таким образом, катабасис, использованный в качестве игрового, постмодернистского приема, еще раз говорит о нем как о средстве сатиры. Мифологема обернулась пародией на внутреннюю политику «первого в мире социалистического государства» и биографию его основателя – В.И. Ленина. В годы смены хозяйственно-экономических парадигм и начавшегося процесса сакрализации вождя под названием Лениниана писатель Булгаков предложил иной взгляд на существующую действительность. Воспитанный всей предшествующей культурой, обогащенный знаниями, которые накопило человечество, он аллегорически представил революцию и последующий за ней ход реформ как работу магов и чернокнижников, эпических плутов и демиургов, налаживающих спуск в преисподнюю. «Сатирический удар» оказался нанесенным с трех сторон: со стороны античной культуры, европейской мистики и русской колдовской

практики. Только пропущенный через такое трехмерное магическое решето, текст мог быть напечатан, распространен и «даже в 1930 г. оставаться одним из наиболее спрашиваемых произведений в библиотеках» [Соколов: 617]. Приведись ему выделиться из спектра «магического кристалла», он неминуемо попал бы в разряд «пасквильной сатиры на покойного вождя и коммунистическую идею в целом» [Соколов: 613], а сам автор немедленно был бы выброшен из советской истории.

Примечания

¹ См., напр., статью О. Ронена о катабасисе у акмеистов [Ронен].

² Ср.: В письме к Андрею Белому от 6 июня 1911 года, в пору серьезного увлечения мистерией, Блок признавался: «...Таков мой *путь* – что теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе – «*трилогия вочеловечения*» (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и... – к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал, вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души). Отныне я не посмею возгордиться, как некогда, когда, неопытным юношей, задумал тревожить темные силы и уронил их на себя» [Блок: 193].

Список литературы

- Афродита // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Москва: Сов. энциклопедия, 1991. С. 132–135.
- Блок Александр. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Письма. Ленинград: Худож. лит., 1983. 424 с.
- Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания / пер. с англ. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 352 с.
- Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Москва: Худож. лит., 1989. 751 с.
- Гете И.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Фауст: Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака / под общ. ред. А. Аникста, Н. Вильмонта; коммент. А. Аникста. Москва: Худож. лит., 1976. 510 с.
- Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2003. 320 с.
- Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н.И. Толстого; подг. текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. Москва: Индрик, 1995. 432 с.
- Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. Москва: Госиздат, 1957. С. 231–309.

Петров А.В. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ; Изд. дом СПбГУ, 2003. 413 с.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 503 с.

Робертсон Дж. Первоначальное христианство / пер. с англ. А. Рановича. Москва: Атеист, 1930. 169 с.

Ронен Омри. Катабасис // Звезда. 2010. № 7. С. 222–230.

Соколов Б.В. Булгаков: Энциклопедия. Москва: Эксмо: Алгоритм: Око, 2005. 607 с.

Флоренский о. Павел. «Человек умирает только раз в жизни...» // Тибетская книга мертвых. Санкт-Петербург: Амфора, 1999. С. 166–167.

Холл М.П. Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической, Каббалистической и Розенкрейцеровской Символической Философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех стран. Санкт-Петербург: СПИКС, 1994. 792 с.

Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. 196 с.

Владимир Ульянов (Ленин). Документы. Факты. Свидетельства. Исследования. URL: <http://www.erochtimes.ru/content/view/2603/34/> (дата обращения: 15.03.2022).

References

- Afrodita [Afrodita]. *Mify narodov mira: Jenciklopedija: v 2 t. T. 1* [Myths of the World: Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Sov. jenciklopedija Publ., 1991, pp. 132-135. (In Russ.)
- Blok Aleksandr. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 6. Pis'ma* [Complete works: in 6 vols. Vol. 6. Letters]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1983, 424 p. (In Russ.)
- Blum H. *Strah vlijanija. Karta perechityvanija*, trans. by S.A. Nikitina [The Anxiety of In-fluence. A Map of Misreading]. Ekaterinburg, Ural. un-t Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)
- Bulgakov M.A. *Sobr. soch.: v 5 t. T. 2* [Complete works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1989, 751 p. (In Russ.)
- Dodds Je.R. *Jazychnik i hristianin v smutnoe vremja. Nekotorye aspekty religioznych praktik v period ot Marka Avrelija do Konstantina* [Pagan and Christian in an Age of Anxiety. Some aspects of religious experience from Marcus Aurelius to Constantine]. Saint Petersburg, Gumanitarnaja akademija Publ., 2003, 320 p. (In Russ.)
- Florenskij o. Pavel. «*Chelovek umiraet tol'ko raz v zhizni...*» [Once in a Lifetime One Dies]. *Tibetskaja kniga mertvyh* [The Tibetan Book of the Dead]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 166-167. (In Russ.)

Gete I.V. *Sobr. soch.: v 10 t. T. 2. «Faust». Tragedija* [Complete works: in 10 vols. Vol. 2. Faust: A Tragedy], trans. B. Pasternaka, ed. by A. Anikst, N. Vil'mont, comment. A. Anikst. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1976, 510 p.

Holl M.P. *Jenciklopedicheskoe izlozhenie Mazonsoj, Germeticheskoj, Kabbalisticheskoi i Rozenkrejcerovskoj Simvolicheskoi Filosofii. Interpretacija Sekretnyh uchenij, skrytyh za ritualami, allegorijami i misterijami vseh stran* [Encyclopedic exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian Symbolic Philosophy. Interpretation of the Secret Teachings hidden behind the rituals, allegories and mysteries of all countries]. Saint Petersburg, SPIKS Publ., 1994, 792 p. (In Russ.)

Majakovskij V.V. *Vladimir Il'ich Lenin* [Vladimir Ilyich Lenin]. *Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 6* [Complete works: in 13 vols. Vol. 6]. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, pp. 231-309. (In Russ.)

Petrov A.V. *Fenomen teurgii: Vzaimodejstvie jazycheskoj filosofii i religioznoj praktiki v jellinisticheskoro-rimskij period* [“Theurgy Phenomenon: Pagan Philosophy and Religious Practice of the Hellenistic Period”]. Saint Petersburg, RHGI Publ., SPbGU Publ., 2003, 413 p. (In Russ.)

Radishhev A.N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [A Journey from St. Petersburg to Moscow]. *Poln. sobr. soch.: v 3 t. T. 1* [Complete works: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1938, 503 p. (In Russ.)

Robertson Dzh. *Pervonachal'noe hristianstvo* [The Origins of Christianity], trans. by A. Ranovicha. Moscow, Ateist Publ., 1930, 169 p. (In Russ.)

Ronen Omri. *Katabasis* [Katabasis]. *Zvezda* [Star], 2010, № 7, pp. 222-230. (In Russ.)

Sokolov B.V. *Bulgakov: Jenciklopedija* [Bulgakov: Encyclopedia]. Moscow, Jeksmo Publ., Algoritm Publ., Oko Publ., 2005, 607 p. (In Russ.)

Jablokov E.A. *Motivy prozy Mihaila Bulgakova* [To the Motives of M. Bulgakov's Proze]. Moscow, RGGU Publ., 1997, 196 p. (In Russ.)

Zelenin D.K. *Oчерки russkoj mifologii: Umershie neestestvennoju smert'ju i rusalki* [Essays on the Russian Mythology: the Water-Nymphs and Those Whose Death Was Unnatural], vstup. st. N.I. Tolstogo, podg. teksta, komment., ukazat. E.E. Levkievskoj. Moscow, Indrik Publ., 1995, 432 p. (In Russ.)

Vladimir Ul'janov (Lenin). *Dokumenty. Fakty. Svidetel'stva. Issledovanija* [Vladimir Ulyanov (Lenin). Documents. Facts. Evidence]. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/2603/34/> (access date: 15.03.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 127–133. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 127–133. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 069.4

EDN OQIJSY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-127-133>

МУЗЕЙНОЕ УСАДЬБОВЕДЕНИЕ: СОЗДАНИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Скороходов Максим Владимирович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, msk2002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

Аннотация. Литературные музеи-заповедники и музеи-усадьбы рассматриваются в статье как основа для создания достопримечательных мест, благодаря которым сохраняются и воссоздаются литературные ландшафты. Важно сберечь не только усадебные комплексы, в которых жили и работали писатели, но и окружающие усадьбы территории. Помещичьи усадьбы и расположенные в непосредственной близости от них крестьянские дворы, предметы быта, природные ландшафты, местная топонимика, история места жительства – все это было актуально для писателей с детства, сохранялось в их памяти, оказывало существенное влияние на их творчество, на особенности образной системы. В качестве литературных ландшафтов рассматриваются также музеефицированные усадьбы, являвшиеся в свое время культурными центрами с театрами и музыкантами, куда съезжались как соседи, так и писатели, деятели культуры.

Ключевые слова: русская усадьба, русская литература, музей-заповедник, источники творчества, достопримечательное место, литературный ландшафт.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Скороходов М.В. Музейное усадебоведение: создание достопримечательных мест как способ сохранения литературных ландшафтов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 127–133. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-127-133>

Research Article

MUSEUM HOMESTEAD SCIENCE: LANDMARKS AS A WAY TO PRESERVE LITERARY LANDSCAPES

Maxim V. Skorokhodov, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, msk2002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

Abstract. Literary museum-reserves and manor museums are considered in this article to be the basis for creating landmark sites, thanks to which literary landscapes are preserved and reconstructed. It is important to preserve not only the manor complexes where writers lived and worked, but also the territories surrounding the manor houses. Estates and surrounding farmsteads, household items, natural landscapes, local toponymy, history of the place of residence – all this was relevant to the writers since their childhood, was preserved in their memory and had a significant influence on their work and the peculiarities of their image system. As literary landscapes are also considered museum-like manors, which were once cultural centres with theatres and musicians, where neighbours, writers and cultural figures came together.

Keywords: Russian estates, Russian literature, museum-reserve, sources of creativity, landmark place, literary landscape.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Skorokhodov M.V. Museum homestead science: landmarks as a way to preserve literary landscapes. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 127–133 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-127-133>

Музеи, прежде всего обладающие достаточно большими территориями музей-заповедники и музей-усадьбы, сохранили многие уникальные объекты русской усадебной культуры. И не только сохранили, но во многих случаях в результате грамотной научной реставрации в них были воссозданы утраченные здания и интерьеры. Благодаря разнообразным интерактивным программам, литературным праздникам, которыми славятся музеифицированные усадьбы, они, как и прежде, становятся значимыми культурными центрами. Музей-заповедники сделали русские усадьбы объектами показа, включили их посещение в туристические маршруты, заинтересовали достаточно широкие круги посетителей усадебной культурой, которая впитала в себя многовековые традиции русского дворянства.

Отечественные музей-заповедники, сохраняющие усадебные комплексы, довольно разнообразны. Среди них есть усадьбы, посвященные композиторам, но и они могут рассматриваться в качестве литературных ландшафтов, поскольку именно здесь художественные тексты были положены на музыку. Например, Музей-усадьба М.И. Глинки в деревне Новоспаское Ельнинского района Смоленской области. Это музеифицированное родовое имение Глинок, в котором родился и провел первые 17 лет жизни М.И. Глинка, позднее часто приезжавший в родное гнездо. В память о великом русском композиторе ежегодно в конце мая – начале июня на Смоленщине проводится музыкальный фестиваль им. М.И. Глинки, который традиционно завершается в Новоспаском. Эта старинная усадьба имеет и литературную составляющую. Среди трехсот-вековых деревьев усадебного парка сохранился дуб-исполин, под которым М.И. Глинка работал над партитурой оперы «Руслан и Людмила». Отметим, что в круг общения композитора входили многие писатели, в числе которых В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, А. Мицкевич и Н.В. Гоголь.

Несколько усадебных комплексов образуют Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского (Московская область). Музеифицированный мемориальный дом с усадебными постройками и парковой зоной, расположенный в Клину, последнее место жительства композитора в Подмосковье, – основа созданного в 1894 г. музея. С 1885 г. П.И. Чайковский жил в расположенных недалеко от этого места усадьбах Майданово, Демьяново и Фроловское, которые в настоящее время входят в состав музейного комплекса. Со значительными перерывами Чайковский провел на Клинской земле восемь лет, уехав отсюда за несколько недель до кончины. Отметим, что Чайковский не был владельцем ни одной из названных усадеб, он снимал их на время, т. е. выступал в роли дачника (конец XIX – нача-

ло XX вв. – период, когда дачи все более широко распространялись в окрестностях столичных городов). Только после смерти композитора его родные выкупили усадьбу для создания первого в России мемориального музыкального музея. Брат композитора М.И. Чайковский завещал музей Русскому музыкальному обществу. Многие из созданных или завершенных в этих местах произведений П.И. Чайковского, среди которых оперы «Иоланта», «Чародейка», «Черевички», «Пиковая дама», балет «Щелкунчик», основаны на литературных первоисточниках.

Есть несколько музеев-заповедников, которые в силу своего географического положения объединяют памятные места, связанные как с писателями, так и с другими известными людьми. К их числу относится Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока, также находящийся в Московской области. наших соотечественников, которым посвящен музей, объединяют и родственные узы: как известно, А.А. Блок был женат на дочери Д.И. Менделеева. Две усадьбы – Шахматово и Боблово – связывали дороги, которые восстановлены теперь в качестве экологических троп. Сохранившееся незастроенное пространство между названными усадьбами (благодаря этому из музейного объекта – дома Ильина в Боблове – видна церковь в Тараканове вблизи Шахматова) уникально, частично оно оберегается благодаря наличию особо охраняемого водного объекта областного значения – долины реки Лутосня. Ряд программ объединенного музея посвящен усадебной культуре, например экскурсия «Традиции русской усадьбы. Прогулки с собаками», программа «Верховая езда в усадьбе».

Развитие музейной территории позволит восстановить частично утраченные связи между Бобловым и соседними усадьбами. Наиболее важны для биографии и творчества поэта нижняя и верхняя «Блоковские» дороги Тараканово – Боблово и «Блоковская» дорога Боблово – Спас-Коркодино. Рядом – Рогачевское шоссе – топоним, встречающийся у А.А. Блока под текстом датированного июлем 1905 г. стихотворения «Осенняя воля»:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты [Блок: 2, 62].

Андрей Белый узнал в этом блоковском пейзаже знакомые и ему пространства – литературный ландшафт: «шоссе меж Москвою и Клином; вокруг косогоры, пласты желтой глины и кучи шоссейного щебня, покрытые белым крестом; здесь, по клинско-московской дороге, я мальчиком гуливал; и собирал битый камень: под Клином... бывал я в Нагорном; бывали и Блоки в Нагорном, – посередине дороги, меж Клином и Шахматовым» [Белый: 239].

Через несколько десятилетий А.А. Ахматова напишет в «Трех стихотворениях» (1944):

И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

[Ахматова: 93].

Как видим, один и тот же литературный ландшафт по-своему преломляется в творчестве разных авторов.

Как топоним, как место создания отдельных произведений и поэтических книг А.А. Блок неоднократно упоминает Шахматово. Его поэтические строки связаны с литературным ландшафтом усадьбы Шахматово и ее окрестностями. Например, стихотворение «Полный месяц встал над лугом...», под которым – помета: «Июль 1898. С. Шахматово»:

Жутко выйти на дорогу,
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждой былинкой
Жизнь кипит [Блок: 1, 14].

Отметим, что литературным ландшафтом является не только Шахматово и пространство между ним и соседней усадьбой, но и само Боблово. Причем «литературность» этого пространства стала проявляться еще в первой половине XIX в., задолго до приобретения усадьбы Д.И. Менделеевым. Усадьба, которой с 1817 г. по 1861 г. владел князь Е.А. Дадьяни (Дадьян), была культурным центром. В числе гостей князя, круглогодично проживавшего в усадьбе, были литератор и меломан П.И. Шаликов, переводчик, надворный советник, друживший с Бетховеном виолончелист Б.Е. Герсеванов, родственник владельца усадьбы поэт Д.В. Давыдов и др. В усадебном доме устраивались литературные и музыкальные вечера. Развивался при Дадьяни и культурный ландшафт: был высажен прекрасный сад, разбит парк с вязовой аллеей, обустроены пруды.

В то время, когда усадьба Боблово принадлежала Д.И. Менделееву, ее окрестности еще более преобразились. Великий химик приобрел имение (на паях с Н.П. Ильиным) в 1865 г., спустя четыре года после отмены крепостного права, и, пользуясь этой благоприятной ситуацией, занялся экспериментами в сельском хозяйстве. При поддержке Вольного экономического общества ученый с 1867 г. проводил на своих опытных полях различные эксперименты с применением минеральных удобрений, что позволило значительно повысить урожайность зерновых культур. Д.И. Менделеев внедрял новаторские идеи в земледелии, разрабатывал методологию полевых работ, занимался разведением и изучением молочного скота, переработкой молочной продукции. Территории,

на которых применялись новаторские методики, сохранились, и в планах музея-заповедника – воссоздание фрагментов не только культурного и литературного, но и сельскохозяйственного ландшафта. Такой комплексный подход к наследию крайне важен и актуален, так как позволит дать максимально полное представление об усадебных комплексах на мемориальный период.

Еще один яркий пример комплексного подхода к сохранению и изучению усадебного наследия – развитие Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» (Смоленская область). Его основатель и первый генеральный директор В.Е. Кулаков возродил находившуюся в полном запустении и частично руинированную родовую усадьбу Грибоедовых, в которой прошли детские и юношеские годы драматурга. Изучение окрестных историко-культурных и литературных ландшафтов, архивных и иных документов и материалов позволило установить, что Хмелита была при Грибоедовых не только культурным центром (был усадебный театр и выступал цыганский хор), здесь также активно развивалось хозяйство. В «Экономических примечаниях Генерального межевания по Смоленской губернии» за 1781 г. отмечено, что в Хмелите работали «кондитеры, водошники... кузнецы, слесари, столяры, кухмистеры, ткачи, которые работают немецкие скагерти, живописцы, золотари, лаковщики, переплетчики, седельники, сапожники, башмачники, портные мужские и женские, межники, ружейники, колесники, штукатурщики, каменщики, плотники, печники, пивовары, бердовщики, суконщики, свечники, оконщики, бочкари, кирпичники, кожевники, да женского мастерства золотошвей манжетные и кружевные плетошницы. Всеми вышеописанными людьми производится работа для господского домашнего расхода» [Низовский: 213]. При усадьбе был конный завод, в прудах разводили рыбу. Владельцы Хмелиты были всегда рады гостям. «В усадьбе бывали Барышниковы, Шереметевы, Нарышкины, Уваровы, Одоевские, Васильчиковы, Нахимовы, Хомяковы и многие другие. Для проживания гостей выделялся отдельный флигель» [Кулакова: 53]. В нескольких километрах от Хмелиты находится село Григорьевское, принадлежавшее во времена Грибоедовых их родственникам Лыкошиным, с представителями которых в период жизни в усадьбе тесно общался А.С. Грибоедов. Усадебный комплекс в Григорьевском, в котором неоднократно бывал будущий драматург, частично сохранился (два здания винокурного завода, фрагменты регулярного парка с аллеями, руинированная Преображенская церковь, различимы фундаменты некоторых других строений), в планах музея-заповедника – восстановление исторической тропы, по которой ходил к соседям А.С. Грибоедов.

В окрестностях Хмелиты, в селе Липицы, расположен частично сохранившийся усадебный комплекс: два флигеля, парк, церковь Преображения Господня с кладбищем, некоторые усадебные здания. Это значимый для Смоленской области литературный ландшафт: имение принадлежало одному из основоположников славянофильства поэту и публицисту А.С. Хомякову, в гостях у которого бывал поэт Н.М. Языков. Усадьба включена в туристические маршруты.

Еще одна особенность музея-заповедника «Хмелита» состоит в том, что его территория включает места, связанные с биографией адмирала П.С. Нахимова (здесь он родился и был крещен, сохранилась могила его матери, в 2002 г. в селе Хмелита в одной из исторических служебных построек открыт музей, посвященный адмиралу). Более того, музей-заповедник «Хмелита» сохраняет память о советских войнах, героически сражавшихся в октябре 1941 г. с немецко-фашистскими захватчиками (создан Мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле», а в селе Богородицкое в восстановленном усадебном флигеле – музей «Богородицкое поле», филиал музея-заповедника).

Несколько лет назад была разработана документация для создания в Вяземском и Новодугинском районах Смоленской области достопримечательного места «Хмелита и окрестности». Реализация этого проекта позволит сохранить литературные, культурные и исторические ландшафты, связанные с известными людьми и значимыми историческими событиями.

Однако большинство музеев-заповедников России не столь многообразно по тематике, как рассмотренные выше, хотя у каждого из них есть своя специфика. Большая часть музеев-заповедников нашей страны посвящена писателям: Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина (Большие Вяземы Московской области), Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино» (Нижегородская область), Музей-заповедник «Полотняный Завод» (Калужская область), Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова (Пятигорск Ставропольского края), Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» (Пензенская область), Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг» (Брянская область), Музей-заповедник «Усадьба “Мураново” им. Ф.И. Тютчева» (Московская область), Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» (Орловская область), Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха» (Ярославская область) и целый ряд других.

Для примера кратко охарактеризуем как литературный ландшафт Государственный музей-заповедник С.А. Есенина (Рязанская область), ставший основой для создания достопримечательного места «Есенинская Русь». В качестве наиболее важного мемориального пространства села Константиново в 1965 г. была музеефицирована крестьянская усадьба Есениных с возведенным вскоре после трагической гибели поэта домом. Позднее экспозиции развернулись в помещичьем доме, принадлежавшем во времена С.А. Есенина сначала московскому купцу И.П. Кулакову, потом его дочери Л.И. Кашиной, а затем национализированном. Расположенная здесь экспозиция – «Музей поэмы “Анна Снегина”» – один из первых в нашей стране музеев одного произведения. Константиновская помещичья усадьба, по сути использовавшаяся в качестве дачи, – значимый литературный ландшафт. И для этого есть несколько оснований. Во-первых, в числе «постоянных гостей хозяйки» были «поэты Ефим Янтарев (литературный псевдоним Ефима Львовича Бернштейна, 1880–1942) и Николай Михайлович Мешков (1885–1947). Близким другом Кашиной был Иван Николаевич Худолев (1875–1932) – артист и режиссер Малого театра, а с 1916 г. – и актер немого кино» [Государственный музей-заповедник: 112]. Бывал в усадебном доме и С.А. Есенин, более того, в сентябре 1918 г. он помог спасти от разорения усадьбу. «Однажды вечером Сергей и мать ушли на собрание, – вспоминала сестра поэта Екатерина. – Вернулись они вместе поздно, и мать говорила Сергею:

– Она [Л.И. Кашина. – М. С.] тебя просила, что ль, заступиться?

– Никто меня не просил, но ты же видишь, что делают? Растащат, разломают все, и никакой пользы, а сохранится целиком, хоть школа будет или амбулатория. Ведь ничего нет у нас! – говорил Сергей. <...>

Через год в доме Кашиной была открыта амбулатория, а барскую конюшню переделали в клуб» [Есенина Е.А.: 49–50]. После этого случая С.А. Есенин вместе с Л.И. Кашиной отправился на пароходе из Константинова в Москву, а затем некоторое время проживал в московской квартире помещицы [Летопись: 150–151]. Во-вторых, Л.И. Кашиной посвящено датированное 15 августа 1918 г. стихотворение С.А. Есенина «Зеленая прическа...», а сама помещица – один из прототипов главной героини есенинской поэмы «Анна Снегина».

Таким образом, вполне оправдано как размещение литературной экспозиции в помещичьем доме, так и включение всего усадебного пространства в музейный комплекс. Поскольку константиновская усадьба (сначала дворянская, а в конце XIX – начале XX вв. купеческая) связана как с биографией, так и с творчеством великого русского поэта, она является лите-

ратурным ландшафтом, требующим не только сохранения, но и восстановления. И эта задача успешно выполняется. К 125-летию со дня рождения С.А. Есенина, которое отмечалось в 2020 г., на усадебной территории были восстановлены и музеефицированы утраченные объекты. В помещении бывшего каретного двора, восстановленного по типологическим проектам с учетом обнаруженных фотографий, разместился современный и достаточно просторный выставочный зал. В перспективе здесь планируется оборудовать постоянную экспозицию литературного музея, посвященного биографии и творчеству С.А. Есенина (концепция экспозиции разработана нами и утверждена ученым советом музея-заповедника в 2019 г.). Воссозданная оранжерея со стеклянными стенами и потолком выполняет свои исторические функции и является объектом экскурсионного показа. В амбаре работает выставка, посвященная 400-летней истории села Константиново, также восстановлена баня. В саду, как и при последней владелице усадьбы, разбит цветник, плодоносят яблони, растут характерные для усадебных парков деревья.

Как и во времена поэта, в селе действующий Казанский храм, восстановлены дом приходского священника отца Иоанна Смирнова, который крестил С.А. Есенина, учил его и принимал в гостях (здесь работает экспозиция «Дом священника И.Я. Смирнова»), земская школа – место учебы Сергея (в школе действует историческая экспозиция, воссоздан мемориальный есенинский класс).

Сохранена традиционная планировка Константинова и соседних селений. «Широкой прямой улицей пролегло наше село, насчитывающее около шестисот дворов, вдоль крутого, холмистого правого берега Оки, – вспоминала сестра поэта Александра. – Не прерывая этой улицы, подошла вплотную к Константинову деревня Волхона, а дальше – большое село Кузьминское. Проезжому человеку, не живущему в этих местах, не понять, где кончается одно село и где начинается другое. Эта улица тянется на несколько километров» [Есенин А.А.: 55].

До середины 2010-х гг. ряд проблем, ограничивавших развитие есенинского мемориального комплекса, был связан с крайне малой территорией: музей-заповедник занимал лишь фрагмент центральной части Константинова, а также небольшой участок в районном центре Спас-Клепики Рязанской области, где работает его филиал. У музея-заповедника были охраняемые зоны, площадь и очертания которых неоднократно менялись. При этом продолжалась застройка как самого Константинова, так и его окрестностей домами, в которых использовались современные материалы, появлялось все больше зданий, не гармонизировавших с визуальным восприятием сельской улицы. В результате под угрозой искажения или даже

уничтожения находились многие важные элементы литературного ландшафта. В связи с этим были проведены довольно сложные и продолжительные работы, завершившиеся созданием достопримечательного места федерального значения «Есенинская Русь». Этот условный топоним создан по модели С.А. Есенина, написавшего в 1924 г. маленькие поэмы «Русь советская», «Русь неприютная» и «Русь уходящая». Достопримечательное место, площадь которого составляет около 460 кв. км, включает в себя конкретные объекты, где бывал поэт, дороги, по которым он часто ездил или ходил пешком, отправляясь из Константинова в Спас-Клепики, Рязань и Москву, территории, связанные с его творчеством, селения, жители которых стали прототипами героев произведений поэта. Достопримечательное место включает территорию 42 населенных пунктов, в которых зафиксировано 780 ценных объектов историко-градостроительной среды (постройки традиционного типа, характерные для мемориального периода, в основном деревянные дома, построенные в конце 1950-х – начале 1970-х гг., с традиционной планировкой), памятники археологии, историко-культурные ландшафты, особо охраняемые природные территории и другие объекты. Предметом охраны является исторически сложившийся культурный ландшафт с явно выраженной природной основой, формирующий образ есенинской Руси: живописный сельский ландшафт средней полосы России с сохранившейся системой расселения и традиционным природопользованием [Скороходов: 77–78].

Напомним, что на территории, включенной в «Есенинскую Русь», в конце XIX – начале XX вв. находилось несколько помещичьих усадеб: уже упоминавшаяся константиновская, в соседнем селе Кузьминское – усадьбы Кропоткиных и Голицыных (сохранились только фрагменты парка; такая же ситуация с усадьбой Грене в Аблове), в Костино – усадьба Никитинских (руинирована, сохранились остатки парка), усадьбы в Летове и в окрестностях села Истобники утрачены полностью.

Приведенный пример свидетельствует о том, что сочетание музейной работы с деятельностью по созданию достопримечательных мест и соблюдению введенных ими ограничений на современное строительство позволяет сохранить и в значительной степени возродить литературные ландшафты, сделать их объектами показа, что крайне важно не только для широкого круга любителей отечественной литературы и истории, но и для специалистов, изучающих творческое наследие и биографии писателей.

Отметим, что достопримечательные места создаются и на основе других литературных музеев-заповедников. Так, в 2013 г. на базе музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» было создано «Досто-

примечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области». Достопримечательное место «Щельково» (Островский район Костромской области) создано в 2016 г. на базе Государственного мемориального и природного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково». Успешно развивается образованное на основе Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна») «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого, – усадьба Ясная Поляна и ее окрестности, первая половина XIX в. – начало XX в.» (Тульская область).

Одними из важнейших предметов охраны на территориях достопримечательных мест являются различные элементы ландшафта, который применительно к литературным музеям-заповедникам и музеям-усадьбам с полным правом можно считать литературным. В частности, охране на территориях достопримечательных мест подлежат: исторические дороги, историческая планировка и застройка населенных пунктов, красные линии и линии застройки, визуальные связи между объектами, панорамные точки, с которых раскрываются виды на значимые объекты достопримечательного места, исторические архитектурные и градостроительные доминанты, гармонирующие с рельефом и природным ландшафтом, местоположение и состав растительности, границы полей, лугов, лесополос, озер, рек, планировка дорог, аллей и тропинок, конфигурация береговых склонов, система оврагов, ландшафты поймы.

Комплексный подход к развитию музеефицированных литературных усадеб путем создания достопримечательных мест представляется крайне перспективным для сохранения и популяризации литературных ландшафтов. Для филологов же важна возможность сопоставить художественные образы писателей, навеянные пребыванием на той или иной усадебной территории, с «первоосновой» – сохраненными литературными ландшафтами, что создает перспективы для новых исследований, уточнения творческой истории и источников произведений.

Список литературы

Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения. 1941–1959 / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1999. 640 с.

Белый Андрей. Воспоминания о А.А. Блоке // Эпопея: лит. ежемесячник. 1922. № 1. С. 123–273.

Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. 640 с.

Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1997. 896 с.

Государственный музей-заповедник С.А. Есенина: Путеводитель / науч. ред. О.Е. Воронова, М.В. Скороходов. Рязань: Синий пеликан, 2018. 216 с.

Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. С. 55–125.

Есенина Е.А. В Константинове // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. С. 28–54.

Кулакова Н.В. «Хмелита будет всегда...»: жизнь музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» как российская и семейная история // Край Смоленский. 2020. № 4. Апрель. С. 51–60.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 2. М.: ИМЛИ, 2005. 760 с.

Низовский А. Усадьбы России: подмосковные. От Петербурга до Саратова. М.: Вече, 2005. 315 с.

Скороходов М.В. «Есенинская Русь» // Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева; ред. М.В. Скороходов, С.И. Субботин. Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2020. С. 77–82.

References

Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2. Kn. 1. Stikhotvoreniia. 1941–1959* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 2. Iss. 1. Poems. 1941–1959]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1999, 640 p. (In Russ.)

Belyi Andrei. *Vospominaniia o A.A. Bloke* [Memoirs of A.A. Blok]. *Epopeia. Literaturnyi ezhe-mesiachnik* [Epic. Literary monthly], 1922, № 1, pp. 123–273. (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. T. 1* [Complete works and letters: in 12 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 640 p. (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. T. 2* [Complete works and letters: in 12 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 896 p. (In Russ.)

Gosudarstvennyi muzei-zapovednik S.A. Esenina: Putevoditel' [State museum-reserve of S.A. Esenin: Guidebook]. Riazan', Sinii pelikan Publ., 2018, 216 p. (In Russ.)

Esennina A.A. *Rodnoe i blizkoe* [Family and friends]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t. T. 1* [S.A. Esenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, pp. 55–125. (In Russ.)

Esennina E.A. *V Konstantinove* [In Konstantinovo]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t. T. 1* [S.A. Esenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, pp. 28–54. (In Russ.)

Kulakova N.V. “*Khmelita budet vseгда...*”: zhizn' muzeia-zapovednika A.S. Griboedova “*Khmelita*” kak rossiiskaia i semeinaia istoriia [“*Khmelita* will always be...”: life of museum-reserve A.S. Griboyedov “*Khmelita*” as Russian and family history]. *Krai Smolenskii* [Region Smolensk], 2020, № 4, pp. 51–60. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. T. 2 [Chronicle of life and works of S.A. Esenin: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, 760 p. (In Russ.)

Nizovskii A. *Usad'by Rossii: podmoskovnye. Ot Peterburga do Saratova* [Estates of Russia: near Moscow. From Petersburg to Saratov]. Moscow, Veche Publ., 2005, 315 p. (In Russ.)

Skorokhodov M.V. “*Eseninskaia Rus*” [Esenin's Rus]. *Eseninskaia entsiklopediia. 1895–1925. V. 1. Pamiatnye mesta i literaturnaia geografiia* [Esenin's Encyclopedia. 1895–1925. Vol. 1. Memorable Sites and Literary Geography]. Konstantinovo, Gosudarstvennyi muzei-zapovednik S.A. Esenina Publ., 2020, pp. 77–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 18.06.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 134–139. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 134–139. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”20”

EDN OTYERG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

ОППОЗИЦИЯ «АД – РАЙ» В ПОЭЗИИ Ю.П. КУЗНЕЦОВА

Ильиных Анастасия Витальевна, Тверской государственный университет, Тверь, РФ, anil.mail@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2826-2315>

Аннотация. Данная статья посвящена многоаспектному анализу ключевых для творчества Ю.П. Кузнецова мотивов и образов библейского характера, связанных с реализацией темы загробной жизни. Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы разных годов, включающие лексемы «ад» и/или «рай». В процессе работы было определено место указанных образов в художественном мире Кузнецова, рассмотрено их соотношение в свете поэтико-религиозных исканий автора. Показывается, что причастность к духовной составляющей жизни определяется поэтом как приобщение к изначальному бытию, воплощенному в образе райского сада. В противовес ему выступает ад – место «подобия». Анализ указанных образов произведен с учетом библейского канона. Установлено, что оппозиция «ад – рай» отражает не только основную православную концепцию о загробной жизни, но и идею о двух состояниях человеческой души – в лоне религии и вне его, – ключевую для понимания мысли Кузнецова о перво-степенной роли веры в жизни человека.

Ключевые слова: Ю.П. Кузнецов, русская поэзия, христианство, православие, библейская символика, инфернальные мотивы, образ рая.

Для цитирования: Ильиных А.В. Оппозиция «ад – рай» в поэзии Ю.П. Кузнецова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 134–139. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

Research Article

THE OPPOSITION “HELL – PARADISE” IN THE POETRY OF YURIY KUZNETSOV

Anastasia V. Ilinykh, postgraduate student, Tver State University, Tver, Russia, anil.mail@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2826-2315>

Abstract. The article is devoted to a multidimensional analysis of the motifs and images of a biblical nature, key to the work of Yuriy Kuznetsov, related to the realisation of the theme of the afterlife. The research material consists of poems from different years that include the lexemes “hell” and (or) “paradise”. In the course of the work, the place of these images in the artistic world of Yuriy Kuznetsov was determined, their relationship was considered in the light of the poetic and religious searches of the author. It is shown that involvement in the spiritual component of life is defined by the poet as communion with the original being, embodied in the image of the Garden of Eden. In contrast to it, hell stands out – a place of “similitude”. The Biblical canon plays an important role in the analysis of these images. It is established that the opposition “hell – paradise” reflects not only the basic Orthodox concept of the afterlife, but also the idea of two states of the human soul – in the bosom of religion and outside it – key to understanding Yuriy Kuznetsov’s thought about the primary role of faith in human life.

Keywords: Yuriy Kuznetsov, Russian poetry, Christianity, Orthodoxy, Biblical symbolism, infernal motifs, image of paradise.

For citation: Ilinykh A.V. The opposition “hell – paradise” in the poetry of Yuriy Kuznetsov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 134–139 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-134-139>

Ю.П. Кузнецов – поэт, испытавший значительное влияние библейской традиции. О себе он писал: «Я осваивал поэтическое пространство в основном в двух направлениях: народного эпоса (частично греческого), русской истории и христианской мифологии» [Кузнецов 2015: 163]. Нередко обращается Кузнецов к образамрая и ада, но интересует его не загробная жизнь как таковая, а нравственные и социально-исторические аспекты данной проблемы.

Одним из наиболее значимых в отношении реализации образа ада произведений в поэзии Кузнецова является масштабная поэма «Сошествие в ад», которую поэт называл «самым сложным своим произведением», требующим при прочтении «больших знаний и культуры» [Кузнецов 2015: 163]. О сошествии Христа в ад в канонических текстах упоминают апостол Петр [Деян. 2:30-31] и апостол Павел [Еф. 4:8-9], предсказывает об этом событии и сам Иисус в обращении к ученикам [Мф. 12:40]. Посвящены сошествию Христа в ад и отдельные эпизоды различных апокрифов, таких как «Вознесение Исаии» и «Евангелие от Никодима». Протоиерей Александр Сорокин, рассматривая немногочисленные упоминания об этом событии в текстах Священного Писания, отмечает присутствующую в словах апостола Петра [1Петр. 3:18–20] «осознаваемую христианскую интуицию о возможности спасения тех, кто жил до Христа или даже вне Христа» [Сорокин: 515] – идейный элемент, играющий ключевую роль в поэме Кузнецова «Сошествие в ад».

Рассматривая это поэтическое полотно, невозможно обойти вниманием влияние на нее «Божественной комедии» Данте, а также очевидные при сопоставлении двух текстов различия. По замечанию С.Ф. Дмитренко, наследие Данте стало для поэта не основой для диалога, а «полем острого спора» [Дмитренко: 77]. Идейно «Сошествие в ад» во многом противоположно «Божественной комедии», кроме того, Кузнецов открыто осуждает итальянского поэта, помещая его в ад.

В посвященном анализу данной поэмы статье Н.И. Ильинской отмечены основные отличия от «традиции Данте». Среди них – отсутствие четкой иерархии грехов, которой придерживался итальянский поэт; Кузнецов в своем осуждении грешников руководствуется принципом их нравственной несостоятельности с позиций христианской веры, и его религиозное сознание близко «русскому средневековью» [Ильинская: 116]. Другим ярким отличием является сострадание к падшим как особенность русской, православной ментальности.

Примечательно также, что в спутники лирическому герою поэт определяет самого Христа (в первой части поэмы) и раскаявшегося разбойника, через образ которого выражается вера в возможность духов-

ного спасения грешников и близость героя к народу: «Хотя выражал бестолково // Он свои чувства, я понял его с полуслова» [Кузнецов 3013, 5: 532]. Христос и разбойник в данном случае – аналоги Вергилия-проводника, древнеримского поэта, к которому лирический герой «Божественной комедии» испытывает благоговение и которого называет «родником бездонным», «учителем... примером любимым» [Данте: 45]. Учителем же в поэме Кузнецова становится Христос как первостепенный морально-нравственный ориентир, лирический герой замечает: «Христос тоже поэт» [Кузнецов 2013, 5: 535], тем самым открыто противопоставляя его образу поэта-эталона в произведении Данте и ставя в фокус религиозную духовность как основу поэтического ремесла.

Следующим отличием является тот факт, что ад Кузнецова не обладает четко прописанной топографией, так как это противоречило бы отдельным обозначениям этой вариации inferno: ад – «пучина», «бездна, окутанная тучами смрада и страха», расположенная в пустоте «под Вселенной», место, в котором легко заблудиться в дыму и тумане. Христос дает лирическому герою карту, по которой можно ориентироваться, но это карта звездного неба, а не местности. Ад – своего рода конструкт, компиляция различных мест на земле и в раю, как говорит Христос, «подобье» (даже земля здесь лишь слепок с настоящей земли) – в этом отношении ад соотносится с проявлением inferнальных мотивов в творчестве поэта, которые представлены как иллюзорные и не имеющие своих собственных, уникальных, материальных черт. Все вариации реальных мест и явлений здесь оказываются своего рода inferнальными двойниками: над головой светит «черное солнце», звезды тусклы, на подобье Голгофы оказывается пародия на древо познания с черными листьями, что летят «меж злом и добром», жаля и шипя, есть здесь и свой Бабий Яр, и свои Лысые горы, храм Христа Спасителя, Китеж и Бастилия – это объясняется тем, что отдельные грешники испытывают муку в местах, где совершили свой грех. Рельеф ада представлен «ступами печали», «темной долиной печали», огненными ямами и черным озером змей. Преобладающие краски – оттенки серого, черный, багровый, картина тускла и неясна, но порой озаряется вспышками огня. Печаль, тревога и страх – основные существительные, используемые в определении настроения, царящего в аду и сердце лирического героя. Прием повтора в данном случае один из часто употребляемых и служит для нагнетания атмосферы отчаяния и безысходности, а также на лексическом уровне выражает парадоксальную топографию ада с ее повторяющимся рельефом и подчас схожими муками: многие из грешников, в большинстве своем политики и полководцы, – предатели, но также и философы,

люди ума, пребывают в огненных ямах. В звуковом отношении в аду царит настоящая какофония: вопли и плачи, стенанья, скрежет зубов («плач и скрежет зубов» – прямая цитата из Библии [Мф. 8: 12]), «стуки и гроки», запахи обозначены одним емким словом «смад». В аду парадоксально совмещаются огонь и лед. Стоит отметить, что относительное однообразие описаний и отсутствие излишней детализации объясняется и тем, что, по словам самого автора, «натурализм претит [его] природе» [Кузнецов 2013, 5: 593].

Путешествие героев по аду – это своего рода путешествие сквозь время, от древнейших времен до современности. Благодаря хронологически выверенным картинам мучимых грешников автор представляет не только суд личностей, но и суд самой человеческой истории. Топография ада, таким образом, основывается не на пространстве, а на времени. Благодаря этому создается образ духовной ловушки, в которую снова и снова попадает человечество: времена меняются, но не люди, поддающиеся все тем же порокам. Линейное развитие истории «развитием» лишь кажется, прогресс культуры и науки становится лишь фикцией, а не деле является лишь отпадением от духовных корней.

Помещенные в ад грешники, реальные и вымышленные люди: ветхозаветные патриархи, деятели церкви, политики и философы, ученые и писатели – делятся на несколько групп. К первой относятся впоследствии спасенные Христом персонажи: волхвы, Иоанн Креститель, патриархи Авраам и Исаак, Сизиф, мудрец Лао-Цзы, Адам и Ева, прощенные «по заслуге мук» [Кузнецов 2013, 5: 537]. Повторяющаяся фраза Христа «Скоро будешь со Мною в Раю» – прямая цитата из Библии, обращенная к раскаявшемуся разбойнику во время казни на кресте [Лк. 23:39]. Отмечена иным рефреном вторая, наиболее четко разграниченная линия грешников – русских предателей: «–Это предатель, – сказал я в глубокой печали. – // Русский предатель. Он душил себя самого. // Так принимает он казнь не от мира сего» [Кузнецов 2013, 5: 546].

В эту линию, начатую Иудой, одним из первых встретившихся на пути героев нераскаявшихся грешников, входят и лица иных национальностей. Среди предателей поэт выделяет изменников родины: Олега Рязанского, князя Курбского, Павлика Морозова, Мазепу, генерала Власова – и отступников веры и ересиархов: митрополита Исидора, епископа Игнатия, Юлиана Отступника, Федора Курицына, Мани, Ария, Схарию и др. К предателям можно отнести также и обманом взявшего первородство Исаака, который оказывается недостойн спасения из-за своего греха. Небольшую группу составляют грешники, при жизни погрязшие в разврате, жестокости и алчности: семья

Борджиа, Эрнан Кортес, Торквемада, Колумб. Значительная количественно линия посвящена осуждению рационалистических, гуманистических и европоцентристских концепций свободы и прав человека с характерными для них духовным сомнением и богоотступничеством и движением к научному прогрессу: Кампанелла, Эразм Роттердамский, Дарвин, Ницше, Эйнштейн, Сахаров, деятели французской революции, Иоганн Гуттенберг, Руссо, Вольтер, Декарт, Гегель, Кант, Белинский, Герцен, Норберт Винер и др. Тематически можно определить в отдельную группу шарлатанов и чернокнижников, всякого рода предсказателей, мистиков и магов: Симона Мага, Фауста, Нострадамуса, Сведенборга, масонов и даже Гоголя. Отдельного внимания заслуживают грешники, представленные парами – Тютчев с Денисьевой (осужденные за прелюбодеяние) и Жанна д'Арк и Жиль де Рэ (за колдовство), а также Фуше с Талейраном (за предательство и беспринципность). На их фоне ярко выделяется пара Ивана Грозного и Анастасии, в которой воплощена тема истинной любви: Анастасия верна мужу и в посмертье, явившись из рая, чтобы его утешить; с ней связан редкий в поэме светлый цветовой образ, белый платок в цветах, – единственное, что уцелеет в путешествии по аду, символ чистоты и высшей духовности.

Отдельно стоит также упомянуть о двух персонажах, в которых автор выделяет особое качество – склонность к актерству. Это Нерон и Шекспир. Очевидно, что среди грехов Нерона гонения на христиан, деспотизм и безнравственность, а также легендарное сожжение Рима, но в фокус автор ставит другое. Протоиерей Иоанн Павловцев, рассматривая императора в качестве прообраза антихриста, отмечает, что для Нерона стремление прославиться как актер и поэт было даже важнее власти, потому что он «был одержим болезненным тщеславием» [Павловцев: 314]. Кузнецов выводит мотив игры на уровень всей поэмы – играют не только персонажи-актеры: черти играют в карты, ставя на кон самого царя, «играют грешниками, дергают их за невидимые нитки» [Кузнецов 2013, 5: 598]. Поэт с позиций православия осуждает бесовские игрища и кривлянья актеров, потому что за ними одна пустота, они тоже лишь «подобье» (в эпизоде, где герои встречают персонажей Шекспира и самого драматурга, вновь использовано это слово – уже в отношении театра «Глобус», в названии которого заключено подобье «земли без небес», то есть материальное без духовного). К этой же группе относится Чаплин, человек-марионетка, которого чертям наскучило дергать за ниточки и который теперь дергает сам себя – визуально этот образ напоминает гипертрофированную актерскую игру эпохи немого кино с ее акцентом на жестиком и мимике из-за отсутствия возможности передачи слов посредством звуковой речи.

Ад в поэме, таким образом, не просто место, но состояние, состояние «игры», «призрачности» и «подобия», в ловушке которого оказываются грешники, потому и возникает во многих стихотворениях образ царствующего и на земле ада. В произведении «Ад над нами» использован оксюморон – ад всегда располагается внизу земли илирая, под ними, под Вселенной, «поднятие» его на поверхность знаменует наступление последних времен, свидетелем которых становится, умирая, лирический герой. Это стихотворение постперестроечное, и потому царящие в нем эсхатологические мотивы свидетельствуют о страхе героя за судьбу Родины. Однако ад видится герою во сне, все происходящее – иллюзия, морок, туман, видение в состоянии между жизнью и смертью стремящегося вырваться к свету человека. Присутствует здесь и характерный при изображении Кузнецовым inferнального элемента мотив отражения, в данном случае воплощенный в образе двойника, и постоянный для поэзии Кузнецова образ нечистых собак. Связано с этим стихотворением тематически и мотивами и «Что мы делаем, добрые люди?», также посвященное осмыслению судьбы Родины после исторических потрясений: Россия предстает как место битвы добра и зла, ад забирается на землю, его тени «пользуют в Кремле» [Кузнецов 2013, 5: 51].

Экспансия адских сил проявляется также через звуковые образы – громкие, какофоничные, механизированные. Жуткий шум сопровождает разрушительные, по мнению поэта, события в судьбе Родины: «век грохочет адом»; гласность царит под стук зубов, стук «с того света, где ад»; лирический герой «Воспоминания о Боге» слышит «адский шум и лязг веков, мышиный писк всеобщего итога» [Кузнецов 2013, 5: 291].

Для выражения всеохватности описываемого в ряду однородных членов использована также пара «в пустой воронке вихря, в райской куще» в стихотворении «Федора». С.Ю. Николаева выделяет основной смысловый вектор этого стихотворения: «Россия существует и стоит на своем законном месте среди других народов и государств вопреки всем историческим катастрофам и бедствиям» [Николаева: 83]. Образ Федоры-России через введение крайне широкого ряда однородных членов становится всеохватным: вбирает он и inferнальное (пустая воронка вихря), и райское.

Рай в поэзии Кузнецова также связан с образом Родины, но, в отличие от ада, несет исключительно положительную окраску.

Протоиерей Николай Иванов, исследуя этимологию библейской фразы о рае из Книги Бытия («И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке» [Быт. 2:8]), обращает внимание на символическое ее значение. Рай, согласно этой трактовке, благоухающее, защищенное место радости, где человеку «легко и отраднo» [Иванов: 174], но место это не географи-

ческое, а существующее в духовной плоскости и символизирующее близость человека к Богу.

Образу райского сада посвящены в творчестве Кузнецова две поэмы – «Красный сад» и «Рай» (неоконч.). Рассматривая первую из них, Н.Н. Гордиенко особое внимание уделяет ее цветовым и звуковым образам, отмечает живописность, с которой подходит поэт к изображению прекрасного, не тронутого греховностью человека места, наполненного «ярким сиянием, композицией изысканных ароматов и небесным пением» [Гордиенко: 21]. Здесь мы снова встречаем уже знакомую характеристику: «Все на свете – темное подобье» [Кузнецов 2013, 5: 249]. Настоящим в данном случае является лишь сам рай – место, близкое к Богу. Именно причастность к Божественному становится определяющей в изображении высшей реальности, истинного бытия, оттого и inferнальные мотивы при включении в текст неизбежно сопровождаются образами смуты, тумана, лжи и морока, а сам ад – лишь своего рода слепок, пародия, а не реальное место.

Из неоконченной поэмы «Рай» сохранилось лишь несколько начальных эпизодов с авторскими примечаниями, о замысле поэмы нам известно из воспоминаний современников поэта и его интервью. Кузнецов говорит о сложности изображения светлого начала, отмечает, что у Данте «Рай» вышел слабее «Ада», но указывает на необходимость создания продолжения «Сошествия в ад» ради сохранения равновесия [Кузнецов 2015: 330]. Начальные эпизоды поэмы действительно соотносятся с таковыми в поэме об аде: «Рай» так же написан пятистопным дактилем со смежной рифмовкой и активным использованием приема повтора, герои попадают туда на туче вместе с Господом, упоминаются персонажи, спасенные Христом из ада. Преддверьерая резко контрастирует с мрачными картинами ада: «все засияло», «воздух был свеж и прозрачен». Врата Эдема охраняет херувим с огненным мечом – канонический образ, упоминающийся в Книге Бытия [3:24]. Любопытен образ «многоочитых ангелов», которых встречает поэт. Как отмечает П.А. Юнгер, множество глаз означает Божественное всеведение [Юнгер]. Подобные ангелы также упоминаются и подробно описываются в видении Иезекииля и представляют собой прекрасные и вместе с тем устрашающие колеса с глазами по ободьям.

Ад и рай, однако, не изолированы друг от друга. Светлому образу Анастасии в «Сошествии в ад» противопоставлен образ ворона-искусителя в раю: подобная «проницаемость» границ двух локусов свидетельствует о безостановочной борьбе сил добра и зла, не прекращающейся не только на земле, но и в раю и аду. Завершение ее наступит лишь после Второго Пришествия Христа, когда добро одержит оконча-

тельную победу над злом (предвестие которого отражено в эпизоде борьбы Христа с сатаной в «Шестствии в ад»).

Пронизывающий зрелое творчество поэта мотив тоски по Божественному свету и отпадения человечества от благодати Божьей выражен на образном уровне в «изгнаннике рая». В поэме «Рай» это характеристика Адама, рыдающего о веках отчуждения на земле и в аду. Его покаянный плач – дорога к искуплению, «возвращение в Рай». С Адамом сравнивается и лирический герой в стихотворении «Вечный изгнанник», одиноко страждущий в отдалении от Бога на земле, где царит пустота, мрак и «толпа, что не помнит родства». Экзистенциальная тревога, таким образом, неразрывно связана для поэта с чувством заброшенности в мире, но в основе ее лежит религиозное чувство.

«Изгнанником рая» назван и в небольшом стихотворении-притче павлин, являющийся амбивалентным образом: с одной стороны, это символ рая и души, бессмертия, красоты и величавости, с другой – гордости, тщеславия и спеси [Чернышева, Дубовицкий: 158]. С павлином сравнивается любовь, но любовь «пустая», «мертвая» – то есть земная, которая, по словам самого поэта, приводит в ад [Кузнецов 2015: 363]. Подобное построение образа – по схеме «внешне прекрасное, но внутренне тлетворное или пустое» – характерно для поэзии Кузнецова в целом (ср. с претворением темы познания через символ яблока или воплощение образа красоты, к примеру в стихотворении «Лада», где описана красота женского имени, лишенная духовного наполнения, или же в произведении «“Мир спасёт красота”. Помолчи!»).

Нетрудно заметить, что inferнальные мотивы в поэзии Кузнецова преобладают над мотивами эдемскими, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, стремление поэта художественно осмыслить современную ему социально-историческую ситуацию (Кузнецову как поэту, для которого судьба Родины стояла на первом месте, эта тема наиболее близка) посредством введения inferнального элемента выливается в создание множества произведений, где образ ада используется для отображения «мятежности», «смуты» постперестроечного времени. Во-вторых, поэт, к сожалению, по объективным причинам не успел реализовать некоторые свои идеи относительно образа райского сада (например, поэму «Рай»). Однако имеющегося материала достаточно для того, чтобы сделать вывод относительно основного направления развития указанных образов: ад и рай в поэзии Кузнецова являются моделями ложной и истинной реальностей.

Список литературы

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 2004. 845 с.

Гордиенко Н.Н. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 30 с.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Новая жизнь. Москва: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.

Дмитренко С.Ф. Данте и его образы в творчестве Юрия Кузнецова // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2015. № 4. С. 69–77.

Иванов Н. И сказал Бог... Библейская онтология и библейская антропология: опыт истолкования Книги Бытия. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2005. 478 с.

Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Москва: Литературная Россия, 2013.

Кузнецов Ю. Тропы вечных тем: проза поэта. Москва: Литературная Россия, 2015. 713 с.

Николаева С.Ю. «Русская идея» в стихотворении Юрия Кузнецова «Федора» // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 3. С. 79–90.

Павловцев И. Толкование Апокалипсиса. Москва: Дар, 2017. 320 с.

Сорокин А. Христос и церковь в Новом Завете: введение в Священное Писание Нового Завета. Москва: Изд-во Крутицкого подворья, 2006. 646 с.

Чернышева М.И., Дубовицкий А.Б. Царские (царственные) и солнечные птицы (павлин, феникс, петух и орел) // Пространство и Время. 2016. № 3–5. С. 156–174.

Юнгеров П.А. Библейский характер видения пророка Иезекииля, описываемого в 1–3 главах его книги // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/biblejskii-harakter-videniya-proroka-izekiilja-opisyvaemogo-v-1-3-glavah-ego-knigi/ (дата обращения: 13.02.2022).

References

Chernysheva M.I., Dubovitskii A.B. *Tsarskie (tsarstvennyye) i solnechnye ptitsy (pavlin, feniks, petukh i orel)* [Royal (regal) and solar birds (peacock, phoenix, rooster and eagle)]. *Prostranstvo i Vremia* [Space and Time], 2016, № 3-5, pp. 156–174. (In Russ.)

Dante Alighieri. *Bozhestvennaia komediia. Novaia zhizn'* [The Divine Comedy. New Life]. Moscow, Iностранка, Azbuka-Attikus Publ., 2014, 768 p. (In Russ.)

Dmitrenko S.F. *Dante i ego obrazy v tvorchestve Iuriiia Kuznetsova* [Dante and his images in the works of Yuri Kuznetsov]. *Vestnik Literaturnogo instituta imena A.M. Gor'kogo* [Bulletin of the Maxim Gorky Literature Institute], 2015, № 4, pp. 69–77. (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangeliiia* [Interpretation of the Gospel]. Sviato-Troits. Sergieva Lavra Publ., 2004, 845 p. (In Russ.)

Gordienko N.N. *Russkaia poeziia rubezha XX–XXI vekov v kontekste pravoslavnoi dukhovnoi traditsii:*

avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Russian poetry of the turn of the XX–XXI centuries in the context of the Orthodox spiritual tradition: PhD thesis, summary]. Moscow, 2008, 30 p. (In Russ.)

Iungerov P.A. *Bibleiskii kharakter videniia proroka Iezekiilia, opisyvaemogo v 1–3 glavakh ego knigi* [The biblical nature of the vision of the Prophet Ezekiel, described in chapters 1–3 of his book]. *Pravoslavnyi portal "Azbuka very"* [The Orthodox website "ABC of Faith"]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/biblejskii-harakter-videniia-proroka-iezekiilja-opisyvaemogo-v-1-3-glavah-ego-knigi/ (access date: 13.02.2022). (In Russ.)

Ivanov N. *I skazal Bog... Bibleiskaia ontologiiia i bibleiskaia antropologiiia: opyt istolkovaniia Knigi Bytiii* [And God said... Biblical Ontology and Biblical Anthropology: The Experience of Interpreting the Book of Genesis]. Klin, Khristianskaia zhizn' Publ., 2005, 478 p.

Kuznetsov Iu. *Stikhotvoreniia i poemy: v 5 t* [Lyrics and poems: in 4 vols.]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2013. (In Russ.)

Kuznetsov Iu. *Tropy vechnykh tem: proza poeta* [Paths of Eternal Themes: the poet's Prose]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2015, 713 p. (In Russ.)

Nikolaeva S.Iu. "Russkaia ideia" v stikhotvorenii Iurii Kuznetsova "Fedora" ["Russian Idea" in Yuri Kuznetsov's poem "Fedora"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University], 2020, № 3, pp. 79–90. (In Russ.)

Pavlovtsev I. *Tolkovanie Apokalipsisa* [The apocalyptic interpretation]. Moscow, Dar Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

Sorokin A. *Khristos i tserkov' v Novom Zavete: vvedenie v Sviashchennoe Pisanie Novogo Zaveta* [Christ and the Church in the New Testament: An Introduction to the Holy Scriptures of the New Testament]. Moscow, Krutitskoie podvor'ie Publ., 2006, 646 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

АВТОРСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АНГЛИЙСКОСТИ («ENGLISHNESS») В РОМАНЕ «МЭНСФИЛД ПАРК» ДЖ. ОСТИН

Склизкова Тина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского университета им. А.Г и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, tinka_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-4427>

Аннотация. В век глобализации появляется необходимость определения своей национальной идентичности. Для англичан это особенно актуально, так как понятие «английскости» («englishness») оказывается «растворено» в мультикультурной среде. В статье речь идет об авторском понимании «английскости» писательницей Дж. Остин. В ее романах, написанных в жанре «романы об усадьбе», усадебный дом и его окружение оказываются тесно связаны с концептом «дом» – одним из основных в английской национальной концептосфере. Можно говорить о том, что именно эти романы повлияли на последующее представление об «английскости» в английской художественной литературе. Этим объясняется и актуальность исследования. В статье доказывается, что остиновское понимание «английскости» включает в себя не только усадебный дом, но и связано с такими понятиями, как патриотизм, брак и партия тори.

Ключевые слова: английскость, пастораль, патриотизм, брак, тори, виги.

Для цитирования: Склизкова Т.А. Авторское понимание «английскости» в романе Дж. Остин «Мэнсфилд парк» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 140–145. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-140-145>

Research Article

THE AUTHOR'S IDEA OF ENGLISHNESS IN THE NOVEL "MANSFIELD PARK" BY JANE AUSTEN

Tina A. Sklizkova, Candidate of Philological Sciences, The Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia. tinka_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-4427>

Abstract. In the globalisation age, it is necessary to define one's national identity. For the English, this is especially topical, for it turned out that the concept "Englishness" is "dissolved" in a multicultural environment. The article deals with Jane Austen's understanding of "Englishness". In her novels, written in the genre of "country house novel", the house and its surroundings are closely connected with the concept of "home" – one of the main concepts in the English national conceptual sphere of "Englishness". We can say that these novels influenced the subsequent perception of "Englishness" in English fiction. This explains the topicality of the study. The article proves that Jane Austen's understanding of "Englishness" includes not only the country house, but is also associated with such concepts as patriotism, marriage and the Tory.

Keywords: Englishness, pastoral, patriotism, marriage, Tory, Whigs.

For citation: Tina A. Sklizkova. The author's idea of Englishness in the novel "Mansfield Park" by Jane Austen. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 140–145 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-140-145>

На сегодняшний день вопросы, связанные с национальной идентичностью, оказываются в высшей степени важными. Для англичан XX – начала XXI вв. это особенно актуально, так как понятие «английскости» («englishness») оказывается «растворено» в мультикультурной среде.

В начале XX века в английской литературе появляется жанр «роман об усадьбе» («country-house novel»), где центральное и значимое место приобретает образ дома-поместья, которое воплощает в себе понятие «английскости». Как известно, романы Дж. Остин можно считать родоначальником этого жанра. Именно эти произведения английской писательницы, а в частности «Мэнсфилд парк» («Mansfield park», 1811), повлияли на последующее становление жанра, а также на представление об «английскости» в английской художественной прозе XIX–XXI вв. В связи с этим оказывается важным ответ на вопрос: какое значение Дж. Остин вкладывала в понятие «английскости»?

Дж. Остин рассматривает «английскость» («englishness») в неразрывной связи с патриотизмом. На это указывают многие исследователи¹, говоря о том, что патриотизм Дж. Остин соотносится с принадлежностью к партии тори. Д. Грин в своей работе «Джейн Остин и книга пэров» («Jane Austen and the Peerage», 1963) называет Остин дочерью тори «тихого приходского священника тори» («Tory daughter of a quiet Tory parson»), а ее романы – «пасторалью тори» («Tory pastorals») [Greene: 161]. Как известно, партия тори отстаивала нерушимость королевских прав, выступала за сохранение монархии и старых традиций. В романах английской писательницы усадебный дом и его окружение оказываются тесно связаны с концептом «дом» – одним из основных в английской национальной концептосфере. Именно образ дома-поместья воплощает порядок, спокойствие, гармонию, традицию. Все те ценности, которые Остин соединяла с партией тори.

Хотелось бы отметить, что в своих романах английская писательница никогда не упоминала названий политических партий, однако так или иначе при внимательном прочтении можно увидеть отношение автора к ним. Например, в романе «Гордость и предубеждение» («Pride and Prejudice», 1813) Дж. Остин рисует едкий портрет леди Кэтрин де Бург, что косвенно указывает на принадлежность высшей дамы к аристократическим слоям и к партии вигов.

Интерес к политическим партиям и патриотизму можно объяснить исторической ситуацией, в которой жила английская писательница. На ее глазах происходила война с Наполеоном, а также Французская революция. Поэтому у писательницы и возникает желание не допустить разрушение ценностей Англии. П. Парриндер в своей книге «Нация и роман» («Nation and novel», 2006) указывает, что патри-

отизм свойственен Дж. Остин больше, чем кому-либо из английских женщин-писателей.

В романе «Мэнсфилд парк» («Mansfield park», 1811) можно также проследить обеспокоенность автора судьбой Англии и желание сохранить «английскость». В романе это связано с образом Сэра Томаса Бертрама. Если применять авторское понимание «английскости», то можно отметить, что в начале романа Сэр Томас ведет себя как представитель либеральной партии вигов. Виги, как известно, – партия реформаторов и либералов. Таким же предстает и Сэр Томас: он активный член парламента, деятельный владелец плантаций в Антигуа, куда он отправляется незамедлительно, оставив жену, детей и дом, чтобы улучшить свое материальное положение. Важно отметить, что Сэр Томас, скорее всего, купил себе титул баронета, так как в романе нигде не упоминается, что семья Бертрамов имеет старинные корни (в отличие от семьи Рашуотов), а их поместье описывается как современный хорошо построенный дом («modern-build house») [Austen]. Все эти факты говорят о принадлежности Сэра Томаса к новым дворянам, которые входили в партию вигов.

Также стоит указать на отношение Сэра Томаса к браку его дочери Марии с мистером Рашуотом: «Sir Thomas, however, was truly happy in the prospect of an alliance so unquestionably advantageous, and of which he heard nothing but the perfectly good and agreeable. It was a connexion exactly of the right sort- in the same county, and *the same interest*-and his most hearty concurrence was conveyed as soon as possible» («Сэр Томас был тем не менее по-настоящему счастлив от перспективы этого союза, который был, бесспорно, выгодный и о котором он слышал только все наилучшее и приятное. Это было как раз такое *родство*, *какое нужно*, – в этом же графстве и с теми же интересами – и его искреннее согласие было передано как можно быстрее»²) [Austen].

Семья Рашуотов относится к той же политической партии, которой принадлежит и сам Сэр Томас, поэтому союз с ним будет способствовать возвеличению семьи Бертрамов, а также расширению их политического влияния. В романе Рашуоты предстают как очень богатая и старинная династия королевских кровей, которые, скорее всего, в XVII веке, как указывает П. Парриндер, были якобитские тори [Parrinder: 197]. Хотелось бы отметить, что образ мистера Рашуота дополняет образ его дома, а вернее, часовни. Часовня в поместье Рашуотов была совсем новая, не соотносилась с домом, ее построили совсем недавно, однако она весьма красивая и в ней служил утром и вечером домашний священник.

«This chapel was fitted up as you see it, in James the Second's time. <...> It is a handsome chapel, and was formerly in constant use both morning and evening.

Prayers were always read in it by the domestic chaplain, within the memory of many; but the late Mr. Rushworth left it off» («Эта часовня была оборудована так, как вы ее видите, во времена Якова Второго. <...> Это красивая часовня, и раньше она постоянно использовалась как утром, так и вечером. Молитвы всегда читались в ней домашним капелланом, на памяти многих; но покойный мистер Рашуот прекратил это») [Austen].

Заброшенность часовни, отмена семейных молений, которым положил конец мистер Рашуот, может говорить также и о смене политических убеждений. Старший мистер Рашуот стал более либеральным, перестал чтить традиции и обычаи. Такие изменения в деятельности часовни можно трактовать уходом от консервативной партии тори и присоединением к либеральным Вигам. Именно поэтому Сэр Томас так рад этому предполагаемому союзу, поскольку мистер Рашуот может быть кандидатом в парламент из того же округа, который контролирует Сэр Томас, и сможет помочь ему с продвижением тех законов, которые ему интересны.

Кажется, что Сэр Томас, несмотря на политическую принадлежность к партии вигов, в начале романа предстает настоящим англичанином: заботится о сохранении своего поместья, для этого едет в Антигуа; соглашается на прекрасный брак, который, как ему кажется, заключается как союз людей одного круга, одних ценностей и убеждений; заботится о воспитании своих детей и Фанни.

Но, по мнению Дж. Остин, Сэр Томас вначале руководствуется не настоящими английскими ценностями, он не ведет себя как настоящий англичанин, он ведет себя как британец. У него имперское сознание. Дж. Фаулз в своем эссе «Быть англичанином, а не британцем» разделяет понятия «английскость» и «британскость». По мнению Дж. Фаулза, понятие «британскости» связано с красно-бело-синим флагом Британии (Union Jack), а также с образом Джона Буля, а вот «английскость» для Фаулза воплощается в образе Зеленой (т. е. сельской) Англии. И для Фаулза самым важным оказывается «сохранить Англию... в чистоте» [Фаулз].

Имперское сознание сэра Томаса проявляется в том, что, во-первых, он уезжает из «Зеленой Англии», поручив заботы о своих дочерях в столь решающем возрасте миссис Норрис и Эдмунду: «...reconciled Sir Thomas to the effort of quitting the rest of his family, and of leaving his daughters to the direction of others at their present most interesting time of life» («...примирил сэра Томаса с желанием бросить остальных членов семьи и оставить своих дочерей на попечение других в нынешнее самое интересное время их жизни»)[Austen]. А во-вторых, не успев вернуться, будучи уже в поместье, он не прислуши-

вается к своему внутреннему голосу, соглашается на брак своей дочери с Рашуотом, прекрасно понимая, что это за человек. «Sir Thomas was satisfied; too glad to be satisfied, perhaps, to urge the matter quite so far as his judgment might have dictated to others. It was an alliance which he could not have relinquished without pain... happy to secure a marriage which would bring him such an addition of respectability and influence, and very happy to think anything of his daughter's disposition that was most favourable for the purpose» («Сэр Томас был удовлетворен; возможно, даже слишком обрадовался (словам дочери о нежелании расторгнуть помолвку. – Т. С.) и оттого не стал углубляться далее, что при своем здравомыслии должен был посоветовать бы другим. Это был союз, от которого он не мог отказаться без боли... счастливый, что достиг брака, который принесет ему столько чести и влияния, а особенно счастья добавляла мысль, что нрав и склонности его дочери были благоприятны для достижения этой цели») [Austen]. Во всех этих решениях им руководит только материальный аспект и политическое стремление возвыситься. Сэр Томас не думает о внутреннем духовном состоянии своих дочерей. Приносит их счастье в жертву ради денег и политики. По мнению К.А. Созиновой, «романы Остен являются местом пересечения «имперского» и внутреннего, или «домашнего», дискурсов, где имперский дискурс связан с внешней колониальной политикой Британии, а домашний – с внутренней жизнью страны» [Созинова: 22]. В данном случае Сэр Томас, бросая свою семью на произвол судьбы, не думает также и о судьбе Англии. Он предстает здесь как британец, империалист, либерал и непатриот, по мысли Дж. Остин.

Сэра Томаса можно сравнить с образом Робинзона Крузо, который является очень символической фигурой для XVIII – начала XIX века [Зыкова: 58]. Как известно, Робинзон Крузо покупает земли в Южной Америке и хочет приобрести рабов в Африке, чтобы они обрабатывали его плантации. Он, подобно Сэру Томасу хочет, чтобы его плантация была максимально прибыльной. И в своих путешествиях, и в предпринимательстве Робин Крузо, по словам Е.П. Зыковой, предстает как «предприниматель либеральных взглядов» [Зыкова: 58]. Таким же показан и Сэр Томас, который едет в Антигуа, на плантацию к своим рабам. И отправляется он туда либо подавлять восстание рабов, либо самому надзирать за их работой и условиями их содержания. Он, как и Робинзон Крузо, в первую очередь думает о прибыли, которую можно извлечь от рабов на плантации, ведь его поместье Мэнсфилд-парк существовало как раз на эти доходы, а не от ренты, как это было раньше в старинных домах. Об этом говорит Фергюсон в своей работе «Мэнсфилд-парк: рабство, колониализм и гендер» («Mansfield park: slavery, colonialism

and gender», 1991), указывая, что «сельские дома были верхушкой локальной системы эксплуатации... выгода с продажи сахара, кофе, хлопка, т. е. вся новая сельская экономика, шла для содержания сельских домов» [Ferguson: 120].

Важно отметить, что когда Сэр Томас приезжает домой, он начинает постепенно меняться. В этом тоже наблюдается сходство с Робинзоном Крузо, который, по мысли Е.П. Зыковой, «благодаря своему трудолюбию оказывается способен не только выжить в экстремальной ситуации, но и освоить дикую природу необитаемого острова» [Зыкова: 58]. В данном случае образ Робинзона Крузо созвучен с жанром георгик (разновидностью пасторали). Е.П. Зыкова в своей работе «Пастораль в английской литературе XVIII века» указывает, что идеалы георгик выражаются через «созидательный труд на земле своих предков, духовная независимость, крепкие семейные узы, традиционализм и патриотизм» [Зыкова: 6]. Именно эти идеалы, по мнению исследовательницы, из жанра георгик распространяются в поэму о сельской усадьбе, а также в жанр романа [Зыкова: 6].

Робинзон Крузо терпит кораблекрушение именно тогда, когда он отправляется за рабами, но когда он трудится сам на своей собственной земле, трудится как первобытный человек, то у него получается не просто выжить, а обзавестись огромным хозяйством, а потом и благополучно добраться до Англии.

Схожая ситуация показана и в финале романа Остин «Мэнсфилд парк», где воссоздаются идеалы георгик. Сэр Томас живет уединенно вместе со своей семьей на лоне природы в поместье Мэнсфилд-парк. Именно там он осознал, сколько ошибок он совершил как отец семейства («Sir Thomas, poor Sir Thomas, a parent, and conscious of errors in his own conduct as a parent») [Austen]. Он перестает ездить в Лондон как место, заражающее сельскую местность своими пороками; избавляется от чужеродного влияния Кроффордов и Рашуотов. Сэр Томас показан идеальным хозяином, который ведет спокойную семейную жизнь и занимается хозяйственной, культурной и благотворительной деятельностью. Наиболее ярко его изменения показаны через категорию брака. Сэр Томас с огромной радостью соглашается на союз Эдмунда с Фанни, о котором раньше с такой боязнью и неприятием думал. Дж. Остин видит ценность именно в таком браке – эндогамном, т. е. союзе, заключенном в пределах определенной социальной группы или категории. Здесь же речь ведется о заключении брака внутри семьи (Фанни и Эдмунд кузены). И Фанни, и Эдмунд обладают набором одинаковых ценностей. У них пасторальное сознание, так как они оба выбирают сельскую местность (country side) вместо города, именно природа дает им покой и умиротворение (Эдмунд забывает Мэри Кроффорд, прогуляв все

лето в аллеях Мэнсфилд-парка, и именно там он понимает всю ценность Фанни). Именно в создании таких пасторальных браков Дж. Остин видит воплощение подлинной «английскости»: «Equally formed for domestic life, and attached to country pleasures, their home was the home of affection and comfort» («В равной степени приспособленный для домашней жизни и привязанный к деревенским удовольствиям, их (Фанни и Эдмунда) дом был домом любви и комфорта») [Austen].

Важно также отметить, что Сэра Томаса радует не только этот союз, но также он безумно рад, что позаботился о том, чтобы у его младшего сына была профессия священника. Как известно, Эдмунд принимает сан священника, что оказывается очень важным моментом для раскрытия понятия «английскости».

Для Д. Остин эта профессия напрямую связана с патриотизмом. В XVIII – начале XIX в. задача священника заключалась в поддержании монархии и правящего класса, а в минуты кризиса священник должен был проповедовать патриотизм. По мнению Дж. Остин, патриотизм соединялся с патернализмом, так как священник должен был не только направлять свою паству, но также представлять в образе духовного отца. Эти же полномочия переходили и к жене священника. Именно этого, судя по всему, хотела избежать мисс Кроффорд, когда категорически не понимала желание Эдмунда принять сан. По мысли Д. Майлза, понятие «патернализм» в романах начала XIX века было тесно связано с пасторальным началом [Miles: 124]. Здесь можно отметить, что слово «пастораль» оказывается в английском языке омонимом слова «пастырский». То есть предполагается, что подлинным священником можно быть только в сельской местности, для этого важно уметь воспринимать и ценить природу. Ведь во взаимодействии с ней, по мысли Лоджа, происходит сохранение главных человеческих ценностей [Lodge: 15]. Недаром Эдмунд, убеждая Мэри Кроффорд в этом, говорит, что не в больших городах нужно искать «высочайшую мораль» («best morality»). Не там уважаемые люди любого звания могут творить добро («It is not there that respectable people of any denomination can do most good»). Все это возможно только в сельской местности. Именно на лоне природы прекрасно виден образ жизни священника, его личность, поведение. Только там можно говорить о влиянии священника на свою паству. И именно от священника зависит, как выглядит вся нация. «I believe, be everywhere found, that as the clergy are, or are not what they ought to be, so are the rest of the nation» («Я думаю, везде можно обнаружить, что каково духовенство или не то, чем оно должно быть, таков и остальной народ») [Austen]. Эдмунд высоко оценивает работу священника, понимая, что от нее зависит патриотическое воспитание

англичан. Думается, что за словами Эдмунда скрывается точка зрения самой Дж. Остин, которая, как известно, сама была дочерью священника и прекрасно знала особенности данной профессии изнутри.

В связи с этим можно говорить о том, что в финале романа взгляды Сэра Тома становятся созвучны торийским. Он из деятельного и либерального вига становится консервативным тори, человеком, принадлежащим «Зеленой Англии», человеком – настоящим патриотом, по мысли Дж. Остин. Он, устав от честолюбивых и денежных отношений, начинает понимать важность «безупречность жизненных правил и чистоту натуры» [Austen]. Теперь Сэр Томас больше всего ценит свой домашний уют, свой упорядоченный и размеренный образ жизни, находит утешение в том, что помогает семье Прайсов, которые радуют его и делают честь своему покровителю. Он из отсутствующего хозяина поместья и владельца плантации становится «добрым рыцарем округи» [Parrinder: 196]. Именно в такой жизни Дж. Остин видит воплощение подлинной «английскости».

Однако это всего лишь утопия, поскольку такая жизнь на практике оказывается всего лишь иллюзией. Сэр Томас только ведет видимость спокойной жизни на лоне природы. Он все равно до конца не испытывает душевного спокойствия и умиротворения: «These were the circumstances and the hopes... deadening his sense of what was lost, and in part reconciling him to himself; though the anguish arising from the conviction of his own errors in the education of his daughters was never to be entirely done away» («Таковы были обстоятельства и надежды... притуплявшие в нем чувство утраченного и отчасти примирявшие его с самим собой; хотя страдание, вызванное убеждением в собственных ошибках в воспитании дочерей, никогда не было полностью устранено») [Austen]. Скорее всего, он уже не способен на активные действия, так как страдания подкосили его. Такая же ситуация происходит и с его старшим сыном, который в конце романа только начинает оправляться от болезни, которая чуть не свела его в могилу: «gradually regained his health» («постепенно восстанавливал свое здоровье»). Он все еще слаб и весьма беспомощен. Мария опозорила себя и семью, Джулия вышла замуж за Ийетса, который в лучшем случае станет тихим и скромным семьянином: «He was not very solid; but there was a hope of his becoming less trifling, of his being at least tolerably domestic and quiet;» («Он был не очень почтенным, но можно было надеяться, что станет менее никчемным, а станет более домашним и тихим») [Austen]. Даже Эдмунд, который говорил о патриотическом воздействии на свою паству, в реальной жизни может оказать воздействие только на Фанни. Поэтому описанная в конце романа пастораль в скором времени может оказаться всего

лишь утопией, и вопрос, который не звучит в романе, но предполагается, – как долго она сможет просуществовать.

Ответ на этот вопрос заключается в исторических событиях, с которыми английская писательница была хорошо знакома. Действие романа описывает время с 1808 по 1809 г. Это важный исторический период, когда в Британии (1807 год) была отменена работорговля, то есть рабы, которых приобрели ранее, все еще могли работать, но новых приобрести уже было нельзя.

Таким образом, достаток, процветание Мэнсфилд-парка основано на работе рабов в Западной Индии, других источников доходов у них нет. После отмены работорговли у семьи Бертрамов остается несколько решений, чтобы суметь поддержать свой пасторальный английский мир: либо удачный брак, либо энергичная деятельность, которая поможет процветанию поместья. Об энергичной деятельности не стоит говорить, так как ни Сэр Томас, ни его дети после всех перенесенных страданий не способны на это. Удачный брак тоже очень иллюзорная перспектива, так как найти подходящую кандидатуру теперь, кажется, практически невозможно.

Таким образом, в финале романа представлен пасторальный хронотоп, соединяющий в себе идеалы георгик, эндогамный брак и остиновское понятие патриотизма. Все это оказывается под пером Дж. Остин воплощением «английскости». Однако, хотя в романе Остин и показан пасторальный хронотоп как воплощение «английскости», тем не менее уже в начале XIX века можно говорить об иллюзорности или недолговечности такой жизни. Этот мотив найдет свое отражение во многих английских романах XX века (М. Форстер «Говардс Энд», 1910; Г. Уэллс «Тоно-Бенге», 1909; И. Во «Пригоршня праха», 1930; Дж. Фаулз «Женщина французского лейтенанта», 1969; Дж. Барнс «Англия, Англия», 1990; И. Макьюэн «Искупление», 2002), где рефлексия по поводу «английскости» будет являться центральным мотивом, предопределяя его специфику как явления национальной культуры.

Примечание

¹ Green D.J. Jane Austen and Peerage. Jane Austen: A Collection of Critical Essays. NJ, Prentice-Hall, 1963, pp. 154-166; Miles R. Jane Austen. Tavistock. Northcote House, 2003, 150 p.; Parrinder P. Nation and novel: The English novel from its origins to the Present day. Oxford, University press, 503 p.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Список литературы

Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века. Москва: Наследие, 1999. 256 с.

Остин Дж. Мэнсфилд парк. Москва: Фолио: АСТ, 1998. 462 с.

Созинова К.А. Имперский дискурс в творчестве Джейн Остин // История. Общество. Политика. Брянск, Брянский государственный университет, 2019. № 2 (10). С. 20–26.

Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем. URL: <https://lit.wikireading.ru/31572> (дата обращения: 01.06.2022).

Austen J. Mansfield park. URL: <https://www.janeausten.org/mansfield-park/mansfield-park-online.php> (дата обращения: 04.06.2022).

Ferguson M.M. Mansfield park: slavery, colonialism and gender. Literary Review. Oxford, 1991. vol. 13, № 1, pp. 118–137.

Green D.J. Jane Austen and Peerage. Jane Austen: A Collection of Critical Essays. NJ, Prentice-Hall, 1963, pp. 154–166.

Lodge D. Tono-Bungay and the condition of England. Language of fiction. G.B., Cox and Wyman Ltd., 1984, pp. 214–242.

Miles R. Jane Austen. Tavistock. Northcote House, 2003, 150 p.

Parrinder P. Nation and novel: The English novel from its origins to the Present day. Oxford, University press, 503 p.

References

Zykova E.P. *Pastoral' v angliiskoi literature XVIII veka* [Pastoral in the English eighteenth-century literature]. M., Nasledie Publ., 1999, 256 p. (In Russ.)

Ostin Dzh. *Mensfild park* [Mansfield park]. M., Folio Publ., AST Publ., 1998, 462 p. (In Russ.)

Sozinova K.A. *Imperskii diskurs v tvorchestve Dzhein Ostin* [The imperial discourse in Austen's work]. *Istoriia. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Policy]. Briansk, Brianskii gos. un-t, 2019, № 2 (10), pp. 20–26. (In Russ.)

Faulz Dzh. *Byt' anglichaninom, a ne britantsem*. [To be English not Britain]. URL: <https://lit.wikireading.ru/31572> (access date: 01.06.2022) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗА И.С. ТУРГЕНЕВА В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Т. СТОППАРДА «БЕРЕГ УТОПИИ»

Белопухова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, klera3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

Аннотация. Ключевыми фигурами в реализации замысла пьесы «Берег Утопии» Тома Стоппарда многие исследователи называют А.И. Герцена и В.Г. Белинского. В данной статье делается попытка определить функциональную значимость образа И.С. Тургенева в пьесе Стоппарда в свете постмодернистских тенденций. Автор статьи доказывает, что образ Тургенева не является в книге Стоппарда центральным, но имеет особое значение в реализации идеи произведения. Он подчеркивает колорит эпохи, погружает читателя в прошлое, позволяет провести параллели между временем жизни писателя и настоящим. Мнение героя Тургенева, в котором Стоппард попытался максимально передать черты и особенности прототипа, становится альтернативным в политических дискуссиях и в литературных спорах о роли литературы и назначении писателя в обществе, о роли личности в истории. Отдельное внимание в работе уделяется историческим фактам в пьесе Стоппарда, истории любви Тургенева к Полине Виардо.

Ключевые слова: Том Стоппард, И.С. Тургенев, пьеса, драма «Берег Утопии», образ, постмодернизм, прототип, художественный образ.

Для цитирования: Белопухова О.В. Функциональная значимость образа И.С. Тургенева в драматической трилогии Т. Стоппарда «Берег утопии» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 146–152. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-146-152>

Research Article

FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF IVAN TURGENEV'S CHARACTER IN THE DRAMATIC TRILOGY "THE COAST OF UTOPIA" BY TOM STOPPARD

Olga V. Belopukhova, Candidate of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, klera3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

Abstract. Key figures in realising the idea of the play «The Coast of Utopia» by Tom Stoppard appear to be Alexander Herzen and Vissarion Belinsky in the opinion of many researchers. This article attempts to determine the functional significance of the image of Ivan Turgenev in Tom Stoppard's play in the light of postmodern tendencies. The author of the article proves that the image of Ivan Turgenev is not central in Tom Stoppard's book, but the said writer is of particular importance in the realisation of the idea of the work. It emphasises the colour of the era, immerses the reader in the past, allows one drawing parallels between the time of the writer's life and the present. The opinion of the hero Ivan Turgenev, in which Tom Stoppard tried to convey the features and characteristics of the prototype as much as possible, becomes an alternative in political discussions and literary disputes about the role of literature and the appointment of the writer in society, about the role of the individual in history. Special attention is paid to historical facts in the play by Tom Stoppard, to the love story between Ivan Turgenev and Pauline Viardot.

Keywords: Tom Stoppard, Ivan Turgenev, theatre play, drama "The Coast of Utopia", image, postmodernism, prototype, artistic image.

For citation: Belopukhova O.V. Functional significance of Ivan Turgenev's character in the dramatic trilogy "The Coast of Utopia" by Tom Stoppard". Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 146–152. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-146-152>

Том Стоппард – известный британский драматург, режиссёр, киносценарист и критик. Творчество Стоппарда давно привлекает к себе внимание как зарубежных, так и русских исследователей-филологов и литераторов. В западном литературоведении опубликовано большое количество работ, осмысливающих принципы эстетического, художественного, философского и даже политического миропонимания Стоппарда, специфику его стилистических приемов. Исследователь Д. Хантер выстраивает логико-лингвистическую модель, так называемую «бинарную оппозицию», и называет ее основой пьес Стоппарда. Стиль английского драматурга сравнивают с манерой С. Беккета, Ж. Жене, О. Уайльда, Б. Шоу.

После успешной премьеры «Берега Утопии» (2007) интерес к творчеству Стоппарда заметно оживился и в России. Стоппарда называют одним из основоположников постмодернизма в драме, отмечая его нестандартное прочтение драматургии Шекспира. Учёные сравнивают «Берег Утопии» с более ранними пьесами автора, подчёркивая элементы постмодернистской поэтики, реализма и биографизма, что говорит о новых тенденциях в драматургии Стоппарда. Литературоведы рассматривают поэтику драм Стоппарда [Беяева: 3], лингвисты предпринимают попытку назвать основные способы языкового выражения образов английского драматурга [Решетняк: 24]. С.Б. Климова исследует на материале пьес Стоппарда основные тенденции в восприятии и изображении России в современной английской культуре [Климова: 90]. Особый интерес у литературоведов вызывает несомненное сходство художественных принципов, сюжетные совпадения и перекличка в пьесах Стоппарда и Шекспира [Доценко: 89]. В последние годы отечественные литературоведы всё чаще обращаются к концепту истории в драматургии Стоппарда [Дворянкина: 39–48], его пьесы «Травести», «Берег Утопии» и «Рок-н-ролл» анализируются в связи с концепцией нового историзма [Соловьева] и как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии [Шамина: 133–143].

Большая работа, проведенная зарубежными и русскими исследователями по сбору конкретных материалов, сделала возможной постановку проблемы образов в пьесах Стоппарда. И.С. Мережникова остаётся навливающей на поэтике исторических персонажей в пьесе в целом [Мережникова: 239]. Так, она считает, что трилогия объединена темой выбора пути исторического развития России XIX в., которая передана через изображение личной трагедии Александра Герцена, личность которого неразрывно связана с историей Российского государства. В.В. Ванчугов называет ключевой фигурой в реализации замысла пьесы «Берег Утопии» А.И. Герцена [Ванчугов: 79]. Он приводит мнения зарубежных рецензентов пьесы,

пишет, что многие критики проявляют внимание к фигуре Герцена.

Другие учёные отмечают важность фигуры критика Белинского в пьесе. Так, Е.Г. Доценко называет его «авторским» героем, подчёркивая симпатию автора к нему. Она последовательно доказывает, что смерть Белинского в середине пьесы становится сигнальным моментом, когда функция главного героя от Белинского переходит к Герцену [Доценко: 91]. А О.Н. Макаренко обращается к истокам философских идей и литературным источникам образа Белинского в трилогии, утверждая значимую роль личности критика в произведении [Макаренко: 134].

Особое мнение высказывает немецкий учёный Х.-Ю. Герик. Герик подробно анализирует в своей лекции «Том Стоппард и Тургенев. Комментарии к драматической трилогии “Берег Утопии”» (2016) пьесу Стоппарда, подчёркивая особое значение образа Тургенева в реализации замысла произведения. Тургенев, по мнению Герика, находится в трилогии Стоппарда на переднем плане. Он появляется в каждой части драмы, его присутствие важно и становится все более значимым по мере развития сюжета [Gerigk: 2].

Сходство художественных принципов Тургенева и Стоппарда уже привлекало к себе внимание русских исследователей-литераторов [Гайдин: 231]. Однако назначение Тургенева главным героем произведения Стоппарда видится нам неубедительным. В пьесе «Берег Утопии» представлены многие известные личности как русской, так и зарубежной истории, всего более 70 персонажей. И каждая фигура, безусловно, несёт свою смысловую и идейную нагрузку, образ Тургенева не является исключением. Но сам автор опирается в работе над драмой в первую очередь на исследования Исаяи Берлина, на его книгу «Русские мыслители» (1978), а также на книгу «Романтические изгнанники» (1933) Э. Карра – собрание очерков, посвященных Герцену и Огарёву. Во вступлении к пьесе и на афишах Стоппард рекомендует читателю и зрителю именно эти книги для обязательного прочтения, чтобы более точно понять контекст трилогии. Вслед за отечественными учёными мы полагаем, что образ Герцена – основной образ пьесы, объединяющий действие.

Однако, как нам кажется, образу Тургенева в трилогии «Берег Утопии» литературоведами уделяется недостаточное внимание. Фигура Тургенева рассматривается в контексте трилогии Стоппарда в ряду прочих многочисленных русских представителей русской интеллигенции, хотя сам британский драматург, участвуя в репетициях «Берега Утопии» в Москве, неоднократно подчёркивал важность этого героя в пьесе. Александр Устюгов, исполняющий роль Тургенева в спектакле, вспоминает, как Стоппард говорил, что Тургенев в пьесе – это он, Стоппард [Киеня: 8].

Тургенев относится к списку главных действующих лиц, появляется в кульминационные моменты пьесы и, безусловно, заслуживает детальной проработки. В данной статье мы предпримем попытку детального разбора образа Тургенева в пьесе «Берег Утопии», нашей целью станет определение функций образа в свете постмодернистских тенденций творчества Стоппарда.

Молодой Тургенев, один из участников кружка Станкевича, был знаковой фигурой XIX века. Без него трудно представить себе историю России 1840-х гг., которая вдохновила английского драматурга на написание «Берега Утопии». «Неистовое гегельянство» эпохи 1840-х гг. и погружение в философию Гегеля в России сочетается с попытками применить идеи немецкого философа к русской жизни [Созина: 94], развитие русского национального самосознания происходит под знаком Гегеля. Тургенев писал о своём поколении: «...Мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления» [Тургенев 1983: 259]. В «Гамлете Щигровского уезда» тургеневский герой критикует бездумное внедрение философских идей в русскую действительность, а в романе «Рудин» по Гегелю ставится вопрос о высшем предназначении героя. Мирозерцание Тургенева совпадает с основными тенденциями развития художественного сознания России того времени, он прошел путь от увлечения Гегелем до полного разочарования в гегелевской философии истории. В связи с этим подчеркнем, что русские исследователи отмечают эволюцию взглядов Стоппарда на историю как процесс: от концепции постмодернизма до понимания исторических законов в духе детерминизма Г.В.Ф. Гегеля [Дворянкина: 39]. В понимании истории Стоппард, видимо, следует многим идеям Гегеля, и мироощущение русского европейца Тургенева становится британцу близким и понятным. Фигура Тургенева в сложной системе персонажей пьесы помогает автору соединить историю, литературу и философию эпохи 1840 гг. Автор утопии предлагает переосмыслить события в России, уделяя особенное внимание размежеванию русских мыслителей, иронично и скептически показывает этот этап русской истории как литературный текст.

Появление фигуры Тургенева в произведении Стоппарда имеет свои смысловые и идейные функции, его присутствие в пьесе позволяет читателю понять духовные идеалы интеллигенции того времени и погрузиться в атмосферу России XIX в. Вероятно, той же цели служат и эпизоды трилогии, где Тургенев увлекает своих друзей историями из русского быта. Рассказы о провинциальном учителе и молодой прачке, мечтающей о куске душистого мыла, очень просты и реалистичны. Тургенев – часть исторического, философского, литературного и культурного контекста драмы Стоппарда.

Большинство исторических фактов в пьесе достоверно. Можно, однако, согласиться с Д.Ю. Соловьёвой в том, что было бы ошибкой считать «Берег Утопии» реалистической драмой, а взгляд драматурга на русскую историю объективным. Присутствие Тургенева как представителя эпохи не только подчёркивает колорит времени, целью Стоппарда, видимо, было также соединение частной жизни персонажа как одного из ключевых деятелей своего времени с историей страны. Наряду с личной драмой Герцена автору интересен жизненный путь Тургенева. Вводя в культурно-исторический фон пьесы разных персонажей, британский драматург также создаёт дополнительные возможности представления идей и взглядов, расширяет морально-гражданский пафос пьесы и её интертекстуальность. Так, полемика героев пьесы о дальнейшей судьбе России, о французской революции позволяет автору поднять важную проблему о значимости исторических событий и объективности их современного восприятия.

Описывая события французской революции 1848 г., Стоппард не пытается восстановить их исторически достоверно, его задача состоит в создании новой версии на основе существующих литературных источников. По нашему мнению, драматург неслучайно отбирает для пьесы не первоисточник, а вторичный текст, а именно: воспоминания и письма Тургенева о революции во Франции. В 1840 гг. годы Тургенев занимался философией, мечтал о профессуре и изучал систему Гегеля вместе с другими русскими молодыми людьми в Берлине. В 1845 г. он пишет в рецензии на «Фауста» о том, что ничего не может быть логичнее исторического развития. В стремлении к объективации исторических событий Стоппард предлагает с помощью воспоминаний Тургенева еще одно видение французской революции. По мнению Тургенева (в представлении Стоппарда) парижане ведут себя как зрители на представлении, с интересом выжидая, чем всё кончится. Русский писатель признает значение французской революции для истории, но результат разочаровывает его. Его глазами мы видим улицы Парижа после краха революции. С одной стороны, Тургенев – очевидец исторически важных событий в Париже, включенных по Г.В.Ф. Гегелю в Великую цепь бытия, с другой, по замыслу Стоппарда, с подачи русского классика французская революция показана в ином, теневом ракурсе, она теряет свое глобальное значение. В исторической постмодернистской игре Стоппарда Тургенев, являясь сторонним наблюдателем, как иностранец и скептик помогает автору переоценить исторические факты.

В третьей, последней, части трилогии Тургенев встречается с К. Марксом, хотя достоверно известно, что Тургенев и Маркс никогда не встречались. Речь снова идёт о французской революции. В вымышлен-

ном диалоге с Тургеневым Маркс с воодушевлением говорит о событиях в Париже, показывает только что изданный «Коммунистический манифест». Завязывается оживленная дискуссия. Все увлечены революцией, с восторгом оговаривают о происходящем на улицах Парижа, но не слушают друг друга, будучи обеспокоены только своей ролью в истории. Тургенев углубляется в чтение «Манифеста», далее иронично спрашивает, есть ли у Гервега военный опыт для руководства военной бригадой и не французское ли правительство этот бунт финансирует. Вопрос о роли личности в истории выходит на первый план. Человек, по Гегелю, может повлиять на ход событий, но не в состоянии существенно изменить ход истории. Стоппард убирает стереотипы, революция в интерпретации Тургенева – пародия, а герои революции – уже больше не герои, а простые люди, которые преследуют свои меркантильные цели. Феномен повтора с цитатами и аллюзиями из литературных источников позволяет Стоппарду дополнить смысл текста. Читатель сам может определить свою позицию по отношению к прошлому историческому событию, в данном случае – к французской революции 1844 г. Признавая сосуществование разных взглядов, британский драматург с помощью образа Тургенева создаёт новую историю революции.

Тургенев встречается с Марксом ещё раз, в конце трилогии. Автор «Берега Утопии» вновь применяет сюжетный ход, свойственный фантастическим, утопическим произведениям: он описывает гипотетическую встречу Тургенева с Марксом. Сама форма подачи материала, где разговор происходит во сне Герцена, и причудливый предмет разговора – Сандвичевы острова – превращают их беседу в фарс. Обе позиции – и Маркса, и Тургенева – существуют, по Стоппарду, как варианты познания истины и имеют право на существование. Марксистское понимание истории как объективного процесса подвергается сомнению в творчестве Стоппарда.

Идея свободы занимает важное место в исторической концепции Стоппарда. Вслед за Берлином он называет свободу высшей ценностью. В своей работе «Человек и общество. Утопия и свобода» британский драматург пишет: «Суть моей свободы не в том, чтобы люди считались с моими интересами, а в том, чтобы я считался с интересами других» [Gerigk]. Свобода – одна из главных нравственных тем трилогии «Берег Утопии». Современные вопросы о свободе личности и защите прав индивида приобретают особое значение. В спорах главных героев пьесы Стоппард приводит разные суждения о феномене свободы. В пастише цитат из разнообразных литературных тестов, где представлено и мнение Тургенева, рождается дискуссия героев драмы о свободе. Герцен в пьесе говорит, что понял суть свободы: «Свобода – это

то, что люди дают друг другу, а не то, что забирают друг у друга» [Стоппард: 366]. Тургенева увлекают философские речи Герцена, но автор подчёркивает и скептическую установку писателя в отношении высших начал и ценностей. «Умение поставить себя на место другого и есть цивилизованность, и этому нужно учиться веками», – говорит он в пьесе [Стоппард: 402]. Стоппард сталкивает в пьесе разные точки зрения, иронизируя над каждой.

Вопрос свободы волновал Тургенева. Приведем аутентичное свидетельство. В 1875 г. Тургенев на вопрос М.А. Милютиной, каково его мирозерцание, написал следующие строки: «Я преимущественно реалист и более всего интересуюсь живой правдой людской. Ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу...» [Тургенев 2003: 39]. Эти слова подводят итог идейной эволюции Тургенева. В связи с этим умно и иронично звучит в пьесе его замечание о том, что можно владеть оркестром, но подчинить себе пение соловьёв в лесу вряд ли удастся. Концепция множественности истин, которая сближает тексты британского драматурга и новых историков, находит своё воплощение и в полемике о свободе. В качестве одного из участков спора о свободе в обществе Тургенев бывает резок, иногда даже язвительен, но всегда разумен и рассудителен. Его слова ставят точку в споре героев. Тургеневская ирония, столь близкая Стоппарду, возвращают восторженных русских интеллигентов к реальности.

В третьей части Тургенев встречается на острове Уайт с молодым врачом, типаж которого удивительно напоминает главного героя «Отцов и детей». В ходе разговора доктор неоднократно подчёркивает своё кредо. Он принимает только факты, всё остальное – сентиментальность. Одним словом, в этом молодом докторе Тургенев сталкивается с мировоззрением своего Базарова и прилагает все усилия, чтобы опровергнуть его мнение об окружающем мире. В конце разговора Тургенев говорит: «Я даже не знаю, как тебя зовут». А молодой доктор отвечает: «Зови меня Базаров» [Стоппард: 433]. Идея встречи автора со своим героем чрезвычайно интересна и заслуживает внимания. Стоппард сделал это по-своему, столкнув Тургенева с его главным героем ещё до того, как он появился в романе. Эта встреча завершает дискуссии о свободе, при встрече с Базаровым, разочаровавшись в нигилизме, герой-Тургенев понимает, что отрицание всего является не свободой, а тупиком. Автор приходит к выводу, что в обществе, как и в любой Утопии, достигнуть абсолютной свободы невозможно.

В трилогии Стоппард поднимает и другие насущные вопросы. В первой части трилогии Тургенев выходит на арену как начинающий писатель. Он обращается к Белинскому с просьбой прочитать его первую

поэму «Параша». Он делает первые шаги в литературе, стеснителен и робок перед известным критиком. Во второй части он уже участник полемических литературных и политических споров. Молодого писателя интересует мнение Белинского о его новом рассказе «Бурмистр». «Люди жалуются, что у меня в рассказах нет моего собственного отношения. Читатель озадачен. С чем автор согласен, а что осуждает? Хочу ли я, чтобы они сочувствовали этому персонажу или тому? Кто виноват, что мужик пьёт, – мы или он? Где позиция писателя? Почему он уходит от ответа? Может, я не прав, но разве я стану лучше писать, если отвечу?» [Стоппард: 243]. Белинский – главный оппонент Тургенева в споре. Мы присоединяемся к мнению Мережниковой о том, что в трилогии Белинский противопоставляется Тургеневу своей позицией о роли литературы в общественной жизни. Он представляет определённую позицию, свою авторскую идеологию, отличную от Белинского. Образ молодого нигилиста, которого волнует вопрос о роли литературы в судьбе народа, сопоставляется с политиком. «Бинарная оппозиция» делает тему противопоставления литературы и политики одной из ключевых в драме Стоппарда. Монтируя исторический сюжет, свободно выбирая литературные тексты, драматург Стоппард использует фигуру Тургенева для передачи своих идей. Спор литераторов, одним из участников которого является Тургенев, ставит важный для Стоппарда вопрос об истинном назначении писателя и месте искусства в обществе.

Стоппард по традиции постмодернизма предлагает в «Береге Утопии» неожиданное сочетание персонажей и текстов. Неизвестно, имела ли место подобная дискуссия между Тургеневым и Белинским в реальности, но, опираясь на исследование Исаяи Берлина и по законам документальной фантастики, драматург вкладывает в уста героев те слова, которые они на самом деле сказали или могли бы сказать. Многие реплики героев имеют документальное подтверждение, в монологах использованы фрагменты их книг и статей. Включая в реальное повествование фантастические элементы, Стоппард создаёт оригинальное произведение, где субъекты Утопии формулируют идеи и ставят вопросы, актуальные для современного общества, например о ценности любви.

В первой части трилогии есть эпизод, до сих пор не привлекавший внимания литературоведов и критиков. Огарёв в саду имения Бакунина говорит: «Красавицу полюбить каждый может. Любовь Тургенева – всем нам упрек. А мы играем этим словом, как мячиком...» [Стоппард: 28]. Появление этой сцены в начале пьесы кажется нам неслучайным. Видимо, Стоппарда привлекает особая философия любви Тургенева. Идею любви исследователи называют «скрепляющей» субстанцией пьес Стоппарда [Беляе-

ва: 7]. Упоминание о серьёзном чувстве Тургенева к Полине Виардо должно ассоциироваться у зрителя с духовным идеалом чистой любви, который близок тургеневскому поколению. Молодые люди 1840-х гг., которые прошли «духовную эмиграцию» в Германии, обожествляли любовь, видели в ней великий дар. Любовь к женщине, по их мнению, – одно из могущественных проявлений всеобщего мирового закона любви, творящего мироздание. Любящий человек окружался ореолом, выделялся из толпы, считался особенным. Огарёв в пьесе связывает любовь с Вселенной, Богом и освобождением человечества, с уважением говорит об увлечении Тургенева. Духовное начало любви, возвышающее человека, – основополагающая черта тургеневского творчества.

В заключение подчеркнем, что Тургенев является одним из важных образов трилогии Стоппарда. Однако созданный Стоппардом художественный образ не может претендовать на полную историческую достоверность. Образ Тургенева, введенный в трилогию, используется драматургом в своих целях, выполняет многочисленные функции и передаёт авторские идеи. Тургенев – значимая фигура русской истории и литературы. Истории Тургенева в пьесе – меткие зарисовки русского быта, он сам – яркий представитель русской интеллигенции XIX века, многогранная личность, объединяющая философию, историю и литературу своего времени.

Письма, воспоминания, мемуарные и художественные произведения Тургенева не только дополняют биографизм пьесы, делая её во многом исторически достоверной, но и как одно из видений событий помогают автору переоценить исторические факты. Но Стоппард подает исторический материал по традиции в пародийно-комическом ключе, что можно рассматривать как узкий, однобокий взгляд на историю, при котором теряется важное прогрессивное значение многих исторических событий. Мироощущение русского классика представляет интерес для британского драматурга, он даёт своему герою возможность выразить своё мнение по многим насущным вопросам. Тургенев – один из участников политических дискуссий гегельянцев и позитивистов о судьбе России, о революции, об обществе и о свободе. Его мнение важно в литературных спорах о роли литературы в обществе и назначении писателя, о личности в истории. История любви Тургенева к Виардо придаёт символическую значимость эпизоду и ассоциируется у зрителя с духовным идеалом чистой любви, который был близок интеллигенции 40-х гг. XIX века. Хотелось бы подчеркнуть, однако, что Стоппард отбирает только те произведения Тургенева, которые важны ему для авторского замысла трилогии и не принимает во внимание весь художественный потенциал и эволюцию мировоззрения русского автора. В свя-

зи с этим невольно задаешься вопросом, понятны ли британскому драматургу глубинные смыслы творчества русского классика. Стоппард наделяет своего героя только ему присущими индивидуальными чертами, которые привносят уникальность в данный образ. Уходя от схематичности в изображении героя, Стоппард делает образ Тургенева более сложным и противоречивым. Тургенев в пьесе – не просто «художник», он и как ведущая историческая личность, и как участник фантастических сцен получает право голоса в любом вопросе. Наблюдательность, ирония и рассудительность делают его достойным противником в диалоге персонажей трилогии и примиряют противоположные идейные течения.

Список литературы

- Беляева В.Е.* Принципы поэтики драматургии Тома Стоппарда: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 205 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/printsipy-poetiki-dramaturgii-toma-stopparda> (дата обращения: 07.03.2022).
- Ванчугов В.В.* Что сделано западными руссиеведами применительно к русской философии // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2013. № 1. С. 79–90.
- Гайдин Б.Н.* «Анти-Гамлет» у И.С. Тургенева и Т. Стоппарда // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 231–235.
- Дворянкина И.С.* Исторический процесс и историческое время в драматургии Тома Стоппарда // Наука и школа. 2020. № 1. С. 39–49.
- Доценко Е.Г.* Завершая год Шекспира: шекспировские сценарии Тома Стоппарда // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 89–93.
- Киеня Н.* Два берега русских утопий // Известия. 2007. 16 марта.
- Климова С.Б.* Образ России в современной английской культуре: старое и новое // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8-1. С. 89–92. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_8-1_21.pdf (дата обращения: 07.03.2022).
- Макаренко О.Н.* Истоки философских идей и способы их выражения в трилогии Т. Стоппарда «Берег Утопии» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 134–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11744270> (дата обращения: 07.03.2020).
- Макаренко О.Н.* Литературные источники образа Виссариона Белинского в пьесе Т. Стоппарда «Берег Утопии» // Гуманитарные исследования. 2008. № 3. С. 89–95. URL: [http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI_2008_3\(27\).pdf](http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI_2008_3(27).pdf) (дата обращения: 07.03.2020).
- Мережникова И.С.* «Берег Утопии» Т. Стоппарда: эволюция поэтики исторических персонажей // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 237–241. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bereg-utopii-t-stopparda-evolyutsiya-poetiki-istoricheskikh-personazhey> (дата обращения: 07.03.2022).
- Решетняк А.В.* Способы языкового выражения образов России и русских: на материале пьес Тома Стоппарда: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 178 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovoe-vyrazhenie-obraza-avtora-i-obraza-rasskazchika-v-russkoi-proze-molodykh-avtorov-po> (дата обращения: 07.03.2022).
- Созина Е.К.* Гегель в культурном сознании России 1840-х годов и роман М. Лермонтова «Герой нашего времени» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения профессора И.А. Дергачёва. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, 2011, № 3. С. 79–90.
- Соловьева Д.Ю.* Новый историзм в творчестве Тома Стоппарда (на примере пьес «Травести», «Берег Утопии», «Рок-н-ролл») // Медиаскоп. 2016. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2088> (дата обращения: 07.03.2022).
- Стоппард Т.* Берег Утопии: драматическая трилогия / пер. с англ. А. Островского и С. Островского. Москва: Иностранка, 2006. 479 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 11. Москва: АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом), 1983. 527 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 14. М.: ИРЛИ. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Наука. 2003. 418 с.
- Шамина В.Б.* Пьесы Тома Стоппарда как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. Т. 151, кн. 3. С. 133–143.
- Gerigk H.-J.* Tom Stoppard und Turgenjew. Ein Kommentar zur Dramen-trilogie "The Coast of Utopia". URL: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/tom-stoppard-und-turgenjew/> (дата обращения: 07.03.2022).
- Tom Stoppard's livejournal. URL: <https://tom-stoppard.livejournal.com/2087.html> (дата обращения: 07.03.2022).

References

- Beljaeva V.E. *Principy poetiki dramaturgii Toma Stopparda*: dis. ... kand. filol. nauk [Principles of Poetics of Drama by Tom Stoppard]. Moscow, 2007, 205 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/printsipy-poetiki-dramaturgii-toma-stopparda> (access date: 07.03.2022). (In Russ.)
- Vanchugov V.V. *Chto sdelano zapadnymi rossievedami primenitel'no k russkoj filosofii* [What has been done by Western Russian scholars in relation to Russian philosophy]. *Vestnik RUDN. Ser.: Filosofija* [Bulletin of RUDN University. Ser.: Philosophy], 2013, № 1, pp. 79–90. (In Russ.)

Gajdin B.N. «Anti-Gamlet» u I.S. Turgeneva i T. Stopparda [“Anti-Hamlet” by I.S. Turgenev and T. Stoppard]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2008, № 3, pp. 231–235. (In Russ.)

Dvorjankina I.S. *Istoricheskij process i istoricheskoe vremja v dramaturgii Toma Stopparda* [Historical process and historical time in the playwrights of Tom Stoppard]. *Nauka i shkola* [Science and school], 2020, № 1, pp. 39–49. (In Russ.)

Docenko E.G. *Zavershaja god Shekspira: shekspirovskie scenarii Toma Stopparda* [Closing the Year of Shakespeare: Shakespearean Scripts by Tom Stoppard]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2016, № 4 (46), pp. 89–93. (In Russ.)

Kienja N. *Dva berega russkih utopij* [Two banks of Russian utopias]. *Izvestija* [News], 2007, 16 mart. (In Russ.)

Klimova S.B. *Obraz Rossii v sovremennoj anglijskoj kul'ture: staroe i novoe* [The Image of Russia in Modern English Culture: Old and New]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2012, № 8-1, pp. 89–92. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_8-1_21.pdf (access date: 07.03.2022). (In Russ.)

Makarenko O.H. *Istoki filosofskih idej i sposoby ih vyrazhenija v trilogii T. Stopparda «Bereg Utopii»* [The Origins of Philosophical Ideas and Ways of Their Expression in T. Stoppard's Trilogy “Coast of Utopia”]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2008, № 20, pp. 134–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11744270> (access date: 07.03.2020). (In Russ.)

Makarenko O.N. *Literaturnye istochniki obraza Visariona Belinskogo v p'ese T. Stopparda «Bereg Utopii»* [Literary sources of the image of Vissarion Belinsky in T. Stoppard's play “The Coast of Utopia”]. *Gumanitarnye issledovanij* [Humanitarian research], 2008, № 3, pp. 89–95. URL: [http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI_2008_3\(27\).pdf](http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI_2008_3(27).pdf) (access date: 07.03.2020). (In Russ.)

Merezhnikova I.S. «Bereg Utopii» T. Stopparda: *jevoljucija pojetiki istoricheskikh personazhej* [“Coast of Utopia” by T. Stoppard: the evolution of the poetics of historical characters]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, № 1, pp. 237–241. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bereg-utopii-t-stopparda-evolyutsiya-poetiki-istoricheskikh-personazhey> (access date: 07.03.2022). (In Russ.)

Reshetnjak A.V. *Sposoby jazykovogo vyrazhenija obrazov Rossii i russkih: na materiale p'es Toma Stopparda*: dis. ... kand. filol. nauk. [Ways of Linguistic Expression of Images of Russia and Russians: Based on Plays by Tom Stoppard]. Moscow, 2011, 178 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovoe-vyrazhenie-obraza-av->

tora-i-obraza-rasskazchika-v-russkoi-proze-molodykh-avtorov-po (access date: 07.03.2022). (In Russ.)

Sozina E.K. *Gegel' v kul'turnom soznanii Rossii 1840-h godov i roman M. Lermontova «Geroj nashego vremeni»* [Hegel in the cultural consciousness of Russia in the 1840s and M. Lermontov's novel “A Hero of Our Time”]. *Romantizm vs realizm: paradigmy hudozhestvennosti, avtorskie strategii*: sb. nauch. st.: k 100-letiju so dnja rozhdenija professora I.A. Dergachjova [Romanticism vs Realism: Artistic Paradigms, Author's Strategies: Sat. scientific Art.: to the 100th anniversary of the birth of Professor I.A. Dergachev]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural Universiteta Publ., 2011, № 3, pp. 79–90. (In Russ.)

Solov'eva D.Ju. *Novyj istorizm v tvorchestve Toma Stopparda (na primere p'es «Travesti», «Bereg Utopii», «Rok-n-roll»)* [New historicism in the work of Tom Stoppard (on the example of the plays Travesty, Utopia Shore, Rock and Roll)]. *Mediascope* [Mediascope], 2016, vol. 1. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2088> (access date: 07.03.2022). (In Russ.)

Stoppard T. *Bereg Utopii: dramaticheskaja trilogija* [Coast of Utopia: A Dramatic Trilogy], trans. A. Ostrovskogo, S. Ostrovskogo. Moscow, Inostranka Publ., 2006, 479 p. (In Russ.)

Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. T. II* [Turgenev I.S. Full coll. op. and letters: in 30 vols. Vol. 11]. Moscow, AN SSSR, IRLI (Pushkinskij dom) Publ., 1983, 527 p.

Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. T. 14.* [Turgenev I.S. Poln. coll. op. and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols. Vol. 14]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, IRLI Publ., Nauka Publ., 2003, 418 p. (In Russ.)

Shamina V.B. *P'esy Toma Stopparda kak otrazhenie harakternyh chert postmodernizma v dramaturgii* [Plays by Tom Stoppard as a reflection of the characteristic features of postmodernism in dramaturgy]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki* [Scientific notes Kazan. university. Ser.: Humanite. Science], 2009, vol. 151, iss. 3, pp. 133–143. (In Russ.)

Gerigk H.-J. *Tom Stoppard und Turgenjew. Ein Kommentar zur Dramentrilogie «The Coast of Utopia»*. URL: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/tom-stoppard-und-turgenjew/> (access date: 07.03.2022). (In Engl.)

Tom Stoppard's livejournal. URL: <https://tom-stoppard.livejournal.com/2087.html> (access date: 07.03.2022). (In Engl.)

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПРОЗЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА

Гущина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Одинцовский филиал), Одинцово, Россия, anna-guschina@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка определить особенное восприятие феномена «Родина» («Отечество») в сознании немецкой нации на примере художественных произведений немецкого писателя Бернхарда Шлинка. Актуальность обозначенной в статье проблемы обусловлена постоянным обращением немецких писателей, поэтов, философов и социологов к отдельным компонентам, слагающим понятие «Родина». В данном исследовании прослеживается связь между историческими периодами немецкой истории и их изложением в прозе Б. Шлинка. Особое значение в понимании родины следует уделить территориальной и культурной раздробленности Германии на протяжении длительного периода германской истории вплоть до второй половины XIX в. Целью статьи становится выявление ассоциативных связей в ментальности немцев при упоминании понятия «Родина»: немецкая природа, национальный менталитет и характер, типичное поведение немцев, особое немецкое прошлое, повлиявшее на восприятие другими нациями немцев. Необходимо отметить, что тема Родины является для Бернхарда Шлинка особенно важной.

Ключевые слова: Родина, Отечество, немецкая нация, ментальность, природа, история, Бернхард Шлинка.

Для цитирования: Гущина А.И. Образ Родины в прозе Бернхарда Шлинка // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 153–157. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-153-157>

Research Article

THE HOMELAND REPRESENTATION IN THE WORKS BY BERNHARD SCHLINK

Anna I. Gushchina, Candidate of Philological Sciences, MGIMO University (Odintsovo), Odintsovo, Russia, anna-guschina@mail.ru

Abstract. This article considers the special perception of the phenomenon “Homeland” (“Fatherland”) in the consciousness of the German nation using the example of the works by the German writer Bernhard Schlink. Topicality of the problem indicated in the article is due to the constant reference of German writers, poets, philosophers and sociologists to certain components that make up the concept of “Homeland.” The connection between the historical periods of German history and their presentation in the prose by Bernhard Schlink is shown in this article. The understanding of “Fatherland” by Germany’s territorial and cultural fragmentation over a long period of the land’s history until the second half of the 19th century is of particular importance. The purpose of the article is to identify associative ties in the mentality of the Germans by mentioning the concept of “Homeland” – German nature, national mentality and character, the typical Germans’ behaviour, special German past, which influenced the perception of Germans by other nations. It should be noted that the subject of the “Homeland” is especially important for Bernhard Schlink.

Keywords: Fatherland, Homeland, German nation, mentality, nature, history, Bernhard Schlink.

For citation: Gushchina A.I. The Homeland representation in the works by Bernhard Schlink. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 153–157 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-153-157>

Тема Родины (Отечества) присутствует в произведениях практически всех значимых немецких писателей. Образ Родины в целом складывался из отсылок к особым родным пейзажам, типичным национальным характерам, воспроизведения особенной ментальности в поступках персонажей и знаково-погружения в национальную историю.

Целью данной статьи становится попытка определить особый образ Родины (Отечества) для немецкой нации на примере прозы Бернхарда Шлинка (романы «Правосудие Зельба», «Обман Зельба», «Чтец», «Возвращение», «Ольга»), выявить непосредственные элементы, складывающиеся в сознании немцев при упоминании об Отечестве. Необходимо отметить, что в рамках данного исследования понятия Родины и Отечества являются синонимичными.

Прежде чем говорить о современном представлении «Родины» в ментальности немцев, для начала следует обратиться к историческим особенностям, отличавшим Германское государство от других европейских стран. Особенное значение в размышлениях немцев об «Отечестве» имела проблема территориальной и культурной раздробленности, которая существовала вплоть до второй половины XIX в. Неслучайно ещё в 1813 г. Эрнст Мориц Арндт в своём стихотворении спрашивал: «Was ist des Deutschen Vaterland?» («Что есть Отечество немца?»). Именно на этот период немецкой истории и приходится подъём национального самосознания и немецкой идентичности.

О необходимости определения единого немецкого Отечества, о проблеме патриотизма писал ещё Шиллер в незаконченном стихотворении «Немецкое величие» (1805) («Нашей славы час пробьёт – // Немца час ещё придёт») [Шиллер: 813–814]. Полвека спустя Гофман фон Фаллерслебен (1798–1874) вслед за Шиллером написал слова к «Песне немцев» (1841). Поэту тема объединения германских княжеств в единое государство отразилась на творчестве немецких писателей, философов и социологов конца XVIII – середины XIX в. Вопрос формирования у немцев осознания германского Отечества был возможен лишь при наличии единой культуры и языка.

Таким образом, благодаря стихотворениям Гофмана фон Фаллерслебена и Э.М. Арндта у немцев начинает формироваться образ немецкого Отечества как единого национального государства.

Примечательно, что тема Родины остаётся актуальной и сегодня. Так, немецкий философ Карен Йоистен, размышляя о Родине, определяет её как сущность, через которую человек лучше познаёт себя. «Человек относится к Родине как к своей конституционно условной границе, к которой он, в связи с возможностью всеобщего стирания границ, бесконечно привязан» [Stolte]. Кроме того, по мнению филосо-

фа, при упоминании Родины у человека возникают следующие вопросы: «откуда пришёл человек и куда он идёт» [Stolte].

Тема Родины (Отечества) актуализируется и в творчестве Шлинка, который выделяет её в «Гейдельбергских лекциях» как одну из значимых в своих художественных произведениях.

Эта беспрецедентная ситуация понимания и осознания данного феномена приводит его к анализу укоренившегося в современном понимании чувства родины у немцев. Как пишет Шлинк в эссе «Родина как утопия» [Schlink 2000: 34], понимание родины позволяет получить все эмоциональные переживания близости и отдаленности Родины, а также воспоминаний и тоски по ней. Родина – это утопия даже для того, кто всю жизнь прожил в одном месте. Она – место, где ему запомнились все «прошлые мечты, надежды и желания», «утопия всей его жизни», – считает писатель [Schlink 2000: 35–36].

В «Гейдельбергских лекциях» Шлинк обозначает несколько проблемных вопросов, которые так или иначе связаны с национальными представлениями о Родине. Определяется ли понятие родины человека страной его рождения или географическим местом, где он живёт в настоящем? Не превращается ли в современном мире понятие «Родина» в утопию? Связана ли родина с национальным менталитетом и характером немцев? [Schlink 2011: 84].

Шлинк умело ввергает своим персонажам поиск ответов на эти и многие другие вопросы, которые рано или поздно они задают себе. В поступках героев заметна и национальная ментальность, и типичный немецкий характер, и стремление найти и определить своё Отечество, о чём размышляли до Шлинка многие классики: Гёте, Шиллер, Гейне и многие др.

Первое, что объединяет писателей и поэтов разных исторических эпох, – это обращение к особым немецким пейзажам, которые описываются и восхваляются ими в крупной и малой прозе, в стихотворениях и песнях.

Так, например, персонажам классической немецкой литературы всегда было свойственно поклонение особенной красоте немецкой природы. Германское Отечество в этом отношении представало пространством цветущих долин (например, в «Майской песне» Гёте), зеленеющих рощ, в которых поют птицы (например, в стихотворении «Зайди же, солнце милое» Гельдерлина) и т. д.

Подобная идилличность изображения родной земли присутствует и у Шлинка в романе «Чтец». В данном произведении главный герой Михаэль наслаждается силой зелени, видами «рейнской долины, то подрагивающей в жарком мареве, то покрытой поволокой дождя под тёмными грозовыми облаками» [Шлинк 2009: 118–119]. Здесь хорошо чувству-

ется та самая романтика малой родины, её пейзажей, которую легко обнаружить и в произведениях И.В. Гёте, Т. Шторма, Б. Ауэрбаха и других авторов.

Похожим образом просыпается чувство родины и в Герберте, герое романа «Ольга». Для него природа и Родина неразрывно связаны друг с другом. Вместе со своей собакой Герберт безостановочно исследует окружающий его мир: Герберт «любил открытое поле и светлый лес, а когда поля колосились, он бегал среди высоких хлебов, и ему нравилось, что колосья хлещут его по голым рукам и ногам, в лесу же он мчался напролом через заросли – здесь ему нравилось, что ветви царапают и колют, но он сумеет вырваться, если кустарник попытается его удержать» [Шлинка 2018: 18]. В начале XX в. взгляд Герберта устремляется в бескрайние немецкие просторы, «свекольные поля, коричневые междуречья. <...> Кое-где высятся тополя. Крохотная рощица буков как тёмный островок в светлом зелёном море» [Шлинка 2018: 37]. В идиллической картине Герберта природа первозданная, нетронутая технологическим прогрессом. Бескрайние поля Германии в сознании героя олицетворяют необъятную родину – такую же великую и бесконечную. Именно это осознание сподвигает его к освоению Крайнего Севера для расширения пространства страны.

Однако образ родины как идиллической страны с густыми лесами, высокими горами и прекрасными реками, вдохновлявшие художников прошлого, уже во времена грюндерства стал трансформироваться в образ страны, вступившей на новый путь развития. Так, в романе «Правосудие Зельба» Шлинка художественно изображает особенности «любимого» пейзажа героя – им становится пейзаж не природный, а промышленный. «Я стоял у окна и смотрел поверх башен, цехов и труб на торговый порт и утопающий в бледной дымке Мангейм, – вспоминает однажды Зельб. – Я люблю промышленные пейзажи, и мне было бы трудно сделать выбор между индустриальной романтикой и лесной идиллией» [Шлинка 2010: 14].

Следующее изображение Германии в прозе писателя связано уже не с природными ландшафтами, а с технологической мощью страны. Шлинка не только в этом случае, но и во многих других – иногда с сожалением, иногда с надеждой на лучшее – признаёт, что немецкое Отечество в национальном сознании становится уже другим. Писатель отмечает изменение современного облика страны: образ современной Германии не похож на тот, который сложился в типичных представлениях о ней. Так, одного из персонажей романа «Обман Зельба» приводит в восторг то, что он имеет возможность гулять в Оденвальдском и Пфальцском лесах, однако ещё более его радуют современные «автострада и железная дорога»,

которые предоставляют эту возможность [Шлинка 2011: 280].

Также в уже упомянутом романе «Ольга» писатель символически показывает, как стремительное промышленное развитие Германии изменило её внешний облик. Если в начале века персонажи «носились по дорогам и полевым межам, по лесным тропкам и просекам, а нередко и по бездорожью, напрямик через заросли и луга» [Шлинка 2018: 18], то во второй половине XX столетия, после Второй мировой войны и в годы экономического подъёма, мы наблюдаем их на фоне небоскрёбов, заводов и т. п.

Значит ли это, что автор выступает сторонником обновления, что прежние идиллические картины представляются ему анахронизмом? Конечно, нет, потому что, например, в романе «Обман Зельба» следует обратить внимание и на следующую сцену. Зельб, раздосадованный настоящим, вспоминает прошлое, в котором многие вещи, обстоятельства представляются островком спокойствия и счастья. Ему вспоминается старинная булочная за углом, в которой они... покупали булочки и хлеб [Шлинка 2011: 14]. Вслед за булочной, ставшей элементом приятных воспоминаний о прошлом, персонажи Шлинка воскрешают в памяти маленькие переулки, старинные уютные кафе. Это также необходимый пазл в формировании образа родины.

Означает ли это, что автор предпочитает Германию «традиционную» (мифологическую, Германию Гёте и Шиллера) Германии современной? Этого также нельзя утверждать. Неслучайно рассказчик из романа «Возвращение» мучительно переживает свою сопричастность той самой «традиционной» Германии – слишком правильной, живущей по своим стереотипам, в которых ему открывается много фальшивого. Так, возвращаясь из Америки на родину, он всматривается в родные пейзажи и думает: «В поезде, по дороге из аэропорта в родной город, проезжая по местности, заселённой словно по линейке, мимо чистеньких городов с аккуратно покрашенными домами, ухоженными палисадниками, низенькими заборчиками и мокрыми от дождя, сияющими чистотой улицами», он с ужасом понимает, «насколько этот мир не настоящий и все в нём не так». Он осознаёт, что является его неотъемлемой частью и никогда не сможет «из него вырваться. Это было просто невозможно» (курсив наш. – А. Г.) [Шлинка 2013: 49].

Подобные «противоречия» в авторском сознании помогают понять настоящую позицию Шлинка относительно феномена «Родина».

В рамках статьи стоит отметить, что простыми описаниями немецкой природы и родных окрестностей Шлинка не ограничивается. Типичной художественной особенностью произведений Шлинка служит частое обращение к мировоззренческим взглядам немцев, их типичным чертам, отличающим их от дру-

гих наций. Таким образом, исследование облика германского Отечества напрямую связано с исследованием особенной немецкой души и тех культурных пространств, в которых она формируется.

Образ особой немецкой души раскрывается довольно подробно в романе «Возвращение», где немцы представлены прагматичной нацией. Главный герой, Петер Дебауэр, живя в Америке, получает возможность смотреть на Германию со стороны, и это делает возможным осознание многих незамечаемых им ранее вещей. «Иногда меня слегка сбивали с толку насмешливые замечания художника, с которым мы подружились, – размышляет он. – Он говорил, что я учусь на массажиста как истинный трудоголик и чудовищный аккуратист. Я настоящий супернемец суперпротестантского пошиба. Что такое сотворила со мной моя матушка? Что такое сделал я сам с собой?» [Шлинк 2013: 49]. Другим нациям Германия представляется страной, населённой пунктуальными, законопослушными, выдержанными, вежливыми, сохраняющими дистанцию в общении людьми.

Однако необычную гибкость мышления демонстрирует Михаэль Берг в романе «Чтец», отделяя личность Ханны от собирательно-абстрактного образа немцев-преступников. В его случае перед читателем возникает не типичный «верноподданный», исполнитель некоего «долга», а человек, склонный к самостоятельному мышлению. Находясь в зале суда и потом долго анализируя преступления Ханны во время Второй мировой войны, находящейся в то время на службе в войсках СС, Михаэль сумел аналитически выяснить истинную причину, побудившую Ханну вступить в СС, – неграмотность героини. Именно неумение читать неосознанно заставило Ханну встать на путь преступлений. Однажды, прогуливаясь по лесу, Михаэль осознаёт: «Ханна не умела читать и писать. Поэтому она и просила, чтобы ей читали вслух. <...> По этой же причине она отказалась от повышения на заводе Сименса и стала надзирательницей. Поэтому же она согласилась на суде взять на себя ответственность за написание донесения» [Шлинк 2009: 120–121]. Он не становится на одну сторону с судьями, а занимает обособленную позицию, его волнует разгадка её тайны. Михаэль не следует большинству, осуждая Ханну в её бессердечности во время пожара в церкви, где большинство арестованных женщин сгорели заживо, а пытается выяснить истинные внутренние страхи, заставившие Ханну так поступить.

Так устойчивый портрет законопослушного, «правильного» немца ставится автором под сомнение.

Примечательно, что для каждого своего персонажа Шлинк выбирает те пазлы, которые ему кажутся самыми важными в восприятии Родины. Так, в сознании Иоганна Дебауэра («Возвращение») родина при-

равнивается в первую очередь к месту комфортного существования, для Герберта, героя романа «Ольга», важно могущество и величие германского Отечества – именно это влечёт его на Северный полюс, где он бесследно исчезает навсегда. Не менее сложный женский образ Шлинк нарисовал в том же романе. Ольга – не чистокровная немка. Она недовольна политическими режимами, которые ей пришлось наблюдать на протяжении долгой и не всегда счастливой жизни. Однако всякие мысли о переезде в другую страну она гонит прочь. Ни презрение юнкерской касты к ней в детстве и отрочестве, ни милитаристский пафос германской жизни её молодости, ни тяготы существования в её зрелые годы не вызывают в ней желание покинуть страну. Напротив, она всегда ищет *свою* Германию, даже в годы военной катастрофы она ищет соприкосновения с глубинными основами немецкой культуры: «...Ольга была довольна уже тем, что ученики все же усваивали грамоту и счет, вместе с ней пели “Леса покоем дышат”»; разбирая с ними текст этого хорала, она рассказывала им о движении Солнца и Луны, о звездном небе, о смене времен года, о радостях труда и о почтении к смерти. По программе полагалось знакомить детей с историями о Старом Фрице, то есть императоре Фридрихе Великом, а он, как известно, говорил, мол, “Леса покоем дышат” – это невероятно глупые слова, но кому нравится, пусть себе поет. Ольга, рассказывая эту историю о том, как император оценил песню, разъясняла детям, что значит проявлять терпимость» [Шлинк 2018: 59]. Несмотря на то, что ей временами «хочется посмотреть большой мир, увидеть Париж, Рим, Лондон, и Альпы, и океан», она понимает, что это желание ничуть не больше её тоски по дому. «Ведь у немцев как? – они и по пустоте томятся, и по родному уюту» [Шлинк 2018: 266–267].

Итак, образ родины у Шлинка многогранен – это природа с родными пейзажами и постепенно расширяющиеся технологические пространства, плавно заменяющие большие зелёные массивы, это немецкая история и культура, а также такая важная составляющая понятия «Родина», как сами немцы, современный образ которых выходит далеко за рамки сформированных стереотипов как у самих немцев, так и у других наций о них.

Таким образом, Шлинк следует давней немецкой традиции и определяет место «Родины» в ментальности немецкого народа.

Список литературы

Шиллер Ф. Драммы, стихотворения. Москва: Текст, 1975. С. 813–814.

Шлинк Б. Возвращение: роман / пер. с нем. А. Белобратова. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. 320 с.

Шлинка Б. Обман Зельба: роман / пер. с нем. Р. Эйвадиса. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.

Шлинка Б. Ольга: роман / пер. с нем. Г. Снежинской. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2018. 304 с.

Шлинка Б. Правосудие Зельба: роман / пер. с нем. Р. Эйвадиса. Санкт-Петербург: Азбука, 2010. 320 с.

Шлинка Б. Чтец: роман / пер. с нем. Б. Хлебникова. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2009. 224 с.

Shlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich, Diogenes, 2011, 85 s.

Shlink B. Heimat als Utopie. Suhrkamp, Frankfurt/M., 2000, 50 S.

Stolte D. Heimat als Ziel und Utopie. Die Welt, 2014, 24. Jan. URL: <https://www.welt.de/print-welt/article288465/Heimat-als-Ziel-und-Utopie.html> (дата обращения: 25.06.2022).

References

Shiller F. *Dramy, stihotvoreniya* [Dramas, poems]. Moscow, Tekst Publ., 1975, pp. 813–814. (In Russ.)

Shlink B. *Vozvrashchenie: roman* [Return: novel], trans. A. Belobratova. SPb., Azbuka-Attikus Publ., 2013, 320 p. (In Russ.)

Shlink B. *Obman Zel'ba: roman* [The Zelb Deception: Novel], trans. R. Ejvadisa. SPb., Azbuka-Attikus Publ., 2011, 320 p. (In Russ.)

Shlink B. *Ol'ga: roman* [Olga: novel], trans. G. Snezhinskoy. Moscow, Inostranka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018, 304 p. (In Russ.)

Shlink B. *Pravosudie Zel'ba: roman* [Justice Selb: novel], trans. R. Ejvadisa. SPb., Azbuka Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)

Shlink B. *Chtec: roman* [Reader: novel], trans. B. Hlebnikova. SPb., Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 05.09.2022.

НАКИ ИСАНБЕТ И ТАТАРСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, mileuscha@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8110-4001>

Аннотация. В статье систематизированы сведения о вкладе татарского писателя Наки Исанбета в развитие татарских рукописных литературных журналов. Выявлено, что писатель выпускал литературные, сатирические рукописные журналы в годы учебы в медресе «Хасания» (Уфа, 1909–1913), «Мухаммадия» (Казань, 1913–1916). В семье писателя была создана благоприятная среда для его творчества. Журналы выпускались без участия преподавателей медресе «Хасания». Администрация «Мухаммадии» преследовала Н. Исанбета за выпуск «литературного, сатирического и политического журнала». Первый журналистский опыт шакирда в казанском медресе указывал на самостоятельность его творческой мысли, способствовал расцвету его писательского дарования. В 1920 г. Н. Исанбет размещал свои произведения и переводы в рукописных литературных журналах своих друзей-единомышленников в Уфе и Москве, что позволило ему преодолеть региональные рамки в творчестве. В своей педагогической практике Н. Исанбет использовал рукописные издания для развития способностей творчески одаренных школьников как один из элементов социализации. Он был не только инициатором выпуска классных и общешкольных рукописных журналов в школе и вузе, но также с удовольствием исполнял обязанности их редактора. В статье проанализированы авторские ученические издания Н. Исанбета: очерчен тематический диапазон материалов, выявлены художественные особенности. Доказано, что писатель использовал рукописные журналы для формирования автобиографического мифа. По мере развития литературного дарования Н. Исанбета тексты в его ученических изданиях избавляются от подражательности, навязчивого дидактизма, на смену социально-обличительной тематике приходит онтологическая, любовная. Собираение фольклора накладывает свой отпечаток на раннее творчество писателя. Н. Исанбет в рукописных журналах выступает всегда от собственного имени или подразумевает себя в качестве наблюдателя. Опубликованные материалы свидетельствуют, что автору было свойственно романтическое мироощущение.

Ключевые слова: татарская литература, джадидизм, татарское медресе, татарские рукописные литературные журналы, Наки Исанбет.

Для цитирования: Хабутдинова М.М. Наки Исанбет и татарские рукописные журналы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 158–165. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-158-165>

Research Article

NAKI ISANBET AND TATAR HANDWRITTEN JOURNALS

Milyausha M. Khabutdinova, Ph. D. in Philology, Kazan Federal University, Russian, mileuscha@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8110-4001>

Abstract. The article systematizes information about the contribution of the Tatar writer Naki Isanbet to the development of Tatar handwritten literary journals. It is revealed that the writer published literary, satirical handwritten magazines during his studies at the madrasah “Khasaniya” (Ufa, 1909–1913), “Mukhammadiya” (Kazan, 1913–1916). A favorable environment for his work was created in the writer’s family. The magazines were published without the participation of the teachers of the madrasah “Khasaniya”. The administration of “Muhammadiyah” persecuted N. Isanbet for publishing a “literary, satirical and political magazine”. Shakird’s first journalistic experience in the Kazan madrasah pointed to the independence of his creative thought, contributed to the flourishing of his writing talent. In 1920, N. Isanbet published his works and translations in the handwritten literary journals of his like-minded friends in Ufa and Moscow, which allowed him to overcome regional limits in his work. In his pedagogical practice, N. Isanbet used handwritten editions to develop. In his pedagogical practice, N. Isanbet used handwritten publications to develop the abilities of creatively gifted schoolchildren, as one of the elements of socialization. N. Isanbet was not only the initiator of the release of classroom and school-wide handwritten journals at school and university, but also performed the duties of their editor with pleasure. The article analyzes the author’s student publications of N. Isanbet: the thematic range of materials is outlined, artistic features are revealed. It is proved that the writer used

handwritten journals to form an autobiographical myth. With the development of N. Isanbet's literary talent, the texts in his student publications get rid of imitation, obsessive didacticism, the ontological, love theme comes to replace the socio-accusatory theme. The collection of folklore leaves its imprint on the early work of the writer. N. Isanbet in handwritten journals always speaks on his own behalf or implies himself as an observer. The published materials indicate that the author was characterized by a romantic attitude.

Keywords: Tatar literature, Jadidism, Tatar madrasah, Tatar handwritten literary magazines, Naki Isanbet.

For citation: Khabutdinova M.M. Naki Isanbet and Tatar handwritten journals. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 158–165 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-158-165>

Мода на рукописные литературные журналы формируется в татарском обществе в начале 1900-х гг. Известно, что первые рукописные журналы «Телескоп» и «Манзарат-ал-Каләм» выпускал в своем книжном магазине драматург Галиаскар Камал. В ученическую среду рукописные журналы проникли на волне общественного подъема революции 1905–1907 гг. Шакирды медресе «Мухаммадия» Фатих Амирхан, Ризван Ибрагимов с единомышленниками инициировали выпуск рукописного журнала «Эль-ислах» («Реформа»), на основе которого через несколько лет родилась еженедельная национально-демократическая газета (1907–1909, гл. ред. Вафа Бахтияров), объединившая вокруг себя передовых писателей в лице Фатиха Амирхана, Габдуллы Тукая, Сагита Рамеева, Кабира Бакира и др. [Ногман: 109].

Если первые обзоры рукописных гимназических журналов в России появляются на рубеже XIX–XX вв. ([Скворцова; Смирнов]), фундаментальные исследования о них – в XXI в. ([Балашова]), то осмысление феномена татарских рукописных литературных журналов начинается только с 1950-х гг. Автором единственного обзора татарских рукописных литературных журналов является М. Ногман [Ногман]. Историк Л. Габдрафикова, описывая повседневность медресе, упоминает о рукописных журналах лишь вскользь [Габдрафикова]. В одной из своих работ мы проанализировали воспоминания Н. Исанбета о выпуске рукописных журналов в году обучения в медресе «Хасания» [Хабутдинова].

Известно, что Наки Исанбет (1899–1992) начал выпускать авторские рукописные журналы еще в годы учебы в уфимском медресе «Хасания» (1909–1913): «Балта» («Топор»), «Балга» («Кувалда»), «Күсәк» («Дубина»). Упоминания об этом содержатся в монографиях Габдуллы Шамукова [Шамуков: 6], Назима Ханзафарова [Ханзафаров: 21]. В 2021 г. в сборнике «Наки Исанбет» мы опубликовали воспоминания писателя и фотографии избранных страниц его авторских рукописных журналов [Наки Исанбет].

Цель нашего исследования – изучение вклада Н. Исанбета в развитие татарских рукописных журналов. Новизна нашей работы состоит в конкретизации имеющихся сведений на основе анализа содержательного, жанрового, художественного потенциала

материалов, опубликованных на страницах авторских рукописных журналов и тетрадей стихотворений Н. Исанбета. Одной из задач исследования стало определение круга чужих рукописных литературных журналов, на страницах которых увидели свет произведения поэта-романтика. Работа была построена на совмещении методики изучения истории социально-культурной деятельности, историко-культурологического и историко-литературных методов.

По собственному признанию писателя, тяга к литературному творчеству у него проснулась в 10 лет [Нәкий Исәнбәт: 109]. Его литературными кумирами стали Габдулла Тукай и Мажит Гафури. В семье благосклонно относились к его занятиям литературным творчеством. В 1909 г. Сиразетдин мулла отвез Наки Исанбета с братом Закиром учиться в уфимское медресе «Хасания». По воспоминаниям писателя, на формирование его мировоззрения решающее воздействие оказали татарская печать 1905 г. и движение шакирдов в начале XX в. [Нәкий Исәнбәт: 102–106]. Первые рукописные журналы Н. Исанбет начал выпускать во время каникул в родной деревне именно в период обучения в учебном заведении при 3-й соборной мечети г. Уфы. В личном архиве писателя нам удалось пока обнаружить 1 экземпляр журнала «Күсәк» («Дубина», 1913, № 1, 15 апреля) [Исәнбәт, Күсәк], авторскую рукописную книгу для чтения учениками начальных классов [Нәкий Исәнбәтнең тәүге шигырьләре]. Кроме того, в архиве писателя сохранилась общая тетрадь из произведений, написанных в 1912–1915 гг. [Исәнбәт, Төрле елларда].

В редакторской колонке первого номера журнала «Күсәк» («Дубина») юный издатель сообщает, что его издание будет выпускаться 1 раз в неделю и односельчане смогут размещать материалы на его страницах. Цель журнала – борьба с невежеством. Обложка разработана юным художником с глубоким смыслом: над окрестностями Малаяза восходит солнце – «Күсәк» («Дубина»), своими лучами пронизывающее тучи.

Сатирическое перо направлено против деревенских мулл в чапанах, алчных баев, отсталых односельчан. Так, муллам досталось от юного карикатуриста за критику европейской одежды, нежелание изучать русский язык, за то, что они не дают своим детям изучать русский язык, что создает им самим

объективные трудности при работе с официальными документами. Местных баев Н. Исанбет критикует за жадность, за то, что они не прекращают торговлю даже в священный день пятницы. На страницах своего журнала юный издатель пропагандирует среди населения европейскую одежду, высмеивает лапти.

В номере содержится стихотворение «Мәрхүм Тукаевка» (1913), написанное в жанре марсия на смерть Г. Тукая. Эту страницу украшает вклейка с портретом Тукая. Н. Исанбет выражает скорбь по поводу ухода из жизни солнцезарного поэта. Позднее писатель включил это произведение в свою книгу [Исанбэт. Эсэрләр: 25].

В журнале встречаются фольклорные материалы. В частности, загадки, народные частушки, записанные в Малаязе и Насибаше.

Карикатуры и рисунки выполнены пером [Исанбэт, Күсәк].

В архиве писателя сохранилась тетрадь со стихами юного поэта 1912 г., написанными в месяц Рамазан, т. е. в период с 14 августа по 11 сентября. В рукописную книгу «Нәкый Исәнбәтнең тәүге шигырьләре» вошли стихотворения «Башкортка» («Башкиру»), «Гашыйкка» («Влюбленному»), «Сугыш» («Война»), «Тәәсаф» («Сожаление»), «Искә алганда» («Вспоминая»), «Булмасам» («Если я не буду»), «Башкорт» («Башкир»), «Корбан бәйрәмә вә фәкыйрь балалар» («Праздник Курбан и бедные дети»), «Йолдыз» («Звезда»), «Татар авылы» («Татарская деревня»), «Суфыйга садакә бир» («Дайте милостыню суфию»), «Рамазанда сәхәр» («Утренняя трапеза во время Уразы (поста)»), «Ифтар» («Вечерняя трапеза во время Уразы (поста)»), «Картлык вә яшьлек» («Старость и молодость»), «Әгәрдә» («Если»), «Йоклый пәси» («Спит кот»), «Фәс» («Феска»), цикл из 12 нравоучительных двустиший, «Күңел» («Душа»), «Шак катам» («Удивляюсь»), «Кадим алдында» («Перед кадимом») (в данном абзаце тексты приводятся по изданию: [Нәкый Исәнбәтнең тәүге шигырьләре]).

После ухода из жизни Н. Исанбета большую часть этих стихотворений его супруга Нажиба Исанбет перевела с арабицы на кириллицу, чтобы включить в «Собрание сочинений» писателя, что существенно облегчило нам работу [Исанбэт. Бер кайда да бастырылмаган: 77–92].

На обложке рукописной книги имя издателя дано русскими буквами «Ахмидь Накіи Закировечъ», что дает нам основание предположить, что эта рукописная книга была создана после обучения или в годы учебы в русском классе. На одной из страниц есть титул «Ибтидаи сыйныфлар өчен – Исәнбәт краат китаби (беренче китаб)» («Для начальных классов. Книга Исанбета для чтения (первая книга)» [Нәкый Исәнбәтнең тәүге шигырьләре]).

Судя по материалам папки, содержащей неопубликованное из личного архива писателя, сохранилась еще одна тетрадь периода обучения Н. Исанбета в медресе: «Әхмәтнәкый Закиров Исәнбәт шигырьләре (1909–1910 елларда, Малаязда)» («Стихотворения Ахметнаки Закирова Исанбета. (1909–1910 г., Малаяз)»). К сожалению, эту тетрадь нам пока обнаружить не удалось. Согласно записям второй супруги писателя, в ней содержались стихотворения «Гакыллы бала» («Умный ребенок»), «Шүрәле хикәясе» («Рассказ о Шурале»), «Кеше ни кадәр фәкыйрь булса да, үлем теләми» («Как бы не был беден человек, он не желает себе смерти»), «Тырышыгыз, балалар!» («Старайтесь, дети!»), «Хәерче» («Ничий»), «Бер эштән чыккан хезмәтче авызыннан» («Из уст оставшегося без работы работника»), «Уеннан туймадым» («Не устал от игр»), «Яз» («Весна»), «Иттифак жиңә» («В единстве победа»), «Ызгыш-тавыш» («Скандал»), «Фәттәхетдин угрылыгы» («Воровство Фәттәхетдина»), «Кәжә белән тай» («Коза и жеребенок»), «Башкорт» («Башкир») [Исанбэт. Бер кайда да бастырылмаган: 93–107, 239–244].

Н. Исанбету при жизни удалось опубликовать свои ранние произведения лишь частично. Печататься в газетах и журналах он начал с 1914 г. Однако эти произведения недоступны современному читателю, так как напечатаны на арабице. Сопоставляя содержание рукописных журналов и книг, мы выявили, что Н. Исанбет включил в свои «Собрания сочинений» [Исанбэт. Эсэрләр; Исәнбәт. Сайланма эсэрләр: 14–39] по 1–2 стихотворения на каждый год их создания, чтобы сформировать у читателя представление о своем поэтическом творчестве в динамике. Нажиба Исанбет подготовила к печати подборку стихотворений, созданных в 1912–1928 гг. [Исанбэт. Бер кайда да бастырылмаган: 1–70, 117–140, 143–271, 274–312]. Судя по всему, и сам писатель в юности предпринимал попытку систематизировать свои произведения. Мы обнаружили в личном архиве писателя общую тетрадь с поэтическими произведениями Н. Исанбета 1912–1915 гг. Они распределены по трем рубрикам: «Житди шигырьләр мөндәржәте» («Собрание серьезных стихотворений»), «Мәхәббәт, сөү эсэрләр» («Стихотворения о любви»), «Балалар өчен хикәяләр» («Рассказы для детей») [Исанбэт. Төрле елларда]. Часть из них супруга писателя подготовила к печати [Исанбэт, Бер кайда да: 130, 172, 201, 230, 246, 249, 250–251, 253, 255].

При внимательном знакомстве с материалами из рукописных журналов и книг Н. Исанбета создается впечатление, что ты листаешь поэтический дневник романтически настроенного юноши, очарованного просветительскими идеалами джадидской эпохи, идеями Г. Тукая. Показателен авторский комментарий к его первой рукописной книге, подписанный Н. За-

кири-Исанбет: «Мин унбер яшемдә үземә сүз бирдем. Халкыма хезмәт итергә. Шуннан үз авылымда журнал чыгара башладым» – «Я в 11 лет дал себе слово. Посвятить себя служению своему народу. После этого стал выпускать у себя в деревне журнал» [Исанбет. Бер кайда да: 77].

Первые стихотворения юный поэт подписывал именем «Әхмәтнәкый Закиров Исәнбәт», затем, чтобы добиться краткости, он отсек от своего имени первый элемент и в качестве фамилии взял имя 7-го прадеда – *Исәнмөхәмәт Сәүмәт улы Исәнбәт* – создателя родной деревни Малаяз, просветителя-советника старшины Юлая – отца Салавата Юлаева. Уже здесь мы становимся свидетелями сотворения Н. Исанбетом мифа о себе: «Укып аңла да, шигыремне, исән ят. / Нәкый исемем, бабам исеме – Исәнбәт» [Исанбет, Күсәк, 25 б.] – «Читая стихотворения, постарайся вникнуть, выучи наизусть. / Мое имя Наки, имя деда – Исанбет» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. М.).

Каждая страница рукописной книги открывается афористичным двустушием, указывающим на значимость занятий литературным творчеством. Например, «Калемгә акча китми тиндән артык, / Ләкин файдаларый миллиондин артык» – «На перо уходит не больше копейки, / Оно полезнее миллиона» [Исанбет, Бер кайда да: 80]; «Берәү тотса каләм, яшьлек вактыный, / Бәхетли бу, бәхетли бу, бәхетли» – «Если кто-то в руки перо возьмет, будучи молодым, / Будет он счастливым, будет счастливым, принесет счастье» [Исанбет, Бер кайда да: 81].

Свое предназначение юный поэт видит в служении народу, в его просвещении. Целый ряд стихотворений носит социально-обличительный характер («Тәсаф» («Сожаление») [Исанбет. Бер кайда да: 78–79]; «Булмасаң» («Если не станешь») [Исанбет. Бер кайда да: 80], «Әгәрдә» («Если») [Исанбет. Бер кайда да: 88], «Шак катам» («Удивляюсь») [Исанбет. Бер кайда да: 91]).

В рукописном журнале 1909–1910 гг. встречаются интересные описания мира детства поэта. Так, в стихотворении «Уендан туймадым» («Не устал от игры») Н. Исанбет воспеваает детскую дружбу и зимние забавы с друзьями на реке. [Исанбет. Бер кайда да ба-стырылмаган: 104–106]. В «Иттифак жиң» («Союз побеждает», 1910) описывается стычка шакирдов из Малаяза с авторитарными преподавателями «Хасания» из-за бытовых условий проживания. Н. Исанбет дорожил воспоминаниями о шакирдских волнениях, поэтому именно этим стихотворением открыл в 1989 г. 1-й том своих «Сочинений в 4 т.» [Исанбет. Сайланма: 14].

В 1911–1913 гг. шакирд, вдохновившись примером Г. Тукая, начинает собирать фольклор в Малаязе и его окрестностях. По признанию Н. Исанбета, в его

архиве хранится тетрадь с загадками: «Менә табышмаклар дәфтәре. Бер ягына сорауларын, икенче ягына жавапларын язганмын. Ә жавапны уку ечен дафтәрне астын өскә әйләндереп карарга кирәк...» [Ханзафаров: 3] – «Вот тетрадь с загадками. С одной стороны вопросы, с другой стороны я поместил отгадки. Чтобы их прочесть, надо перевернуть тетрадь вверх тор-машками».

Фольклорные образы и мотивы начинают постепенно проникать и в его литературное творчество. Так, в 1910 г. юный поэт написал стихотворение «Шүрәле хикәяти» («Рассказ о Шурале», 1910) по мотивам одноименного татарского мифа. В нем упоминается д. Шаганай, расположенная недалеко от родной деревни Н. Исанбета [Исанбет. Бер кайда да: 94–95]. Спустя два года юный шакирд создает уже целую литературную сказку «Елан патшасы» («Царица Змея»). По собственному признанию писателя, он черпал вдохновение на ее создание у Г. Тукая («Су анасы» («Водяная»)). В 1918 г. Н. Исанбет доработал сказку-поэму. Как-то на эту рукопись в деревне наткнулся его братишка. Видимо, произведение настолько понравилась Ниязи, что он его исполнил наизусть в клубе перед односельчанами. В руки читателей это произведение попало лишь спустя полвека: в 1970 г. Н. Исанбет опубликовал его в журнале «Ялыкын». Писатель хотел сформировать у читателей журнала представление об особенностях Тукаевской поэтической школы стиха: «Әсәр, элек Тукай шигырь мәктәбндә киң кулланылганча, гаруз буенча язылган. Вазене (үлчәве) «бәхрә рәмел». Бу вазен борынгы әдәби мирасыбыз булган “Кисекбаш”тан алып Октябрьгача бик актив кулланыла. Бигрәк тә сатирик поэмада (Тукайның “Печән базары”, “Өч хакыйкат” поэмалары, Бабичның “Газазил”ы һ.б.). Соңгы як шагыйрьләребез нигездә хорейдән ямба күчкәндә, бу поэманың Тукай мәктәбнчә язылган булуы, ихтимал, хәзер беркадәр ят тоелыр. Аның каравы ул, хәзерге яшь укучылар өчен элекке Тукай шигырь мәктәбе белән хәзергеләр арасында бер кичү күпере буларак, танышу ягыннан кызыклы булыр дип мин аны майданга чыгарырга кирәкле таптым» [Исанбет. Елан: 18] – «Произведение написано арузом, широко пространенным в Тукаевской поэтической школе». Ритм (размер) – “бәхрә рәмел”. Этот стихотворный размер бытовал у нас, начиная с «Кисекбаша» вплоть до Октября. Особенно в сатирических поэмах («Сенной базар», «Три правды» Г. Тукая, «Газазил» Бабича и др.). В дальнейшем в моих стихах наблюдается переход от хорей к ямбу, из-за того, что эта поэма написана в традициях Тукаевской школы, она будет восприниматься непривычно. Я решил опубликовать ее, чтобы она послужила для современных юных читателей своего рода мостиком, символизирующим переход от Тукаевской поэтической школы к современной».

Главными героями сказки являются автобиографический герой – одиннадцатилетний мальчик по имени Наки и его односельчанин Миңхан (Миңлехан) бабай. Старик-каменщик из деревни Малаяз прославился в округе не только как мастер на все руки, знахарь-травник, умеющий свистом заговаривать змей («өзләү» / «тамак курай»), но и как талантливый сказитель, знаток народного творчества. Именно в его уста вкладывает автор старинный заговор от змей «Сәңки, сәңки, сәңки елан».

В своей сказке-поэме юный поэт переосмысляет татарский миф о Белой Змее. Основная сюжетная линия связана с историей встречи мальчика с Царицей Змеей и обретением «волшебного предмета» – короны Белой Змеи, одаряющей человека счастьем. В качестве вспомогательных используются сюжет о мудром старике, одолевшем змеиной войско, и сюжет о наказании завистливой соседки Миңгел тәтәй, укравшей тубетейку Наки. Мать украсила ее короной Белой Змеи, чтобы уберечь сына от сглаза.

Образ главного героя дается в двух временных измерениях: детство и зрелость. Герой-писатель хранит каляпуш в память о детстве. Это живое напоминание о его детском «подвиге», когда он сумел победить в себе страх, одолел Царицу Змею и завладел ее короной. Навсегда усвоил Наки урок мужества, который преподал ему деревенский аксакал Миңхан: «Инде сиң жиндең икән батыр булып, / Үлмә мин артка посып, факыр булып!» [Исәнбәт. «Күсәк» журналы] – «Если ты одержал победу как батыр, / Не погибай, отступая назад, как жалкий бедняга!»

В отличие от народной сказки, поступки сказочных героев Н. Исанбета психологически мотивированы. Юный поэт заменяет фольклорно-сказочную логику на логику характеров, которые начинают объяснять поведение героев, то есть определяют сюжет. Акцент на моральном аспекте сближает анализируемую сказку-поэму с басенным творчеством. От сказочного народного стиля в «Елан патшасы» («Царица Змея») сохраняется традиционная сказочная концовка, некоторые фольклорные формулы. Важную роль в стилистике играют художественные врезки других фольклорных жанров (заговор, эпическая похвальба, пословицы, поговорки), а также описания обрядовых действий во время встречи со змеями. Фольклорные сюжеты и образы Н. Исанбет воссоздает в свете романтического литературного опыта.

Ранняя лирика шакирда уфимского медресе становится своеобразной идейно-тематической основой для дальнейшего творчества. Проанализировав автобиографические стихотворения в рукописных журналах и книгах юного Наки, мы выявили динамику в передаче умонастроений лирического героя. Если в стихотворениях 1910–1911 гг. герой Н. Исанбета подробно знакомит нас с миром своего дет-

ства («Гакыллы бала» («Умный ребенок») [Исәнбәт. Бер кайда да бастырылмаган: 94], «Тырышыгыз, балалар!» («Старайтесь, дети!») [Исәнбәт. Бер кайда да: 98], «Яшь вакытым» («Мое детство») [Исәнбәт. Бер кайда да: 137–138]), обличает невежество, произносит нравоучения, то в стихотворениях 1912–1913 гг. смысловым стержнем образа лирического героя становятся вопросы онтологического порядка. Так, например, в стихотворении «Кызык адәм» («Интересный человек», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 123] Н. Исанбет размышляет о природе и сущности человека.

В другом своем стихотворении 12-летний поэт размышляет о сущности времени, нанизывая одно метафорическое сравнение на другое [Нәкый Исәнбәт: 3].

Среди стихотворений 1912 г. имеется цикл стихотворений о мусульманских праздниках в месяц Рамазан: «Сәхәр вакыты» («Утренняя трапеза во время Уразы (поста)», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 121], «Ифтар вакыты» («Вечерняя трапеза во время Ураза (поста)», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 124], «Мәүлет бәйрәме» («Праздник дня рождения пророка Мухаммеда», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 126], «Кадер кичәсе» («Ночь предопределения Аль-Кадр», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 124]). Юный поэт этнографически точно описывает преобразование окружающего мира в мусульманский праздник, не перегружая текст отвлеченными религиозными рассуждениями. В «Сәхәр вакыты» («Утренняя трапеза во время Уразы (поста)», 1912) Н. Исанбет делится радостью от единения семьи во время утренней совместной трапезы. Поэт увековечил праздничное воодушевление, оказывающее влияние на мир вокруг людей: «нур иле тулган урам» – «улица, превратившаяся в царство лунного света») [Исәнбәт. Бер кайда да: 121]. В «Ифтар вакыты (Авыл жирендә)» («Вечерняя трапеза во время Ураза (поста) (В деревне)») Н. Исанбет сумел создать яркие портреты деревенских ребят-тишек. Очень тонко и психологически достоверно передана радость юных глашатаев, переживающих свой звездный час в жизни семьи [Исәнбәт. Бер кайда да: 124]. В «Мәүлет бәйрәме» поэт прославляет мусульманский праздник День рождения пророка. Он ассоциируется у него со светом, радостью, добрыми речами и делами: «Һәр адәмнең күнеле шат, һәм ходасы истә, күнеле пакь...» Наки искренне рад тому, что деревенские баи провели в мечеть электричество [Исәнбәт. Бер кайда да: 126]. В ряде стихотворений господствуют социально-обличительные мотивы (например, «Корбан бәйрәме вә фәкыйрь балалар», 1912) [Исәнбәт. Бер кайда да: 139–140].

Размышляя над спецификой своей религиозности в годы учебы в медресе, Н. Исанбет пишет: «Ак юл» журналында басылган «Кем?» шигырендә мин өч мөкатдәс нәрсә – Алла, ана, ата турында язганмын. Димәк, 1915 елда эле мин Аллага ышанган

мын. Ышануым, үземчә «фэлсәфи» мәгънәдәрәк булса да, булган һәм бу ышану 1917 елга кадәр дәвам иткән. Әмма шул ук вакытта, 1916 елда, минем инде тәңрегә карата үземне бәйсез тотуым шигырьләремдә чагыла. Мәсәлән, 1916 елда «Аң» журналына бирелеп тә басылмыйча кире кайтарылган «Мин ачуландым» шигыре шундый. Анда мондый юллар бар: Кит әле, ялган кеше, / Мин сөймимен беркемне дә, / Сөймимен жир-күк, кояшны, / Сөймимен тәңремне дә» (цит. по: [Ханзафаров: 13]) – «В опубликованном в журнале “Ак юл” (“Светлый путь”) стихотворении “Кем?” (“Кто?”) я написал о самых важных для меня ценностях – о Всевышнем, матери, отце. Значит, в 1915 г. я еще верил в Аллаха. Хотя вера моя была на свой «философский» лад, она жива была во мне до 1917 г. В то же время в 1916 г. встречаются стихи, свидетельствующие о моем независимом поведении в отношениях с Всевышним. Например, журнал «Аң» («Сознание») отказался напечатать стихотворение «Мин ачуландым» («Я отругал»). Там были следующие строки: «Иди прочь от меня погрязший во лжи человек, / Я не люблю никого, / Не люблю землю, небеса, солнце, / Не люблю и Бога».

Своим учителем Н. Исанбет считал Г. Тукая: «Без Тукай шигырьләрен укып үстек. Ул язган шигырьләрене ышанып укый идек. Аның «Балалар күңеле» дигән китабындагы шигырьләрене ятган укып, көйләп үстек без. Бу хәл минем башлангыч ижатында чагыла» – «Мы воспитаны на стихотворениях Г. Тукая. Мы доверяли его стихотворениям. Мы знали наизусть стихотворения из его книги «Балалар күңеле» («В мире души детей»), росли, распевая их. Это оказало влияние на мое раннее творчество». Когда великий поэт умер, юный Наки посвятил своему кумиру целый номер своего рукописного журнала (цит. по: [Ханзафаров: 12]). Н. Исанбет мечтал подняться на поэтический Парнас вслед за Гомером, Байроном и Тукаем: «Зур шагыйрьләрдән Тукаев булса хәлфә, мин – шәкерт!» – «Из великих если Тукаев будет учителем, то я – ученик!» [Исанбэт. Сайланма: 27]. В ряде стихотворений: «Тукай үлде» («Тукай умер», 1913) [Исанбэт. Елан-патшасы: 25], «Мәрхүм Тукаевка» («Покойному Тукаю», 1913) [Исанбэт. Елан-патшасы: 25], «Тукай остаз» («Тукай-учитель», 1914). [Исанбэт. Сайланма: 27] – Н. Исанбет выражает свою скорбь по поводу безвременной кончины Г. Тукая. Юный Наки прославляет своего кумира за то, что он продемонстрировал татарам все богатство родного языка: «Ул матурлап безгә күрсәтте туган илнең телен» – «Он показал наш родной язык во всей красе» [Исанбэт. Сайланма: 25].

В 1913 г. Сиразетдин мулла отвез сына учиться в медресе «Мухаммадия». В 1914–1915 гг. вместе с Фатхи Бурнашем Н. Исанбет выпускал «различно-го рода рукописные литературные, сатирические жур-

налы. На их страницах, наряду со статьями о жизни шакирдов, о молодёжных движениях, уделяется место и некоторым литературным произведениям, которые отражали стремление молодёжи испытать себя на творческом поприще» [Ногман: 110]. На титуле одного из них было написано «әдәби, һөжүи һәм сәяси журнал» («литературный, сатирический и политический журнал»). Один из номеров сатирического журнала был изъят муллой-цензором. За выпуск «политического журнала» шакирд Н. Исанбет попал под надзор преподавателей, как-то даже был подвергнут физическому наказанию (ударами линейкой по пальцам) [Ногман: 110]. В знак протеста Н. Исанбет написал стихотворение «Мәдрәсә истәлеге», в котором заявил о своей свободолобивой натуре: «Сөйми һич иркен жаным зиндан, богау һәм тикшерү; / Ак күнел мин, ят миңа бу арт күзәтеп эш күрү» [Исанбэт. Әсәрләр: 71, 450] – «Моя свободолобивая душа не терпит тюрем, оков и надзора; Мои чувства светлые, для меня чуждо работать под надзором».

После окончания медресе в Казани в 1916 г. Н. Исанбет возвращается на родину. В рамках преподавательской деятельности он вдохновил творчески одаренных детей на выпуск литературных журналов (классных, общешкольных), охотно занимался их редактированием (см. воспоминания его супруги Гульсум Исанбет [Нәкый Исәнбәт: 408; Хәйруллин: 1–2]).

В 1919–1920 гг. стихотворения Н. Исанбета появляются на страницах рукописного журналы «Кызыл йөрәкләр» («Красные сердца»), который выпускался в клубной библиотеке им. В. Ленина во 2-м районе г. Уфы. В круг авторов этого журнала входили А. Файзи, И. Сафаргалиев, Ченекей, С. Кудаш, Гыйффат и др. [Нәкый Исәнбәтнең тәүге шигырьләре: 110].

Весной 1922 г. первый номер рукописного журнала «Чаткы» («Искра») литературного кружка клуба Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве (Шәрәк юксыллар дарельфөнуне) открывало романтическое стихотворение Н. Исанбета «Чаткылар, сез чәчрәгез!» («Искры, разлетайтесь!») [Исанбэт. Чаткылар]. В этом же номере увидели свет переводы писателя стихотворений арабского поэта и государственного деятеля X в. Абу Фираса [Ногман: 112].

Подводя итоги нашему исследованию, обобщим приведённые нами положения статьи. Мы считаем, что Н. Исанбет оставил свой неповторимый след в истории татарских рукописных журналов. Первые авторские сатирические журналы он начал выпускать еще в годы учебы в медресе «Хасания». Н. Исанбет выбрал для них «говорящие» названия: «Балта», «Балга», «Күсәк», указывающие на их сатирический характер. В семье писателя была создана благоприятная среда для творчества. Тетушка Шамсенур читала материалы журналов по вечерам перед магазином Сиразетдина муллы-отца писателя. Односельчане

подхватывали шутки юного поэта. Н. Исанбет начал выпускать рукописные журналы, вдохновившись примером татарской периодической печати, появившейся на волне общественного подъема, вызванного революцией 1905–1907 гг. Материалы журналов включали в себя как оригинальные произведения юного поэта (поэзия, проза), так и фольклорные материалы, собранные в окрестностях Малаяза. Некоторые номера журнала носили тематический характер: например, один из номеров был посвящен Г. Тукаю. Ранняя лирика шакирда уфимского медресе становится своеобразной идейно-тематической основой для дальнейшего творчества. Постепенно юный поэт избавляется от навязчивого дидактизма, социально-обличительных мотивов и делает шаг к созданию философской и любовной лирики. Уже в годы учебы в медресе «Хасания» Н. Исанбет снискал славу талантливого детского поэта, который получал заказы от татарских детских журналов. В рукописных журналах он выступает всегда от собственного имени или подразумевает себя в качестве наблюдателя.

В медресе «Мухаммадия» писатель выпускал литературные, сатирические и политические журналы совместно с Ф. Бурнашем, за что подвергался гонениям со стороны администрации, считающей, что шакирды тем самым могут навлечь неприятности на учебное заведение. Первые журналистские опыты шакирдов указывали на самостоятельность их творческой мысли, способствовали расцвету их писательского дарования. Жанровое многообразие материалов в журнале свидетельствует о достаточно развитых литературных способностях шакирдов. Журналистика в медресе «Мухаммадия» – явление во многом уникальное, послужившее почвой для плодотворного творческого сотрудничества Ф. Бурнаша и Н. Исанбета в будущем.

В своей педагогической деятельности Н. Исанбет использует рукописные журналы как элемент социализации детей. Их выпуск позволял ему устанавливать дружеские отношения с детьми, создавать условия для их творческой самореализации.

Н. Исанбет в начале 1920-х гг. размещал свои произведения и переводы в рукописных журналах литературных кружков Уфы и Москвы, что позволило его творчеству преодолеть региональные рамки. Писатель уже в эти годы успел заявить о себе как талантливым поэте и переводчике. Исследование рукописных литературных журналов Н. Исанбета позволяет установить истоки, давшие начало творческому гену татарского ученого-энциклопедиста.

Список литературы

Балашова Ю.Б. Школьная журналистика Серебряного века. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 111 с.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, Политология. 2012. № 4–1 (76). С. 56–62.

Скворцова С. Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, издаваемым гимназистками // Вестник Воспитания. 1896. № 3. С. 117–129.

Смирнов С. Ученические журналы и сборники: [Докл., чит. в заседании Пед. о-ва при Моск. ун-те 23 марта 1901 г.]. Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901. 133 с.

Исанбет Н. Ватан сездән эш көтә! // Яшь ленинчы. 1980. № 7 (3058). 26 гыйнв. 3 б.

Исанбет Н. Әсәрләр: 4 т. Т. 1. Шигырләр. Поэмалар. Драматик поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 311 б.

Исанбет Н. Бер кайда да бастырылмаган. Авторның архивыннан. Поэмалар һәм шигырләр // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Машинкада басылган. 315 б.

Исанбет Н. Елан-патшасы. Әкият-поэма // Ялкын. 1970. № 2. 18–22 б., № 3. 18–22 б.

Исанбет Н. «Күсәк» журналы // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма. № 1. 18 б.

Исанбет Н. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. 915 б.

Исанбет Н. Төрле елларда язылган әсәрләр жыентыгы // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма дәфтәр. 150 б.

Исанбет Н. Чаткылар, сез чәчрәгез: [шигырь] // Чаткы. М., 1922. № 1 (апр.).

Нәкый Исәнбәт / төз. М. Хәбетдинова. Казан: «Жыен» нәшр., 2021. 736 б.

Нәкый Исәнбәтнең тәүге шигырләре // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма дәфтәр. 26 б.

Ногман М. Татар телендә кулъязма газета-журналлар тарихыннан // Совет әдәбияты. 1958. № 8. 109–115 б.

Ханзафаров Н.Г. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 190 б.

Шамуков Г. Нәкый Исәнбәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 76 б.

Хәбетдинова М.М. Нәкый Исәнбәт истәлекләрендә XX гасыр мэдрәсә шәкертләренәң көндәлек тормышы // Tatarica. 2020. № 1. С. 78–102.

Хәйруллин Р. Хәтердә сакланганнардан // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма. Машинкада басылган. 1959. 4 б.

References

Balashova Iu.B. *Shkol'naiia zhurnalistika Serebriano-go veka* [School journalism of the Silver Age]. Sankt-Peterburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta Publ., 2007, 111 p. (In Russ.)

Gabdrifikova L.R. *Povsednevnaia zhizn' tatarskikh shakirdov v kontse XIX – nachale XX v.* [Everyday life of Tatar Shakirds in the late XIX – early XX century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University Journal]. Ser.: Istoriia, Politologiya, 2012, № 4–1 (76), pp. 56–62. (In Russ.)

Skvortsova S. *Dukhovnaia zhizn' gimnazistok po literaturnym zhurnalom, izdavaemym gimnazistkami* [The spiritual life of high school girls according to literary magazines published by high school girls]. *Vestnik Vospitaniia* [Bulletin of Education], 1896, № 3 (In Russ.)

Smirnov S. *Uchenicheskie zhurnaly i sborniki* [Student magazines and collections]: [Dokl., chit. v zasedanii Ped. o-va pri Mosk. un-te 23 marta 1901 g.]. Moscow, Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1901, 133 p. (In Russ.)

Isanbat N. *Vatan sezdan jesh ketel!* [The motherland is waiting for you to do something!]. *Iash' leninchy* [Young Leninist], 1980, № 7 (3058), 26 January, 3 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Esarlär: 4 t.* [Essays: in 4 voll.]. *T. 1. Shigyr'lar. Poemalar. Dramatik poemalar* [Voll. 1. Poems. Poems. Dramaturgical works]. Kazan, Tatar. kit. nashr. Publ., 1989, 311 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Ber kaida da bastyrylmagan. Avtorny arkhiyynnän. Poemalar häm shigyr'lar* [From nowhere unpublished from a personal archive]. *N. Isanbatneñ shäxsi arkhiy* [Personal archive of Naki Isanbat]. *Mashinkada basylgan* [Typescript], 315 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Elan-patshasy* [The Snake King]. *Ökiiat-poema* [A fairy tale poem]. *Ialkyn* [Flame], 1970, № 3, p. 18–22.

Isanbat N. «Күзәк» *zhurnaly* [Dubina Magazine]. *N. Isanbatneñ shäxsi arkhiy* [Personal archive of Naki Isanbat]. *Kul'iazma* [The manuscript], № 1, 18 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Sailanma esarlär* [Selected writings]: 3 tomda. T. 1. Kazan, Tatar. kit. nashr. Publ., 1960, 915 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Tөрle ellarda iazylgan esarlär äyentygü* [Collection of works written in different years]. *N. Isanbatneñ shäxsi arkhiy* [Personal archive of Naki Isanbat]. *Kul'iazma däftär* [The manuscript], 150 p. (In Tatar.)

Isanbat N. *Chatkylar, sez chächrägez* [You scatter, sparks]. *Chatky* [Sparks]. M., 1922, № 1 (apr.). (In Tatar.)

Näkyi Isanbat [Naki Isanbat], төз. M. Khäbetdinova. Kazan, «Жуен» nashr. Publ., 2021, 736 p. (In Tatar.)

Näkyi Isanbatneñ täyge shigyr'läre [Early poems of N. Isanbat]. *N. Isanbatneñ shäxsi arkhiy* [Personal archive of Naki Isanbat]. *Kul'iazma däftär* [Manuscript-notebook], 26 p. (In Tatar.)

Nogman M. *Tatar telendä kul'iazma gazeta-zhurnal-lar tarikhynnan* [From the history of Tatar handwritten newspapers and magazines]. *Sovet ädäbiaty* [Soviet literature], 1958, № 8, pp. 109–115. (In Tatar.)

Khanzafarov N.G. *Näkyi Isanbat dramaturgiiasse* [Dramaturgy of N. Isanbat]. Kazan, Tatar. kit. nashr. Publ., 1982, 190 p. (In Tatar.)

Shamukov G. *Näkyi Isanbat* [Naki Isanbat]. Kazan, Tatar. kit. nashr. Publ., 1959, 76 p. (In Tatar.)

Khäbetdinova M.M. *Näkyi Isanbat istäleklärendä XX gasyr mädräsä shäkertläreneñ köndälektormyshy* [Everyday life of the Tatar madrasah of the twentieth century in the memoirs of N. Isanbat]. *Tatarica*, 2020, № 1, pp. 78–102. (In Tatar.)

Khäirullin R. *Khäterdä saklangannardan* [Preserved in memory]. *N. Isanbatneñ shäxsi arkhiy* [Personal archive of Naki Isanbat]. *Kul'iazma, Mashinkada basylgan* Publ., 1959, p. 4. (In Tatar.)

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 166–172. ISSN 1998–0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 166–172. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”19”

EDN RESTVI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИМЕТА ПЬЕС А.Н. ОСТРОВСКОГО: РЕЧЬ СВАХ

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. В работе обсуждается проблема речевых стереотипов русского свадебного обряда в текстах художественных произведений. Конкретному анализу подвергаются пьесы А.Н. Островского с темой сватовства, где в речи свах широко представлены образцы устного народного творчества и свадебной обрядности. В статье представлены образцы поэтического творчества свах, изобилующие фольклорными и ритуально-свадебными элементами, даётся их анализ со стороны содержания и формы, проводится сопоставление с их аутентичными народно-разговорными прототипами, в том числе зафиксированными и на костромской земле. Исследование опирается на труды известных русских фольклористов, посвятивших свою деятельность изучению локальных традиций речевых жанров русской свадьбы и сопутствующим им фольклорным образцам. Устанавливаются историко-культурные связи драматургического творчества А.Н. Островского с живыми фольклорно-обрядовыми народными традициями. В этой связи выявляется высокая оценка специалистами архивных фольклорно-обрядовых коллекций Костромы, в том числе и в стенах Костромского государственного университета. В заключение говорится о содержательной и стилистической значимости фольклорных речевых элементов в драматургии А.Н. Островского: через речь свах передаются элементы русского свадебного обряда и многие типизированные поэтические образцы устного народного творчества.

Ключевые слова: свадебно-обрядовые речевые стереотипы, А.Н. Островский, речь свах, фольклорные архивные коллекции Костромы.

Для цитирования. Ганцовская Н.С. Народно-фольклорные и свадебно-обрядовые стереотипы как стилистическая примета пьес А.Н. Островского: речь свах // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 166–172. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

Research Article

FOLKLORE STEREOTYPES AS A STYLISTIC FEATURE OF ALEXANDER OSTROVSKY'S PLAYS: SPEECH OF MATCHMAKER WOMEN

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The problem of speech stereotypes of the Russian wedding ceremony in the texts of works of fiction is discussed in the paper. What is subjected to specific analysis are the plays by Alexander Ostrovsky with the theme of matchmaking, where samples of oral folklore and wedding rituals are widely represented in the speech of the matchmakers. The samples of their poetry, replete with folkish and ritual wedding elements, are presented in the article with their analysis given from the side of content and form as well as comparison with their authentic folkish oral prototypes, including ones fixed on Kostroma soil as well, is made. The study is based on the works of well-known Russian folklorists who devoted their work to studying local traditions of the Russian wedding speech genres and folklore patterns accompanying them. Historical and cultural links of Alexander Ostrovsky's dramaturgical creative work with live folklore and ritual folk traditions are established. In this respect, the high appreciation of the archival folklore and ritual collections of Kostroma, including the one in the walls of Kostroma State University, is revealed by the experts. In conclusion, it is pointed out that folklore speech elements in Alexander Ostrovsky's drama are of substantial and stylistic importance, and these includes elements of Russian wedding ceremonies and many typified poetic examples of oral folklore conveyed through the speech of matchmakers.

Keywords: wedding ceremonial speech stereotypes, Alexander Ostrovsky, speech of matchmakers, Kostroma folklore archive collections.

For citation: Gantsovskaya N.S. Folklore stereotypes as a stylistic feature of Alexander Ostrovsky's plays: speech of matchmaker women. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 166–172 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

Язык героев драматических произведений А.Н. Островского отличается неповторимой жизненной силой и яркой характерностью, что неизменно способствовало успеху его пьес с момента создания и до сегодняшнего дня. В этом многоцветном речевом ковре колоритно выделяется речь свах, изобилующая приметами фольклорно-поэтической речи, точечными – гиперболами, метафорами, сравнениями, эпитетами, но также и достаточно развёрнутыми синтаксическими стереотипами свадебных обрядов, причетов, присказок, приговоров и т. д., неизменной принадлежностью их ремесла. Показательно, что, общаясь с широким кругом людей на своём специализированном языке в виде фольклорных формул, свахи легко находят с ними общий язык. Как кажется – в результате осведомлённости последних в содержании и особенностях формы представляемого ими свадебного речевого жанра.

Так, Устинья Наумовна, сваха из пьесы «Свои люди – сочтёмся», у которой «женихов-то, что кобелей борзых» [Островский 1987: 59]¹, щедро и неутомимо рассыпает комплименты-благопожелания своим клиентам в виде однословных гипербол, характерных для многих жанров устного народного творчества: *серебряные, золотые, бралиянтовые* (Липочке, Аграфене Кондратьевне, Фоминишне, Большову), *золотые* (Большову, Аграфене Кондратьевне, Липочке), *бралиянтовая, жемчужная* (Аграфене Кондратьевне), *изумрудная, золотая, жемчужная* (Липочке), *серебряная* (Фоминишне), *бралиянтовый, серебряный* (Рисположенскому), *яхонтовый, бралянтвый* (Большову), *серебряный, яхонтовый, алмазный, бралиянтовый, изумрудный* (Подхалюзину), а также развёрнутые народные присловья, сравнения и поговорки: *чего же лучше, как не красотой цвести; что как пушка на колёсах стоишь; день-то деньской... словно отымалка какая мычуся; лягушка его заклюй; знакомых по городу, как собак; я ведь не краденая какая, не овца без имени* и т. д. Виртуозно владея многими жанрами устного народного творчества, она может к месту вставить и насмешливое рифмованное четверостишие-небылицу:

*Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросёночек яичко снёс* [Островский 1987: 83].

Обладая незаурядным умом, сваха выступает в роли резонёра и, как бы цитируя мысли автора, может точно оценить истинную сущность людей. Например, разоблачая «необразование» и «мужицкое» происхождение богатой и стремящейся выглядеть

цивилизованно наследницы семьи купца Большова, она тем самым как бы объясняет обилие просторечных элементов в их речи: *А они-то разве благородные? То-то и беда яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна... Отец-то, Самсон Сильч, голицами торговал на Балчуге... Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница – из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит* [Островский 1987: 63].

В трилогии пьес А.Н. Островского с главным героем М. Бальзаминовым функциональная нагрузка фольклорных и свадебно-обрядовых элементов в речи свахи, Акулины Гавриловны Красавиной, возрастает. Она так и рассыпает речевые перлы в виде эпитетов, сравнений, пословиц, поговорок, свадебных приговоров и причетов, недаром её прозвали Говорилихой: *«Бальзаминова... Как Вас звать? Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут»* [Островский 1987: 403]. На каждый момент протяжённого во времени брачного обряда, а ниже речь идёт о первоначальных предсвадебных хлопотах, она знает свой причет, своё фольклорное «говорное произведение», которое легко вписывается в бытовой диалог: *«Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминуемую, за Говорилихой сейчас: выручай, Говорилиха!» – А Говорилихе -то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором»* [Островский 1987: 403].

Назовём те её иносказания, поговорки, причитания и др. примеры говорных фольклорных жанров в трилогии о Бальзамине, которые связаны с обрядовыми русскими традициями, и затем попытаемся сопоставить их с известными нам с давних времён образцами русского устного народного творчества, которые, безусловно, были широко известны в разных сословных кругах русского общества, особенно непривилегированных. Прекрасно были знакомы они и А.Н. Островскому, что известно по многим его биографическим источникам и видно по содержанию его произведений. Сопоставляя с документальными записями образцов устного народного творчества, можно установить, что драматург подавал их с большой степенью точности следования традиции, но не чуждых импровизационного момента, что вообще-то является отличительной чертой устного народного творчества.

Так, например, в диалоге Бальзамина и Красавиной в пьесе «Праздничный сон – до обеда» в Явлении четвёртом Первой картины сначала сваха обращается к своему собеседнику в духе стилистики русской сказки, русских пословиц, поговорок и традиционных свадебных причетов (последнее см. выше): *Красота моя неописанная, младой вьюнош, чем дарить-то будешь?; Много будешь знать, скоро состареешься... На нет – суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег...* [Островский 1987: 402]. В следующем же диалоге, когда Бальзамино выпытывает у свахи, о ком она ведёт речь, в её ответе-иносказании наряду с традиционными русскими образами из области ткацкого ремесла появляются неологизмы-кальки, сформированные под модные галлицизмы: Бальзамино. *Да от кого? Красавина. От кого! Тебе всё скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуёшь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует* [Островский 1987: 403].

Дадим выборку пословиц, поговорок, типизированных стилистических сказочных оборотов, которые встречаются в речи Акулины Гавриловны. *По щучьему веленью, по моему прошенью...* [Островский 1987: 410]. *Я, что птица вещая, даром не покажусь?* [Островский 1987: 431]. *Такая женищина, я вам скажу одно слово – король* [Островский 1987: 432]. *Куй железо, пока горячо* [Островский 1987: 432]. *...Ероийский дух* [Островский 1987: 433]. *Бобы развести* [Островский 1987: 433]. *Видел нужду-то, в чём она ходит...* [Островский 1987: 434]. *Процай, сокол – вороньи крылья!* [Островский 1987: 434]. *Была, и мёд пила, по усам текло, а в рот не попало* [Островский 1987: 444]. *Сокол в путь снаряжается, чай, скоро прилетит* [Островский 1987: 444]. *...Избушка на курьих ножках, маленько – тово, набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица...* [Островский 1987: 434]. *Ты хорошие какие-нибудь скажи, про ерцогиню какую либо про прынца* [Островский 1987: 446]. *Наше дело такое, где спасибо скажут, а где и в шею вытолкают* [Островский 1987: 451]. *С повинной, матушка, не вели казнить, вели речь говорить* [Островский 1987: 457]. *У меня совесть-то чище золота – хрусталь...* [Островский 1987: 457]. *...Знать, не судьба* [Островский 1987: 457]. *...У всякого плута свой расчёт* [Островский 1987: 457]. *Ничего, матушка, брань на воротах не виснет* [Островский 1987: 457]. *Такая у меня на примете есть краля...* [Островский 1987: 458]. *...Хоть караул кричи* [Островский 1987: 459]. *Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы... Никто души моей не знает, / И чувств моих не могут описать* [Островский 1987: 460]. *По Сеньке и шапка, по Ерёмке кафтан... Ви-*

дит собака молоко, да рыло коротко [Островский 1987: 460]. *Москва-то не клином сошлась* [Островский 1987: 460]. *...Хлеб за брюхом не ходит* [Островский 1987: 463]. *Скоро, красавица ты моя, скоро... красавица ты моя писаная* [Островский 1987: 466]. *Коли есть женихи на дне моря, то я со дна моря достану* [Островский 1987: 467]. *Я орёл на эти дела* [Островский 1987: 467]. *Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтобы звончее был* [Островский 1987: 467]. *Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Всё сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было! Ишь тебя луканька-то носит!* [Островский 1987: 475]. *Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял* [Островский 1987: 476]. *Вот у нас пированье пойдёт – дым коромыслом. А там и вовсе свадьба* [Островский 1987: 478]. *Ах ты красавица моя писаная!* [Островский 1987: 478]. *А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую* [Островский 1987: 491]. *Много он маху давал, а теперь попал, – под самое под правое крылушко* [Островский 1987: 491]. *А то вот ещё есть пословица... «За чем пойдёшь, то и найдёшь»* [Островский 1987: 492].

Далее в нашем обзоре следуют развёрнутые чудесные истории, фантастические рассказы:

Да вот говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдёт. Говорят, это перед последним концом...

Красавина. *Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведёт. Ничкина. Откуда же он, белый арап? Красавина. Из Белой Арапии.*

Да говорят ещё какая-то комета ли, планида ли идёт: так учёные в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет [Островский 1987: 410–411].

...Ходит-бродит он, добрый молодец, вот таким палестинам, что другому и на ум не взойдёт. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и всё тут. Не скажу, чтобы красавица, а пышина уж очень. Так пышина, что нынче мало можно найти таких женищин, вот как! Уж именно, что на ловца и зверь бежит... [Островский 1987: 431].

Войны не слышать. Тихо везде: по всей земле мирение вышло. Земля трясётся местами, об этом слух есть; местах в трёх трясение было [Островский 1987: 467].

...Да вот ещё, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась... Из диких лесов, говорят. Днём под каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье [Островский 1987: 468].

Ехала я селами, городами, тёмными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся [Островский 1987: 491].

Последний фрагмент представляет собой одно из устойчивых типизированных описаний свадебных приговоров – описание пути-дороги свадебного поезда. Говорной фольклорно-обрядовый репертуар свахи Акулины Гавриловны Красавиной, как и представленный выше лексикон свахи Устиньи Наумовны, разнообразен, имеет народные истоки и демонстрирует, судя по реакции собеседников, полное и одобрительное их восприятие. Этот репертуар был повсеместно распространён на Руси и хорошо знаком, как мы уже говорили выше, и А.Н. Островскому, практически, в виде жизненных наблюдений, и, возможно, в виде опубликованных к середине XIX столетия записей и исследований на эту тему. Упомянем некоторые из подобных публикаций при жизни писателя (здесь представляем часть обширного библиографического списка монографии Ю.А. Крашенинниковой «Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в.» [Крашенинникова 2021]: [Александров 1863; Андроников 1856; Бажин 1848; Даль 1989; Даль 1995; Дементьев 1865; Доброздраков 1853; Жаравов 1853; Машкин 1862; Осокин 1857; Преображенский 1853; Юрлов 1867а; Юрлов 1867б] (из этого списка надо особо отметить публикации Жаравова и Дементьева в «Москвитяине» и Осокина в «Современнике», наверняка попавшие в поле зрения драматурга).

Ю.А. Крашенинникова в вышеупомянутой монографии [Крашенинникова 2021], где совмещает теорию с хрестоматийной публикацией материалов по разным губерниям России, публикует обширное количество текстов свадебных приговоров и причетов в России начиная с 40-х годов, ещё при жизни А.Н. Островского (что для нас представляет особенный интерес), где они появляются в таких изданиях, как «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности новостей и мод», «Москвитянин», «Современник» этнографических сборниках, губернских «Ведомостях», трудах статистических комитетов, сборниках краеведческих обществ и т. д. Как она поясняет, «Фольклорно-этнографические материалы о свадьбе презентуются, как правило, в виде бытовых очерков, путевых заметок, в которых в большинстве своём описывается обряд конкретных локальных традиций и, более узко, населённых пунктов, свидетелем, очевидцем которого был сам автор публикации <...> На фоне работ, посвящённых отдельным местностям, выделяются издания, в которых представлены фольклорные материалы многих губерний России...» [Крашенинникова 2021: 9–10], но послед-

нее происходит уже позднее, не при жизни драматурга. Она указывает, что «инвентаризация имеющихся в научном обороте материалов XIX–XX вв. позволила выделить зоны “особой развитости” жанра и его разновидностей. Так, приговоры свадебных дружек и сватов фиксируются на территории России почти повсеместно: преимущественно на Русском Севере, в меньшей степени в центральной части и Поволжье, точно в Сибири и Забайкалье. Приговоры девушек при выносе свадебного деревца получили распространение почти на всей территории Костромского края... Приговоры «на мяч» (вар.: “на рогозку”) отмечены в вологодской традиции (Тотемский и Кадниковский уезды), приговоры, адресованные катающимся молодожёнам – в Костромском уезде Костромской губернии и т. д. Материалы показывают, что «эпицентр» развития и бытования жанра приходится на вологодско-костромскую территорию» [Крашенинникова 2021: 13].

Типизированные описания и мотивы разного локального статуса, в том числе и на территории Костромской губернии, характерны не только для приговоров дружек, но встречаются в речи и всех свадебных чинов. Вот одна из наиболее употребительных для свадебного обряда речевых формул, самохарактеристика персонажа, которая приведена выше в речи свахи Красавиной (*Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором*) и которую Ю.А. Крашенинникова комментирует следующим образом: «Формула используется для характеристики свадебных персонажей (дружки, жениха, поварихи, молодой пары), встречается в записях приговоров многих локальных традиций России; широкое распространение и устойчивая форма позволили В.И. Далю выделить её как пословицу с функцией – произносится при “потчевании на свадьбе” (В.И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1989. Т. 2. С. 249)» [Крашенинникова 2017: 7].

В другом своём исследовании «О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек на “свадебное деревце”)» Ю.А. Крашенинникова говорит о преимущественной локальной костромской прикреплённости текстов подобного тематического репертуара, произносимого девушками, «при выносе “девьей красоты” – небольшого по размеру деревца (берёзка, ель или верхушка ели), символизировавшего “девью волю”. Деревце было украшено цветами, мишурой, конфетами, свечами, лоскутами ткани, бусами...» [Крашенинникова 2015: 3]. Она сообщает, что в её «настоящей работе используется довольно много материалов, хранящихся в архиве фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» и благодарит сотрудников вуза за оказанную ей помощь при ознакомлении с фондами лаборатории, отмечая

заслуги организатора лаборатории канд. фил. наук А.В. Тороповой. Далее она устанавливает, что по публикациям и архивным материалам можно «говорить о записях, сделанных примерно с конца XIX в. до настоящего времени в более чем пятнадцати районах Костромской области (в частности, Антроповский р-н, Буйский у., Галичский у., Кадыйский у., Кинешемский у., Кологривский у., Костромской у., Красносельский р-н, Макарьевский р-н, Мантуровский р-н, Нейский р-н, Островский р-н, Парфентьевский у., Суванинский р-н, Солигаличский р-н) [Крашенинникова 2015: 4]. В этой же работе она показывает, что формула «проходки персонажа» характерна как для приговора дружки, так и для приговора девушки. В качестве иллюстрации этого положения она приводит текст, записанный студенткой Костромского пединститута Верой Славской (кстати, и моей ученицы) вблизи Костромы, в 22 км, в деревне Калинки ныне Судиславского района:

*...У меня, у девицы,
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Голова с поклоном,
Язык с приговором*

(Зап. от Т.А. Смирновой, 1901 г. р., д. Калинки, Костромской р-н, КО. Соб. В. Славская, 1988 г. Архив КГУ [Крашенинникова 2015: 6].

Ранее Ю.В. Крашенинникова специально написала статью с характеристикой костромских фольклорных материалов интересующей её тематики «Тексты свадебных приговоров в архивных коллекциях г. Костромы (некоторые комментарии к материалам) в сборник «Русское слово и костромской край», посвящённый памяти выдающегося краеведа костромского Поунжья, диалектолога, фольклориста и лексикографа А.В. Громова [Крашенинникова 2016]. В ней она подчеркнула преимущественное распространение на костромской земле, т. е. той «зоны, в которой свадебные приговоры получили широкое распространение», определённых фольклорных жанров и традиций их исполнения. Юлия Андреевна выявила и описала многие ценные материалы в костромских архивах и архивных коллекциях: Костромском государственном областном архиве, Костромской научной универсальной библиотеке, фольклорно-краеведческой лаборатории КГУ им. Н.А. Некрасова, установила, в каких регионах области были сделаны записи интересующего её фольклорного жанра и благодарилась за возможность доступа к материалам лаборатории. Она отметила «огромную роль канд. филол. наук Алевтины Васильевны Тороповой, организовавшей фольклорную лабораторию университета, наладившей сбор и камеральную обработку фольклорно-этнографических материалов» [Крашенинникова 2013: 513].

Безусловно, А.Н. Островский, отец и ближайшие родственники которого были родом из Костромы, а сам он в летний сезон десятилетиями проживал в своей костромской усадьбе Щельково, активно участвуя там в фольклорных крестьянских праздниках, был хорошо знаком с русскими народными фольклорно-обрядовыми традициями. И текстовые образцы многих из них он вложил преимущественно в уста свах в своих пьесах.

Как видим, народно-поэтическое фольклорно-обрядовое творчество находило отклик и в художественной литературе. В драматургии А.Н. Островского через речь свах транслировались многие типизированные фольклорно-обрядовые речевые элементы (точечные – слова и словосочетания, развёрнутые – полипредикативные сюжетные комплексы). При этом можно констатировать, что речи свах у Островского – образцы наивных авторских произведений в виде краткого импровизационного микса элементов стереотипных фольклорных жанров, своего рода литература в литературе. Говорные обрядово-фольклорные реплики свах создают особое настроение, завораживают собеседников, тем самым придавая больший вес их стараниям, по сути дела глубинной подоплёкой которых являются коммерческие интересы. Однако и творческий элемент их словесной деятельности налицо. При помощи устойчивых обрядово-фольклорных формул свахи создают для своих клиентов лучезарные картины настоящего и обещают райские перспективы в будущем. Правда, будучи трезвыми стратегами, они не чуждаются и остроумных критических зарисовок ситуации, и уничижительных характеристик своих подопечных, особенно в неблагоприятных для себя положениях.

Источники

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из пьесы драматурга по следующему изданию: А.Н. Островский. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Пьесы, 1850–1861 / сост., вступ. сл. и коммент. В.Я. Лакшина. Москва: Худож. лит., 1987. 527 с.

Список литературы

- Александров В.А.* Вологодская свадьба. Санкт-Петербург, 1863.
- Андроников П.И.* Свадебные обычаи и песни в селе Костенево Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1856. № 21–27, 29. Часть неоф.
- Бажин Н.Ф.* Крестьянская свадьба в Котельничском уезде // Вятские губернские ведомости. 1848. № 9. С. 56–59
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Москва, 1989.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1995.

Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (отрывок из путевых заметок) // Москвитянин . 1855. № 7. С. 65–134.

Доброздраков М. Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского уезда // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1853. Вып. 1. С. 25–61.

Жаравов А. Сельские свадьбы Архангельской губернии // Москвитянин. М., 1853. № 13. С. 7–64; № 14. С. 81–104.

Крашенинникова Ю.А. Тексты свадебных приговоров в архивных коллекциях г. Костромы (некоторые комментарии к материалам) // Русское слово и костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.В. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2013. С. 512–518.

Крашенинникова Ю.А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек на “свадебное деревце” // Традиционная культура: научный альманах. 2015. 3 (59). С. 149–162.

Крашенинникова Ю.А. «Просьба на мяч»: о редких записях свадебных приговоров из Вологодской губернии кон. XIX – нач. XX вв. (несколько замечаний о специфике жанровой разновидности) // Slavia orientalis. 2017. Т. LXVI, NR 3. С. 505–518.

Крашенинникова Ю.А. Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. Ю.А. Крашенинниковой. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1862. Вып. 5. С. 1–119.

Осокин С. Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник. 1857. № 1. С. 54–87.

Преображенский А. Приход Станиловский на Сити (Ярославская губ. Моложский уезд): Записал воспитанник священника А. Преображенского // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1853. Вып. 1. С. 125–174.

Юрлов В.П. Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 27 (11 марта). С. 3–4.

Юрлов В.П. Этнографические материалы // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 37 (6 апреля). С. 3–4.

References

Aleksandrov V.A. *Vologodskaya svad'ba* [Vologda wedding]. St. Petersburg, 1863. (In Russ.)

Andronikov P.I. *Svadebnye obychai i pesni v sele Kostenev Kostromskogo uезда* [Wedding customs and songs in the village of Kostenev, Kostroma district]. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma Provincial Gazette], 1856, No 21–27, 29, part unofficial. (In Russ.)

Bazhin N.F. *Krest'yanskaya svad'ba v Kotel'ni-*

cheskom uезде [Peasant wedding in Kotelnicheskyy district]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatskiye Provincial Gazette], 1848, No 9, pp. 56–59. (In Russ.)

Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. Moscow, 1989. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Dement'ev V. *Derevenskie svad'by v Kologrivskom uезде Kostromskoj gubernii (otryvok iz putevyh zame-tok* [Village weddings in the Kologrivsky district of the Kostroma province (an excerpt from travel notes)]. *Moskvityanin* [Muscovite], 1855, No 7, pp. 65–134. (In Russ.)

Dobrozdrakov M. *Selo Ul'yanovka Nizhegorodskoj губ. Lukoyanovskogo uезда* [Ulyanovka village, Nizhny Novgorod province. Lukoyanovsky district]. *Etnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1853, vol. 1, pp. 25–61. (In Russ.)

Zharavov A. *Sel'skie svad'by Arhangel'skoj gubernii* [Rural weddings in the Arkhangelsk province]. *Moskvityanin* [Muscovite], 1853, No 13, pp. 7–64; No 14, pp. 81–104. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *Teksty svadebnyh prigovorov v arhivnyh kollekcijah g. Kostromy (nekotorye komentarii k materialam)* [Texts of wedding verdicts in the archival collections of the city of Kostroma (some comments on the materials)]. *Russkoe slovo i kostromskoj kraj: sbornik statej* [Russian word and Kostroma region: collection of articles], ed. by N.S. Gancovskaya, O.V. Krylova. St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2013, pp. 512–518. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *O sluchayah i mekhanizmah zhanrovogo vzaimodejstviya v tekstah svadebnogo obryada (na materiale prigovorov devushek na “svadebnoe derevce”* [On the Cases and Mechanisms of Genre Interaction in the Texts of the Wedding Ceremony (Based on the Sentences of Girls on the “Wedding Tree”). *Tradicionnaya kul'tura: nauchnyj al'manah* [Traditional culture: scientific almanac], 2015, 3 (59), pp. 149–162. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. «Pros'ba na myach»: o redkih zapisyah svadebnyh prigovorov iz Vologodskoj gubernii kon. XIX – nach. XX vv. (neskol'ko zamechanij o specifikе zhanrovoj raznovidnosti) [“A request for a ball”: about rare records of wedding verdicts from the Vologda province of the late 19th – early 20th centuries (a few remarks about the specifics of the genre variety)]. *Slavia orientalis*, 2017, т. LXVI, NR 3, pp. 505–518. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *Russkie svadebnye prigovory v arhivnyh kollekcijah XIX – pervoj tretj XX v.* [Russian wedding verdicts in archival collections of the 19th – first third of the 20th centuries], compiler, author of the introductory article, preparation of texts and comments by Yu.A. Krashenninnikova. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (In Russ.)

Mashkin A.S. *Byt krest'yan Kurskoj gubernii Oboyanskogo uezda* [The life of the peasants of the Kursk province of the Oboyan district]. *Etnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1862, vol. 5, pp. 1–119. (In Russ.)

Osokin S. *Sel'skaya svad'ba v Malmyzhskom uezde* [Rural wedding in Malmyzhsky district]. *Sovremennik* [Contemporary], 1857, No 1, pp. 54–87. (In Russ.)

Preobrazhenskij A. *Prihod Stanilovskij na Siti (Yaroslavskaya gub. Molozhskij uezd). Zapisal vospitannik svyashchennika A. Preobrazhenskogo* [Parish Stanilovsky on the City (Yaroslavl province. Molozhsky district). Recorded by a pupil of the priest A. Preobrazhensky]. *Etnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1853, vol. 1, pp. 125–174. (In Russ.)

Yurlov V.P. *Zametka o svadebnyh obryadah v Simbirskoj gubernii* [A note on wedding ceremonies in the Simbirsk province]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial sheets], 1867, No 27 (11 March), pp. 3–4. (In Russ.)

Yurlov V.P. *Etnograficheskie materialy* [Ethnographic materials]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial sheets], 1867, No 37 (6 April), pp. 3–4. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 173–179. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 173–179. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'42

EDN RLWLNI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-173-179>

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОЗЕРЬЯ

Ильина Елена Николаевна, доктор филологических наук, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья обобщает результаты изучения лексики тематической сферы «Домашняя утварь» на материале записей речи жителей д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. В процессе анализа внутренней формы слов и специфики их речевого употребления выявлены особенности восприятия предметов вещного мира жителями северной деревни. Дialeктную языковую картину мира отличают парцеллированный характер отражения действительности, приоритетность идей биологического выживания и социальной адаптации в условиях сельского бытия, а также утилитарность, традиционность и экспрессивность. Представленные в статье результаты исследования названий предметов домашней утвари вполне подтверждают эти выводы: лексика этой тематической сферы весьма многочисленна, она активно используется носителями говоров в практике описания технологических процессов обслуживающего труда.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, говоры Вологодской области.

Для цитирования: Ильина Е.Н. Домашняя утварь в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 173–179. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-173-179>

Research Article

A HOUSEHOLD UTENSILS IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE INHABITANTS OF BELOZERIE

Elena N. Ilyina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia, filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article summarises the results of the study of the lexis of the thematic sphere “kitchen utensils” based on recordings of the speech of the hamlet of Borbushino of Kirillov district of Vologda Region. In the process of analysing the internal form of words and the specifics of their speech use, peculiarities of perception of the material world objects by the inhabitants of the rural Russian North are revealed. What distinguishes the dialect language picture of the world is the parcelled nature of reflection of reality, priority of the ideas of natural survival and social adaptation in the conditions of rural existence, as well as utilitarianism, traditionalism and expressiveness. The results of the study of the names of kitchen utensils presented in the article, quite confirm these conclusions - the vocabulary of this thematic sphere is extremely diverse; it is actively used by the patois speakers in the practice of describing technological processes of domestic chores.

Key words: dialectal language picture of the world, Vologda region dialects.

For citation: Ilyina E.N. A Household Utensils in the Language Picture of the World of the Inhabitants of Belozerie. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, No 3, pp. 173–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-173-179>

В данной статье представлено описание лексики тематического множества «Домашняя утварь» на материале записей речи жителей д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Корпус этих записей систематизирован в электронной мультимедийной системе «Говор северной деревни» [Говор северной деревни 2021] и в монографии «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни» [Ильина и др. 2021]. Понятие «домашняя утварь» вслед за исследователями этой тематической сферы [Мораховская 1982; Трубачев 1996; др.] и программой-вопросником «Лексического атласа русских народных говоров» [Программа ЛАРНГ], по которому собирался локальный речевой контент, понимается достаточно широко: это разные виды посуды (кухонная, столовая, чайная, стеклянная, деревянная и пр.), кухонные принадлежности, подвижная мебель (столы, стулья и пр.), вместилница (корзины, сундуки, мешки, сумки) и пр. В процессе анализа внутренней формы слов и специфики их речевого употребления мы выявляем особенности восприятия предметов вещного мира жителями северной деревни.

Посуда. В рассказах о домашнем быте информанты подчеркивают простоту и незатейливость инструментального инвентаря домашней кухни: *Ничё-то, девки, у нас не было, вон как сейчас – посудёшка была, какая от свекроушки осталась, да мы с Павликом прикупили, да Ольга вон потом навезла, а так-то поглядеть, дак и нету особо ничё.* В качестве общих названий использовались общерусское существительное *посуда* в собирательном значении (*Посуды всякого места было*), диалектное собирательное существительное *посудьё* (*Нашо посудьё тут да вон от Маринки принесёно, надо разобрать да отдать ей*). Информанты объективируют различия предметов посуды по материалу (*Латочки вон, глиняная посуда. У меня вон чайник-от малированный. Всё стекло в здешнем магазине покупала, ниоткель не возила. Перевернулся грузовик, дак стекляхи-то все нарушились, шоферу платить скоко!*) и по размеру (*Ставь-ко большой-то чигун к устью, чтобы сюда дымом не волокно. В чигунке поменьше я картошку варю*). Для приготовления пищи в русской печи местные жители использовали *чигуны* (*Ставь-ко большой-то чигун к устью, чтобы сюда дымом не волокно*), *каструли* (*Эдаких-то кастрюль у меня пять, поди, было, дак я девкам раздала*), *сковороды* (*На малированной сковороде грибы-то Ольга жарила, нажарит – всем и раздаёт по две ложки, хватило – ишишо по две, и раздаёт, пока исятко*), *жаровни* (*Жаровен входит на под две порядочных, ну или четырёх вот эдаких – сушу сейгод яблоки-то, а куда их?*) и *латки* (*Латок у меня уже побилосё, большё было. Вот в эту латку завсё делаю, а эти две латочки дак поберёгаю*), которые при необходимости закрывали *крышкой* или *во-*

лошкой (*Закрывали большой чигун волошкой таким*). Холодные напитки наливались в *кукиши* (*Кужкиши с водой с утра наливаю не один – жарко, робята всё выхлецут за день-то*), *тарка* (*С таркой сходи, там порядочно молока-то нести*), *графин* (*Ёйный подарок, графин, дёржу вот, как в память*) и *стекляшка* (*Тамара молоко уж, поди, по стекляшкам разлила, иди-ко быстрей!*). Порционно кушания раскладываются по *тарелкам* (*Людка у меня торелку вот эту, с василькам, обожаёт*), *миска* (*Каждому миску мыть – дак сколь воды-то надэ! Раньше мы из одной миски хлёбали – не помер никто!*) или *блюдам* (*Гляжу – в блюдах ихних уж нет ничё, ну и жоруны!*). Под чай и холодные напитки подавались *чаши* (*Чашок шесть уж после бани выждрали, жажда. Блюдечко вон, дак, если горячо, налей да остуди*), *кружки* (*Кружок Ольга навезла всяких: хоть тее бокалы, хоть помене*) и *стаканы* (*Стаканов шесь после бани выхлешиот!*). Алкогольные напитки пили из *рюмок* (*Всё, щас и рюмку опрокину – не наливай больше!*), *стопок* (*Алексей, ты мне всё стопку с клёнём наливаёшь – видать, сильно любишь баушку Нину!*), *чарок* (*Не одну чарку опорожнили до моёго прихода*); в качестве винной посуды использовались также *графин* (*По графинам раньше разливали, из бутылки не хлётали, как ноне*), *бутыль* (*Почти ишишо бутыль выждрали, пока я к корове-то ходила, как и влезло-то!*), *бутылка* (*Хлеба везли сумку да бутылку белой*) и *фляжка* (*Во фляжке булькат, поди-ко, водочка али коньячок?*). В качестве столовых приборов информанты предпочитают *ложку* (*Ленка, ты мне вилок дак не ложь – мне дай-ко ложку, и всё*), кроме того называют *нож* (*Нож тебе почто – не в ресторане, чё тута резать-то?*), *вилку* (*Вилок-то тожэ лежит сколь-то*), а также *щипчики* для раскалывания кускового сахара (*Вот не могу без шипчиков-то, песок класти не приучена, а сахарку наколёшь, и пей себе потихоньку, на чашку, пои, кусочка-то хватит*). Ложки в крестьянском доме кладут на стол рабочей поверхностью вогнутой части внутрь. Объяснение этому мы записали со слов Анны Алексеевны Шабровой (1911 г. р.): «*Ложки вы, девки, неправильно на стол ложите, их переворачивать надо. Почто переворачивать-то? А чтобы нечистых не кормить. Ну, блазны всякиё, которые непутниё, ну, по-топереишему, духи. Вот, баушка мне рассказывала, потерялсё как-то парнишко один, долго блудил, насилу его нашли всёй деревнёй. А, говорит, с дедушкой ходил. В какой дом ни зайдём – нам всех видать, а нас будто никто и не видит. Смотрим, как ложки на столе лежат. Если открыты, дак мы с дедушкой наидимсё. А в один дом зашли, уж совсем наладились, дак хозеин баб своих отматюкал и ложки перевернул – мы и пошли голодные. Потом этот дедушко привёл меня к Глиняному отводу: “Иди, говорит,*

уж больно за тебя matka молитсё, придётсё отпу-
стить!» Дак я с той поры всегда ложки перевора-
чиваю, не по что нам приишлых кормить!»

Из посуды специального назначения информанты называют емкость для сбивания масла (*Длинная деревянная такая, как кадошка, только длиннее и больше. Туда впикивается палочка, как мутовка, и сбивается масло в сбойке. Особая посуда была масло сбивать, маслбойка*), самовар (*Вот в пече отверстиё круглоё – дак самовар ставить*) и заварной чайник (*Заварнищэк у тея уж больно хороиш! Доб, говорю, заварной-то цейник*), солонку (*Солонку подай-ко*), вместилище для масла (*А постное масло вон в глиняной маслёнке держу: с ручечкой и с носиком. Вот бочонок-то, глян, с крышкой, с-под масла*), емкость для тушения углей (*Склады угольё в тушилку*). Весьма богат и разнообразен список слов, называющих емкости для хранения воды и иных жидкостей: *битон битончик* (*Коля с битончиком этим за молоком ходит. С фермы битоны, когда всё разореть стали, народ по избам и унёс, сколь оставалось*), *ванна* (*Под капильную воду ванна вонотко стоит*), *ведро* (*Вёдер в бане три, да тут ишишо, поди, четырё*), *кубышка* (*Дёготь в кубышке дёржали*), *тарка, тарочка* (*Тарочка эта удобная, с крышкой. С таркам по ягоды ходили, по малину дак*), *фляга, фляжка* (*Воду во флягах держали – литров по двадцать пять фляжка*). В крестьянских домах сохранились деревянные ёмкости традиционного кустарного производства: *кадушка, кадушечка* (*В ейной кадушечке рыжики и засолила. Добра кадушка-та!*), *корыто* (*Под острёгу корыто ложат, чтобы капильная вода копилась*), *ушат* (*Ушатами рыжики солили, а топерё что?*), *корчага* (*Большой глиняный горшок для хранения углей или пива. Достань углей-то из корчаги*), *колода, колодка* (*Колоды из осины выдалбливались, длинные, узкие. Полные колодки воды*). Названия посуды ситуативно обобщаются в бытовой речи (*Калабань любую мне дай под картошку-то. Вон латочёк-то сколь, дак выбирай. Черепенёк навезла из города, дак любо-дорого!*), преимущественно с использованием названий повседневно используемой, «непарадной», старой посуды (см. об этом также: [Рудыкина, 2009]). Старая, поврежденная посуда также имеет в говоре диалектные названия: *Калабаха вон непутняя, собаке поставь. Черепеньки одне, путней нет посуды. Не храни обитыши-то, жисть худая будёт!* Отдельными словами называются также отдельные фрагменты битой посуды: *Разбился – дак чего черепки хранить, выбрасывай. На осколочки разлетелась стекляшка-то, дак ползаю с печаткой мыла, собираю, босиком ходим, дак чтоб не наимать стёкол-то. Была чашка, а топере одни обитки остались*), а также емкость для помоев (*С поганым-то ведром куда? Помойное ведро надо вынести*). Специальное диалектное

наименование было у берестяного приспособления для питья: *пилик* (*Тятя завернёт из берёсты пилик, да и пьёшь на сенокосе-то. Пилика берестяного теперь не увидеть – а почто? Всякой посуды исятко!*). На основе этого значения у существительного *пилик* появились более поздние: «свернутый из листа оберточной бумаги или газеты кулек» (*В пилике вон ирисок робятам несуд*), «бумажный пакет, конверт» (*В пилике храню на дом-от бумаги все*) и «вообще пакет, в том числе из полиэтилена» (*Мода была у робятишок одно вримё: не с портфелям в школу ходили, а с пиликам*).

Кухонная утварь. Кухонная утварь, используемая в крестьянском хозяйстве, весьма разнообразна – это определяется многообразием процессов обслуживающего труда. Традиционно всю совокупность предметов домашней утвари рассматривают по видам этих процессов. Наиболее значимыми из этих процессов являются приготовление еды для семьи и домашних животных, а также заготовка её впрок. Чтобы топить печь и готовить в ней еду, применялись специальные приспособления: для перемешивания углей информанты использовали *клюку* или *кочергу* (*Воно клюка-то, кочерга железная*), под выметали с помощью *помела* (*Опахнуть надо помелом-то маленько*). Горшки ставили в печь с помощью нескольких *ухватов* (*Вот, девки, ухват, под печкой-то лёжит. Ухват поболе, дак под большой чигун для воды, а этот дак под латки*); противни, жаровни с пирогами перемещали в печь с помощью *лопаты* (*Яблок ноне много, дак сушу на противне, лопатой упехала в печь. Полная жаровня грибов насохла*); для захватывания края сковороды использовали *сковородник* (*Сковородник стал отыматься, неловко*). Для очищения поверхностей использовались различного рода *тряпки* (*Отымалкой горячие чигуны достаю из печи, картошку сливаю. Навезла матке новомодных-то прихваток, а их почто? Вехоть поболе надо. Тряпков сколь у печки уходит, дак не считать*) и веник с совком (*Оммела виником-то, чего с сошка сронила. И совок в хозяйстве надэ*). В процессе приготовления пищи использовались разделочные доски (*Досок, дощечёк-то у меня вон целый угол висится*), доски и приспособления для раскатывания пирогов (*Пирожная доска у меня одна, она пошире, на ёй управляюсь, скалкой-то раскатываю всё, рассыкаю*) и обмазывания их маслом (*В латочку наложу топленого масла да лапкой, али мазилкой, ну, что исётко, и мажу*). Для нарезания и измельчения продуктов брались различного рода *ножи* (*Нож подай вон с камода. Складешок, грибы-то собирать беру. Ручка у ножика больно хватистая. Поточить ножи-то бы надо, возьми-ко лопатку, да подправь*), *тёрки* (*Тёрка висится, а ищё вон новая, на четыре стороны ставится, как охота, дак так и тери*), *сеч-*

ки (*Сечка, капусту секу ей*). Информанты называют также приспособления для разминания (*Толкушка экая была, пестик. Толчком толки, дак и разойдётся. Ступа высокая, деревянная, неширокая, с деревянным пестом. В ступе пестом толкли зерно-то раньше, на жёрновах мололи, вон в дровянике жёрнов по сию пору лёжат*), протираия (*Друшлаки-те, дак макароны откидывали, а пасху делать, так творог откидывали и протирали, эли в марлечку окладывали да подвешивали, чтоб вода стекала*), захватывания и зачерпывания (*Разливаю всем черпаком суп. Поварёнка у меня ложится вот сюды, ишишо есть разливательная ложка, большая, да ещё с дырками ложку Ольга привезла, а сей год смотрю – щипчики экиё, давай-ко куплю! Ковшик не один извела капроновый, положу на плиту, а ему много ли надо?*), размешивания (*Вареньё-то болтаю ложкой деревянной большой*) и взбивания (*Мутовкой мешали тесто-то. В сбойке пахтали масло-то, сидишь, пахтаёшь. По-топерешинёму венчик, говорят, надо, а и мутовкой добро болтать блины-ти*), процеживания (*Воронка, а в воронку-ту марлечку вдовыки складёшь, дак и цеди*) и просеивания (*Букарахи чтоб не ползали, дак через сито мучку-ту просевали. Сют муку – полуситок частой. Ситом ещё назовут. Сияли сильницей*). Особые названия имеют применяемые для хозяйственных надобностей различные виды решёт (*Двухруческое решето – рыбу зимой высеивают. Дерево надрали и из лыка сами-то решето сделают, зимой в снегу рыбу перемешивают. Грохот – уж большое решето. Решёта бывают частые и редкие. Частое – это сито*). Эту группу названий на материале ЛАРНГ исследовала Л.А. Власова [Власова, 1998; Власова, 2005; др.]: при сравнении её выводов с нашими выяснилось, что информанты среднего и молодого возраста уже слабо дифференцируют старинную домашнюю утварь и по назначению, и по названиям: *Вон полати целыё, да на вышке, да в клити чёо только нету! Решёта, мазилки всекиё, жаровен однех не сосчитать! Я не всё уж, девки, и знаю, чёо вон для чёо! От Парасковьи Намовны, прабаушки, ишишо осталось, а теперь дак и пошто? Поди-ко выкинуть надэ, а неохота – и паять, да и можот, ишишо сгодится?*

Ещё одна не менее значимая группа трудовых процессов связана с очищением рук, одежды, поверхностей, приспособлений и др. Руки мыли при входе в избу; для этого в специально отведенном для этого месте висел *умывальник* (*Умывальник за заборкой, при входе*) или *рукомойник* (*Под рукомойником большой таз у матки стоел*), под ним стояла емкость для стока использованной воды (*С городу раковину привёзли, поставили под умывальник-то*), рядом размещались *полотенце* для вытирания рук (*Рушиноё полотенце новой бери, а это дай-ко мне, стирать буду*

после бани, дак и ёо простирну) и *мыло* (*Топере мылов всяких исятко, а я всё равно печатку хозяйственного ложу – оно всю заразу убираёт*). Для стирки белья в хозяйстве использовались деревянное *корыто* (*На мос корыто ставлю и стираю в ём*), металлическая *ванна* (*Ванну не погань – я в ёй стираю*) и *стиральная доска* (*Топере всё машинам, а мы досочку поставим стиральную и шаркаём*). Полоскание белья осуществлялось летом в открытом водоёме, зимой – в специально проделанной для этого проруби (*Ердан – это особая, церковная прорубь, полоскали в другой – её уж мужики обязательно налагали, а ваш этот ердан – то ли был, то ли нет*); полоскали руками или с помощью специального приспособления – *дерева* (*Вот баушкино дерево – гляди: эдак нацепляешь платно, а в воде потом переворачивашь*). После сушки бельё распрямлялось с помощью деревянных приспособлений – *катка* и *валька* (*Утюгов не было, дак каток берёшь да по вальку туда-сюда делаешь, и добро!*), а позже с помощью *утюгов* (*Галинка у меня уж до чего деушка молодец, всё бельё-то перегладила, как утюг-то не уронила, больно уж большой, добра девка растёт, матке помощница!*). В качестве приспособлений для переноса емкостей с водой информанты используют *коромысло* (*На коромысле-то ходко принесёшь вёдра-ти*) и вспоминают более сложное по конструкции приспособление – *кляч*, к сожалению, не сохранившееся ни в одном крестьянском хозяйстве описываемой нами деревни (*Деревянная палка с цепью и поперечной палочкой. Да возьми кляч, пойдём за водой*).

Из старинных осветительных приборов информанты припоминают *лучину* и приспособление для её крепления – *светильник* или *светец* (*Готовят светильник зимой, круглый, деревянный столбик с железной штукой внизу, вверху два ушка, туда вставляют лучину. Светец был для лучины, нащиплют, и жгли*), а также керосиновую *лампу* (*На карасине лампа была, карасинка*) и свечной *фонарь* (*Фонарь, в баню ходим, вековечный, свечку вставляем и идём*).

Подвижная мебель. По воспоминаниям информантов, мебели в деревенской избе было относительно немного. Для сидения делались *лавки*, положение которых внутри комнаты было зафиксировано соответственно их назначению (*У входа лавка – тут кто пришёл не за делом особо, дак и сиди. Вот вдоль была лавка у окошка – шили тут, а ночью дак и спали кто, тулуп дадут али пальтушку. Вот самая путняя лавка дак под иконами тут, в переднем углу. Тут уж хозяин сидит да если самые дорогие гости*), а также перемещаемые с места на место скамейки (*Игорь плахинский скамейки делает по сию пору*); позже в домах появились *стулья* (*Школьные ишишо стулья – школы уж лет, поди-ко, пийсят нету, а стульям вон ничёо не диётсё!*) и *табуретки* (*Тубаретки вон Галя*

с Вологды привозила, со скамейкам сравнить, дак хлипковаты оне, городскиё). Для принятия пищи и иных домашних дел, требующих широкой горизонтальной поверхности, использовался стол. Как составные его части информанты называют верхнюю доску (*У старого стола столешнице ничего не дится*), ножки (*Пол мою, дак ноги обтираю, ножките у стола, и стульё снизу тожо обтираю*), каркас с перекладинами, скрепляющими ножки между собой (*Под столом, гляди, крестовина, на иё и ложится столешница*). Мебель, используемая для лежания в современном доме – это кровать (*У Дмитревны кровать с подзорам была, уж Дмитриевна постелю свою ухорашивала, дак ой!*) и диван (*Венюшкин диван тута стоит, а я вон там, за шкафом сплю*); при этом сельские жители хорошо помнят старинные, более примитивные приспособления для лежания (*Нары делал. Козлы сделаны и наложены доски. Соткут матрас, набыют сено и спят*), а также подробно описывают различные виды колыбелей (*Робят в Wybке байкали. Качалка стояла на полу, ножки как две дуги сделаны*) и прикрепляющих их приспособлений (*Wyбку крепили к потолку, к кольцу привязывают оцеп, к оцепу Wybку. Кольцо к потолку ввёрнуто, оцеп к кольцу привязывали, к оцепу Wybку*). Для хранения вещей традиционно использовались сундук с крышкой на петлях (*В клити сундук ещё тятин стоит. Раньше и записка была с музыкой*) и свободно прикрывавшийся сверху коробок (*Сундук большой, коробок помене, и запирок на ём нету, просто крышка сверху ложится*). Для хранения белья и одежды в хозяйстве использовался полукомод с выдвигаемыми ящиками внутри (*Вот под зеркаломто у меня полукомод. В верхних ящиках вон бигуди матки твоёй да лекарство. Дальше полотенца, простыни да одёжа*). Для столовой посуды использовался специальный шкаф – горка (*Шкаф ишию был – горка*), буфет (*В богатых-то избах чёо – буфеты вон были, а у нас дак посудник виситсё, и хорошо!*), более часто использовалось существительное комод в специфическом значении (*Комод старый я расклала на две части. Верх поставила на лавку – там стекляшки как стоели, дак так и стоят. А низ, который нарушилсё, дак перевернула набок, на ём теперь плитка стоит газовая*). Для хранения посуды и мелкой домашней утвари использовались также полки – посудники (*В посудниках хранили посуду. Небольшие, приколочены к стене. Коля, как печку перестроили устьём сюда, посудник сколотил на эту стену, Галя ёо тряпком закрыла, дак любо-дорого!*). Одежду вешали на специально прибитые гвозди или на грядку, приколоченную у входа в жилое помещение жердь (*Робята, сымайтё пальтушки-те да проходи-тё. Вон, на грядку ложьтё*). Пол в доме выстилался половиками (*Половики клали на пол, ковров не тка-*

ли) – продольными полосами, стенами (*Сколь стен Акимовна мне половиков наделала, дак я всё выстелила сейгод, чего беречи?*). Возле кроватей обычно клался кружок – более плотный половичок или коврик, связанный крючком или сшитый из заплетённых в косички узких полосок ткани (*Кружки Галька всё наша любила делать. Тряпочков настрижёт, косичёк наплетёт, да и шьёт себе. Добры кружки-те были*). Для вытирания ног у входа клали тряпок (*Обтряхай ноги об тряпок*).

Корзины. Названиям вместилищ, изготовленных из древесных материалов, посвящены многочисленные работы диалектологов и историков языка (см., например, [Судаков 1991; Петрова 2002; Васильева, Петрова 2011; др.]). Описываемое в этих работах разнообразие названий, дифференцирующих данные предметы по материалу изготовления, размеру и назначению, обнаруживается и в исследуемом нами говоре. Дифференциация по размеру может быть выражена аффиксально (*Корове носят сено в пестере, двадцать килограмм сена. В лес ходят с пестёрками. В маленькую пестёрочку насобирали ягод*) или эксплицирована корневой морфемой – в том числе и по принципу противоположности: *Малёнку набирали ягод не одну – а малёнка* (показывает на большую корзину. – Е. И.) – она порядочная. *Матка говорит, у нас осталось только малёнка картошки. Представляете, такие корзинки были двухручные, малёнка назывались* Достаточно часто в речи информантов эта дифференциация нивелируется: *Пестёрка всякая – и большая, и маленькая, делают из дранок*. В названиях вместилищ могут быть маркированы способ изготовления (*Делают из кореньев плетёнку, бывает разная, какую сделают*) или назначение: *Возьми набирушку – по грибы пойдём. С набиркой-то ловчее ягоды собирать, чем сразу-то много. Брусочник дёржат за спиной, плетут из берёста*. В качестве общего названия информанты обычно используют общерусское слово корзина (*Корзин было разных, подо что надо, подо всякоё место корзина была*), реже – диалектное существительное пестёрка (*Пестёрка всякая – и большая, и маленькая, делают из дранок*).

Мешки, сумки. Ситуативным приспособлением для переноски вещей достаточно часто становились платок или небольшой отрез плотной ткани, концы которых связывались в кутыль или узел (*Наклала кутыль, полный узел всякого недела-то. Был у меня полушалок, дак я с им к Павлику и ушла самоходкой. Положила своё именё – много ли было-то у меня, один узел да тетрадок стопка?*). Этим словом мог именоваться также перевязанный с помощью рукавов предмет одежды (*Смотрю – маслушок дак не обрать сколькоросло! Ну, я с себя плащ скинула, разостлала, наклала грибов, потом завязала рукавам, дак*

еле этот кутыль подняла! Иишо ж корзинка да пилик – не один раз выходила до краю-то леса. Отнёсу и обратно иду, а то ведь колонусь, паду – и грибов не надо!). Вместилищем для хранения или ношения документов служит сумка преимущественно из плотной ткани или кожи с внешними и внутренними замками и карманами (*В город сойду с сумкой – там чёо? Паспорт, лекарства, платить квитанции, кошелёк – всё!*). Это слово используется как универсальное название приспособлений для ношения продуктов (*Сумку хлеба опять Нюрка понесла, не иначе поросёнка выкармливат*) наряду со словами *котомка* (*Игорь пошёл распьянёхонёк – котомка с хлебом через плечо, поёт, зимогор, песни!*) и *сетка* (*Давай-ко мне лучшие сетку, девка, под яйца-то – в её Женя реиётки-то и укладёт*). С этой же целью использовались в деревне *рюкзаки* (*В рюкзаке-то дивья, а руки, пока до Плахина идёшь, ох, оттенёт!*) и *заплечные вещевые мешки* (*Ты ёму заплечный-то мешок дай, вон вещьмешок-то евоный виситсё*). Мешки общего хозяйственного назначения в исследуемом говоре дифференцировались по размеру (*Путный-то картовный мешок был до семи вёдер*), материалу изготовления (*Раньше тряпошныё мешки больше были, а ноне вон сеток навезли, из капроновой какой-то нитки навязаны*) и назначению (*Лошади торбу, мешок с сеном вешали исти*). Специальный мешочек для табака именовался *подцигаром* (*Табак носили в подцигаре*) и *кисетом*: информанты вспоминают, что изготовление кисета своими руками и подарок его молодому человеку был знаком особого расположения (*У тяти кисет, помню, был – еишо мать моя в девках вывязывала, а мужик мой уж «Беломор» сусят всю жисть, почто ему кисет?*).

Диалектную языковую картину мира, «вариант национального образа мира, отражённый в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций» [Демидова 2008: 18], по мнению её исследователей, отличают парцелированный характер отражения действительности, приоритетность идей биологического выживания и социальной адаптации в условиях сельского бытия, а также утилитарность, традиционность и экспрессивность. Наше исследование названий предметов домашней утвари вполне подтверждает эти выводы: лексика этой тематической сферы весьма многочисленна, она активно используется носителями говоров в практике описания технологических процессов обслуживающего труда; внутренняя форма этих слов отражает различные виды оценок, связанные с формой (*крестовина, лапка, кружок*), размерами (*коробулька, малёнка, полуситок*), материалом (*стекляха, чигун, дерево*), способами изготовления (*плетёнка, берестень*) предметов обихода, но в значительно большей мере – их назначением (*ва-*

лёк, заварник, набирка, отымалка, светец, сильница, тушилка и др.).

Список литературы

- Васильева О.В., Петрова З.Д. Наименования домашней утвари (по материалам псковских и тверских диалектологических экспедиций) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 279–291.
- Власова Л.А. Наименование ступ в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования, 1995. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998. С. 77–84.
- Власова Л.А. Об одном из релевантных признаков в названии решет для просеивания муки (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования, 2005. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 199–205.
- Говор северной деревни. URL: <https://borbushino.vogu35.ru> (дата обращения: 01.02.2022).
- Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 68–76.
- Моравская О.Н. Исследование предметной лексики русского языка с применением метода лингвогеографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 1982. 50 с.
- Петрова Л.Я. Из названий корзин новгородских говоров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования, 1999. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002. С. 166–171.
- Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / под ред. И.А. Попова. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. (Программа ЛАРНГ).
- Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни: монография / Е.Н. Ильина, С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.А. Кирилова. И.Е. Колесова, Н.Г. Мельникова; науч. ред. Е.Н. Ильина. Вологда: Изд-во ВоГУ, 2021. 684 с.
- Рудыкина Е.С. Наименования глиняной посуды в хоперских донских говорах Волгоградской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: сб. тезисов. Москва: ИРЯ РАН, 2009. С. 190–192.
- Судаков Г.В. Диалектная лексика в старорусском языке (названия корзин) // Диалектная лексика, 1987. Санкт-Петербург: Наука, 1991. С. 73–80.
- Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции): монография. Москва: Наука, 1996. 416 с.

References

- Vasil'eva O.V., Petrova Z.D. *Naimenovaniya domashnej utvari (po materialam pskovskih i tverskih dialektologicheskikh ekspeditsij)* [Names of individual utensils (based on the materials of the Pskov and Tver dialectological expeditions)]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 279–291. (In Russ.)
- Vlasova L.A. *Naimenovanie stup v orlovskih govorah* [Name of stupas in Oryol dialects]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya, 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1995]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1998, pp. 77–84. (In Russ.)
- Vlasova L.A. *Ob odnom iz relevantnyh priznakov v nazvanii reshet dlya proseivaniya muki (na materiale orlovskih govorov)* [About one of the relevant features in the name of sieves for sifting flour (on the material of Oryol dialects)]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya, 2005* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2005]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 199–205. (In Russ.)
- Govor severnoj derevni* [The dialect of the northern village]. URL: <https://borbushino.vogu35.ru> (access date: 01.02.2022). (In Russ.)
- Demidova K.I. *Dialektnaya yazykovaya kartina mira i osobennosti eyo reprezentatsii v chastnyh dialektnyh sistemah (na materiale russkikh govorov Urala)* [Dialect linguistic picture of the world and features of its representation in particular dialect systems (on the material of Russian dialects of the Urals)]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: materialy i issledovaniya, 2008*. [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 68–76. (In Russ.)
- Morahovskaya O.N. *Issledovanie predmetnoj leksiki russkogo yazyka s primeneniem metoda lingvogeografii: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [The study of the subject vocabulary of the Russian language using the method of linguogeography: DSc thesis, summary]. Moscow, MGU Publ., 1982, 50 p. (In Russ.)
- Petrova L.Y. *Iz nazvanij korzin novgorodskih govorah* [From the names of baskets in Novgorod dialects]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya, 1999* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 1999]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2002, pp. 166–171. (In Russ.)
- Programma sobiraniya svedenij dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov: v 2 ch.* [The program for collecting information for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects], ed. by I.A. Popova. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1994. (Programma LARNG). (In Russ.)
- Rechevaya kul'tura Belozer'ya v fokuse govora odnoj derevni: monografiya* [Speech culture of Belozerye in the focus of the dialect of one village: monograph], E.N. Il'ina, S.A. Ganicheva, YU.N. Dracheva, E.A. Kirilova, I.E. Kolesova, N.G. Mel'nikova, ed. by E.N. Il'ina. Vologda, VoGU Publ., 2021, 684 p. (In Russ.)
- Rudykina E.S. *Naimenovaniya glinyanoy posudy v hoperskih donskih govorah Volgogradskoj oblasti* [Names of pottery in Khoper Don dialects of the Volgograd region]. *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii: sbornik tezisov* [Actual problems of Russian dialectology: a collection of abstracts]. Moscow, IRYA RAN Publ., 2009, pp. 190–192. (In Russ.)
- Sudakov G.V. *Dialektnaya leksika v staroruskom yazyke (nazvaniya korzin)* [Dialect vocabulary in the Old Russian language (basket names)]. *Dialektnaya leksika, 1987* [Dialect vocabulary, 1987]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 73–80. (In Russ.)
- Trubachev O.N. *Remeslennaya terminologiya v slavjanskih yazykah (etimologiya i opyt gruppovoj rekonstrukcii): monografiya* [Craft terminology in the Slavic languages (etymology and experience of group reconstruction): monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.*
- The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ ЧАСТОТНОСТИ И ТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Галкина Наталья Павловна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. Статья акцентирует внимание на значении ключевых слов, их статистических показателей для определения тематической доминанты при работе с большими массивами текстов. Описание основано на материалах типологического лингвистического исследования текстов военных песен 1939–1945 гг., англоязычных и русскоязычных. Отбор ключевых слов осуществлялся на основе семантического, лексико-синтаксического, морфологического анализа, а также с учётом частотности их употребления. Частота употребления слова не всегда может быть определяющим признаком для маркировки его в качестве ключевого. В рамках одного текста ключевыми являются слова, которые помогают открыть доступ к пониманию текста, разгадать его смысл, запомнить содержание. При объединении большого количества текстов по авторству, хронологии, тематической, стилиевой или иной отнесенности частотность ключевых слов имеет значение и может послужить определяющим фактором, критерием классификации. В данной работе показано, что результаты тематического распределения текстов на основе семантического анализа их содержания соответствуют результатам статистического анализа ключевых слов и подтверждаются количественными данными частотности, полученными машинным способом. Результаты релевантны как для русскоязычных, так и для англоязычных материалов.

Ключевые слова: частотность, лексика, семантика, языковая картина, тематика, корпус, массивы текстов

Для цитирования: Галкина Н.П. Ключевые слова в аспекте частотности и тематической релевантности // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 180–185. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-180-185>

Research Article

KEYWORDS IN TERMS OF FREQUENCY AND THEMATIC RELEVANCE

Natalia P. Galkina, PhD in Philology, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The article focuses on the role of keywords, their statistical data for determining the thematic dominance when working with large arrays of texts. The description is based on the materials of a typological linguistic study of the texts of military songs, the period of 1939-1945, in English and Russian. The selection of keywords was carried out on the basis of semantic, lexical-syntactic, morphological analysis, taking into account the frequency of their use. The frequency of using a word may not always be a defining feature for marking it as a keyword. Within the framework of one text, the keywords may be words that help understand the sense, unravel its deep meaning, remember the content. When combining a large number of texts, by authorship, chronology, thematic, stylistic or other relatedness, the frequency of keywords matters and can serve as a determining factor, a classification criterion. This paper shows that the results of the thematic distribution of texts based on the semantic analysis of their content correspond to the results of statistical analysis of the keywords and are confirmed by machine quantitative indicators of their frequency. The results are relevant for both Russian-language and English-language materials.

Keywords: frequency, vocabulary, semantics, language pattern, subject matter, corpus, arrays of texts.

For citation: Galkina N.P. Keywords in terms of frequency and thematic relevance. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 180–185 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-180-185>

Данная статья основана на материалах исследования, посвященного типологическому лингвистическому анализу содержания текстов популярных музыкальных произведений 1939–1945 гг. Результатом является построение, сопоставление языковой картины восприятия событий Второй мировой / Великой Отечественной войны её непосредственными участниками и свидетелями. В качестве материала использовались тексты англоязычных (англо-американских) и русскоязычных (советских) песен военных лет, отбор которых производился из печатных песенных сборников, а также интернет-ресурсов, содержащих записи и тексты песен указанного периода. Корпус исследования составил 115 англоязычных и 230 русскоязычных песен периода Второй мировой войны. Исследование имеет многоаспектный характер, и его результаты могут рассматриваться в различных сферах: общеобразовательной, исторической, социальной, филологической. Обращает на себя внимание лингвистический аспект исследования, а именно – роль ключевых слов и статистических показателей в определении тематической доминанты большого массива текстов. Эта сторона исследования и является предметом рассмотрения в данной работе.

Язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное сознание народа, его менталитет, национальный образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, видение мира [Тер-Минасова: 14]. Способы и формы отражения человеком окружающего мира в языке обусловлены спецификой социокультурных, природных особенностей жизни данного речевого коллектива. В лингвистике изучается связь картины мира и языка, устанавливается их взаимоотношение. Показательными для языковой картины мира являются концептуальные, ключевые слова и их явные и «фоновые» смыслы. «Ключевые слова, обладая способностью кодировать исходную информацию, передавать её в обобщенной форме, способны послужить опорой для понимания и воспроизведения смысла» [Методы и приёмы: 4–5]. Ключевым словам свойственны следующие характеристики: они являются наиболее употребительными (частотными), представлены значимой лексикой, достаточно обобщены по своей семантике, стилистически нейтральны, не оценочны, связаны друг с другом сетью семантических связей, пересечения значений [Ванюшкин, Гращенко: 86]. Наиболее простым методом извлечения ключевых слов является статистический метод – ранжирование и отбор лексики по частоте употребления в тексте. Но признак частотности не всегда является преобладающим [Лазарева, Боломутова: 143–146]. Частота употребления слова не всегда может быть определяющим признаком, особенно в песенных, поэтических

произведениях, которым свойственна образность, метафоричность, иносказательность и, соответственно, разнообразие, богатство лексики [Винарская: 27–28]. По выражению Н.Д. Арутюновой, «поэтические произведения являются естественной средой для метафоры» [Арутюнова: 169]. Извлечение ключевых слов требует умения абстрагирования, условного отделения «главного» от «неглавного». При этом осуществляется лексико-синтаксический анализ – разделение лексики текста на основные и служебные слова, удаление стоп-слов, не несущих смысловой нагрузки (артикли, предлоги, союзы, частицы, местоимения, междометия и т. д.), а также морфологический анализ, нацеленный на поиск разных форм выражения одного смысла (различные словоформы, однокоренные слова, синонимы).

Как отмечают исследователи, отбор ключевых слов часто выполняется интуитивно [Ванюшкин, Гращенко: 86]. Если речь идёт об одном тексте, частота употребления ключевых слов не столь важна: это слова, которые помогают открыть доступ к пониманию текста, разгадать его смысл, акцентировать, запомнить содержание. При объединении большого количества текстов (по авторству, хронологии, тематической, стилиевой или другой отнесенности) частотность ключевых слов имеет значение. Количественные методы находят широкое применение для описания и классификации текстов, например при их тематическом распределении, анализе идиостиля авторов, установлении авторства анонимных текстов и т. д.

Выполняя исследование, мы исходили из того, что каждой группе (тематике) песен должен соответствовать определенный набор ключевых слов, поэтому на этапе тематической группировки производили отбор ключевых слов, характерных для песен данной группы (тематики). При отборе ключевых слов использовался гибридный метод – извлечение ключевых слов на основе семантического, лексико-синтаксического, морфологического анализа, с учётом частотности употребления слов.

На первоначальном этапе в результате анализа текстов русскоязычных (советских) песен Великой Отечественной войны было выделено 5 тематических направлений: 1) тема патриотизма и защиты Родины – 33 %; 2) прославление своего подразделения – 20 %; 3) поднятие боевого духа (включая шуточные песни) – 18 %; 4) тема любви и верности – 18 %; 5) тоска по родному дому, краю – 11 %. Данная тематика наглядно представлена в процентном соотношении на рисунке 1.

Анализ содержания англоязычных (англо-американских) песен [Галкина, Сорокина 2020] также позволяет определить 5 тематических направлений (не все из которых находят соответствие с указанной выше тематикой русскоязычных песен):

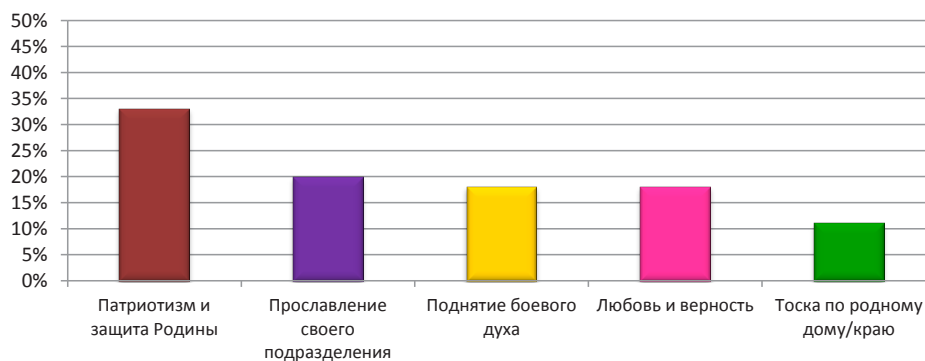

Рис. 1. Тематика русскоязычных песен 1939–1945 гг.

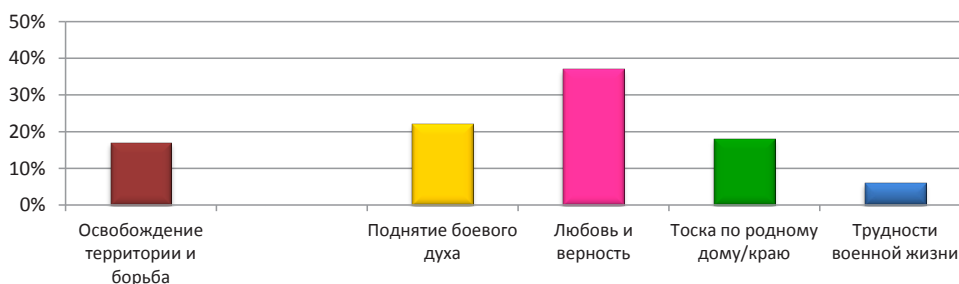

Рис. 2. Тематика русскоязычных военных песен 1939–1945 гг.

1) тема любви и верности – 37 %; 2) поднятие боевого духа (включая шуточные песни) – 22 %; 3) тоска по родному краю, дому, семье – 18 %; 4) освобождение территории и борьба – 17 %; 5) трудности и страдания военной жизни – 6 %. Тематика англоязычных песен 1939–1945 гг. представлена в процентном соотношении на рисунке 2.

Как видно, тематическое распределение и процентное соотношение обнаруживают различные результаты для массивов англо-американских и советских песен. Такое различие соответствует гипотезе исследования, целью которого являлось построение и сравнение языковой картины восприятия событий Второй мировой / Великой Отечественной войны различными её участниками/свидетелями. Тем не менее, чтобы сделать классификацию по темам и ключевым словам более единообразной, а также чтобы исключить/минимизировать субъективный, оценочный, эмоционально-психологический фактор, мы обратились к поисковым возможностям текстового процессора MS Word для количественного уточнения набора ключевых слов (их частотности) по каждой тематике. В результате выстроилась языковая (лексико-семантическая) картина содержания советских и англо-американских песен военного периода. Перейдем далее к её описанию и сопоставлению.

Анализ количественных данных соответствует тематическому распределению русскоязычных песен, выполненному на первом, субъективно-интуи-

тивном этапе исследования. Количественные данные подсчета ключевых слов подтверждают, что тема патриотизма и защиты Родины, бесспорно, лидирует в корпусе русскоязычных военных песен. Лексика семантической группы *родина/отчизна* присутствует в значительном количестве во всех тематических категориях (с преобладанием в группах патриотического направления «Защита Родины» и «Прославление своего подразделения») и отчётливо лидирует в общей сводке по всем темам (359 употреблений). Боевой настрой на борьбу также пронизывает песни всех тематических направлений (с преобладанием в группах патриотической тематики), и соответствующая лексика выступает на втором месте по частоте употребления (315 употреблений в общей сводке по всем темам). Далее по частотности в общей сводке по всем темам следует лексика семантической группы *друг/товарищ* (252 употреблений в целом). Данная лексика лидирует в тематической категории «Поднятие боевого духа» и занимает значительное место в других категориях («Прославление подразделения», «Любовь и верность»). Такой показатель отражает ценности дружбы и товарищества в смысловом содержании указанных категорий. Интересно, что упоминание *врага* в советских военных песнях по частотности сравнимо с упоминанием *друга/дружбы* (228 употреблений в сводке по всем темам). Это показывает степень ненависти и желания одолеть врага у советских людей периода Великой Отечест-

венной войны. В тематической категории «Любовь и верность», как и следовало ожидать, по частотности лидирует лексика с семантикой *любовь/друг/милый/ждать* (в целом 184 употребления в данной группе). В проекции на общую сводку данная лексика обнаруживает четвертый результат, что соответствует процентному соотношению песен данной группы в тематическом распределении (см. рис. 1). В пятой семантической группе «Тоска по родному краю/дому» преобладает лексика с семантикой *дом/край/город/сад/луг* (70 употреблений), и при сложении с близкой по семантике группой слов *родина/родной* в общей сводке частотности по всем темам получается пятый результат (103 употребления). Особо следует отметить тему *победы* в советских песнях военного периода. Мы не стали выделять их в отдельную группу, так как победный настрой пронизывает многие песни Великой Отечественной войны. Коннотативная лексика победы прослеживается в произведениях всех указанных категорий: *победа впереди / радость победы / солнце победы / поле победы / знамя побед / слава суворовских побед / ускорять победу / биться до победы / иль умереть, иль победить / вернемся с победой / приеду с победой / вытьем за победу / отпор / расплата / одолеть / сокрушить / разгромить / уничтожить / изгнать* и т. п. Частотный анализ слова *победа* (включая однокоренные) выдает результат 86, оно встречается во всех тематических группах нашей выборки, более всего – в первых двух категориях.

Таким образом, мы с удовлетворением отмечаем, что результаты семантического и статистического анализа содержания русскоязычных песен подтверждаются количественными данными частотности, полученными машинным способом.

В целях применения единого подхода к исследованию англоязычного и русскоязычного материала мы таким же образом проанализировали тематические группы англоязычных песен, вводя на их материале английские эквиваленты ключевых слов в поисковую систему MS Word. Результаты подсчета английских ключевых слов также соответствуют тематическому распределению англо-американских песен, выполненному на первоначальном этапе исследования (см. рис. 2). В корпусе англоязычных источников на первом месте по частотности – лексика семантической группы *любовь/верность/расставание* – в 308 употреблений в тематической группе «Любовь и верность» и 481 употребление в общем по всем темам. Второе место по частоте занимает лексика с семантикой *родной дом/край, помнить/покинуть/вернуться* – 62 употребления в тематической группе «Тоска по земле/дому» и 250 употреблений по всем темам. Тема «Поднятие боевого духа» разнообразна по содержанию и лексике, поэтому ча-

стотный анализ не дает заметного преобладания какой-либо лексики. Тем не менее объединение показателей, связанных с семантикой *дом* и *любовь*, выдает в данной тематической группе наибольший результат (в целом 52 употребления). На третье место по общему количеству выходит лексическая группа, охватывающая семантику *земля/свобода/борьба/сражаться* – 145 употреблений по всем темам. Поиск слов, соответствующих родам войск, обнаружил примерно равную частоту употребления слов *sea, ship, sail* (37) и *sky, plane, air* (32). Это и понятно, так как боевые действия Великобритании и США во время Второй мировой войны осуществлялись в основном в воздухе и на море.

Здесь уместно привести высказывание американского математика Норберта Винера, одного из основоположников кибернетики и теории искусственного интеллекта: «Высшее назначение математики состоит в том, чтобы находить скрытый порядок в хаосе, который нас окружает» [Социологическая энциклопедия]. Порядок этот в данном случае заключается в том, что результаты тематического анализа текстов по содержанию (субъективного) совпадают (или близки, сопоставимы) со статистическими результатами «языка цифр» – машинного (объективного) подсчета ключевых слов и анализа их употребления по темам. Как видно из таблицы 1, совпадает не только распределение по темам, но и процентное соотношение! Отметим, что согласно выводу Б. Н. Головина, автора работы «Язык и статистика», для лингвистических исследований величина относительной ошибки допустима в 5–10 %, а в ряде случаев может быть и большей [Головин: 56]. В нашем случае погрешность остается в пределах 2 %. Результаты машинной обработки ключевых слов на англоязычном материале также подтверждают выводы, полученные на этапе интуитивного, субъективного анализа тематического распределения текстов с погрешностью менее 5 %.

Лексико-семантическая картина содержания военных песен отражает смысловые ценности народов в военный период. Частотность ключевых слов песен военных лет свидетельствует о том, что переживания советских людей были сосредоточены главным образом на боевых сражениях, защите Родины, самоотверженных совместных действиях, победе, уничтожении/изгнании врага, надёжном плече боевого товарища и через всё это – на возвращении к семье, любимой, в родной дом. Общая картина переживаний представителей Великобритании и США в период WWII несколько иная. Прежде всего, она складывается через тему расставания с любимой, близкими, домом, тоски и стремления к возвращению на родную землю. Тема сражения, освобождения, героизма, победы оказывается на втором плане. Об этом свидетельствует и столь незначительная частотность

Частотность употребления ключевых слов по темам русскоязычных/советских песен Великой Отечественной войны

Ключевые слова	Тема					
	Защита Родины + Прославление подразделения 33 % + 20 % = 53 %	Поднятие боевого духа 18 %	Любовь и верность 18 %	Родной край/дом 11 %	По всем темам	
					кол-во	%
Родина Родной Родимый Отчизна Отчий	232	43	51	33	359	674 53 %
Бой Боевой Боец	223	44	37	11	315	
Смело, смелый Отважный	44	28				
Смерть Бессмертный	47	8				149 47
Слава Славный	58	11				
Друг, дружба Товарищ	107	59	69	17	252	20 %
Милый Дорогой			29	18		
Любовь Любимая Любить			64	15	235	18 %
Ждать			22			
Помнить, память Прощай			36	11		
Дом, край, город, Сад, луг Река, дорога				70	114	9 %
Итого					1 275	100 %

частотность употребления слов *fight* – 22; *war* – 11; *enemy* – 10; *battle* – 4; *victory* – 4; *overtake/win* – 7.

Ключевые слова отражают содержание контента, описывают общую тему публикуемых материалов, например статьи, рубрики, сайта или блога. Работа поисковых систем связана с частотностью употребления ключевых слов. Данное исследование указывает на значение ключевых слов в процессе обработки больших массивов текстов. При объединении текстов в массивы, корпуса ключевые слова играют заметную роль, и частотность их может послужить определяющим фактором, маркером, критерием классификации.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1979. С. 147–173.
 Ванюшкин А.С., Гращенко Л.А. Методы и алгоритмы извлечения ключевых слов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 85–93.

Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Москва: Высшая школа, 1989. 136 с.

Галкина Н.П., Сорокина О.В. Произведения массовой культуры – реальные свидетели истории Второй мировой войны (на материале англоязычных песен) // Актуальные вопросы современного языкознания и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: теория и практика. Кострома: ВА РХБЗ, 2020. С. 93–100.

Головин Б.Н. Язык и статистика. Москва: Просвещение, 1970. 190 с.

Лазарева О.Ю., Болонцова М.С. Методы выделения ключевых слов в контексте электронных обучающих систем // Молодой учёный. 2016. № 26 (130). С. 143–146.

Методы и приёмы работы с ключевыми словами текста на уроках русского языка и литературы: сборник методических рекомендаций. Биробиджан: ОГАОУ ДПО «ИПКПР», 2017. 48 с.

Социологическая энциклопедия. URL: <https://voluntary.ru/termin/viner-norbert.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Высшая школа, 2000. 259 с.

References

Arutyunova N.D. *Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika)* [Language metaphor (syntax and vocabulary)]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 147–173. (In Russ.)

Vanyushkin A.S., Grashchenko L.A. *Metody i algoritmy izvlecheniya klyuchevykh slov* [Methods and algorithms for extracting keywords]. *Novye informacionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemah* [New information technologies in automated systems], 2016, No 19, pp. 85–93. (In Russ.)

Vinarskaya E.N. *Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale russkoj poezii)* [Expressive means of the text (based on Russian poetry)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 136 p. (In Russ.)

Galkina N.P., Sorokina O.V. *Proizvedeniya massovoj kul'tury – real'nye svideteli istorii Vtoroj mirovoj vojny (na materiale angloyazychnykh pesen)* [Works of mass culture - real witnesses of the history of the Second World War (on the material of English-language songs)]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznaniya i tendencii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: teoriya i praktika* [Topical issues of modern linguistics and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university: theory and practice]. Kostroma, VA RHBZ Publ., 2020, pp. 93–100. (In Russ.)

Golovin B.N. *Yazyk i statistika* [Language and statistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970, 190 p. (In Russ.)

Lazareva O.YU., Bolomutova M.S. *Metody vydeleniya klyuchevykh slov v kontekste elektronnykh obuchayushchih sistem* [Methods for extracting keywords in the context of e-learning systems]. *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2016, No 26 (130), pp. 143–146. (In Russ.)

Metody i priyomy raboty s klyuchevymi slovami teksta na urokah russkogo yazyka i literatury: sbornik metodicheskikh rekomendacij [Methods and techniques for working with text keywords in the lessons of the Russian language and literature: a collection of methodological recommendations]. Birobidzhan, OGAOU DPO «IPKPR» Publ., 2017, 48 p.

Sociologicheskaya enciklopediya [Sociological Encyclopedia]. URL: <https://voluntary.ru/termin/viner-norbert.html> (access date: 10.03.2022). (In Russ.)

Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000, 259 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

**«СВАДЬБА В ПЕСНЯХ И ОБРЯДАХ (В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ)»
(ОБ ОДНОЙ РУКОПИСИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Крашенинникова Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Россия, krasheninnikova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Аннотация. Настоящая статья посвящена презентации рукописи, хранящейся в фондах Государственного архива Костромской области. Актуальность работы объясняется, во-первых, важностью введения в научный оборот и критического анализа неопубликованных архивных материалов; во-вторых, необходимостью оценки кропотливого труда собирателей фольклорно-этнографических материалов в XIX – начале XX в.: фольклористов, этнографов, корреспондентов региональных научных обществ, представителей сельской интеллигенции (учителей, священников) и др. В центре внимания автора – рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)», составленная из материалов Костромского научного общества по изучению местного края и Костромской ученой архивной комиссии. Анализируются физические, графические, содержательные особенности рукописи. Характеризуется фольклорный материал, преимущественно говорной репертуар: приговоры свадебных чинов и персонажей ритуала (друзек, брата невесты, девушек – подруг невесты, местных жителей), – удельный вес которого превышает количество текстов других жанров (причитаний и песен). Последнее обстоятельство выделяет рукопись из большого числа рукописных материалов, хранящихся в разных архивах России. Проанализированы художественно-стилистические особенности отдельных фольклорных текстов, некоторые из которых являются редкими и не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях.

Ключевые слова: свадебный обряд, Костромской край, рукописное наследие, говорной репертуар народной свадьбы, история науки.

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Для цитирования: Крашенинникова Ю.А. «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)» (об одной рукописи государственного архива Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 186–193. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-186-193>

Research Article

**«WEDDING IN SONGS AND RITES (IN KOSTROMA COUNTY)»
(ABOUT ONE MANUSCRIPT FROM THE STATE ARCHIVE
OF THE KOSTROMA REGION)**

Yulia A. Krasheninnikova, PhD (Philology), Institute of Language, Literature and History Federal Research Center of Komi Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktvykar, Komi Republic, Russia, krasheninnikova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Abstract. This article is devoted to the presentation of the manuscript stored in the State Archive of the Kostroma Region. The topicality of this work is explained, firstly, by the importance of introducing unpublished archival materials into scientific circulation and their critical analysis; secondly, by the need to assess the painstaking work of collectors of folklore and ethnographic materials in the XIX – beg. XX century – folklorists, ethnographers, correspondents of regional scientific societies, representatives of rural intelligentsia (teachers, priests), etc. The author’s focus is the manuscript “Wedding in Songs and Rites (in Kostroma County)” compiled from materials of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory and the Kostroma Scientific Archival Commission; physical, graphic, and meaningful features of the manuscript are analyzed. Folklore material mainly a spoken repertoire – speeches and rhymes of wedding ranks and participants of the ritual (groomsman, brother of the bride, girls – friends of the bride, natives) is characterized, the proportion of which exceeds the number of texts of other genres (lamentations and songs). The latter circumstance distinguishes the manuscript from a large number of handwritten materials stored in different archives of Russia. The stylistic features of folklore texts are analyzed, some of these texts are rare and have no analogues in published collections and archival materials.

Keywords: wedding ceremony, Kostroma area, manuscript heritage, spoken repertoire of a folk wedding, history of science.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the planned research topic (reg. No. 121051400044-2).

For citation: Krashennikova Y.A. «Wedding in Songs and Rites (in Kostroma County)» (about one manuscript of the State Archive of the Kostroma Region). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 186–193 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-186-193>

Настоящая статья посвящена анализу рукописи, хранящейся в фондах Государственного архива Костромской области, и актуальна в контексте задач современной фольклористики по нескольким причинам. Важной на сегодняшний день остается проблема публикации и анализа неизданных архивных материалов. Имеет значение и проблема описания и оценки кропотливого труда наших предшественников – собирателей народной культуры, записывавших фольклорные произведения, сделавших описания семейных, календарных, лечебных и др. обрядов: фольклористов и этнографов, корреспондентов региональных научных обществ, представителей сельской интеллигенции¹.

Рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)»² хранится в материалах фонда Костромской губернской ученой архивной комиссии. Описание обряда предваряет небольшое вступление, в котором автор рукописи³ отмечает, что работа построена на материалах, хранящихся «в архиве Костромского научного общества по изучению местного края и в Костромской ученой архивной комиссии. Материалы общества, относящиеся к свадебному обряду Костромского уезда, представляют собою записи, сделанные Б.В. Рудиным, в свое время доложенные в Императорском Русском географическом обществе, но нигде потом не использованные в печати. Материалы Костромской ученой архивной комиссии извлечены из этнографической анкеты комиссии 1899 года. Частью они были использованы В.А. Андрониковым в его докладе на Тверском археологическом съезде 1903 г. и напечатаны потом в “Трудах съезда”»⁴.

Целью работы автор рукописи называет пополнение сведений о свадебном обряде локальной традиции: «Взявши отдельный уезд губернии, а не целую губернию или всю Великороссию, я (автор рукописи. – Ю. К.) имел в виду на месте пополнить сведения, касающиеся обряда, и использовать приводимый ниже весьма ценный материал костромского фольклора»⁵.

Рукопись беловая, записана на сброшюрованных нелинованных листах формата 18×21 см черными и фиолетовыми чернилами двумя почерками (первый – л. 67–146, второй – л. 147–170). В рукописи единичные зачеркивания отдельных слов и исправления над ними, в нескольких местах вертикальные линии на полях, которыми отмечены фрагменты этнографического описания, тексты, любопытные с точки зрения автора рукописи или тех, кто с ней работал.

Зачеркивания и исправления выполнены одним и тем же почерком, что и часть рукописи, местами текст угасающий.

К некоторым текстам сделаны краткие пометы с указанием собирателя / исполнителя / места записи. В рукописи использованы материалы, записанные по преимуществу местными учителями: Бухман (имя, отчество не отмечены) из с. Татьянино Челпановской вол., А. Груздевой из д. Челпаново Челпановской вол., Е. Лундышевой из д. Борщино Коряковской вол., Орлеанской (имя, отчество не отмечены) из с. Костенево Апраксинской вол., П.О. Острогорским из с. Прискоки Семеновской вол., Преображенской (имя, отчество не отмечены) из с. Малышево Белореческой вол., Солодушенковым (имя, отчество не отмечены) из с. Вороны Завражинской вол. В числе собирателей встречается имя священника П. Попова из с. Куликово. Большая часть материалов была записана Борисом Васильевичем Рудиным, специалистом по луговодству Костромско-Ярославского управления земледелия и государственных имуществ, автором нескольких публикаций в изданиях Костромского губернского земства и костромских газетах до советского и советского периодов [Горохова: 62–63], действительным членом Костромского научного общества по изучению местного края в 1915–1919 гг.⁶ Собиратели были образованны, включены в образовательную среду, некоторые из них являлись членами научных сообществ по изучению местной традиционной культуры. Отчасти этим объясняется фиксация диалектных особенностей, народной терминологии, нюансов исполнительских стратегий, внимание к деталям, которые позволяют говорить об особенностях бытования обряда и жанров.

Очевидно, что автор рукописи составил некий инвариант свадебного обряда локальной традиции с описанием основных этапов ритуала. Этнографическая составляющая местной свадьбы характеризуется весьма общо, за исключением отдельных любопытных с точки зрения автора рукописи деталей. В некоторых моментах автор уделяет внимание различиям в микролокальных версиях обряда и останавливается на них более подробно. Так, перед сватовством происходит *предварительный визит*⁷ представителя жениха в дом невесты: родственники жениха собираются на совет (*на думу*), и один из присутствующих идет в дом будущей невесты узнать о желании родителей выдать ее замуж⁸. После получения положительного ответа выбираются сва-

ты («смелые, умеющие красно говорить, хватать и обманывать – женщины»⁹); на сватовстве договариваются в том числе о цене, «за которую родители согласны продать дочь»¹⁰. После окончательного договора невеста до венчания не может выходить из дома. За неделю до свадьбы происходит *пропой/пропивание* – вечер, когда в дом невесты приезжает жених со своими родственниками, привозит угощение («белых базарных хлебов (калабанов¹¹) штук 5-6 по 6 ф[у]н[тов] весом, фунтов 10-15 паточного варенья или дешевого красного меду, иногда разбавленного водой, ¼ или ½ ведра вина, фунтов 10 вареной говядины»¹²), при этом «невестину родню сажают в красный угол, женихову – к “кути” (в кавычках в рукописи. – Ю. К.), т. е. к печке»¹³. Подруги невесты раздают всем гостям подготовленные ранее подарки – из обрезков обоев или лоскутков белой и цветной бумаги сшитые платья, мужские сорочки, а также вырезанные часы, топоры, пилы, молотки и проч.¹⁴ После ухода гостей невеста начинает причитать. За обрядом пропивания следует *девичник* или *сговоры* – «вступительный обряд к самой свадьбе»¹⁵, причем автор рукописи указывает на различия в микролокальных версиях обряда – в некоторых населенных пунктах девичник имеет место быть «накануне свадьбы, а в других – за несколько дней»¹⁶. Тогда выносятся деревце – «елочка, березка или вообще какое-либо деревцо, украшенное лентами, обрезками ситцевых и шерстяных материй, бусами, зажженными свечами. На самой вершине елочки или березки привешивается кукла, которая изображает собою девицу, а наряд елки означает ее красоту и потому елка носит название “девка красота”»¹⁷. Вынос «девки красота» сопровождается приговором, который произносит девушка – подруга невесты. Также девушки преподносят жениху пирог «особого приготовления»¹⁸ (об этом подробнее ниже). Утром в *день свадьбы* невеста причитает (в народной терминологии – *воет*). Приезд свадебного поезда, приход дружки и полудружья в дом невесты. Дружка узнает о готовности семьи невесты к свадьбе, выкупает место для жениха. После получения приглашения в дом невесты приходит жених, происходит передача невесте *даров* (шуба, гребень, мыло, зеркало). Обед, после которого невесту одевают к венцу; процесс одевания описан автором рукописи довольно подробно. Так, под платье невесте «повязывают крест-накрест что-нибудь вязаное или плетеное, например, лоскуток от невода. Под лив ей прячут сдобные колобки, которые после венца и съедаются молодыми. В платье накалывают булавок – все это делается с целью, чтобы кто-нибудь не испортил невесту. <...> Чтобы невесту не испортили колдуны, втыкают ей в подол платья сзади и спереди безухия иголки; отрезают росток луковицы и кладут в обувь невесты;

опоясывают ее мережкой (рыболовн[ая] сеть), жених навязывает на крест невесты бумажку с молитвой “Да воскреснет Бог”»¹⁹. Свадебный поезд отправляется в церковь. После венчания молодые едут в дом жениха, сватки заплетают невесте две косы и повязывают голову платком. Затем молодых уводят в особую комнату или чулан, там их кормят, «с молодыми едят главныя свахи молодой, сестра и крестная»²⁰. Потом начинаются *столы*, на которых «особое внимание уделяется лапше, стакану вина и почкам, едение их сопровождается наговором»²¹. На второй день свадьбы родные невесты приезжают к молодоженам с *завтраком*, привозят вино, сладкий пирог, мясо. В с. Малышево Белореческой вол. после завтрака молодая метет пол, а все поежане кидают на пол деньги, за которые она обязательно благодарит. После этого «начнутся “умывальники”»: молодая стоит с водой и мылом, все гости умываются, молодой подносит стакан водки (вероятно, имеется в виду, что каждому умывшемуся подносят стакан водки. – Ю. К.). За это им [молодым] кладут на тарелки деньги»²². Завершает день ужин (*красные столы*), под конец которого подают почки. Дружка наливает вина и подносит родителям невесты. «Отец встает на скамейку, а мать (жена отца) кланяется ему в ноги и просит “убавить росту”. Тогда тот сходит со скамейки, они выпивают рюмку, закусят почками, поцелуются и садятся за стол»²³. В третий день – *отозвины* – едут в гости к родителям невесты. На четвертый день в доме молодых бывает *беседка*: «всю избу увешивают расшитыми полотенцами, сзывают молодых женщин и мужчин, и девицу и опять угощают»²⁴.

Содержание рукописи позволяет предполагать, что главной целью автора было показать разнообразие художественно-поэтического аккомпанемента ритуала. Помимо собственно этнографического описания обряда в документе содержится большой корпус фольклорных текстов: причитаний, обрядовых песен, приговоров. Если говорить об «удельном весе» фольклорных жанров, то в рукописи приведены 8 текстов причитаний, одно из которых исполнялось невестой на пропое (за неделю до свадьбы), остальные – в разные моменты дня свадьбы до венчания (до заутрени, во время одевания невесты к венцу, при расплетении косы, при выводе невесты к жениху и др.). Исполнение большей части песен (всего 8 единиц) приурочено ко дню сговора, приведено также по одному тексту, которые исполнялись накануне венчания и на свадебном застолье.

Рукопись примечательна тем, что в ней содержатся 15 текстов свадебных приговоров, некоторые из которых являются редкими и не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях. Зафиксированы приговоры разных участни-

ков ритуала: брата невесты «при продавании косы», девушек – подруг невесты при выносе «девчье красоты» и пирога жениху (4 ед.), дружки в разные моменты обряда (в доме жениха перед выездом за невестой, при входе в дом невесты (4 ед.), на свадебном пиру (3 ед.)), а также приговоры местных жителей (3 ед.). Свадебные приговоры – оригинальный поэтический говорной²⁵ жанр традиционного русского свадебного обряда – являются одной из составляющих поэтического «текста» ритуала: они регулируют движение обряда, организуют, описывают, комментируют действия персонажей. Анализ опубликованных и архивных материалов, записанных в разных локальных традициях и регионах России, позволяет говорить, что в традиционной свадьбе «языком» приговоров владели многие свадебные чины (дружка, тысяцкий, сваты и др.), девушки – подружки невесты, родители молодоженов, приглашенные гости, зрители ритуала. Тексты приговоров обслуживают свадьбу практически на всем ее протяжении, в отдельных случаях выходя за рамки обряда. Костромская традиция – одна из немногих, где зафиксирован говорной репертуар разных персонажей свадьбы, выявлены уникальные разновидности (в частности, приговоры, адресованные катающимся молодоженам, приговоры девушек и др.).

Остановимся на интересных с точки зрения поэтики текстах. Так, в приговоре брата невесты, который он произносил на пропое «при продавании косы»²⁶, отметим два фрагмента. В первом хвалебная характеристика невесты строится с помощью приема противопоставления: формуле «подготовка даров» («[невеста] тонко пряла, звонко ткала...») предшествует утверждение, что невеста «не в лесу родилась, не пенькам Богу молилась». Вариант к последнему отрывку в известном нам корпусе текстов встречается в единственном приговоре из Симбирского у. Симбирской губ., адресованном поварихе: «[стряпка] В лесу родилась, / Пенькам Богу молилась...» [Юрлов: 4]²⁷. Во втором фрагменте образ свата представлен в стилистике адресованных этому персонажу причитаний и корильных песен: сват – «губинная головушка» – невоспитанный, непочтительный невежа, входит в дом невесты, как вор:

...К высокому терему подъезжал – [не] стучался,
Широким двором прошел – не сказался,
Широким мостиком шел – не спросился,
С добрым людьми не поклонился,
В высок терем входит – обзирается,
К широкому столу приближается,
Сватушком называется.
Губинная²⁸ головушка!
Что ты мне за сватушко?²⁹

Среди приговоров, которые произносились на свадебном застолье после венчания (перед подачей лап-

ши, перед подачей первого стакана вина, «при едении почки»), особого внимания заслуживает последний текст, он произносился предположительно дружкой в конце застолья.

Экспозицией приговора служит реплика-обращение к хозяевам дома: «Сватушко-батюшко, где ты эку водочку брал? Вино-то больно холодно, не очутился бы в вине вред, желал бы я его погреть...»³⁰. Далее следует эпизод с описанием подготовки в аде «мук будных и военных»: «Был у бабушки большой мнук (внук. – Ю. К.), построил в аде несколько мук будных и военных. Кузнецы и воры котлы куют, некоторые лукавые канаты вьют, местные попы угли толкут. Дали им тут, дали железные прутья и жаркая бани...»³¹ и эпизод предстоящих на суд сатаны грешников³².

Создатели приговора обращаются к популярному в народной среде духовному стиху «Адская газета» (вар.: «Газета из ада») – памятнику религиозного содержания, близкому к эсхатологическим произведениям, рисующим и осуждающим пороки «нынешнего века» через изображение грешников, предстоящих на суд сатаны [Храмова: 241]. Перечень грешников «Адской газеты» многочислен, в разных вариантах стиха называются опойцы, прелюбоден, богатые, зажиточные люди («господа», «милостивые государи», «купцы»), ростовщики, представители духовенства (чернецы, монахи), «табашники, башмачники и вся скарденная нищета, которые жили хуже скота» и др.; изображение каждой группы грешников сопровождается обличением мирских пороков, которые они позволяли себе при жизни и за которые попали в «адскую глубину», «смрадную пучину», «тьму кромешную», «адский огонь» [Храмова: 248–250]. По замечанию М.П. Алексеева, называющего «Адские газеты» народной сатирой, эти произведения имели характер «гневно-обличения социального неравенства и пороков общественной жизни» [Алексеев: 37, сн. 61]; их демократическая направленность проявлялась в особой симпатии к нищим: по сюжету сатана не пускает их в ад, и нищие отправляются «в царство небесное» [Алексеев: 37, сн. 61].

Из довольно обширного перечня грешников духовного стиха приговор «берет» «ростовщика-откупщика», «господ», «чернецов-монахов» и, наконец, нищих; соответственно, к каждому персонажу (группе персонажей) сатана обращается с репликой, в которой определяет его (их) вину и процедуру наказания. В тексте актуализируется тема пьянства и имплицитно тема «огня, жара, нагревания до раскаленного состояния». Так, в экспозиции дружка обращается к хозяевам дома с пожеланием «погреть холодное вино», в числе адских мук называются «жаркая бани», ростовщик говорит о возможности «в аде кабак завести» (т. е. «места продажи водки, иногда также пива

и меду» [Даль 1995: 69]), сатана грозит господам «разогреть для них чаю», «растопить свинцу» и «прокалить души». Финальная часть приговора практически дублирует заключительный эпизод духовного стиха – пришедших в ад нищих сатана отсылает «в царство»: *«Идут старики – нищие твари. Сатана сидел на бале, увидал и шибко голосом вскричал: “А вы почто, нищи твари?” Нищие твари увидали предстрашныя мытарства, подхватили сумочки и побежали в царство...»*³³ В публикациях мы обнаружили единственную запись приговора на почки, сделанную также в Костромском уезде Костромской губ. [Виноградов: 127–128]. Н.Н. Виноградов предваряет фольклорный текст комментарием, который приведем полностью: «На следующий день молодых будят с подклета. Вечером – «красный стол», под конец красного стола подают почки, которые даются в качестве закуски к вину («чарочке»). На каждого свата и сваху подают стакан вина – «чарочку на парочку», а на закуску кусок почки. Муж, держа в руках стакан водки, встает на лавку, а жена ложится перед ним на пол. Муж наговаривает что-нибудь. По большей части все наговоры не отличаются особым смыслом, потому что пьяные мелют, что им в голову взбредет. Почему-то во всех наговорах такого рода упоминается *о пьяницах, рае и аде*» (курсив наш. – Ю. К.) [Виноградов: 127].

Приговоры девушек на свадебное деревце на уровне содержания, образно-стилевой системы обнаруживают близость к приговорам свадебных дружек, обрядовой лирике предвенечного цикла и свадебным причитаниям. В приговорах на свадебное деревце выделяется довольно большой корпус формул, типизированных описаний, характерных для приговоров дружек. В частности, формульное описание свадебного стола (*столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные*), которое, повторяясь в различных поэтических свадебных текстах, является своеобразным маркером готовящейся или свершившейся свадьбы, перехода через порог (*скок через порог, еле ноги переволок...*); формульное описание подготовки невестой даров (*[Невеста] Тонко пряла, / Звонко ткала, / В речке мочила, / На солнышке сушила, / В каточки катала, / В коробочку клала, / Коленочком нажимала, / Про вас, молодой князь, припа[сала]*³⁴); формула «проходки персонажа», отмеченная в записях приговоров многих локальных традиций России (*Ноги с подходом, / Руки с подносом, / Голова с поклоном, / Язык с приговором*³⁵), просьба предоставить дорожку из «тесовой переборки» в центр комнаты (ср.: дружка, напротив, просит предоставить дорожку из центра комнаты к невесте, находящейся в женской части избы, «за занавесой»); близки по вербальной манифестации темы уничтожения персонажа и боязни сделать что-то неправильно и мн. др.

С причитаниями и обрядовой лирикой эти тексты связывает стилистическая близость в разработке мотивов: «ловля женихом уточки/лебедушки», «потеря невестой красоты», «уход девьей красоты от невесты», «неизбежность и неотвратимость предстоящих событий»; близки по вербальной манифестации описания «жизнь девушки в девичестве» и описания, строящиеся на оппозиции «жизнь в девичестве – жизнь в замужестве». Результаты текстологического сопоставления позволяют думать, что обрядовая лирика, свадебные причитания оказали влияние на формирование образно-стилевой системы этой жанровой разновидности, тексты которой представляют собой любопытную комбинацию приговоров дружки и песенного обрядового фольклора, свадебных причитаний. Появление и бытование этой разновидности приговоров на довольно ограниченной территории мы связываем с объективными причинами развития местного обряда, в частности модификацией или угасанием причетной традиции и, как следствие, необходимостью «восполнить» появившуюся лакуну в той части художественного аккомпанемента, который сопровождал один из кульминационных актов ритуала – прощание невесты с девьей красотой (подробно см.: [Крашенинникова: 149–163]).

В рукопись включено весьма редкое описание обряда выноса девушками «особого пирога», предназначенного для жениха. Так, в с. Костенево Апраксинской вол. на девичнике девушки подносят жениху пирог *«особаго приготовления: между первым и вторым слоем кладутся рубленые яйца, а между вторым и третьим – деревянные и стальные спицы укладываются решеткой так, чтобы нельзя было разрезать пирог; сверху, т. е. между третьим и четвертым слоем кладется говядина и курятина. Снаружи пирог красив и гладок, и проволоки и спиц не видно. Несет одна из девиц (другая, не та, что елочку ставила) пирог, а с ним деревянный нож, ставит пирог перед женихом и говорит:*

Сватушки и свахоньки,
Все гости приезжие,
Все свахи любезныя!
Ник[олай] Ив[анович] и Ан[на] Петр[овна]
(имена жениха и невесты)!

У нас мучка-то ростовская,
А пирожок-от московский,
А нож-от из Казани.
Вам, Ник[олай] Ив[анович], резать приказали,
Скушайте да покушайте,
Да и Ан[ну] П[етровну] попотчуйте,
А на времени и нас, красных девушек, помяни.
Стоги-то были целы,
Овцы-то сыты³⁶.

Сообразительный жених вынимает свой нож и пытается разрезать пирог. Если разрезать не по-

лучается, то жених отдает пирог обратно девушкам, чтобы они съели его сами; девушки благодарят жениха и забирают пирог себе.

В рукописи представлены три приговора, адресованные катающимся по деревне или соседним деревням молодоженам. Известные нам записи отмечены на территории Костромского (Челпановская, Семеновская вол.), Кинешемского и Нерехтского уездов Костромской губ., датированы 1899–1912 годами. Приговор произносился кем-нибудь из местных жителей во время остановки катающихся после свадьбы молодоженов. Корреспонденты отмечают несколько версий времени произнесения этих текстов: «после свадьбы»³⁷, «когда едут на пирожки к родным невесты»³⁸, «на второй день после свадьбы, в понедельник»³⁹. В одном из текстов есть указание на Масленицу («Сегодня день масляница, молодые люди катаются, новобрачные князя прославляются»⁴⁰), возможно, имеются в виду масленичные катания молодоженов, женатых меньше года. Текст произносился местным жителем, «знающим наговор»⁴¹. По свидетельству В.А. Андроникова, молодоженов, которые после свадьбы катаются по соседним деревням, на дороге «останавливают парни, иногда девицы и произносят наговоры; цель подобных наговоров – получить как можно больше поцелуев от молодой» [Андроников: 58].

Тексты строятся как от лица девушки, так и «доброго молодца», соответственно, по-разному реализуется тема «получения поцелуев», которая является центральной: в мужских текстах невеста целует того, кто останавливает свадебный кортеж и произносит приговор, в женских – молодожены многократно целуются друг с другом⁴². В этих приговорах много эпизодов, содержательно близких приговорам дружек: описание пути-дороги, передвижение коня молодоженов, перечень предметов и приспособлений для снаряжения лошадей (конская сбруя), перечень деталей одежды свадебных персонажей.

Рукопись ценна в плане содержащегося в ней диалектного материала. Собиратели фиксировали названия ритуальных актов (*крутить невесту* – после венчания сватья жениха и невесты заплетают невесте две косы и повязывают платок, причем сватья жениха заплетает правую косу, сватья невесты – левую; затем все свадебники едут в дом жениха⁴³, *пропой* – вечер в доме невесты за неделю до свадьбы⁴⁴, *отозвины* – третий день свадьбы, в этот день едут праздновать в дом родителей невесты⁴⁵), отдельных предметов (*постельник* – связанный из соломы ковер, который девушки, подруги невесты, накануне венчания привозят из дома невесты в дом жениха⁴⁶, *столовые* [вещи] – вещи, приобретенные на деньги, которые невесте дает жених; «в случае смерти жены в первые годы замужества муж оставляет

их [вещи. – Ю. К.] у себя, а все остальное имущество жены возвращается ей родителям, если после нея детей не осталось»⁴⁷), свадебных персонажей (*сговоренка* – так называют невесту после сватовства⁴⁸, *новые сваты* – так зовут друг друга родные жениха и невесты после сватовства⁴⁹) и др.

Итак, рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)» является ценным источником по свадебному обряду Костромского уезда последней трети XIX – начала XX века. Многие содержащиеся в рукописи фольклорные тексты не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях.

Примечания

¹ Из последних фундаментальных работ, посвященных этой теме, отметим Библиографический словарь «Русские фольклористы» в пяти томах, подготовленный коллективом авторов [Русские фольклористы].

² Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 67–170.

³ О. Горохова считает, что автором рукописи является Б.В. Рудин [Горохова: 63]. У нас есть некоторые сомнения по вопросу авторства рукописи: автор во вступлении пишет, что использовал материалы, собранные Б.В. Рудиным и доложенные им в Императорском РГО, и записи корреспондентов Костромской ученой архивной комиссии. Если автор – Б.В. Рудин, то почему он пишет о себе в третьем лице?

⁴ ГАКО. Там же. Л. 67–68. Вероятно, речь идет о работе В.А. Андроникова «Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы», изданной в 1905 г. в Твери [Андроников].

⁵ ГАКО. Там же. Л. 68.

⁶ Период членства восстановлен специалистами Костромской областной универсальной научной библиотеки на основании «Отчетов о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края» за 1914–1918 гг. За информацию о Б.В. Рудине благодарю зав. отделом библиографии, обработки и каталогизации литературы Костромской областной универсальной научной библиотеки Л.Н. Семенову.

⁷ Терминология наша. – Ю. К.

⁸ ГАКО. Там же. Л. 68–69.

⁹ ГАКО. Там же. Л. 69.

¹⁰ ГАКО. Там же.

¹¹ Читается так. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы *калабак* – каравай хлеба. Влад., Розов. – ср. Колобок <...> *калаб.Ан* – прозвище. Черепов. Новг. [Словарь русских народных говоров 12: 332].

¹² ГАКО. Там же. Л. 71.

¹³ ГАКО. Там же. Л. 72.

¹⁴ ГАКО. Там же.

- ¹⁵ ГАКО. Там же. Л. 79.
- ¹⁶ ГАКО. Там же.
- ¹⁷ ГАКО. Там же.
- ¹⁸ ГАКО. Там же. Л. 99.
- ¹⁹ ГАКО. Там же. Л. 111–112.
- ²⁰ ГАКО. Там же. Л. 143.
- ²¹ ГАКО. Там же. Л. 144–145.
- ²² ГАКО. Там же. Л. 158.
- ²³ ГАКО. Там же. Л. 158–159.
- ²⁴ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ²⁵ Термин, предложенный Г.А. Левинтоном [Левинтон: 65–66]. Г.А. Левинтон приводит также мнение Б.Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся [Там же: 65, сн. 24].
- ²⁶ Опубл.: [Русские свадебные приговоры: 554–557].
- ²⁷ Зафиксирован также в малых жанрах, в частности: [Песни, сказки, пословицы...: 181].
- ²⁸ *Губинная* – знач.?, возможно, *та* [головушка], *которая губит* (о свате).
- ²⁹ ГАКО. Там же. Л. 75–76.
- ³⁰ ГАКО. Там же. Л. 149.
- ³¹ ГАКО. Там же. Л. 149–150.
- ³² Текст опубл.: [Русские свадебные приговоры: 180–182].
- ³³ ГАКО. Там же. Л. 151.
- ³⁴ Архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета, Красносельский р-н Костромской обл., посл. треть XX в.
- ³⁵ Формула используется для характеристики свадебных персонажей (дружки, жениха, поварахи, молодой пары); широкое распространение и устойчивая форма позволили В.И. Далю выделить ее как пословицу с функцией – произносится при «потчевании на свадьбе» [Даль 1989: 249].
- ³⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 99–100; опубл.: [Русские свадебные приговоры: 539].
- ³⁷ ГАКО. Там же. Л. 159.
- ³⁸ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ³⁹ Архив Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ранее: Государственный литературный музей). Ф. 23. Д. 29. Л. 22.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 167.
- ⁴¹ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ⁴² Тексты см.: ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 155–157, 159–164, 164–170; опубл.: [Русские свадебные приговоры: 609–618].
- ⁴³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 141.
- ⁴⁴ ГАКО. Там же. Л. 71.
- ⁴⁵ ГАКО. Там же. Л. 155. Ср.: *Отозвины* – второй день свадьбы, когда молодые и гости после завтрака отправляются в деревню к невесте (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 589. Л. 8. Галичский у. Костромской губ., 1898 г.).

⁴⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 103.

⁴⁷ ГАКО. Там же. Л. 70.

⁴⁸ ГАКО. Там же. Л. 71.

⁴⁹ ГАКО. Там же. Л. 71.

Список литературы

Алексеев М.П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград, 1979. Т. 9. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im9/im9-017-.htm> (дата обращения: 24.05.2022).

Андроников В.А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы: (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь, 1905.

Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71–152.

Горохова О. Костромские землячества в Москве // Губернский дом. Кострома, 2017. № 3 (108). С. 61–63.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва, 1995.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. Москва, 1989.

Крашенинникова Ю.А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек «на свадебное деревце») // Традиционная культура: научный альманах. 2015. № 3. С. 149–162.

Левинтон Г.А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры: сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. Санкт-Петербург, 1998. С. 56–72.

Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда, 1960.

Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. Ю.А. Крашенинниковой. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / под ред. Т.Г. Ивановой. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016–2020.

Словарь русских народных говоров. Вып. 12. / гл. ред. Ф.П. Филин. Ленинград: Наука, 1977.

Храмова Н.Б. «Адская газета»: старые и новые записи // Традиционная культура в изменяющемся мире: материалы VIII Междунар. школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: языки, стиль фольклора». Ижевск, 2009. С. 241–251.

Юрлов В.П. Этнографические материалы // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 37 (6 апреля). С. 3–4.

References

- Alekseev M.P. *Nezamechenny`j fol`klorny`j motiv v chernovom nabroske Pushkina* [Unnoticed folklore motif in Pushkin's rough sketch]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy`* [Pushkin: Researches and materials]. Leningrad, 1979, vol. 9. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im9/im9-017-.htm> (access date: 24.05.2022) (In Russ.)
- Andronikov V.A. *Svadebny`e prichitaniya Kostromskogo kraja so storony` soderzhaniya i formy` (Iz trudov Tverskogo oblastnogo arxeologicheskogo s`ezda)* [Wedding lamentations of the Kostroma Region from the side of content and form (From the works of the Tver Regional Archaeological Congress)]. Tver`, 1905 (In Russ.)
- Dal' V.I. *Poslovcy russkogo naroda: v 2 t. T. 2* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1989 (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyj slovar` zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t. T. 2* [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1995. (In Russ.)
- Goroxova O. *Kostromskie zemlyachestva v Moskve* [Kostroma communities in Moscow]. *Gubernskij dom* [Gubernsky house]. Kostroma, 2017, № 3 (108), pp. 61–63 (In Russ.)
- Krasheninnikova Yu.A. *O sluchayax i mexanizmax zhanrovogo vzaimodejstviya v tekstax svadebnogo obryada (na materiale prigovorov devushek «na svadebnoe derevce»)* [About cases and mechanisms of genre interaction in the texts of the wedding ceremony (based on the girl's speeches «on the wedding tree»)]. *Tradicionnaya kul`tura: Nauchny`j al`manax* [Traditional culture: Scientific Almanac], № 3, 2015, pp. 149–162 (In Russ.)
- Levinton G.A. *Zamechaniya o zhanrovom prostranstve russkogo fol`klora* [Remarks about genre space of the Russian folklore]. *Sud`by` tradicionnoj kul`tury`: Sbornik statej i materialov pamyati Larisy` Ivlevoj* [The destinies of traditional culture: A collection of articles and materials in memory of Larisa Ivleva]. St. Petersburg, 1998, pp. 56–72 (In Russ.)
- Pesni, skazki, poslovcy, pogovorki i zagadki, sobranny`e N.A. Ivaniczkim v Vologodskoj gubernii* [Songs, fairy tales, proverbs, sayings and riddles collected by N.A. Ivanitsky in the Vologda province], preparation of texts, introductory articles and notes by N.V. Novikov. Vologda, 1960 (In Russ.)
- Russkie fol`kloristy`: Biobibliograficheskij slovar`. XVIII – XIXvv.: v 5 t.* [Russian Folklorists: A Biobibliographical Dictionary. XVIII – XIX centuries: in 5 vols.], ed. by T.G. Ivanova, 2016–2020. (In Russ.)
- Russkie svadebny`e prigovory` v arxivny`x kollekcijax XIX – pervoj treti XX v.* [Russian wedding speeches in archival collections of the XIX – first third of the XX century]. Compilation, introductory article, preparation of texts, comments by Yu.A. Krasheninnikova. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (In Russ.)
- Slovar` russkix narodny`x govorov. T. 12* [Dictionary of Russian folk dialects, vol. 12], chief editor F.P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1977. (In Russ.)
- Vinogradov N.N. *Narodnaya svad`ba v Kostromskom uезде* [Folk wedding in the Kostroma district]. *Trudy` Kostromskogo nauchnogo obshhestva po izucheniyu mestnogo kraja* [Works of the Kostroma Scientific Society for the Study of the local region], 1917, vol. 8, pp. 71–152. (In Russ.)
- Xramova N.B. «*Adskaya gazeta*»: *stary`e i novy`e zapisi* [“Infernal newspaper”: old and new records]. *Tradicionnaya kul`tura v izmenyayushhemsya mire: Materialy` VIII Mezhdunarodnoj shkoly` molodogo fol`klorista «Tradicionnaya kul`tura v izmenyayushhemsya mire» i seminar «Permistika: yazy`ki, stil` fol`klora»* [Traditional culture in a changing world: Materials of the VIII International School of Young folklorist «Traditional culture in a changing world» and the seminar «Permistics: languages, folklore style»]. Izhevsk, 2009, pp. 241–251 (In Russ.)
- Yurlov V.P. *E`tnograficheskie materialy`* [Ethnographic materials]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial vedomosti], 1867, № 37 (6 of April), pp. 3–4 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.

ОТРАЖЕНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ И ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, amirbek.49@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7852-3766>

Гашарова Аида Руслановна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, aida.2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Аннотация. В статье рассматривается влияние русского языка и культуры на фольклор и язык народов Дагестана. Отмечается, что при непосредственном участии отходников в начале XX в. в фольклоре и лексическом составе дагестанских языков возрастает число неологизмов. Это объясняется тем, что динамика явлений повседневной жизни отходников того периода была связана с городом. Цель исследования – показать инокультурные, городские, экзотические влияния, отразившиеся в устно-поэтическом творчестве, языках Дагестана. Авторами произведена попытка выявления роли межкультурного общения в этих процессах. Наиболее ярко инокультурные, городские мотивы проявляются в фольклоре, а именно в устных рассказах и необрядовой лирике (песни об отходничестве). Отхожий промысел получил широкое распространение у ряда дагестанских народов (даргинцы, лезгины, лакцы и табасаранцы). Заимствованные слова и выражения, встречающиеся в фольклорных текстах, дают возможность проследить процессы межэтнических контактов и межкультурных коммуникаций той эпохи. Фольклор и языковая картина мира в конце XIX – начале XX в. стали зеркалом таких коммуникаций. В целом тема не становилась объектом специального исследования. Вопрос заимствования русизмов рассматривается в монографиях, посвященных отраслевой лексике дагестанских языков, в статьях по фольклору.

Ключевые слова: фольклор, инокультурные влияния, отходничество, дагестанские языки, необрядовая лирика, лексический состав.

Для цитирования: Магомедов А.Дж., Гашарова А.Р. Отражение инокультурных влияний в фольклоре и языках народов Дагестана // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 194–199. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-194-199>

Research Article

REFLECTION OF FOREIGN CULTURAL INFLUENCES IN THE FOLKLORE AND LANGUAGES OF THE PEOPLES OF DAGESTAN

Amirbek Dj. Magomedov, doctor of historical sciences, Institute of Language, Literature and Art, G. Tsadasa Dagestan Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, amirbek.49@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7852-3766>

Aida R. Gasharova, candidate of philological sciences, Institute of Language, Literature and Art, G. Tsadasa Dagestan Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, aida.2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Abstract. The article examines the influence of the Russian language and culture on the folklore and language of the peoples of Dagestan. It is noted that with the direct participation of otkhodniks at the beginning of the 20th century, the number of neologisms increases in the folklore and lexical composition of the Dagestan languages. This is explained by the fact that the dynamics of the phenomena of everyday life of otkhodniks of that period was associated with the city. The purpose of the study is to show the foreign cultural, urban, exotic influences reflected in the oral and poetic creativity, the languages of Dagestan. The authors made an attempt to identify the role of intercultural communication in these processes. Most clearly, other cultural, urban motifs are manifested in folklore, namely, in oral stories and non-ritual lyrics (songs about otkhodnichestvo). The otkhozny trade has become widespread among a number of Dagestan peoples (Dargins, Lezgins, Laks and Tabasarans). Borrowed words and expressions found in folklore texts make it possible to trace the processes of

interethnic contacts and intercultural communications of that era. Folklore and linguistic picture of the world in the late nineteenth and early twentieth centuries. become a mirror of such communications. In general, the topic did not become the object of a special study. The issue of borrowing Russianisms is considered in monographs devoted to the branch vocabulary of the Dagestan languages, in articles on folklore.

Keywords: folklore, foreign cultural influences, otkhodnichestvo, Dagestan languages, non-ritual lyrics, lexical composition.

For citation: Magomedov A.Dj., Gasharova A.R. Reflection of foreign cultural influences in the folklore and languages of the peoples of Dagestan. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 194–199 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-194-199>

Инокультурные влияния часто отражаются в языке, фольклоре, литературе. В этом отношении чрезвычайный интерес вызывает работа «Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе» [Экзотическая лексика]. В науке есть также ряд исследований, посвященных влиянию русского языка на лексику дагестанских языков. Это статья Г.Г. Буржунова «Взаимодействие русского и дагестанского языков. Образование общедагестанского лексического фонда русского происхождения» [Буржунов: 859–862], кандидатская диссертация П.М. Гусейновой [Гусейнова] и другие работы [Муталимова, Муталимов; Роль русского языка].

Большое значение для составления представлений о контексте таких процессов имеют статьи культурологического характера. Это работы академика Г.Г. Гамзатова [Гамзатов], Г.Ш. Каймаразова [Каймаразов].

Инокультурные влияния на язык, этнокультуру, фольклор народов Дагестана стали заметны уже в середине XIX в. Так, например, для кубачинских мастеров знакомство с русским языком началось с практик, связанных с изготовлением имитаций антикварных художественных ценностей, денежных единиц (монет). Любопытны в этом плане материалы известного российского географа Д.Н. Анучина [Магомедов 2018: 140–141], побывавшего в Кубачи в 1882 г. Ученый-этнограф обратил внимание на то, что монетное дело стало одной из распространенных практик в данной местности. Этот вид мастерства у кубачинских умельцев развился еще с XVII в. Повторяя надписи на монетах, мастера знакомились со словами из русского языка [Магомедов 2011: 142–159].

Через чиновничество, купечество, офицерство воинских частей в дагестанские языки проникает немало русских слов: салдат (солдат), эцпер (офицер), истарчин (старшина), губерни (губерния), в том числе и антропонимы: Ярмулай (Ермолов), Иван, Александр, Валерий. По отдельным оценкам, до революции (XIX – начало XX вв.) в дагестанские языки проникло более 150 русских слов [Гусейнова].

Русизмы интенсивно проникали в дагестанские языки через городскую культуру, где работало много отходников. «В социально-экономической жизни дореволюционного Нагорного Дагестана отходничество занимало заметное место. В основном отхожий

промысел получил широкое распространение в конце XIX – начале XX в. в связи с проникновением в Дагестан капиталистических отношений и приобрел устойчивый и массовый характер. Это объяснялось тем, что жизненные условия и тяжелая доля горских жителей вынуждала их оставлять родной кров и искать работу на стороне» [Гашарова 2015: 147]. Отхожий промысел получил широкое распространение среди даргинцев, лезгин, лакцев и табасаранцев. Этот процесс хорошо представлен в необрядовой лирике дореволюционного Дагестана, в песнях об отходничестве [Гашарова 2015; Ганиева; Гаммакуева; Традиционный фольклор], так как «фольклор народов Дагестана отличается... многообразной познавательной информацией» [Гашарова 2022: 29]. Исследователи справедливо отмечают, что специфическая особенность песен об отходничестве – это слова из русского языка, связанные с работой отходников (хозяин, начальник, рулевой, дворник и др.) [Свод: 42]. Логический параллелизм в них приходит на смену традиционному психологическому, в котором явления природы сопоставляются с внутренним состоянием человека [Гашарова 2015: 47].

Чтобы иметь общее представление о происходящих процессах, кратко укажем на характер отходничества этих лет. В середине XIX в. (1850–60-е гг.) почти все дагестанские отходники трудились в самом Дагестане. Отходники находились вне семьи и за пределами аула от трех до десяти месяцев. Позднее, в 1870–90-х гг., значительная часть отходников уже выезжает за пределы Дагестана. География отходничества была широкой. Кустари, ремесленники, разнорабочие отправлялись в города: Москва, Саратов, Ростов, Тбилиси, Кутаиси, Шемаха, Моздок, Грозный, Майкоп, Владикавказ, Астрахань, Нуха, Баку, Карабах, Ганджа, Хорасан, Ереван, «русский город Тула», Сибирь, Ташкент, Самарканд, Фергана. Упоминаются в текстах и дагестанские города: Шура (Буйнакск), Анже (Махачкала), Хасав (Хасавюрт), Дербент, Кизляр, Дивгател (ныне Каспийск). В ходе исследования нами выявлено около 30 названий городов. Большая часть из них чередуются с выражениями типа «большой русский город», «далекий русский город». Участились случаи, когда отходники оставались жить в городах на постоянной основе. Многие отходники становились квалифицированными рабочими, буро-

выми мастерами, слесарями и т. д. Удельный вес дагестанских рабочих в нефтяной промышленности Азербайджана в 1900 г. составил 13,5 %, четвертое место после азербайджанцев (33,8 %), армян – 25,3 %, русских – 19,5 % [Мартова].

Дагестанских отходников привлекали многие явления городской культуры: ассортимент фабричных товаров в городских магазинах и на рынках, новые виды транспорта (железная дорога, поезда, трамваи, автомобили, дилижансы), такие явления городской культуры, как украшенные верховые седла, интерьеры квартир, одежда разных слоев населения, украшения костюма, культурные сорта фруктов и овощей и даже образы горожан (военных чинов, купцов).

Городская культура часто становилась источником кардинального переосмысления представлений о жизни отходников. Хотя традиционные религиозные убеждения все еще сохранялись как утвержденные устои повседневной жизни горцев, для значительной части населения, особенно её мужской части, они были значительно отодвинуты на второй план новыми впечатлениями.

Отражение явлений городской культуры в языке и дагестанском фольклоре – тема малоизученная. Лексический состав того или иного языка часто становится вместилищем, где в виде лексем накапливаются многие заимствования из этнокультуры соседних или типологически неродственных народов, из городской культуры в частности.

Интересно наблюдение академика Г.Г. Гамзатова о том, что «цивилизационная жизнь... Дагестана без русского языка просто немыслима». Исторически здесь складывается полиэтничное, полилингвистическое многообразие, «национально-русский билингвизм», ставший мощным позитивным фактором развития общества [Гамзатов: 714]. Истоки такого билингвизма начали закладываться уже в начале XX в., о чем и свидетельствуют материалы дагестанского фольклора.

О прогрессивном влиянии русского языка писал и известный исследователь Г.Ш. Каймаразов. Это воздействие стало отчетливо проявляться в таких областях духовной жизни Дагестана, как «наука, литература и искусство». При этом рост российско-дагестанского взаимодействия, заметный в конце XIX – начале XX в., был связан с хозяйственной деятельностью, культурой быта и труда дагестанцев, развитием образования и формированием светской интеллигенции [Каймаразов: 739].

История национально-русского билингвизма в Дагестане начинается с экзотизмов, связанных с культурой и бытом русских горожан. Такие слова отражали своеобразие быта, культуры этого народа [Экзотизмы]. С первых экзотизмов начинается и история образования «лексического фонда русского проис-

хождения» в дагестанских языках. На сегодня 80 % дагестанского населения являются двуязычными «со вторым языком русским» [Буржунов: 859]. Этот фонд сформировался в последние 150 лет.

Городская культура посредством торговли в лавках, магазинах и на крупных базарах способствовала распространению новых товаров и вместе с тем – проникновению в национальные языки русизмов. Кроме фабричных изделий у торговцев можно было приобрести товары, изготовленные (или выращенные, если это лошади-скакуны) здесь же, внутри региона. Это «чеченское седло», «шемахинский портрет», «черкесская лошадь», «карабахский конь», «грузинские башмаки», «чеченский чунгур», «тебризская кожа», «бухарский каракуль», «шемахинский шелк», «нухинская парча», «нухинский шелк», «галоши», «тюлевый платок», «кружева», «русские патроны», «красный московский мяч» и др. Здесь же и восточные товары – «тирманче платок», «ширванская нефть».

В такого рода словах ключевым составляющим становилось определение, так как второе слово (как правило, существительное) означало собственно товар, так хорошо знакомый отходникам.

Для горцев Дагестана были интересны и такие атрибуты городской культуры, как «красиво выстроенная церковь», «завод иранского царя» (вероятно, речь о здании крупной мануфактуры), «казарма» (помещение, съемная квартира).

Часто тема городских влияний в текстах фольклора связана с впечатлениями от тех новаций, которые появились на Кавказе в конце XIX – начале XX в. Отходников интересуют в городе «большие базары», разнообразные товары многочисленных магазинов (часто акцент делается на лавках армян, где можно купить «бутылки напитков»), поезда («пассажирская машина»), атрибуты необычной для горцев почтовой связи («телеграмма»).

Внимание горцев привлекали промтовары, пищевые продукты, плантационные посадки чая, винограда, фиников, цитрусовых, деревья граната и др., блюда русской кухни, бытовые мелочи. Возможно, из их числа были и «шемахинские сапожки», «исфаганская парча», «парча из Тбилиси», «тонкая французская материя», «египетский шелк», «николаевская ткань», «серебряный кутаисский браслет», «вельветовая тужурка», «серебряный аэроплан», «железнодорожная машина» (поезд), «китайская чайная плантация», «гроздь дербентского винограда», «красный капустный суп» (борщ), «лимонный сад Кутаиси», «гранатовое дерево Гянджи», «иранские финики», «тбилисский гранат», «самовар».

В песнях отходников много мотивов, отражавших впечатления от жизни в городских условиях, от знакомства здесь с русским языком и культурой, с обычаями и традициями других народов. Любо-

пытны извлечения из фольклорных текстов, отражающих социальное устройство жизни в городах. Это «городской храм», «гастиница», «русская барышня», «русской водки бутылка», «московская сталь», «дербентский ростовщик», «нухинский магазин», «дербентские магазины», «бакинские магазины», «флаккон духов», «коробочки пудры», «туфли на высоких каблуках», «капитал из трехсот рублей», «бесценная икона Марии», «русский царь», «бакинский светильник», «армянское золото», «грузинская страна».

В этот период знаковыми для многих дагестанцев стали «русские деньги»: «царские красные бумаги» (деньги), «николаевский серебряный рубль», «ширванская монета из серебра».

В фольклоре немало словных слов, где инокультура представлена выражениями общеинформационного характера. Это: «астраханский корабль», «чеченское состояние», «грузинский лес», «бухарский хан». Легко понятны информативные выражения – «бакинская улица», «бакинские промыслы». В фольклоре имеют место и выражения абстрактного характера: «казна Воронцова», «красивая куропатка Крыма».

Обращают на себя внимание особенности выражений, характерных для фольклора отдельных регионов Дагестана. Так, в южнодагестанских песнях отходников внимание больше акцентируется на трудной доле работающих на нефтяных промыслах. Поэтика таких песен своеобразна, что обусловлено конкретными условиями, в которых возник и развивался данный жанр. Песни эти отличались прежде всего лаконичностью, реализмом в изображении действительности и вместе с тем необычайной эмоциональной и смысловой насыщенностью. Спецификой можно считать использование русизмов для индивидуализации образа («хузайин», «начаник», «двурник»), их смысловой нагрузки («пассажирдин машин», «мидал», «чамадан») и т. д. [Свод: 47].

Этим и объясняется проникновение в лексику дагестанских языков названий предметов инокультуры. К примеру, «падкав» (подкова), «пич» (печь), «кистикан, истакан» (стакан), «картуп» (картофель), «гИянтикIа» (антика) (дарг.) и др. Проникновение русизмов в даргинский язык, как пишет исследователь С.М. Темирбулатова, «происходило в основном вместе с заимствованием самих вещей и понятий, отсутствующих у даргинцев, в результате экономического и культурного сотрудничества русских и даргинцев» [Темирбулатова: 431]. Такая закономерность характерна и для других языков. Вместе с тем в дагестанской лингвистике нет еще попыток изучения инокультурных заимствований из русского языка в разные исторические периоды.

Изучение влияний городской культуры на языки, дагестанский фольклорный материал начала XX в. расширяет наши представления о роли кавказских

городов, русского языка в истории формирования картины мира у горцев, обогащении их кругозора, становлении русско-национального билингвизма в Дагестане. Очевидно, что для изучения этих процессов требуется развернутый анализ, составление словаря лексики инокультуры, которые сформировались в дагестанских языках в XX в.

Список литературы

Буржунов Г.Г. Взаимодействие русского и дагестанского языков. Образование общедагестанского лексического фонда русского происхождения // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: К 85-летию академика Г.Г. Гамзатова / сост. и отв. ред. Г.Г. Гамзатов, Ф.Х. Мухамедова. Москва: Наука, 2011. С. 859–862.

Гамзатов Г.Г. Национально-русские связи в области культуры, литературы и языка. Уровень взаимодействия и взаимообогащения // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: К 85-летию академика Г.Г. Гамзатова / сост. и отв. ред. Г.Г. Гамзатов, Ф.Х. Мухамедова. Москва: Наука, 2011. С. 703–715.

Гаммакуева А.С. Песни об отходничестве в фольклоре лакцев: тематика и художественное своеобразие // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 3 (88). С. 416–418. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-416-419

Ганиева А.М. Народная лирическая поэзия лезгин / отв. ред. У.Б. Далгат. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 162 с.

Гашиарова А.Р. Лезгинские песни об отходничестве // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 146–148.

Гашиарова А.Р. Необрядовая лирика народов Дагестана: сбор, изучение и публикация // Филологические науки. Научные доклады высшей школы: Междунар. науч. журнал. Москва, 2022. С. 29–34. DOI: 10.20339/PhS.1-22.029

Гусейнова П.М. Русские заимствования в даргинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 178 с.

Каймаразов Г.Ш. Российский фактор развития культуры народов Дагестана. Конец XIX – начало XX вв. // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: К 85-летию академика Г.Г. Гамзатова / сост. и отв. ред. Г.Г. Гамзатов, Ф.Х. Мухамедова. Москва: Наука, 2011. С. 715–734.

Магомедов А.Дж. Город мастеров. Очерки художественной культуры Кубачи / отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Наука, 2011. 247 с.

Магомедов А.Дж. Традиционные ремесла и культура села Кубачи. Материалы посемейного списка 1886 г. Махачкала, 2018. 175 с.

Мартова Э. Отходничество в Дагестане. 7.09.2016. URL: <https://www.smolmed.ru/otxodnichestvo-v-dagestane/> (дата обращения: 20.06.2021).

Муталимова Э.Р., Муталимов В.А. Табасаранский язык: Роль и место русизмов // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 1. С. 169–173.

Роль русского языка в духовном и культурном развитии народов Дагестана. URL: <https://ansya.ru/health/role-russkogo-yazyka-v-duhovnom-i-kuleturnom-razvitiin- narodov/main.html> (дата обращения: 21.06.2021).

Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 9. Необрядовая лирика / отв. сост. Х.М. Халилов, А.Р. Гашарова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Издат. дом «Дагестан», 2020. 664 с.

Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка. 2-е изд., доп. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 449 с.

Традиционный фольклор народов Дагестана. Москва: Наука, 1991. 493 с.

Экзотизмы. URL: https://bstudy.net/643120/literatura/inoyazychnye_slova_sovremennoy_rechi (дата обращения: 15.06.2021).

Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе: А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой: Опыт словаря / сост., вступ. ст. Ф.И. Джаубаевой; под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. 263 с.

References

Burzhunov G.G. *Vzaimodeystviye russkogo i dages-tanskogo yazykov. Obrazovaniye obshchedagestanskogo leksicheskogo fonda russkogo proiskhozhdeniya* [Interaction of Russian and Dagestan languages. Formation of a general Dagestan lexical fund of Russian origin]. *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: K 85-letiyu akademika G.G. Gamzatova* [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: to the 85th anniversary of academician G.G. Gamzatova], comp. and resp. ed. G.G. Gamzatov, F.Kh. Mukhamedova. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 859–862. (In Russ.)

Gamzatov G.G. *Natsional'no-russkiye svyazi v oblasti kul'tury, literatury i yazyka. Uroven' vzaimodeystviya i vzaimoobogashcheniya* [National-Russian connections in the field of culture, literature and language. The level of interaction and mutual enrichment]. *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: K 85-letiyu akademika G.G. Gamzatova* [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: to the 85th anniversary of academician G.G. Gamzatova], comp. and resp. ed. G.G. Gamzatov, F.Kh. Mukhamedova. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 703–715. (In Russ.)

Gammakuyeva A.S. *Pesni ob otkhodnichestve v fol'klore laktsev: tematika i khudozhestvennoye svoe-obraziye* [Songs about otkhodnichestvo in the folklore of the Laks: themes and artistic originality]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [World of Science, Culture

and Education], 2021, № 3 (88), pp. 416–418. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-416-419. (In Russ.)

Ganiyeva A.M. *Narodnaya liricheskaya poeziya lezgin* [Lezgin folk lyric poetry], resp. ed. W.B. Dalgat. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1976, 162 p. (In Russ.)

Gasharova A.R. *Lezginskiye pesni ob otkhodnichestve* [Lezghian songs about otkhodnichestvo]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center], 2015, № 58, pp. 146–148. (In Russ.)

Gasharova A.R. *Neobryadovaya lirika narodov Dagestana: sbor, izucheniye i publikatsiya* [Non-ritual lyrics of the peoples of Dagestan: collection, study and publication]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vsshney shkoly: Mezhdunar. nauch. zhurnal* [Philological Sciences. Scientific reports of higher education: International scientific journal], Moscow, 2022, pp. 29–34. (In Russ.). DOI: 10.20339/PhS.1-22.029.

Guseynova P.M. *Russkiye zaimstvovaniya v dargin-skoy yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian borrowings in the Dargin language: abstract diss... cand. philol. Sciences]. Makhachkala, 2002, 178 p. (In Russ.)

Kaymarazov G.Sh. *Rossiyskiy faktor razvitiya kul'tury narodov Dagestana. Konets XIX – nachalo XX v.* [Russian factor in the development of the culture of the peoples of Dagestan. The end of the XIX - the beginning of the XX century]. *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: K 85-letiyu akademika G.G. Gamzatova* [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: to the 85th anniversary of academician G.G. Gamzatov], comp. and resp. ed. G.G. Gamzatov, F.Kh. Mukhamedova. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 715–734. (In Russ.)

Magomedov A.Dj. *Gorod masterov. Ocherki khudozhestvennoy kul'tury Kubachi* [City of Masters. Essays on the artistic culture of Kubachi], ed. by M.S. Gadzhiev. Makhachkala, Nauka Publ., 2011, 247 p. (In Russ.)

Magomedov A.Dj. *Traditsionnyye remesla i kul'tura sela Kubachi: Materialy posemeynogo spiska 1886 g.* [Traditional crafts and culture of the village of Kubachi: Materials of the family list of 1886]. Makhachkala, 2018, 175 p. (In Russ.)

Martova E. *Otkhodnichestvo v Dagestane* [Otkhodnichestvo in Dagestan]. 7.09.2016. URL: <https://www.smolmed.ru/otxodnichestvo-v-dagestane/> (access date: 20.06.2021). (In Russ.)

Mutalimova E.R., Mutalimov V.A. *Tabasaranskiy yazyk: Rol' i mesto rusizmov* [Tabasaran language: The role and place of Russianisms]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2016, № 1, pp. 169–173. (In Russ.)

Rol' russkogo yazyka v dukhovnom i kul'turnom razvitiy narodov Dagestana [The role of the Russian language in the spiritual and cultural development of the

peoples of Dagestan]. URL: <https://ansya.ru/health/role-russkogo-yazika-v-duhovnom-i-kuleturnom-razvitiin- narodov/main.html> (access date: 21.06.2021). (In Russ.)

Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. T. 9. Neobryadovaya lirika [Collection of monuments of folklore of the peoples of Dagestan in 20 volumes. T. 9. Non-ritual lyrics], otv. comp. H.M. Khalilov, A.R. Gasharova. Makhachkala, IYALI DNTS RAN, Dagestan Publ., 2020, 664 p. (In Russ.)

Temirbulatova S.M. *Otraslevaya leksika darginskogo yazyka* [Branch vocabulary of the Dargin language], 2-ye izd., dop. Makhachkala, IYALI DNTS RAN Publ., 2012, 449 p. (In Russ.)

Traditsionnyy fol'klor narodov Dagestana [Traditional folklore of the peoples of Dagestan]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 493 p. (In Russ.)

Ekzotizmy [Exoticisms]. URL: https://bstudy.net/643120/literatura/inoyazychnye_slova_sovremennoy_rechi (access date: 15.06.2021). (In Russ.)

Ekzoticheskaya leksika v proizvedeniyakh russkikh pisateley o Kavkaze: A.A. Bestuzhev-Marlinskiy, A.S. Pushkin, M.YU. Lermontov, L.N. Tolstoy [Exotic vocabulary in the works of Russian writers about the Caucasus: A.A. Bestuzhev-Marlinsky, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy. Dictionary experience], comp., entry. article by F.I. Dzhaubaeva, ed. by K.E. Stein. Stavropol', House of the Stavropol State. unta Publ., 2008, 263 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 23.06.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ОБЪЁМ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ОЦЕНКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ

Ню Анна, кандидат филологических наук, Пекинский объединенный университет, Пекин, Китай, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Аннотация. Основная цель данной работы – выяснить лексико-семантические особенности группы наименований, называющей объем тела человека, в русской языковой картине мира на фоне китайской языковой картины мира. актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что названия тела и его объема являются важными фрагментами в языковой картине мира. в статье рассматриваются языковые средства для номинации объема тела в русском языке на фоне китайского, поднимается вопрос об оценочной конструкции (прилагательное + существительное *тело*), отражающей особенности мировосприятия носителей русского языка. Также выявляется культурная, эмоциональная и эстетическая значимость разного объема тела человека через оценочную атрибутивную конструкцию в русской языковой картине мира на фоне китайской языковой картины мира.

Ключевые слова: объем тела человека, языковые средства выражения оценки, атрибутивная конструкция, оценочная конструкция, русская языковая картина мира.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке фонда Пекинского объединенного университета (проект SK90202114), а также фонда Пекинской муниципальной комиссии по образованию, проект SM202211417009

Для цитирования: Ню А. Объем тела человека и его оценка в русской языковой картине мира на фоне китайской // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 200–207. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-200-207>

Research Article

HUMAN BODY VOLUME AND ITS ASSESSMENT IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AGAINST THE BACKGROUND OF CHINESE

Niu Anna, candidate of philological sciences, Beijing Union University, Beijing, China, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Abstract. The main purpose of this research is to find out the characteristic of human body volume in the Russian language picture of the world against the background of Chinese. In this article analyze language tools for expressing volume in the Russian language against the background of Chinese. The question is raised about the evaluation construction, which is reflecting the features of world perception and understanding of native speakers of the Russian language, also revealed cultural, emotional and aesthetic significance of different volume through evaluative attribute construction and described the peculiarity of the evaluation relationship to volume in the Russian language against the background of Chinese.

Keywords: human body volume, assessment, attributive construction, evaluation construction, Russian language picture of the world.

Acknowledgments. This work was supported by Beijing Union University, project SK90202114, and Beijing Municipal Education Commission for Basic Research, project SM202211417009.

For citation: Niu Anna. Human body volume and its assessment in the russian language picture of the world against the background of Chinese. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 200–207 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-200-207>

Тело человека в различных культурах, в том числе русской и китайской, имеет не только функциональное предназначение, но и эстетическую ценность. В связи с этим оно находится в центре внимания и довольно часто попадает в сферу оценочной деятельности человека.

«Оценка (или оценочное высказывание) – высказывание или отношение, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2000: 60]. Она «содержится в семантике слов, входящих в высказывание» [Вольф 2014: 11]. Средством кодирования и декодирования оценки выступает язык, его лексика и семантика. Так как нередко оценочное суждение выносится с учетом объема тела, он вызывает интерес как один из важных признаков тела.

«Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке» – это языковая картина мира [Гончарова 2012: 397]. Следует отметить, что русская языковая картина мира в системе языка проявляется на всех имеющихся уровнях. Б.А. Серебренников отмечает: «Составными частями картины мира являются слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» [Серебренников 1988: 107]. Языковая картина мира «всегда субъективна», «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом» [Корнилов 2013: 15]. Русская языковая картина мира, ровно как и китайская, отличается своеобразием. В этой связи рассмотрение особенностей представления об объеме тела человека в русском языковом пространстве видится актуальным именно в сопоставлении с китайской языковой картиной мира. Н.Ю. Шведова, упоминая многочастную структуру языковой картины мира, в «Русском семантическом словаре» замечает, что «конечное и предконечное множество – это реальное представление некоего участка бытия», «картинка жизни». Такие картинки именуют определенный ее участок, о нем «информируют и его живописуют» [Шведова 2002: X]. Подобные «картинки жизни» в полной мере раскрываются в сочетаемости слов, в оценочных характеристиках.

В.Н. Телия пишет, что оценочная модальность – это «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией (точнее – каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реальности, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия 1986: 22]. Человеческое тело имеет средний (нормальный) объем, если оно содержит определенную мышечную массу и некоторое количество жира [Урысон 2003: 1157].

Средний (нормальный) объем тела – это норма, поэтому оценка тела человека основывается на норме и степени отклонения от нормы. Норма закреплена в сочетаниях *нормальный объем*, *средний объем*. Прилагательные, обозначающие объем тела человека, оформляют конечное множество, репрезентирующее реальное представление об объеме тела человека. Эти прилагательные могут содержать как положительную, так и отрицательную оценку.

Оценочная лексика и конструкции, включающие ее, обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой. Фразеология и поговорки в китайском и русском языках имеют существенные различия, особенно при оценочной характеристике частей тела человека с точки зрения его объема. В русском и китайском языках оценочные конструкции для выражения величины отдельных параметров тела человека несколько категоричны и чаще всего гиперболизированы. Так, например, в русском языке для выражения полноты тела используются такие выражения, как: *как бочка (неодобр.)*, *как бревно (авт.)* [Бесперстных 2016: 128]: *Она была раздута как бочка, много лет не могла двигаться* (Мироточение: почему иконы плачут? // Пятое измерение, 2002). Здесь автор сравнивает полную женщину, которая мало двигается, с бочкой. В свою очередь, в китайской языковой картине мира символом полного человека является образ свиньи, например фразеологизм *肥头大耳* – 形容猪长肥了的样子。也形容人过于肥胖 (Жирная голова и уши – так описывается внешний вид свиньи, которая обросла жиром, – соотносится с чрезмерно полным человеком) (石斌 2006: 205)。本来很不喜欢这张照片中的我，肥头大耳，油光满面，像个贪官 (букв.: «Мне не нравилась эта фотография, на этой фотографии я толстая и жирная, похожая на коррумпированного чиновника»). Для китайцев образ свиньи характеризуется не только тем, что она толстая, но и тем, что она грязная, глупая. Соответственно, считается невежливым и оскорбительным называть кого-то свиньей.

Далее, в русском языке есть выражение *кожа да кости*, которое характеризует больного и/или худого человека [Рыбникова 1961: 19]. В китайском языке данное значение выражается фразеологизмом *骨头架子* («худой, как скелет») (顾柏林 2009: 752). Проанализируем данные примеры: *Тоже смертельно больной, изможденный, кожа да кости, но – другой* (Сергей Шикера. Выбор природы, 2014) *不停地放疗、化疗，我已瘦得只剩下骨头架子* (Букв.: «После непрерывной лучевой терапии и химиотерапии я так сильно похудел, и стал такой худой, как скелет»). В обоих предложениях фразеологизмы достаточно выразительно описывают изможденного, худого человека. В русской и китайской языковых картинах мира такие понятия, как *кости и скелет*,

являются символами худобы при описании параметров тела человека. Так, в русском языке есть немало фразеологизмов с такой семантикой: *кости да кожа, кость тонка, одни кости да кожа, кости да кожа, одни ребра, кости глядят, а мяса не видать*. В китайском языке сходными фразеологизмами являются следующие: *皮包骨头* (*кожа да кости*), *瘦骨伶仃* (*кожа да кости*), *瘦骨嶙峋* (худой, как скелет) (董大年 2007: 157).

В «Большом словаре русских поговорок» имеются поговорки: *поперёк (себя) толще: прост. шутил-ирон. «об очень полном человеке»* [Мокиенко, Никитина 2007: 666]: *Борода – как у барана шерсть, мужик, видно, кулак из кулаков, поперёк себя толще* (И.Л. Солоневич. Две силы, 1953). Подобная дескриптивная лексика и соответствующие поговорки создают образ сильного и в то же время полного мужчины. В китайском языке поговорки для описания полного тела следующие: *胖墩儿* («толстый человек, как пень») (苏新春 2013: 6). Для сравнения посмотрим аналогичное предложение: *他不喜欢别人叫他胖墩儿, 从呼噜里就能听出来*. (Букв.: «Он не любит, когда его называют Пандуньэ, это слышно по его храпу»). В современном китайском языке, если человека называют *胖墩儿*, значит, он не только полный, но и низкий, что *胖墩儿* содержит отрицательную оценку.

Также в русском языке имеются поговорки: *живые (ходячие) мощи, козы (козельи) мощи*, которые являются оценкой очень худого, измождённого человека [Мокиенко, Никитина 2007: 414–415], а поговорку *киевские мощи* автор употребляет для описания очень худого учителя [Мокиенко, Никитина 2007: 415]: *Это были живые мощи, как выразился Н. И., «не Пятаков, а его тень, скелет с выбитыми зубами»* (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)). Оценочная лексика и поговорки с аналогичной семантикой подчеркивают трагичность ситуации при описании человека. Кроме того, слова *мощи, глиста* характеризуют внешность очень худой девушки, например, *глиста, глиста в корсете* – образ худощавой девушки, а *глиста в скафандре* – образ высокой, худой, некрасивой девушки [Мокиенко, Никитина 2007: 129]. Если обратимся к примеру: *Но подключи свое воображение – это же не женщина, это глиста в обмороке!* (Юрий Кашкин. Валюха-горюха, 2013), то увидим, что в данном высказывании через слово *глиста* подчеркивается чрезвычайно болезненное состояние женщины. В то же время в китайской языковой картине мира есть слово *спичка*, которое ассоциируется с признаком худобы, и слово *обезьяна*, используемое для сравнения при описании худого человека *瘦猴* (худой, как обезьяна), *骨瘦如柴* (худой, как спичка). *在父亲最后的日子, 肝病折磨得骨瘦如柴的老人日夜呻吟* (В последние дни жизни мой

отец, как старик, был такой худой, как спичка, из-за болезни печени, стонал день и ночь.) В китайском языке *猴* (*обезьяна*) и *柴* (*спичка*) имеют отрицательную коннотацию, а в русской языковой картине мира существует ассоциация худого тела и *тростинки* по сходству формы, то есть выражение *как тростинка* указывает на худое тело человека, например: *Оля, совсем юная, тоненькая, как тростинка, с длинными черными волосами* (Е.Н. Коган. Кабинет редкостей, 2012). Юная и тоненькая девушка напоминает *тростинку*. В свою очередь, в китайской языковой картине мира образ бамбукового шеста представляет собой символ худобы и несет отрицательную коннотативную окраску.

В русском языке значение «выше нормы» передается прилагательными *дебелый, дородный, жирный, круглый, откормленный, раскормленный, упитанный, ожиревший, ожирелый, полнотелый, полный, толстотелый, толстый, тучный, неохватный, плотный, пухлый, расплывшийся, солидный, сытый*. В китайском языке подобный смысл имеют такие прилагательные, как *发福 – фафу (толстый), 肥胖 – фэйпан (толстый), 丰满 – фэнмань (полный), 肥硕 – фэйшо (дородный), 丰腴 – фэнюй (полный), 胖 – пан (толстый), 发胖 – фапан (толстый), 胖胖 – панпан (толстый), 胖乎乎 – панхуху (толстый), 胖大 – панда (солидный), 圆润 – юаньжуй (круглый), 浑圆 – хуньюань (круглый), 圆圆 – юаньюань (круглый), 圆胖 – юаньпан (круглый и толстый), 矮胖 – айпан (низкий и толстый), 痴肥 – чифэй (тучный), 肥大 – фэйда (колоссальный), 肥满 – фэймань (толстый и полный), 臃肿 – юнчжун (раздутый)*. Приведенные прилагательные содержат оценочное значение, и большинство из них несет отрицательную коннотацию. Например, *дебелый, полный, плотный, откормленный, раскормленный и упитанный, 痴肥 – чифэй (тучный), 肥大 – фэйда (колоссальный), 肥满 – фэймань (толстый и полный), 臃肿 – юнчжун (раздутый)* – эти прилагательные, характеризующие объем тела со значением «выше нормы», указывают на то, что объем тела значительно отклоняется от среднего в силу излишнего присутствия мяса и жира.

В русском языке значение «ниже нормы» вербализуется в таких прилагательных, как *жмистый, истощенный, костистый, костлявый, поджарый, сухой, сухощавый, сухопарый, тонкий, тощий, худой, исхудалый, худосочный, худощавый*, а в китайском языке – в следующих прилагательных: *干瘪 – ганьпе (сухой), 苗条 – мяотяо (тонкий), 干瘦 – ганшоу (высохший), 瘦 – шоу (худой), 骨瘦如柴 – гушоужучай (костистый), 瘦瘦 – шоушоу (худой), 枯瘦 – кушоу (хилый), 瘦削 – шоусяо (худощавый), 瘦骨嶙峋 – шоугулиньсюнь (костлявый), 消瘦 – сяошоу (похудеть), 瘦骨嶙峋 – шоугулиньлинь (костлявый), 削瘦 – сяо*

шоу (*тощий*), 瘦骨伶仃 – шоугулиндин (*костлявый*), 细瘦 – сишоу (*тонкий и худой*), 精瘦 – цзиншоу (*тощий*), 纤细 – сяньси (*тонкий*), 瘦小 – шоусяо (*худенький*). В русском языке худой – это то же, что плохой: лишенный положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий по каким-то требованиям [Ожегов 2008: 429].

Обратимся теперь к прилагательным, выражающим превышение объема человеческого тела. Прилагательное *плотный* фиксирует большее количество мышц (а не жира), как правило, широкие плечи и в целом физически крепко сложенное тело, указывает на небольшое отклонение от нормы, содержит положительную оценку, например: Ветер раздувал волосы, обнимал плотное тело и щекотал круглую жаркую шею (Е.В. Колина. Дневник измены, 2011). В данном предложении тело рассматривается с точки зрения объема и характеризуется как крепкое, здоровое. *Откормленный* и *раскормленный* имеют общий корень *-корм-*, предполагают обильное питание. Схожее значение содержит и прилагательное *упитанный*, также указывающее на здорового человека, ставшего таким благодаря хорошему питанию: *Она вскинула недоверчивый взгляд на посла, на его упитанное тело и руки с золотыми перстнями* (Василий Ян. Чингизхан, 1939). Слабый оценочный компонент, имеющийся в этом примере, возникает ввиду социальной обусловленности: герой представлен толстым и здоровым посланцем. Прилагательное *упитанный* указывает на хорошее состояние тела и само по себе носит положительную утилитарную оценку при описании объема тела человека. *Полный* и *полнотелый* номинируют мягкость и округлость тела, часто характеризуют тело женщины и содержат категоричную отрицательную оценку. Например: *Шелковое голубое платье плотно облегло рыхлое, полное тело* (Вадим Пеунов. Дело принял адвокат, 1978). Атрибутивная конструкция *рыхлое, полное тело* подчеркивает внешнюю негативную характеристику женского тела. *Круглый* и *округлый* акцентируют внимание на толстом, шаровидном теле, отрицательно оценивая его форму. Приведем пример: *...Начал торопливо Усков, катя свое полное круглое тело по тропинке за размашисто шагающим Сережкиным* (Борис Можаяев. Власть тайги, 1954). В контексте сразу заметен оценочный компонент, содержащийся в деэпричастии *катя* и атрибутивной конструкции *полное круглое тело*. Все эти языковые средства выражают антипатию к герою. *Толстотелый* и *толстый* указывают на значительное отклонение от среднего объема и содержат отрицательную оценку. Например: *Тебя тяготит твое большое толстое тело, – сказала Сперо, – Оно тяжелое и кажется тебе некрасивым* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам, 2014). В данном предложении сильный оценочный

элемент, выражающий антипатию Сперо к большому толстому телу, которое эстетически оценивается отрицательно вследствие большого объема и веса.

Жирный, ожиревший, ожирелый, обладающие общим корнем *-жир-*, в отличие от прилагательного *толстый*, указывают на большое количество жира и выражают отрицательную эстетическую или утилитарную оценку. Приведем пример: *Она попробовала повернуться, но огромное жирное тело совершенно ей не подчинялось* (Виктор Пелевин. Жизнь насекомых, 1993). Как можно понять из контекста, речь идет о женщине, которой, ввиду излишнего жира на теле, трудно двигаться. Прилагательное *тучный* также содержит отрицательную эстетическую оценку. Например: *Блейк смеялся; он делал это беззвучно, колыхаясь своим тучным телом и издавая странный астматический свист* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Кн. 2. Примус интер парэс, 1998). Атрибутивные конструкции *тучным телом, странный астматический свист* четко показывают, что у героя, упоминаемого в примере, уродливое тело, плохое здоровье. Прилагательное *пухлый* указывает на небольшое отклонение от среднего объема тела, предполагает его мягкость и отсутствие необходимых мышц: *Когда Федор был совсем маленький, Валька как угорелый мчался с работы, чтобы самому окунуть его розовое пухлое тело в ванночку* [Екатерина Маркова. Мяч, 1990–2000). В данном предложении под пухлым телом имеется в виду «нежная, мягкая плоть». Сильный эмоционально-оценочный компонент возникает из-за употребления слов *угорелый, мчался*. Лексема *солидный* указывает на достаточно большой объем и размер тела человека, *сытый* – подразумевает отклонение от среднего объема из-за хорошего или излишнего питания, содержит отрицательную оценку: *Чуть бражный, благодухный, покачивая свое плотное сытое тело, распаренное, словно из бани* (Александр Проханов. Господин Гексоген, 2001). Прилагательные *плотное, сытое* и *распаренное* содержат положительную нормативную оценку, но при этом и отрицательную эстетическую, указывая на крепкое, полное и мокрое тело, которое вызывает неприятное ощущение.

В китайском языке прилагательные состоят из двух или нескольких иероглифов, которые имеют своеобразное значение. Иероглиф 胖 – пан сигнализирует о полном теле, которое нейтрально оценивается, а иероглиф 肥 – фэй обозначает большое количество жира, из-за этого содержит отрицательную оценку. Прилагательные, которые состоят из иероглифа 肥 – фэй, указывают на чрезмерное накопление жировой ткани в организме человека, к которому наблюдается негативное отношение. Например, 胖大 – панда (*солидный*) подразумевает человека не только толстого, но и большого, высокого, не со-

держит чёткую оценку, а прилагательное 肥胖 – фэйпан (*толстый*) подчеркивает избыточный вес и наличие чрезмерного накопления жира в организме, обладает отрицательной оценкой, 痴肥 – чифэй (*тучный*) предполагает жирное тело человека, который не заботится ни о чем. 以那个时代的总体风气及他胖大的身体而言, 真不可不称之为壮举。(Букв.: «С точки зрения социальной культуры той эпохи его солидное тело – это нельзя не называть подвигом»). Прилагательное 胖大 – панда (*солидный*) указывает на полное и большое тело человека, имеющего высокий рост, содержит положительную оценку. 方太太分明看见那臃肿痴肥的身体悬空在一缕游丝上, 凜栗地无效地在挣扎 (Букв.: «Мадам Фан ясно видела раздутое и тучное тело, которое плавает на нити паутины и безуспешно сопротивляется»). Раздутое и тучное тело характеризует мужчину, слишком толстого и ни о чем не заботящегося. Иероглиф 丰 – фэн обозначает большое количество чего-то хорошего. Прилагательные, обозначаемые иероглифом 丰 – фэн, содержат положительную оценку. Отметим также прилагательные 丰满 – фэнмань (*полный*) и 丰腴 – фэнюй (*полный*), которые номинируют полную фигуру и выражают красоту женского пола. Если эти прилагательные сочетаются с наречием 非常 (*очень*), то они передают положительную оценку, однако если указанные прилагательные сочетаются с наречием 太 – тай (*слишком*), они содержат отрицательную оценку. 而当昔日的热情偶尔在她美丽丰满的身体里重新燃烧时, 她就显得格外富有魅力。(Букв.: «Иногда, когда прошлая страсть вновь горит в ее красивом и полном теле, она особенно очаровательна»). В нашем примере имеется прилагательные 美丽 – мэйли и 丰满 – фэнмань (*полный*), соотносящие физические и эстетические смыслы, передающие положительную оценку. Иероглиф 圆 – юань изображает форму, похожую на мяч (辞海 4: 2821), и прилагательные, включающие в себя иероглиф 圆 – юань, показывают полное тело женщины среднего возраста. Например, 圆润 – юаньжуй (*круглый*) часто употребляется для описания 饱满而润泽 (现代汉语实词搭配词典 1479), содержит положительную оценку. 难道他不想念春梅吗? 不想念她那年轻的、仍然圆润的身体? (Разве он не скучает по Чуньмэй? Не скучает по ее молодому, еще округлому телу?) В китайском языке прилагательное 圆润 – юаньжуй (*круглый*) указывает на полноту молодой женщины, в данном примере слово 圆润 – юаньжуй (*круглый*) обозначает нежное, полное тело.

Прилагательное 臃肿 – юнчжун (*раздутый*) указывает на человека, который слишком толстый и тяжелый, а его мышцы слабые, из-за этого он не может ловко двигаться. Например: 随后, 她吃力地举步, 移动着臃肿的身体向门口走去。(Букв.: «Затем она с трудом пошла, передвигая свое раздутое тело к две-

ри»). Тело в примере настолько тяжелое, что передвигаться получается с трудом. Прилагательное 臃肿 – юнчжун (*раздутый*) обозначает полную и тяжелую женщину, которой трудно выполнять какие-либо двигательные действия, и имеет отрицательную оценку. В китайском языке 发福 – фафу (*потолстевший*) является вежливым словом по отношению к толстому телу и передает одобрителное отношение к немолодому человеку, который уже стал толстым. Посмотрим пример: 初次见面的森冈孝文先生, 也许是由于发福的身体, 给人的第一印象是慈祥、憨厚 (Букв.: «Г-н Такафуми Мориока, которого я встретил первый раз, возможно, из-за потолстевшего тела он производит доброе и честное впечатление»). В контексте толстое тело вызывает хорошее впечатление, слово 发福 – фафу (*потолстевший*) вежливо описывает толстого и пожилого мужчину.

Рассмотрим прилагательные, относящиеся к объему тела, со значением «ниже нормы». Лексемы *истощенный* и *исхудалый* номинируют серьезное отклонение от нормы в сторону «ниже нормы». Причиной отклонения от нормы обычно выступает болезнь. Данное отклонение оценивается отрицательно. В руках, беспомощно лежавших вдоль исхудалого тела, появилась сила (В.А. Каверин. Открытая книга, 1949–1956). В контексте слова *беспомощно* и *исхудалого* обозначают человека, находящегося в плохом состоянии, прилагательное *исхудалый* выражает отрицательную оценку. Лексемы *костистый* и *костлявый* связаны с отсутствием необходимого количества мяса и жира, с появлением очертаний костей на человеческом теле, с объемом тела, значительно меньше нормального. Прилагательное *костистый* иногда передает положительную оценку: Я люблю глядеть на стариков с их сухими костистыми телами (Владимир Березин. Свидетель // Знамя, 1998). Лексема *тощий* характеризует слишком худого человека из-за недостатка мяса и жира и выражает отрицательную эстетическую оценку. Такая оценка основывается на внешней непривлекательности или неприятном ощущении: *Тощее тело, желтое, ставшее совсем тонким, как береста, скрючилось у ног палача* (А.П. Чапыгин. Разин Степан, 1927). Слова *тощее, желтое, тонким, береста* и *скрючилось* вместе описывают трагедию человека, через тело мы можем понять, что герой произведения находится в состоянии практически полного отсутствия физических сил.

Поджарый и *худощавый* также имеют значение «ниже нормы», но при этом содержат положительную оценку из-за того, что «объем тела удовлетворяет требованиям современной культурной нормы» [Урысон 2003: 1273]. Поджарый человек, как предполагается, – это человек жилистый, мускулистый, постоянно занимающийся спортом и ведущий правильный, здоровый образ жизни, атрибутивное сочетание ху-

дощавый человек имеет подобное значение. Прилагательные *поджарый* и *худощавый* выражают положительную оценку: *Юноша как-то странно дернул плечами, словно судорога пробежала по его мускулистому худощавому телу* (Александра Маринина. Светлый лик смерти, 1996). Оценочный компонент, имеющийся в этом примере, содержит характеристику силы, соответствующей указанным признакам тела. Хотя прилагательные *мускулистый* и *худощавый* имплицитно содержат описание и вызывают ассоциацию со здоровьем, они несут положительную оценку.

Прилагательное *сухой* сближается, прежде всего, с отсутствием в теле человека достаточного количества влаги, значение «ниже нормы» контаминируется обычно со значением «пожилой возраст»: *Однако глядя на её сухое тело, трудно было представить, что большая часть её дня проходила в окружении съестных припасов* (Н.Б. Черных. Слабые, сильные // Волга. 2015. Ч. 2). Аксиологическое значение словосочетания *сухое тело* представлено в языке сравнением в контексте и словами *трудно было представить*. Это значение входит в группу отрицательных рационалистических оценок. Прилагательное *худощавый*, как и *сухой*, имеет значение «ниже нормы» в силу того, что влага не сохраняется достаточно.

Лексема *тонкий* сигнализирует о достаточно большом отклонении в объеме тела от среднего из-за отсутствия мяса и жира, а также узких костей, чаще употребляется по отношению к молодому женскому телу и выражает положительную эстетическую оценку: *Несмотря на то, что я любил ее тогда очень сильно, ее тонкое тело доставляло мне острое удовольствие* (Эдуард Лимонов. Книга воды, 2002). Тонкое тело само по себе носит положительную эстетическую оценку, и здесь существительное *тело* относится к любимой девушке, тело которой доставляет большое удовольствие. Дескриптивное прилагательное *тонкое* содержит положительную оценку.

Прилагательное *худой* обозначает значительное уменьшение объема тела в силу отсутствия мяса и жира, из-за довольно большого отклонения от нормального содержит отрицательную оценку: *Худое тело изрисовано татуировками, будто синькой обрызгано* (Александр Титов. Путники в ночи // Волга. 2008). В контексте худое тело указывает на достаточно некрасивое тело человека и выражает отрицательное отношение. Лексема *худосочный* содержит большее, по сравнению с *худой* и *сухой*, отклонение объема тела в сторону уменьшения, оценка отрицательная. Прилагательное *сухопарый* имеет значение «ниже нормы», отклонение небольшое, связано с отсутствием достаточного количества мяса и жира тела у взрослых или пожилых людей: *Андрея поразило обилие наколок на его сухопаром теле* (Василий

Шукшин. Свояк Сергей Сергеевич, 1970–1974). Обилие наколок и сухопарое тело дают характеристику тела, свойственного мужчине. В основе мировидения русского народа лежит свое представление о человеке, имеющем обилие наколок, и прилагательное *сухопарый* содержит отрицательную оценку.

В китайском языке иероглиф 瘦 – шоу (*худой*) указывает на *слабые мышцы* (辞海 3: 2089), прилагательное 瘦 – шоу (*худой*) отмечает отклонение от нормы в сторону «ниже нормы», и причиной отклонения от нормы выступает недостаток жира и мяса. В современной китайской языковой картине мира для молодой женщины несерьезное отклонение от нормы в сторону «ниже нормы» обычно оценивается положительно. Приведем пример, где положительную эстетическую оценку передают прилагательные со значением «ниже нормы»: 苗条 – мяотяо (*тонкий*), 纤细 – сяньси (*тонкий*), которые обозначают тонкую женскую фигуру. Если 苗条 – мяотяо (*тонкий*), 纤细 – сяньси (*тонкий*) сочетаются с наречием 非常 (*очень*), то передается положительная оценка, однако если эти прилагательные сочетаются с наречием 太 – тай (*слишком*), оценка становится отрицательной. 那白杨树一般苗条的身体和暗影中显得更加美丽的脸庞深深地打动了他的心。(Букв.: «Тонкое, как береза, тело и более красивое в тени лицо глубоко тронуло его сердце»). По контексту женское тонкое тело подвергается положительной эстетической оценке, слово 苗条 – мяотяо (*тонкий*) рисует красоту стройной фигуры. В китайской языковой картине мира, как и в русской, вследствие отсутствия достаточного количества мышц и жира 骨 – гу (*кость*) часто употребляется для передачи объема тела, имеющего серьезное отклонение от нормы в сторону «ниже нормы», так как прилагательные 瘦骨嶙峋 – шоугулиньсюнь (*костлявый*), 瘦骨嶙嶙 – шоугулиньлинь (*костлявый*) и 瘦骨伶仃 – шоугулиндин (*костлявый*) описывают людей или животных, которые настолько худые, что даже видна форма их костей. 被凄苦的童年折磨得瘦骨伶仃的身体很快就支撑不住了。(Букв.: «Его костлявое тело, измученное несчастным детством, вскоре не выдержало этого»). Прилагательное 瘦骨伶仃 – шоугулиндин (*костлявый*) само по себе дает отрицательную оценку, и по контексту оно показывает слишком худое тело из-за страдания и беды.

Кроме того, в китайской языковой картине мира отсутствие воды в теле также может быть указанием на худобу, например прилагательное 干瘦 – ганшоу (*сухой, высохший*) характеризует худого и сухого человека вследствие недостатка воды, мышц и жира и во многих случаях выражает отрицательную оценку. Подобное значение имеется и у 干瘪 – ганьпе (*сухой*). 在最初的时候, 她大约给烂眼圈, 喝了什么药物, 因此, 他那干瘦的身体, 竟能够支撑一夜。(Букв.:

«Вначале она дала Ланьяньцюань какое-то лекарство, и он выпил, так что его сухое тело даже смогло выдержать всю ночь»). В данном примере прилагательное 干瘦 – ганшоу (*сухой*) указывает на сухое и худое тело больного человека, который при смерти характеризуется выдержанностью и смелостью.

Таким образом, в русском и китайском языках имеются своеобразные параметрические прилагательные, пословицы и поговорки, характеризующие тело человека по такому параметру, как объем. В то же время эти языковые средства раскрывают многогранную жизнь народа с его взглядом на понятия красоты и здоровья, счастья и горя. Несмотря на то, что объем тела человека как в русской, так и в китайской языковых картинах мира оценивается по степени отклонения от нормы, все же оценка параметров человека с точки зрения его объема в русской языковой картине мира отличается от китайской. Так, в русском языке большое количество мыщ обозначает физическую крепость, хорошее питание, что предполагает положительную коннотативную окраску, а круглая форма женского тела является негативной внешней характеристикой. В свою очередь, в китайском языке 肌肉男 (мускулистый мужчина) имеет отрицательную коннотативную окраску, а круглое и полное женское тело символизирует молодость, нежность и красоту. Уважение к пожилому человеку является традиционной ценностью, что можно увидеть при характеристике описания тела старого человека. Пословицы и поговорки наполняют русский и китайский языки своеобразными живыми образами, которые помогают характеризовать различные явления действительности, описывать внешность человека и т. п., делать речь более выразительной. Так, в русской языковой картине мира слова *мощи*, *глиста*, *тростинка* – это символы худого человека, а в китайском языке *бамбуковый шест*, *спичка* и *обезьяна* – символы худобы. В русском языке *бочка* и *бревно* можно употреблять для описания полного человека, а в китайском для этого служат слова 猪 (*свинья*) и 墩子 (*лени*). Коннотативные прилагательные, пословицы и поговорки как языковые средства помогают выразить при описании человека отдельные черты мировоззрения того или иного народа.

Список литературы

Ивин А.А. Теория аргументации: учеб. пособие для вузов. Москва: Гардарики, 2000. 414 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Арутюновой, И. Челышевой. Москва: Книжный дом «Либроком», 2014. 284 с.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.

Роль человеческого фактора в языке / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. Москва: Наука, 1988. 216 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: ЧеРо, 2003. 349 с.

Бесперстных А.П. Фразеологический словарь языка Игоря Григорьева. Санкт-Петербург: [б. и.], 2016. 340 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: АСТ, 2018. 736 с.

Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 229 с.

Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник: ИРЯ РАН, 2014. 674 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.

Урысон Е.В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / под ред. Н.Д. Арутюновой. Москва: Индрик, 2004. 486 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04. 2022).

CCL 北京大学汉语语料库 Center for Chinese Linguistics PKU (ККЯПУ – Корпус китайского языка Пекинского университета). URL: <http://www.aihanu.org> (дата обращения: 01.04.2022).

张寿康 林杏光 现代汉语实词搭配词典, 北京, 商务印书馆, 2002.1479页. (Современный китайский Словарь словосочетаний реальных слов. Пекин: Коммерческая пресса, 2002. 1479 с.)

夏征农 辞海 第四册, 上海, 上海辞书出版社, 2009年. 2821页. (Цихай. Т. 4. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2009. 2821 с.)

顾柏林 汉俄大辞典 上海 上海外语教育出版社 2009. 2877页

董大年 现代汉语分类大词典 上海 上海辞书出版社 2007. 1434页

石斌 同义词反义词近义词组造句词典 呼和浩特内蒙古大学出版社 2006. 938 с.

苏新春 现代汉语分类词典/苏新春主编.-北京: 商务印书馆 2013. 827 с.

References

Ivin A.A. *Teoriya argumentacii: ucheb. posobie dlya vuzov* [Theory of argumentation. Textbook for universities]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, 414 p. (In Russ.)

Wolf E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation], introduction by N. Aru-

tyunova, I. Chelysheva. Moscow, Librocom Publ., 2014, 284 p. (In Russ.)

Goncharova N.N. *Yazykovaya kartina mira kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya* [The linguistic picture of the world as an object of linguistic description]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities], 2012, No 2, pp. 396–405. (In Russ.)

Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke [The role of the human factor in language], B.A. Serebrennikov, E.S. Kubryakova, V.I. Postovalova et al. Moscow, Nauka Publ., 1988, 216 p. (In Russ.)

Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov* [Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities]. Moscow, CHeRo Publ., 2003, 349 p. (In Russ.)

Besperstyh A.P. *Frazeologicheskij slovar' yazyka Igorya Grigor'eva* [The Phraseological Dictionary of the Language of Igor Grigoriev]. St. Petersburg, 2016, 343 p. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow, ZAO "OLMA Media Group" Publ., 2007, 784 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow, AST Publ., 2018, 736 p.

Rybnikova M.A. *Russkie posloviцы i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of USSR, 1961, 229 p. (In Russ.)

Russkij semanticheskij slovar': Tolkovyj slovar' sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij. T. 1 [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings. Vol. 1], ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., IRYA RAN Publ., 2014, 674 p. (In Russ.)

Teliya V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [Connotative aspect of the seman-

tics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russ.)

Uryson E.V. *Esteticheskaya ocenka tela cheloveka v russkom yazyke* [Esthetic assessment of the human body in the Russian language]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki estetiki: konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and ugly], ed. by N.D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2004, 486 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscpora.ru> (access date: 01.04. 2022). (In Russ.)

CCL – The Center for Chinese Linguistics PKU. URL: <http://www.aihanyu.org> (access date: 01.04.2022). (In Chinese)

Zhang Linguang *Modern Chinese Dictionary of Phrases of Real Words*. Beijing, Commercial Press, 2002, 1479 p. (In Chinese)

Xia Zhengnong Qihai. Vol. 4. Shanghai, Shanghai Dictionary Publishing House, 2009, 2821 p. (In Chinese)

Gu Berlin *Chinese and Russian Dictionary Shanghai Shanghai Foreign Language Education Publishing House*, 2009, 2877 p. (In Chinese)

Dong Dalian *Modern Chinese Classification Dictionary Shanghai Dictionary Publishing House*, 2007, 1434 p. (In Chinese)

Shi Bin *Dictionary of synonyms, antonyms, near-synonyms, phrases and sentences Huhehaote Inner Mongolia University Press*, 2006, 938 p. (In Chinese)

Su Xinchun *Modern Chinese classification dictionary*, ed. by Su Xinchun. Beijing, Commercial Press, 2013, 827 p. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 05.10.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 05.10.2022.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 208–213. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 208–213. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 34

EDN TSRFPA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-208-213>

ПОДГОТОВКА ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА В СССР (НА ПРИМЕРЕ ГОРЬКОВСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Безносова Яна Викторовна, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Аннотация. Проблема обеспечения государственных и негосударственных органов и структур квалифицированными юридическими кадрами никогда не теряет своей актуальности. Общественно-политические условия жизни меняются, и порой существующие образовательные институты оказываются не в состоянии удовлетворить вновь возникающие общественные потребности. Так произошло и в СССР, перед которым в 1930-е гг. остро встала проблема быстрого укомплектования органов юстиции значительным числом квалифицированных юридических кадров. Поставленная задача не могла быть решена силами высших учебных заведений, поэтому в институциональной структуре советского образования появилось новое звено – юридическая школа, призванная в сжатые сроки подготовить работников юстиции среднего звена (районных прокуроров, следователей, народных судей, судебных исполнителей и др.). Настоящая статья посвящена организации и деятельности юридической школы на примере Горьковской юридической школы, описываются трудности, с которыми она сталкивалась в процессе своего функционирования, а также отмечаются её успехи и достижения. Источниковую базу исследования составляют впервые вводимые в научный оборот архивные материалы Центрального архива Нижегородской области, а также исследования, проведённые отечественными учёными, занимающимися проблемами становления и развития юридического образования в советское время.

Ключевые слова: юридическое образование, юридические курсы, правовая школа, юридическая школа, Горьковская юридическая школа, среднее юридическое образование, районные прокуроры, народные судьи, судебные исполнители, следователи.

Для цитирования: Безносова Я.В. Подготовка юридических кадров среднего звена в СССР (на примере Горьковской юридической школы) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 208–213. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-208-213>

Research Article

TRAINING OF MIDDLE-LEVEL LEGAL SPECIALISTS IN THE USSR (IN TERMS OF GORKY LAW SCHOOL)

Yana V. Beznosova, Candidate of Jural Sciences, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Abstract. The problem of providing state and non-state bodies and structures with qualified legal specialists never loses its topicality. Socio-political conditions of life do change, and sometimes existing educational institutions appear to be unable to meet the newly emerging social needs. This also happened in the USSR, which in the 1930s faced the acute problem of quickly staffing the judicial authorities with a significant number of qualified legal personnel. The task could not be solved by the forces of higher educational institutions; therefore, a new link appeared in the institutional structure of Soviet education – a law school designed to train middle-level justice workers (district prosecutors, investigators, people’s judges, law enforcement officers, etc.) in a short time. This article is devoted to the organisation and activities of the law school on the example of Gorky law school, we describe the difficulties the said school faced in the course of its functioning, and we also note its successes and achievements. The source base of the research consists of archival materials of the Central Archive of Nizhny Novgorod Region, which have been for the first time introduced into scientific circulation, as well as studies conducted by Russian scientists dealing with the problems of the formation and development of legal education in Soviet times.

Keywords: legal education, law courses, law school, law school, Gorky law school, secondary legal education, district prosecutors, people’s judges, law enforcement officers, investigators.

For citation: Beznosova Y.V. Training of middle-level legal specialists in the USSR (in terms of Gorky law school). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 208–213 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-208-213>

Эффективное функционирование правоохранительных органов в государстве немыслимо без квалифицированных юридических кадров. Необходимость получения правовой подготовки работниками суда, прокуратуры, следствия особенно остро возникла в СССР в 1930-е гг. По мнению исследователей И.И. Олейник и О.Ю. Олейника, причин создавшейся ситуации было несколько: во-первых, потребность в кадрах, «которые по своему образовательному уровню соответствовали бы задачам развернувшегося в ходе первых пятилеток социалистического строительства, а также могли более квалифицированно реализовывать директивы руководства страны в сфере юстиции» [Олейник И.И., Олейник О.Ю.: 92]; во-вторых, централизация самих органов юстиции и усложнявшиеся требования к делопроизводству; и в-третьих, «возрастание роли позитивного права и связанной с этим необходимостью для работников юстиции профессионально разбираться в его нормах» [Олейник И.И., Олейник О.Ю.: 92].

Ведущую роль в деле подготовки работников юстиции среднего звена в Советском Союзе играла правовая (позднее – юридическая) школа. Начало среднему специальному юридическому образованию в рамках правовых школ было положено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования»¹. Указанным постановлением предусматривалось создание сети правовых школ в целях «подготовки и переподготовки правовых работников районов (районные прокуроры, следователи, народные судьи и т. д.)»². Организуемые школы должны были находиться в ведении народных комиссариатов юстиции союзных республик. Срок обучения в школах устанавливался в один год (в Таджикской и Туркменской ССР – 2 года), а на курсах переподготовки – в 6 месяцев (в упомянутых выше республиках – 1 год). В 1935 г. было принято решение организовать 31 правовую школу, обеспечив приём в 1 300 человек. Приём на 6-месячные правовые курсы должен был составить 1 750 человек.

В 1935 г. соответствующая правовая школа начала свою работу в г. Горьком Горьковской области. Однако, как свидетельствуют архивные источники, подготовка юридических кадров среднего звена в г. Горьком велась ещё с 1 января 1932 г. в рамках годичных Краевых юридических курсов³, которые были предназначены для подготовки районных работников юстиции (народных судей, следователей, судебных исполнителей, секретарей народных судов и др.).

В Центральном архиве Нижегородской области сохранились сведения о количестве учащихся уча-

занных курсов в 1934 г. В соответствующем документе сообщается о том, что в 1934 г. курсы окончили 72 человека, из них 10 человек были аттестованы народными судьями, 11 – судебными исполнителями, 24 – народными следователями, 1 человек получил квалификацию секретаря, в органы ИТУ был направлен 21 человек, в ЧКЗ – 4 человека и 1 человек выпущен без назначения⁴.

31 декабря 1934 г. курсы прекратили свою работу, и на их базе в 1935 г. была открыта Горьковская правовая школа НКЮ РСФСР.

Согласно архивным источникам, в 1935 г. Горьковскую годичную правовую школу окончили 86 человек, в 1936 г. – 110 человек, в 1937 г. выпускниками стали 102 человека, которые были направлены на работу народными судьями, районными прокурорами, судебными исполнителями, народными следователями, нотариальными работниками, секретарями суда, в органы ИТУ, в ЧКЗ, НКЮ.

С 1935 г. при Горьковской правовой школе Наркоматом юстиции РСФСР были организованы 6-месячные курсы по переподготовке работников юстиции, по итогам которых состоялся выпуск судей, следователей и прокуроров. На базе правовой школы функционировали также 3-месячные курсы судебных исполнителей, 2-месячные курсы секретарей и курсы для нотариальных работников⁵.

Учебный план Горьковской годичной правовой школы на 1935/36 учебный год предусматривал изучение следующих дисциплин: ленинизм, госустройство СССР по советской Конституции, уголовная и исправительно-трудовая политика, хозяйственное и гражданское право (включая жилищное, семейное, основы земельного и трудового права), судостроительство и уголовный процесс, гражданский процесс, методика и техника расследования преступлений, судебная медицина и психиатрия, математика и статистика, русский язык, география. Учебный план 6-месячных юридических курсов по переподготовке практических работников юстиции на 1935/36 учебный год содержал те же предметы, но в меньшем количестве учебных часов⁶.

Преподавателями Горьковской правовой школы были практические работники юстиции, которым не всегда удавалось совмещать занятость по основному месту работы с преподаванием, следствием чего являлись частые срывы занятий и их вынужденные замены. Об этих негативных фактах сообщается в протоколе заседания учебного совета Горьковской правовой школы от 10 апреля 1936 г.⁷

Интересно в этой связи содержание заявления об увольнении преподавателя хозяйственного права

И.М. Алексеева, где он, ссылаясь на высокую загруженность по основному месту работы, а также на высокое значение вверенного ему предмета, просит освободить его от должности преподавателя⁸.

Кроме того, в упомянутом выше протоколе отмечается такой недостаток в работе преподавателей, как «сухость в преподавании», которая выражалась в отсутствии в лекциях живых примеров из практики. Причиной низкого качества лекций являлся неудовлетворительно организованный контроль за преподавателями и методикой преподавания со стороны предметно-цикловых комиссий⁹.

Контингент учащихся Горьковской правовой школы по состоянию на 1 декабря 1937 г. был представлен рабочими (21 человек), крестьянами-колхозниками (4 человека), служащими (52 человека), демобилизованными из Красной армии (25 человек), среди них 18 женщин¹⁰.

Следует отметить низкий уровень общеобразовательной подготовки учащихся Горьковской правовой школы. Как сообщается в протоколе № 1 заседания цикловой комиссии по общеобразовательным предметам от 23 января 1936 г., 33 человека были признаны отстающими по русскому языку, 24 – по математике¹¹.

Повысить качество учебы, учебно-методической и административной работы были призваны периодически проводимые социалистические соревнования между слушателями, преподавателями и администрациями различных правовых школ. Стороны, участвующие в социалистическом соревновании, заключали договор, на основании которого брали на себя обязательства по качеству преподавания и самостоятельной работы обучающихся, общественно-политической работе, работе учебного совета и др. Так, в Договоре социалистического соревнования, заключенном между Горьковской правовой школой и Ивановской областной школой на 1936 учебный год, формулировалась следующая цель данного мероприятия: «Политические задачи, возлагаемые партией и правительством на органы советской юстиции в борьбе с остатками классовых врагов, за укрепление революционной – социалистической законности, в борьбе за охрану основы советского строя – социалистической собственности и за социалистическое воспитание трудящихся масс, – требуют от работников юстиции высокой классовой бдительности, партийно-политической выдержанности и вооруженности Марксо-Ленинской-Сталинской теорией. В этих условиях решающее значение приобретает большевицкая борьба за подготовку и переподготовку кадров советской юстиции»¹².

Во исполнение приказа НКЮ РСФСР № 9 от 15 января 1940 г. Горьковская правовая школа с 25 января 1940 г. была переименована в Горьковскую юридическую школу¹³.

В годы Великой Отечественной войны многие юридические школы по всей стране были вынужденно закрыты. Как сообщается в «Докладной записке о работе юридических школ за 1941/1942 уч. г.», за указанный период войны было закрыто 18 из 37 функционировавших на тот момент юридических школ, в том числе Курская, Смоленская, Махачкалинская, Чебоксарская и другие. Среди них также находились Ереванская, Тбилисская, Ростовская и Сталинградская юридические школы, которые возобновляли свою работу на некоторое время, а затем вновь были закрыты¹⁴.

Однако, несмотря на указанную тенденцию, Горьковская юридическая школа продолжала работать в штатном режиме. Как сообщается в отчете о деятельности Горьковской юридической школы за 1941/42 учебный год¹⁵, по состоянию на 20 сентября 1941 г. в школе проходили обучение 90 человек, из них 28 мужчин и 62 женщины. Срок обучения был увеличен до двух лет¹⁶. В отчете о деятельности Горьковской юридической школы за 1942/43 учебный год¹⁷ указывается, что в 1942 г. к занятиям приступили 82 человека, 14 человек были отчислены по разным причинам, среди которых названы вызов в ряды РККА, перевод в другие юридические школы, исключение за систематические пропуски занятий без уважительных причин и за неудовлетворительную сдачу зимней сессии.

В отчете содержатся сведения о том, что в школе некоторое время обучались дети известных горьковских адвокатов – членов Президиума Горьковской коллегии адвокатов – С.Д. Генкина и Б.З. Хейфеца, которые, однако, в 1942/43 гг. отчислились из юридической школы и перевелись на 6-месячные курсы для адвокатов.

Из содержания указанного отчета следует, что в 1942/43 учебном году успешно сдали выпускные экзамены и были выпущены 17 человек. По состоянию на конец учебного года в школе обучался 51 человек.

Учебным планом 1942/43 учебного года было предусмотрено изучение следующих дисциплин: русский язык и литература, основы марксизма-ленинизма, введение в теорию государства и права, история государства и права СССР, государственное право, административное право, гражданское право, гражданский процесс, трудовое право, колхозное и земельное право, уголовное право, уголовный процесс, судебная статистика, судостроительство, основы бухгалтерского учета, военная и физическая подготовка¹⁸.

Изучение упомянутого отчета позволяет сделать вывод о том, что в данный период был довольно высоким уровень подготовки преподавательского состава. Так, по состоянию на 1942/43 учебный год 10 из 14 лекторов Горьковской юридической школы име-

ли высшее образование, из них один являлся кандидатом юридических наук, двое имели ученое звание профессора и такое же количество преподавателей – звание доцента. Вместе с тем большинство профессорско-преподавательского состава работало в школе по совместительству, являясь практическими работниками. В отчете отмечалось, что данное обстоятельство «создает большую напряженность в ведении учебного процесса в школе, ввиду того, что школа нередко ставится перед фактом срочного выезда преподавателей в командировки»¹⁹.

Учащиеся Горьковской юридической школы проявляли свою заинтересованность в более глубоком изучении отдельных предметов, в связи с чем в школе были открыты научные кружки по теории государства и права, судоустройству, цивилистическим и криминалистическим дисциплинам, а также была проведена первая научно-теоретическая конференция среди слушателей школы по вопросам государства и права в условиях Великой Отечественной войны (темы выступлений: «Борьба со спекуляцией в военное время», «Законодательство военного времени, направленное на укрепление трудовой дисциплины в колхозах», «Забота партии и правительства о военнослужащих и их семьях», «Воспитание дисциплины труда рабочих и служащих в военное время», «Хищение продуктовых и промышленных товаров и злоупотребление продовольственными карточками»).

В отчете за 1944/45 учебный год²⁰ отмечается трудная ситуация с обеспечением школы помещениями: «В распоряжении школы имеется 2 этажных здания общей площадью 996 кв. м: одно для учебных целей, а второе под общежитие. Однако школа фактически использует всего 172 кв. м. Остальная часть здания занята служебными помещениями и заселена частными лицами, вселенными сюда по решению Горисполкома как семьи эвакуированных работников Наркомата судостроительной промышленности, которые при эвакуации наркомата в Москву были оставлены на постоянную работу в г. Горьком. Фактически есть 4 учебных аудитории, не приспособленные для нормального проведения занятий. В них 4 года не проводился ремонт. Обвалилась штукатурка и прогнили перекрытия»²¹.

Попытка решить указанную проблему была предпринята в 1947 г., о чём сообщается в соответствующем отчете о деятельности Горьковской юридической школы за 1947/48 учебный год²²: Горьковским исполкомом горсовета для нужд школы было выделено новое здание, которое располагалось по адресу: ул. Минина, д. 26. Однако данное помещение оказалось не приспособленным для учебы. «Сырое, неудобное, небольшое по площади», – именно так описывает новое здание составитель отчета. Площадь

выделенного помещения была равна всего 201 кв. м, в силу чего приходилось проводить занятия в 2 смены. Школа не имела своего общежития, учащиеся размещались на частных квартирах, уплачивая по 100–150 руб. в месяц.

Несмотря на указанные трудности, показатели работы Горьковской юридической школы в послевоенные годы были довольно высокими. Как следует из отчета о работе школы за 1947/48 учебный год, был полностью укомплектован преподавательский состав школы. 7 человек числились штатными сотрудниками (из них трое обучались в аспирантуре, готовя к защите диссертации), остальные работали по совместительству.

Из положительных сторон в работе школы в отчетный период указывалось на полное выполнение учебного плана и программы производственной практики, обеспеченность учащихся всей необходимой учебной литературой²³. Отмечалась высокая успеваемость студентов – 97–98 %.

Предметно-цикловые комиссии, как и прежде, проводили систематические проверки качества преподавания. Директор и преподаватели школы осуществляли взаимное посещение лекций и семинарских занятий. Лекции стенографировались и отправлялись в Управление учебных заведений НКЮ РСФСР на рецензирование. Полученные от НКЮ РСФСР рецензии обсуждались на заседаниях цикловых комиссий.

В послевоенные годы в Горьковской юридической школе продолжали успешно функционировать научные кружки. Так, на заседаниях криминалистического кружка были заслушаны доклады по таким темам, как «Особенности расследования убийств с расчленением трупов», «Учение о соучастии», «Нюрнбергский процесс и устав международного трибунала ООН». Участниками кружка марксизма-ленинизма было подготовлено 5 докладов по работе И.В. Сталина «Анархизм или социализм». Учащиеся, занимающиеся в кружке по цивилистическим дисциплинам, обсуждали заключения прокурора по различным искам.

Значительное внимание в Горьковской юридической школе отводилось политико-воспитательной работе, причем как среди учащихся, так и среди преподавателей. В отчетном году состоялась теоретическая конференция преподавателей на тему «100 лет Манифеста коммунистической партии». Преподаватели посещали лекции и семинары, организуемые райкомом и горкомом ВКП(б). Для достижения целей политико-воспитательной работы среди студентов им было прочитано 15 лекций высококвалифицированными докторами и доцентами Горьковских институтов. В каждой группе работали агитаторы, еженедельно проводя политико-воспитательные беседы.

В отчете о деятельности Горьковской юридической школы за 1949/50 учебный год²⁴ отмечается значительный вклад школы в обеспечение связи теории с практикой. Преподавателями школы был прочитан ряд лекций работникам юстиции. Так, перед народными заседателями были зачитаны доклады на темы «Основные принципы советского гражданского процесса», «Советский суд в борьбе за укрепление семьи», «Принципы советского уголовного процесса», «Права и обязанности народных заседателей», перед народными судьями и членами областного суда – доклад по «Основам трудового законодательства СССР». Как указывается в отчете, «все лекции были прослушаны с большим вниманием и вызвали много вопросов». Работа по обеспечению взаимодействия теории и практики выразилась также в оказании преподавателями юридической школы помощи облсуду в обобщении судебной практики по отдельным категориям гражданских дел.

В 1950-е гг. в стране наметилась тенденция к сокращению числа правовых школ, связанная отчасти с критикой их работы, отчасти с невыполнением плана подготовки кадров, что впоследствии привело к их полному упразднению [Кодинцев 2017: 157]. Так, постановлением Совета министров РСФСР от 6 ноября 1951 г. с нового учебного года был прекращен прием на заочные отделения юридических школ РСФСР [Кодинцев 2010: 91]. В соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 22 января 1952 г. с 1952 г. прекращался прием учащихся в Куйбышевской, Новосибирской, Киевской, Одесской и ряде других школ. Правительство предлагало организовать на их базе 3-месячные курсы переподготовки для судебных исполнителей и секретарей народных судов. По данным, приводимым профессором А.Я. Кодинцевым, если в 1952 г. в СССР действовало 29 юридических школ, то в 1953–1954 гг. их осталось только 18, причем в подавляющем большинстве из них не был выполнен план набора на новый учебный год. В 1954 г. был прекращен прием ещё в 11 юридических школ, а в 1956 г. состоялось их полное закрытие по стране [Кодинцев 2015: 156].

Во исполнение распоряжения Совета министров СССР от 22 января 1952 г. прекратила приём учащихся и Горьковская юридическая школа. На её базе были открыты 3-месячные курсы по переподготовке судебных исполнителей и секретарей народных судов, которые функционировали до 1958 г.

Таким образом, почти за 20 лет существования Горьковская юридическая школа, в отличие от ряда других правовых школ Советского Союза, зарекомендовала себя с положительной стороны. Несмотря на ряд трудностей, с которыми ей приходилось сталкиваться в процессе функционирования, она успешно сочетала учебную работу со внеучебными (научными

и воспитательными) видами деятельности, что способствовало выполнению поставленных перед ней советским социалистическим государством задач.

Примечания

¹ О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования: Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. // СУ СССР. 1935. № 13. Ст. 99.

² О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования: Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. // СУ СССР. 1935. № 13. Ст. 99.

³ Приказы по Горьковской юридической школе за 1932 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2370. Оп. 3. Д. 1.

⁴ Сведения о составе учащихся правовой школы и курсов переподготовки за 1934–1937 год включительно // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁵ Сведения о составе учащихся правовой школы и курсов переподготовки за 1934–1937 год включительно // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 – 11 об., 12.

⁶ Учебный план годовых Правовых школ подготовки работников юстиции на 1935/36 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Учебный план юридических курсов НКЮ по переподготовке практических работников юстиции с отрывом от производства на 1935/36 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

⁷ Протокол № 1 заседания Учебного совета от 10 апреля 1936 г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁸ Заявление Директору Горьковской правовой школы от преподавателя школы И.М. Алексева // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

⁹ Протокол № 1 заседания Учебного совета от 10 апреля 1936 г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.

¹⁰ Сводка о числе и составе учащихся Юридической школы в г. Горький на 1-е декабря 1937 г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

¹¹ Протокол № 1 заседания цикловой комиссии по общеобразовательным предметам от 23 января 1936 г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

¹² Договор социалистического соревнования по повышению качества учебы, заключенный между Горьковской правовой школой и Ивановской областной школой на 1936 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 3. Л. 401.

¹³ Приказ по Горьковской юридической школе от 25 января 1940 г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 3. Д. 16. Л. 50.

¹⁴ Докладная записка о работе юридических школ за 1941/1942 уч. г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2166. Л. 26.

¹⁵ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1941/42 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 41.

¹⁶ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1941/42 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.

¹⁷ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1942/43 учебный год // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 45.

¹⁸ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1942/43 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

¹⁹ Сведения о преподавательском составе Горьковской юридической школы в 1942/43 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 34. Л. 60, 68.

²⁰ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1944/45 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 48.

²¹ Отчет о деятельности Горьковской юридической школы за 1944/45 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

²² Отчет о работе Горьковской юридической школы за 1947/1948 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 71.

²³ Отчет о работе Горьковской юридической школы за 1947/1948 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 71. Л. 12, 13.

²⁴ Отчет о работе Горьковской юридической школы за 1949/1950 уч. г. // ЦАНО. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 71.

Список литературы

Кодинцев А.Я. Юридическое образование в СССР в середине 50-х годов XX века // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 2 (22). С. 90–93.

Кодинцев А.Я. Среднее юридическое образование в СССР в 1941–1956 гг. // Право и образование. 2015. № 7. С. 147–157.

Кодинцев А.Я. Среднее заочное юридическое образование в СССР в 30–50-е годы XX века // Право и образование. 2017. № 4. С. 147–158.

Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2005. № 2. С. 81–92.

References

Kodintsev A.Ia. *Iuridicheskoe obrazovanie v SSSR v serepine 50-kh godov XX veka* [Legal education in the USSR in the mid-50s of the twentieth century]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, 2010, № 2 (22), pp. 90–93. (In Russ.)

Kodintsev A.Ia. *Srednee iuridicheskoe obrazovanie v SSSR v 1941–1956 gg.* [Secondary legal education in the USSR in 1941–1956]. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2015, № 7, pp. 147–157. (In Russ.)

Kodintsev A.Ia. *Srednee zaocnoe iuridicheskoe obrazovanie v SSSR v 30–50-e gody XX veka* [Secondary extramural legal education in the USSR in the 30–50s of the twentieth century]. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2017, № 4, pp. 147–158. (In Russ.)

Oleinik I.I., Oleinik O.Iu. *Stanovlenie sistemy podgotovki iuridicheskikh kadrov v sovetskoj Rossii* [Formation of the system of legal personnel training in Soviet Russia]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*, 2005, № 2, pp. 81–92. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДА И ПРОКУРОРА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Кобзарев Фёдор Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kobzarfm@yandex.ru

Кобзарев Павел Фёдорович, соискатель Российской академии адвокатуры и нотариата, Москва, Россия, fox3.2010@mail.ru

Аннотация. Исходя из общности правозащитных целей суда и прокурора по достижению назначения уголовного судопроизводства и взаимосвязи их полномочий в досудебных стадиях, в статье рассматриваются содержание и особенности процессуального взаимодействия этих участников в процессе доказывания. В качестве примера подобного взаимодействия на основе анализа порядка рассмотрения судом жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ обращается внимание на существо участия в доказывании по таким делам суда и прокурора, правовые и правоприменительные проблемы реализации ими полномочий и предлагаются различные варианты их решения. При этом указывается на важность обеспечения правильного сочетания контрольных и надзорных полномочий этих участников уголовного процесса, а также, учитывая содержание обновленного в 2022 году постановления Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемой категории материалов, обосновывается необходимость более четкого законодательного определения пределов доказывания, повышения активности суда в доказательной деятельности. Кроме того, уточняются направления совершенствования порядка рассмотрения подобных жалоб, потребности обязательности соблюдения последовательности приема их к рассмотрению. В исследовании использовались общие научные методы и частнонаучные методы. В качестве выводов предлагается внести ряд дополнений в уголовно-процессуальный закон, в том числе в ст. 37 УПК РФ и другие нормы.

Ключевые слова: процессуальное взаимодействие суда и прокурора, досудебные стадии, доказывание, рассмотрение жалоб, пределы доказывания, последовательность рассмотрения жалоб.

Для цитирования: Кобзарев Ф.М., Кобзарев П.Ф. Особенности взаимодействия суда и прокурора в процессе доказывания в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 214–219. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-214-219>

Research Article

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN THE COURT AND THE PROSECUTOR IN THE PROCESS OF PROOF DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

Fiodor M. Kobzarev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kobzarfm@mail.ru

Pavel F. Kobzarev, applicant of the Russian Academy of Advocacy and Notary Arts, Moscow, Russia, fox3.2010@mail.ru

Abstract. Proceeding from the common human rights goals of the court and the prosecutor to achieve the appointment of criminal proceedings and the relationship of their powers in the pre-trial stages, the article discusses the content and features of the procedural interaction of these participants in the process of evidence. As an example, on the basis of an analysis of the procedure for consideration by the court of complaints in accordance with Article 125 of the Russian Code of Criminal Procedure, attention is drawn to the essence of the participation in evidence in such cases of the court and the prosecutor; the legal and law enforcement problems of the exercise of their powers and various options for their solution are proposed. At the same time, the importance of ensuring the correct combination of control and supervisory powers of these participants in the criminal process is indicated; moreover, taking into account the content of the resolution of the Plenum of the Supreme Russian Federation on the category of materials updated in 2022, the need for a clearer legislative definition of the limits of evidence, increasing the assets, is justified. In addition, the directions of improving the procedure for considering such complaints, the need to comply with the sequence of their reception for consideration are specified. The study used general scientific methods (analysis, deduction) and private scientific methods (formal-logical, comparative jurisprudence, etc.). As conclusions, it is proposed to make a number of additions to the criminal procedure law, including Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and other norms.

Keywords: court's and prosecutor's procedural interaction, pre-trial stages, evidence, consideration of complaints, limits of evidence, sequence of complaint consideration.

For citation: Kobzarev P.F., Kobzarev F.M. Features of interaction between the court and the prosecutor in the process of proof during pre-trial proceedings in a criminal case. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 214–219 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-214-219>

Одним из дискуссионных вопросов в теории уголовного процесса является наличие противоположных мнений по поводу определения суда и прокурора в качестве субъектов доказывания в досудебных стадиях, и особенно при производстве предварительного следствия.

Как известно, суд и прокурор в досудебном производстве самостоятельно фактически не осуществляют уголовно-процессуальные действия, состоящие в собирании, закреплении и проверке доказательств по уголовным делам. Исходя из существа основных процессуальных полномочий суда по осуществлению судебного контроля, а прокурора – надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, их участие в доказывании по уголовным делам при производстве предварительного расследования состоит преимущественно в исследовании, изучении и оценке доказательств.

Поэтому, очевидно, именно в этом качестве суд и особенно прокурор [Спицын] могут быть отнесены к субъектам доказывания в досудебном производстве в целом и в частности при осуществлении предварительного следствия. При этом определенная схожесть характера, взаимосвязь и взаимообусловленность контрольных и надзорных полномочий этих участников уголовного судопроизводства нацеливает их на взаимные контакты, на взаимодействие [Голоиков; Францифоров, Соловьева, Шинкарчук].

В свою очередь, основой такого взаимодействия выступает общность целей, назначения уголовного судопроизводства, состоящих в обеспечении защиты прав и законных интересов лиц и организаций, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, в принятии законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений государственно-властными участниками уголовного судопроизводства. Малоубедительными являются высказывания отдельных ученых о том, что объем прокурорского надзора в досудебном производстве необходимо уменьшить, он «мешает» суду и следователю, ограничивает полномочия не только следователя, но и суда по осуществлению полноценного судебного контроля [Багмет; Цветков]. Тем более что важнейшей задачей прокурора в процессе взаимодействия с судом является содействие суду в принятии правосудных решений по материалам проверки и уголовному делу.

По отношению к прокуратуре будем исходить из того, что надзор – это одна из базовых функций прокурора (в соответствии со ст. 129 обновленной

Конституции РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»), а судебный контроль – одна из дополнительных судебных функций (форма осуществления правосудия) в уголовном процессе. Сочетание этих контрольно-надзорных функций и дополнение их функцией процессуального ведомственного контроля, по мнению многих исследователей, выступает важной гарантией обеспечения защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства. В полной мере это относится и к доказательственной деятельности этих участников уголовного процесса при рассмотрении судом материалов уголовного дела в досудебном производстве.

Общепринято в числе материалов уголовного дела¹, рассматриваемых судом в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, выделять 3 основных их вида, непосредственно связанных с уголовно-процессуальной деятельностью суда. Это материалы по применению судом мер пресечения и иных мер процессуального принуждения (ст. 97–115.1 УПК РФ), по судебному порядку рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) и получения разрешения на производство следственных действий (ст. 165 УПК РФ).

Рассмотрение судом всех перечисленных видов материалов осуществляется, как правило, с участием прокурора в судебном заседании², которое и является основной формой процессуального взаимодействия суда и прокурора, содержание которого составляют в первую очередь их процессуальные отношения, складывающиеся в результате реализации предоставленных им законом полномочий и в пределах установленной для них компетенции. При этом именно в судебном заседании в условиях непосредственности, устности, состязательности исследуются доказательства, сведения, посредством которых устанавливаются фактические обстоятельства дела, основания и условия совершения следственных и иных действий (бездействия), проверяются законность и обоснованность вынесенных решений государственно-властными участниками уголовного процесса и обеспечивается принятие правосудных промежуточных решений суда.

Однако действующим уголовно-процессуальным законом в этих судебных ситуациях не регламентированы порядок исследования доказательств, правила рассмотрения материалов, представленных участниками судебного заседания, нет обязательных

предписаний даже отсылочного (к примеру, в гл. 37 УПК РФ) характера, не указаны полномочия суда по изучению в судебном заседании сведений, имеющих доказательственное значение [Никитина]. Также четко не определены полномочия участников заседания, в том числе прокурора в судебном заседании по участию в доказывании, по представлению дополнительных материалов, а также не определены его обязанности по доказыванию, в частности законности и обоснованности обжалуемых процессуальных решений.

Вместе с тем существо процессуального взаимодействия суда и прокурора по участию в доказывании в досудебных стадиях, по нашему мнению, состоит в следующем.

Для прокурора, так же как и для суда, в зависимости от судебной ситуации при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства (за исключением проверки законности и обоснованности действий (бездействия) и решений самого прокурора) должен определяться *общий и единый предмет доказывания* по установлению фактических обстоятельств дела, по проверке законности и обоснованности следственных и иных действий, по определению оснований и условий их совершения и других обстоятельств. При этом, помимо доказывания наличия оснований и условий избрания такой меры пресечения, как содержание под стражей и иных мер пресечения [Кобзарев], существует потребность определения предмета доказывания, который фактически является общим для прокурора и суда и по другим видам материалов уголовного дела, рассматриваемым судом в порядке судебного контроля.

Исходя из этого, обратимся к судебному порядку рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 этой нормы в качестве предмета доказывания определены законность и обоснованность действий (бездействия) и решений государственных органов и их должностных лиц, осуществляющих проверки сообщений о преступлениях и расследование преступлений или контроль, надзор за процессуальной деятельностью этих субъектов. Соответственно, этот предмет доказывания, обстоятельства, подлежащие установлению, непосредственно связаны с предметом обжалования.

При подготовке и проведении судебного заседания, в процессе которого и осуществляется проверка законности и обоснованности действий (бездействия) и решений уполномоченных органов и лиц, возникает ряд вопросов, разрешение которых вызывают определенные трудности в правоприменительной практике.

В первую очередь это связано не только с определением предмета доказывания, но и с установлением

пределов доказывания, с исследованием и установлением судом фактических обстоятельств дела, материалы которого рассматриваются судом в связи с поступившей в суд жалобой, то есть с определением границ активности суда в доказывании.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен ограничиваться установлением лишь соблюдения должностными лицами формальных требований закона, а обязан удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого решения. В то же время суд не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу – об обоснованности обвинения, оценке доказательств и квалификации деяния³.

Таким образом, Конституционным Судом РФ определяется и подтверждается мнение многих исследователей, что бремя доказывания всех обстоятельств, учитываемых при принятии решения о законности и обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений, входящих в предмет доказывания, лежит не только на прокуроре, следователе, дознавателе и других субъектах доказывания, а также заявителе, но и на самом суде, который в этих случаях обязан проявлять дополнительную (после сторон) активность в исследовании доказательств.

В связи с этим суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений. В ином случае это будет свидетельствовать об искажении сути правосудия. Данное положение в настоящее время закреплено и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁴. Однако следует обратить внимание на формулировку п. 1 указанного обновленного постановления, которая уже не содержит ссылки на то, что суд не вправе делать выводы «о фактических обстоятельствах дела», а употреблено вместо этого словосочетание «об обоснованности обвинения».

Это в очередной раз свидетельствует о неопределенности позиции как законодателя, так и высшей судебной инстанции в установлении пределов доказывания судом при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и предоставлении судам возможности при необходимости более глубокого и всестороннего исследования материалов дела.

Исходя из этого представляется, что в данном случае именно прокурор может и должен ориентировать суд в ходе судебного заседания, при осуществлении процессуального взаимодействия на необходимость установления фактических обстоятельств, к приме-

ру: совершения общественно опасного деяния, наличия достаточных данных, указывающих на признаки конкретного преступления при проверке законности и обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела. Соответственно, в этой судебной ситуации суд обязан как оказывать помощь заявителю в истребовании необходимых материалов и сведений, имеющих доказательственное значение, так и по своей инициативе проводить их проверку и оценку, одновременно не предвещая вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела.

Следующей проблемой, связанной с процессуальным взаимодействием суда и прокурора при осуществлении судебного контроля по правилам ст. 125 УПК РФ, является ситуация, когда заявитель, не согласный, к примеру, с решением следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, направляет жалобы одновременно прокурору, руководителю следственного органа (в порядке ст. 124 УПК РФ) и в суд. Возникает вопрос о порядке и последовательности разрешения этой жалобы по существу и, особенно, о действиях суда и прокурора в этом случае.

По поводу этого следует, прежде всего, отметить, что в УПК РФ определен различный срок рассмотрения подобных жалоб. Для прокурора и руководителя следственного органа установлен срок в 3 суток со дня получения жалобы, а для суда – 5 суток³, что вполне обоснованно, если исходить из постоянства и непрерывности осуществления как прокурорского надзора, так и процессуального ведомственного контроля и необходимости быстроты разрешения жалоб. Однако, как правильно отмечается в научных публикациях, такой действующий порядок подачи жалоб усложняет процесс их рассмотрения, влечет за собой дублирование процедуры обжалования, приводит к излишней нагрузке на судебные инстанции, что вызывает необходимость его корректировки и установления «ступенчатого обжалования» [Устинов].

Существо такого предлагаемого порядка состоит в том, что суд принимает жалобу к рассмотрению только после того, как она в обязательном порядке рассмотрена прокурором и руководителем следственного органа, и в случае отказа в ее удовлетворении или нерассмотрении ее в установленный законом срок этими участниками заявителю предоставляется право обратиться в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. В целом соглашаясь с подобным предложением, по нашему мнению, и в этом случае должна быть соблюдена определенная последовательность, то есть принятие прокурором такой жалобы к рассмотрению также возможно после отказа в ее удовлетворении руководителем следственного органа или нерассмотрении ее в установленный срок.

В такой ситуации процессуальное взаимодействие суда и прокурора, связанного с доказыванием обстоятельств, входящих в предмет обжалования, будет отличаться конкретностью складывающихся между ними отношений. Прокурор, будучи уведомленным судом о поступлении жалобы в суд и осведомленным о ее существовании, во-первых, будет обязательным участником судебного заседания, а во-вторых, будет в полной мере готов к участию в доказывании своей позиции по существу жалобы, в представлении дополнительных доказательств, иных материалов.

Таким образом, исходя из особенностей и существа процессуального взаимодействия суда и прокурора по участию в доказывании в ходе досудебного производства и, в частности, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в целях оптимизации их процессуальных отношений и обеспечения законности и обоснованности промежуточных и иных судебных решений предлагаются следующие дополнения законодательного характера, направленные на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере:

- об обязывании суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ не ограничиваться установлением лишь соблюдения должностными лицами формальных требований закона, а удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого решения, в том числе посредством установления фактических обстоятельств дела, и при этом не допускать предвещения вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу;

- в поддержании законодательной инициативы Верховного Суда РФ об увеличении срока рассмотрения судом подобных жалоб до 14 суток;

- об установлении обязательности участия прокурора во всех судебных заседаниях при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства и его права на обжалование в установленном порядке решений, принимаемых по результатам рассмотрения таких материалов;

- о потребности установления такого порядка обращения в суд с жалобой на решения и действия (бездействия) должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ (за исключением жалоб о недопустимости доказательств, направляемых непосредственно в районный суд по месту совершения преступления), при котором принятие судом подобной жалобы для рассмотрения допускается после вынесения руководителем следственного органа и прокурором решений об отказе в удовлетворении жалобы;

- одновременно, учитывая значимость полного законодательного определения в отдельной главе 6 УПК РФ полномочий участников уголовного судопроизводства.

производства со стороны обвинения, дополнить ст. 37 УПК РФ положением о полномочии прокурора по признанию доказательств недопустимыми, в том числе при рассмотрении судом материалов уголовного дела в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ Под материалами уголовных дел как обобщенном понятии в статье предлагается рассматривать и материалы доследственной проверки сообщений о преступлениях.

² Генеральный прокурор РФ в своем приказе от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» потребовал обеспечить обязательное участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств как об избрании, продлении мер пресечения и иного процессуального принуждения, так и других ходатайств о даче согласия на производство следственных и иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 5-О «По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.07.2022).

⁴ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22 // Рос. газета. 2022. 7 июля. № 145 (8793).

⁵ Данный срок Верховный Суд РФ предлагает в порядке законодательной инициативы для повышения качества рассмотрения жалоб увеличить до 14 суток (См.: Куликов В. Пожалеемся на допрос // Рос. газета. 2022. 16 июня. № 128 (8776)).

Список литературы

Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57–58.

Голиков К.Н. Отдельные организационные и правовые аспекты прокурорской деятельности // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 106–112.

Кобзарев Ф.М. Об участии прокурора в доказывании по уголовным делам в досудебном производстве // Сборник статей XVIII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме; Всерос. науч.-практ. конф. (9–10 декабря 2021 года, г. Кострома). Кострома: Костромской государственный университет, 2022. С. 18–25.

Никитина С.В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 72–79.

Спицын А.В. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 66–68.

Устинов А.А. О процедуре судебного контроля по рассмотрению судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Законность. 2020. № 7. С. 46–49.

Францифоров Ю.В., Соловьева Н.А., Шинкарук В.В. Особенности взаимодействия прокурора, органов следствия и суда в досудебном производстве по уголовному делу // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 49–56.

Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

References

Bagmet A.M. *Ob ustranении dvoevlastiya v уголовном преследовании* [On the Elimination of Dual Power in Criminal Prosecution]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2013, No 12, pp. 57–58.

Golikov K.N. *Otdel'nye organizacionnye i pravovye aspekty prokurorskoj deyatel'nosti* [Separate organizational and legal aspects of prosecutorial activity]. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian justice], 2019, No 10, pp. 106–112. (In Russ.)

Kobzarev F.M. *Ob uchastii prokurora v dokazyvanii po уголовным делам v dosudebном производстве* [On the participation of the prosecutor in the evidence in criminal cases in pre-trial proceedings]. *Sbornik statej XVIII Vserossijskih dekabr'skih yuridicheskikh chtenij v Kostrome; Vseros. nauch.-prakt. konf. (9–10 dekabrya 2021 goda, g. Kostroma)* [Collection of articles of the XVIII All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference (December 9–10, 2021, Kostroma)]. Kostroma, KSU Publ., 2022, pp. 18–25.

Nikitina S.V. *Processual'naya forma i obosnovannost' sudebnyh reshenij v dosudebном производстве po уголовным делам* [Procedural form and validity of court decisions in pre-trial proceedings in criminal cases]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of the Kuban State University], 2021, No 1, pp. 72–79.

Spitsyn A.V. *Prokuror kak sub"ekt dokazyvaniya v dosudebnyh stadiyah уголовного судопроизводства* [Prosecutor as a subject of evidence in pre-trial stages of criminal proceedings]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik Uralskogo yurytskogo instituta MVD Rossii], 2016, No 4, pp. 66–68.

Ustinov A.A. *O procedure sudebnogo kontrolya po rassmotreniyu sudom zhalob v poryadke st. 125 UPK RF* [On the procedure of judicial control over the consideration of complaints by the court in the order of Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Zakonnost'* [Legality], 2020, No 7, pp. 46-49.

Franziforov Yu.V., Solovyova N.A., Shinkarchuk V.V. *Osobennosti vzaimodejstviya prokurora, organov sledstviya i suda v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu* [Features of interaction between the prosecutor, investigative bodies and the court in pre-trial proceedings in a criminal case]. *Legal paradigm* [Pravovaya paradigma], 2021, vol. 20, No 2, pp. 49-56.

Tsvetkov Yu.A. *Krizis social'no-pravovoj identichnosti sledovatelya i prokurora* [The Crisis of Social and Legal Identity of the Investigator and the Prosecutor]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2014, No 1, pp. 14-20.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 21.07.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

ОСНОВНЫЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАНТОМИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СОКРЫТИЯ ИНФОРМАЦИИ (ЛЖИ) У ПРИЧАСТНЫХ ЛИЦ И СИМУЛЯНТОВ

Гончаренко Елена Вячеславовна, медицинский психолог, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Тайсаева Светлана Борисовна, кандидат психологических наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Полякова Елена Викторовна, помощник ректора по организационным вопросам, Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия, agma.otv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7977-4185>

Агагулиев Гейдар Агагульевич, следователь, лейтенант юстиции, Следственное управление Следственного комитета РФ по Астраханской области, Астрахань, Россия, agagulyevg@bk.ru

Аннотация. Ложь является биопсихосоциальным феноменом человеческой психики, исследования приматологов и зоологов определили, что не только человек, но и млекопитающие и даже растения могут обманывать. Исследование умышленного сокрытия правды актуально, когда есть угроза жизни и здоровью индивида или введение в заблуждение должностного лица. В статье рассматриваются физиологические и пантомимические маркеры при сокрытии правды у причастных лиц. В безынструментальной детекции лжи (верификации) особая роль отводится телодвижениям субъекта (жестам), так как моторная продукция является важным коррелятором нервно-психической деятельности человека. Анализируется эволюционное, биопсихосоциальное происхождение маркеров невербального поведения при обмане. В работе предоставлена полная классификация реакций вегетативной нервной системы и лимбического отдела головного мозга при сокрытии информации. В экспериментальном исследовании приняло участие 95 человек в возрасте от 16 до 55 лет, в ходе опросной беседы (интервью) на контрольных и проверочных вопросах фиксировались и дифференцировались физиологические реакции и пантомимика на страх возможного разоблачения. Жесты при обмане носили адаптивную, ресурсную бессознательную природу, генезис физиологических реакций был связан с эволюционным паттерном и стрессовым реагированием на отрицательный стимул. Обсуждается актуальность верификации в следственной, правоохранительной и медицинской практике.

Ключевые слова: ложь, лимбическая система, жестикуляция, жесты, пантомимика, невербальное поведение, физиологическая реакция.

Для цитирования: Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В., Агагулиев Г.А. Основные физиологические и пантомимические маркеры сокрытия информации (лжи) у причастных лиц и симулянтов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 220–225. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-220-225>

Research Article

THE MAIN PHYSIOLOGICAL AND PANTOMIMIC MARKERS OF INFORMATION CONCEALMENT (LIE) IN INVOLVED PERSONS AND MALINGERERS

Elena V. Goncharenko, medical psychologist, Silishcheva Astrakhan Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Psychological Sciences, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Elena V. Polyakova, assistant to the rector, Astrakhan State Medical Academy, Astrakhan, Russia, agma.otv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7977-4185>

Geidar A. Agagulyev, Investigator, Lieutenant of Justice, Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Astrakhan Region, Astrakhan, Russia, agagulyevg@bk.ru

Abstract. Lying is a bio-psycho-social phenomenon of the human psyche with primatological and zoological studies determining deceiving characteristic of not just humans, but also mammals and even plants. The study of deliberate concealment of the truth is topical when there is a threat to the life and health of an individual or there is misleading of an official. The article

deals with physiological and pantomimic markers when hiding the truth from the persons involved. In instrumentless lie detection (verification), a special role is given to the body movements of the subject (gestures), since motor production is an important correlator of human neuropsychic activity. The evolutionary, biopsychosocial origin of markers of non-verbal behaviour during deception is analysed. The paper provides a complete classification of the reactions of the autonomic nervous system and the limbic part of the brain when information is concealed. The pilot study involved 95 people aged 16 to 55 as respondents; in the course of a survey conversation (interview) on control and verification questions, physiological reactions and pantomime to the fear of possible exposure were recorded and differentiated. Gestures during deception were of an adaptive, resourceful unconscious nature, the genesis of physiological reactions was associated with an evolutionary pattern and a stressful response to a negative stimulus. The relevance of verification in investigative, law enforcement and medical practice is discussed.

Keywords: lies, limbic system, gesticulation, gestures, pantomime, non-verbal behaviour, physiological response.

For citation: Goncharenko E.V., Taisaeva S.B., Polyakova E.V., Agaguliev G.A. The main physiological and pantomimic markers of information concealment (lie) in involved persons and malingerers. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 220–225. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-220-225>

Николаас Хамфри в статье «Социальная функция интеллекта» выдвинул эволюционную гипотезу, что человек развивался не потому, что взял в руки орудие труда, а под влиянием необходимости предугадывать поведение своих сородичей и вводить их в заблуждение [Лесли: 17]. Приматологи, зоологи и биологи в своих исследованиях указывают, что не только животные, но и растения способны на обман. К примеру, Де Вааль приводит ряд примеров изощренного обмана в животном мире, включая случаи блефа со стороны шимпанзе [Фрай: 76].

Ложь в виде умолчания, обобщения, искажения, эмфазирования широко используется в рекламе и нейромаркетинге, в обыденной жизни и в деловых переговорах. В нашей медицинской и юридической практике сокрытие правдивых показаний направлено на верификацию причастного поведения. В следственной деятельности причастные лица умышленно вводят в заблуждение должностных лиц, чтобы избежать уголовной ответственности. В психологическом консультировании суициданты обманывают родственников, маскируют от них намерение совершить суицид. Симулянты обманывают врачей, чтобы приобрести корыстную выгоду от болезни. Фальсификация фактов, как правило, продумывается и логически конструируется в повествовании субъекта заранее. На создание в воображении мнимых воспоминаний и событий, на контроль за вербальным и эмоциональным поведением во время опросной беседы головной мозг требует высокий энергетический и когнитивный потенциал. Вымысел как энергозатратный процесс, в свою очередь, приводит к «конфликту» между неокортексом, отвечающим за речь, и лимбической системой мозга (риэнцефалоном), отвечающей за эмоции, вегетативные и эндокринные функции организма. Поэтому у причастного субъекта появляются не только мимические и речевые утечки, но физиологические и пантомимические маркеры сокрытия информации.

Страх как процесс эмоциональный, порождаемый действительной или мнимой опасностью, имеет эволюционное значение и связан с инстинктом самосохранения [Экман: 132]. Врожденный и выученный страх формируются при участии миндалины лимбической системы. Эволюционно древняя центральная миндалина играет ключевую роль во врожденных фобиях. К ней прилегает безолатеральная миндалина (БЛМ), которая развилась позднее и немного напоминает сложную современную кору. Именно БЛМ учится новым страхам и посылает их в центральную миндалину [Сапольски: 389]. По мнению А.Р. Лурии, состояние моторной сферы является ближайшим коррелятором состояния центральной нервно-психической деятельности [Лурия 2001: 76] Внешний рисунок поведения при обмане отличается от спокойного или непричастного поведения.

Наша практическая работа показывает, что испытуемые с высоким уровнем интеллекта, без органических поражений головного мозга, после 30 лет будут лучше контролировать пантомимику, чем лица с психоорганическим синдромом. Это обусловлено биологическим созреванием префронтальной коры головного мозга, которая отвечает за контроль импульсов и эмоций. Люди с ПТСР, невротизмом дают больше физиологических и пантомимических реакций. Из-за психотравмирующего опыта размер миндалины лимбической системы увеличивается, нейроны отращивают больше дендритов, что влияет на эмоциональную неустойчивость и высокую тревожность. У психопатов мозг отличается от мозга психически здорового человека тем, что есть структурные изменения серого вещества. Обнаруживается дефицит *substantia grisea* в префронтальной, теменной коре, височных областях и базальных ганглиях. Миндалины лимбической системы снижена, отмечается ее аномальное развитие. Недостаточное функционирование передней островковой коры, вентромедиальной и префронтальной коры, миндалевидного тела влияет на низкую мораль, нравствен-

ность, эмпатию и отсутствие вины у преступников. Психопатизированные личности эффективны в обмане, но выдают много сигналов лжи при верификации из-за перечисленных нарушений функционирования мозга.

Эмоция страха при верификации наблюдается в следующих физиологических реакциях организма:

1. *Гипердыхание.* Быстрый вдох стимулирует волоски и нервные окончания носового входа, это помогает регулировать напряжение во время стресса. В отдельных случаях гипердыхание может проявляться в виде тихого свиста, в форме выдоха-освобождения для саморегуляции. Нервное зевание берет свой патогенез из аналогичной работы дыхания, поскольку снимает накопившееся напряжение за счёт стимулирования челюстных нервных окончаний, в частности височно-нижнечелюстного сустава. Быстрые гипервыдохи во время зевания охлаждают кровь, циркулирующую по небу, регулируют кровообращение и доставляют кислород в головной мозг.

2. *Замирание.* Первоначальным предназначением было утаивание дыхания от хищного животного. Можно наблюдать при точке ориентировочного замирания (ТОЗ), внезапном прикрытии руками носа и рта либо вентральной зоны шеи и живота. В эволюционном значении реакция «замри» произошла от поведения млекопитающих, которые притворяются мертвыми при опасности. Реакция обусловлена тем, что мясо мертвой жертвы отвращает хищника от поедания из-за того, что трупный яд содержит токсины и биогенные амины.

3. *Бледность кожных покровов.* Побледнение лица напрямую связано с влиянием гормона норадреналина и работой симпатического отдела вегетативной нервной системы. Периферийное кровоснабжение резко уменьшается в капиллярах лица для усиления общего кровотока, для снабжения мышц ног, при бессознательной активации лимбической стратегии «беги» на опасный стимул.

4. *Гипергидроз ладоней.* Реакция обусловлена функционированием эндокринных потовых желез в ладонных поверхностях кистей и сопровождается обильным выделением пота. Наблюдается в вытирании рук об одежду.

5. *Дискрипторы.* Психогенная ксеростомия (сухость во рту) возникает под влиянием гормона кортизола и адреналина. Различные нервные покашливания, изменение голосовых модуляций голоса до «писка», в верификации «дает петуха», также напрямую связано с этим явлением [Наварро 2021: 89]. В рисунке поведения появляется частое слюноотделение, облизывание красной каймы губ или ее закусывание. При ксеростомии отмечено желание выпить воды, при сознательном обмане объем употребляемой жидкости, как правило, увеличивается.

6. *Терморегуляция.* Под воздействием угрожающего стимула нарушается теплообмен, и температура тела из-за тиреоидного гормона вызывает озноб или излишнюю потливость организма при совершенно нормальной температуре окружающей среды. Вместе с ознобом появляются мурашки, называемые пилоаррекцией. Бугорки на коже поднимают вверх волоски. У приматов такая реакция на угрожающий стимул ещё больше заметна: шерсть встаёт дыбом и животное становится визуально крупнее. Поскольку человеческий вид в ходе эволюции утратил большую часть волосяного покрова, то это остаточные проявления пилоарекции [Наварро 2021: 86]. Также появляются охлаждающие движения для снижения температуры тела, обусловленные интенсивной работой потовых желез. Субъект рукой приподнимает волосы головы, чтобы поступающий воздух восстановил терморегуляцию, оттягивает одежду, чтобы минимизировать потливость.

С развитием речи у человека появилось большое количество жестов-иллюстраторов, а также социальных жестов-эмблем. Движения тела имеют эволюционный генезис, но описанная нами пантомимика более архаична по происхождению и не связана с языком, наблюдается одинаково у высших приматов и *homo sapiens*. Жестикация напрямую связана с саморегуляцией и бессознательно используется для нейтрализации отрицательных эмоций. Большой вклад в оценку моторных функций организма на слова-стимулы внес выдающийся ученый А.Р. Лурия, его экспериментальная работа с причастными к преступлениям лицами стала основополагающей для развития верификации и инструментальной детекции лжи. «Мы должны, с одной стороны, вызвать общий процесс дезорганизации поведения, а с другой стороны, попробовать отразить этот процесс в какой-либо другой доступной и удобной для наблюдения системе. Моторная функция является такой системной, объективно отражаемой структурой нейродинамических процессов, скрытой от непосредственного наблюдения. Таким образом, мы можем использовать моторную функцию как систему, отражающую структуру скрытых психологических процессов. Таков был наш путь к созданию метода, который мы назвали сопряженной моторной методикой» [Лурия 2002: 354].

Наши практические исследования показывают, что при волнении практически исчезают жесты-иллюстраторы, сопровождающие человеческую речь, и увеличивается другая пантомимика, которая имеет эволюционное и онтогенетическое происхождение.

1. *Транс-жесты.* Для дифференцирования жестикации причастных лиц мы ввели термин трансжесты. В их основе, по нашему мнению, выступают различные моторные акты, связанные с раскачиванием тела. Движения тела обусловлены повседневным

трансформацией состояния человека и работой парасимпатического отдела вегетативной нервной системы. Монотонное синхронное раскачивание корпуса тела и отдельных его частей (рук, ног, торса) связано с покачиванием младенца на руках матери для быстрого засыпания. После младенческого периода телодвижения приобретают автономный характер, и люди бессознательно «укачиваются» при монотонной езде, засыпают под маятник гипнотерапевта, повторяя его амплитуду движения, покачивают ногой для саморегуляции и восстановления гомеостаза в стрессе. Наиболее полные транс-жесты наблюдаются у пациентов с нарушениями аутистического спектра, которые способствуют гармонизации душевного состояния при дискомфорте [Гончаренко, Тайсаева 2022б: 261].

2. Мы выделили в отдельное понятие моторные акты ног и назвали их *pes-жестами* (*pes* с латинского языка – нога). Движения нижних конечностей человека эволюционно связаны с приливом крови к большим мышцам ног, на внутреннюю команду «Беги» от опасного стимула. Реакция запрограммирована эволюцией, так как эта стратегия поведения является наиболее отобранной для адаптации. Лимбический мозг берет на себя заботу о том, чтобы стопы и ноги реагировали должным образом, замирая на месте, унося нас подальше или пиная потенциально опасный предмет. Стопы и ноги передают наши мысли и чувства гораздо точнее, чем другие части тела [Наварро 2021: 234]. В верификации необходимо отмечать различные изменения в положении и движении ног на проверочных и контрольных вопросах.

3. *Жесты-адапторы* направлены на прикосновение к своему телу. Возвращают субъекта к младенческому периоду онтогенеза, к ласкам и прикосновению к коже ребенка матерью. Существует большая вариация различных потираний колен, рук, шеи, пальцев. Отмечено, что чем выше уровень стресса, тем ближе самоадаптеры поднимаются к лицу: ушные раковины, щеки, губы, лоб. Движения аккумулируют из бессознательного и долговременной памяти «следы» поцелуев, вертикальные и горизонтальные движения пальцев значимого объекта. Этиология этих жестов тесно связана с эмпатией и альтруизмом в системе «мать и дитя», по исследованиям нейробиологов наблюдается у млекопитающих в виде зачатков, у высших приматов – как развитая форма социального и родительского поведения [Мартынова: 28].

4. *Жесты-манипуляторы* направлены на действия с различными предметами. Происхождение жестов, по нашему мнению, исходит из груминг-поведения приматов: откусывание ногтей, выдергивание лишней волос при очищении тела. У человека паттерн социализируется и перенаправляется на манипуляции с различными мелкими предметами. К примеру, в ре-

лигии груминг преобразуется в перебирание четок, люди теребят украшения при волнении, школьники грызут ручки во время контрольных, чтобы нейтрализовать тревогу [Гончаренко, Тайсаева 2022а: 375].

5. *Вентральные жесты*. Прикрытие яремной впадины, шеи, живота обусловлены эволюционным поведением защиты этих частей тела, так как они являются самыми уязвимыми при нападении хищника. Человек будет закрывать и прикрывать вентральные зоны различными аксессуарами (сумки, украшения, предметы), руками, дистанцироваться от собеседника [Наварро 2021: 234].

6. *Эмблематические жесты*. Выгибание вперед третьего пальца кисти руки указывает на символизацию брутальности и маскулинности у высших приматов (альфа-самцов) и человека. Незавершенное пожатие плечом (плечами), эмблематическое «не знаю» – социокультурное движение, является косвенным маркером сокрытия информации.

Субъект, умышленно скрывающий информацию, боится раскрытия своей лжи и наказания. Поэтому его физиологические реакции будут связаны с эмоцией страха, телодвижения будут бессознательно снижать психическое напряжение или стараться адаптироваться к стрессу.

Целью настоящего исследования было исследование жестикюляции и физиологических реакций при обмане у причастных лиц.

В распознавании лжи (верификации) не существует дифференцированного маркера, указывающего на ложь. Анализ вербального и невербального поведения состоит из оценки всего комплекса речевой, мимической, физиологической, моторной продукции человека. Оценка правдивой информации проводится только при правильно выстроенном раппорте с субъектом исследования, определении его базовой линии поведения при спокойном состоянии и увеличении реакций стресса на контрольных и проективных вопросах. Экспериментальная группа состояла из 95 человек – подростков после 16 лет и взрослых с 18 до 55 лет. В опросной беседе и клиническом интервью с помощью метода наблюдения исследовалась пантомимика (жестикюляция), во внешнем рисунке поведения фиксировались физиологические маркеры стресса респондентов, аудиально диагностировалась вербальная продукция на контрольных и проверочных вопросах.

Данные по исследованию приводятся в таблицах 1 и 2. Проявления маркеров причастности по невербальным каналам оценивались по следующим критериям: редкое проявление – от 0–20 %, умеренное проявление – от 20–60 %, частое проявление – от 60–100 %. В таблицах 1, 2 приводится оценка результатов двух экспериментальных групп (симулянт, причастные к преступлению лица) (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Анализ маркеров обмана у обследуемых по пантомимическим маркерам на контрольных и проверочных вопросах

Жестикуляция	Симулянты	Причастные к преступлению лица
Транс-жесты	Умеренное проявление	Частое проявление
Жесты-адапторы	Частое проявление	Частое проявление
Жесты-манипуляторы	Частое проявление	Частое проявление
Вентральные жесты	Частое проявление	Умеренное проявление
Рес-жесты	Частое проявление	Частое проявление
Жест-эмблема «средний палец»	Редкое проявление	Редкое проявление

Таблица 2

Анализ маркеров обмана у обследуемых по физиологическим реакциям на контрольных и проверочных вопросах

Физиологическая реакция	Симулянты	Причастные к преступлению лица
Гипервдохи-гипервыдохи	Частое проявление	Частое проявление
ТОЗ	Частое проявление	Частое проявление
Побледнение лица	Умеренное проявление	Частое проявление
«Потные ладони»	Частое проявление	Частое проявление
Дискрипторы	Частое проявление	Частое проявление
Нарушение терморегуляции	Частое проявление	Частое проявление

Таблица 3

Примерный перечень контрольных и проверочных вопросов в опросной беседе (клиническом интервью)

Симулянты	Причастные к преступлению лица
Вы поднимали себе искусственно температуру?	Вы применяли действия сексуального характера по отношению к (имя)?
Вы изображали боль с целью не посещать школу?	Вы вступали с несовершеннолетним в сексуальные (интимные) отношения?
Вы интересовались у друзей или в сети интернет как изобразить болезнь?	Было ли у Вас сексуальное влечение к (имя)?
Вы читали, какие-либо информационные источники с целью демонстрации недуга?	Считаете ли вы (имя) привлекательным(ой)?
У вас действительно поднимается температура до высоких цифр без каких-либо причин?	Вы трогали (имя) за ягодицы?

В таблицах представлены результаты основных невербальных и физиологических маркеров причастного поведения во внешнем рисунке поведения у респондентов экспериментальной группы.

Результаты показали, что ресурсная и адаптивная пантомимическая продукция у подростков и взрослых респондентов на отрицательный стимул проявлялась часто до 100 % на фоне отсутствия жестов-иллюстраторов, которые сопровождают речь человека, не испытывающего стресс и чувство страха. У всех обследуемых фиксировались жесты-самоадапторы в виде поглаживаний в области колен и бедер, рук; вентральные жесты: закрытие предметами (сумками, аксессуарами) вентральных зон тела – шеи, живота; жесты-манипуляторы: манипулирование предметами в руках – «неспокойные руки»; жесты убегания

от верификатора – рес-жесты, транс-жесты, связанные с работой парасимпатической нервной системы и повседневным трансовым состоянием. Редко дифференцировался эмблематический жест, который относится к социальному поведению. Физиологические реакции фиксировались высоко, были обусловлены работой симпатического отдела нервной системы, выделения организмом гормонов стресса и реакциями «замри-беги» лимбической системы головного мозга на отрицательный стимул.

Понимание физиологических и пантомимических маркеров обмана актуально в работе сотрудников правоохранительных и надзорных органов, полиграфологов, психологов и психиатров. Владение методами безынструментальной детекции лжи существенно облегчает коммуникацию в системе «человек-человек»

век», помогает выявить фальсификацию, мошенничество, симуляцию, в отдельных случаях угрозу собственной жизни.

Список литературы

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Елисеев Ф.И., Тибушкина М.А. Сексуальное насилие несовершеннолетних в криминолого-клинической практике врачей и психологов // Евразийский юридический журнал. 2022а. № 3. С. 375–377.

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В. Транс-жесты в пантомимике жертв сексуального насилия и причастных лиц // Казанский педагогический журнал. 2022б. № 3. С. 257–261.

Лесли И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. Москва: Рипол-классик, 2012. 352 с.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. Москва: Когито-центр, 2002. 527 с.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2001. 192 с.

Мартьянова Л.М. Профайлинг в действии. Москва: Концептуал, 2019. 232 с.

Наварро Дж., Карлинс М. Я вижу, о чем вы думаете. Минск: Попурри, 2021. 352 с.

Наварро Дж. Словарь языка тела. Минск: Попурри, 2021. 176 с.

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. Москва: Альпина нон-фикшн; 2021. 776 с.

Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2006. 284 с.

Экман П. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 448 с.

References

Goncharenko E.V., Tajsyaeva S.B., Eliseev F.I., Tibuskina M.A. *Seksual'noe nasilie nesovershennoletnih v kriminologo-klinicheskoy praktike vrachej i psihologov* [Sexual abuse of minors in the criminological and clinical practice of doctors and psychologists]. *Evrazij-skij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022a, № 3, pp. 375–377. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Tajsyaeva S.B., Poljakova E.V. *Trans-zhesty v pantomimike zhertv seksual'nogo nasilija i prichastnyh lic*. [Trans gestures in the pantomime of victims of sexual violence and those involved]. *Kazan-skij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022b, № 3, pp. 257–261. (In Russ.)

Lesli I. *Prirozhdennye lzhecy. My ne mozhem zhit' bez obmana* [Born liars. We can't live without deceit]. Moscow, Ripol-klassik Publ., 2012, 352 p. (In Russ.)

Lurija A.R. *Priroda chelovecheskih konfliktov. Ob"ektivnoe izuchenie dezorganizacii povedenija cheloveka* [The nature of human conflicts. An objective study of the disorganization of human behavior]. Moscow, Kogito-centr Publ., 2002, 527 p. (In Russ.)

Lurija A.R. *Jetapy projdenного пути. Nauchnaja avtobiografija* [Stages of the traveled path. Scientific autobiography]. Moscow, Izd-vo moskovskogo universiteta Publ., 2001, 192 p. (In Russ.)

Mart'janova L.M. *Profajling v dejstvii* [Profiling in action]. Moscow, Konceptual Publ., 2019, 232 p. (In Russ.)

Navarro Dzh., Karlins M. *Ja vizhu, o chem vy dumate* [I see what you're thinking]. Minsk, Popurri Publ., 2021, 352 p. (In Russ.)

Navarro Dzh. *Slovar' jazyka tela* [Dictionary of body language]. Minsk, Popurri Publ., 2021, 176 p. (In Russ.)

Sapol'ski R. *Biologija dobra i zla. Kak nauka ob"jasnjaet nashi postupki* [Biology of good and evil. How science explains our actions]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2021, 776 p. (In Russ.)

Fraj O. *Lozh'. Tri sposoba vyjavlenija. Kak chitat' mysli lzheca, kak obmanut' detektor lzhi*. [Three ways to detect. How to read the mind of a liar, how to fool a lie detector]. Sankt-Peterburg, Prajm-Evroznak Publ., 2006, 284 p. (In Russ.)

Jekman P. *Psihologija jemocij* [Psychology of emotions]. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 2020, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was received by the editors on 08/09/2022; approved after peer review 25.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

**САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ:
КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СВОИХ ЧЛЕНОВ
КАК НОВЫЙ МЕХАНИЗМ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ
ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Костина Ксения Вячеславовна, кандидат юридических наук, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия, kсениya_kostina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0788-3462>

Имамов Алмас Азгарович, доктор медицинских наук, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия, Almas.Imamov@tatar.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2608-0179>

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с определением правового статуса саморегулируемых организаций. В частности, на основе анализа имеющихся мнений, авторы приходят к выводу о том, что саморегулируемые организации имеют смешанную природу, выступая в определенных условиях и как субъекты публичного, и как субъекты частного права. Функции саморегулируемых организаций по проведению контрольных мероприятий по отношению к своим членам не являются чужеродными для частного права. На основании данного вывода и с учетом последних изменений в действующем законодательстве о государственном контроле авторы рассматривают новое правомочие контролирующих органов по признанию осуществляемого саморегулируемыми организациями контроля за деятельностью своих членов в качестве механизма негосударственного стимулирования добросовестного поведения субъектов предпринимательства. Авторами представлен вывод о том, что для эффективной практической реализации рассматриваемого механизма необходимо предусмотреть дополнительный правовой инструментарий, суть которого раскрывается в статье.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, саморегулируемые организации, государственное регулирование, меры стимулирования добросовестности.

Для цитирования: Костина К.В., Имамов А.А. Саморегулируемые организации: контроль за деятельностью своих членов как новый механизм негосударственного стимулирования добросовестного поведения субъектов предпринимательства // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 226–230. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-226-230>

Research Article

**SELF-REGULATORY ORGANISATIONS:
CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF ITS MEMBERS AS A NEW MECHANISM
OF NON-STATE INCENTIVES OF HONEST BEHAVIOUR OF BUSINESS SUBJECTS**

Ksenia V. Kostina, Candidate of Jural Sciences, Kazan State Medical University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia, kсениya_kostina@mail.ru, <https://orcid.org>

Almas A. Imamov, Doctor of Medical Sciences, Kazan State Medical University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia, Almas.Imamov@tatar.ru, <https://orcid.org>

Abstract. The article examines the problems associated with determining the legal status of self-regulatory organisations. In particular, based on the analysis of existing opinions, the authors come to the conclusion that self-regulatory organisations are of a mixed nature, acting under certain conditions both as subjects of public law and as subjects of private law. The functions of self-regulatory organisations to carry out control measures in relation to their members are not alien to private law. On the basis of this conclusion and taking into account the latest changes in the current legislation on state control, the authors consider the new authority of the regulatory authorities to recognise the control exercised by self-regulatory organisations over the activities of their members as a mechanism for non-state stimulation of conscientious behaviour of business entities. The authors conclude that for the effective practical implementation of the mechanism under consideration, it is necessary to provide additional legal tools, the essence of which is revealed in the article.

Keywords: entrepreneurial activity, self-regulatory organisations, state regulation, incentives for good faith.

For citation: Kostina K.V., Imamov A.A. Self-regulatory organisations: control over the activities of its members as a new mechanism of non-state incentives of honest behaviour of business subjects. Bulletin of the Kostroma State University, 2022, vol. 28, No. 3, pp. 226–230. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-226-230>

Саморегулирование профессиональной деятельности как правовой институт в своем историческом развитии насчитывает уже несколько столетий. С этих дней и до настоящего времени его правовая природа была предметом научных диспутов. В последние десятилетия полемика ведется относительно правовой природы данного явления. Одни ученые относят саморегулирование к публично-правовым институтам, другие, напротив, к частноправовым. Например, Н.Н. Масюк и Д.Н. Маркин полагают, что саморегулирование – это одно из тех направлений государственной политики, где наиболее четко прослеживается связь государственных и частных институтов, а также их влияние друг на друга [Зинченко, Маркин: 147].

«Саморегулирование не может быть отнесено за рамки государственного регулирования», – утверждают сторонники публично-правовой природы саморегулирования, поддерживая при этом «идею передачи государственных функций общественным организациям, в том числе саморегулируемым» [Медведев, Алгазина: 107].

Теория передачи государственных полномочий нашла широкий отклик не только у специалистов в области административного права, но и среди ученых-цивилистов. Так, И.В. Ершова считает верной концепцию делегирования, передачи государством своих функций [Ершова: 109]. Г.О. Аболонин, в свою очередь, презюмирует, что при создании саморегулируемой организации всегда присутствует государственный интерес [Аболонин: 130]. Г. Винтер утверждает, что государство «расщепляется» посредством передачи своих функций «вниз» (общественным организациям), но при этом продолжает существовать в системе управления в новых сочетаниях; такую передачу функций автор именует «приватизация» управления [Винтер: 70].

Сторонники точки зрения о таком государственном «расширении» полагают, что саморегулируемые организации (далее – СРО) в целом представляют собой конгломерацию интересов государства, членов СРО и потребителей. Этим объясняется, что многие права и обязанности становятся отражением не только взаимосвязи СРО со своими членами, но и с государством и потребителями. На этом основании сторонники данной концепции приходят к выводу, что функции, обязанности и права СРО непосредственно затрагивают сферу публичного управления, что в свою очередь доказывает административный статус СРО [Лескова: 40, Баймуратова: 22].

Авторы, занимающие более нейтральную позицию, к которым, как нам представляется, относятся И.В. Ершова, утверждают, что «государственное регулирование и саморегулирование – два звена единой цепи воздействия на хозяйствующих субъектов.

Не противопоставление, а баланс указанных способов регулирования бизнеса, их сочетание и корректное применение на практике – вот цель введения в законодательство анализируемого правового института» [Ершова: 15].

На возможность взаимодействия государственного регулирования и саморегулирования исходя из содержания предпринимательской или профессиональной деятельности указывает также М.А. Егорова [Егорова: 16].

В соответствии с представленным анализом существующих научных мнений относительно правовой природы саморегулирования мы полагаем, что СРО могут выступать и как субъекты публичного, и как субъекты частного права, как и многие другие субъекты гражданского права (например, государство).

При этом правоотношения, которые возникают при реализации СРО своих функций по проведению контрольных мероприятий в отношении своих членов, не являются чужеродными для частноправового регулирования. Локальные правовые акты и внутренний контроль действий своих членов являются неотъемлемой частью деятельности большинства корпораций [Буваева, Шашкина: 2]. В этом мы разделяем мнение С.Ю. Морозова о том, что саморегулирование – это инициатива частных лиц, а не государства, которое лишь создает условия для этого. Иными словами, функции, выполняемые СРО, не являются государственными, поскольку государство не делегировало эти функции, а полностью отказалось от них [Морозов: 38]. Поэтому сделать вывод об исключительно публичной природе данных организаций не представляется возможным.

На наш взгляд, реализация функций по контролю СРО за деятельностью своих членов может быть рассмотрена как негосударственное стимулирование добросовестного поведения субъектов предпринимательства.

Рассматриваемое негосударственное стимулирование добросовестного поведения бизнеса появилось в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (статья 55).

Правовым стимулом, побуждающим к законопослушному поведению для удовлетворения собственных интересов субъекта предпринимательства, в данном случае являются: нормативно установленное право признания результатов деятельности СРО с добровольным членством по осуществлению контроля за предпринимательской или профессиональной деятельностью своих членов контролирующими органами и отказ последних от осуществления контрольных (надзорных) мероприятий в отношении членов СРО.

На основании приведенного правового стимулирования участники правоотношений понимают преимущества соблюдения обязательных требований, установленных для осуществляемого вида предпринимательской деятельности, не нарушают их и в ответ получают желаемые результаты своего правомерного поведения – отсутствие административного давления на бизнес в виде регулярных проверок государственных органов и мер административного реагирования. В сложившейся в последнее время непростой экономической ситуации в России данный механизм правового стимулирования добросовестности нам видится особенно актуальным и перспективным. Поиск наиболее эффективных методов государственной политики и государственного регулирования – стратегическая задача, которая сегодня стоит перед нашим государством.

Однако для практической реализации рассматриваемого правового стимула необходимо соблюдение следующих правовых условий:

1) право о признании результатов деятельности СРО по осуществлению контроля за предпринимательской деятельностью своих членов должно быть нормативно установлено для конкретного вида контроля;

2) между контролирующим органом и СРО на добровольной основе должно быть заключено соглашение о признании результатов такой деятельности СРО (далее – соглашение о признании результатов деятельности). При этом заключение такого соглашения возможно, если: а) предмет контроля СРО за деятельностью своих членов идентичен предмету вида контроля либо охватывает более широкий круг вопросов; б) СРО на рынке функционирует уже более трех лет; в) СРО обладает компенсационным фондом в размере не менее 25 тысяч рублей в отношении каждого члена. Целью компенсационного фонда должно быть заявлено обеспечение имущественной ответственности по обязательствам своих членов, возникшим в результате причинения вреда вследствие недостатков произведенных товаров (работ, услуг).

Компенсационный фонд в данном случае выступает гарантией устранения рисков причинения вреда, что мотивирует СРО к действенному осуществлению негосударственного контроля.

Кроме того, к СРО могут быть предъявлены и дополнительные критерии, в числе которых: количество случаев причинения вреда и изменение такого количества во времени; совокупный реальный вред и изменение такого вреда во времени; принятие СРО внутренних документов, предусмотренных законодательством о саморегулировании; установление СРО требований к своим членам, не предусмотренных нормативными правовыми актами; эффективность контроля СРО за деятельностью своих членов,

применение СРО мер дисциплинарного воздействия и др. (п. 6 ст. 55 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»).

Таким образом, внедрение в практику правового регулирования предпринимательской деятельности данного механизма обеспечивает объективность государственного контроля, перевод контрольно-надзорной деятельности в формат стимулирования добросовестного поведения бизнес-сообщества и еще большую концентрацию на профилактически-ориентированном подходе к осуществлению контроля.

Список литературы

Аболонин Г.О. Дисциплинарное производство саморегулируемых организаций – на острие конфликта. Москва: Волтерс Клувер, 2010. 275 с.

Алгазина А.Ф. Понятие саморегулирования в административном праве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2014. № 4 (41). С. 107.

Баймуратова З.М. Саморегулируемые организации в сфере предпринимательской деятельности: административно-правовой аспект: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

Буваева Н.Э., Шапкина А.Н. Меры, стимулирующие добросовестное поведение участников таможенных правоотношений // Административное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 1–9.

Винтер Г. Субсидиарность и нормотворчество в рамках европейской многоуровневой системы управления // Право и политика. 2005. № 11. С. 51–74.

Егорова М.А. К вопросу о правовом статусе саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 5. С. 11–22.

Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Бизнес и право в России и за рубежом: (приложение к журналу «Предпринимательское право»). 2014. С. 328.

Зинченко С.А., Маркин Д.Н. Формирование и становление института саморегулирования предпринимательской деятельности в России // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 147.

Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. Москва: Статут, 2013. 383 с.

Медведев Д.А. Выступление на заседании Комиссии по модернизированию технологического развития экономики. Липецк. 20.01.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6674> (дата обращения: 15.04.2022).

Морозов С.Ю. О саморегулировании и саморегулируемых организациях // Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан,

М.А. Егорова. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г.: (в редакции от 14 июля 2022 г. № 271-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 15.09.2022).

О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01.12.2007 г.: (в редакции от 2 июля 2021 г. № 359-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 15.09.2022).

Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. Москва: Проспект, 2012. 816 с.

Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация: монография / отв. ред. И.В. Ершова. Москва: Норма: Инфра-М, 2015. 256 с.

References

Abolonin G.O. *Distsiplinarnoe proizvodstvo samoreguliruemyykh organizatsii - na ostriie konflikta* [Disciplinary Proceedings of Self-Regulatory Organizations - at the Edge of the Conflict]. Moscow, Volters Kluver Publ, 2010, 275 p. (In Russ.)

Algazina A.F. *Poniatie samoregulirovaniia v administrativnom prave* [The concept of self-regulation in administrative law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Ser.: Right], 2014, No 4 (41), p. 107. (In Russ.)

Baimuratova Z.M. *Samoreguliruemye organizatsii v sfere predprinimatel'skoi deiatel'nosti: administrativno-pravovoi aspekt: avtoref... dis. kand. iurid. nauk* [Self-regulatory organizations in the field of entrepreneurial activity: administrative and legal aspect: Dsc thesis, summary]. Moscow, 2010, 28 p. (In Russ.)

Buvaeva N.E., Shashkina A.N. *Mery, stimuliruiushchie dobrosovestnoe povedenie uchastnikov tamozhennykh pravootnoshenii* [Measures to encourage conscientious behavior of participants in customs legal relations]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2018, № 2, pp. 1–9. (In Russ.)

Vinter G. *Subsidiarnost' i normotvorchestvo v ramkakh evropeiskoi mnogourovnevoi sistemy upravleniia* [Subsidiarity and rule-making within the framework of the European multi-level management system]. *Pravo i politika* [Law and politics], 2005, № 11, p. 51–74. (In Russ.)

Egorova M.A. *K voprosu o pravovom statuse samoreguliruemyykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii* [On the issue of the legal status of self-regulatory organi-

zations in the Russian Federation.]. *Pravo i ekonomika* [Law and economics], 2016, No 5, pp. 11–22. (In Russ.)

Ershova I.V. *Samoregulirovanie predprinimatel'skoi i professional'noi deiatel'nosti* [Self-regulation of entrepreneurial and professional activities]. *Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom (prilozhenie k zhurnalu «Predprinimatel'skoe pravo»)* [Business and law in Russia and abroad (supplement to the journal “Entrepreneurial Law”)], 2014, p. 328. (In Russ.)

Zinchenko S.A., Markin D.N. *Formirovanie i stanovlenie instituta samoregulirovaniia predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii* [Formation and development of the institution of self-regulation of entrepreneurial activity in Russia]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economy], 2014, No 4(52), p. 147. (In Russ.)

Leskova Iu.G. *Kontseptual'nye i pravovye osnovy samoregulirovaniia predprinimatel'skikh otnoshenii* [Conceptual and legal bases of self-regulation of business relations]. Moscow, Statut Publ., 2013, 383 p. (In Russ.)

Medvedev D.A. *Vystuplenie na zasedanii Komissii po modernizirovaniu tekhnologicheskogo razvitiia ekonomiki* [Speech at a meeting of the Commission for the Modernization of the Technological Development of the Economy]. Lipetsk, 20.01.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6674> (access date: 15.04.2022). (In Russ.)

Morozov S.Iu. *O samoregulirovanii i samoreguliruemyykh organizatsiiakh* [About self-regulation and self-regulatory organizations]. *Pravo i ekonomicheskoe razvitiie: problemy gosudarstvennogo regulirovaniia ekonomiki: monografiia* [Law and economic development: problems of state regulation of the economy: monograph], ed. by V.A. Vaipan, M.A. Egorova. *Garant: sprav. pravovaia sistema* [Guarantor: reference legal system]. URL: <https://www.garant.ru/> (access date: 15.04.2022). (In Russ.)

O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31 iuliia 2020 g.: (v redaktsii ot 14 iuliia 2022 g. № 271-FZ) [On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020: (as amended on July 14, 2022, No. 271-FZ)]. *KonsultantPlus: sprav. pravovaia sistema* [Consultant Plus: Legal Reference System]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (access date: 15.09.2022). (In Russ.)

O samoreguliruemyykh organizatsiiakh: Federal'nyi zakon ot 01.12.2007 g.: (v redaktsii ot 2 iuliia 2021 g. № 359-FZ) [On self-regulatory organizations: Federal Law of December 1, 2007: (as amended on July 2, 2021, No. 359-FZ)]. *KonsultantPlus: sprav. pravovaia sistema* [Consultant Plus: Legal Reference System]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (access date: 15.09.2022). (In Russ.)

*Rossijskoe predprinimatel'skoe pravo: ucheb-
nik* [Russian business law: textbook], ed. by I.V. Ersho-
va, G.D. Otniukova. 4 Pub. Moscow, Prospekt Publ.,
2012, 816 p.

*Samoregulirovanie predprinimatel'skoi i profes-
sional'noi deiatel'nosti: edinstvo i differentsiatsiia: mono-
grafiia* [Self-regulation of entrepreneurial and profes-
sional activities: unity and differentiation: monograph],

ed. by I.V. Ershova. Moscow, Norma Publ., Infra-M
Publ., 2015, 256 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 03.06.2022; одоб-
рена после рецензирования 15.08.2022; принята к пуб-
ликации 01.10.2022.*

*The article was submitted 03.06.2022; approved after
reviewing 15.08.2022; accepted for publication 01.10.2022.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ США В БОРЬБЕ С ЯДЕРНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Аннотация. Актуальность темы обуславливается обострением проблем обеспечения государствами безопасности и физической защиты в ядерной сфере, требующих дополнительной правовой регламентации. Целью работы является изучение опыта построения архитектуры государственного механизма США в борьбе с актами ядерного терроризма. Отдельное внимание уделено анализу этих угроз с учетом устоявшейся в США точки зрения, согласно которой ядерное оружие во владении враждебных государств и террористов представляет собой одну из самых серьезных проблем национальной безопасности. Анализ функционирования государственного механизма позволил выделить заслуживающий внимания и учета метод организационно-правового противодействия ядерному терроризму, основанный на определении динамического диапазона принимаемых государством защитных мер от угроз ядерного нападения, их координации, выявления дублирующих функций и пробелов в деятельности для интеграции предпринимаемых усилий в единую архитектуру национального реагирования. В результате обобщения автором установлено, что сложная централизованная и гибкая система координации государственных органов обеспечивает реагирование на широкий спектр ядерных и радиологических угроз. Зарубежный опыт организации борьбы с актами ядерного терроризма заслуживает внимания и серьезного исследования для возможного его учета в совершенствовании аналогичных отечественных систем и правовом регулировании деятельности государственных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: ядерный терроризм, закон США, государственные органы, компетенция.

Для цитирования: Метельков А.Н. Государственный механизм в США в борьбе с ядерным терроризмом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 231–240. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-231-240>

Research Article

STATE MECHANISM OF UNITED STATES IN THE FIGHT AGAINST NUCLEAR TERRORISM

Alexander N. Metelkov, Candidate of Jural Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation, General of the Army Ye.N. Zinichev, St. Petersburg, Russia, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Annotation. Topicality of the theme is determined by the aggravation of the problems of ensuring security and physical protection by states in the nuclear sphere, which require additional legal regulation. The aim of the work is to study the experience of building the architecture of the US state mechanism in the fight against acts of nuclear terrorism. Special attention is paid to the analysis of these threats, taking into account the well-established US point of view that nuclear weapons in the possession of hostile states and terrorists represent one of the most serious national security problems. An analysis of the functioning of the state mechanism made it possible to single out a method of organisational and legal counteraction to nuclear terrorism that deserves attention and consideration, based on determining the dynamic range of protective measures taken by the state against threats of a nuclear attack, their coordination, identifying duplicating functions and gaps in activities to integrate the efforts taken into a single architecture of the national response. As a result of the generalisation, the author found that a complex centralised and flexible system of coordination of state bodies provides a response to a wide range of nuclear and radiological threats. Foreign experience in organising the fight against acts of nuclear terrorism deserves attention and serious research for its possible consideration in improving similar Russian systems and legal regulation of the activities of state bodies in this area.

Keywords: nuclear terrorism, US law, state bodies, competence.

For citation: Metelkov A.N. State mechanism in the USA in the fight against nuclear terrorism. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 231–240. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-231-240>

Проблема ядерного терроризма вызывает тревогу у Организации Объединенных Наций (ООН), мирового сообщества и многих государств. Совет безопасности ООН в Резолюции, принятой на его 6191-м заседании 24 сентября 2009 г. (S/RES/1887 09-52376 1887), выразил глубокую обеспокоенность угрозой ядерного терроризма и призвал государства принять эффективные меры по недопущению доступа террористов к ядерным материалам или технологиям. В целях снижения риска ядерного терроризма путем повышения стандартов ядерной безопасности Совет безопасности призывает государства-члены обмениваться опытом и предложил государствам-участникам принимать необходимые меры по обеспечению международного мира. При этом главным органом ООН в сфере международной безопасности обозначена решимость отслеживать ситуации с получением негосударственными субъектами, определение которых дано в Резолюции 1540 (2004) ООН, доступа к ядерным материалам, ядерному оружию и средствам его доставки.

Для обеспечения безопасности общества «управленческая деятельность аппарата публичной власти государства требует функциональной специализации» [Грачев: 147] его органов. Наличие государственной системы является одним из основных сложившихся источников легитимности обладания страной ядерным оружием [Boggie, Caughley: 49], правоприменительная политика которой характеризуется особым субъектным составом государственных органов. Такая политика в сфере использования ядерной энергии находится в центре внимания Президента России, Правительства РФ, федеральных, региональных и местных органов власти, организаций. В условиях кризиса органы управления мирового сообщества «прямо увязывают эффективность государственного управления в период чрезвычайной ситуации с необходимостью межведомственной и даже межгосударственной координации» [Максуров: 9].

В развитии насильственного потенциала международного терроризма в качестве самостоятельного направления Ю.И. Авдеев отметил ставку на использование ядерных материалов. Некоторые крупные международные террористические организации в течение ряда лет проявляют значительную активность в попытках их приобретения [Авдеев: 15]. При рассмотрении теории каталитической ядерной войны в эпоху цифровых технологий в литературе [Johnson] высказываются предположения об эволюции ядерных стратегий негосударственных субъектов, в результате которой несанкционированный государством ядерный взрыв или реальная угроза взрыва могут спровоцировать случайный или непреднамеренный обмен ядерными ударами между недружественными ядерными державами.

Противодействие терроризму, незаконному обороту ядерных и радиоактивных материалов как системной угрозе Шанхайской организацией сотрудничества названо в числе главных приоритетов государств [Теория: 465]. В Концепции радиационной, химической и биологической защиты населения¹ отмечено, что в условиях недостаточной эффективности антитеррористического сотрудничества возникшая при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов вероятность радиационной угрозы характеризуется растущей опасностью новых проявлений глобального терроризма, реальных угроз совершения терактов с применением радиоактивных веществ. Ряд исследователей приходит к выводу о том, что в современном мире «угроза радиологического терроризма... достаточно высока» [Макаров: 112]. Под угрозой радиационного характера рассматривается прямая или косвенная возможность причинения вреда жизни или здоровью людей, окружающей среде, имуществу в результате воздействия поражающих радиационных факторов.

Правоприменительную политику, характеризующуюся особым субъектным составом государственных органов, формирует и реализует не абстрактное государство, а определенные органы, учреждения и должностные лица. Для осуществления борьбы с ядерным терроризмом государствами учреждаются организационные структуры, ответственные за данное направление деятельности государства и его органов, либо проводится реорганизация, корректировка задач и функций действующих институтов [Малько, Рудковский: 9]. Оценивая отношения между США и Россией как откровенно антагонистические, американские исследователи полагают, что американо-российское сотрудничество по вопросам, которые раньше были выше политики для обеих стран, например противодействие ядерному терроризму, также приходит в упадок [Loukianova Fink, Olikier].

Важность физической защиты ядерного материала в сентябре 1975 г. была признана Генеральной конференцией Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в резолюции (GC/XIX/RES/328), которая призвала государства-члены и Генерального директора агентства рассмотреть пути и средства содействия международному сотрудничеству в решении общих проблем физической защиты ядерных установок и материалов. До установления такого сотрудничества обязанностью государств-членов являлись подготовка и осуществление мер, определение уровней физической защиты ядерного материала и установок в целях предотвращения несанкционированного доступа к такому материалу или его хищения, а также злоупотребления установками. Однако сами понятия функций государства и его органов про-

должают оставаться предметом дискуссий и отражать сложившуюся практику. В частности, термин «функции», согласно закону США «Homeland Security Act of 2002» (H.R.5005 - 107th Congress, 2001–2002), рассматривается весьма широко и включает полномочия, права, привилегии, иммунитеты, программы, проекты, виды деятельности, обязанности и ответственность. Ряд факторов (способы и порядок учреждения органов государственной власти, порядок распределения компетенций между различными государственными органами и характер их взаимоотношений, место и роль в государственном механизме армии, полиции, контрразведки, разведки и др. органов) в значительной степени отличают систему государственных органов США в борьбе с ядерным терроризмом, которая характеризуется централизацией и интеграцией ресурсов для гибкого реагирования на ядерные и радиационные инциденты с широким использованием метода координации в решении сложных задач предотвращения и пресечения актов ядерного терроризма и минимизации их последствий.

Системы реагирования на диверсионно-террористические угрозы объектам использования атомной энергии в развитых государствах основаны на международных антитеррористических конвенциях и руководящих документах МАГАТЭ. Международное агентство через Фонд ядерной безопасности оказывает помощь государствам-членам и информирует их о руководящих принципах в области ядерной безопасности. В связи с необходимостью системного противодействия терроризму [Метельков: 150–241] актуально изучение зарубежного опыта государственной организации борьбы с актами ядерного терроризма.

С целью углубления понимания масштабов последствий совершения актов ядерного терроризма и выработки мер по их предотвращению, смягчению и минимизации наряду с анализом угроз и последствий радиационных аварий на основе изучения зарубежного опыта, прежде всего США, целесообразно ознакомиться с организационно-правовой системой реагирования на акты ядерного и радиационного терроризма. Такой подход к рассмотрению скоординированного на основе правовых норм порядка функционирования органов государственной власти корреспондирует с распространенной в научной юридической литературе позицией понимания государственного механизма как системы властных государственных органов в действии, в процессе осуществления функций государства по управлению обществом [Сырых: 28–53].

В США до 11 сентября 2001 г. возникновение радиологической чрезвычайной ситуации (ЧС) считалось ограниченной возможностью аварии на атомной электростанции. После трагических событий на основе разведывательной информации потенциал реагирования на теракты с использованием радиологиче-

ских материалов (RDD) или ядерных устройств (ID) увеличился, наращиваются усилия по предотвращению нападений террористов во всем мире.

Федеральный закон Соединенных Штатов (1988) – Закон Роберта Т. Стаффорда о помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайной помощи (Закон Стаффорда) создал систему, согласно которой Президент США создает правовую основу для оказания финансовой и ресурсной помощи. До 11 сентября государственная власть с учетом исторических особенностей управление кризисом и его последствиями рассматривала отдельно. Генеральный прокурор отвечал за реагирование правоохранительных органов (LE), а Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях (FEMA) управляло ликвидацией последствий. Ввиду отсутствия должного взаимодействия такое раздвоение вызывало определенные проблемы. Этот организационно-правовой пробел мог быть использован террористами. После трагических событий в США были приняты нормативные правовые акты, направленные на обеспечение интеграции кризисного управления и реагирования на последствия в единую государственную функцию. Министр внутренней безопасности был наделен обязанностью обеспечивать совместную работу всех частей государственного механизма с привлечением других институтов общества. Президентской директивой по национальной безопасности № 5 от 28 февраля 2003 г. (HSPD-5) было инициировано принятие Национальной системы управления инцидентами.

Правительство США предприняло наступательный интегрированный подход, включающий заблаговременное планирование и обеспечение готовности к реагированию. Усилия по объединению отдельных схем управления ядерной и радиологической безопасностью, обеспечению совместной работы с более чем 40 странами и координации с МАГАТЭ были реализованы в Глобальной инициативе по уменьшению угрозы (2004). 15 июня 2021 г. администрация Президента США обнародовала первую в истории государства Национальную стратегию противодействия внутреннему терроризму, ставшую реакцией правительства на внутренний экстремизм. Федеральное бюро расследований США определяет внутренний терроризм как терроризм с участием групп, базирующихся и действующих исключительно в Соединенных Штатах и на их территориях, без внешнего руководства. Стратегия, инициированная нападением 6 января 2021 г. на Капитолий, была направлена на анализ истории внутренней террористической деятельности и выработку мер реагирования. Выпуск национальной стратегии с более широким подходом к ресурсам, выделяемым на противодействие внутренним угрозам, явился поворотным моментом в политике США по борьбе с терроризмом.

Риск приобретения и использования террористами ядерного или радиологического устройства правящими кругами США рассматривается в качестве одной из главных угроз нации. В изданной 11 декабря 2004 г. президентской директиве Homeland Security Presidential Directive-4 / National Security Presidential Directive-17 «National strategy to combat weapons of mass destruction» записано, что оружие массового поражения (ОМП) – ядерное, биологическое и химическое – во владении враждебных государств и террористов представляет собой одну из самых серьезных проблем безопасности, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты. Исходя из этой оценки, Президентом США предписано реализовывать комплексную стратегию для противостояния этой угрозе во всех ее формах. Эффективная стратегия противодействия ОМП, в том числе его использованию и дальнейшему распространению, является неотъемлемым компонентом Стратегии национальной безопасности США, в основном последовательно проводимой всеми президентами. Для противодействия этой угрозе разрабатывается надежная многоуровневая защита, каждый уровень которой ограничивает способность террористов осуществлять такие угрозы. Концепция многоуровневой защиты, которой придерживаются руководящие круги США, включает ликвидацию избыточных запасов ядерных материалов и оружия, защиту существующих запасов от краж или утечек, обнаружение незаконного перемещения ядерных или радиоактивных материалов через границу, наращивание мер по обнаружению и пресечению актов ядерного терроризма.

В процессе реализации концептуальных установок правительством США реализованы программы по защите нации от ядерной террористической атаки. Отдельные программы были приняты до 11 сентября 2001 г., другие – после трагических событий. Большинство из них находится в сфере деятельности Комиссии по ядерному регулированию (NRC), Министерства обороны, Министерства энергетики и государственных агентств, включенных в состав созданного Министерства внутренней безопасности (Department of Homeland Security, DHS). В основном они сосредоточены на обнаружении незаконного приобретения и перевозки ядерных и радиологических материалов, защите и обеспечении безопасности ядерного оружия. Значительная часть разрозненных программ при отсутствии должного централизованного контроля со стороны государства исторически рассматривалась как недостаточно скоординированная. Закон о противодействии оружию массового уничтожения (2018) обязал Министра внутренней безопасности разрабатывать стратегию и выполнение программы безопасности городов, оценивать их эффективность и готовить предложения

по изменению программы в ходе ее реализации. Программа STC (Securing the Cities program), известная как «Обеспечение безопасности городов», или «программа STC», определена законом 6 Кодекса США, § 596b с целью повышения способности государства обнаруживать и предотвращать террористические атаки и другие события с серьезными последствиями с использованием ядерных или других радиологических материалов, представляющих высокий риск для национальной безопасности в городских районах. Секретарь DHS через своего помощника учреждает эту программу.

Министр внутренней безопасности является главным федеральным должностным лицом по управлению инцидентами внутри страны. В соответствии с Законом о внутренней безопасности (2002) министр отвечает за координацию федеральных операций в США по подготовке, реагированию на угрозы терроризма и восстановлению после террористических атак, крупных бедствий и других ЧС. В соответствии с нормами Закона о внутренней безопасности (раздел 872) исполняющим обязанности министра внутренней безопасности были объединены определенные химические, биологические, радиологические и ядерные функции во вновь созданном Управлении по противодействию оружию массового уничтожения. Секретарь DHS 5 декабря 2017 г. в рамках одной из самых значительных за десятилетие реорганизаций Министерства внутренней безопасности учредила CWMD, в состав которого были включены DNDO, ОНА, за исключением его функций здравоохранения и медицинской поддержки, не связанных с исследованиями и разработкой ОМП, функции научно-технического отдела, а также функции Управления стратегии, политики и планов и Управления операций и координации, связанные с химическими и биологическими веществами. 18 декабря 2018 г. сенат США принял Закон о противодействии оружию массового уничтожения от 2018 года (HR 7213), ранее Палата представителей проголосовала единогласно за законопроект. Закон учредил в DHS управление по борьбе с оружием массового уничтожения (CWMD), предоставляя ему необходимые полномочия для защиты американского народа от развивающихся угроз ОМП. В частности, закон реорганизовал Управление по вопросам здравоохранения (ОНА), Внутреннее управление по обнаружению ядерных материалов (DNDO), Управление науки и технологий (S&T), Управления политики и Управления координации операций в противодействии ОМП, а также программы. ОНА координирует мероприятия DHS, уделяя особое внимание исследованию воздействия на здоровье населения химических, биологических, радиологических и ядерных (CBRN) средств. DNDO возглавляет программы DHS по обнаружению радиоактивных и ядерных ма-

териалов, оценке рисков, а S&T проводит оценку рисков терроризма.

Для поддержания взаимодействия служб экстренного реагирования и соответствующих должностных лиц на всех уровнях государственного управления в случае террористических актов и других опасностей Агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA) обеспечивает обмен информацией, координирует связь и проводит общенациональную информационно-разъяснительную работу. Программа координации экстренной связи CISA укрепляет возможности реагирования федерального правительства, правительств штатов, местных, племенных и территориальных органов государственной власти (FSLTT) посредством сотрудничества. CISA поддерживает федеральное реагирование и восстановление коммерческой инфраструктуры проводной, беспроводной, спутниковой и ширококвещательной связи, а также помогает ликвидировать ЧС и осуществлять восстановительные работы, обеспечивая координацию взаимодействия органов FSLTT. CISA поддерживает работу заинтересованных сторон на всех уровнях правительства, включая SAFECOM, Национальный совет координаторов по взаимодействию в масштабах штата, Центр готовности к чрезвычайным ситуациям, Федеральное партнерство по совместимым коммуникациям и Международные пограничные рабочие группы. SAFECOM – это управляемый CISA проект, учрежденный в 2001 г. после террористических атак 11 сентября в рамках президентской инициативы электронного правительства по улучшению взаимодействия в области критически важной общественной безопасности, что позволяет сотрудникам служб экстренного реагирования обмениваться информацией в интересах предотвращения и ликвидации ЧС.

В 2021 г. FEMA приняло современную редакцию документа, названного «Разработка и введение планов действий в чрезвычайных ситуациях: комплексное руководство по обеспечению готовности (CPG): версия 3.0». CPG 101 содержит рекомендации по разработке планов действий в ЧС и способствует общему пониманию основ планирования с учетом рисков. Цель документа состоит в том, чтобы помочь сделать техническим процесс планирования путем интеграции, координации и синхронизации действий на всех этапах управления ЧС и для всех направлений выполнения миссии национальной безопасности. В документе отмечено, что национальная программа реагирования (NRF) является основой для разработки национальных и региональных планов, реализующих федеральные мероприятия по реагированию. Федеральные межведомственные оперативные планы (FIOP) определяют общую концепцию операций, интегрируя и синхронизируя возможности нацио-

нального уровня для поддержки всех уровней государственного управления. Государственные органы рассматривают местные и федеральные планы по развитию (EOP) для повышения осведомленности и понимания ситуации, что позволяет разрабатывать соответствующие государственным функциям планы и обеспечивать проведение совместных операций.

Внутреннее управление по обнаружению ядерных материалов (DNDO) было основано 15 апреля 2005 г. президентом США на основе директивы NSPD 43 / HSPD 14. В 2006 г. в DHS для координации федерального ответа на нетрадиционную ядерную угрозу на основании Закона о безопасных портах (P.L. 109-347) сформировано DNDO.

Директива NSPD 43/HSPD 14 предназначена для улучшения внутреннего управления исполнительной властью правительства США. В Директиве выработана политика защиты от несанкционированного ввоза в США, владения, хранения, транспортировки, разработки или использования ядерного взрывного устройства, расщепляющегося материала или радиологического материала, а также для защиты от нападения с использованием таких устройств или материалов против людей, территории или интересов США. Содержание политики состоит в развитии и расширении национальных возможностей обнаружения ядерных и радиологических явлений, оповещения, предотвращения незаконного оборота и использования ядерных устройств и материалов, а также в совершенствовании интеграции возможностей обнаружения в федеральных, государственных, местных и племенных органах власти и в частном секторе в целях управляемого реагирования. Политикой для защиты страны от радиологического и ядерного нападения предусматривается развитие науки и технологий о ядерном и радиологическом обнаружении, позволяющих точно и быстро определить источник ядерных материалов. Президентская директива NSPD 43/HSPD 14 применяется в соответствии с действующим в США законодательством, включая Закон об атомной энергии от 1954 г., Закон о национальной безопасности от 2002 г. и Закон о национальной безопасности от 1947 г. (с поправками), а также указаниями президента США с учетом выделенных финансовых ресурсов. Директивой предписано министру внутренней безопасности не реже одного раза в год отчитываться о ее реализации перед президентом США. В функции DNDO по выполнению законодательных обязанностей включены разработка системы обнаружения ядерного оружия, определение предложений по участию федеральных органов в защите от ядерного нападения, координация деятельности, выявление дублирующих функций и пробелов в этой сфере, интеграция результатов в единую архитектуру. Для оказания помощи в разработке и развертывании

ядерной архитектуры DNDO взаимодействует с федеральными, государственными и местными организациями.

Министр внутренней безопасности уполномочен осуществлять руководство и контроль над DNDO, как это предусмотрено в разделе 102 (а) (2) Закона о национальной безопасности 2002 г. После реорганизации CWMD продолжает выполнять функции бывшего DNDO и ОНА в зонах биологической, химической, ядерной и радиологической опасности. Эти функции включают в себя мониторинг, оценку и обмен информацией об угрозах, а также внедрение новых технологий. С принятием в декабре 2018 г. публичного закона США (132 STAT. 5164 PUBLIC LAW 115–387–DEC. 21, 2018 (6) in section 1923, as redesignated – (A)) DNDO утратило статус самостоятельного управления DHS и вошло в качестве подразделения в CWMD. Обязанности DNDO были сужены. В сотрудничестве с федеральными агентствами DNDO разработало глобальную архитектуру ядерного обнаружения – система систем, призванная противодействовать, в первую очередь на национальной территории, угрозе ядерного терроризма. Глобальная архитектура – это многоуровневая система технологий обнаружения, программ и руководств, призванных повысить способность страны обнаруживать и предотвращать радиологическую или ядерную атаку. Архитектура обнаружения ядерных материалов представляет собой сложную организационно-правовую и технологическую многоуровневую структуру, охватывающую различные федеральные программы, проекты и мероприятия по обнаружению и сдерживанию ядерной контрабанды в зарубежных странах, на границе и внутри США. Среди структурных компонентов архитектуры выделяют программы по обнаружению ядерных материалов, реализуемые DNDO, а также другими федеральными агентствами. Реагирование на ядерные и радиологические угрозы организовано на основе межведомственного сотрудничества, взаимодействия федерального, государственного и местного уровней осуществления власти. Обеспечивается тесное взаимодействие и координация между DHS, DOD, DOE, Государственным департаментом, Федеральным бюро расследований (FBI, ФБР), государственными, территориальными, племенными и местными правительствами и заинтересованным частным сектором. По мере необходимости DNDO координирует и сотрудничает с другими федеральными агентствами.

В процессе принятия инвестиционных решений конгресс США осуществляет контроль за разработкой и внедрением глобальной архитектуры обнаружения ядерного оружия. В центре его внимания находится баланс между инвестициями в краткосрочной перспективе и долгосрочными решениями

проблем в архитектуре, эффективность межведомственной координации на федеральном уровне, механизм определения инвестиционных приоритетов, предпринимаемые DNDO усилия для сохранения институциональных знаний в совершенствовании архитектуры. Закон об оружии массового поражения 2018 г. усилил контрольную функцию. Секретарю DNS предписано представлять в соответствующие комитеты конгресса и генеральному контролеру Соединенных Штатов (директору Управления подотчетности правительства-GAO) доклад об оценке эффективности программы STC.

Для реагирования на потенциальные и фактические террористические угрозы и действия в США, включая ядерный и радиологический терроризм, разрабатываются планы скоординированного реагирования². В целях реагирования на угрозы радиационного характера Федеральное правительство приняло комплексную концепцию операций (CONPLAN) – план действий правительства США по межведомственной борьбе с терроризмом (NCJ 189840, январь 2001 г.). План устанавливает структуру для систематического, скоординированного национального ответа на террористические акты. CONPLAN представляет собой реализацию требований Директивы президента США NSC-39 (PDD-39), обязывающую федеральное правительство поддерживать местных участников в реагировании на ЧС. План был разработан с участием ФБР усилиями шести основных департаментов и агентств с учетом обязанностей, определенных в Генеральном плане реагирования на критические инциденты, внутренние рекомендации PDD-39 и Федерального плана реагирования с приложением к нему мероприятий, проводимых по террористическим инцидентам. CONPLAN предназначен для обеспечения общего руководства федеральными, государственными и местными агентствами относительно того, как федеральное правительство будет реагировать в непредвиденных чрезвычайных обстоятельствах на потенциальную или реальную террористическую угрозу или инцидент, происходящий в США, особенно тот, который связан с ОМП. План устанавливает структуру для системного скоординированного национального ответа на угрозы или террористические акты в США, определяет порядок привлечения федеральных ресурсов для усиления и поддержки органов местного самоуправления и правительства штатов, устанавливает обязанности по управлению кризисами и последствиями, формулирует координационные отношения между субъектами реагирования. Коллективный ответ потребует скоординированного межведомственного подхода с такими агентствами, как Министерство юстиции (DOJ), FBI, FEMA, Министерство обороны (DOD), Министерство энергетики (DOE), Агентство по охране окружа-

ющей среды (EPA) и Министерство здравоохранения и социальных служб (DHHS). Антикризисное управление является преимущественно функцией правоохранительных органов и включает меры по выявлению, приобретению и планированию использования ресурсов, необходимых для прогнозирования, предотвращения и/или устранения угрозы или террористического акта. Управление последствиями – это преимущественно функция управления ЧС, включающая меры по защите здоровья и безопасности населения, восстановлению основных государственных служб и оказанию чрезвычайной помощи правительствам, предприятиям и отдельным лицам, пострадавшим от последствий терроризма. Оперативное реагирование на террористическую угрозу включает скоординированный межведомственный процесс, организованный в рамках концепции головного федерального агентства. Запрос на федеральную помощь со стороны правительства штата и местного самоуправления, а также владельцев и операторов объектов критической инфраструктуры согласовывается с ведущим агентством. Участвующие в контртеррористических операциях или в разрешении террористических инцидентов федеральные органы несут расходы по собственному участию в этой деятельности, если иное не определено в законодательстве США.

FEMA уточняет и определяет миссию, возможности и ресурсы других вспомогательных отделов и агентств; действия каждого агентства или отдела на каждом этапе реагирования, включая кризисные действия по управлению и ликвидации последствий, которые необходимы для химических веществ, биологических, ядерных (радиологических) и обычных материалов или устройств. Реагирующими государственными органами в данной ситуации являются ФБР (внутренняя секция планирования борьбы с терроризмом для управления кризисными ситуациями отдела по борьбе с терроризмом) или FEMA (отдел операций и планирования Управления по чрезвычайным ситуациям, реагированию и восстановлению; Управление последствиями).

Межведомственная концепция правительства США по борьбе с внутренним терроризмом содержится в операционном плане (CONPLAN), который включает общие рекомендации федеральным, государственным и местным агентствам о порядке реагирования федерального правительства на потенциальную или фактическую террористическую угрозу или инцидент в США с использованием ОМП. Министерства и агентства поддерживают общую концепцию операций плана путем выполнения возложенных на них обязанностей в соответствии с президентскими директивами PDD-39 и PDD-62, внедряют национальные подходы по региональному планированию

и проведению учений для поддержания готовности к реагированию.

Генеральный прокурор отвечает за разработку и реализацию политики, направленной на предотвращение террористических атак внутри страны, и осуществляет уголовное преследование за террористические действия, нарушающие законы США. ФБР по поручению Министерства юстиции исполняет обязанности головного федерального агентства (Lead Federal Agency, LFA) по реагированию на террористические инциденты. Как ведущее агентство антикризисного управления ФБР возглавляет федеральное реагирование, реализует внутри страны ответные антикризисные меры федерального уровня управления кризисом. ФБР назначает командира (OSC) для обеспечения координации объединенного ответа правительства штата с федеральными, государственными и местными властями до передачи Генеральным прокурором этой функции FEMA. Как ведущее агентство FEMA реализует Федеральный план реагирования (FRP) для управления и координации федеральных ответных мер по управлению последствиями для поддержки государственных и местных властей.

Министерство обороны оказывает военную помощь основным органам CONPLAN при выявлении и пресечении террористического акта после запроса соответствующего органа и одобрения министра обороны. DOE предоставляет научно-технический персонал и оборудование для поддержки LFA во время террористического акта ядерного или радиологического характера с применением ОМП. Программы DOE/NNSA по стабилизации и обезвреживанию обеспечивают техническую оценку, обучение и оперативную поддержку ФБР и Министерства обороны США по предотвращению ядерного терроризма с использованием технологий и приложений специальных методов и средств для идентификации и обезвреживания ядерных и радиологических устройств. Группы по обезвреживанию DOE/NNSA имеют специализированный персонал и оборудование, необходимые для оценки, анализа и технических консультаций правительственных сил с целью обезвреживания оружия или устройства, их упаковке и перемещению в безопасное место. Агентство по охране окружающей среды предоставляет технический персонал и вспомогательное оборудование реагирующим субъектам в процессе террористической атаки с применением ОМП.

В правительстве США главную роль в реализации программы ядерного нераспространения играет Национальное управление ядерной безопасности (NNSA) DOE. NNSA координирует свои действия с другими подразделениями Министерства энергетики, в особенности с Управлением по охране окру-

жающей среды, Управлением по ядерной энергии и Управлением науки. В процессе разработки общегосударственной политики NNSA под руководством администрации Белого дома принимает участие в Регулярных межведомственных политических встречах на всех уровнях по ядерному нераспространению, противодействию терроризму и реагированию на ЧС. DOE (NNSA) работают в партнерстве с другими американскими государственными учреждениями, участвующими в ядерном нераспространении и борьбе с ядерным терроризмом, особенно DOS (включая получение финансирования для усилий по наращиванию потенциала за рубежом) и Министерства обороны США. Ключевые программы DOS в этой области находятся в Бюро международной безопасности и нераспространения, включая Фонд нераспространения и разоружения и Управление по совместному уменьшению угрозы, инициативу по противодействию распространению, сотрудничеству в области экспортного контроля и противодействия терроризму с использованием ОМП. В DOD программы включают Глобальную программу физической ядерной безопасности и Программу предотвращения распространения. DHS, DOJ и NRC тесно сотрудничают с DOE/NNSA в ядерном нераспространении ядерного оружия и борьбе с ядерным терроризмом.

Деятельность DOE / NNSA по уменьшению ядерной и радиационной угрозы, координируемая с подразделениями DOE и другими федеральными агентствами (DOD, NRC, FBI и DHS), включает мероприятия по удалению ядерных материалов и радиоактивных источников, обнаружению и сдерживанию ядерной контрабанды, исследованию и разработке в области обнаружения ядерного взрыва и распространения, конверсию реакторов и некоторых работ по удалению и транспортировке ядерных материалов в США.

Согласно A Strategic Plan to Reduce Global Nuclear Threats (FY 2018–FY 2022) – Стратегическому плану по уменьшению глобальных ядерных угроз (на 2018–2022 финансовые годы) функции механизма государства в сфере предотвращения, противодействия и реагирования объединяют:

- возможности радиологического мониторинга и оценки окружающей среды в случае радиологического инцидента (координируется с DOD, EPA, HHS и другими федеральными агентствами, которые сотрудничают с Федеральным центром радиологического контроля и оценки);

- внутренние ядерные судебные экспертизы (координируются с DHS, который управляет Национальным техническим центром ядерной криминалистики);

- реагирование на ядерные или радиологические инциденты, которое координируется FBI;

- внутренние и международные учебные мероприятия по борьбе с терроризмом (координируются с FBI в сотрудничестве с DOE/NNSA);

- международную информационно-пропагандистскую деятельность в области ядерной судебной экспертизы (координируется с DOS);

- мероприятия по налаживанию надежных поставок медицинского изотопа Мо-99, произведенного без ВОУ (координируется с DOS, NRC и HHS);

- реализация американо-российского PMDA (координируется с DOS);

- информационно-разъяснительную работу и обучение в сфере экспортного контроля (координируется с DOS, DHS и Министерством торговли [DOC]);

- рассмотрение запросов на получение разрешения на передачу несекретных ядерных технологий (в соответствии с частью 810 раздела 10 свода федеральных нормативных актов) и оказание помощи в зарубежной деятельности в области использования атомной энергии (по согласованию с соответствующими подразделениями-офисами DOE/NNSA и DOS, DOD, NRC, DOC и в некоторых случаях – с директором Национальной разведки, каждый из которых играет роль в рассмотрении этих запросов в соответствии с установленными законом требованиями);

- заключение соглашений о сотрудничестве в сфере гражданской атомной энергетики с зарубежными странами в соответствии с разделом 123 Закона США об атомной энергии (координируется с подразделениями DOE и DOS: DOE оказывает техническую помощь в переговорах, а DOS ведет переговоры и обеспечивает согласование с NRC);

- управление доступом, распространением и использованием информации IND (координируется с DOE, DOD, DOJ, DHS, DOS, NRC и разведывательным сообществом США).

Исследование организационно-правовых и регулирующих документов США подтверждает решающую роль государственного механизма в координации и организации борьбы с ядерным терроризмом на основе мониторинга ситуаций, связанных с получением негосударственными субъектами радиоактивных материалов и ядерных взрывных устройств, и соответствующей подготовке к реагированию на актуальные угрозы.

Выводы

1. Обобщение и анализ опыта США позволили выделить заслуживающий внимания и учета метод организационно-правового противодействия ядерному терроризму, основанный на определении диапазона существующих федеральных усилий по защите от ядерного нападения, координации компонентов системы государственного механизма, выявлении дублирующих функций и пробелов в совместной

деятельности для интеграции совместных усилий в единой архитектуре реагирования.

2. Гибкая, адаптируемая к конкретной ситуации, связанной с актами ядерного терроризма, система государственных органов обеспечивает своевременное реагирование на широкий спектр ядерных и радиологических угроз.

Примечания

¹ Концепция радиационной, химической и биологической защиты населения, утвержденная решением коллегии МЧС России от 4 декабря 2019 г. № 8/11. URL: <https://29.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 27.07.2022)

² Managing the Emergency Consequences of Terrorist Incidents. Interim planning guide for state and local governments. Federal Emergency Management Agency. URL: <https://www.fema.gov/pdf/plan/managingemerconseq.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

Список литературы

Авдеев Ю.И. Современный международный терроризм: новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 1. С. 10–26.

Грачев Н.И. Основные функции государства, верховной власти и государственного аппарата: критерии разграничения и политико-правовое содержание // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2. С. 140–149.

Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // Правоприменение. 2017. № 3. С. 5–14.

Макаров В.Г. Противодействие радиологическому терроризму: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8. Ч. 1. С. 110–113.

Максуров А.А. Координация деятельности субъектов права в условиях кризиса: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022.

Метельков А.Н. Ядерный терроризм: минимизация последствий (монография). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России, 2022. 275 с.

Обухов В.М., Чайкин Э.В., Гатиев А.Х. Теория государства и права: учеб. пособие для вузов. Москва: Рэйнбоу 2000, 2002. 287 с.

Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. Москва: Юстицинформ, 2012. 704 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/753701> (дата обращения: 20.07.2022).

Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Бара-

нов, Н.В. Варламова и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. Москва: ИД Юриспруденция, 2016. 480 с.

Borrie J., Caughley T. Viewing nuclear weapons through a Humanitarian Lens. UNIDIR United Nations Institute for Disarmament Research. Geneva, Switzerland, New York and Geneva, 2013, p. 157.

Johnson James. Catalytic nuclear war' in the age of artificial intelligence & autonomy: Emerging military technology and escalation risk between nuclear-armed state. Journal of Strategic Studies, 2021, pp. 1-41.

Loukianova Fink A., Olikier O. Russia's Nuclear Weapons in a Multipolar World: Guarantors of Sovereignty, Great Power Status & More. Spring, 2020. URL: <https://www.amacad.org/publication/russias-nuclear-weapons-multipolar-world> (дата обращения: 28.07.2022).

References

Avdeev Ju.I. *Sovremennyyi mezhdunarodnyi terrorizm: novye ugrozy i aktual'nye voprosy protivodeistviia* [Modern international terrorism: new threats and topical issues of counteraction]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 2003, No 1, pp. 10–26. (In Russ.)

Grachev N.I. *Osnovnyye funktsii gosudarstva, verkhovnoi vlasti i gosudarstvennogo apparata: kriterii razgranicheniia i politiko-pravovoe sodержanie* [The main functions of the state, the supreme power and the state apparatus: criteria for delimitation and political and legal content]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovani* [Russian Journal of Legal Studies], 2019, vol. 6, No 2, pp. 140–149. (In Russ.)

Mal'ko A.V., Rudkovskij V.A. *Pravoprimenitel'naia politika: poniatie, sodержanie, naznachenie* [Law enforcement policy: concept, content, purpose]. *Pravoprimenie* [Law enforcement], 2017, No 3, pp. 5–14. (In Russ.)

Makarov V.G. *Protivodeistvie radiologicheskomu terrorizmu: problemy i perspektivy* [Counteraction to radiological terrorism: problems and prospects]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch.* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice: in 2 part]. Tambov, Gramota Publishing House, 2014, No 8, part 1, pp. 110–113. (In Russ.)

Maksurov A.A. *Koordinatsiia deiatel'nosti sub'ektov prava v usloviakh krizisa: monografiia* [Coordination of the activities of subjects of law in a crisis: monograph]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. (In Russ.)

Metel'kov A.N. *Iadernyi terrorizm: minimizatsiia posledstvi* [Nuclear terrorism: minimization of consequences: monograph]. S.-Petersburg, Saint-

Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia Publ., 2022, 275 p. (In Russ.)

Obuhov V.M., Chajkin Je.V., Gatiev A.H. *Teoriia gosudarstva i prava: ucheb. posobie dlia vuzov* [Theory of State and Law: Proc. manual for universities]. Moscow, Rjejnbou 2000 Publ., 2002, 287 p. (In Russ.)

Syryh V.M. *Teoriia gosudarstva i prava: Ucheb-nik* [Theory of State and Law: Textbook], publ. 6. Moscow, Justicinform Publ., 2012, 704 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/753701> (access date: 20.07.2022). (In Russ.)

Teoriia gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii, praktike: monografiia [Theory of state and law in-

science, education, practice: monograph]. Ju.G. Arzamasov, V.M. Baranov, N.V. Varlamova et al.; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; Moskovskii gos. iurid. un-t im. O.E. Kutafina. Moscow, ID Iurisprudent-siia Publ., 2016, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was received by the editors on 28.07.2022; approved after peer review 25.08.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 241–246. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 241–246. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 347.243

EDN VGTUXE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-241-246>

АМЕРИКАНСКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ДАННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Бекренев Павел Юрьевич, кандидат политических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, yuristbekrenev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8171-6817>

Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Мельников Иван Николаевич, кандидат юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Аннотация. В статье проанализированы действующие модели ограничений прав на землю в законодательстве Соединенных Штатов Америки, ряда европейских государств и России. Дана оценка влияния особенностей правовой системы на способы и механизмы реализации ограничений в правах. Целью проведенного анализа является выявление наиболее типичных признаков существующих моделей ограничений. Кроме того, авторами предпринята попытка оценки влияния международного опыта на формирование данного института в отечественном праве, а также выявление тенденций в развитии «соседского права» в России.

Ключевые слова: сервитут, частный сервитут, соседское право, ограниченное право пользования, модели (европейская, российская и американская) ограничений собственности в интересах соседа, «соседское право».

Для цитирования: Бекренев П.Ю., Хлестакова Л.А., Мельников И.Н. Американская и европейская модели ограничения права собственности на земельные участки и их влияние на регулирование данных отношений в России // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 241–246. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-241-246>

Research Article

AMERICAN AND EUROPEAN MODELS OF LAND OWNERSHIP RESTRICTIONS AND THEIR IMPACT ON THE REGULATION OF THESE RELATIONS IN RUSSIA

Pavel Y. Bekrenev, Candidate of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, yuristbekrenev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8171-6817>

Lyubov A. Khlestakova, Candidate of Pedagogic Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Ivan N. Melnikov, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Abstract. The article analyses the section of the Russian private law system devoted to the restriction of land rights. The modern model of a private easement is analysed, the theory and practice of its application are considered. The Russian experience is compared with the models existing in the European and American legal system. The institute of “neighbourhood law” is investigated. Its models adopted in various foreign countries are considered. Individual elements of legal regulation adopted in foreign countries are proposed for research, the experience of which may be useful for the development of Russian legislation in the field under study.

Keywords: easement; private easement; neighbour’s right; limited right of use; European, Russian & American models of property restrictions in neighbour’s interests.

For citation: Bekrenev P.Y., Khlestakova L.A., Melnikov I.N. American and European models of land ownership restrictions and their impact on the regulation of these relations in Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 241–246 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-241-246>

Современные экономические и социальные отношения все более усложняются, что в свою очередь требует развития правовой системы. Одной из актуальных проблем землепользования является проблема обеспечения совместного использования земельных участков для соседствующих землепользователей, а также соблюдения иных ограничений.

Ограничения прав на землю в интересах соседнего землепользователя известны достаточно давно, в виде отдельных видов ограничений они были описаны еще учеными юристами Древнего Рима [Петерский, Новицкий: 120–129]. В трудах античных ученых ограничения собственности разделялись на ограничения в сфере публично-правовых и частноправовых интересов. Страны континентального права, законодательные системы которых были сформированы в процессе рецепции римского права, до сегодняшнего дня в законодательном процессе продолжают руководствоваться принципами, заложенными в римских постулатах.

В настоящее время ограничения собственности во многих национальных системах и правовых порядках подразделяются все также на публичные и частные.

В данной статье речь пойдет именно о частноправовых ограничениях прав землепользователей, под которыми подразумевается совокупность юридических прав и обязанностей, регулирующих отношения собственников и иных лиц, в чьем правовом интересе происходит ограничение прав. Это обусловлено тем, что в процессе осуществления права собственности владельцы участков по-прежнему сталкиваются с интересами собственников смежных участков и необходимо создание эффективных механизмов защиты законных прав и интересов.

Сегодня в теории права многих государств сформировалось единое представление о том, что правовые отношения между смежными землепользователями и землевладельцами регулируются институтом «соседского права», но данный институт пока не характерен для применения в России, поскольку при возникновении подобных споров эти вопросы регулируются в основном сервитутным правом.

Судебные споры подобного рода являются достаточно сложными и трудозатратными для сторон и суда. Кроме того, наличие правовой неопределенности до момента вынесения судебного акта создает значительные трудности в реализации прав для участников правоотношений, что может привести к утрате интереса к объекту спора, а следовательно, и к значительным экономическим потерям.

Внедрение института «соседского права» ожидалось в принятом в 2002 году в первом чтении проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные

законодательные акты Российской Федерации». Однако вопрос о полноценном правовом регулировании соседских отношений остается открытым.

В какой-то мере подобное неприятие этого частноправового института и его правовых конструкций может объясняться тем, что долгое время акцент в российском частном праве делался именно на специальный административный режим, и переход на иные модели в настоящее время воспринимается как слишком резкий, предполагается, что правоприменительная практика к нему еще не готова.

Несмотря на то, что в российской доктрине в настоящее время имеется интерес к концепциям и моделям «соседского права», основанный на презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, комплексных серьезных исследований этого направления на сегодняшний день очень мало. Отсутствуют также комплексные исследования зарубежного правового опыта.

В настоящей статье постараемся кратко проанализировать отдельные зарубежные модели «соседского права» и высказать мнение по возможному разрешению ряда актуальных проблем, имеющих в российской правовой системе в данном направлении.

Значительное внимание как в действующем законодательстве, так и в теоретической доктрине Германии уделяется частноправовым ограничениям собственности, в том числе правовому регулированию «соседского права».

Германское Гражданское уложение [Гражданское уложение 2006] предусматривает общие и специальные нормы, регламентирующие правила использования земельного участка.

Общие нормы устанавливают принципы, понятия условия и правила взаимодействия соседей, предусматривающие обязанность «претерпевать» в определенных пределах воздействия со стороны владельца смежного участка, критерии допустимости этого воздействия, а также устанавливающие запреты на некоторые действия собственника участка в интересах его соседей.

Специальными правилами устанавливаются нормы, регулирующие взаимодействие соседей в строго определенных вопросах. Например, регулируются вопросы легализации или сноса самовольных построек, сервитуты, процедура досудебного урегулирования конфликта и др. [Емелькина: 87].

Гражданский кодекс Швейцарии более детально регулирует «соседские взаимоотношения»³. Швейцарский гражданский кодекс, в отличие от Германского гражданского уложения, не так четко и детально структурирован, но в нем гораздо детальнее проведено классификационное разделение правовых норм на группы по предмету регулирования. Например, отношения при самозахватах участков, при ведении

предпринимательской деятельности, при возведении ограждений, содержании многолетних насаждений и кустарников, ограниченные права пользования и т. д. [Емелькина: 90–91].

В ряде европейских стран действуют специализированные нормативные акты, регламентирующие соседские права. В Норвегии закон от 16.06.1961 г. № 15 «О соседях», в Финляндии закон «О некоторых отношениях между соседями» и так далее [Vieweg, Werner: 115].

Анализ соседского права отдельных стран Европы позволяет сделать выводы, что акцент в регулировании данного института сделан на запретительных нормах, подразумевающих обязанность претерпевать действия со смежного участка, например, большое значение придается нормам, регулирующим претензионный порядок и процесс досудебного урегулирования возникающих споров. При этом положения института соседского права, вступая в конкуренцию с правом собственности, находятся в приоритете.

Американское законодательство, построенное на другом правовом фундаменте, также уделяет серьезное внимание правовой защите права собственности. Американские исследователи отмечают, что соседские конфликты усугубляются такими причинами, как «сокращение территориального мирового пространства и активными общественными изменениями» [Чубаров: 235].

Соседские отношения имеют серьезное значение в американском законодательстве, такие черты правовой системы США, как доминирование судебного прецедента, особенности правовой структуры вещного права как правового института обусловили свои особенности модели соседского права, сложившейся в США. На сегодняшний день в Америке преобладающими нормами в сфере соседских отношений являются нормы федерального законодательства и нормы штатов. Одной из особенностей американской правовой системы является сама структура права собственности. Вместо известного со времен римского права «права владения» совокупность прав объединяется под термином «property rights», аналога «права собственности», охватывая различные имущественные права – данное понятие включает в себя «real property» (реальное имущество, то есть недвижимость) и «personal property» (личное (движимое) имущество)» [Суханов: 25].

Отдельным образом оформленный нормативный акт, регулирующий соседские правоотношения в американском законодательстве, отсутствует. Несмотря на это как институт «соседское право» существует и содержит в себе ряд подразделов. В частности, имеются санитарные нормы и нормы, регулирующие уровень шума, правила содержания животных и возведения заборов. Эти отношения ре-

гламентируются в основном законами штатов и муниципалитетов.

В некоторых штатах имеются местные нормы ограничения шума по уровню децибел. Повышенный шум создает объективный ущерб для здоровья. Американское правосудие при рассмотрении гражданских споров принимает во внимание, что продолжительный шум вызывает состояние «постоянной раздраженности», потерю сна, расстройства нервной системы, раздражение, потерю работоспособности. Нарушения требований законодательства о превышении допустимого уровня шума влечет за собой применение серьезных санкций.

При этом американское законодательство не уделяет значительного внимания вопросам ограничения прав собственника по моделям, характерным для римского сервитутного права, которое развито в Европе.

Современные теоретические принципы для разделения земельных сервитутов и соседских прав определены в науке гражданского права и на первый взгляд не могут вызывать значительных разногласий. Тем не менее в связи с необходимостью разработки законодательства о соседском праве данный институт требует дополнительных исследований [Живов: 22–24].

Разрабатываемая концепция сходна с германским понятием «необходимой дороги». Право «необходимой дороги» существует в системе соседских прав и устанавливает возможности доступа к своему участку.

В гражданском законодательстве Российской Федерации подобные отношения регулируются сервитутом.

В германском гражданском праве, то есть в теории, а также в Гражданском уложении, то есть на практике, разграничиваются право прохода и сервитут.

В отечественной науке и законодательных органах идут дискуссии о введении в законодательство понятий «сервитута прохода и проезда» как отдельной правовой конструкции.

В повседневной реальности распространены ситуации, когда возникает крайняя необходимость для прохода через смежный участок дороги.

Гражданский кодекс РФ предусматривает в этом случае установление частного или публичного сервитута.

Германская концепция представляется достаточно перспективной, но высокорисковой, поскольку механизм ограничения прав, возникающий в результате внедрения в российское законодательство права «необходимой дороги», может повлечь за собой неоднозначность правоприменения и возможные злоупотребления правом со стороны недобросовестных соседей, которые, действуя в угоду собственным интересам, будут ограничивать права иных лиц. По всей видимости, в настоящее время в России не созданы ус-

ловия для внедрения данного института, но при этом присутствует объективная необходимость совершенствования модели сервитута и создания отдельных видов оперативных сервитутов.

Эта конструкция права будет существенно отличаться от правовых моделей, сложившихся в странах континентальной Европы, с которыми российское законодательство имеет значительное сходство, но при выборе варианта правового регулирования правоотношений необходимо исходить из комплексной оценки всех обстоятельств и целесообразности бездумного копирования норм.

В европейской и американской правовых системах право собственности рассматривают как одно из основных конституционных прав. Его устанавливает приоритет интересов собственника в случаях, когда он в силу независящих от него обстоятельств лишается доступа к участку.

При этом необходимости в заключении соглашения о сервитуте нет. Интересы собственника, лишившегося возможности владения и пользования участком, нуждаются в защите больше, чем интересы смежных землепользователей.

Безусловным правилом осуществления права прохода является наименьшее обременение прав соседа, полное отсутствие доступа к земельному участку, обязанность произвести оплату до начала фактического доступа.

Установление частного сервитута в российском законодательстве требует заключения соглашения с владельцем смежного участка, что в добровольном порядке часто является невозможным.

В этом случае его установление будет зависеть от судебного решения, в том числе и от скорости рассмотрения дела. При этом в период судебного разбирательства собственник земельного участка будет лишен доступа, что говорит о нарушении права собственности. Эта ситуация, по мнению многих ученых, является нарушением конституционной нормы, гарантирующей право на частную собственность.

В ст. 262 Гражданского кодекса РФ закреплено следующее правило: «Если участок не огорожен, либо его собственник иным способом ясно не обозначил, что вход без его разрешения не допускается, любое лицо может пройти через участок при условии, что это не причиняет ущерба или беспокойства собственнику»¹. Это свидетельствует о запрете пройти через чужую землю без разрешения владельца земли и, соответственно, о запрете права необходимой дороги.

В данной норме содержится правомочие «соседского права», а именно презумпция права прохода при условии отсутствия явно выраженного и прямо обозначенного запрета.

Также интересные примеры открываются и при анализе судебной практики.

Так, Ивановским областным судом было отказано в удовлетворении искового заявления собственника земельного участка к собственнику соседнего земельного участка о сносе самовольно установленного столба линии электропередачи, поскольку, по мнению суда, истцом выбран ненадлежащий способ защиты нарушенного права, несообразный характеру нарушенного обязательства.

В европейских странах, так же как и в России, существует возможность урегулировать отношения и посредством установления частного сервитута, при этом сервитут устанавливается только по соглашению и лишь в случае отказа применяются нормы «соседского права», для защиты права в этом случае применяются негаторные иски.

В разъяснениях высших судов России² неоднократно подчеркивалось, что негаторный иск не может заменять собой требование об установлении сервитута.

Анализ действующих нормативных актов, доктрины и правоприменительной практики различных правовых систем позволяет выделить две основные модели ограничений собственности в интересах соседа – американскую и европейскую.

Европейская модель (Германия, Франция, Швейцария) создана на принципах римского права.

Следует выделить ее основные признаки:

1. Обособление частного и публичного права. Ярко выраженное нормативное и доктринальное разделение правовых ограничений на публичные и частные.

1.1. Публично-правовые ограничения имеют следующие отличительные черты:

а) императивность;

б) невозможность изменения соглашением сторон;

в) могут иметь форму уголовного и административного запрета, влекущего возникновение соответствующего вида ответственности (к таким нормам могут относиться нормы экологического, земельного, градостроительного законодательства).

1.2. Частноправовые ограничения имеют следующие отличительные признаки:

а) могут устанавливаться как законом, так и соглашением сторон;

б) регулируются гражданским правом;

в) основными задачами являются: охрана интересов смежных землепользователей в случае нарушения их прав и законных интересов; защита, осуществляемая негаторным иском; возможность досудебного урегулирования спора посредством предусмотренной процедуры;

г) состав соседского права содержит правомочия смежных землепользователей воздействия на чужие участки. Одним из основных принципов «соседского права» является принцип «толерантности», который

подразумевает необходимость «претерпевать воздействие, не выходящее за утвержденные законодательством пределы». Это воздействие устанавливается нормами публичного права. В системе соседского права имеются гражданские нормы, регламентирующие процедуру решения конфликта на досудебной стадии. Как правило, спорные ситуации возникают при самовольном строительстве, пользовании заборами, коммуникациями и т. д.

2. Отличительным признаком европейской концепции соседского права является широкое распространение и подробная регламентация возможности договорного урегулирования спора.

3. В ситуациях защиты в соседском праве применяется, как правило, именно негаторный иск и иски о возмещении вреда.

Отличительной чертой американской модели «соседского права» является отсутствие разграничения публично-правового и частноправового регулирования, а также отсутствие отрасли гражданского права. Различные административно-территориальные единицы США обладают широкими полномочиями в правовом регулировании гражданско-правовых отношений, в связи с чем ограничения в различных штатах отличаются друг от друга. В американской правовой системе существует соседское право, которое можно определить как совокупность нормативных актов о правах соседей. Поскольку в американской правовой модели соседского права акцент сделан на нормы публичного права, которые отличаются в разных штатах, ответственность за нарушение норм также можно охарактеризовать как неоднородную.

В модели, сложившейся в США, нормы соседского права можно разделить на нормы защиты от излишнего шума, использования ограждений, уточнения границ.

Отличительной чертой является доминирование частного интереса собственника. Защита собственности от практически любых возможных посягательств является ярким отличием от европейской концепции, которая в некоторых случаях признает необходимость терпеть действия соседей. Для предотвращения и разрешения соседских конфликтов в американской системе устанавливается императивный порядок нормативного регулирования с высокой ответственностью, включающей высокие штрафы, виды уголовного наказания, и т. д., что помогает разрешению конфликтных ситуаций.

Анализ законодательства говорит о том, что европейская модель «соседского права» является более близкой для России и государств СНГ.

Но многие элементы американской модели могут явиться объектом исследований для возможного заимствования. Как, например, регламентация соседских отношений местными актами.

Американская или англосаксонская система за счет большей мобильности способна более оперативно реагировать на происходящие изменения. В то же время система континентального права более стабильна и устойчива.

Многие исследователи и практики указывают на все возрастающую роль разъяснений и постановлений Верховного Суда Российской Федерации. При этом часто рассматривают эти акты не только как судебные прецеденты, но и как образцы «судебного нормотворчества» [Гунина: 2]. Данный факт в значительной степени свидетельствует о том, что в настоящее время Россия не только в вопросах регулирования земельных отношений, но и в целом в своей правовой доктрине находится в поиске баланса между классическими римскими конструкциями регулирования общественных отношений и механизмами применения прецедентного права и принципов справедливости, характерных для англосаксонской системы.

Используя позицию Верховного Суда Российской Федерации, вполне возможно разрешить сложности, существующие в «соседском праве», в частности вопрос о необходимости оперативного реагирования на требования о представлении проходов и проездов. Предварительно этот вопрос можно было бы разрешать посредством процедуры принятия обеспечительных мер.

Последний подробный обзор этой процедуры был дан в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23 июня 2015 г. в ред. от 27.06.2017 года.

Полагаем, что данное Постановление следует дополнить пунктом следующего содержания: «Суд при рассмотрении дела по требованию об установлении сервитута, с учетом конкретных обстоятельств, вправе в рамках обеспечительных мер на период рассмотрения дела разрешить истцу проход и проезд через требуемый участок.

В случае отказа в удовлетворении заявленных требований ответчик вправе потребовать соответствующую компенсацию».

Это позволит решить вопрос, связанный с отсутствием нормы, регулирующей право прохода и проезда, до вынесения судебного акта, вступившего в законную силу.

Полагаем, что аналогичным путем могут быть разрешены и многие иные проблемы, существующие в «соседских отношениях».

Анализ судебной практики позволяет выявлять и точно реагировать на возникающие проблемы, способствуя их быстрому и гибкому разрешению.

Примечание

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 нояб-

ря 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 25.02.2022) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=s7C1BA&base=LAW&n=402655&cacheid=C55A21A0FA1866F93981639B0F4426D5&mode=rubr#lBe8qvSPxurfl5KD> (дата обращения: 29.06.2022).

² Согласно позиции Президиума ВАС РФ, изложенной в информационном письме от 01.06.2000 № 53 «О государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений», правила о государственной регистрации договора аренды здания распространяются по аналогии закона также на договор аренды нежилого помещения, поскольку помещение неразрывно связано со зданием и в ГК РФ отсутствуют какие-либо специальные нормы о государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений.

³ Гражданский кодекс Швейцарии от 10.12.1907 г. (по состоянию на 01.01.2021 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=s7C1BA&base=LAW&n=377025&cacheid=3406BF7E8B89507BC3CD0C1BA6978292&mode=rubr#e7WaqvSvQHzGIzwC> (дата обращения: 29.06.2022).

Список литературы

Гражданское уложение Германии (Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz): вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. 2-е изд., доп. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 728 с. (Сер.: Германские и европейские законы = Ser.: Deutsche und Europäische Gesetze; кн. 1).

Гунина Е.В. Суд как субъект нормотворческой деятельности // Новый юридический вестник. 2018. № 2 (4). С. 1–3.

Емелькина И.А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 2. С. 79–112.

Живов А.А. О соседском праве и предельных сервитутах // История государства и права. 2012. № 2. С. 22–24.

Постановление ФАС Уральского округа от 17 июля 2008 г. № Ф09-1048/08-С6.

Претерский И.С., Новицкий И.Б. Римское частное право. Москва: Юриспруденция, 1999. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/rim/skoe/cha/stn/pra/rimskoe_chastn_pra/ (дата обращения: 03.07.2022).

Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. Москва: Статут, 2019. 560 с.

Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. Москва: Статут, 2006. 336 с.

Vieweg K., Werner A. Sachenrecht. Munchen, 32 Auflage, 2007, 379 с.

References

Grazhdanskoe ulozhenie Germanii (Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz): *vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu* [The Civil Code of Germany (Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz): introductory law to the Civil Code]. Publ. 2. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006, 728 p. (Ser.: *Germanskie i evropejskie zakony* = Ser.: *Deutsche und Europäische Gesetze*; kn. 1). (In Russ.)

Gunina E.V. *Sud kak sub"ekt normotvorcheskoj deyatel'nosti* [The court as a subject of normative activity]. *Novyj yuridicheskij vestnik* [New Legal Bulletin], 2018, № 2 (4), pp. 1-3. (In Russ.)

Emel'kina I.A. *Institut ogranicheniya prava sobstvennosti v pol'zu sosedej (sosedscoe pravo) v rossijskom prave i v prave otdel'nyh evropejskih stran* [Institute of restriction of property rights in favor of neighbors (neighborhood law) in Russian law and in the law of individual European countries]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2016, vol. 16, No 2, pp. 79-112. (In Russ.)

Zhivov A.A. *O sosedscom prave i predial'nyh servitutah* [On neighborhood law and predial servitudes]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and law], 2012, No 2, pp. 22-24. (In Russ.)

Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 17 iyulya 2008 g. № F09-1048/08-S6 [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Ural District]. (In Russ.)

Preterskij I.S., Novickij I.B. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 1999. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/rim/skoe/cha/stn/pra/rimskoe_chastn_pra/ (access date: 03.07.2022). (In Russ.)

Suhanov E.A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyj ocherk* [Property law: scientific and educational. essay]. Moscow, Statut Publ., 2019, 560 p. (In Russ.)

Chubarov V.V. *Problemy pravovogo regulirovaniya nedvizhimosti* [Problems of legal regulation of real estate]. Moscow, Statut Publ., 2006, 336 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was received by the editors on 28.07.2022; approved after peer review 25.08.2022; accepted for publication 10.10.2022.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 247–251. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 247–251. ISSN 1998-0817

Научный обзор

УДК 81'282.2

EDN VSTFYU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-247-251>

«ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОЦЕНОК

Большакова Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, Псковский государственный университет, Псков, Россия, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_neganova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Аннотация. Статья посвящена обзору состоявшихся в Костромском государственном университете IV Громовских чтений и анализу актуальных проблем современной региональной лексикографии, рассмотренных в ходе работы этого научного события. В статье дается оценка подвижнической деятельности А.В. Громова – известного знатока костромской народной культуры и языка, диалектолога и лексикографа, учителя и этнографа. Анализ идей и научного наследия А.В. Громова в контексте проблем современной диалектографии выявляет жизненность и современный характер трудов краеведа-ученого. Все это обосновывает необходимость переиздания его «Льняного словаря», а также публикации неизданных работ А.В. Громова. В статье рассмотрены ключевые вопросы региональной лексикологии и лексикографии, которым были посвящены научные доклады: типологическое разнообразие словарей; принципы, методы и приемы создания, источники областных словарей; областные словари как источник этнокультурной информации. Отдельный раздел статьи посвящен отзывам участников Громовских чтений разных лет (2012, 2014, 2016, 2022) об этих конференциях как о значительном научном событии. Подчеркивается свойственный Громовским чтениям высокий научный уровень и творческая атмосфера. Особо отмечаются заслуги Н. С. Ганцовской – организатора и вдохновителя всей серии научных мероприятий.

Ключевые слова: IV Громовские чтения, А.В. Громов, «Льняной словарь», диалектная лексикография.

Для цитирования: Большакова Н.В., Неганова Г.Д. «Громовские чтения» в контексте научных изысканий и профессиональных оценок // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 247–251. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-247-251>

Review

«GROMOV READINGS» IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC RESEARCH AND PROFESSIONAL ASSESSMENTS

Natalia V. Bolshakova, Candidate of Philological Sciences, Pskov State University, Pskov, Russia, bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Galina D. Neganova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_neganova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Abstract. The article is devoted to the review of the IV Green Readings held at Kostroma State University and the analysis of the actual problems of modern regional lexicography considered during the work of this scientific event. The article assesses the ascetic activity of A.V. Gromov, a well-known connoisseur of Kostroma folk culture and language, dialectologist and lexicographer, teacher and ethnographer. The analysis of the ideas and scientific heritage of A.V. Gromov in the context of the problems of modern dialectography reveals the vitality and modern nature of the works of the local historian-scientist. All this justifies the need to republish the «Linen Dictionary», as well as the publication of unpublished works by A.V. Gromov. The article discusses the key issues of regional lexicology and lexicography, to which scientific reports were devoted: typological diversity of dictionaries; principles, methods and techniques of creation, sources of regional dictionaries; regional dictionaries as a source of ethnocultural information. A separate section of the article is devoted to the feedback of the participants of the Gromov Readings of different years (2012, 2014, 2016, 2022) about these conferences as a significant scientific event. The high scientific level and creative atmosphere characteristic of the Gromov readings

are emphasized. The merits of N.S. Gantsovskaya, the organizer and inspirer of the entire series of these scientific events, are particularly noted.

Keywords: IV Gromov readings, A.V. Gromov, «Linen Dictionary», dialect lexicography.

For citation: Bolshakova N.V., Neganova G.D. «Gromov readings» in the context of scientific research and professional assessments. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 247–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-247-251>

Кострома, Кострома – громовская...
В.Д. Бондалетов¹

15–16 сентября 2022 г. в Костромском государственном университете состоялись IV Громовские чтения. Научное событие было посвящено 100-летию со дня рождения Александра Вячеславовича Громова (1922–2012), большого знатока костромской народной культуры и языка, диалектолога и лексикографа, учителя и этнографа, и 30-летию его знаменитого «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [Громов], который сам создатель кратко называл «Льняным словарем».

Организатором выступил Костромской государственный университет при содействии Института лингвистических исследований РАН и Костромского отделения Русского географического общества. Председателем оргкомитета и главным вдохновителем научного мероприятия была Н.С. Ганцовская, профессор КГУ, доктор филологических наук, известный диалектолог, организатор Громовских чтений 2012, 2014, 2016 годов.

Для участия в Чтениях было подано более 90 заявок. Работа проходила в рамках двух пленарных заседаний, одного выездного (в музее Большой Костромской льняной мануфактуры) и шести секционных заседаний. Как и в прежние годы (напр., см. [Литвинникова]), Громовские чтения – 2022 имели заметный общественный резонанс и показали большой интерес деятелей науки, культуры, образования Костромского края, других регионов России и зарубежья к актуальным проблемам, звучавшим на конференции.

Основные научные направления конференции

В рамках IV Громовских чтений состоялась международная научная конференция «Проблемы современной региональной лексикографии», которая показала, что подвижническая деятельность А.В. Громова и его наследие гармонично вписываются в круг насущных проблем современной гуманитарной науки. Доклады и сообщения, заявленные на конференции, затрагивали широкий круг вопросов, которые в обобщенном виде организованы в несколько смысловых блоков.

А.В. Громов как лексиколог и лексикограф. Оценка замечательной и самобытной личности Л.А. Громова как руководителя студенческой практики прозвучала в докладе Н.С. Ганцовской. С докладом мемо-

риального характера выступила Л.А. Громова – дочь юбиляра, популяризатор его научного наследия, поделившись воспоминаниями о жизни отца и их семьи. Одним из источников обоих докладов стали дневники А.В. Громова, в которых нет места повседневности, а каждая запись – след раздумий, осмысленных событий, планов на завтра. В связи с 30-летием выхода в свет «Льняного словаря», получившего широчайшую известность среди диалектологов, рассматривались вопросы, относящиеся к тематике данного лексикографического произведения, а также вопросы, связанные с лексикой народных промыслов и ремесел, отраженной в народных говорах.

Типологическое разнообразие словарей. По сведениям специалистов, только «в начале XXI века наука обогатилась 87 (доступными автору) диалектными словарями русского языка: 4 лексикографические работы являются продолжающимися (незаконченными) выпусками, томами, издаваемых со второй половины XX века трудов; 11 – завершенные (изданные) словари, работа над которыми была начата в конце 90-х гг. XX века; 65 – вышедшие издания с 2001 до 2021 г. (из них 4 словаря опубликованы спустя десятилетия после составления, 2 – дополнение к выпущенным ранее трудам, 10 словарей – это исправленные и дополненные; 7 – продолжают издаваться)» [Матив: 40]. Заслушанные на конференции доклады показали, что современное состояние диалектной лексикографии возможно оценить только с учетом развития лексикологии, так как, с одной стороны, многоаспектность словарей является следствием развития системноцентрической и антропоцентрической научных парадигм, а с другой – само лексикографирование слова выявляет лакуны и определяет необходимость акцентирования и углубленного анализа слова как многомерной единицы языка [Козырев, Черняк]. В прослушанных докладах рассматривались принципы и параметры, определяющие типологическое разнообразие лингвистических словарей, а также новые типы лексикографических произведений.

Лексикографическое отражение региональных явлений языка в пространстве, времени, социуме. Территориальные диалекты – явление сложное и неоднородное, связанное с социокультурными особенностями регионов. В докладах были представлены

результаты исследований региональных явлений языка в славянских говорах, в частности русских (архангельских, вологодских, воронежских, ивановских, костромских, ярославских и др.) и белорусских (витебских). По-прежнему концептуально звучали результаты диахронических исследований, связанных с диалектной мотивологией и этимологией слова, актуализируя идею о том, что углубленное изучение диалектных данных «выливается в ряд этимологических лексикографических проектов» [Мызников: 75].

Принципы, методы и приемы создания, источники областных словарей. Создание региональных словарей продолжает оставаться актуальной задачей. Результаты исследований, представленные в докладах, имеют как теоретическую, так и практическую направленность. В докладах звучала мысль о том, что современная «диалектография связана не только с практикой составления словарей, но и с разработкой многих аспектов теории лексикографии в ее единстве с лексикологией и целым комплексом общих проблем языкознания и смежных научных направлений» [Большакова: 51]. Среди проблем, затронутых в докладах, были выделены следующие: тщательная выверка источниковой базы, развитие методов лексикографирования диалектного материала, междисциплинарный характер диалектографии.

Областные словари как уникальные источники изучения народной культуры. В настоящее время интерес к этнокультурной тематике возрос и в связи с тенденциями в образовании, в частности при изучении межкультурной коммуникации, и с усилением национальных устремлений в обществе в целом. В общественном сознании областные словари воспринимаются как источник этнокультурной информации, а «диалектизмы закономерно переходят из разряда диалектных ошибок, отклонений от норм литературного словоупотребления в разряд естественных, органичных средств родного языка, наличием которых можно и нужно гордиться» [Зорина: 66]. На конференции были представлены доклады, в которых анализируются лексемы и фраземы, характеризующие внутренний мир и внешний облик диалектоносителей, особенности их хозяйственно-бытового уклада, обряды, обычаи, промыслы и т. д. «Все это создает уникальные условия, при которых словарь можно читать как книгу, погружаясь в реальность, нередко уже перешедшую в историческое прошлое» [Большакова: 53].

Громовские чтения как региональный центр диалектологической науки. IV Громовские чтения – показатель того, что ученый мир знает, помнит и чтит подвижников науки и просвещения, своих предшественников и современников, посвятивших трудовую жизнь делу сохранения языкового, культурного богатства, отражающего русскую этническую сущ-

ность. Тем самым расширяется личностное пространство памяти каждого причастного к этой сфере. Признание заслуг предшественников – залог движения вперед, успехов и процветания общего дела.

«Идея проведения Громовских чтений, а также заслуга их организации целиком принадлежат доктору филологических наук, профессору Нине Семеновне Ганцовской, крупнейшему диалектологу Костромского университета, более 50-ти лет изучающей костромские говоры и создавшей не один словарь местной диалектной речи» [Васильева: 494]. Благодаря научному авторитету Н.С. Ганцовской Кострома на протяжении более десяти лет привлекает внимание диалектологов-славистов актуальностью проблем, уровнем достижений самой костромской школы, беспартийным, но очень серьезным стилем научного общения. «В Костроме многие годы живет диалектолог, изъездивший всю область и побывавший во многих ее уголках, зафиксировавший речь местных жителей. Талантливый организатор, глубокий исследователь живого народного слова... собирала и формировала коллектив единомышленников, неравнодушных к своему родному краю», – писала о Н.С. Ганцовской в своем отзыве о III Громовских чтениях Л.П. Михайлова².

Многосторонняя научная и организаторская деятельность профессора Н.С. Ганцовской³, юбилей которой тоже пришелся на 2022 г., создала в Костромском университете региональный диалектологический «центр притяжения». Прочные связи сближают Кострому со многими учеными России – филологами, культурологами, о чем свидетельствуют программы Громовских чтений 2012, 2014, 2016, 2022 годов. Известность в Костромском крае и народное признание заслуг Нины Семеновны и ее младших коллег отражены в участии в Громовских чтениях разных лет местных краеведов, учителей, музейных работников.

Прошедшие IV Громовские чтения, посвященные двум юбилейным датам, стали значимым событием в диалектологии и диалектографии. Они позволили в очередной раз продемонстрировать жизненную силу народного слова, живую связь поколений собирателей и исследователей. «Дорогая Нина Семеновна, пахарь российского Просвещения и хранитель русской, белорусской и вообще славянской речи! Как послушник Евангелие, так с усердием я читал Специальный выпуск, посвященный Вам, Вашим многочисленным трудам на благо многотысячных читателей Ваших – учеников, студентов, аспирантов, друзей-ученых, писателей, фольклористов. Дай Бог каждому увидеть такие искренние чувства, подкрепленные не наскоро наброшенными словами, а искренностью и глубокой признательностью Вам за Ваше подвижничество служение народу, молодежи, вступающей в науку и уже десятки лет следую-

щей за Вами, за труд по проведению ставших известными во всем мире “Громовских чтений”, – писал, признавая заслуги Н.С. Ганцовской, В.Д. Бондалетов, – Надеюсь, что все доброе, посеянное Вами, будет продолжаться. С уважением и самыми искренними пожеланиями...».

Примечания

¹ Бондалетов Василий Данилович (1928–2018) – видный советский и российский лингвист-русист, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 25.10.2022).

В.Д. Бондалетов высоко ценил «труд народно-филолога» А.В. Громова, Костромского Даля, как он его называл, в деле создания «отраслевых словарей, оригинальных лексикографических феноменов, до сих пор еще недостаточно осмысленных как в отечественной, так и в мировой науке».

² Михайлова Любовь Петровна (1939–2020) – заслуженный деятель науки Республики Карелии, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, кандидат филологических наук, крупнейший диалектолог России. URL: <https://petrsu.ru/news/2020/> (дата обращения: 25.10.2022).

³ Благодаря Н.С. Ганцовской Кострома «породнилась» (в научном смысле) с Республикой Беларусь: в результате совместного проекта КГУ и Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Республики Беларусь изданы труды ученого Г.З. Шкляра – «талантливого лингвиста, в середине XX в. много сделавшего в белорусском языкознании, российской лингвистике, гебраистике» [Неганова, Курцова: 264]: Шкляр Г.З. Выбранные работы. Моюная спадчына / уклад.: В.М. Курцова [і інш.]; навук. рэд.: В.М. Курцова, Н.С. Ганцоўская. Мінск: Беларуская навука, 2020. 259 с.

Список литературы

Большакова Н.В. Язык Пскова и культура его описания в диалектографии // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 1(1). С. 50–58.

Васильева О.В. Третьи Громовские чтения. Живое народное слово и Костромской край. Международная научная конференция (Костромской государственной университет, Кострома, 7–9 ноября 2016 г.) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 494–496.

Ганцовская Н.С. К проблеме составления областных словарей (по следам переписки Г.Г. Мельниченко и А.В. Громова) // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 59–62.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже:

учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992, 117 с.

Зорина Л.Ю. Вологодская региональная лексикография: достижения и проблемы // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 1(1). С. 59–68.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 183–192.

Литвинникова О.И. Материалы Громовских чтений как яркое явление в русской диалектологии // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1. С. 247–277.

Матуев Н.Д. Диалектная лексикография русского языка в начале XXI века // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 30–42.

Мызников С.А. Диалектная этимологическая лексикография // Славянская диалектная лексикография: материалы конференции / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова. СПб.: Наука, 2011. С. 74–77.

Неганова Г.Д., Курцова В.Н. Итоги международного проекта по изданию трудов Г.З. Шкляра // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 264–268.

References

Bol'shakova N.V. *Yazyk Pskova i kul'tura ego opisaniya v dialektografii* [Pskov language and culture of its description in dialectography] // VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskiy zhurnal [VERBA. North-West linguistic journal], 2021, № 1(1), pp. 50–58. (In Russ.)

Vasil'eva O.V. *Tret'i Gromovskie chteniya. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoj kraj. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya (Kostromskoj gosudarstvennoj universitet, Kostroma, 7–9 noyabrya 2016 g.)* [The third Gromov readings. The living folk word and the Kostroma Region. International Scientific Conference (Kostroma State University, Kostroma, November 7–9, 2016)] // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature], 2017, vol. 14, № 3, pp. 494–496. (In Russ.)

Gancovskaya N.S. *K probleme sostavleniya oblastnyh slovaroj (po sledam perepiski G.G. Mel'nichenko i A.V. Gromova)* [On the problem of compiling regional dictionaries (following the correspondence of G.G. Melnichenko and A.V. Gromov)] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteat [Vestnik of Kostroma State University], 2013, № 1, pp. 59–62. (In Russ.)

Gromov A.V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskih govorah po reke Unzhe: ucheb. Posobie* [Dictionary. The vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River: studies. stipend]. Yaroslavl': YAGPI im. K.D. Ushinskogo, 1992, 117 pp. (In Russ.)

Zorina L.Yu. *Vologodskaya regional'naya leksikografiya: dostizheniya i problemy* [Vologda regional lexicography: achievements and problems] // *VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskiy zhurnal* [VERBA. North-West linguistic journal], 2021, № 1(1), pp. 59–68. (In Russ.)

Kozyrev V.A., Chernyak V.D. *Dialektnaya leksikografiya: mnogomernost' ob"ekta i mnogoobrazie tipov slovaroj* [Dialect lexicography: the multidimensionality of the object and the variety of types of dictionaries] // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen], 2021, № 202, pp. 183–192. (In Russ.)

Litvinnikova O. I. *Materialy Gromovskih chtenij kak yarkoe yavlenie v russoj dialektologii* [Materials of the Gromov Readings as a vivid phenomenon in Russian Dialectology] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteat* [Vestnik of Kostroma State University], 2017, № 1, pp. 247–277. (In Russ.)

Matiiv N.D. *Dialektnaya leksikografiya russkogo yazyka v nachale XXI veka* [Dialect lexicography of the Russian language at the beginning of the XXI century] //

Neofilologiya [Neophilology], 2022. Т. 8, № 1, pp. 30–42. (In Russ.)

Myznikov S.A. *Dialektnaya etimologicheskaya leksikografiya* [Dialect etymological lexicograph] // *Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya: Materialy konferencii* [Slavic dialect lexicography: Conference materials] / *otv. red. S.A. Myznikov, O.N. Krylova, I.V. Baklanova*. SPb.: Nauka, 2011, pp. 74–77. (In Russ.)

Neganova G.D., Kurcova V.N. *Itogi mezhdunarodnogo proekta po izdaniyu trudov G.Z. Shklyara* [Results of the international project to publish the works of G.Z. Shklyar] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 3, pp. 264–268. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 05.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 05.10.2022.

ПОРТРЕТЫ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 252–262. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 252–262. ISSN 1998-0817

Сообщение

УДК 51(091)

EDN WBLXRX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-252-262>

ОЛЕГ ГЕОРГИЕВИЧ СМОЛЯНОВ

Секованов Валерий Сергеевич, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся математику и педагогу, профессору МГУ им. М.В. Ломоносова Олегу Георгиевичу Смолянову (08.02.1938–16.12.2021), весь жизненный путь которого и его многогранная деятельность были нацелены на развитие науки и образования в СССР и России. Олег Георгиевич, будучи талантливым педагогом и организатором, подвижником научной школы в области теории топологических векторных пространств, бесконечномерного анализа, благотворно повлиял на становление огромного числа ученых и преподавателей вузов.

Ключевые слова: Олег Георгиевич Смолянов; кафедра теории функций и функционального анализа механико-математического факультета МГУ; теории топологических векторных пространств; теория дифференцирования в бесконечномерных пространствах; бесконечномерный анализ.

Для цитирования: Секованов В.С. Олег Георгиевич Смолянов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 252–262. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-252-262>

Research Article

OLEG GEORGIYEVICH SMOLYANOV

Valeriy S. Sekovanov, Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, sekovanovvs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8604-8931>

Abstract. The article is dedicated to the outstanding mathematician and pedagogue, Professor of Lomonosov Moscow State University, Oleg Georgiyevich Smolyanov (9 Feb. 1938 – 16 Dec. 2021), whose full life path and multifaceted activities were aimed at science and education development in the USSR and Russia. Oleg Georgiyevich, being a talented pedagogue and organiser, was a devotee of the scientific school in the field of the theory of topological vector spaces, infinite-dimensional analysis, beneficial for the formation of a huge number of scientists and teachers of higher educational institutions.

Keywords: Oleg Georgiyevich Smolyanov; department of function theory & functional analysis of Moscow State University's Faculty of Mechanics & Mathematics; topological vector spaces theories; theory of differentiation in infinite-dimensional space; infinite-dimensional analysis.

For citation: Valeriy S. Sekovanov. Oleg Georgiyevich Smolyanov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 252–262 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-252-262>

16 декабря 2021 года ушел из жизни профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Олег Георгиевич Смолянов. Будучи выдающимся математиком, прекрасным педагогом, талантливым организатором и новатором, О.Г. Смолянов оставил после себя неизгладимый след. Это, прежде всего, выдающиеся результаты в области математики, уникальные монографии, учебные пособия и научная школа в области теории топологических векторных пространств, бесконечномерного анализа и других направлениях науки. О.Г. Смолянов выполнял многогранную деятельность, нацеленную на развитие науки и образования в СССР и России. Тесный контакт поддерживал Смолянов и с математиками, живущими за пределами нашей страны.

Олег Георгиевич благотворно повлиял на становление огромного числа ученых и преподавателей вузов. Грядущие поколения математиков будут обращаться к богатейшему его наследию и с благодарностью вспоминать большого ученого и педагога.

В данном очерке я хочу не только осветить заслуги О.Г. Смолянова как ученого-математика, но и обратить внимание читателя на его готовность протянуть руку помощи человеку, попавшему в сложную ситуацию.

После смерти в 1980 году моего научного руководителя Дмитрия Абрамовича Райкова Олег Георгиевич Смолянов, по сути дела, стал моим вторым научным руководителем. Никакие официальные документы не фиксируют данное обстоятельство, но память моя свято хранит бескорыстную поддержку Олега Георгиевича, которую я ощущал и стремился оправдать его доверие. Некоторые суждения, пропущенные через «призму моего сознания», субъективны. Однако я стремился к истине, используя открытые источники, размещенные в Интернете, литературу, выступления О.Г. Смолянова, воспоминания профессоров МГУ им. М.В. Ломоносова В.М. Тихомирова, Е.Т. Шавгулидзе, профессора Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Е.И. Смирнова. В очерке я использую также рассказы людей, хорошо знавших ученого. Не могу не отметить, что затрагиваю вопросы, связанные с учителями О.Г. Смолянова, с научной школой, которой он принадлежал, отмечаю его общение и сотрудничество с рядом выдающихся математиков. В очерке отмечается и замечательная школа, которую создал Смолянов.

Начну с описания зарождения важного раздела науки – функционального анализа, в недрах которого решал сложнейшие научные проблемы О.Г. Смолянов, и становления кафедры теории функций и функционального анализа на мехмате МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ученик Андрея Николаевича Колмогорова Владимир Михайлович Тихомиров отмечает, что основ-

ной научной специальностью Олега Георгиевича Смолянова был функциональный анализ, а постоянным местом его работы – кафедра теории функций и функционального анализа механико-математического факультета МГУ. В сравнении с классическими направлениями в математике, такими как теория чисел, математический анализ, алгебра, геометрия, функциональный анализ имеет сравнительно недолгую историю.

Собственно говоря, он выделился как отдельная ветвь математики после появления в начале 30-х годов XX века работы выдающегося польского математика Стефана Банаха под названием «Линейные операторы», и почти сразу же в Советском Союзе этот раздел математики занял одно из ведущих мест. Среди первых фундаментальных работ, которые следует отнести к функциональному анализу, назовем статьи, выполненные Андреем Николаевичем Колмогоровым и Лазарем Ароновичем Люстерником. В 30-е годы прошлого века в МГУ была образована кафедра функционального анализа, которую возглавил Л.А. Люстерник. В 1935 году состоялась защита кандидатской диссертации Израиля Моисеевича Гельфанда, выполненная под руководством А.Н. Колмогорова, посвященная проблемам функционального анализа, и почти сразу же И.М. Гельфанд занял место лидера этого нового раздела науки.

Во время войны кафедра функционального анализа слилась с кафедрой теории функций, и объединенная кафедра стала называться кафедрой теории функций и функционального анализа. В 1950–60-е годы функциональный анализ на кафедре теории функций и функционального анализа представляли ученики И.М. Гельфанда: Г.Е. Шилов, С.В. Фомин, Ф.А. Березин, Р.А. Минлос, ученик Колмогорова В.М. Тихомиров, ученики Г.Е. Шилова А.Г. Костюченко, Е.А. Горин, Б.С. Митягин, В.П. Паламодов, ученик М.А. Наймарка и Г.Е. Шилова А.Я. Хелемский и ученик Г.Е. Шилова и С.В. Фомина О.Г. Смолянов.

Следует отметить, что С.В. Фомин и И.М. Гельфанд были учениками А.Н. Колмогорова. Например, А.Н. Колмогоров в своих дневниках писал: «Гельфанд провожал меня из института до метро, объявлял себя моим учеником и горевал, что его с Райковым не выдвинули на Сталинскую премию» [Колмогоров: 145].

Познакомился я с Олегом Георгиевичем Смоляновым в 70-х годах прошлого века на семинаре по топологическим векторным пространствам, проводимом на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Когда впервые зашел в аудиторию, увидел молодого сухощавого темноволосого человека среднего роста с живыми глазами. Я поздоровался, тихо примостился в уголке аудитории. «Аспирант, наверно», – мелькнула мысль. Будучи

человеком наблюдательным (не подглядывающим, а наблюдательным!), я заметил, что он, как дирижер, размахивает руками, обсуждая различные вопросы. Его движения были легки, мимолетны. Однако в них чувствовалась сила и убежденность. Впервые я заметил эту манеру общения О.Г. Смолянова в его беседе с Д.А. Райковым, который излагал свои мысли без жестов.

О.Г. Смолянов и Д.А. Райков руководили в МГУ им. М.В. Ломоносова работой научного семинара «Топологические векторные пространства», непосредственным участником которого я являлся. Отметим, что для участия в работе семинара часто приезжали с докладами математики из разных городов СССР.

Профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Евгений Иванович Смирнов вспоминает: «О.Г. Смолянов совместно с Д.А. Райковым руководили при МГУ всесоюзным семинаром по ТВП (топологические векторные пространства), на котором мне предстояло выступить и представить на суд этого престижного семинара свои научные результаты. Олег Георгиевич присутствовал на всех моих сообщениях на семинаре Смолянова – Райкова, и научное сообщество было немного обескуражено полученными мною результатами: меня «щипали» со всех сторон и достаточно шепетильно проясняли детали... Тем не менее О.Г. Смолянов написал обширный положительный отзыв на кандидатскую диссертацию» (Из личной переписки Е.И. Смирнова и В.С. Секованова).

Отметим, что после бурных обсуждений нескольких выступлений Е.И. Смирнова, связанных с теоремами о замкнутом графике и об открытом отображении, его результаты были одобрены. На защите Е.И. Смирновым кандидатской диссертации его оппонентом был Д.А. Райков, а внешний отзыв, подготовленный О.Г. Смоляновым, был представлен МГУ им. М.В. Ломоносова.

С особой теплотой вспоминаю работу данного научного семинара. В сознании предстает эпизод: Д.А. Райков и О.Г. Смолянов сидят рядышком в аудитории на первом ряду, внимательно слушают научные сообщения. Иногда обмениваются короткими суждениями и часто улыбаются. После окончания доклада в доброжелательном тоне проходит оживленное, глубокое обсуждение полученных докладчиком результатов.

Учитывая опыт выступления на данном семинаре, не могу не отметить, что задаваемые вопросы указывали зачастую на перспективу дальнейших исследований, воодушевляли докладчика, способствовали его научному росту, придавали сил в дальнейшей работе.

Прежде чем рассказать об Олеге Георгиевиче, вернусь к вопросу, связанному с его «научными корнями».

О.Г. Смолянов связан с научной школой великого ученого – академика А.Н. Колмогорова, поскольку, как говорилось выше, является учеником Е.Г. Шилова и С.В. Фомина (Е.Г. Шиллов является учеником И.М. Гельфанда – ученика А.Н. Колмогорова, а С.В. Фомин – учеником А.Н. Колмогорова и И.М. Гельфанда).

О.Г. Смолянов ценил А.Н. Колмогорова чрезвычайно высоко. Он говорил, что если среди математиков есть великие люди, то, несомненно, к ним относится А.Н. Колмогоров.

С юмором О.Г. Смолянов рассказывал, как несколько раз А.Н. Колмогоров неудачно пытался на лекциях доказать одну из многочисленных своих теорем. Однако Олег Георгиевич считал мелочью тот факт, что академик не нашел какую-то деталь в доказательстве и отмечал, что с огромным интересом студенты наблюдали над самоотверженным сражением великого математика с каскадом формул. Ход мыслей и комментарии Колмогорова целиком захватывали аудиторию, демонстрировали яркий пример творчества.

Юмор ученого прослеживается и в рассказе, как отстал он однажды от поезда, в котором ехал с научной конференции вместе с А.Н. Колмогоровым, и добирался до пункта назначения «на перекладных».

Многогранность научных интересов О.Г. Смолянова завораживает. Отметим, что сначала С.В. Фомин и О.Г. Смолянов руководили семинаром по бесконечномерному анализу. Позднее данный семинар сблизился с семинаром по топологическим векторным пространствам, возглавляемым Д.А. Райковым.

Научный контакт О.Г. Смолянова с Д.А. Райковым был тесным и продуктивным. Отмечу, что Д.А. Райков плодотворно сотрудничал и с А.Н. Колмогоровым, и с И.М. Гельфандом, и с Г.Е. Шилловым.

Чтобы не быть голословным, приведу сжатую характеристику деятельности знаменитых ученых, укажу некоторые их совместные публикации и отмечу их общение.

Об А.Н. Колмогорове написано много замечательных книг, где представлены его великие заслуги перед государством и грядущими поколениями, с которыми читатель без труда может познакомиться. Отмечу только краткую характеристику А.Н. Колмогорова, данную его учеником – Александром Михайловичем Абрамовым: «А.Н. Колмогоров – великий математик, педагог и просветитель».

Нельзя обойти стороной заслуги выдающегося математика Израиля Моисеевича Гельфанда. Лучшей характеристикой его деятельности являются отзывы А.Н. Колмогорова, свидетельствующие о силе и мощи ученого.

Ученик А.Н. Колмогорова Альберт Николаевич Ширяев отмечает, что нашлась папочка, на которой рукой Андрея Николаевича было кратко написано

«И.М. Гельфанд». Внутри ее оказалось несколько отзывов, написанных Колмогоровым в разное время о своем выдающемся ученике и о его работах. Отметим, что в наследии А.Н. Колмогорова мы находим отзывы и о других выдающихся математиках.

А.Н. Колмогоров писал, что основой всей будущей теории унитарных групп и унитарных представлений должна явиться теорема Гельфанда и Райкова о существовании достаточной системы непрерывных унитарных представлений.

Также Колмогоров отмечал, что возникает задача найти для основных классических групп Ли все их бесконечномерные неприводимые унитарные представления (конечномерные уже были известны) и исследовать возможность разложения любых унитарных представлений на неприводимые. Эта задача и была разрешена после преодоления больших трудностей И.М. Гельфандом и М.А. Наймарком. Их работы имеют вполне классический характер по методам, конкретности результатов, данных в виде явных формул, и широте полученных и ожидаемых применений.

По мнению А.Н. Колмогорова, ввиду тесного переплетения классических методов с функциональными почти все представители анализа вообще в течение последних десятилетий являлись и специалистами в функциональном анализе, внося в его развитие новые идеи, часто первостепенной важности. Естественно, однако, что в этот период функциональный анализ нуждался в крупных математиках, для которых общие идеи функционального анализа являлись бы исходным пунктом их интересов и которые способны были бы предвидеть и направлять развитие функционального анализа в целом, владея всеми его основными разделами. Среди математиков этого типа вслед за недавно умершим фон Нейманом в первую очередь следует назвать Израиля Моисеевича Гельфанда.

И.М. Гельфанд был чрезвычайно разносторонним математиком, на что указывает в своих отзывах А.Н. Колмогоров: «...В виде одного из неожиданных совсем недавних применений методов теории И.М. Гельфанда мне хотелось бы еще указать на нахождение в еще не опубликованной работе И.М. Гельфанда и С.В. Фомина спектров для динамических систем, получающихся из рассмотрения геодезических линий на поверхности постоянной отрицательной кривизны. Это первый случай полного определения непрерывного спектра классической динамической системы, явно заданной при помощи векторного поля на многообразии (в данном случае на трехмерном многообразии линейных элементов)».

Колмогоров отмечал, что в присутствии двух математиков ощущал присутствие высшего разума. Одним из этих двух он считал Гельфанда.

Таким образом, О.Г. Смолянов соприкасался со светилами математической науки – А.Н. Колмогоровым и И.М. Гельфандом, – будучи учеником их учеников.

Отметим, что общение О.Г. Смолянова с Д.А. Райковым происходило каждую неделю на семинаре. Как уже отмечалось, они живо обсуждали научные проблемы, интересовывали докладчиков постановкой задач, советовали, какие исследования стоило бы еще провести. Не припомню случая, когда кто-то из руководителей отсутствовал на семинаре.

Д.А. Райков был выдающимся математиком и педагогом, о чем свидетельствуют результаты по теории топологических векторных пространств, теории вероятностей, теории колец, теории групп и теории категорий. Например, теорема «Если сумма двух независимых случайных величин имеет распределение Пуассона, то и каждое слагаемое распределено по закону Пуассона» получила имя Райкова и стала классической. В 1966 г. Д.А. Райковым была решена проблема Гротендика, состоящая в обобщении теоремы о замкнутом графике на широкий класс локально выпуклых пространств. По таким учебникам, как «Коммутативные нормированные кольца» (И.М. Гельфанд, Д.А. Райков, Г.Е. Шилов); «Аналитическая геометрия» (в 2 т., Б.Н. Делоне, Д.А. Райков), «Векторные пространства» (Д.А. Райков), учились (и учатся!) поколения математиков.

Д.А. Райков был новатором. В МГПИ им. В.И. Ленина он основал научный семинар по новому направлению науки – теории категорий.

Также Райков внес огромный вклад и в развитие математической культуры в СССР. Он переводчик и редактор многих классических произведений математической литературы и журнальных статей.

У Д.А. Райкова было много учеников. Однако оказывал он помощь не только прямым ученикам. В статье о Райкове, помещенной в журнале «Успехи математических наук», ученик Евгения Георгиевича Шилова Евгений Александрович Горин отмечает: «...Среди многочисленных прямых учеников Д. А. (Дмитрий Абрамович. – В. С.) по общему мнению прежде всего надо назвать следующих: Л.В. Апарин, И.А. Березанский, Д.В. Ботнару, Б.С. Брудовский, М.М. Буняев, Ю.Н. Владимирский, В.Б. Гисин, А.С. Дынин, П.С. Кендеров, В.Л. Левин, А.Е. Мерзон, А.Х. Назиев, И.И. Подгорная, В.С. Ретах, В.С. Секованов, В.П. Федорова... В середине 50-х годов Д. А. читал спецкурсы по топологическим векторным пространствам в МГУ. Мы с Б.С. Митягиным, хотя и слушали лекции Д. А., к тому моменту уже были тесно связаны с Г.Е. Шиловым и решили одну задачку по векторным пространствам, которую Г.Е. предложил на своем спецкурсе. Из редакции УМН («Успехи математических наук». – В. С.) наша заметка попала к Д. А., он добавил к ней текст, по объему сравнимый

с исходным, и привел ее к «нормальному виду» (мы по неопытности не сообразили пригласить его в соавторы, хотя и по содержанию добавления Райкова, пожалуй, не уступали исходному тексту). Так появилась наша первая публикация» [Горин: 158–159].

Во время войны А.Н. Колмогоров и его коллеги самоотверженно трудились в столице (в 1942 г. Колмогоров прилетел из эвакуации в Москву и находился в столице до окончания войны. Был в Москве в это время и Д.А. Райков). Помимо университетских и академических дел они выполняли оборонные задания. Колмогоров проникновенно и с уважением относился к коллегам. Особое уважение он испытывал к Д.А. Райкову, что следует из его записи: «В субботу (11-го) из Комитета Кафтанова (оборонный комитет. – В. С.) мне передали весьма срочное расчетное задание. Работал в Комаровке (дача Колмогорова. – В. С.) воскресенье и понедельник с утра до ночи и достаточно овладел вопросом, чтобы завтра засадить за осуществление выработанной программы шестерых студентов с Дмитрием Абрамовичем Райковым... В первый раз имею ощущение настоящего дела: расчеты довольно элементарны, но уже через месяц все итоги должны быть разосланы по воинским частям, т. е. существенно было наладить эту работу быстро. На Дмитрия Абрамовича очень рассчитываю как на образцового, хотя и временного, заведующего кабинетом прикладного анализа в Университете. Думаю, что на него можно положиться в организации и контроле безукоризненности работы, как мало на кого еще из математиков» (из письма Колмогорова от 14 июля 1942 года).

Колмогоров интересовался исследованиями Д.А. Райкова и И.М. Гельфанда. В своих дневниках он писал: «... Читал Гельфанда и Райкова о непрерывных унитарных представлениях локально-бикомпактных групп в Гильбертовом пространстве» [Колмогоров: 76].

Евгений Тенгизович Шавгулидзе отмечает, что О.Г. Смолянов вместе Д.А. Райковым вели глубокие исследования в теории топологических векторных пространств. Отметим, что они получили ряд выдающихся результатов.

Райков был одним из лучшим специалистов по данной дисциплине в СССР. Смолянов также получил в области теории топологических векторных пространств ряд выдающихся результатов.

В статье, посвященной 60-летию О.Г. Смолянова, опубликованной в «Вестнике Московского университета», указывается, что ученый опубликовал небольшую по объему, но емкую по содержанию статью, в которой показано, как с помощью предложенных им конструкций можно просто построить примеры, дающие решения известных задач, рассмотренных ранее в работах Гротендика и Райкова.

В статье, посвященной 70-летию О.Г. Смолянова, приведенной в журнале «УМН» указывается: «Уже в начале научного пути, в 60-х – начале 70-х годов, Олег Георгиевич решил ряд трудных проблем теории топологических векторных пространств, обсуждавшихся Дьёдонне, Шварцем, Гротендиком, Келли, Кете и другими крупнейшими специалистами. Некоторые из этих проблем связаны со свойствами пространств основных и обобщенных функций D и D' и имеют столь фундаментальный характер, что затрагивают даже содержание учебных курсов (например, существенны для способа введения обобщенных функций).

Колмогоров следил за стремительным развитием теории топологических векторных пространств и исследованиями в области функционального анализа. Он и сам внес значительную лепту в становление и развитие данных дисциплин. Ввиду своей скромности Андрей Николаевич говорил, что его вклад в развитие функционального анализа невелик. Однако ряд ученых думали по-другому.

В капитальном труде «Функциональный анализ» (объем 1071 страница. – В. С.) Р. Эдвардс излагает ряд современных исследований в области функционального анализа, где указывает на критерий нормируемости Колмогорова для топологического векторного пространства. Данный критерий известный американский математик У. Рудин считает одной из первых теорем о локально выпуклых пространствах.

У. Рудин, имея в виду важность теории топологических векторных пространств для развития функционального анализа, назвал ее аксиоматикой функционального анализа. Следует отметить, что теория топологических векторных пространств развивалась быстрыми темпами начиная с первой трети прошлого столетия. Д.А. Райков отмечал, что данной теме посвящено много фундаментальных монографий. Авторы книги «Топологические векторные пространства» А. Робертсон, В. Робертсон указывают, что на данную теорию опираются многие разделы функционального анализа: «Так, например, она лежит в основе теории обобщенных функций. Кроме того, она часто проясняет результаты теории нормированных пространств, особенно относящиеся к слабой топологии, рассматривая их как частные случаи более общих результатов о топологических векторных пространствах» [Робертсон: 9].

Продолжим констатировать результаты исследований О.Г. Смолянова.

В статье, опубликованной в «УМН» и посвященной 80-летию О.Г. Смолянова, говорится, что в 1960–70-х годах ученый решил ряд трудных проблем теории топологических векторных пространств, обсуждавшихся Ж. Дьёдонне, Л. Шварцем, А. Гротен-

диком, Дж. Келли, Г. Кете и другими крупнейшими специалистами. В те же годы он существенно развил общую теорию дифференцирования в бесконечномерных пространствах, основы которой восходят к Ж. Адамару, В. Вольтерре, Р. Гато и М. Фреше. К середине 1960-х годов стало ясно, что рамки банаховых пространств слишком тесны для развития бесконечномерного нелинейного анализа, и многие исследователи обратились к анализу в ненормируемых функциональных пространствах типа пространств бесконечно дифференцируемых функций. Однако никакой целостной картины при этом не возникло, так как появилось весьма значительное число различных определений дифференцируемости, не равносильных друг другу. Смолянову удалось заметно прояснить ситуацию и установить, что почти все типы дифференцируемости естественным образом объединяются в два основных класса, которые совпадают для пространств Фреше.

Будучи увлеченным наукой, О.Г. Смолянов обладал удивительным качеством заинтересовывать студентов занятиями математикой. При чтении лекций в его глазах горел огонь. Пылая сам, он зажигал других, ярко освещая красоту математики.

Ученик О.Г. Смолянова Е.Т. Шавгулидзе отмечает, что Смолянов со свойственной ему энергией взялся читать специальную курс по топологическим векторным пространствам. Интересно было наблюдать за манерой чтения курса. Ему удавалось донести до слушателей свою увлеченность этой наукой и показать красоту и гармонию математических структур. Эмоции передавались переполненной студентами аудитории. В результате многие из слушателей выбирали научное направление, которое возглавлял О.Г. Смолянов. Например, в 1970 году к нему на третьем курсе механико-математического факультета в ученики записалось свыше 20 студентов – практически целая учебная группа курса. Смолянов удивительным образом всегда находил время для каждого из своих учеников, внимательно подбирал подходящие научные задачи и умело помогал советами в научных поисках своих учеников. Обладая незаурядными способностями общения с коллегами, всегда был в курсе основных направлений развития математики и ее приложений. Он умело собирал интересные задачи и всегда делился ими со своими учениками. Многие семинары начинались с постановки этих задач.

О.Г. Смолянов щедро передавал новые знания ученикам, пробуждал их к творчеству.

Как уже отмечалось, параллельно занятиям по ТВП О.Г. Смолянов постоянно расширял круг своих научных интересов. Вместе с Сергеем Васильевичем Фоминым Смолянов сумел создать новое направление в математике, связанное с бесконечномерным анализом, и организовать научно-исследовательский

семинар по этому направлению. Ими было замечено, что бесконечномерный анализ по своей структуре и методам вычисления существенно отличается от конечномерного анализа, и бытовавшее до этого наивное представление, что методы конечномерного анализа легко переносятся на бесконечномерный случай, было опровергнуто серией контрпримеров, полученных на семинаре О.Г. Смолянова и С.В. Фомина. Новый семинар успешно вписался в группу ведущих научных семинаров Московского университета.

Е.Т. Шавгулидзе вспоминает: «Научные интересы О.Г. Смолянова проявлялись в области дифференциального исчисления в бесконечномерном анализе. Создание и становление научной школы и научного семинара Олега Георгиевича Смолянова пришлось на удивительно романтическое время развития науки на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, на шестидесятые и начало семидесятых годов. Основными ценностями в нашем обществе были созидание и получение новых научных знаний. Это было время споров физиков и лириков. Молодежь была увлечена получением новых знаний и образованием. От количества научных семинаров и курсов на механико-математическом факультете у студентов разбежались глаза. Одновременно на факультете работали высочайшего научного уровня семинары и курсы под руководством П.С. Александрова, В.А. Арнольда, В.А. Витушкина, М.И. Вишика, Ф.А. Березина, И.М. Гельфанда, А.А. Гончара, В.Н. Ефимова, А.Н. Колмогорова, А.Г. Костюченко, А.Г. Куроша, Б.М. Левитана, Ю.И. Манина, С.П. Новикова, Б.В. Шабага, Г.Е. Шилова, Д.А. Райкова и О.Г. Смолянова и еще многих и многих выдающихся математиков. Семинары работали до позднего вечера и часто в аудиториях трудно было найти свободные места» (Из личной переписки Е.Т. Шавгулидзе и В.С. Секованова).

Владимир Михайлович Тихомиров отмечает: «Я познакомился с Олегом Георгиевичем в конце 60-х годов. Тогда с моим другом А.Д. Иоффе мы начали размышлять над общими проблемами оптимизации. Одним из фундаментальных базовых разделов этой теории является дифференциальное исчисление в бесконечномерном анализе. В 1968 г. была опубликована совместная статья О.Г. Смолянова и В.И. Авербуха, посвященная этому предмету. Приведем цитату из статьи, опубликованной в «УМН» к 70-летию О.Г. Смолянова: «К середине 1960-х годов появилось много публикаций по этой тематике в связи с бурным развитием нелинейного анализа в ненормируемых функциональных пространствах, таких, как пространства бесконечно дифференцируемых функций. При этом сложилась довольно запутанная ситуация: число различных определений

дифференцируемости оказалось сравнимым с количеством самих работ, им посвященных, и возникало впечатление, что нет никакой целостной картины, подобной имеющейся для банаховых пространств. Итоги исследований О.Г. Смолянова и его школы в этом направлении подведены им в вышедшей в 1979 г. монографии. Оказалось, что почти все типы дифференцируемости естественным образом объединяются в два основных класса, которые совпадают для пространств Фреше. Обзоры О.Г. Смолянова по теории дифференцирования в бесконечномерных пространствах, вышедшие 30–40 лет назад, до сих пор являются наиболее цитируемыми источниками в этой области».

В.М. Тихомиров отмечает, что О.Г. Смолянову принадлежат глубокие результаты в теории меры и функциональном интегрировании. Со временем он заинтересовался совершенно новой областью бесконечномерного анализа, основание которого заложил Феликс Александрович Березин. Этот фрагмент теории стал называться суперанализом. В этой области и вообще в области математической физики Олег Георгиевич получил многие интересные результаты.

Спектр научных интересов О.Г. Смолянова впечатляет. В 1980-х и 1990-х годах математические интересы ученого оказались связанными с функциональным интегрированием, в частности с различными обобщениями интеграла Фейнмана и применением этого аппарата в стохастическом анализе, математической физике и суперанализе. С середины 1990-х годов это дополнилось исследованием бесконечномерных многообразий, а также мер, диффузий и эволюционных уравнений на них. Ярким достижением в этой области стала красивая конструкция бесконечномерной поверхностной меры (часто называемой мерой Смолянова), которая позволяет эффективно вводить меры на пространствах путей римановых многообразий как поверхностные меры на нелинейных подмногообразиях бесконечной коразмерности в линейных функциональных пространствах.

Увлеченность математикой Смолянов сохранил на всю жизнь и сумел передать многочисленным ученикам. Многие математические проблемы, разработанные О.Г. Смоляновым, нашли широкое применение в науке. Особо следует отметить результаты, связанные с фейнмановскими интегралами.

Всегда находясь на передовых рубежах развития науки и активно включаясь в исследование новых направлений, связанных с применением идей бесконечномерного анализа, Смолянов работал еще в одном новом перспективном направлении – квантовой математике и квантовых компьютерах. Свои результаты О.Г. Смолянов излагал в лекциях и докладах во многих университетах мира. На мехмате более 40 лет он почти каждый год читал разнообраз-

ные спецкурсы по актуальным направлениям исследований, пользующиеся неизменной популярностью у студентов и аспирантов.

Вернусь к описанию моих научных изысканий под руководством Дмитрия Абрамовича Райкова. Работать с Д.А. Райковым было трудно, но интересно. Часто при беседе он высказывал новые идеи, пылливо всматриваясь в собеседника. Чувствовалось, что ум его постоянно решает математические проблемы. Заслужить похвалу ученого было непросто. Помню, когда Райков прочитал черновой вариант моей диссертации, попросил приехать к нему домой. Я с замиранием сердца поспешил в назначенное время на улицу академика Королева. Дмитрий Абрамович пригласил в кабинет, посадил меня на стул, сам сел напротив за массивный письменный стол, стал задавать вопросы по теме диссертации. Лицо его было сосредоточено, глаза прищурены, пальцы правой руки слегка постукивали по краю стола. Все вопросы были лаконичны, по существу дела. Я, тщательно обдумывая каждый вопрос, отвечал. Беседа продолжалась больше часа. Неожиданно Д.А. Райков улыбнулся, глянул мне в глаза, коротко сказал: «Пора закругляться». Нет слов, чтобы описать радость, которую я испытал после этой фразы научного руководителя.

Однако «закругляться» мне пришлось уже без научного руководителя... Вскоре Д.А. Райков заболел и умер. Помню, как однажды после семинара он попросил меня проводить его до дома на такси. Выглядел Дмитрий Абрамович, на мой взгляд, нормально. Как сейчас помню, когда подъехали к дому, он с улыбкой рассчитывался с таксистом медной мелочью, среди которой преобладали пятаки, видимо предназначенные для метро. Я не заметил недомогания в его движениях, голосе и поведении. Но, как оказалось, ученый был болен. Однако Д.А. Райков самоотверженно работал до последних дней жизни. Будучи уже тяжело больным, он приглашал аспирантов в больницу, где обсуждал с ними научные проблемы, как всегда, улыбался, шутил. Ум его был ясен, голос тверд. Я ни разу не слышал от Д.А. Райкова жалобы на здоровье, поражался его твердости духа. Казалось, что душевные силы ученый черпает из космоса. Помню, однажды после беседы в больнице, пораженный глубиной его мысли, уже вечером я вышел из больницы на улицу, глянул на звезды, крикнул: «Вот это Человек!»

После смерти научного руководителя, помня его фразу «пора закругляться», я попытался связаться с предполагаемыми оппонентами, которые при жизни Д.А. Райкова относились внимательно к его ученикам и их исследованиям. Однако после смерти научного руководителя я почувствовал с их стороны определенный холодок.

На мою просьбу познакомиться с рукописью я получал ответы, что в данный момент один предполагаемый оппонент занят неотложной работой, другой – спешит или собирается в командировку, третий указывает на необходимость обобщения результатов исследования, поскольку считает, что полученных результатов недостаточно.

«Куда уж больше обобщать!» – крикнул я на пути в метро после очередной беседы. Настроение стало падать, руки опускались. Но я держался, представил рукопись диссертации на кафедре математического анализа МГПИ им. В.И. Ленина (где обучался в аспирантуре) и, получив месячный отпуск, продолжал ходить в МГУ на семинар по топологическим векторным пространствам. В то время данным семинаром руководили О.Г. Смолянов и Е.Т. Шавгулидзе.

Понимая, что О.Г. Смолянов и Е.Т. Шавгулидзе заняты работой, меня сдерживала совесть и не хватало смелости обратиться к ним за помощью. Тяжелые наступили времена. Тревожные мысли одна за другой замелькали в голове. Мои переживания, видимо, уловил Олег Георгиевич. После очередного заседания семинара он жестом руки остановил меня, глянув пронизательным взглядом в глаза, предложил выступить на семинаре.

О.Г. Смолянов знал, что я ученик Д.А. Райкова и, видимо, пытался выяснить состояние моих научных дел. Он слушал мое выступление на одном из семинаров и решил, как я думаю, освежить его в памяти и узнать о новых результатах, полученных мной.

Я живо согласился и на следующем семинаре сделал доклад. После завершения выступления, сделав короткий жест рукой, О.Г. Смолянов спросил:

– Рассматриваемый Вами тип рефлексивных локально выпуклых пространств отличается от классического?

Наступила пауза. Мысленно продумав ответ, я сказал:

– Рассматриваемый мною тип рефлексивных пространств шире классического.

– Можете привести пример?

Вопрос был задан, как говорится, не в бровь, а в глаз. Однако я долго исследовал такие пространства и был готов к ответу. Фиксируя каждое слово, ответил:

– Наделенное топологией Макки не полурефлексивное в классическом смысле локально выпуклое пространство счетной размерности принадлежит к типу рассматриваемых мной пространств.

Вновь наступила пауза. Минут через пять Олег Георгиевич, словно дирижерской палочкой, махнул рукой, коротко сказал:

– Поясните!

Я взял мел, стал писать на доске формулы, одновременно поясняя проводимые выкладки.

Подняв руку, Олег Георгиевич сказал:

– Достаточно.

Наступила пронзительная тишина.

– Красиво! – произнес Смолянов.

После данной оценки я почувствовал прилив радости, наполняющей душу.

Подведя итог выступления на семинаре, О.Г. Смолянов похвалил меня и предложил продолжить изложение моих результатов. После нескольких выступлений на семинаре он подвел окончательный итог, отметив, что в основном диссертация готова. Я был воодушевлен поддержкой выдающегося математика и был готов танцевать прямо в аудитории. Однако танцевать было рановато.

О.Г. Смолянов крутнул правой рукой на уровне плеча, сделал несколько замечаний и предложений, нацеленных на усиление результатов. Я внимательно выслушал ученого и приступил к делу.

Работал интенсивно. Потом выступал на нескольких научных семинарах, где результаты были оценены положительно, и вскоре определились оппоненты. Не переставая работать и советуясь с Олегом Георгиевичем, я готовил диссертацию к защите. О.Г. Смолянов меня неукоснительно поддерживал, что придавало уверенность и силы. За оказанную поддержку я выражаю ему огромное спасибо! Жестикую руками, словно дирижер, Смолянов руководил моей научной работой. После трудов праведных я успешно защитил кандидатскую диссертацию. Олег Георгиевич поздравил с успешной защитой, пожелал успехов в дальнейших научных исследованиях.

После защиты диссертации мы общались с О.Г. Смоляновым достаточно интенсивно. И телефонные разговоры продолжались с ним часто.

Когда я написал книгу об А.Н. Колмогорове, то сообщил об этом О.Г. Смолянову. Моя работа его сильно заинтересовала. Я переправил ему книгу, стал ждать. Недели через две позвонил О.Г. Смолянову, думая, что в силу занятости прочесть книгу у него не нашлось времени. Однако, как только я поздоровался, ученый ответил приветствием и сразу же сообщил, что книгу прочитал. Я притих, поскольку отзывы на книгу были разношерстные. Я знал, что Смолянов не будет лукавить, а скажет прямо и честно. Мнение таких читателей, как О.Г. Смолянов, были для меня особенно дороги. Выдержав небольшую паузу, он сказал, что с интересом прочитал книгу.

Помолчав с минуту, Смолянов добавил:

– Мое отношение к Андрею Николаевичу Колмогорову всегда было самым теплым. Хорошо, что Вы написали книгу, посвященную великому ученому, которую с интересом прочтут многие читатели. И не беда, что в книге присутствуют формулы. Они могут быть попросту пропущены читателем,

что не повлияет на целостное восприятие личности великого Колмогорова.

Сделав паузу, Смолянов продолжил:

– Я долгие годы общался с Колмогоровым. Участвовал с ним в научных конференциях, обсуждал статьи и всегда дорожил его исследованиями в бесконечном анализе. Он неоднократно представлял мои статьи и статьи моих учеников в «Доклады Академии наук». Больше всего дорога его оценка моей докторской диссертации. Я горжусь тем, что Колмогоров оценил ее как прекрасную работу, что воодушевило меня и придало сил.

Наступила пауза. Чувствуя волнение, я воскликнул:

– Олег Георгиевич, я тоже горжусь тем, что Вы высоко оценили мою кандидатскую!

Олег Георгиевич сказал:

– Я помню Вашу диссертацию и считаю ее хорошей работой.

Помолчав с минуту, Смолянов продолжил:

– Ваша книга нацелена на увековечивание памяти Андрея Николаевича Колмогорова. О фрагментах жизни его написано много книг. Ваша книга хороша тем, что в ней описаны все периоды жизни великого Колмогорова, за что Вам спасибо.

Я поблагодарил Олега Георгиевича за добрые слова, и мы закончили беседу. Как и тридцать пять лет назад, я почувствовал, как согревается моя душа.

Когда я стал серьезно заниматься фрактальной геометрией и теорией хаоса, сообщил об этом О.Г. Смолянову, отметив, что решаю задачи из данных областей науки и строю методику преподавания фрактальной геометрии и теории хаоса. Он одобрил мои изыскания и предложил выступить у него на семинаре. Я с благодарностью согласился. Однако выступить не довелось...

В 2011 году по телефону я пригласил О.Г. Смолянова приехать к нам в Кострому на 1-ю Международную конференцию «Обучение фрактальной геометрии в вузе и школе в свете идей академика А.Н. Колмогорова». О.Г. Смолянов дал согласие, но, к сожалению, по уважительной причине приехать не смог. Однако на конференцию к нам прибыли видные ученые из Москвы: Владимир Михайлович Тихомиров, Евгений Тенгизович Шавгулидзе, Валерий Александрович Гусев, Валерий Васильевич Вавилов, Александр Михайлович Абрамов и другие ученые.

О.Г. Смолянов не только занимался научными исследованиями. Любил он и дискутировать по методическим вопросам. В.М. Тихомиров вспоминает: «Я много разговаривал с Олегом Георгиевичем. В одном методическом вопросе мы расходились: Олег Георгиевич считал, что основным понятием дифференциального исчисления является понятие производной. Я же считал, что таковым является понятие дифференциала. Не исключено, что оба мы правы.

Начиная с 70-х годов наши интересы разошлись, но мы часто встречались друг с другом и обсуждали математические проблемы».

Следует отметить, что ученый трудился неимоверно много, каждая минута была у него на счету. Самоотверженно работая сам, он требовал самоотдачи и от учеников. От Смолянова нельзя было скрыть лень мысли и равнодушие. Все он видел, чувствовал, понимал. Как уже отмечалось, отзывчив был Олег Георгиевич необыкновенно, к нему можно было всегда обратиться за советом. Он подбадривал, настраивал на работу. Олег Георгиевич уважал юмор, видимо, считал, что шутка помогает преодолевать трудности. Он терпеть не мог ложь, пустозвонство, бесполезную суету. Если замечал, что аспирант занимается наукой не в меру своих сил, то говорил об этом открыто, прямо глядя собеседнику в глаза. Выдержать этот взгляд было непросто. В этот момент жесты его были особенно убедительны. Отстаивал О.Г. Смолянов свои взгляды, будь то жизненная позиция или научная точка зрения, жестко и бескомпромиссно, проявляя удивительные бойцовские качества.

Общение с учениками не ограничивалось факультетскими рамками. О.Г. Смолянов часто любил устраивать со своими учениками прогулки по паркам Москвы, а в выходные дни – походы по подмосковным лесам. Очень популярен был район деревни Абрамцево. Зимой устраивались лыжные походы. В непринужденной обстановке удавалось поговорить о математических задачах. Олег Георгиевич не ограничивался только наукой. Он был ценителем поэзии и классической русской литературы. Часто на прогулках целыми главами наизусть цитировал Твардовского. Очень ценил Пушкина и находил по памяти подходящие по настроению стихи.

Е.И. Смирнов вспоминает: «...Довелось мне и неформально пообщаться с О.Г. Смоляновым. Это было в 2010 году: О. Г. позвонил и попросил сопроводить его и организовать знакомство с Ярославлем. Оказывается, О.Г. Смолянов в военное время, будучи эвакуированным из Ленинграда в Ярославль, жил около Московского вокзала и, видимо, ему хотелось посетить места своей юности и посмотреть на изменения в нашем замечательном старинном волжском городе. Я помог поселиться О.Г. Смолянову в нашей гостинице при ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и провел с ним незабываемые прогулки по заветным местам Ярославля...» (Из личной переписки Е.И. Смирнова и В.С. Секованова).

О.Г. Смолянов был очень любознательным человеком. Не раз у нас возникали беседы на разные темы. Я пафосно рассказывал, как собирал на малой Родине царские грибы грузди. Олег Георгиевич с юмором поведал, как его без экзаменов приняли на заочное отделение механико-математического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова ректор данного университета Иван Георгиевич Петровский. Он интересовался не только жизнью своих учеников, но и проявлял интерес к биографиям их близких. Однажды после обсуждения статьи в учебной аудитории университета О.Г. Смолянов, глянув мне в глаза, сказал:

– Ваша статья достойна публикации в «Математических заметках».

– Это прекрасный журнал! – воскликнул я.

Олег Георгиевич кивнул и вдруг неожиданно, сделав легкий взмах правой рукой, спросил:

– Хотите послушать рассказ о замечательных изобретателях?

Заметив на его лице улыбку, я утвердительно кивнул.

Смолянов прошелся по аудитории, спросил:

– Вы хорошо знакомы с моим учеником Евгением Тенгизовичем Шавгулидзе?

– Конечно!

– Я расскажу сначала о его дедушке Евгении Ананьевиче Шавгулидзе, а потом об его отце – Тенгизе Евгеньевиче Шавгулидзе.

– Хорошо.

Вновь махнув правой рукой, Смолянов сказал:

– Уроженец Грузии Евгений Ананьевич Шавгулидзе известен изобретениями, связанными с усовершенствованиями тормозных систем поездов.

– Почему он выбрал тормозные системы? – неожиданно сорвался вопрос с моих уст.

Махнув теперь уже левой рукой, Олег Георгиевич стал подробно отвечать на поставленный вопрос:

– Данную область Евгений Ананьевич выбрал неслучайно, поскольку ему часто приходилось водить поезд в горной местности с большим перепадом высот. Это требовало огромного внимания машиниста к безопасности движения поезда. Постоянно приходилось следить за тормозной системой поезда, дающей порой сбои, которые приходилось устранять.

Олег Георгиевич рассказывал самозабвенно, в глазах его мелькал огонек. Он отметил, что, проявив творческий подход, Евгений Ананьевич предложил способ усовершенствования тормозных систем поездов. Идеи Евгения Ананьевича были услышаны и оценены специалистами. В 1927 году он был приглашен в Москву, где вскоре стал руководителем отдела в ЦНИИ МПС. Вскоре Евгений Ананьевич стал одним из ведущих в СССР изобретателей тормозных систем.

Олег Георгиевич настолько увлекся рассказом, что, на мой взгляд, остановить его было невозможно.

Вновь глянув мне в глаза, видимо, пытая уровень моего интереса к рассказу и убедившись, что таковой имеется, Смолянов продолжил рассказ:

– Отец Тенгиза Евгеньевича Шавгулидзе пошел по стопам своего отца. Он окончил институт железнодорожного транспорта МИИТ в Москве и перед вой-

ной работал в Наркомате путей сообщения. Во время войны участвовал в партизанском движении в Белоруссии. Проявив незаурядный талант, он изобрел некоторые виды оружия.

– Какие?

Олег Георгиевич, улыбнувшись, сказал:

– Он изобрел партизанские гранаты и гранатометы.

Сделав паузу, Смолянов продолжил:

– Удивительным изобретением стало его изобретение, получившее название клин Шавгулидзе.

– Что это за оружие.

– Клин Шавгулидзе был эффективным средством пуска под откос вражеских эшелонов, не требовал применения взрывчатки и быстро устанавливался на рельсы.

Олег Георгиевич, сделав паузу, взмахнув обеими руками, сказал, что после войны отец Евгения Тенгизовича вернулся в группу дедушки Евгения Тенгизовича. После того как Евгений Ананьевич ушел на пенсию, возглавил его отдел. У него целая серия изобретений по безопасности движения на железнодорожном транспорте и Метрополитене. В частности, тормозные системы на поездах Метрополитена разработаны группой под его руководством.

Закончив рассказ, Олег Георгиевич вновь глянул на меня. Я был удивлен ярким сообщением и, придя в себя, поблагодарил его за интересный рассказ. Поговорив еще несколько минут, мы попрощались.

Как уже говорилось, О.Г. Смолянов был замечательным преподавателем, он любил читать лекции, вести студенческие и научные семинары, дискутировать. Смолянов – автор более 250 научных работ, в том числе 6 монографий; основатель научной школы, в которой подготовлено множество кандидатов наук и докторов наук. Многие его ученики преподают математику в университетах России, включая механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ввиду ограниченности рамок очерка описание здесь всех результатов исследований О.Г. Смолянова и его учеников невозможно. Для этого нужно отдельное описание, которое, несомненно, заслуживает внимания. Думаю, что это сделает кто-то из учеников Смолянова. Материал для такого очерка многогранен.

Не претендуя на полноту, отмечу двух учеников О.Г. Смолянова – докторов физико-математических наук, с которыми он написал совместные замечательные книги: «Континуальные интегралы» (О.Г. Смолянов, Е.Т. Шавгулидзе); «Действительный и функциональный анализ» (В.И. Богачёв, О.Г. Смолянов). Прекрасная книга написана В.И. Богачёвым, О.Г. Смоляновым и В.И. Соболевым: «Топологические векторные пространства и их приложения».

Е.И. Смирнов пишет: «По прошествии многих лет начинаешь понимать высокий профессионализм наших учителей, адекватно оценивающих научные до-

стижения учеников и коллег в контексте учета воспитательных и морально-волевых аспектов становления молодых кадров. Олег Георгиевич Смолянов всегда останется в моей памяти как замечательный математик, внимательный воспитатель и педагог, человек, который внес существенный вклад в становление моих научных интересов и их оценку в научном сообществе» (Из личной переписки Е.И. Смирнова и В.С. Секованова).

Не забывал О.Г. Смолянов и о своих учителях. В.М. Тихомиров отмечает: «О.Г. Смолянов привлек меня к участию в организованной им конференции, посвящённой своему учителю Сергею Васильевичу Фомину. Последний раз мы встретились на заседании ученого совета за несколько недель до его кончины. Там мы обменялись только приветствием, но вечером раздался его звонок и он сказал, что очень хотел бы как-нибудь встретиться со мной, ведь мы давно не общались. Но этому не суждено было сбыться. Люди, знавшие Олега Георгиевича, никогда его не забудут» (Из личной переписки В.М. Тихомирова и В.С. Секованова).

Заканчивая повествование о выдающемся математике и прекрасном человеке, отмечу, что мне посчастливилось общаться с О.Г. Смоляновым, и добрая память об Олеге Георгиевиче хранится в моем сердце.

Список литературы

Горин Е.А. Фрагменты научной биографии Д.А. Райкова: гармонический анализ // Успехи математических наук. 2006. Т. 61. Вып. 5 (371). С. 157–172.

Колмогоров: Юбилейное издание: в 3 кн. Кн. 3: Звуков сердца тихое эхо : Из дневников / ред.-сост. А.Н. Ширяев. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 230 с.

Робертсон А.П., Робертсон В.Дж. Топологические векторные пространства / пер. с англ. Д.Ф. Борисовой; под ред. и с прил. Д.А. Райкова. Москва: Мир, 1967. 257 с.

References

Gorin E.A. *Fragmenty nauchnoj biografii D.A. Rajkova: garmonicheskij analiz* [Fragments of the scientific biography of D.A. Raikov: harmonic analysis]. *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Advances in Mathematical Sciences], 2006, vol. 61, is. 5 (371), pp. 157–172.

Kolmogorov: Yubilejnoe izdanie: v 3 kn. Kn. 3: Zvukov serdca tihoe ekho : Iz dnevnikov [Kolmogorov: Anniversary edition: in 3 books. Book 3: Sounds of the heart quiet echo: From the diaries]. Ed. by A.N. Shiryaev. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2003, 230 p.

Robertson A.P., Robertson V.J. *Topologicheskie vektornye prostranstva* [Topological vector spaces]. Translation from English D.F. Borisova; Ed. by D.A. Rajkov. Moscow, Mir Publ., 1967, 257 p.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 02.10.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 02.10.2022.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблицинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2022 – Т. 28 – № 3

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 01.12.2022.
Дата выхода в свет _____ 2023.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 33,5.
Уч.-изд. 34,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 238.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна